



ДЖЕЙМС
ОЛДРИДЖ



Избранные
произведения

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

Избранные произведения

В ДВУХ
ТОМАХ



МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА •

1986

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

Избранные произведения

Том
первый



ОХОТНИК
роман



ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД
роман



ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ЛИМИ СТЬЮБЕК
роман



Перевод
с английского



МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА •

1986

ББК 84.4Вл
0-53

James Aldridge

THE HUNTER
ONE LAST GLIMPSE
THE TRUE STORY OF LILLY STUBECK

Составитель
Т. КУДРЯВЦЕВА

Оформление художника
А. ЯКОВЛЕВА

О $\frac{4703000000-283}{028(01)-86}$ 153-86

© Состав, оформление. Издательство
«Художественная литература», 1986 г.

ОХОТНИК



роман

THE HUNTER



1950

Перевод
И. Кашкина

Рой — такому, каков он есть, — пролагателю новых троп, пионеру, человеку среди людей, который, как все ему подобные, в конце концов одерживает победу над человеческим отчаянием.

Глава первая

Рой Мак-Нэйр в точности знал, где он выберется из лесу, поэтому он не задержался, попав на заброшенную лесовозную дорогу. Приземистый крепыш, весь мускулы и движение, он выкатился из кустарника, как бочка, которую не остановить. Рой не сбавил шага на трудном подъеме по лысому граниту, он просто прыгнул под тяжелым грузом, чтобы облегчить работу коротким и крепким ногам. Одолев подъем, он поднял голову и быстро оглядел то, что называли поселком Сент-Элен.

Эта горсть разбросанных строений была окружена и, можно сказать, раздавлена лесными гранитными массивами, которые тесно прижимали ее к голому берегу озера Гурон. Глядя на поселок, Рой улыбался — больше Сент-Элену, но также и при воспоминании о тех днях, когда он бывал на этом склоне со своим другом Джеком Бэртоном. Будь Джек сейчас рядом с ним, Рой махнул бы небрежно в сторону Сент-Элена и сказал бы вызывающе: «Все еще держится, Джек. Все еще держится!» На что Бэртон ответил бы презрительно: «Этот город будет стоять здесь и после того, как ты умрешь, Рой, еще долго после того, как ты умрешь и тебя похоронят».

В те дни Рой громко смеялся бы над этим до самого конца спуска. До самого поселка он дразнил бы Джека Бэртона, подзадоривая его защищать Сент-Элен от угрозы окончательного поглощения лесом. Тогда после долгого охотничьего сезона в лесах Рою нравились доводы Бэртона в пользу Сент-Элена, и сейчас ему их не хватало.

Рой любил смотреть на городок с этого склона и любил, чтобы при этом присутствовал Джек Бэртон. Но вот уже четыре года, как Бэртон бросил охоту ради фермерства, и Рой, спускаясь по склону один, по привычке улыбнулся, когда городишко пропал из виду, заслоненный березами и соснами, теснее обступившими дорогу.

Хотя Рой был доволен, что дом уже близко, он знал, что его еще огорчит по пути вид разрушенной фермы. Он приостановился на дороге и поглядел на нее: единственная уцелевшая стена на заросшем участке. Это и само по себе было трагичное зрелище, но для Роя трагедия заключалась и в ином, в назойливом напоминании о человеке, которого он хотел забыть: об Энди Эндрюсе, уже давно пропавшем без вести. Каждый год, глядя на развалины старой фермы, Рой задавал себе вопрос: а что, если Энди Эндрюс возвратился в Сент-Элен и теперь вся моя жизнь полетит к черту?

— Бедняга Энди, — пробормотал он. Смешанное чувство — расположение к другу и страх перед призраком — охватило Роя. — Да его, должно быть, на свете нет. — Рой только наполовину верил этому; но, как вызов судьбе, он усилием воли заставил себя позабыть про Энди: если после двенадцати лет отсутствия Энди вернулся домой, значит, ничего не поделаешь и придется решать всякие трудности. А сейчас важнее не забыть о том, кто ему действительно страшен, о пушном инспекторе, но перед этим последним спуском он не мог выкинуть из головы ни того ни другого.

Ближе всего было идти по дороге, но обычно Рой сейчас же сворачивал с нее, огибал городок и подходил к дому сзади. Здесь мало вероятий было повстречать инспектора, который имел право остановиться и обыскать его в надежде обнаружить незаконные и несезонные меха, что инспектор и пытался делать ежегодно уже на протяжении двадцати лет. На этот раз Рой дольше обычного не сворачивал с дороги, потому что запоздал. Ему хотелось вернуться в Сент-Элен до наступления темноты, хотелось поспеть к ужину на братниной ферме. Страхивая пот, слепивший ему глаза, и в последний раз поправляя на плечах лямки, он заметил, что над головой кружит большая ушастая сова. Он остановился и увидел, как, расправив крылья, она по всем правилам спикировала через просеку с верхушки высокого дерева до самой земли. В лесу было уже слишком темно, чтобы разглядеть

конец пике, но Рой понял, что оно кончено, когда на весь лес раздался совиный вскрик и плач.

Хоть Рою и не хотелось задерживаться, он свернул в сторону и стал продираться сквозь заросли, чтобы поглядеть, в чем дело. На опушке леса, почти у самой земли, он увидел сову. Головой она крепко застряла в развилке стволов молодой березки. Сова в ярости раскинула крылья и глубоко впиалась когтями в мох и землю. Когда Рой подошел, она попыталась угрожающе поднять голову. Рой подобрал валежину, и сова вцепилась в нее крючковатым клювом. Потом он раздвинул стволы березки и освободил сову. Она свалилась, и Рой отступил, опасаясь, что сова заденет его при взлете, но она билась на земле: крылья у нее были почти вырваны.

Рой поднял маленькую полевую мышь, выпущенную хищником. Мышь была жива, но вся оцепенела от страха. Рой положил ее в безопасное место между двумя пнями и вернулся к сове. Она смертельно расшиблась. Рой отступил, дважды ударил ее по голове березовым суком, и она замерла. Он подумал: «С чего это сова, ночная птица, вздумала охотиться днем? Видно, от старости? Или с голода?» Он поглядел, как юркнула прочь отдышавшаяся мышь, потом пошел дальше по дороге.

Свернул он с нее, когда увидел огни магазина Дюкэна. Он пересек пустырь и собирался нырнуть в пихтовый молдняк, когда впереди, шагах в пятидесяти, появился человек, видимо подстерегавший его. Рой круто свернул и в мгновение ока исчез, продираясь что есть мочи сквозь густую заросль. Остановился он, только услышав, как его кликает знакомый голос.

Обернувшись, он увидел за спиной тощую фигуру с топором в руке и услышал смех Джека Бэртона.

— А ты становишься беспечным,— сказал тот.— Я тебя заметил за милю, еще на спуске.

— Фермер Джек! — радостно воскликнул Рой.— Что ты здесь делаешь?

— Подстерегаю тебя, а ты ломишь, как медведь.

— Да я знал, что это ты, другой такой скелетины нет во всем Сент-Элене.

— Ты думал, что это инспектор,— заявил Бэртон.

Рой посмеялся и над Бэртоном и над собой.

— Но все-таки, что ты тут делаешь? — спросил он еще раз.

Бэртон взялся за топор.

— Корчю этот пустырь.

— Ты что же, батрачишь на матушку Деннис?
— Я фермер,— сказал Бэртон.— В жизни своей ни на кого я не буду батрачить. Дрова матушке Деннис, земля мне.

— Обираешь бедную старуху,— сказал Рой.

— Ты меня послушай,— ответил Бэртон.— В один прекрасный день инспектор подстережет тебя и, когда увидит, что в твоём мешке мехов сверх нормы, отберет у тебя участок, а самого отдаст под суд!

Это была отместка, но это было и трезвое предупреждение человека, который знал, каким бедствием для Роя было бы лишиться своего охотничьего участка и права на охоту. А это бедствие угрожало Рою при каждом возвращении в Сент-Элен, потому что как зарегистрированный траппер¹ он имел право на определенное количество шкурок каждого пушного зверя и не больше. Останови и обыщи его сейчас инспектор — это было бы концом для Роя-охотника, потому что, конечно, у него за спиной навьючено много больше нормы, и Джек Бэртон это прекрасно знает.

— Ну, инспектору надо еще поймать меня,— сказал Рой.

Мысль о давнем поединке с инспектором доставляла Рою удовольствие, но предостережение Бэртона его на мгновение обескуражило.

— В один прекрасный день он поймает тебя, Рой,— сказал Бэртон и заговорил о другом.— Как охота? — спросил он, ощупывая заплечный мешок Роя.

— Весенний бобер, ондатра,— сказал Рой,— несколько лисиц и котов. Мало становится, Джек, слишком мало.

— Когда же ты собираешься податься на север, Рой?

— Если так пойдет дальше, откладывать не придется. Обловлен весь участок. Разве только за Четырьмя Озерами найдешь приличную бобровую хатку. А норок мне за весь год ни одной не попало. Кончается для нас охота, Джек.

— Это ты говорил еще четыре года назад.

— И сейчас говорю,— мирно возразил Рой.— С Муск-о-ги покончено. Можно вернуть территорию Бобу и прочим Оджибуэям.

Муск-о-ги был в свое время охотничьей территорией индейского племени Оджибуэев. Это они называли так

¹ Траппер — в Северной Америке охотник на пушного зверя, применяющий западни и капканы. (Здесь и далее примеч. перев.)

неисследованное пространство, которое тянулось к северу от озера Гурон вплоть до хребта Серебряного Доллара. Пионеры выжили оттуда индейцев, и на протяжении двухсот лет заказник Муск-о-ги кормил охотников и мелких фермеров. Он и сейчас кормил их, особенно тех тринадцать трапперов, которым отведены были там охотничьи участки; но Рой был убежден, что в Муск-о-ги охотникам скоро делать будет нечего.

— Да, Джек, — сказал он, — вот и доохотились!

— Так что же тебя здесь держит? — спросил Бэртон. — На север надо двигаться скорее, а то будет поздно. Все охотники Муск-о-ги разинут рот на эти новые участки на севере, и на будущий год ты останешься ни с чем. Так что же тебя держит здесь? — Джек Бэртон знал, что удерживает Роя. Рой любил возвращаться из лесов в свое обжитое жилье. Трудно будет Рою уйти далеко на север и отрезать себя от своих, стать бездомной лесной тварью. Но, с другой стороны, за пятнадцать лет совместной охоты Бэртон знал, как нужен Рою лес. Для Роя не было иной жизни.

— А если ты не поспешишь перебраться па север, Рой, тебе скоро придется ковырять здесь землю за кусок хлеба. — По тому, как сразу помрачнел Рой, Джек понял, что для него это по-прежнему самая страшная угроза, и пожалел, что сказал об этом так прямо.

— Ты раньше станешь премьер-министром, чем я фермером, — сказал Рой и усмехнулся своему прежнему товарищу по охоте. — Эх ты, фермер Джек! — сказал он. — Фермер Джек!

— Ну что ж, что фермер? Что в этом плохого?

— Неплохо для больного, для женатого, что им еще остается? Но будь у тебя хоть какая-нибудь возможность, ты завтра же вернулся бы в лес. — Рой знал, что это не совсем так. Джек Бэртон был фермером по природе и по доброй воле, но он слишком сжился с лесом, чтобы забыть о нем окончательно. Хоть он и покончил с охотой, но раз в год отправлялся поохотиться, — по его словам, чтобы заpastись олениной, но на самом деле — и Рой это знал, — чтобы выгнать из себя лес на весь остаток года. — Ну как, собираешься в этом году? — спросил Рой.

— Да вот, может быть, смотаюсь в лес за оленем к рождеству, — ответил Бэртон.

— Следов много, — сказал Рой, — а видать оленей не видел.

— А лоси?

— Ну, лося всегда найдешь. Все дело в том, чтобы выследить его раньше Мэррея или Зела Сен-Клэра. Они уже суют свой нос во все участки, готовятся к зимней охоте.

— А инспектор готовит им по хорошенькой тюремной камере. Мэррею закатят десять лет, если инспектор его поймает, а Зел — тот прямо угодит в Форт-Уэнтворт. Инспектор предупредил, что в городе он его не тронет, но если встретит в лесу, то засадит непременно. А Мэррея посадят, где бы он ни попался.

— Пусть только не пытается ловить их в лесах. А то повстречают его там Мэррей или Зел — тогда быть греху.

— Смотри, не позволяй им пользоваться твоими хижинами,— быстро добавил Бэртон.

— Но разве их уследишь? Они что снег, выпал — и нет его. Да Мэррея я не видел все лето.

— А Зел только что пожаловал в город,— сообщил Джек.

Рой недослышал и пришел в неопишуемое смятение.

— Кто пожаловал в город? — спросил он.

— Зел Сен-Клэр,— ответил Джек.

— А, Зел! — Рой посмотрел на Джека, ему хотелось спросить, не вернулся ли Энди Эндрюс, но спросить об Энди было свыше его сил, как свыше сил было для Джека Бэртона промолвить хоть словечко об их бывшем сотоварище, хотя Джек знал, как заботит это Роя.

— А где Зел? — спросил Рой, снова вытесняя Энди из головы, убеждая себя, что и в этом году, как и раньше, Энди не явился и не появится никогда. Ушел и не вернется.— Что, Зел работает на дороге? — спросил он Джека.

— Нет. Я пустил его в заброшенную сторожку в конце моей вырубki. У его жены еще один младенец.

— Ну для чего ты пускаешь его в сторожку? Ведь ты дорожный уполномоченный? Ты должен следить за порядком! — Рой любил титул «дорожный уполномоченный», кроме его звучности, и за то, что его носил друг Джек Бэртон, хотя был он всего-навсего десятником на летних дорожно-ремонтных работах.— А Зел платит тебе?

— Это за мою развалюху? Я пустил его, чтоб он расчистил и вспахал вырубку.

— Думаешь фермера из него сделать?

— Нет. Но теперь, когда он потерял свой участок в лесу, ему ничем нельзя пренебречь.

— Из Зела, как бы он ни старался прокормить семью, никогда не выйдет ничего, кроме бродяги. Ты никогда не сделаешь из него фермера, — сказал Рой.

— Тем хуже для него, — заметил Джек.

— Я думаю, Мэррей тоже постарается повидать жену и детей.

— Она уехала в Марлоу, работает на консервном заводе, — сказал Джек.

— Бедняга Мэррей! — вздохнул Рой. — Несправедливо это со стороны инспектора так притеснять человека только за то, что он взял несколько шкурок не в сезон.

— Не в сезон и не там, где положено! У Мэррея в его хижине в пушном заповеднике нашли шкурок на две тысячи долларов. Если бы он не улизнул, с ним бы тут же расправились.

— Э, да что и говорить, оба хищники и бродяги! — сказал Рой, подтягивая лямки запяточного мешка.

— А если ты с ними не перестанешь знаться, кончишь тем же: станешь вместо охотника дичью. — Это было словечко самого Роя, которое Джек обратил против него же. Но Роя понравилось, что Джек повторяет его слова.

— Пока меня кто-то ждет дома, я не стану бродягой, — сказал Рой, за шутливым тоном скрывая серьезность. — Я еще зайду к тебе, Джек. Непременно зайду, прежде чем возвращаться на озеро.

— Ты напьешься, и я тебя не увижу, пока сам не соберусь на озеро! — прокричал ему вслед Джек Бэртон, но Рой уже был далеко, и в ответ Джек услышал только его смех из сумерек вечернего леса.

Темнота обогнала Роя, и когда он отворил дверь в жарко натопленную кухню, его невестка собирала ужин.

Она испугалась.

— Думала, что это медведь, Руфь? — спросил Рой.

— А откуда мне знать, что это ты? — раздраженно сказала она. — Сэм дома, а больше мы никого не ждем. Разве можно вламываться так прямо из лесу?

Роя забавлял ее испуг, и он не обратил внимания на ее раздраженный тон. — Сэм вернулся так рано? — спросил он, прислонив мешок к стене и высвобождая руки.

— Он всегда возвращается рано, — едко заметила Руфь Мак-Нэйр. — До зимы далеко, а он редко работает полный день. Поздно выходит, рано возвращается.

— Стареет, должно быть, — сказал Рой, поднимаясь по лестнице в свою комнату. Он скинул на пол мешок и чиркнул спичкой, чтобы зажечь лампу. Она была гряз-

ная — и керосину ни капли. Он спустился в кухню и стал наполнять ее из большого бидона. Тут вошел брат.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Неплохо, Сэм, неплохо.

— Как бобер в этом году?

— Шкурки хорошие, только мало.— Говоря с братом, Рой из вежливости распрямился, но Сэм уже ушел. Рой опять присел на корточки и долил лампу. Он вытер ее, зажег и отнес в свою комнату.

Рой вытащил из мешка три связки шкурок и положил их под матрац. Не то чтобы он их прятал. Он клал их туда, чтобы разгладить: ведь пролежав целый день в мешке, они смялись и скомкались. Больше в мешке ничего не было. Он зашвырнул его под кровать и вытер грязные руки о штанину. В неубранной комнате было пыльно и душно, и он настежь распахнул окно.

Потом Рой пошел в кухню, помылся у раковины, под пристальным взглядом худенькой, бледной девочки лет восьми.

— Здравствуй, Грэйс,— сказал он ей, но она молча наблюдала, как он полощется. Помыв за дверью ноги, Рой поднялся к себе наверх, чтобы надеть все чистое к ужину. Сунувшись за чистой рубашкой в сосновый комод, он обнаружил, что добрая половина его вещей исчезла: свитеры, летнее белье, даже брюки и сапоги. Бывало, что и раньше пропадала сорочка-другая, но такого еще не случалось. Его это рассердило. Кто бы это мог быть: брат или этот мальчишка — племянник Фрэнк? И нельзя сказать, что ему было жалко платья. Роя бесило, что так встречал его после отсутствия родной дом. Это было признаком чего-то гораздо более угрожающего, чем просто пропажа какого-то тряпья. Он отмахнулся от горьких мыслей, спустился вниз и сел к столу.

Там уже был Фрэнк, которого мать пробирала за то, что он пропадал до ночи. Это был румяный мальчишка лет двенадцати, ростом с отца и выше Роя. Но он был худ, и голубая рубашка Роя болталась на нем, как на вешалке. Значит, это Фрэнк, подумал Рой.

— Хэлло, Фрэнки,— сказал он мальчишке.

— Хэлло, Рой,— громко ответил тот.

— Говори с дядей как следует,— одернул его отец.—

А если еще раз пожалуешь так поздно, отправлю тебя спать в хлев, со свиньями.— Угроза была серьезная, но высказана была как-то вяло.

Фрэнк улыбнулся Рою, и все продолжали ужинать в молчании.

Ужин был пресный, безвкусный, совсем не такой, какого ожидал Рой. Сейчас осень, уже должен быть молодой картофель, горошек, тыква, капуста, новый хлеб. А вместо всего этого вываренная свинина и кукурузная каша. Благо еще свинина была свежая.

— Ты что, купил борова? — спросил Рой.

— Нет, продал свинью, — ответил Сэм. — Последнюю. Теперь в этом доме не скоро полакомятся свининой. — И, как будто отвечая на следующий вопрос Роя, Сэм продолжал быстро: — Пришлось продать ее, Рой, чтобы купить у Пита Дюкэна хоть немного чаю и сахару. Себе оставили только окорок; она у нас была здоровенная чупка. — Опять в его словах прозвучала вялая горечь.

— Надо же было хоть что-нибудь продать, чтоб выручить денег, — едко добавила Руфь.

Рой промолчал. То, что творилось в этом доме, нравилось ему все меньше и меньше, но ничто уже не могло удивить его здесь ни в прошлом, ни в этом, ни в грядущем году. Попросту дела шли все хуже. После ужина детей отослали спать, хотя Фрэнк громко протестовал, что еще только восемь часов. На это мать не нашла лучшего ответа, как подзатыльник, и кухня с уходом ребят сразу помрачнела.

Сэм и Рой уселись у печки, а Руфь убрала со стола. Долго все трое молчали. Сэм курил, Рой жевал табак и старался насладиться сознанием, что он, наконец, у себя дома. Но это ему не удавалось, потому что он не мог быть спокоен и дома, пока не разузнает об Эндрюсе. Ему хотелось небрежно спросить Сэма: «А что, Энди не вернулся?» Но этих-то слов он никак и не мог выговорить, и вот он сидел молча и ждал, когда заговорит Сэм. Как и в прошлые годы, Рой убеждал себя, что вернись Энди домой, об этом кто-нибудь да сказал бы, и все же не был уверен и ждал.

— Когда собираешься вернуться на озеро? — спросил Сэм.

— Да через несколько дней, — ответил Рой.

Сэм не глядел на младшего брата. — А ты не мог бы задержаться? — спросил он.

— Я должен вернуться, Сэм. Я пришел только за продовольствием на зиму. — Брат и без того знал все это, но Рой старался быть терпеливым.

— А ты не мог бы остаться здесь до зимы? — спросил Сэм.

— Зачем? — Рой был изумлен.

Сэм помолчал, подыскивая доводы в пользу своей просьбы.— Тебе надо остаться и помочь мне по хозяйству, Рой. Только до зимы, всего несколько недель.

Оба они говорили сдержанно и сейчас были очень похожи. Сэм был всего на полтора года старше Роя и на каких-нибудь два дюйма выше. Сложением, манерой речи и внешностью они очень походили друг на друга, только Сэм был чуть рыхлее и медлительней. Но они по-разному смотрели на жизнь. В Рое не было ни подавленности, ни жалости к себе, ни горечи. Сэму свойственны были все три эти чувства, и, когда они прорывались, Рой просто не знал, как себя держать.

— Я не могу оставаться в городе в это время года, — медленно сказал он.

— Но почему? — спросил Сэм.— Что для тебя значат несколько недель?

— Много значат, Сэмюель. Участок истощен, ты знаешь. Ловушек у меня столько, что я едва успеваю обойти их, и все-таки добыча так мала, что рано или поздно мне придется брать новый участок на севере.

— Ты уж давно говоришь об этом, — сказал Сэм и сплюнул в огонь.— Я знаю, что твой участок истощен. Именно поэтому тебе и надо остаться в Сент-Элене. Охота в Муск-о-ги кончена, Рой. Лучше бы помог мне спасти ферму. Для одного человека это непосильно. Ну почему тебе не попробовать хоть один год? Почему?

— Я охотник, Сэм. Ты — фермер.

— Просто я старший сын! — горько промолвил Сэм.— А ты фермер получше меня, таким фермером мне никогда не стать.

Рой не любил, когда ему это говорили, но знал, что это правда. Вернувшись после первой мировой войны из Франции девятнадцатилетним юношей, он два года хозяйствовал на ферме. И эти два года после войны он не давал ферме захиреть, расчистил достаточно земли, обработал ее так, что она держалась до сих пор. Но двух лет фермерства было для Роя достаточно, и он обрадовался, когда старший брат вернулся из Торонто с пустыми руками и вступил во владение фермой. Сэм был старшим, и ферма была его по праву. Мать их умерла, оставив их еще малолетками, отец умер, когда они были на фронте, а младший брат скоро покинул Сент-Элен и

стал работать на рудниках в Сэдбери. Теперь ферма принадлежала Сэму, и это он был обязан работать на земле, а вовсе не Рой. Он не отказывается помочь Сэму летом, когда может урвать на это время и когда ему вообще можно побыть в городе, но сейчас вовсе не время Рою торчать в Сент-Элене, и Сэм это прекрасно знает.

— Ну только в этот раз, Рой,— просил Сэм.— Помоги мне подготовиться к зиме.

— Если я останусь до зимы,— сказал Рой,— я уж не смогу уйти.

— А зачем тебе уходить? — настаивал Сэм.

Рой почувствовал ловушку, но спорить ему не хотелось.

— А разве у тебя плохо идет хозяйство, Сэм? — спросил он.— Не должно бы.— Он сказал это как можно спокойнее.

Сэму тоже не хотелось спорить, но он не мог сладить с чувством горечи.

— Лучше уж быть батраком. Работая на другого, по крайней мере, хоть получаешь деньги в конце каждой недели. А выручка с фермы — ее и не видишь.

— Разве ты ничего не выручил с урожая?

— Выручил, но когда внес все платежи, денег не хватило даже на семена, не то что на какие-нибудь закупки у Дюкэна. Я все еще выплачиваю по закладной, и недоимки за тридцатые годы, и даже по земельной ссуде, которую отец получил еще в тысяча девятьсот третьем году.

Рой знал про эти долги, но у какого фермера нет долгов! Фермерам всегда приходилось изворачиваться, платить, когда есть чем, а не то залезать в долги, проклятая высокие проценты и налоги и земельные банки, которые обирали их до нитки. И все же он знал, что Сэм не должен был так обнищать; обнищать до того, чтобы спустить последнюю свинью. За все то долгое время, что Мак-Нэйры обрабатывали землю, не было, кажется, случая, чтобы кто-нибудь из них продавал последнюю свинью, и для чего: на чай и сахар. Так мог поступить только вконец отчаявшийся человек.

— На этих лесных фермах еще можно перебиться одному,— продолжал Сэм.— Можно прокормиться тем, что тебе дает ферма: есть свое масло, молоко и хлеб, но для семейного человека этого недостаточно, Рой. Недостаточно.

— А я думал, что цены на хлеб сейчас хороши,— сказал Рой.

— Они хороши с самой войны, да что толку, если все другие цены растут еще быстрее. А к тому же у меня пшеница не созрела и нет кормов. Земля мокла все лето, половина сена сгнила неубранным.

Рой все-таки не мог понять.

— Но если земля такая тяжелая, почему ты по весне не посеял горох или еще какие-нибудь овощи?

— Да она не тяжелая,— сказал Сэм,— а вся заболочена, прокисла.

— Ну так осушить ее.

— Ты же знаешь, только переднее поле как следует вспахано. А все остальное мочажины.

— А разве нельзя было достать машину? Прокопать канавы?

— У меня всего две руки,— сказал Сэм.— Поэтому тебе и надо остаться. Мы наладили бы осушку усадебного канала, выкорчевали бы сорок четвертую расчистку, могли бы посеять красный клевер, а может быть, кукурузу или картофель. Мне нужны рабочие руки, Рой, а нанять я никого не могу.

— А я думал, что ты выкорчевал сорок четвертую еще летом.

Руфь Мак-Нэйр, опустившаяся женщина с презрительным взглядом и отвислой грудью, присела к столу.

— Он был слишком занят, все лошадей сдавал на сторону,— сказала она,— а деньги тратил бог знает на что. Все лето пробездельничал, смотрел, как другие работают.

Сэм не спорил с женой, и Рой знал, что дело тут не в лени. Слабость Сэма была в другом: он не способен был понять, что фермерство — это расчет; расчет во всем: никогда не покупать больше семян, чем можешь посеять, никогда не сеять больше того, что можешь собрать, при продаже никогда не оставлять скот и семью без запасов. У Сэма не хватало для этого ни споровки, ни охоты. Если он и потерял зря все лето, это говорило не о лени, а скорее о том, что он отчаялся.

— А как упряжка? Работают? — Роя это особенно интересовало, потому что это он купил брату двух тяжеловозов-клайдсдэлей, купил всего два года назад, потратив на это выручку за полгода охоты. Но и это оказалось Сэму не впрок и не под силу.

— Я продал упряжку,— сказал Сэм и в первый раз посмотрел на Роя.

— Но как же, Сэм,— яростно воскликнул Рой.— Это же была лучшая упряжка в Сент-Элене!

Сэм пытался что-то сказать, но у него ничего не вышло.

Рой пожалел о своей вспышке. Его изумление и гнев были подавлены привычным усилием держать язык за зубами. Ему жалко было брата, он был горько разочарован и угнетен тем, что этот развал происходит у него на глазах, не только душевный распад брата, но и распад дома, семейного очага.

— А как же ты обойдешься без лошадей? — печально проговорил Рой.

— Никак не обойдусь, если ты мне не поможешь. Об этом я и толкую тебе, Рой.— В безжизненном тоне Сэма все та же вялая угроза. Но Рой не поддастся; он не верит даже, что дело так уж плохо. Сэм удручен и подавлен, просто на себя не похож.

— А что, если я попрошу Джека Бэртона помочь тебе? — предложил Рой.— Джек сделает все, что может.

— У него и без меня забот хватает,— сказал Сэм.

— Не хотим мы его,— вмешалась Руфь Мак-Нэйр.— Он свинопас и лесоруб, одно слово — поденщик.

— Он хороший фермер, Руфь,— сказал Рой.

— А для меня он всегда останется батраком, и я не хочу, чтобы такие люди помогали нам задаром. Ему надо поденщину. Таким он был, таким и всегда будет.

Рой терпеливо выслушал ее, он знал, что она презирает Джека, как может презирать дочь фермера сына батрака. Отец Джека десять лет батрачил у старого Боба Муди, отца Руфи. Теперь на земле не удержалось никого из этой семьи, а у Джека была какая ни на есть, но своя ферма, которая его все-таки кормила. Он даже прикупил два акра из той земли, которую старый Муди вынужден был продать, когда его разорили земельные банки и сложили постоянные споры, раздоры и грубость своих же детей, в том числе и Руфи. Рой всегда сознавал то зло, которое она внесла в их дом, постепенно обволакивая спокойного Сэма своей чванливостью и мелочностью, никогда не поддерживая его ласковым словом, участливой заботой, помощью в труде. Она так много поработала, чтобы сделать Сэма таким, каким он стал, что Рой уже не отделял их друг от друга, разве лишь в том, что Сэм был окончательно измотан и почти не говорил с женой,

тогда как Руфь и сейчас еще пыталась его подзуживать. Бедняга Сэм,— подумал Рой.— Ему только и нужна была что тихая, спокойная жена, которая заботилась бы о нем и уважала бы его. А он получил в жены злую бабу, которая держала его в постоянном страхе, прицеплялась к каждому слову и каждый спор раздувала в грубую свару. Ее пошлая грубость была главной причиной теперешнего состояния Сэма.

— Не хочу я его,— твердила она и сейчас о Джеке Бэртоне.— Я так ему самому прямо в лицо скажу, если вы его сюда приведете. Он нам ни к чему!

— У него собственная ферма,— заметил Рой, обращаясь к Руфи в тщетной попытке защитить Джека.— И хозяйствует он неплохо.

— Ему и нельзя иначе при такой жене: наплодили целый выводок.— Эти грубые слова, сказанные с циничной усмешкой, были подчеркнуты непристойным жестом ее уродливых рук. Роя возмутила такая грубость, недостойная человека, и он отвернулся.

Сэм покачал головой.

— Джек выкручивается потому, что сколачивает кое-какие деньги — корчует другим землю, работает на дороге, продает тыкву, но через год-другой его тоже прижмут. Все эти карликовые фермы соснового пояса обречены. Тут вовсе не место для ферм. Вся эта полоса вдоль Гурона возникла потому, что несколько пустоголовых нищих кротов, вроде дедушки Мак-Нэйра, приплелись сюда за лесорубами и принялись ковыряться среди скал: вырастят картошку, выведут свиней и выколачивают из лесорубов деньги. Может быть, тогда игра и стояла свеч, но это все кончилось, как только лесные компании взяли все снабжение в свои руки. А потом, когда лесорубы оголили всю округу и ушли, фермерство здесь лишилось последнего смысла. Тогда нужно было уходить и Мак-Нэйрам, уходить в Манитобу, на Ниагару, в Буффало, в Детройт. А они не ушли, цепляясь за лесную опушку, как занесенные снегом овцы, которые боятся сдвинуться с места.— Сэм носком сапога открыл дверцу топки и сплюнул на угли.— Так вот, я как раз тот Мак-Нэйр, который не задержится здесь, если только не получит помощи. Это я серьезно говорю тебе, Рой.

Рой промолчал.

— В следующий твой приход здесь не будет больше Мак-Нэйров.

Рой сделал несколько тяжелых шагов, открыл дверь

кухни и сплюнул в темноту черную струю табачной жвачки. Вернувшись к огню, он уселся на свое место возле брата и просидел там молча, пока предстоящее ему решение не улеглось у него в уме. Тогда он поднялся наверх и сейчас же сошел вниз с большим пакетом и двумя связками шкурок из-под матраца.

Руфь Мак-Нэйр наблюдала за ним. Зная, куда он идет, она едко сказала ему, когда он открывал наружную дверь:

— Вот так пойдешь как-нибудь к Эндрюсам и наткнешься на своего Энди.

Рой приостановился у открытой двери.

— Говорят, его видели! — прокричала она ему вслед.

Рой старался не слушать ее, но слова эти уже впились в него и терзали его настороженную совесть. Пересекая освещенные луной каменистые гряды на полях и сосновые рощицы, он все думал, а может, Энди Эндрюс уже дома, с Джин, и поджидает, когда покажется на пороге Рой. Уже десять лет Рой, проходя этими местами, задавал себе все тот же вопрос, но никогда еще до сих пор не было и намека на то, что Энди где-то поблизости.

Двенадцать лет назад в последний раз видели, как Энди Эндрюс пешком ушел по дороге в Марлоу, в меру пьяный, чтобы не обращать на себя внимания, но, видимо, достаточно трезвый для того, чтобы знать, что делает. Оставив жену и двух ребят, он так и не вернулся. Даже полиция не смогла обнаружить его — живого или мертвого. Все, знавшие Энди, а в их числе и Рой, верили, что Энди жив и когда-нибудь вернется. Он всегда был непоседлив и быстр на решения, легко попадал в беду, но всегда из нее выпутывался. В детстве они с Роем и Джеком Бартоном были тройкой неразлучных удальцов, обуянных духом разрушения и неукротимых, редко их видели в школе, и вечно они пропадали в лесу, излазили всю округу от Гурона до Соо. Двадцатилетними юношами они вместе охотились и ставили ловушки, но Энди был слишком беспокойный, чтобы месяц за месяцем проводить в лесу, и он отправился в Торонто, откуда вскоре вернулся с женой, женщиной, рожденной и воспитанной в городе, которого она до того ни разу не покидала. Женившись, Энди сделал все, что мог, чтобы устроить оседлую жизнь. Отцовская его ферма была уже давно заброшена, и Энди перебрался на прежнюю ферму Мак-Нэйров — бревенчатый сруб в три комнаты с приусадебным участком. Несколько лет он издольничал у Сэма Мак-

Нэйра, работал на совесть, когда работалось, но так и не стал фермером, не осел на земле. И Рой и Джек Бэртон всегда считали, что в конце концов он сбежит, а когда он сбежал, им его не хватало, особенно Рою. Мало того, что он потерял в Энди друга, не стало и незаменимого партнера в деловых операциях. Именно Эндрюс забирал у Роя весь пушной излишек — все незаконные и не в сезон взятые шкурки — и преспокойно сбывал их на пушной фактории в Бога — ближайшем городишке, каждый раз выжидая, пока Рой не вернется в леса, и устраняя тем самым всякие подозрения. Тем, что Рой так легко сбывал весь свой незаконный улов, и объяснялись его охотничьи успехи. Без незаконной пушнины он недолго продержался бы на своем охотничьем участке, на законную норму невозможно было прокормиться. Когда Энди скрылся, Рой оказался в большом затруднении. Сам он не мог возить шкурки на факторию, это было бы слишком очевидно и опасно. На помощь пришла миссис Эндрюс, которая взялась продолжать сбыт пушнины за деньги — обычные комиссионные по таким сделкам. Рой согласился на это сначала неохотно, но потом вполне оценил ее услугу. Скоро он обнаружил, что эта хрупкая горожанка, которая так и не освободилась от своих городских привычек и манер, на самом деле вошла во вкус игры с законом. Для нее это был поединок, в котором ее авторитет горожанки и ее хрупкая внешность состязались с доверчивостью инспектора и простоватостью окружной полиции, — поединок, который она вела теми же макиавеллиевскими методами, какими боролся против инспектора сам Рой.

— Если инспектор поймает вас, — сказал ей однажды Рой, — он вас отпустит, только сообщите ему, у кого достали меха.

Ее ответ внес что-то новое в их отношения.

— Во-первых, сначала инспектор поймает вас, — ответила она, — а во-вторых, обо мне он узнает только от вас. Не иначе. — Она сказала это спокойно, ее ласковые глаза перехватили взгляд Роя, опровергая и подтверждая смысл ее слов.

Сознание общего дела как-то по-новому связало их. Близость их возникла без сложных переживаний, а как нечто естественное и внезапное, и совесть мучила Роя, только когда в это вмешивались другие. Его невестка Руфь, вовремя ввернув замечание об «этой миссис Эндрюс», могла представить в греховном свете самые добрые

побуждения Роя. Но сама Джин Эндриус не делала из этого моральной проблемы. Если бы она сказала ему: — Мы не должны, Рой, — он подчинился бы голосу совести и никогда больше не пришел бы к ней. Но она принимала эту близость так же просто, как и сам Рой. Энди ее бросил; никакие обязательства ее не связывали; общественные условности не в счет; с Энди было покончено.

И все же, каждый раз проходя этим полем, Рой переживал тяжелую минуту. А вдруг Энди вернулся! — и, стуча в дверь и открывая знакомую щеколду, терзался сомнениями.

— Вот человек, всегда появляется словно призрак с большими нервами, — сказала ему Джин Эндриус. Она так же испугалась, как и Руфь Мак-Нэйр, и Рой захотел, как он умел хохотать, во-первых, потому, что она испугалась, а затем и потому, как она это сказала. Он знал, что ни одной местной женщине такое и в голову бы не пришло.

— Хэлло, миссис Эндриус, — сказал Рой и вежливо и смущенно.

— Хэлло, Рой, — сказала она.

— Я принес меха. — Он достал связки.

— А я по такой погоде ждала вас не раньше как на той неделе, — сказала она.

Ему хотелось пошутить, что не ждал его и инспектор, но он еще не позволял себе с ней такой фамильярности. Он просто положил шкурки на клеенку кухонного стола. Пока она рассматривала их, он поднял крышку деревянной скамьи-ларя под окном и достал оттуда несколько старых газет.

— Только четырнадцать, — сказала она. — Плохая охота, Рой.

— Никогда еще так мало шкурок не доставалось с таким трудом, — сказал он.

— Зато хорошие. — Она подняла лисью шкурку.

— Да, но какие хитрые, — сказал Рой. — Я и не подозревал, что эта вот жива, пока не вытащил из западни. А как только я освободил ей голову, она куснула меня за руку и пустилась бежать. Пришлось ее пристрелить. Хорошо еще, что уцелела шкурка, я попал прямо в глаз. Охотничье счастье, — добавил он.

— Какое варварство, — заметила миссис Эндриус.

Роя вовсе не нравилось, что его считают жестоким, но необычное выражение его позабавило, и он впервые со времени прихода поглядел на миссис Эндриус.

Она была мала ростом, немного ниже Роя, но значительно тоньше. Хотя ей уже было под сорок, но бледная кожа ее была не по летам свежая и гладкая; и никакой деревенской огрубелости не было в этой еще не старой на вид горожанке. Движения у нее были быстрее и резче, чем у обитательниц Сент-Элена, но в остальном она была довольно изящна. «Родилась в трамвае, вскормлена на деликатесах», — говорил Рой, когда узнал Джин настолько, чтобы заметить ее резкие движения и прозрачную кожу. Глядя, как она наливает воду для кофе в большой эмалированный кофейник и ставит его на плиту, Рой снова отметил то несоответствие, которое каждый раз задевало его при встрече после долгой отлучки. Она была спокойная, даже ласковая женщина, но не было в ее манерах собранности. Ее тонкие руки и длинные пальцы были постоянно в движении, не всегда оправданном. То она глубоко вздыхала, то теребила пальцами короткие вьющиеся волосы, и каждое из этих движений было чуть беспокойно, недостаточно скромно для такой женщины. Рой наблюдал, как она насыпала кофе в кофейник. Она делала это точно так же, как сделал бы своими грубыми руками неуклюжий лесовик Рой, и это так расстроило его, что он отвел глаза в сторону. В отдалении Джин Эндрюс представлялась ему гораздо сдержаннее и строже. В конце концов такая Джин в ней победит, когда молчаливое, но явное неодобрение Роя заставит ее понять и смягчить эту не идущую к ней резкость. И вместе с тем как любил он немой смех, игравший в ее ярко-голубых глазах, озорство и юмор за повадкой тихони.

— Об Энди ничего не слышно? — спросил он очень спокойно, завертывая шкурки в газету и укладывая их в ларь под окном.

На этот вопрос она обычно отрицательно мотала головой.

Но на сей раз она взяла газету с полочки над каминном и протянула ее Роя. — Не знаю, Энди это или нет, — сказала она, указывая на заметку. — У него есть второе имя?

Рой прочитал заметку. В ней говорилось, что некий Эндрю Дж. Эндрюс, без определенного местожительства, приговорен окружной сессией к шести месяцам тюремного заключения за кражу четырех мешков зерна и за попытку (сознательно или нет) продать то же зерно его первоначальному владельцу.

— Похоже на Энди! — одобчительно сказал Рой.

— Так это он?

Рой сказал — нет, Энди зовут не Эндрию Дж. Эндриус, а Элистер Гордон Эндриус. Разве она не знает?

— Я не знала другого имени, кроме Энди, — сказала она. — Слава богу, что он не в тюрьме.

— Бедняга Энди, — сказал Рой.

Он продолжал просматривать газету. Это была «Торонто стар энд джорнел».

— Где вы это раздобыли? — спросил он.

— Мне принесла Руфь Мак-Нэйр.

Рой вспыхнул и отбросил газету, как будто это была сама Руфь.

— Руфь сказала мне, что Энди здесь видели.

— Кто-то говорил ей, что Энди работает на рудниках в Сэдбери, — объяснила она. — Но Энди никогда не стал бы работать на руднике. Не правда ли?

Рой пожал плечами и не ответил.

Миссис Эндриус поняла, что Рой оттаивает медленно, и сама стала осторожней. Она говорила ласковей, двигалась более плавно, внимательно размеряла свои жесты и тут же принялась убирать кухню. Вся беда была в том, что долгое одиночество Роя в лесах слишком повышало его требовательность по отношению к другим, особенно к ней. А Джин знала, что достаточно неряшлива: не в одежде, но по хозяйству. Уборка началась с банок на столе, в которые она уже налила уксус со специями, чтобы мариновать редис, репу, свеклу и зеленые помидоры. Она задвинула тазы с очистками под стол и расправила клеенчатые дорожки на буфете. Собралась было подмести дощатый пол, но потом раздумала.

Рой наблюдал за этим и понял, чем это вызвано. Все, что она сейчас делала, было слегка нарочитым. Она как бы подтрунивала над его представлением о чистоте и порядке. Она добилась своего, он оттаял и уже готов был расхохотаться, когда в кухню вошел ее четырнадцатилетний сын.

— Хэлло, мистер Мак-Нэйр, — сказал он. В другой обстановке он называл бы Роя по имени, но при матери это был мистер Мак-Нэйр.

— Добрый вечер, Джок, — серьезно сказал Рой и отметил, как и каждый год, до чего похожим на Энди растет этот мальчик. Голос, крупное сложение, смелый взгляд, сразу ощущаемая независимость — все это было от Энди.

— Вчера я встретил инспектора, — сказал Джок, — он меня спросил, в городе ли вы. Я ответил, что Рой мне не отец и что в городе его нет, а когда он придет, вы его все равно не поймаете. — Джок засмеялся, засмеялась и его мать.

— А что ему нужно, инспектору? — спросил Рой. Больше он ничего не нашелся сказать, и вопрос его прозвучал слишком озабоченно.

— Он просто хотел узнать, вернулись ли вы, — сказал мальчик. Он знал, что сделал неприятное Рою и что Рой никогда его вслух не осудит. Но это не было с его стороны намеренной жестокостью. Он любил Роя. Каждый год он упрашивал мать отпустить его в лес с Роем, хотя самому Рою он об этом не сказал ни слова.

— Как школа? — спросил Рой.

— К рождеству окончу.

Рою хотелось спросить, не собирается ли он поступить в какой-нибудь техникум в Сэдбери или в Соо, но, как сказал мальчик, он ему не отец. По мере того как Джок рос и отбивался от рук, Джин Эндрюс несколько раз пыталась убедить Роя действовать по-отцовски, не в отношении ответственности, а просто в качестве твердой руки. Но Рой отказался от какого бы то ни было вмешательства. Он любил Джока как сына Энди — и все тут. Более глубокие, отцовские чувства были потрачены им на младшую сестру Джока, Джульетту. Она дожила только до восьми лет, и за этот короткий срок Рой привязался к девочке, как к собственному ребенку, и Джульетта отвечала ему тем же горячим чувством. Она была похожа на мать, но только в ней было особое детское благородство, и она легче принаравливалась к людям, особенно к Рою. Лучше ее он никого не знал. Когда, вернувшись однажды зимой, он услышал, что ее свезли в окружную больницу, откуда она и не вернулась, это было для Роя первым жизненным ударом, и надолго жизнь для него потускнела.

Джок занялся своими делами и скоро ушел, а Джип Эндрюс налила Рою кофе и поставила чашку на край плиты, чтобы заставить его перейти с ларя в кресло.

— В Мемориал Холл открыли кино, — рассказывала миссис Эндрюс, — Джок помогает киномеханику.

Рой молча пил кофе.

— Рой, — спросила она, — у Энди была склонность к механике?

— У Энди? Нет, Энди был просто Энди, — сказал он.

— Значит, Джек унаследовал это от меня.— Отец Джинни, по ее словам, был вагоновожатым в Торонто, на все руки мастер. Она рассказывала об этом и прежде, много раз.

Рой был необычно сдержан, и она догадалась, что дома у него неладно.

— Я выписала поваренную книгу,— сказала она.

— Ни к чему вам книга, Джин,— возразил он. Это, собственно, значило, что книга ей очень пригодилась бы.

— Я знаю, что плохо готовлю! — сказала она, чтобы расшевелить его.

По этому поводу они довольно долго спорили. Чем упорнее Рой хвалил ее стряпню, тем очевидней становилось, что стряпать она не умеет и никогда не научится.

— Во всяком случае, маринады я в этом году заготовлю,— сказала она.

Они уже варились, и Рой с удовольствием вдыхал запахи пряностей, горячего уксуса и соли. Как раз это он и ожидал найти, возвратясь домой. Может, именно поэтому Джин вдруг затеяла то, что в другое время считала пустой тратой времени. Зачем варить маринады, когда можно купить их в лавке Дюкэна?

— Джинни,— спросил Рой,— сколько я наработал денег?

— Точно сейчас не могу сказать, Рой. Восемьсот долларов, а может быть, и девятьсот.

— Восемьсот или девятьсот,— задумчиво сказал Рой, что-то высчитывая. Откинувшись, он глядел прямо в белое пламя лампы. Оно его почти ослепило, и когда он перевел взгляд на Джин Эндрюс, он увидел туманное пятно, а в нем светлые волосы и тонкое лицо, слишком тонкое: острый нос и голубые, очень голубые глаза. Она зорко наблюдала за ним.— Мне понадобится на зиму двести долларов.

— А разве вы не оставили мехов для Пита Дюкэна?

— Оставил. Они дома. Но мне деньги пужны на другое.

Обычно свою законную норму мехов Рой продавал в открытую Питу Дюкэну как представителю Городской закупочной компании. Этот законный заработок шел на то, чтобы обеспечить продовольствие на весь сезон, на новые капканы, патроны, одежду и прочие личные потребности. Деньги, вырученные от продажи незаконных мехов, Джин Эндрюс сберегала для Роя; и она придерживала их крепко, чтобы он не растратил их в пья-

ном виде. Она согласилась на это по собственной просьбе Роя и теперь выдавала ему деньги только по разумному поводу. Рой знал, какое сопротивление ему предстоит одолеть.

— Я должен оставить немного денег Сэму,— сказал он.

— Вы хотите подарить ему ваш зимний заработок?

— Да, если только вы не дадите мне для него сотню другую,— сказал он с надеждой.

— Я не дам этих денег,— спокойно возразила она.— Это ваши деньги, а не Сэма. У Сэма ферма, он не нуждается в деньгах.

— Он не удержит ферму, если не достанет денег на расходы,— сказал Рой.— Он дошел до точки.

— Я знаю.— Она покачала головой.— Но это не дело. Деньги не помогут Сэму.— Четкие линии ее рта стали жестче.

— Это удержит его на ферме,— убеждал Рой.

— Нет. Деньги он возьмет, а ферму все равно бросит. Он не фермер, Рой. И незачем пытаться удержать его здесь.

Рой посмотрел на Джин Эндрюс, как если бы она была ему чужой, горожанкой, которая не могла понять, что значит ферма для лесовика-охотника. Она никогда не поймет, что будет, если Сэм бросит землю Мак-Нэйров. Джинни выдержала его укоризненный взгляд как женщина, которая, конечно, знала, что значит потерять свой дом, но также и как женщина, которая не могла пренебрегать реальностью. Она посмотрела на большую крепкую голову Роя, впалые жесткие щеки, маленькие, глубоко посаженные глаза, на его короткие руки, одинаково толстые от локтя до самой кисти, и спросила себя, есть ли в Канаде более мягкий человек, которого больше огорчило бы материальное и духовное падение другого человека.

— Сэм говорит, что справится, если я помогу ему перебиться эту зиму,— сказал Рой. Он не собирался говорить этого, но пришлось.

— Как, остаться здесь на всю зиму? — не удержалась она.

— Да.

— Он не вправе требовать этого, Рой!

Роя уже больше не заботило, правильно это или нет. Ему нужно было решение. Она должна понять, что Сэму необходимо получить эти деньги.

— Какой смысл вам оставаться и работать на ферме для Сэма,— резко сказала она. Перспектива того, что Рой попадет в ловушку и вынужден будет батрачить, возмутила ее не меньше, чем самого Роя. Отнять его у леса и прикрепить к ферме — это все равно что посадить льва в клетку,— сравнение, которое возникало в ее мыслях каждый раз, как она сама подумывала о том, чтобы просить Роя бросить охоту и осесть в городе.

— Ему нужны деньги на хозяйство,— твердил Рой,— все равно, останусь я или нет.

Она по-прежнему считала, что деньгами не разрешить затруднений Сэма, но не стала настаивать. Она не хотела, чтобы Рой лишился семейного очага, потому что в этом таилась для нее еще одна опасность. Джинни считала, что, потеряв дом, Рой уйдет еще дальше в лес и совсем не будет возвращаться в город. Она знала, какие затруднения грозят Роя, но ей следовало подумать и о себе, о своих делах и чувствах, а она, со своей стороны, вовсе не хотела, чтобы Рой уходил на север.

— Если вы уйдете туда, вы уже не вернетесь,— сказала она ему, когда однажды они попытались трезво разобраться во всем этом.

— Я вернусь в Сент-Элен, только если мне будет куда вернуться,— настаивал он,— и на север я не уйду, если не будет у меня здесь пристанища.

— Это одни слова,— сказала она.— Я-то знаю, что вы уйдете на север, именно когда у вас здесь ничего не останется. Возьмете и исчезнете в один прекрасный день.

— Нет, Джинни. Нет! — уверял он.— Если тут у меня ничего не будет, я ни за что не уйду на север, там ведь я совсем одичаю, стану настоящим лесным сычом. Я уйду, только если будет мне куда вернуться, и я непременно буду возвращаться. Но участок истощен, Джинни, и рано или поздно мне все равно придется уходить на север.

— Ну, а я тогда вернусь к своим в Торонто,— предупредила она. Не то чтобы она его пугала. Она пыталась как-то приспособиться к его сложным отношениям с Сент-Эленом и лесом. Она понимала, как нужна ему здесь опора, чтобы решиться уйти на север, но чем сложнее все это становилось, тем решительнее она отказывалась думать об этом, и, наконец, она ему заявила: — Поступайте как знаете, но, если вы уйдете на север, я уеду дсмой.

Это была единственная их размолвка, и теперь они боялись повторения ее. Они, по молчаливому уговору, предпочитали не касаться этой темы. Рой знал, что, если он уйдет на север, она действительно вернется в Торонто, но оба они сознавали, что рано или поздно ему придется уйти глубже в лес, дальше на север, иначе надо бросать охоту и фермерствовать в Сент-Элене. И то и другое было бы для Джинни катастрофой, и она не могла больше думать об этом.

— Берите ваши деньги для Сэма,— сказала она,— но только это глупо, Рой. Это ваши деньги, и когда-нибудь они вам еще вот как понадобятся.

— Уже понадобились,— сказал он.

Больше они об этом не говорили, оставив вопрос открытым.

Нерешенным оставался и вопрос об Энди, потому что ни один из них не мог включить Энди в неуверенные попытки как-то решить будущее. В своих отношениях они молча исходили из того, что Энди ушел и никогда не вернется, но во всех их попытках твердо наладить свою жизнь Энди играл определенную, скрытую роль. Из-за этого Джин ненавидела призрак мужа даже больше, чем она могла бы ненавидеть его живого, и она знала, что Роя тоже сковывает неуверенность в том, как же обстоит дело с Энди. Он словно пробирался по голой полярной пустыне, отыскивая единственный верный путь и не находя его.

Ненадолго они оба замкнулись каждый в своих мыслях.

Обычно к этому времени Рой уже достаточно оттаивал, и Джин Эндрюс могла спокойно тормозить и поддразнивать его, постепенно вызывая на своеобразные проявления чувства. Даже в лучшие времена это бывало нелегко, Рой был из тех мужчин, которые не умеют первыми подойти к женщине. Он не притронулся бы к ней по своему собственному почину. Он не мог позволить себе эту близость, пока тепло очага и обаяние этой одной-единственной женщины не растопляли, не поглощали его целиком. Джинни знала, что сегодня это будет трудно.

Не в ее привычках было ласково дергать его за ухо, ерошить его редкие волосы и обнимать его крепкую шею,— у них все бывало иначе.

Прежде всего она подливала ему еще кофе. Вскоре он беспокойно поднимался с места. Тогда, сняв свой пе-

редник, она надевала его на Роя — и он принимался перемывать тарелки, банки, чистить вилки и ножи, словом, все, что подвергивалось под руку. И тогда она начинала подтрунивать над его нарядом, туже завязывать тесемки передника, снимать с него воображаемые пылинки, пародируя чистюлю Роя. Он отталкивал ее, но она не унималась. Он пытался снять передник, но она, не позволяя, яростно вцеплялась ему в плечи. Тогда плечи у него обмякали, толстые кисти свисали по бокам, и тогда он становился таким, каким она хотела: грубым или мягким, резким или нежным, пыльным, а иногда и насмешливым, настойчивым, сильным, неожиданным и надежным. Тогда не было у них слов. Была одна только долгая канадская ночь.

Глава Вторая

Утром Рой приготовил завтрак: напек оладий, поджарил яичницу с салом. Джок и сам Рой позавтракали в довольном молчании. Джин Эндрюс ела со своим обычным безразличием к пище. Она еще была полна пережитым и так пристально смотрела на Роя, что ему становилось неловко перед ее сыном. Когда Джок ушел в школу, ей пришлось особенно бороться с собой. Ею еще владела смутная тяга к творению, тогда как Рой ощущал здоровое чувство завершенности и не замечал ничего, кроме чудесного утра.

— Так как же, возьмете деньги? — заставила она себя спросить Роя, когда он уходил.

— Да не знаю, Джинни, — сказал он.

— И останетесь на зиму?

— И этого не знаю, — сказал он. — Посмотрим, я еще вернусь.

На мгновение она предположила, что Рой раздумал давать деньги Сэму и, может быть, все-таки останется на зиму помогать ему. Она и радовалась и внутренне протестовала против такого решения и долго стояла у двери, следя, как он переходил поле и перелезал через ограду, направляясь к ферме Сэма.

Рой собрал оставшиеся меха в своей спальне и, уходя, попытался избежать оскорбительно откровенного взгляда невестки. Но она застигла его на лестнице.

— Тебе не следовало бы возвращаться к нам, если уж ты проводишь там время до утра, — сказала она. — Это не годится!

Он не ответил, он даже не глядел ей в глаза. Он молча ушел, возмущенный и униженный, и только удовольствие пройтись среди бела дня по Сент-Элену несколько успокоило его.

По мере того как лес и пашни уступали место городу, природное бесплодие земли становилось все явственней. С окраин города и до самого озера Гурон небольшие ровные площадки были вздыблены и сдавлены мощными гранитными скалами, голыми, дикими; и редкие ели среди них насмешливо торчали, словно надгробия над жалкими клочками расчищенной земли. Это царство камня простиралось до самого озера, и скалы повсюду господствовали, величественные и недоступные, но всюду среди них извивались узкие немощные дороги и заборы, сложенные из валунов; лепились лавки, виднелись телеграфные столбы и даже железная дорога — ветка Канадской Тихоокеанской, которая обрывалась в Сент-Элене, не обременив поселок ни станцией, ни товарной платформой. Захудалый, но цепкий городишко, продуваемый насквозь осенними ветрами, которые вгоняли его в дрожь. Рой опять улыбнулся ему, уже выйдя на плотно утрамбованную ногами дорожку к лавке Пита Дюкэна.

По пути все приветливо здоровались с ним. Встречных постарше он знал по имени, но было много новичков, которые приходили каждый год или подрастали в его отсутствие, и тех он не знал. На дощатом тротуаре перед маленьким бревенчатым зданием лавки Рой на мгновение задержался, разглядывая новую вывеску.

— «П. Дюкэн», — читал он вслух. — «Мясо и Бакалея. Мука и Фураж». Он перечитал надпись и стал искать на вывеске чего-нибудь получше. — «Нет ароматнее чая Салата! Курите сигареты «Консульские»! Пейте апельсиновый сок!» — «П. Дюкэн. Мясо и Бакалея». Последний сокращенный вариант украшал стекло входной двери. Он отворил ее и вошел.

— Привет лучшему жениху во всем Муск-о-ги! — закричал он молодому брюнету, стоявшему за опрятным прилавком. — Или, может, ты уже не жених, Пит?

— Ей-богу, да это Рой. Сватай меня, Рой, сватай!

Я ждал тебя не раньше чем через два-три дня. А ты видел, что инспектор только что прошел по дороге встречать тебя? — Рой невольно оглянулся, а вдруг Дюкэн и вправду не шутит, но француз захохотал. — Что, попался?

— А я не прочь повидать инспектора, — вежливо сказал Рой. — У меня хорошие меха.

— Хорошие и законные, — сказал Пит Дюкэн. Он снял чистый белый передник и протянул его какой-то толстухе, которая улыбнулась Рою, когда он попытался разглядеть, какая же это из сестер Филлипп.

Дюкэн провел его через жарко натопленную лавку в заднюю комнату, которая служила ему конторой. Это была продолговатая комната с письменным столом, протертой кушеткой, чистыми занавесками. Дюкэн сел за стол и стал принимать у Роя меха, тщательно их разглядывая.

— А какие сейчас цены? — спросил его Рой.

— Неважные, — сказал Дюкэн. — Военный бум спадает. Скоро трудно будет сбывать меха. Цены падают, Рой.

— А цены на продукты растут, — подхватил Рой. Это было сказано не в адрес Дюкэна, но о странной особенности цен, не дававшей человеку прокормиться на заработок. — Все цены растут, но как только случится тебе что-нибудь продавать, они сейчас же падают.

— Денег становится мало, Рой.

— А как у фермеров?

— Опять о кредите просят.

— Это я знаю, — сказал Рой, думая о Сэме.

Они больше ни о чем не говорили, пока не сторговались о цене за меха. Рой не знал городских цен, но свою цену он у Пита выторговал, как тот ни упирался. Это было нелегко, но выручка оправдала его ожидания, и Рой был доволен. Дюкэн записал цену каждой шкурки, подвел итог и спросил Роя, пустить ли эту сумму, как обычно, на оплату зимнего заказа.

— Подожди немного, Пит, — сказал Рой. — Я дам тебе знать.

— Если тебе нужны сейчас деньги, а зимний провиант — в кредит, ты скажи, Рой, тебе я всегда поверю.

Дюкэн предлагал это по-дружески, и по-своему он был другом и Рою и всем трапперам Сент-Элена. Для первого раза он снабжал в кредит любого траппера под улов, некоторых он ссужал на два и даже на три сезона,

но на большее не шел ни для кого. Дюкэн на опыте убедился, что кредит вовсе не означает безнадежного долга: при надлежащем контроле это просто выгодное помещение денег. В операциях с трапперами ему был обеспечен возврат ссуды в виде мехов. Он гарантировал себя от риска, став представителем пушной компании, к которому трапперы все равно вынуждены были нести свои меха в уплату за долги. Иначе им не получить никаких продуктов из лавки Пита Дюкэна, да и от других двух лавочников городка. Но эта система распространялась только на трапперов, а не на фермеров. Дюкэн редко кредитовал фермера, хотя известны были исключения. С мелкими фермерами и издольщиками он практиковал обмен своих товаров на их продукты. Меновая торговля отжила свой век еще при его дедушке, уже отец торговал на наличные. Но Пит унаследовал лавку, когда у нее не было ни оборота, ни наличных, словом — ничего. Его отец — прижимистый французский буржуа — славился своей чисто бретонской, копеечной расчетливостью. К тому времени, когда он умер, даже репутация Дюкэнов пошатнулась. Но его сын вернулся со второй мировой войны с маленькими черными усиками, трезвой коммерческой оценкой ближнего и деловой сметкой, которую быстро развила в нем должность сержанта по хозяйственной части. Он стал торговать всем и со всеми, беря на себя как можно больше новых связей; торгуя честно, когда приходилось быть честным; торгуя нечестно, когда это сулило доход и не грозило ничем, даже потерей честного имени. Он был хороший лавочник, и его маленький магазин стал своего рода теплым, чистым, хорошо снабженным клубом для всего Сент-Элена, двери которого были раскрыты и для сравнительно богатого и для сравнительно бедного клиента, чьи нужды здесь обслуживались Питом тем охотнее, что это приносило ему хороший доход и привольное житье. Пит был самым удачливым человеком во всем Сент-Элене.

— Что, Сэм должен тебе что-нибудь? — спросил его Рой.

— Всего несколько долларов, которые он занял в агусте, — ответил Пит. — Мне очень неприятна вся эта история с продажей свиньи, но если бы не я, ее купил бы кто-нибудь другой, а я дал ему хорошую цену.

Рой понимал это.

— Возьми то, что он тебе должен, из пушных денег, но больше ему займы не давай.

— Ладно, Рой,— лицо Дюкэна стало озабоченным.— Скажи, Рой, ты ведь не думаешь остаться с ним в городе? Он говорил, что будет тебя просить об этом.

— Я еще не знаю,— сказал Рой,— но ты все-таки отложи мне все необходимое на зиму. Если провиант мне не понадобится, я дам тебе знать.

— А ты слышал, что Энди Эндрюс бродит где-то поблизости? — сказал Дюкэн. В сущности, это был не вопрос, а предупреждение.

Рой никак не отозвался на это, он составил список того, что ему нужно на зиму, на обороте рекламного проспекта универмага в Торонто и отдал его Дюкэну. Потом они вместе прошли по лавке, отмечая те лакомства и роскошества, о которых не вспомнил Рой. Тут он добавил к заказу сушеных фруктов, консервированной вишни, паштета, еще несколько банок джема и два пакета мятных леденцов как самых выгодных конфет. Рой примерил пару коротких резиновых сапог. Для леса они вовсе не подходили, но он купил их и положил на самое дно своего мешка. Мешок он оставил продавщице, выполнявшей заказ, напомнив ей, что шесть десятков яиц надо положить вместе с хлебом непременно сверху, а масло в жестянках — в самый низ, вместе с сапогами.

Они вернулись в заднюю комнату, где Пит Дюкэн налил Рою большой стакан Блэк-энд-Блю, хлебной водки шотландского рецепта, девяностоградусной, как стояло на бутылке. Этот стакан, подносимый Дюкэном, был всегда первым после возвращения Роя из леса. За ним следовали другие, но ни один не бывал так вкусен, даже второй, который следовал непосредственно за первым.

— Да, всего тебя как плугом вспахивает,— сказал Рой. Его сразу забрало, он побагровел, и глаза у него заблестели.

— Хочешь парочку бутылок в твой мешок?

— Нет,— сказал Рой. Трудно было ему отказываться. Но пока он еще был трезв, не хотелось брать водки с собой в лес, хотя у большинства трапперов это считалось обычным.— Впрочем, одну бутылочку положи на дорогу,— попросил он.

— Я и сам думаю поохотиться поближе к рождеству. В верховьях реки Уип-о-Уилл,— сказал Дюкэн.— Поеду на собаках.— Как и каждый обитатель Сент-Элена, Дюкэн при первой возможности отправлялся на охоту, но Рою всегда казалось, что он немного хвастается своей упряжкой лаек, раскормленных псов, которые грызлись и выли

где-то за лавкой. Собаки — это хорошо, Рой сам на них ездил, но хорошо для серьезной охоты, а не для прогулки вдвоем на какие-нибудь две недели. Пит просто отдыхал в лесу от своей жизни наследственного лавочника, лавочника в третьем поколении.

— Налить еще? — Дюкэн взялся за бутылку.

Рой мотнул головой и одним рывком оторвал свое крепко сбитое тело от стола.

— Пойду потолкую с инспектором, — сказал он, и прежде чем Дюкэн успел возразить, его уже и след простыл.

Инспектор жил в казенном доме, построенном в казенном стиле, квадратном двухэтажном деревянном доме без всякого намека на архитектурные украшения. Единственной уступкой эстетике было маленькое крылечко, которое вместе с доской для объявлений и определяло лицо дома. Рой, проходя, поглядел на плакаты, мотававшиеся на доске. «Охраняйте природные богатства и красоты ваших лесов», — прочитал он вслух, смакуя поэтичность официального языка. «Сто лет надо растить его, а погубить можно в минуту. УХОДЯ, ТУШИТЕ КОСТРЫ». И это ему понравилось.

— Хэлло, Мак-Нэйр, — приветствовал его инспектор, едва он открыл сетчатую дверь. — Я только что собирался уходить.

— В обход, инспектор? — спросил Рой.

— Обход я делал вчера, — ответил инспектор.

— Как же это вы меня не встретили? — сказал Рой.

— Придет время, встречу, — утешил его инспектор.

Рой засмеялся.

— Если вы уходите, я зайду в другой раз.

— Нет. Входите. Позднее вы будете слишком пьяны, чтобы добраться до меня. — Инспектор ударил по самому больному месту, и Рой подумал, что инспектор нечестно играет.

Они вошли в маленькую квадратную комнату, стены которой были увешаны объявлениями, плакатами, календарями, пачками наколотых бумаг и картами. На сосновом столе были навалены еще карты, несколько шкуророк норки и одна бобровая, капканы, коробка патронов, компас, бинокль, а под столом стояло два лисьих чучела. Инспектор уселся по-официальному за конторку, повернув свой плетеный стул так, чтобы можно было наблюдать за Роем. Рой уже притих. Это были владения инспектора, его подавляла масса бумаг, конторка с откидной крышкой,

четыре или пять толстых квитанционных книг, кипы бланков охотничьих свидетельств, ящички стола, полные писем, циркуляров, извещений, постановлений, бюллетеней, приказов, выговоров, отчетов. Только здесь, в конторе, Рой по-настоящему ощущал огромную административную машину, которую представлял инспектор своей объемистой персоной.

Рой внес инспектору пять долларов за охотничье разрешение на год.

— Ну, как охотились в этот сезон? — спросил инспектор, подписав квитанцию и протягивая ее Рою вместе с жетоном и маленькой зеленой книжечкой, экземпляром «Добавлений к Закону об Охоте и Рыбной Ловле 1946 года».

— Норму выловил.

— А кому продали?

— Питу Дюкэну.

— Меха первосортные?

Рой кивнул.

— Есть что-нибудь исключительное?

— Нет.

Инспектор задал еще несколько вопросов о звере: много ли его или мало, беспокоен он или доверчив, нет ли следов волка, рыси, медведя и других хищников, мышей, лемминга, а также зайца и другой дичи. У Рою на все был готовый ответ. Инспектор слушал его внимательно и вслушивался не только в сведения, но и в оценки самого Рою. Рой видел в лесу то, чего не замечали другие звероловы, и умел рассказать о виденном с увлечением подлинного рассказчика. Сам того не зная, Рой стал лучшим источником информации о всех сезонных изменениях в жизни фауны Муск-о-ги. А так как инспектор по-настоящему интересовался естественной историей своего района, то всю информацию Рою он передавал в Торонто тщательно и точно.

— Похоже, что зверей в лесу убывает, Рой, — сказал он. — Я все жду, что департамент предпримет по отношению к вашему брату охотникам какие-нибудь решительные действия — наложит запрет на бобра или ондатру, а то и на всякого пушного дьява. Что-то нужно делать.

— Вы стараетесь прогнать нас на север, инспектор, — сказал Рой, издеваясь над собственной бедой. — А что там делается, на тех территориях?

— Это ведь не мой район, — ответил инспектор, — но из департамента с месяц назад был циркуляр о том, что

все желающие получить новые участки севернее Серебряной реки должны подать заявки не позднее мая. Хотите, я включу и вас?

Инспектор откинулся в кресле, и его большое брюхо заставляло усомниться в том, что он когда-нибудь покидает это кресло. Лицо у него было румяное, затылок жирный, руки пухлые, но, когда он вставал и двигался, видно было, что это человек неукротимой энергии, человек, выполняющий свои обязанности с безжалостным упорством. Рой не обманывал его внешний облик толстяка; он знал о пристрастии инспектора к жирной свинине и хорошему пиву. Нет, Рой понимал, что недооценить этого человека — значит совершить большую ошибку. Инспектор был так подвижен, что Рой, забравшись в самую гущу леса, часто оглядывался через плечо, нет ли его где-нибудь поблизости.

— Я мог бы вам подобрать хороший участок,— предложил ему инспектор.

— А можно отложить это до моего возвращения весной?

— В любое время до мая месяца,— повторил инспектор,— но чем раньше вы решите, тем больше выбор.

— Я скажу вам, когда вернусь в марте,— сказал Рой.

Инспектор пожал плечами. Он был доволен, что Рой останется здесь еще на один сезон. Он так и сказал ему: — Рой, я не хочу, чтобы вы уходили на север, прежде чем я вас поймаю с незаконной добычей. Тогда вам все равно придется уйти, потому что я отберу у вас здешний участок.

— Поймать меня? — сказал Рой.— А зачем вам меня ловить?

— Да уж не знаю,— сказал инспектор,— но из всех охотников моего района именно вас я решил изловить с поличным. Вы водите меня за нос уже двадцать лет, но я до вас доберусь. Предупреждаю вас, доберусь. Теперь уж недолго.

Рой откинулся от конторки.

— Но если вы хотите поймать меня, почему вы не прогуляетесь за мной в лес? Там-то вы вернее словили бы меня.

Инспектор бывал в лесу не раз — и в охотничьих хижинах Роя, и по всей цепи его ловушек, исходил его участок вдоль и поперек и не нашел ничего. Когда-то давно он убедительно доказал Рою по числу его капканов, рас-

пялок для меха, использованных патренов и по десятку других признаков, что Рой отстреливает и ловит зверя больше нормы. Это обвинение было им брошено Рою в лицо в его хижине, когда оба они были значительно моложе. Рой весь вспыхнул от гнева, но сдержался и промолчал; молчал он и дальше в ответ на все обвинения инспектора. Взвесив эту тактику Роя, инспектор скоро пришел к выводу, что словами от него ничего не добьешься. Рой спокойно отмалчивался и предоставлял инспектору обнаружить мех или поймать его на месте преступления.

— В этом году, может быть, и соберусь,— сказал инспектор.

— Что ж, гостем будете.

— Вы и не узнаете, когда я явлюсь и откуда.

— А не опасно ли путешествовать по лесу тайком? Может приключиться несчастный случай.

— Опасно для тех, кто окажется с незаконным мехом.

— А куда его девать, незаконный мех?

— Я прекрасно знаю, что вам не прожить на вашу норму, Рой,— сказал инспектор.— И не хочется мне ловить вас, Рой, а все равно придется. Так что в этом году глядите в оба.

— Я всегда гляжу в оба. Гляжу за каждую ловушку.

— А я буду не там,— сказал инспектор.— Я буду у вас за спиной.

Рой рассмеялся, будто только и ждал случая, а инспектор улыбнулся:

— Знаете, на ваш участок многие зарятся.

Рой кивнул.

— Ну и пусть берут. Он выловлен дочиستا.

— А как же вы ухитряетесь брать с него добычу?

Рой потер руки и с довольным видом стал покачиваться в своем кресле.

— Пойдемте, выпьем со мной, инспектор. Может быть, вам удастся напоить меня и выведать все мои секреты.

— А они мне и так известны. Опасные секреты. Они втянут вас в беду. Вы когда-нибудь платили подходящий налог, Рой?

Рою показалось, что страннее вопроса он от инспектора никогда не слышал.

— А я не припомню, чтобы мне кто-нибудь предлагал платить его,— сказал он.

— Это не отговорка,— заметил инспектор.

Рой чувствовал, что тут какая-то ловушка, вырваться из которой ему не под силу.

— Мне кажется, что я зарабатываю недостаточно, чтобы меня обложили подоходным налогом, — осторожно сказал он.

— Вполне достаточно! — настаивал инспектор. Он плотнее уселся в кресло. Вот как легко припереть Роя к стене, чего ему хотелось уже двадцать лет! Он прекрасно понимал, что Рой чувствует себя выслеженным, пойманным и приговоренным. Но не этого он добивался. Инспектор захохотал при мысли о козырях, которые были у него на руках, но которыми он не хотел пользоваться. — Не беспокойтесь. Мак-Нэйр, — сказал он официальным тоном. — Мне дела нет до подоходного и прочих налогов. Мне другое надо: поймать вас врасплох с незаконными мехами. Подумаешь, подоходный налог! — Он засмеялся, захохотал утробным смехом, хлопнул Роя по коленке и снова захохотал, наблюдая, как тот приходит в себя.

А Рой был сыт по горло. Он встал, собираясь идти.

— Только не попадайтесь мне вместе с Мэрреем или с Зелом Сен-Клэрром, — добавил инспектор. — Я знаю, они пользовались вашей хижинкой, и если я захвачу их там, так и вас в придачу.

Рой еще не простил инспектору его странной шутки с подоходным налогом. — Только если соберетесь в эту зиму, — сказал он, — остерегайтесь. У меня вокруг хижины расставлено несколько медвежьих капканов. Ко мне туда повадился какой-то черный медведь. Так что будьте осторожны, инспектор.

— Медвежьи капканы и нечаянная пуля! Ладно, буду осторожен, Рой. Вот, возьмите. Сберег специально для вас. — Он протянул Рою пачку противопожарных плакатов, зная, как ему нравится их броский драматизм. — Когда собираетесь обратно в лес?

— Еще не знаю.

— Я думаю, это зависит от того, насколько вы напечетесь.

Это зависело от Сэма, но Рой не собирался докладывать об этом инспектору. При мысли о Сэме Рою действительно захотелось еще выпить, но он знал, что сначала надо уладить дело с Сэмом. Не поддаваясь искушению, он прямо из конторы инспектора пересек улицу и железнодорожное полотно, прошел мимо церкви и, перевалив несколько гранитных гряд, добрался до фермы Джека Бэртона.

— Миссис Бэртон! — позвал он с порога. Внутри он не входил. Ему трудно было вот просто так войти в дом, даже в дом Джека. Он только просунул голову в дверь. — Где Джек, миссис Бэртон?

Вышла миссис Бэртон, робкая, неряшливо одетая женщина с незначительным лицом; маленькое, доброе существо.

— Здравствуйте, Рой, — сказала она. — Джек где-то возле сарая. Как поживаете?

— Прекрасно. А как ваша семья?

Она вспыхнула, видимо, потому, что было ясно предстоящее вскоре увеличение ее семьи.

— Джек чинит сарай, — снова перевела она разговор на своего мужа.

Рой сдвинул на затылок свою суковную кепку и отправился искать Джека.

Тот, взгромоздившись на лестницу, выравнивал и закреплял дранку на крыше сарая. Сарай был ветхий, дощатый, на основных столбах. На месте некоторых истлевших столбов зияли дыры, оставшиеся столбы едва поддерживали крышу. Дом был тоже крыт дравью, а стены слеплены из гладкой и твердой глины. Дом, высокий сарай с коровником, приземистый свинарник — все теснилось на голом, открытом ветрам клочке земли. Единственное дерево, молодая сосна, одиноко росло у проволочной изгороди, ухидившей по склону к дороге. Хозяйство выглядело дряхлым и запущенным, но вблизи его оживлял гомон жилья — детский плач, лай собаки, визг поросенка, мычанье коровы — все эти звуки и запахи фермы.

— Смотри, не свались и не развали эту кривую, — кричал Рой Джеку. — Слезай, пока не подул ветер и не унес тебя вместе с твоим сараем.

Джек Бэртон не двинулся с крыши, он закреплял гвоздем дранку и выругался, когда она расщепилась. Тогда он слез на землю, засунув молоток в задний карман, а плоскогубцы — за пояс, придав этим объемность своей гибкой, тощей фигуре.

— Ну, этот сарай не сдует, — сказал Бэртон. — Я нарочно оставляю наверху прорехи, чтобы ветер свободно проходил, только поэтому он и держится.

Рой поглядел на прорехи.

— А ловкий ты фермер, Джек, — сказал он в раздумье. — Жаль, что мой Сэм никак не справится с фермой.

— Он просил тебя остаться на зиму?

Рой кивнул.

— Он уже недели две назад говорил, что собирается просить тебя. Но я думал, что он не решится. Так ты останешься?

Они зашли в сарай, чтобы укрыться от ветра. Там было темно и пусто и стоял едкий запах перепревшего навоза. В стойле слышалось только мычанье годовалой телки, гулко отдававшееся от высокой крыши. Несколько свиней копалось в загоне возле двери, но больше в сарае ничего не было. Позднее, ближе к снегу, сарай заполнится скотиной — свидетельством фермерских успехов Джека Бэртона: пять коров, шесть свиней, две лошади, две козы и пять клеток ангорских кроликов. Все это втиснется в сарай и будет отогреваться собственным теплом и дыханием.

— Ума не приложу, что будет с фермой, если я не остаюсь,— медленно проговорил Рой. Чтобы на что-то решиться, он ждал помощи от Джека, но знал, что Джек не может ему ничего присоветовать: ни да, ни нет.— Беда еще вот в чем,— продолжал Рой.— Саму взбрело в голову, что на всей Гуронской полосе надо поставить крест и что для мелкого фермера здесь все кончено.— Он подождал, надеясь, что Джек будет отрицать это, отрицать, что вся их округа умерла.

— А он прав, Рой,— сказал Джек, и оба они посмотрели через узкую полоску пашни на лес, который простирался на север к полярным снеговым пустыням.— Мелкие фермы отжили свой век, ими теперь не проживешь.

— А как же ты?

— Перебиваюсь, потому что сейчас есть спрос на все, даже на кроличий пух и свиную щетину. Но разве это настоящее фермерство, Рой? У фермеров здесь одна надежда — большая ферма, много разных посевов, много скота, инвентаря и машин. Но на мелкой ферме для нас все это недостижимо, да, может быть, и на большой тоже. Никто не в силах приобрести все оборудование, какого требует эта земля. Единственный способ — это организовать общий фонд, где можно было бы нанять трактор, конные грабли, жатку, а то и просто работать на них сообща, переезжая с фермы на ферму. Только так и можно поддержать наши фермы. Но правительство пальцем для этого не пошевелит, так что, может быть, эти фермы и действительно отжили свой век. Вот разве только если наладить взаимопомощь и общий сбыт...

Роя удивило, что у Джека тоже свои заботы и тревожные мысли.

— Тебя послушать, так ты тоже не прочь прикрыть лавочку и сдаться,— сказал он Бартону.

— И не подумаю! Я ни за что не сдамся!

Тонкие губы его сжались, на обтянутых скулах проступили два белых желвака. Рой засмеялся.

— Тебе бы следовало заняться политикой,— сказал он.— Например, в Фермерском объединении.

— Что объединения? Там только и знают, что подсиживать друг друга и рвать чужой кусок изо рта. Нам надо восстановить прогрессивную партию. Протереть все с песочком. Никаких посредников и ростовщиков, ни спекулянтов, ни процентной кабалы, никаких особых привилегий для церкви, железных дорог и лесных компаний. Снизить взносы по закладным, снять проценты, никаких подачек дельцам из общественной казны.

— И среднее образование!

— Да, и среднее образование!

— Эх ты, фермер Джек! — выразительно промолвил Рой.

— Так что же, останешься здесь на зиму? — помолчав, спросил Джек.

— Ну как же я могу? — Рой глубоко засунул руки в карманы своей брезентовой куртки.— Вот что, Джек, не найдешь ты кого-нибудь, кто согласился бы поработать с Сэмом эту зиму? Денег Сэму давать не стоит. Все равно потратит их зря. Я хотел оставить их тебе и просить, чтобы ты платил работнику каждую неделю. Может быть, с помощником Сэм как-нибудь справится. Ты как думаешь?

— Теперь трудно напаять работника.

— Я знаю.

— А много ты можешь оставить?

— Около трех сотен. Выйдет по сотне в месяц.

— Это хорошая плата, но только теперь никто не хочет работать на ферме.

Рой прислонился к свиной загородке, большим и указательным пальцем он приподнял кепку за козырек, а остальными почесал темя, потом снова нахлобучил кепку.

— Вот все, что я могу придумать. Или оставаться самому.

— Нет, тебе оставаться ни к чему, Рой,— сказал Джек Бартон.— Я кого-нибудь найду. Когда, ты считаешь, он ему понадобится?

— Да с того месяца.

— А ты уверен, что Сэм захочет кого-нибудь, кроме тебя?

Рой покачал головой. Этого он не знает. К тому же он не уверен, что скажет Руфь Мак-Нэйр.

Джек знал, о чем он думает.

— Надеюсь, ты застанешь Сэма, когда вернешься с зимней охоты. Конечно, работник — это помощь, но я все-таки не стал бы на это рассчитывать.

— Кто купил упряжку? — вдруг спросил Рой.

— Билли Эдвардс, с того берега.

— А откуда у него деньги?

— Занял под урожай. Хорошие были кони, Рой. Он их откормил как следует и, я думаю, уже оправдал свои деньги, сдавая их внаем.

— Бедняга Сэм,— сказал Рой, и они оба вышли из сарая.

Джек повел Роя показывать ему остальное хозяйство: свинарник и курятник, а затем и самый дом, где куча светлоголовых ребятишек копошилась на полу вокруг задерганной матери.

Они спустились в погреб, где Джек показал свое воздушное отопление: вокруг старой железной печи он выложил кирпичную нагревательную камеру, и, когда печь топилась, горячий воздух поступал в дом через систему отдушин в полу. Теперь печь еще не топилась, и в погребе было холодно, но сухо. Джек општукатурил стены и замазал щели. На полу, на полках и на скамьях были разложены овощи летнего и осеннего сбора: тыквы, свекла, кукуруза, картофель, даже зеленые помидоры, яблоки, огурцы и несколько банок сушеного горошка. Запасено было на всю зиму. Поднявшись наверх, они уселись в кухне, уставленной бутылками и банками с заготовками миссис Бэртон. Рой наслаждался теплом и уютом этой кухни. Даже обшарпанные стены — и те выглядели надежно. На одной из них красовалась недовязанная салфетка, на которой вышито было: «Маме». Над ней висела скрипка без струн.

— Вот кончил погреб, теперь зимой примусь за верх,— сказал Джек, видя, что Рой осматривается по сторонам.

«Вот она, постоянная очередь ремонта,— подумал Рой,— сначала сарай, свинарник и курятник, потом погреб, кухня, а там уж и все остальное».

— Мэй,— сказал Джек жене,— у тебя ничего не найдется дать Рою в дорогу?

Миссис Бэртон уже выставила перед Роем две банки:

одну — красной смородины, другую — красной капусты. Неизвестно, кто смущался больше — гость или хозяйка, но Рой сгладил неловкость, он засунул в каждый карман по банке, а ребятишкам достал свои леденцы. Он купил их для себя, но у него был еще пакет в мешке у Дюкэна.

— Пойду навещу Сен-Клэра, — сказал он Джеку и быстро поднялся.

— Смотри только, чтобы при тебе не было денег, — предостерег Джек, провожая Роя. — Если собираешься с ним выпить, считай, что денег не будет.

— И откуда в тебе этот закон и порядок, Джек? — сказал Рой. Они постояли молча. — Так я тебе пришлю три сотни. А увидимся, должно быть, еще до рождества — на озере.

— Должно быть, Рой.

— Так, значит, месяца через полтора.

— Да. До скорого, Рой. До скорого.

Рой уже катился вниз по склону к дороге, ноги его поднимали клубы пыли, и ветер уносил ее. Пыли было не очень много, но, по мере того как Рой удалялся, маленькое подвижное облачко все сгущалось, и скоро Джек видел только пыль, а потом и облачко скрылось среди деревьев.

Глава третья

Зел Сен-Клэр был небольшой человечек, ростом меньше Роя и тощий. Французы Сент-Элена утверждали, что он похож на маленького высохшего французского кюре своими впалыми щеками, пронзительным взглядом, синевой на подбородке и хилым, таким хилым телом. Но Рою дела не было до этой клерикальной видимости, он видел в Зеле нечто более понятное, скажем — носильщика, ненавидящего свою работу.

Рой отыскал его по звонким ударам топора в дальнем конце лесной расчистки Джека Бэртона. Зел подрубал большую березу, и все его тело следовало за круговыми взмахами топора.

— Нелегкая работа для лесного бродяги! — окликнул его Рой.

Зел оперся на березу и перевел дух.

— Это все чертов инспектор,— сказал он.

Рой засмеялся.

— Чем плох инспектор? Блюдет закон и порядок.

— Дай срок, и угомонится. Уж я об этом позабочусь.

— Ты лучше о себе заботься. Если он увидит тебя в лесу, тут тебе и крышка.

— И ему будет крышка! — сказал Зел, проводя Роя через заросли, которые он расчищал. Четырехугольная вырубка, сдавленная скалами и лесом, уже частично заросла липой, можжевельником и густой порослью берез. Ей было всего четыре или пять лет, но через год-два она станет настоящим лесом, который придется вырубать как следует, топором. Сейчас Зел Сен-Клэр еще мог свести большую часть березы палом или большим садовым ножом, и к топору ему приходилось прибегать, только встречая сосну или подростящую березу. Джек Бэртон вовремя объявил войну наступающему лесу, купив эту вырубку летом и расчищая ее к зиме. Рой отдавал должное Джеку, он был уверен, что со временем Джек будет видным человеком в Сент-Элене, если только Сент-Элен и мелкие фермы вообще уцелеют. Теперь, после разговора с Джеком, Роя это особенно беспокоило.

— Выпей! — Зел Сен-Клэр протянул ему бутылку с каким-то пойлом, подозрительно прозрачным и бесцветным. Зел достал ее из дупла, где у него лежали куртка и нож. — Раздобыл у Оле Андерсона. Живая вода!

Рой выпил и почувствовал на небе слабый привкус аниса, но когда это пойло обожгло гортань, он понял, что пьет почти голый спирт. Они снова выпили.

— Эта штука доконает тебя, Зел,— сказал Рой.

— Не одно, так другое,— с горечью отозвался Зел, и его скрюченное тощее тело не обнаруживало первого условия жизни — желания жить.

Это угнетало Роя. В Зеле он увидел судьбу всех звероловов, лишенных права охоты. Он предложил французу еще выпить и сам выпил глоток.

— Может быть, инспектор еще вернет тебе твой участок? — сказал ему Рой.

— Отнимет его у Брэка Гарта и вернет мне? Как бы не так!

— А почему ты не уйдешь на север, на новые территории? Здесь нам все равно делать нечего, ты же знаешь. Почему ты не подашься на север, Зел?

— А жену и ребят бросить здесь?

— Проживут, пока ты там не укрепиться.

Зел покачал головой, и Рой понял, что все это он не раз обдумывал, и отверг все варианты как безнадежные, еще ничего не предпринимая.

— Инспектор прикончил меня здесь,— сказал Сен-Клэр,— и он натравит на меня всех инспекторов к северу от Муск-о-ги. Но все равно инспектору не выжить меня из Сент-Элена. Я пойду в лес и все равно буду охотиться, хочет этого инспектор или не хочет, а если повстречаемся — тем хуже для него.

Трапперы обычно расточали по адресу инспектора самые страшные угрозы, и слушатели привыкли не принимать их всерьез или принимать с большой скидкой. Но в двух случаях Рой склонен был верить в серьезность угрозы: со стороны Зела Сен-Клэра — из-за его озлобленности и Мэррея — из-за его безразличия: тот не питал к инспектору ни расположения, ни ненависти, но, встретившись лицом к лицу, знал бы, что исход один — убить или быть убитым. До сих пор Рой всегда считал, что Мэррей для инспектора опаснее, но озлобление Зела было так яростно, что это начинало беспокоить Роя, и он снова предложил выпить.

— Я на озере буду следом за тобой,— сказал ему Зел.— Вот кончу эту расчистку, и у меня хватит тогда на провиант.

— Разве Джек Бэртон платит тебе за эту расчистку?

— А как же.

— Так, значит, Джек постыдился признаться в своем великодушии! — Рой засмеялся.

— По моим расчетам, я буду там в половине ноября,— сказал Зел.

— Ну, горячий будет сезон,— сказал Рой.— Похоже, что полгорода собирается в лес, в том числе и сам инспектор. Слишком там становится людно, Зел, слишком людно.— Рой так и не мог решить, что ему нравится больше: общение с людьми, когда их много набиралось в лесу, или изумительное одиночество охоты вдаль от людей. Сейчас, разогретый водкой, он был за компанию.— Разумеется,— сказал он Зелу.— Приходи в любое время. Пользуйся любовью из моих хижин — и к черту инспектора. А что слышно о Мэррее? Где он? Я не видел его с весны.

Сен-Клэр пристально посмотрел на Роя, а потом понизил свой слабый голос так, что его было еле слышно.

— Рой,— сказал он.— Мэррей этой осенью не воз-

вращался. Он отправился в заповедник Серебряных Долларов, чтобы выбрать и устроить там зимовку.

— В пушной заповедник?

— Да. В заповедник. Раз его там уже изловили, но другой раз не поймают. Заповедник площадью в тысячу квадратных миль, и он знает там озера, и реки, и болота, о которых сами обходчики понятия не имеют. Он и сейчас там, разведывает зверя. А зверя там за двадцать лет, должно быть, развелось без счета, кишмя кишит. Особенно бобра, Рой. Там, должно быть, этого бобра столько, что шкурок на тракторе не вывезешь. Вот мы за ними и движемся. Хочешь с нами? В декабре.

Дважды, когда выдавалась плохая охота, Рой ставил капканы в заповеднике Болд-Ривер, примыкавшем с запада к Муск-о-ги. Он не чувствовал тогда угрызений совести, но позднее, поразмыслив, он дважды решал никогда больше этого не делать: из-за нескольких шкурок не стоило попадать в тюрьму и терять право на охоту. И теперь, если бы он не выпил столько этой отравы, он начисто отказал бы Зелу решительным «нет». Но сейчас в нем заговорила водка.

— Да, это было бы дело! — воскликнул он. — Брать бобров в заповеднике! Вот всполошился бы наш инспектор! — Он захохотал.

— Что ж тут мудреного, Рой, особенно если нас будет трое.

— А я-то вам зачем? — резко спросил Рой.

Зел знал, что Роя не проведешь.

— Слушай, Рой,— сказал он.— Ты лучший зверолов во всем Муск-о-ги. Ты один можешь наловить больше бобров, чем половина трапперов всей территории, было бы только что ловить. Ну, а в заповеднике — там бобров видимо-невидимо. Там на болотах так много хаток, что бобрам не хватает пропитания. Что тебе еще надо? И весь этот мех в одном месте: не надо мерить десятки миль на обходах капканов, разыскивать следы. Весь зверь в одном месте, только ждет хорошего зверолова. Тебя, Рой! Право же, все это очень просто. За один раз ты с нами наловишь столько, что хватит сварядиться на север, да еще останется. Бобер всегда в цене, ты сам это знаешь. Дело верное.

— Не слишком ли, Зел?

— Вот подожди, повидеешься с Мэрреем, поговоришь с ним. Втроем мы можем договориться. Ну, как?

Картина была такая заманчивая, что Рой поколебался, прежде чем отказаться.

— Так пойдешь?

Рой вздохнул. В нем заговорили остатки осторожности.

— Нет. Орудуйте вы вдвоем с Мэрреем. Вы вольные бродяги, Зел. А я работага траппер.

— Недолго тебе работать. Зверя-то нет.

Они допили водку, и это сделало их закадычными друзьями и неразлучными компаньонами. Сен-Клэр сложил в дупло инструмент, надел куртку, и они пошли в единственный бар Сент-Элена. Это было двухэтажное дощатое строение в шесть комнат; когда-то здесь помещался процветавший магазин. Там, где раньше был мясной прилавок, теперь устроена стойка, а на полках вместо всяких товаров — стаканы и бутылки с различными напитками. Рой и Зел Сен-Клэр ввалились в бар словно два загнанных мула, что вот-вот ткнутя носом в землю под тяжестью непосильной ноши.

— Клем,— закричал Рой бармену-янки,— я собрался в ад, так выставь мне какое-нибудь медвежье пойло, чтобы мне туда скорее добраться. Давай мне этого Блэк-энд-Блю. Тащи бутылку!

Рой еще помнил, как он налил себе, Зелу; помнил, что Клем налил по стакану для себя и для Джекки Пратта, единственного сент-эленского дурачка. А потом все поплыло, смешалось — и что он чувствовал и особенно что делал. Смутно помнились все новые порции выпивки, то, как он валился с ног и снова подымался и как его кто-то бил; мальчишки, которые дразнили его на улице: «Ты пьян, Рой, ты буянишь, Рой». Но он уже не помнил, как убеждал их: «Ну что вы, ребята. Да разве я пьян?» — и как пвырял в них камнями, когда они не унимались.

А после мальчишек был в памяти полный провал до того самого мгновения, как он проснулся в совершенной темноте, весь разбитый и больной. Голова у него разламывалась, ему было плохо. Он лежал без движения, стараясь сообразить, где он. Долго это ему не удавалось, он слегка пошевелился и вдруг сразу понял.

— Джинни,— сказал он тихо.

Лежавшая рядом с ним не пошевелилась.

Рой, не двигаясь, долго прислушивался, как она дышит в глубоком сне. Потом он осторожно слез с кровати и едва удержался, так его шатнуло назад. Он знал, где должно быть его платье, но долго нащупывал его. Сидя

на полу, он натянул носки и сапоги и тут заметил, что в окне чуть брезжит рассвет.

Одевшись, он прошептал еще раз: «Джинни!»

Она не ответила, и он не подошел к ней.

Рой больше не стал дожидаться, он как можно скорее выбрался из комнаты. В кухне он тяжело перевел дух и стал искать свою брезентовую куртку и пакет. Они лежали под окном на ларе. Натянув куртку, он стал искать кепку и нащупал ее в кармане вместе с четырьмя кусками мыла «Люкс». В пакете были две банки — подарок миссис Бэртон и две другие, еще теплые, положенные туда Джин Эндрюс. Он не стал смотреть, что она еще туда положила, но ему пришлось зажечь лампу, чтобы написать Джинни записку с просьбой передать триста долларов Джеку Бэртону.

Ему опять стало так плохо, что он сел на ларь и схватился за голову. Его уже одолевал стыд, и он постарался поскорее вывести себя из этого оцепенения, чтобы уйти, не встретив Джинни. Собственно, он знал, что хотел уйти не только от Джинни, но от себя. Всего страшнее и позорнее для него были часы пьяного забытья. Раньше Джинни Эндрюс рассказывала ему, какие гадости он творил в пьяном виде, неповторимые гадости. Это его всегда угнетало, он всегда боялся поступить нехорошо, даже просто невежливо. Со временем она перестала стыдить его, поняв, что ему самому невыносимо стыдно. Наоборот, она старалась утешить его, говоря, каким он может быть нежным и жалким. Но Рой не знал, чему же верить, и чем больше она его ободряла, тем больше он сомневался. Раскаяние было неизбежно, и он предпочитал покинуть ее вот так, среди ночи, — только бы не оказаться днем лицом к лицу с ней и с самим собой.

Он тихонько прикрыл входную дверь и на минуту остановился на пороге, почувствовав чудесный холодный воздух. Когда он проходил мимо окна спальни, Джинни услышала его тяжелое дыхание и сама тяжело перевела дыхание, которое задерживала с тех пор, как услышала, что Рой проснулся. Вот он и ушел, и между ними опять зима, еще одна долгая канадская зима.

На ферме ни Сэм, ни Руфь еще не вставали, ведь едва начинало рассветать. Рой постарался их не разбудить, потому что знал: Сэм снова станет добиваться от него ответа на вопрос, который Рой хотел считать разрешенным. Если бы он дождался Сэма и сказал ему, что Джек наймет и оплатит работника, Сэм мог не согласиться,

и Рою пришлось бы начинать все сначала. Предоставляя самому Джеку прийти и рассказать все Сэму, Рой надеялся избежать отказа Сэма, даже сделать этот отказ невозможным. Сэм примет работника. Сэм не уедет, не бросит ферму. Джек Бэртон уладит все это с Сэмом, дело теперь за Джеком.

Рой переоделся и почти бегом направился к городу.

У Дюкэна он прошел через заднюю дверь. Заплечный мешок его был готов, весь заказ уложен, и Рой еще раз с благодарностью оценил быстроту и деловитость Пита Дюкэна. Даже новые капканы были распакованы и прикреплены как следует — поверх мешка. А под капканы была засунута бутылка Блэк-энд-Блю.

Рой нуждался в ней как никогда.

— Молодчина Пит,— сказал он и раскупорил бутылку, чтобы сейчас же выпить.

Его одурманенную голову и обожженный язык опеломило новым ударом.

— Ух! Это и быка свалит! — сказал он вслух.

Рой вскинул мешок за плечи, сдвинул с раскалывающегося лба головной ремень, сунул бутылку в карман и зашагал по дороге.

Каждый раз, когда ему хотелось глотнуть, приходилось опираться на дерево, чтобы мешок не перетянул, когда он запрокидывал голову. Было неудобно, и холодный спирт стекал по подбородку на затылок.

— Это и быка свалит! — твердил он при каждом глотке.

Он пил теперь, чтобы забыть, что был пьян, и чтобы изгладить из памяти все то неблагополучие, которое оставалось позади. Во-первых, как он добрался до дома Джин Эндрюс вчера вечером? Это всегда было первой его мыслью. Ему всегда удавалось добрести туда, но как — он ни разу не мог вспомнить. Потом Сэм. Сэм хочет бросить ферму. Рой знал, что ему следовало бы остаться и до конца уладить все это дело. Надо было остаться и самому предложить Сэму нанять работника, а не предоставлять решение Сэму. Сэм может отказаться. Эта полумера Роя может только подтолкнуть его на что-нибудь отчаянное, например, сейчас же собраться и уехать. Но Рой знал, что Джек Бэртон не допустит этого. Джек уговорит его остаться. Джек найдет ему работника, Джек поддержит его. Теперь дело за Джеком. Даже Сент-Элен — и тот теперь держится только на Джеке. Джек, который не сдастся, который не даст себя выжить

с фермы ни земельным банкам, ни процентам по закладной, ни хищникам и рвачам, ни налогам, ни нехватке инвентаря, земли, помощи, осушения, денег и предусмотрительности. Сент-Элен будет существовать, пока здесь есть Джек, а пока они оба на месте, не забыт, не потерян и Рой, там, в самой глубине леса. «Ни за что не сдамся!» Он все еще видел и слышал, как Джек Бэртон произнес эти слова, и они поддерживали его.

Он снова выпил. Теперь уже за себя: он покидал Сент-Элен, оставляя там слишком мало себя; оставляя там призрак Энди, которого там, может, и нет, хотя кто знает; оставляя все нерешенным. Рой в последний раз шел охотиться в эти леса, он это знал; он предчувствовал это и в прошлые годы, но теперь знал наверно. Участок опустошен. Это он тоже знал и в прошлые годы, но сейчас предстоит окончательная проверка. Тогда-то все и начнется. Уйти на север и покинуть Сент-Элен. А потом что? — безнадежно спрашивал он себя. Будет ли здесь Сэм и старая ферма, будет ли здесь Джинни и он сам, или лес окончательно поглотит его, оторвет его от людей и наложит на него свою лапу? Нет! Он не животное. Чем больше он наблюдал зверей, тем острее чувствовал, что он человек и нуждается в людях. Лес и пустыня не поглотят его, но Сент-Элен должен помочь ему в этом. Сент-Элен, и Сэм, и Джинни, и Джек Бэртон, и сама эта дикая, скупая земля.

Рой уже одолел подъем до того места, где старая лесовозная дорога взбиралась на голый гранитный гребень. Чтобы убедиться, что существует Сент-Элен, ему надо было обернуться и взглянуть назад. Вот он, на месте, еще не проснувшийся, озаренный жутким заревом восхода. Рой постоял, переминаясь с ноги на ногу, ожидая, не покажется ли дымок, маленькая черная фигурка, грузовик, хоть какой-нибудь признак жизни. Все было пусто, и Сент-Элен выглядел так, словно проиграл свое сражение с лесом и скоро исчезнет. Таким Рой и унес его с собой в леса, когда свернул с дороги в подлесок, с пьяной головой, пьяный под тяжелым грузом, с пьяными глазами и пьяным распухшим ртом, весь пьяный, опорожнив белую бутылку и швырнув ее перед собой так, что она вдребезги разбилась о камни, весь мертвецки пьяный, кроме шагающих ног и инстинкта направления. Они-то и вели Роя в глубь леса еще долго после того, как сознание вовсе оставило его.

Глава четвертая

Стоя одной ногой в челноке, Рой другой оттолкнулся и вывел его из маленькой скалистой бухточки. Сейчас же, став на одно колено, он начал подгребать, используя разгон от толчка. Острое весло быстро погнало суденышко по тихой воде. Его крепкие руки так расчетливо прилагали свою силу, что не было ни рывков, ни задержек, а только упорное и ровное скольжение твердого брезентового корпуса, прорезавшего воду.

Он плыл по Мускусной заводи, которая вела к его главному озеру и главной из его хижин и была одним из основных участков его охоты. Это был искусственный водоем, извилистый и заросший, образованный старой бобровой запрудой, которая так надежно перегородила ручей, что получилось озерко с крутыми, густо заросшими лесом берегами. Идеальное обиталище для мускусной крысы — ондатры. Не слишком глубоко, дно и берега густо покрыты осокой, рогозом, стрелолистом и тростником и усеяны старыми душлистыми пнями — немаловажное условие для ондатры. На серо-коричневой поверхности воды повсюду виднелись травянистые, слеplенные из грязи и веток островки. На тех, что побольше, были норы ондатры, на тех, что поменьше, крысы спокойно кормились, недостижимые для хищных врагов. Рой направил челнок к одному из таких островков. Некоторыми из них он пользовался как укрытием, приманивая уток, и сейчас, когда челнок его вышел на открытое зеркало, с них поднялась туча чирков и крохалей, красноголовых и чернокрылых диких уток и свистух. Они вспорхнули небольшими шумными стайками и скрылись.

Возле одного из островков Рой подобрал двух уток, которых утром подстрелил с берега. Он бросил их на дно лодки и опять свернул к берегу, чтобы начать осмотр капканов.

Рою до сих пор было плохо, но это была слабость выздоровления. Он не помнил, как добрался до болота, не помнил даже, как покинул Сент-Элен. Знал только, что очнулся сегодня утром в своей хижине на болоте, что его сильно рвало и что каким-то образом он сберег свой мешок в целости — даже яйца. Худшее миновало, но и

теперь, гребя, он с трудом мог сосредоточиться на том, что делает. Ему приходилось напрягать память, чтобы не пропустить капкан. Он знал, что в этот раз больше чем когда-нибудь нельзя пропускать ни одного. Обловом на этом болоте всегда открывался у него зимний сезон, и это всегда бывало показателем, какой можно ждать охоты. Он уже приближался к первому капкану, как вдруг услышал, что его окликают с отмели перед хижинной.

— Рой! Рой Мак-Нэйр!

Челнок уткнулся в большой ком слипшихся водорослей.

— Кто там? — крикнул Рой. — Это ты, Джек?

Он подумал, что это Джек нагнал его, чтобы сказать, что Сэм все бросает или, может быть, что вернулся Энди Эндрюс.

— Это я, Скотти Малькольм.

— Скотти? Здорово, Скотти, сейчас причалю. — Голос Роя прозвучал глухо и тускло, теряясь в болотных зарослях. Несколькими ударами весла он повернул челнок к хижине. — Ты что, в Сент-Элен?

— Нет. Я в лес с тобой, — сказал Скотти.

— Ну, так ты избавился от длинной прогулки. Еще полчаса — и ты бы меня здесь не застал.

Скотти Малькольм охотился вместе с траппером, которого все звали Самсоном. У каждого был свой участок, но охотились они сообща. Участки их находились к северо-западу от Роя, и, проехав на челноке Роя по озеру, Скотти выгадывал двадцатимильный переход по высоким хребтам, которые вели к его владениям.

— Вчера я узнал, что ты ушел из Сент-Элена, — сказал Скотти, нагибаясь, чтобы ухватить челнок за нос. — Ну и шагал же ты. Я шел полночи, чтобы тебя нагнать.

Скотти Малькольм уселся на камень, чтобы снять мешок, и протянул Рою ружье. Это был худощавый, подвижный, жизнерадостный кельт, ростом не выше Роя, лет на десять моложе его годами и лет на двадцать — сложенем. Он был одет как настоящий охотник и траппер, не то что Рой, который выглядел скорее как рабочий-литейщик по дороге на завод. У Скотти была хоть и поношенная, но настоящая охотничья шапка. Его шерстяная куртка была спортивного покроя, его сапоги были охотничьи сапоги, с резиновыми головками и высокими голенищами мягкой кожи.

— Смотри, не замочи свои сапожки,— сказал Рой, когда Скотти, перегнувшись, опустил свой тяжелый мешок на дно челнока. Сапоги Скотти и в лесу всегда были до блеска начищены, и каждый год кто-нибудь дразнил Скотти, что они распугают дичь, отравят воду, собьют все следы и подпалят лес.

— Смотри, не потопи лодку,— не остался в долгу Скотти.

Усевшись, он взялся было за второе весло, закрепленное кожаной лямкой, но тут же ему пришлось отпустить его и ухватиться за борт, потому что Рой откинулся назад и сильно накренил челнок.

— В чем дело, Рой? — крикнул Скотти через плечо.— Ты что, устарел для увеселительных прогулок?

— Это все твой вес пера: никак не уравнишь.

— Это все ты, бездонная бочка, ишь накачался.

— А давно ли ты стал трезвенником?

Скотти не ответил. Скотти не был трезвенником, это он должен был признать, но он всегда четко различал добро и зло, даже в самом себе, а особенно в Рое, который часто не оправдывал его ожиданий.

Они оттолкнулись от берега и поплыли к первому из капканов Роя.

— Как это ты начисто не выловил это болото уже много лет назад,— сказал Скотти.

— Ондатра в этом болоте никогда не переведется, Скотти. Не было еще зимнего сезона, когда я не брал бы здесь хоть сколько-нибудь.

— Может быть. Но что ты называешь сколько-нибудь?

— Три, иногда четыре крысы на десять ловушек. Иногда весной дело доходит до недомерков, но тогда я снимаю капканы и даю им подрасти. Странное дело, Скотти, но я всегда вылавливаю сначала самых старых и самых больших крыс, а потом они идут все мельче.

Рой имел право говорить об ондатрах, потому что (из них двоих) он был знатоком. Все траперы ставили капканы на разного зверя, но большинство из них специализировалось на каком-нибудь одном. Рой работал в своем стиле — был специалистом по массовому облову. Он специализировался на том пушном звере, который собирается в большом количестве в определенном месте: бобр или ондатра живут сообществами у плотин и на болотах; они никуда с места не двигаются и ежегодным приплодом не только восполняют убыль, но еще и растут

в числе. Скотти предпочитал более пугливого и подвижного, но и более ценного зверя: норку, куницу, ласку — зверей-бродяг, которых надо было уметь выследить, разведать их тропы, водопой, почлеги.

Первый капкан был пуст, но разряжен.

— Должно быть, сорвался,— сказал Скотти, удерживая челнок на месте.

— Да нет. Это система «Виктор» с тугим предохранителем, они безотказные. Самая ловкая крыса и та не высвободится. А эта, должно быть, оттянула сторожок.

— Так почему ты не поставишь капкан поглубже в нору, чтобы она не могла зайти сбоку?

— Тогда тянет за цепочку.

Капкан был поставлен в кормежную нору. Это была небольшая впадина в рыхлом обрыве, верхняя часть ее была над уровнем воды, нижняя уходила под воду. В поисках кола, которым был закорен капкан, Рой глубоко погрузил руки в воду.

— Ты что, достаешь его? — спросил Скотти.

— Нет. Забиваю кол поглубже.

Рой насторожил капкан и установил его в норе под водой.— Теперь не вытянет,— сказал он. Потом срезал три или четыре тростниковых стебля и воткнул их в грязь возле капкана как скромную приманку.

Они объехали все болото, осмотрели все капканы: и в кормежках, и в ночлежных норах, и на кочках, где крысы поочередно оставляют следы пахучего липкого мускуса, вызывая на свидание или на поединок; и возле дуплистых пней, служащих им уборными. Нигде ничего.

— Осталось еще два,— сказал Рой.

— Похоже, что ты можешь поставить крест на этом болоте,— сказал Скотти.

Но в последних капканах было по крысе.

— Неплохие,— сказал Скотти.

— Средние,— возразил Рой, бросая крыс в челнок.— В первый раз у меня на этом болоте такая неудача.

— Две на десять капканов — это неплохо, Рой.

Рою пришлось согласиться, но внезапно он принял решение.

— Давай-ка пройдем еще раз. Я сниму половину этих капканов. Что им зря сидеть в этом болоте?

— А тебе что, не хватает капканов?

— Нет.

— Так зачем же снимать их?

— Зряшное дело, Скотти. Зряшное дело.

Они сняли четыре из десяти капканов и переправились на другой берег озерка, где и пристали среди гущи водорослей. Скотти вылез первым и придерживал челнок, а Рой не захотел больше мочить ноги. Он закинул мешок за плечи и передал ружье Скотти. Став на колени, Рой быстрым броском опрокинул челнок себе на голову, и они начали переволок. Весла, закрепленные в кожаных уключинах, уравнивали лодку на плечах, а борта упирались в предплечья. Главное было — держать равновесие, и Рой свободно размахивал руками, следуя за Скотти по узкой лесной тропе вверх по крутому подъему.

Они не разговаривали. Еще до конца подъема пошел дождь. Поначалу слишком слабый, чтобы пробить сосновые ветви, нависавшие над тропой, он скоро стал окатывать их потоками воды, и они шли то мокрыми прогалинами, то прогретыми сухими аллеями из сосен, где было сухо над головой, сухо в воздухе, сухо везде. Так они дошли до перевала. Перевалив и начав длинный спуск, они все чаще попадали на мокрые прогалины и через час извилистого спуска, промокшие до костей, выбрались к узкому концу Акульего озера.

— Спусти челнок на воду, а я погляжу. Тут у меня два капкана на норок, — сказал Рой. Он опустил челнок на отмель и пошел, пробираясь по берегу между скалами и буреломом. Капканы были поставлены у входа в обиталище норок, у самой воды. Рой поглядел на гладкую скалу, спускавшуюся к плоской песчаной отмели, и еще раз подумал, что нет места лучше для норки. Но в эти ловушки за всю весну не попало ни одной. Теперь тоже ничего не было, и он снял их.

— Ты становишься чересчур разборчив, Рой, — сказал Скотти, увидев капканы. — Зачем ты и эти снял?

— Здесь нет больше пушного зверя, — сказал Рой.

— Ты слишком много требуешь. — Скотти влез в челнок. — Зверь приходит и уходит, — добавил он.

— Он уходит, уходит, уже ушел! — сказал Рой. — Отсюда, по крайней мере, он ушел.

— А ты просто на себя дурь напускаешь, — сказал Скотти, и от сильного удара весла нос лодки так зарылся в воду, что Рою пришлось дважды сработать веслом, чтобы ее выровнять. — Ты сколько лет твердишь, что участок выловлен, но каждый раз как-то обертываешься. Пушнина становится меньше и дичи тоже, но это дело поправимое. Всегда так бывало.

— А теперь не то. С каждым годом зверь уходит все дальше на север.

От дождя вода стала как мертвая, и нос челнока легко резал ее податливую поверхность. Хотя время близилось к полудню, видимость сквозь дождь была плохая.

— Уходит на север,— повторил Скотти.— Все вы помешались на этом. Все собираются уходить на север.

Рой и сам не был уверен, правильно ли он делает, снимая капканы. Как знать, а вдруг и эта покорность отчаяния и сборы на север — все это лишь отражение его краха в Сент-Элене.

— А то как же, Скотти,— сказал он крепким плечам и затылку впереди себя.— Нам всем предстоит либо уходить на север, либо осесть на ферме в Сент-Элене. Так что выбирай, Скотти. Выбирай любое из двух.

Всю дорогу по озеру они не переставали спорить.

— Послушай. Уж с этим ты должен согласиться,— сказал наконец Скотти, когда они начали переволок через узкую перемычку к последнему озеру.— Если ты не перестанешь снимать отсюда капканы, то этой зимой мехов у тебя не будет.— Теперь Скотти тащил челнок на голове, а Рой шел впереди, посмеиваясь тому, что Скотти в споре, как и всегда, чересчур принимает все к сердцу. Но невольно хотелось разделять оптимизм Скотти в отношении их будущего, и хотя сам Рой слишком трезво смотрел на вещи, чтобы с ним соглашаться, все же слушать его было приятно. На мгновение это оживило в нем утраченную веру в свой охотничий участок.

Прежде чем пускаться в путь на последнее озеро — озеро Т, основную базу охотничьих угодий Роя, они остановились позавтракать в одной из его старых, заброшенных хижин. Когда-то охотничьим центром Роя были Мускусная заводь и первая построенная на ней хижина. Позднее он передвинулся севернее и построил эту хижину на озере Т. Еще позже, десять лет назад, он подался еще севернее и выстроил свою третью хижину на другом берегу озера, в двух часах отсюда лодкой. Как и многие озера Канады, это озеро названо было по своей форме, напоминающей заглавную букву Т. Сейчас они были у основания буквы, а чтобы попасть к теперешней хижине Роя, надо было подняться по средней палочке, свернуть налево и плыть до конца поперечины.

— Где у тебя ключ? — спросил Скотти, когда они сбросили мешки у порога хижины и отряхнулись от дождя.

— А почему ты не хочешь развести огонь здесь, на воздухе? — спросил Рой.

— К чему это? Разве ты снял печку?

— Да нет, она стоит на месте,— отозвался Рой и достал ключ с гвоздя под застрехой.

Скотти отпер дверь, и они вошли.

Роя этого не хотелось, он не любил входить в свои заброшенные хижины. Она была прочной постройкой, сухая, но внутри неимоверно запущена. В ней стоял тяжелый запах гнили, и все было запаковано мышами. Мыши изгрызли матрац, и вся хижина до самых стропил была в обрывках мочала и растительного пуха. Повсюду — на полках, на грубо сколоченных столах, в печи и даже в лампе — были мышиные гнезда. Рой и Скотти затопали ногами, и большинство мышей скрылось, но некоторые остались и нагло глазели на непрошенных гостей. Одна не могла выбраться из стеклянной банки, пока Скотти не опрокинул банку, а тогда шмыгнула прочь. Рой сплюнул в ладонь табачную жвачку и запустил ком в последнюю мышь, сидевшую на печке. Он промахнулся, но мышь нырнула в открытую конфорку и больше не показывалась. Это была большая беловолая полевка, остальные же были обыкновенные серые домашние мыши и одна крыса, за которой Скотти долго охотился, выгоняя березовым поленом из всех углов, и наконец убил, когда она метнулась к открытой двери.

— Зачем ты ее убил? — спросил Рой.

— Всегда убиваю крыс,— сказал Скотти.— Ненавижу этих гадин!

— Чем они гаже мышей? Убиваешь одних, убивай всех!

— Да я крыс не терплю,— сказал Скотти.

Рой не стал спорить. В другое время он заставил бы его еще раз изложить свои теории о добре и зле в мире животных. Но Рой уже забыл про Скотти. Оглядывая хижину, он чувствовал, что время и жизнь проходят слишком быстро. Еще сравнительно недавно эта хижина в глубине леса жила полной жизнью — и казалось, что это надолго. Теперь она была заброшена и близка к полному разрушению. Еще немного — и пазы разойдутся, крыша провалится, бревна растрескаются, пол прогнет и вся его постройка рухнет. Пока еще она выглядела прочной, но Рой знал, что она обречена. Это было своего рода напоминанием, что лес мог поглотить все — человека, или хижину, или весь поселок Сент-Элен. Рой подумал, что

даже не столько лес разрушает дело рук человеческих, а сама жизнь опережает их. Рой не мог бы определить это точнее, но у него мелькала иногда мысль, что виноват в этом человек, что природа всегда будет побеждать людей, если только люди не побьют природу ее же оружием. Он твердо верил в победу человека над природой; но эта хижина была доказательством, что он частично побежден, что зверь ушел от него своим путем на север и что скоро ему придется уходить туда же. Это было прообразом того, что ожидает и Сент-Элен, если голый гранит и бесплодная земля победят Сэма и фермера Джека.

— Пойдем отсюда,— сказал он Скотти.— Лучше поесть на воздухе.

Они заперли дверь хижины и развели костер у самого озера.

Эта полоска воды была для Роя настоящим домом. Он любил плыть по ней и наблюдать, как она раздвигается перед ним в широкое полотно озера, как растут высокие скалы, а потом делаются ниже и пропадают, скрытые густой зарослью пихт, елей и сосен. Именно здесь он опять начинал особенно остро чувствовать лес. Для него это озеро было началом необитаемого края, который простирался необжитой и нетронутый до самого Гудзонова залива. То, что на карте между озером и Арктикой были помечены поселения и города, не имело значения. Это были великие канадские леса; и чем выше Рой поднимался по озеру Т, тем ощутительнее они его обступали. Когда дождь перестал и прояснилось небо, перед ним возникли знакомые скалы, деревья и хребты. Они так четко были запечатлены в его мозгу, что он даже не сознавал, что наблюдает их, и все же каждый раз он находил что-нибудь новое, особенно возвращаясь из Сент-Элена.

— Ты замечаешь, как сосна и ель обгоняют березу,— сказал он Скотти. Они были на стыке основания и перекладины буквы Т. Напротив них, за самым широким плесом, был крутой склон хребта, протянувшегося по самому берегу на три-четыре мили. Им хорошо был виден лес по всему склону, лес, исполосованный воздействием лесоруба и огня. Это был молодняк по вырубкам, большей частью густые поросли крепкой березки, уже оголенной надвигающейся зимой. Березы ярко белели на фоне черной земли и скал, припиравших их к склону. Но как ни част был узор берез, темно-зеленые верхушки пихт и елей делали все многочисленнее. В битве за

солнце между молодыми березами и хвойными медленнее растущие хвойные в конце концов брали верх. Рой знал, что они победят березу. Скоро вся округа станет опять хвойным лесом, если только неистовые лесорубы или яростные пожары не убьют всю молодую хвойную поросль.

— А что я тебе всегда говорю, Рой,— твердил Скотти.— Все в лесу меняется. То, что на время уходит, потом возвращается. Зверь тоже вернется, как и эти пихты.

Рой закинул голову и засмеялся.— Тебе бы священником быть, Скотти.

— Не понимаю, чего это тебе всегда приходит в голову,— сказал Скотти.

— Всегда надеешься увидеть то, чего на самом деле нет,— настаивал Рой.

— А есть у тебя на тех островах капканы? — спросил Скотти, ненадолго перестав грести, когда они вышли на широкое место. Справа от них, в самом центре озера, над водой подымались два покрытых редким лесом островка — вершины двух подводных гор.

— Нет, когда замерзнет, я ставлю там капканы на лис,— сказал Рой.

— У тебя пропадают хорошие места для улова,— заметил Скотти.— На такие вот островки норки навешиваются к уткам и чайкам в гнезда. Тебе бы поставить тут парочку капканов, Рой.

— Но через неделю-другую птицы все снимутся,— сказал Рой.— А с ними уйдут и норки.

— Так ведь это через несколько недель. И все равно, когда озеро замерзнет, норки там непременно будут.

Рой уже давно потерял надежду поймать хоть одну норку на этих островах, но сейчас он был полон энергии. Лес овладел им, и он повернул челнок к острову.

— Ладно, уговорил меня, Скотти! — закричал он.— Наддай, может, успеем поставить капканчик-другой и вернуться домой засветло.

Их соединенными усилиями двенадцатифутовый челнок быстро резал тихую воду. Они так его гнали, что нос задрался, а корма осела. Откинувшись, они нарочно перенесли центр тяжести назад, чтобы скользить на одной корме и тем уменьшить сопротивление воды. Надо было быть первоклассным гребцом, чтобы так сильно грести при такой неравномерной и большой нагрузке, но оба были мастерами своего дела. Они щеголяли друг перед другом, стараясь сильнее подать лодку на своем

гребке. Удары весел становились все быстрее и резче, челнок все больше задира л нос, но ни одному из них не удавалось пересилить. Впрочем, вес и сила здесь не имели значения. Важно было мастерство и выносливость, и оба не сдали до самого острова.

Помогая друг другу, они поставили три капкана на обоих островах. Работали они споро и быстро, пустив в качестве наживки одну из подстреленных Роем уток.

— Скорее, Скотти,— сказал Рой и оттолкнул челнок от берега, едва дождав шись товарища.— Я вовсе не собираюсь катать тебя по озеру. Берись за весло. Я тебя так завожу, что ты к хижине на карачках потащишься. Наддай, Скотти! Наддай!

Теперь они по-настоящему спешили, и было не до разговоров. Только время от времени Рой откидывал голову и смеялся, смеялся их соревнованию, смеялся напряженному движению гибких плеч Скотти, мелькавших перед ним, смеялся терпкой радости быть снова в лесу вблизи от своего дома.

В конце концов Рой измотал Скотти: тот был моложе, и ведь это был привычный путь Роя, который спешил домой. К тому же темнело, а Рой был неутомим в состязании с темнотой. Рой, можно сказать, греб за двоих к тому времени, как они втянулись в узкий залив озера, и перед ними на самом берегу внезапно открылась приземистая бревенчатая хижина, словно присевшая на огромном плоском валуне.

— Ну, вот тебе приятное зрелище,— сказал Рой приотмившемуся Скотти.— Хижина в лесу, возвращение охотника домой.

— Где его кто-то ожидает,— добавил Скотти.

Из трубы поднимался дым, и, когда они ввели челнок в скалистую бухточку, дверь хижины распахнулась и из нее вышли двое.

Глава пятая



— Сохатый! — воскликнул Рой.

Это был крупный мужчина. Держался он небрежно, ходил не торопясь. С беспечностью истого лесного бродя-

ги он невозмутимо прошагал двадцать ярдов, отделявших хижину от воды. Он был так похож на лесного зверя, именем которого его прозвали, что Рою всегда казалось, что ему пристали бы гордые и мощные рога настоящего сохатого.

— Да это, никак, Рой? — сказал Мэррей, и за этими словами не было никакой мысли, все было как на ладоши, полно уверенности и спокойно до апатичности.

— А почему ты знал, что это не инспектор? — радостно заревел Рой, давая волю своему восторгу.

— Да еще с того берега слышно, как ты хохочешь, — сказал Мэррей.

— Хэлло, Самсон, — обратился Рой ко второму. — Я привез тебе твоего напарника.

Самсон был совсем другой. Где-то посредине между туго сбитым крепышом Роем и крепкой высоченной фигурой Сохатого. Не будь рядом Мэррея, Самсон казался бы великаном. Но не за рост наградили его кличкой. Он обязан был ею своей черной густой бороде. Бороде и еще решительным движениям, решительной походке и решительной осанке: полная противоположность Мэррею, который высился над ним волею природы, но не по собственной воле.

— Ты что, пьян? — спросил Самсон Роя.

— Спроси Скотти, — ответил Рой. — Он-то трезв, да совсем умаялся.

Мэррей и Самсон потащили в хижину мешки и ружья, а Рой с Скотти тем временем вытянули челнок из воды и опрокинули его на береговые камни. Рой подобрал двух пойманных крыс и пошел к хижине таким шагом, словно отправился в большой переход. Совсем отошавший Скотти ковылял вслед за Роем.

— Ты только понюхай, Скотти, — сказал Рой, когда они вошли в хижину.

При виде разведенного огня и стряпни Рой совсем растаял.

— А что это у тебя на сковородке? — спросил он Мэррея.

— Да вот, подстрелил олененка у Небесного озера, — ответил Мэррей, отрезая еще два куска от неосвежеванной туши оленя, лежавшей тут же на козлах. Он бросил мясо на большую сковороду и занялся готовкой, а Рой и Скотти присели на одну из коек, чтобы разобрать мешки.

— Как поживает твой друг, инспектор? — спросил Мэррей.

— Собирается зимой к нам пожаловать, — сказал Рой.

— Ты, конечно, пригласил его? — загрохотал Самсон.

— Само собой. Конечно! — отвечал Рой, наслаждаясь репутацией единственного человека, который осмеливается бросить открытый вызов инспектору, почему его и дразнили, что они с инспектором на дружеской ноге.

— А у нас и капкан для инспектора готов, — сказал Самсон.

Начался разговор об инспекторе, который все оживлялся по мере того, как росли угрозы. Больше всех грозился Самсон, спокойнее всех был Скотти, который заявил, что инспектор, собственно, выполняет свой долг.

— Эх, инспектор, инспектор! — только и вымолил Мэррей.

Рой, снимая сапоги и носки и раскладывая их на полу возле печки, слушал и подзадоривал других. Сидя на койке и болтая толстыми босыми ногами, не достававшими до пола, он медленно свыкался с дружеским объятием своей хижины.

— Подкинь-ка дровец, Сохатый, — сказал он в лад своим мыслям. — Наконец-то охотник вернулся домой! — Он ожидал, что тот отзовется на его выходку, но Мэррей только медленно и безучастно улыбнулся, и Роя это огорчило. Он всегда старался рассмешить Мэррея по-настоящему, заставить его играть свою роль в этой лесной постановке, но Мэррей разве что изредка спускался до ленивой заключительной реплики. Единственный раз он засмеялся, когда Рой впервые назвал его лесным бродягой.

Мэррей продолжал стряпать, а Рой вынул карманный нож с длинным лезвием. Сплюнув черную от жвачки слюну на точильный камень, он направил нож и принялся снимать шкурку с ондатры.

— Ты когда-нибудь видел, как енот жрет крыс? — спросил Рой.

— Да тут отродясь енотов не бывало, — ответил Мэррей.

— Они все ушли на север, — кольнул Роя Скотти.

Рой засмеялся.

— Верно, Скотти. А я вот видел енота в прошлом году на болоте. Он грабил мои капканы. Один раз ночью я, сидя на кочке, видел, как он свежует и ест мою кры-

су. Начал он с того, что отгрыз ей голову, потом стянул шкурку вот так же, как я сейчас делаю. Ну, когда он кончил, тут я его пристрелил. Получил готовенькую шкурку крысы и енота в придачу.

— Ты его, должно быть, выдрессировал,— сказал Самсон.— Поглядеть, как ты свежуеть этих крыс, можно подумать, что в тебе есть индейская кровь.

Рой стягивал шкурки на индейский манер — от головы к хвосту вместо обычного способа трапперов, которые, наоборот, начинали с хвоста. Они поспорили, как уже десятки раз спорили об этом. Рой утверждал, что, сдирая шкурку от головы, чище отделяешь жировой слой от шкурки и не рвешь ее, тогда как Скотти и Самсон утверждали, что при этом шкурка пересушивается, портится и ломается. В конце концов, последнее слово оставалось за Роем, потому что ему всегда удавалось получать самую высокую цену за меха, хотя это на самом деле было результатом более тщательной выделки шкурки, гораздо более тщательной, чем у кого-нибудь в Муско-ги. Но и это не прекращало спора, и они долго препирались. Все, кроме Мэррея. Он не вызывал никакого интереса к различным способам свеживания крыс. Сдираешь с крысы шкурку... Ну и сдираешь... Вот и все!

— Енот,— сказал в заключение Скотти,— он-то знает, что делает. Нет лучше зверя в лесу, чем енот,— продолжал Скотти.— И чистоплотней его нет. Какой еще зверь станет полоскать мясо в воде, прежде чем съесть?

— И как еще он его не поджаривает,— насмешливо заметил Рой.

— Ну, это, во всяком случае, поджарено,— сказал Мэррей про свои олени бифштексы.— Давайте тарелки.

Они принялись за еду, сидя на сосновой скамье у стола, прибитого к стене. Как и все в хижине, стол рубленый, но прямой и крепкий. Рой сколачивал его на годы. Он выстроил хижину так прочно, что Самсон уверял, что это он себе сколотил гроб. Но для хижины она была достаточно велика — двадцать футов на восемнадцать, и без единой щели. Кроме стола, в ней было две койки, голова к голове, в одном конце, у двери — маленький столик с умывальным тазом, кладовка, ящик с добром Роя под окном и небольшая железная печка. Все было сделано основательно: пол прочный, бревенчатый, без перекосов и прогибов, крыша толевая, четыре окна. В одном углу до самой крыши были сложены бе-

резовые чурки, и Рой, на минуту оторвавшись от еды, подбросил несколько чурок в печку.

Стало жарко, Самсон вскочил и распахнул дверь.

— Тут с тобой задохнешься,— закричал он.

— Снеговик Самсон! — пожаловался Рой. — Ты еще когда-нибудь до смерти замерзнешь. Вероятнее всего, у себя в хижине.

В противоположность хижине Роя у Самсона была убогая сквозная хибарка. Самсон намеренно держал ее в небрежении. Скотти, который делил с ним хижину, находил, что зимой в ней совершенно невыносимо, но Скотти никогда не жаловался, потому что, по его убеждениям, он должен был считаться с правами другого. Оба страдали от этого, но Рой знал, что оба довольны тем, как и почему страдают.

— Как это ты не задохнулся в своем танке на фронте? — сказал Рой Самсону. — Ты, должно быть, буравил дырочки в броне, чтобы дышать свежим воздухом.

— Когда становилось жарко,— сказал Скотти,— он выпрыгивал и бежал рядом.

Фронтные дела было единственное, чем Скотти и Самсон друг друга поддразнивали. Они вместе пошли на фронт и служили на одном танке, так же как сейчас жили в одной хижине. Они дрались у Арнема, освободили Данию, переправлялись через Рейн, а потом возвратились домой, к охоте; один еще более загрубелый, другой с идеями. Между собой они сохранили мир тем, что никогда не спорили, хотя Рой за последние два года много раз пытался сравнить их. Друг к другу они относились уважительно, разве что когда спорили о военных делах, но и тогда в их перекорах не было едкости, во все нет.

— Знаешь, я уже почти достроил хижину в заповеднике,— спокойно заявил Мэррей, отставив свою оловянную тарелку и облокотившись о стол.

— Тебе бы лучше не рассказывать об этом в присутствии таких законопослушных граждан,— заметил Рой, наливая всем по большой кружке кофе.

— А я думал всех вас пригласить туда с собой,— сказал Мэррей.

— Зел уже приглашал меня,— отозвался Рой.

— А как вы двое? — спросил Мэррей остальных.

— Там норка водится? — спросил Самсон.

— Чего только там не водится,— ответил Мэррей. — Всего на всех хватит. Там можно наловить столько, что

на много лет вперед хватит, особенно бобра. Нигде не видел столько бобровых хаток, Рой.

— Так как же, Самсон?— осведомился Рой.— Пойдешь туда?

— А ты? — спросил Самсон.

— Может быть,— поддразнил его Рой.— Особенно если ты пойдешь.

Скотти знал, что Рой может подстрекнуть Самсона на любое самое безрассудное предприятие. В прошлом году, перед самым ледоставом, он поспорил с Самсоном на пятьдесят долларов, что тот не переплывет озера. Самсон переплыл, но после этого едва выжил. Теперь Рой подзуживал Самсона на затею еще более смехотворную и опасную, и Скотти ждал беды.

— Если вы, ребята, вздумали стать миллионерами,— сказал он,— почему бы вам не ограбить банк? Ничуть не рискованнее, чем охотиться в заповеднике.

— Да там тебя никто и не увидит, в заповеднике,— сказал Мэррей.

— Легче легкого! — заявил Рой.

— А еще легче попасться,— предостерег Скотти.

— Его преподобие отец Скотти Малькольм,— сказал Рой.— Ты чего, собственно, боишься? Инспектора?

— Никого я не боюсь, и инспектора тоже,— сказал Скотти.— Вам, ребята, просто не терпится нарушить закон. Только и ждете случая. А как же можно без закона? Чем была бы без него наша страна?

— Тем же точно, что и сейчас,— ответил за всех Рой.

— Надо же во всем различать добро и зло,— настаивал Скотти.

— Ну, так это зло,— сказал Рой.— Пойдешь, Самсон?

На бородатом лице Самсона ясно видно было, как ему трудно устоять против этого явного подвоха.

— Скотти? — воззвал он.— Что ты об этом думаешь?

— Нет уж, меня увольте!

Самсон пожал плечами, и это было достаточно выразительным отказом, но Рой уже не знал удержу и приставал к Скотти до тех пор, пока Мэррею это не надоело.

— Ладно, один или все,— сказал он.— Но только каждый со своими капканами.

Скотти почувствовал, что, пожалуй, хватил через край со своими правоучениями, он порывлся в брезентовом мешке и вытащил бутылку водки.

— Мечта зверолова,— сказал он Роя.— Починай!

— За ваше преподобие! — с восторгом воскликнул Рой и тут же припал к бутылке, как человек, умирающий от жажды.

До сих пор Рой несерьезно относился к предложению Мэррея охотиться в заповеднике. Разыгрывал он на этот счет и Самсона. Но сам-то в глубине души знал, что раздражает Самсона потому, что сам разожжен Мэрреем, дразнит Самсона рискованной затеей потому, что она и самого его раздражила. Всегдашняя история. Давешний вызов Самсону переплыть озеро возник из насмешливого замечания Самсона, что Рой стареет. Он обратил насмешку на самого Самсона, и вышло так, что вместо сорока-трехлетнего мужчины поплыл через озеро молодой двадцатисемилетний человек. В тот раз выручило Роя то, что Самсон едва выдержал это испытание, и Рой с удовлетворением убедился, что молодые тела могут быть менее выносливы, чем стареющие. Но теперь Мэррей предлагал всерьез, и Рою приходилось в одиночку бороться с испугом и самостоятельно делать выбор.

— Длина того озера около десяти миль, — рассказывал Мэррей, пока все четверо допивали водку. — Со всех сторон в него впадают речки, и на каждой — бобровые плотины, так что все кругом заболочено. На всех запрудах, вероятно, не меньше трехсот бобровых хаток. А это значит не меньше девятисот взрослых бобров. Так ведь, Рой?

— А почему же никто их там не охраняет? — спросил Рой.

— Понятия не имею, — сказал Мэррей, — но только уже больше пяти лет туда ни один обходчик и носа не совал. Нам надо только перекинуть туда один из твоих челноков еще до морозов; тогда можно будет облавливать одну речку за другой. И вся эта первосортная пушнина на одном пяточке!

Один из челноков Роя! Мэррей требовал многого и знал это, как знали и Рой, и Самсон, и Скотти. Но Мэррей умел просить, не считаясь с тем, о чем просит, умел просить с небрежным безразличием. Рой уклонился от прямого ответа.

— А почему ты знаешь, что обходчики туда не заглядывали? — спросил Мэррея Скотти.

— Да они всегда ставят свои отметины, — сказал Мэррей. — Вбивают столбы, клеймят деревья, вехами отмечают дорогу. А вокруг этого озера никаких следов или меток; я там все кругом облазил. Во всяком случае, до

ближайшего кордона там не меньше трехсот миль, и это на самом краю заповедника.

— Может быть, они вообще об этом озере не знают?— предположил Рой.

— Я в этом совершенно уверен,— сказал Мэррей.

— Ты и в прошлый раз был уверен, однако попался,— сказал Скотти. Он раскаивался, что выставил бутылку, опасался того, на какие сумасшедшие поступки она могла толкнуть Роя, и считал своим долгом бороться ва Роя с преступным влиянием этого бродяги.

— В прошлый раз,— спокойно отозвался Мэррей,— мне пришлось пересечь весь заповедник, чтобы добраться до места охоты. Ну, они меня и выследили. Но это озеро в самом дальнем конце. Туда мы можем попасть, обойдя участок Индейца Боба и срезав севернее твоего, Скотти, затем перетащить челнок через хребет Белых гор и спуститься по долине к Серебряной реке. Озеро чуть севернее, и найти его нелегко. Оно затеряно среди сотен других озер и в самом заповеднике и вне его. Нам надо только добраться туда до заморозков и обловить побольше речек, пока они накрепко не замерзнут. Иначе придется совершить хорошую прогулку туда и обратно.

Рой поднялся и сплюнул жвачку прямо в топку печи.

Самсон был поглощен очередным глотком из бутылки.

Мэррей скручивал самокрутку очень тщательно и очень искусно.

Скотти нервно шелкал затвором своего тридцатипятикалиберного ремингтона.

— А в самом деле, почему бы нам не отправиться туда, Скотти?— вдруг спросил Самсон.

— Нет уж, увольте! — повторил Скотти.

Рой больше не уговаривал Самсона. Но сам он все более укреплялся в своем решении.

— Хоть поглядели бы еще раз по-настоящему на бобров,— все горячее рассуждал он.— А то здесь на эти покинутые хатки глядеть противно. Когда уйдет бобер, словно весь лес пустеет, а бобер уходит, Скотти; уж мне-то можешь поверить, он уходит. И ты это знаешь, и я знаю, и все мы знаем. Уходит, все равно как фермеры из Сент-Элена. Выловили зверя, выпахали землю.

— Просто ты опьянел раньше времени,— заметил Скотти.

— И ты и инспектор, оба вы только и знаете, что твердить мне, что я пьян!

Все они порядком выпили, и спор разгорался и переходил на личности, пока наконец Скотти не закричал, стараясь спасти Роя от самого себя:

— Ты кончишь тем, что окажешься вне закона, как Мэррей!

Мэррей отхлебнул еще глоток и спокойно слушал их спор.

— Я еще не вне закона, — возражал Рой.

— Ну, так скоро будешь, — настаивал Скотти. — Попадешься на незаконной ловле в заповеднике, вот ты и вне закона, Рой.

— Я не собираюсь попадаться, — кричал Рой. — Я всю жизнь ловил королевскую дичь, однако не попадался. Да, черт побери, я стрелял королевских оленей в самой Англии и не попадался. Почему же мне непременно попадаться сейчас?

Это была давнишняя похвальба Роя — каждый зверолов Муск-о-ги слышал от него самого или от других, что Рой занимался охотой на королевскую дичь в Большом Виндзорском парке. В первую мировую войну часть Роя была расквартирована на границах этого парка, и Рой уверял, что снабжал весь лагерь олениной, еженощно перелезая через королевский забор, ловя олененка или ланя и с помощью ротных поваров заменяя ею конину, которую отпускало им интендантство. Это была одна из лучших ставок Роя в его игре с жизнью, это, да еще то, что в шестнадцать лет он мог похвалиться, что окружность грудной клетки у него рекордная для всей Канадской армии.

— Слышали мы, как ты обедал за счет короля, — кисло прервал его Скотти. — Только в Виндзорском парке не было никаких инспекторов, а в заповеднике их пять. И потом, Рой, надо же когда-нибудь прекратить это браконьерство.

Рой захохотал.

— Мы браконьерствуем только потому, что кто-то называл это браконьерством. Подожди, вот скоро инспектор объявит мертвый сезон на все виды пушного зверя в нашем Муск-о-ги и каждую пойманную тобой мышь тоже объявит браконьерством.

— Ну, этого они не сделают, — сонно отозвался Самсон.

Рой выпил со дна бутылки. Водка была густая и мутная, и когда она ожгла ему язык, к Рою вернулся заснувший было юмор.

— Самсон,— сказал Рой,— когда король объявляет бобра крысой, а рысь — медведем, он все равно прав. Так сказано в законе о звероловстве и рыболовстве. Губернатор тоже может назвать всякую вещь как ему вздумается. Он может объявить рыбу пушным зверем, он может всякую тварь считать королевской дичью и заявить на все королевские права. Губернатор в государственном совете может объявить березу пихтой, сосну — кленом, озеро — рекой, дерево — камнем. На то он и губернатор. И если он заявит, что ты браконьер, то, клянусь богом, Самсон, ты им и будешь, чем бы ты на самом деле ни занимался. Так почему же нам не браконьерничать? И почему бы нам не охотиться в заповеднике? Что это, не тот же лес? Всякая дичь принадлежит лесу, а лес принадлежит трапперам, точно так же, как Сент-Элен принадлежит фермерам, а Сэдбери — шахтерам. Ты веришь в то, что ты браконьер только потому, что браконьером называет тебя губернатор. Да! А ты попробуй слови меня, когда я в лес заберусь!

— Ты пьян,— с отвращением сказал Скотти.

— Ваше преподобие, досточтимый отец инспектор, Скотти Малькольм,— произнес Рой.

— Так что ж, ты и на самом деле туда собираешься? — спросил Скотти.

Рой захохотал.

— А что, там действительно такая уйма бобров, Сохатый?

— А то как же,— сказал Мэррей, который с каждым глотком становился все спокойнее, все рассудительнее.

— Тогда почему и не пойти,— сказал Рой.— Пойду. Хотя бы для того, чтобы натянуть нос этому губернатору.

— Покажи им, Рой! — поддержал его Самсон.

— Вот мы с тобой вместе и покажем всему свету, Самсон,— сказал Рой.

— Мы с тобой,— повторил Самсон, вставая во весь свой рост рядом с Роем.

— Самсон,— сказал Рой,— ставлю пятьдесят долларов, что ты не вышвырнешь Скотти за дверь. Ставлю сто, что зацепишь его за порог!

Тут засмеялся даже Мэррей.

— А я ставлю еще пятьдесят, что ты не сбросишь Роя в озеро,— сказал он Самсону.

Скотти горестно допивал водку, а тем временем вызовы становились все отчаянней.

— Кто лучший стрелок во всем Муск-о-ги? — вдруг спросил Рой.

— Я! — заорал Самсон.

— Ну что ж, посмотрю, как ты подстрелишь мышь в том углу из тридцатипятикалиберной Скотти,— сказал Рой. Он взял ремингтон Скотти и протянул его Самсону.— Пять долларов!

— Дай-ка патронов,— попросил Самсон у Скотти.

Скотти поглядел на своего напарника.

— Только не моими патронами,— отрезал он.

— Ну, полно, Скотти,— просил Самсон.

Остальные двое наблюдали за их размолвкой, ожидая, что она превратится в ссору. Никогда еще дело у них не заходило так далеко. Скотти был взбешен, а Самсон полон самоуверенной заносчивости, и оба пьяны.

— Если вы затеете стрельбу здесь, кто-нибудь пострадает,— сказал Скотти.

— Да брось ты, Скотти,— сказал Рой.— Дай ему пострелять.

Зная, что этого нельзя делать, но не желая ссориться с Самсоном, Скотти надорвал пачку и протянул Самсону пригоршню патронов. Самсон сидел на одной койке с Роем, а Мэррей и Скотти — на другой, все в ряд по одной стене хижины. Застреха, из-под которой время от времени появлялись мыши, была на другом конце, на верхнем бревне, соединявшем стену с крышей. По этому бревну мыши могли свободно бегать вокруг всей хижины, но чаще всего они появлялись над дверью. Гнездо у них, должно быть, было в углу, за сложенными чурками.

Четверо охотников выжидали появления первой мыши, ружье лежало у Самсона наготове поперек колена.

— Если пуля даст рикошет,— сказал Скотти,— она кого-нибудь из нас укокошит.

— Может быть, тебя, Скотти,— сказал Рой.

Самсон выстрелил.

Пуля вылетела из ствола со скоростью около двух тысяч футов в секунду. Это была пуля с мягким наконечником, она ударилась в сухое сосновое бревно совсем рядом с мышью, отколола щепку, так что мышь расплющило о крышу, отскочила к боковой стене и провалилась в березовые чурки. Звук выстрела и взвизг рикошета заставил всех пригнуться и застыть на мгновение. Потом Скотти воскликнул:

— Он заработал твои пять долларов, Рой!

— Да, черт возьми, попал,— сказал Рой.

Вместо того чтобы кончить игру, Самсон стал щеголять своим мастерством.

Даже Скотти не могло не правиться, как стреляет Самсон. В пьяном виде Самсон и то стрелял лучше их всех. Звук выстрела не обратил мышей в бегство, а только переполошил их, и Самсон на лету настиг пулей белоногую мышь, когда она прыгнула на пустую жестянку из-под табака.

— Из такого ружья невозможно промахнуться,— сказал Мэррей.

Винтовка Скотти была новехонькая, и ее скользящий затвор щелкал с четким звуком точного механизма. Это было первое, что приобрел Скотти на демобилизационное пособие после войны. Безотказное, современное, дальнобойное и меткое ружье. У самого Самсона был старый бокфлинт¹, и Рой уверял, что нет на свете ружья более неуклюжего и хуже сбалансированного. Самсон пользовался свинцовыми самодельными пулями, большими тяжелыми болванками, которые на близкой дистанции убивали наповал, но на расстоянии более шестидесяти шагов выдыхались.

— А ты попробуй ударить из своей бронебойки,— попросил Рой Самсона.— Посмотрим, как действует эта пушка по маленьким мышам.

Самсон попробовал и промахнулся, свинцовая пуля продырявила крышу, потрясающий выстрел оглушил их гулким эхом от всех четырех стен. Не выдержал даже Рой.

— Будет,— сказал он.— Пальни вот из этого.— И он протянул свое ружье.

Это был охотничий винчестер с рычажным механизмом затвора, излюбленное ружье лесовиков всей Америки и особенно канадских трапперов. Оно было не длиннее карабина. И хотя ложе у него было выщерблено и механизм затвора слегка разболтан, но в руках Роя это было совершенное оружие. Для своего калибра оно обладало зычным голосом, и ступенчатый щелк его рычажного затвора сливался с выстрелом, так быстро он за ним следовал в руках искусного стрелка. Самсон дал из него два выстрела: раз пошал, другой промахнулся.

Потом некоторое время мыши не появлялись, но все четверо терпеливо ждали.

¹ Двустволка с вертикальным расположением стволов.

Каждый теперь выскивал себе цель, и когда перепуганные мыши снова заметались из угла в угол, вверх по стенам и вниз по бревнам,— один охотник за другим спускал курок, и все разом пригибались, когда пуля давала рикошет над их головами или прыгала возле них по полу. Только Скотти не стрелял. Он любил стрелять, но не хотел принимать участия в том, что считал жестокой забавой.

— Эти белоногие мыши никому не причиняют вреда,— говорил он.— Чего ради вы их стреляете? Приберегите пулю для крысы.

Рой тоже ничего не имел против мышей, но утверждал, что они крадут у него носки, утаскивают в нору и делают из них гнезда. Это было оправданием, да к тому же Рой едва ли сознавал, что он убивает. Самсон уже вообще не сознавал, что делает. Мэррею было решительно все равно, что он делает, все равно, что попадалось ему на мушку: птица, зверь или человек. У него была старая винтовка военного образца, неуклюжий приклад которой он обстругал под охотничье ружье. Это сильно отяжелило ее дульную часть, кроме того, при каждом выстреле глаза ему порошило порохом, но была она достаточно метко по его основной дичи — лосю; стреляя в лося, он редко давал промах.

— Смотрите-ка,— сказал Рой во время очередной передышки.

Небольшая пегая ласка, выскочив из угла, погналась за мышью и исчезла вслед за нею. Она промелькнула так быстро, что они ее едва заметили.

— Она у меня ручная,— сказал Рой.— Мышей ловит.

— Вот это мишень,— добавил Мэррей.— Подвижная мишень, что надо.

Все согласилось. При виде ласки, мелькавшей сквозь поленицу в погоне за мышами, казалось, что их не меньше десятка. Ласка шныряла в самое маленькое отверстие и вылетала из него с непостижимой, невероятной быстротой.

— А ну-ка, прибавим свету,— сказал Мэррей и потянул блок керосиновой лампы так, что она ярко осветила застрежи, куда скрылась ласка.

— Ставлю десять долларов, что никто не попадет в эту ласку,— сказал он.

Рой был того же мнения. Да он и не хотел бы попасть в ласку. Она появилась в хижине летом, когда ей было от роду несколько месяцев,— еще в коричневой

шкурке. Теперь она уже одевалась в свою белую зимнюю шубку и достигла почти полного роста. Рой не хотел, чтобы ее подстрелили, но ему хотелось попытаться счастья в этой почти безнадежной игре.

Они сидели и ждали, и каждый изготовил ружье.

Самсон свистел и пищал, стараясь вызвать ласку из ее убежища.

Скотти настороженно молчал.

Рой колебался, все же наслаждаясь этим соревнованием.

Мэррей ждал, ровно ни о чем не думая.

Внезапный рывок ласки мгновенно вызвал выстрел. Произошло это так быстро, что все изумились, а еще более изумились они, увидев, что ласка, разорванная пулей почти пополам, свалилась в умывальный таз.

Все посмотрели на Скотти.

— Не люблю ласок, — изрек идеалист Скотти. — Всегда за кем-нибудь охотится — кровопийца. Убивает ради того, чтобы убить.

— Вот это был выстрел! — искренне восхитился Самсон удаче товарища.

Роя это почти протрезвило, а Мэррей громко захотал.

— Не сердись, Рой, — сказал Скотти, чувствуя, что Рой недоволен. — Держи! — Он снова полез в менюк и вытащил еще одну бутылку водки. — Может, эта еще вкуснее!

Рой выпил, выпил и Скотти. При этом они позабыли об остальных, потому что между Скотти и Роем был давний спор, недоступный пониманию Мэррея и Самсона. Спор был настолько серьезен и глубок, что ни одному из них не надо было сейчас говорить. Они знали мысли друг друга и без этого. Выстрел, убивший ласку, был только очередным выражением их спора, и, хотя оба были пьяны, спор они вели и сейчас.

Рой был материалист, объективный наблюдатель жизни лесов. Собственный опыт научил его, что все привычки и навыки лесных зверей (свирепые или кроткие) — это часть естественного процесса, процесса эволюции и борьбы за существование, что каждый зверь вынужден убивать, чтобы выжить, хотя бы в дальнейшем ему самому предстояло стать жертвой более сильного хищника. Для Роя это был естественный процесс, то, что надо было признать как существующее, будь оно жестоко или мило-сердно, трагично или смешно. Он принимал его как

объективный факт и давно перестал искать в этом процессе добро или зло, потому что сам он не участвовал в нем. Рой знал, что человек стоит в стороне и над всеми прочими. Он включается в процесс только как властелин, потому что природа и все в ней враждебно человеку. Природа уничтожила бы людей, если бы они общими силами не добились победы над ней и не стали управлять ею. Рой всегда включал себя в эту общую борьбу с природой; частью ее были и постройка этой надежной хижины, и использование человеческой споровки при ловле пушینیны: мех для продажи, мясо для еды — все для того, чтобы выжить в этой битве со всей природой. Как существо общественное, способное к сочувствию и самообузданию, Рой, конечно, имел свои симпатии и антипатии и в том, что сам делал, и в том, что делали звери, но, симпатизируя одному зверю, он принимал их всех и никогда без надобности не вмешивался в их жизнь. Он любил наблюдать ее, не нарушая ее течения. Ему нравились мыши, но он с удовольствием наблюдал, как ласка выполняет свое предназначение, охотясь за мышами. Это была не жестокость, это был закон жизни. Иногда все-таки Рой вмешивался, иногда он включал себя или свое ружье в этот процесс, просто чтобы поглядеть, что ж из этого получится; но даже и тогда это было лишь развитие процесса, его проверка. В остальном Рой соблюдал строжайший нейтралитет. Иногда жестокость того, что происходило в лесу, возмущала его, но он никогда не наказывал одно животное за жестокость по отношению к другому. Это было бы тоже проявлением жестокости, его жестокости, а он не хотел быть жестоким. Он убивал медведя, если тот нападал на него, оленя — если нуждался в еде, бобра — мех которого был ему нужен; но убийство ради убийства было ему отвратительно. И не менее отвратительно для него было бы убийство по праву некоего божества, провозгласившего одних животных хорошими, других плохими, одних правыми, других виноватыми. Для Роя это было бы верхом абстрактной жестокости, и в этом-то и был корень его молчаливой распри со Скотти Малькольмом.

Скотти Малькольм был идеалист, он верил, что существует общеобязательный для всех принцип добра и зла, что добро и зло существуют на свете, просто существуют, существуют как высший закон. Для Скотти весь животный мир был ужасной средой, жестоким и преступным круговоротом: убей, чтобы не быть убитым;

процессом в корне порочным, порочным в целом и во всех своих частях. Каждый раз, когда того требовало его чувство добра и зла, Скотти вмешивался в этот процесс. Он убивал сову, если видел, что она нападает на зайца; он освобождал муху из паутины и убивал паука; он убил ласку, потому что она охотилась на крошечных мышей. Он, не задумываясь, карал виновных, потому что твердо знал, что хорошо и что плохо. Он знал это, пока не сталкивался с противоречиями, которые потрясали его. Сегодня он обязан был убить ласку, потому что она напала на мышей, но ведь завтра он, может быть, вынужден будет убить лисицу, которая погонится за лаской.

Рой не уставал разоблачать это уязвимое место в его теориях, но Скотти всегда начинал толковать о жестокости оправданной и неоправданной. Он утверждал, что некоторые животные хуже других и потому их надо обезудывать. Это приводило Скотти к признанию, что некоторых животных он ненавидит и презирает, а других уважает как образец порядочности и хорошего поведения. Он наделял всех лесных зверей человеческими свойствами: жестокостью, верностью, чистоплотностью, прилежанием или намеренной подлостью. Животных, которые ему нравились, он убивал неохотно. Тех, которых ненавидел, убивал с упоением. Он ненавидел норку, потому что норка, так же как и ласка, была самым прожорливым из маленьких хищников леса. Скунс ему нравился своим бесстрашием, медведь тем, что он простачина, енот тем, что он чистюля, бобр — как бесспорная умница; но лисицу он презирал за ее плутни, волка за безжалостность, белку за надоедливость, куницу за то, что она обкрадывала его капканы. Была у него еще теория, что самые кроткие животные леса — самые живучие и потому они переживут хищников и наследуют землю. Он утверждал, что дикобраз, который только и умеет защищаться, что свернувшись в колючий клубок, — царь лесов, потому что своей пассивной обороной он выигрывал сражение с противником. С ним не могли совладать даже прожорливость и жестокость самого закоренелого убийцы лесов — росوماхи. Росوماха могла убить и пожирала дикобраза, несмотря на его иглы, но вскоре после этого она сама подыхала мучительной смертью, потому что иглы поглощенного ею дикобраза раздирали ей горло, легкие и желудок. Для Скотти в этом была поэзия справедливого возмездия и порука того, что кроткие возмещаются и что пассивная оборона единственно правиль-

ная оборона. Он применял это и к скунсу, споря с Роем, что скунс идеал животного мира. Скунс безвреден, отважен, все в лесу сторонятся его просто потому, что боятся, как бы он не обдал их вонючей струей из хвостовой железы; скунс своеобразен и независим, живет один и не общается даже со своими родичами, он чистоплотен, привязчив, надежен, силен. Скунсу предназначено было стать идеальным образцом добра, как волку или норке — образцом зла. Все предопределено — кому суждено родиться убийцей, кому — его жертвой; и борьба между ними — это борьба зла с добром. Вера Скотти в дикобраза и скунса приводила его к заключению, что кроткие победят, пусть с его помощью.

Вот в чем была между ними разница, в чем заключался их молчаливый спор.

Это был спор без слов, потому что ни один из споривших не умел выразить своих доводов словами. Они никогда не могли добраться до сути дела. Они понимали, о чем спорят, но спорить могли только фактами, примерами. Они и сейчас спорили все о том же, как ни были пьяны.

Рой твердил, что Скотти поступил жестоко, убив ласку.

Скотти отрицал это, говоря, что убийца надо уничтожать.

Рой спрашивал, почему Скотти не убьет своего любимца скунса. Ведь скунс пожирает мышей, пожирает вдвое больше, чем целый выводок ласок, и ест их даже сытый.

Скотти возражал, что скунс иное дело, он ест ради пропитания, а не потому, что любит убивать. Кроме того, у скунса много других добродетелей, и он снова перечислил их, хотя Рой тут же заявил, что эти добродетели есть и у ласки, и у лисицы, и у норки. Рой утверждал, что подобные добродетели есть и у других хищников. Норка, например, заботливая мать, она себя уморит с голоду, только бы накормить детенышей. Россомаха уводит людей и собак от своих детенышей, рискуя собственной жизнью, а любимец Скотти, преподобный дикобраз, — трусишка и плакса, он при малейшей опасности забивается в нору с детенышами, ворчит, хнычет и плюется, а потом иной раз и покидает детенышей. А насчет того, что дикобраз наследует землю, Рой утверждал, что медведь (которым Скотти восхищался) может без особого для себя вреда убить и съесть дикобраза, как, впрочем,

и куница-рыболов. Но этот довод только усилил восхищение Скотти медведем, вот ведь и есть умеет разумно, культурным образом, не обжираясь до смерти.

Спор тянулся долго и кончился, как кончался всегда; кончился в тот самый момент, когда они коснулись существа вопроса. Когда Рой спросил, как можно решить, какой зверь прав, а какой виноват, Скотти возразил, что и решать тут нечего. Одни изначально правы, другие виноваты, и все животные подчиняются определенному закону. Тут Рой спросил — если есть набор чистых и нечистых, как же человек может приучить волка жить мирно с зайцем, ласку с мышью, льва с овцой, собаку с кошкой.

Тут оба начинали путаться, и спор их переходил в молчаливое несогласие, несогласие по основным вопросам на жизнь — неразрешимое, потому что они не умели его разрешить.

— Ладно, — сказал Самсон, сползая с койки. — Пойду выкупаюсь в озере. Идем, Сохатый! Пускай они перервут друг другу глотку, доискиваясь, кто из них прав, кто виноват. А я пойду выкупаюсь в озере.

Мэррей поднялся вслед за Самсоном. Наблюдать он мог за всем, что бы человек ни делал.

Рой стал их удерживать.

— Только тебя в этом озере не хватало, — говорил он Самсону. — Оно только и ждало, что ты пьяный в него плюхнешься.

— Я его выловлю, если он упадет, — сказал Мэррей.

— Знаю я тебя, будешь стоять и любоваться, как он тонет, — сказал ему Рой.

Объединенными усилиями Скотти и Рою удалось удержать Самсона и Мэррея в хижине. Скотти соблазнил их остатками водки, а Рой доковылял до двери и запер ее. Когда они кое-как расположились по койкам на ночлег, Рой произвел последнее наступление на силы природы. Он до отказа набил печку березовыми чурками, и к тому времени, когда он тяжело повалился на койку рядом со Скотти, красное пламя затмило слабеющий свет лампы, и Рой, еще до того как заснуть, почувствовал восхитительное неудобство от нестерпимого жара тобою же затопленной печи. Хоть в этой битве он всегда мог остаться победителем! И с чувством одержанной победы он погрузился в глубокий сон.

Глава шестая

Утром Рой собрался и ушел, не дожидаясь, пока другие проснутся.

Ему хотелось скрыться от последствий вчерашнего пьянства, все равно каковы бы они ни были. Ему смутно помнилось, что он обещал Мэррею переправить для него челнок через хребет Белых гор в заповедник. Ему не хотелось исполнять свое обещание, не хотелось испытывать то чувство неловкости, которое овладевает каждым при встрече с вчерашними собутыльниками.

Когда он отплыл по озеру, вода, казалось, похрустывала под днищем лодки. Небо было холодное, темное, но это была напряженная темнота, готовая мгновенно уступить сиянию утра. Лес притих и, неизмеримо притихший, казался заброшенным, мертвым. Но в тишине где-то слышалась хрупкая капель и более острый звук бегущей по склону воды. А потом, когда он вывел челнок на середину озера, когда на окрестных хребтах вспыхнули первые отсветы зари, вместе с утром родились и первые звуки лесной жизни. Снеговая сова — последний голос ночи — заукакала, пролетая у него над головой. Потом откуда-то издалека донеслось тьякканье лисы. Потом птицы: черноголовая синичка зачирикала: чик-а-ди-ди-ди-ди; засвистели, заверещали, зацокали белки; застрекотали голубые сойки; послышалось бзт, бзтт куропаток. Это были слабые звуки, едва долетавшие до середины озера, но он слышал их и все их различал. А к тому времени как свет разлился по всему небу, сам лес начал помаргивать, потрескивать и побряхтывать непонятными звуками медленного пробуждения.

Рой знал: ничто на свете не могло для него сравниться с тем удовлетворением, которое он испытывал сейчас, в первый день своей очередной битвы с коварными уловками природы, сейчас, когда он плыл в тяжело груженном челноке по основной артерии своего леса, уже ощущая приятное чувство здорового голода. Он знал, что на этот раз предстоит битва и за самого себя: быть ему траппером или бродягой, пьяницей или фермером, человеком или зверем. Но у него был план; какие-то зачатки плана,

с помощью которого он должен был все и навсегда уладить; и он собирался этот план испробовать.

Цепь капканов Роя располагалась по огромному кругу протяжением миль пятьдесят. Южным основанием его и началом маршрута было озеро Т. Обычно он начинал обход капканов, проплывая до самого конца озера Т и проверяя прибрежные норы. Потом оставлял челнок на том берегу и шел на север, через хребты к Четырем Озерам: это было его основное охотничье угодье, богатое бобрим и ондатрой. На Четырех Озерах у него была небольшая хижина, из которой он, прежде чем идти на запад к Литтл-Ривер, как правило, три или четыре дня обходил все капканы на впадающих в озера речках. Иногда до ухода на запад он охотился на лося в болотах между Четырех Озер, но чаще довольствовался оленем, которого стрелял на хребтах по дороге к Литтл-Ривер. Это был быстрый узкий поток, на котором водилась норка, и тут проходила западная граница угодий Роя. На другом берегу начинались угодья Скотти и Самсона, здесь они иногда встречались. По этому потоку Рой спускался на юг к последнему своему озеру, которое он называл Пит-Пит, по особенному звуку, с которым речка вливалась в озерную воду. Отсюда, чтобы добраться до хижины, ему оставалось перевалить еще один хребет, замкнув этим круг или квадрат маршрута на восток, север, запад, юг и опять на восток. Как правило, обход всей цепи капканов занимал пять-шесть дней.

Но на этот раз он решил поступить иначе.

Для начала он проплыл, как обычно, до восточного конца озера Т, проверяя по пути капканы на норок, некоторые снимая, другие перезаряжая,— как те, что накануне поставил вместе со Скотти. В самом конце озера Т он затащил челнок под большую упавшую сосну, прикрыл его ветками, а потом разложил костер, чтобы приготовить завтрак. Тяжело нагружившись хлебом со свиной и сладким чаем, он навьючил на плечи увесистый мешок и пошел не на север, а на восток и шел на восток почти до полудня, пока не достиг мелкой порожистой речки. На том берегу ее виднелась хижина, и, когда Рой вброд перебрался к ней, его встретил лай собак, кудахтање перепуганных кур и, наконец, высокий худой индеец.

— Хэлло, Рой,— сказал индеец.

— Хэлло, Боб,— сказал Рой.

Индеец Боб: так его прозвали потому, что настоящее имя его было слишком сложно. Рой знал его и охотно

называл бы Боба по имени, радуясь тому, как оно звучит — Хома-Хомани: первое облачко на небе, — но это имя Боба было не для белого, будь то сам Рой. Ведь даже маленькая бронзоволикая индианка — его жена — теперь называла его Боб. Одежда Боба тоже была одеждой белого: заячья шапка, кожаная куртка, синие холщовые штаны, но индейские оленьи мокасины. Во все это было облачено высокое, худое, изможденное тело чахоточного — черноглазого, бледного человека, напоминавшего Рою сохнувший клен, из которого выцедили слишком много соку.

— Хорошо, что я застал тебя, — сказал Рой.

— Я только что собирался в Сент-Элен за мукой и провизией, — сказал Боб.

— А не поздно? — спросил Рой.

— В этом году все запоздало, Рой.

— Запоздало? — повторил Рой, думая о дичи. — Или просто ушло?

— Мало-мало запоздало и мало-мало ушло, — сказал Боб.

Это было пародией на мнимо индейский говор, которым Боб пользовался как своего рода насмешкой над белыми. По-английски он говорил, как и все в Сент-Элене, как все охотники, но время от времени передразнивал тот жаргон, который белые приписывали индейцам. Сейчас он не высмеивал Роя, которого любил. Просто это был невольный протест.

— Боб, — сказал Рой, — я хочу пройти к Зеленым Озеркам, туда, где мои владения вклиниваются в твои. Ты не против, если я пройду по твоим землям, чтобы попасть к озерам?

— А для чего тебе туда надо, Рой?

— Я хочу обловить там все, что мне удастся. Я засяду в своей хибарке на Четырех Озерах и расставлю капканы по всей округе, столько капканов, что мне только бы запомнить их место. Зверя там, может быть, и немного, но если он там есть, я его возьму без остатка. Масовый облов! Я хочу обловить даже Зеленые Озерки. Я там никогда не ставил капканов, взять там можно немного, но они, по крайней мере, все в одной горсти, и чем же они хуже здешних больших озер.

Зеленые Озерки, маленькие, окруженные почти непроходимыми зарослями, по правде говоря, были Рою ни к чему. Он назвал их сейчас официальным именем, но чаще крестил их Никчемными озерами, Бросовой землей, Разоренной округой.

— Может быть, там есть пушной зверь именно потому, что я его там не ловил, — сказал он. — Во всяком случае, испробую, но для этого мне надо пройти по твоей земле, чтобы не плутать по этим лесам.

— Конечно, — сказал Боб. — Прошу тебя.

— А есть тропы прямо к Зеленым Озеркам?

— Есть одна старая охотничья тропа, но лучший путь туда по хребту.

— А тебе не будет неприятно, если увидишь меня на хребте?

— Я теперь редко хожу туда, — сказал Боб. — Слишком далеко.

— Хочешь, если встречу, я подстрелю тебе дичину на мясо? — спросил Рой.

— Там водится много оленей, — сказал Боб. — Увидишь — стреляй.

Предложив снабдить Боба мясом, Рой хотел отплатить за разрешение на проход по его угодьям. Мясо было почти единственной нищей этой индейской семьи. Боб охотился, как и все, но он не мог позволить себе незаконной охоты. За это его — индейца — ждало то же воздаяние, что и белого, но для индейца потеря участка была потерей самой жизни. И вот Индеец Боб перебивался кое-как на законной норме. Это позволяло ему каждый год закупать немного провизии в лавке, но большую часть пропитания он выцарапывал из земли, здесь, у своего ручья, выращивая немного кукурузы и озерного риса, держа немного кур, свиней, коз и ловя в летнее время столько рыбы, сколько мог провляить или сохранить на зиму в своем погребе.

— Почему ты не попросишь себе участок в бобровом заповеднике Джеймс-Бэй? — спросил Рой у Боба.

Как некоторые другие заповедники Канады, Джеймс-Бэй был крупным лесным заказником, закрытым для всех трапперов, кроме ограниченного количества индейцев; это были угодья, кишевшие молодыми бобрами, и огражденные законом бобры быстро размножались и давали верный улов.

— Не знаю такой земли, Рой, — сказал Боб.

Рой знал: Боб хотел этим сказать, что Муск-о-ги его дом, дом его предков. Он не хотел покидать его, как Рой не хотел покидать Сент-Элен.

— Ты прав, — медленно промолвил Рой, — Джеймс-Бэй это очень далеко отсюда.

— Кончится тем, что я стану фермером, расчищу вот тут лес и буду фермерствовать, — сказал Боб. Как и Рой, он знал, что дичь уходит на север и скоро совсем исчезнет. Как и Рой, он знал, что никогда не сможет покинуть лес, и, чем покидать его, он готов был попробовать фермерство в лесу.

— А что говорит уголовный кодекс насчет угодий на севере? — спросил его Рой. — Ведь ты мог бы попытаться получить участок на севере?

— Трудно сказать, Рой. Одно дело, когда читаешь закон, совсем другое, когда его нарушаешь, особенно уголовный кодекс.

Уголовным кодексом обычно называли положения об индейцах. Рой читал эти положения, читал их в хижине Боба, где они висели как еще одна из насмешек Боба над белыми. Рою они показались настолько похожими на положение о дичи, что он пришел к заключению, что индейцев сохраняют как дичь, как осколок естественной и желательной лесной жизни, которой нельзя было дать вовсе исчезнуть.

— Ну что ж. Я пойду, Боб, — сказал Рой.

Вид индейца начинал угнетать его. Мысль, что Индеец Боб обречен оставаться тут, — все равно, будет ли начисто выловлено его угодье или нет, — всегда угнетала Роя.

— Когда ты собираешься уходить к северу на новые земли? — спросил индеец Роя.

Рой уже начал переходить речку.

— Еще не знаю, Боб, это будет зависеть от многих обстоятельств. Но скоро это выяснится.

— А Сохатый тоже где-нибудь близко? — перекрикивал Боб шум порогов.

— Да. А что?

— Кто-то ставил капканы на моей плотине у старых коряг. Должно быть, Сохатый.

— Ты так думаешь? — ответил Рой. Теперь ему тоже приходилось кричать.

— Скажи ему, если он будет искать свои капканы, что они висят на сухом дереве около плотины. — В этом не было злого умысла, индеец поступил так, как поступил бы любой траппер, найдя на своем угодье чужие капканы, он снял бы их и повесил. Во второй раз он имел право взять их себе.

— Ладно, Боб. Увидимся, когда я буду возвращаться.

— Счастливого пути, Рой.

Рой перешел реку и заброшенной тройой пошел па север, к Четырем Озерам.

Еще засветло он добрался до своей хижины, скатившись с последнего склона, как перегруженный состав, который давит на паровоз и подгоняет его. Пока он зажигал лампу и разводил огонь, мыши разбежались по углам и оттуда наблюдали, как он распаковывает провизию и прячет ее в прочный ларь, весь источенный следами их зубов. Рой устал; поужинав, он пригасил огонь, повалился на койку и заснул безмятежным сном.

Утром Рой быстро и сноровисто принялся за свой массовый облов.

Прежде всего он проверил капканы на Четырех Озерах, сняв одного бобра и одну ондатру. Потом стал расставлять капканы во всех мало-мальски пригодных местах. У него в хибарке на Четырех Озерах было десять старых капканов системы «Ньюхаус»; он их починил, вычистил и расставил по бобровым запрудам, на кормежных площадках ондатры и у хаток. Он поставил полдюжину капканов первого номера по берегам и на песчаных отмелях. Эти предназначались для норок, которые каждую ночь бродят по берегу в поисках рыбы и лягушек. Покончив с Четырьмя Озерами, Рой совершил двухдневный поход в сторону, на север от угодий Индейца Боба, к Зеленым Озеркам. Это были глубокие озера, не очень удобные для бобров, но здесь могли водиться норки и может быть выдра. Прежде всего надо было разведать дичь, разыскать красноречивые кучки окровавленных перьев у обиталища норок, неприступные убежища ласок, скользкие глиняные склоны, по которым выдры, играя, съезжают в воду. Он обнаружил мало следов выдры или норки, но там, где они были, расставил капканы, расставил искусно, используя для приманки рыбу, наловленную сетью в Четырех Озерах. На одном из Зеленых Озерков были две небольшие бобровые запруды, и тут он тоже поставил три капкана прямо у хаток.

— «Запрещается законом,— громко распевал Рой, ставя свои капканы,— любому гражданину ставить капкан ближе чем в пяти футах от обиталища бобра». Ну что ж, господин губернатор, я, кажется, нарушаю закон, но извольте пожаловать сюда и поймать меня на месте преступления. Пожалуйте сюда и посмотрите, как приходится бедному человеку изворачиваться, чтобы взять какого-то несчастного проныру — бобра.

Когда Рой расставил все свои капканы, он стал устраивать западни.

Он хорошо знал и параграф о западнях, и, так как единственным источником печатной поэзии для Роя был язык положений о дичи, он охотно цитировал вслух выдержки из закона. Параграф был очень прост, он гласил, что любому гражданину запрещается законом пользоваться западнями для любой цели на всем протяжении округа Сент-Элен.

Рой устраивал западни в расчете на любую дичь, какая бы в них ни попалась, будь то рысь, лиса, куница-рыболов или даже волк. Волчьи шкуры шли за бесценок, но за волка старше трех месяцев платили премию в двадцать пять долларов; и хотя Рой считал это лишь яростной мезью закона по отношению к четвероногому охотнику, он не упускал и этой возможности.

— Идет война,— говорил Рой звериной братии на охотничьих тропах,— и кто-нибудь должен в ней победить. Кто-нибудь должен перехитрить другого, так берегись же, свирепый волчище, кровопийца норка, сторожкая лисица, залегшая в чаще рысь. Кто-нибудь из нас должен перехитрить другого.

Рой был очень хитер. Он не был специалистом по бегучей, трудноуловимой дичи, но он мог перехитрить ее, потому что знал ее повадки. Вся дичь ходила по тропам, пробитым крупным зверем, таким, как олень или лось. На таких тропах Рой и ставил свои западни. Хитрее всего он устраивал их на лисицу. Обычно Рой перегораживал звериную тропу стволом; он подкатывал ствол к месту рычагом, к которому прикасался только в перчатках, совершенно устраняя всякий человеческий запах. Перегородив дорогу, он обматывал один конец длинной проволоки вокруг тяжелого ствола, а затем прилаживал петлю так, что лисица должна была попасть в нее, если бы вздумала обойти ствол. Делалась западня из стальной рояльной струны, прочной и упругой; чтобы и на ней не было следов прикосновения человека, Рой натирал ее воском. Некоторые трапшеры пользовались для этого куском бобра или крысы, но Рой считал, что, чем привлечь чуткий нос лисицы этим ложным запахом, лучше нейтрализовать западня безразличным запахом воска. Он еще никогда на деле не проверял этой своей теории, но теперь, расставив западни в большом количестве вокруг Зеленых Озерков и Четырех Озер, а также по хребтам и долинам, он должен был на опыте проверить

настоящую их цену и свое собственное охотничье мастерство.

В последнюю очередь Рой занялся куницей и родственной ей куницей-рыболовом. Эти ценные пушные звери могли попасться в любую из его ловушек, в капканы на норок, в некоторые западни, даже в капканы на бобров и ондатр. Но охота специально на рыболова или куницу требовала особого опыта и навыков. Они не только редко встречались, но, как правило, никогда не обнаруживали своего обиталища. Охотнику приходилось догадываться, где их искать, догадываться об их привычках. У обоих был богатый шелковистый коричневый мех стойкого цвета, за него всегда хорошо платили. Оба они жили на деревьях, не нуждаясь в логовах или норах. Оба питались мелкой живностью — зайцами, белками, мышами, всем, что попадало на их острый зуб. Раздумывая о них, Рой вспомнил, что за всю свою долгую жизнь в лесу он видел каждого из этих зверьков всего пять или шесть раз, особенно куницу. Она жила в самой гуще и в темноте хвойных чащоб и не выносила воды и сырости. А рыболова, наоборот, можно было обычно найти возле болота или ручья, хотя и тут он держался на верхушках деревьев и спускался только охотиться. Они были заклятые враги, и в схватках куница обычно побеждала своего родича. Оба они охотились в одиночку, преимущественно ночью. Об их привычках у Роя сохранилось только одно воспоминание. Однажды у него на глазах рыболов загрыз красную белку; увидя Роя, рыболов откусил у белки пушистый хвост и метнулся к ближайшему дереву. Он мгновенно исчез в листве и помчался с верхушки на верхушку, держа в зубах белку, но освободившись от ее хвоста, который затруднил бы ему бегство.

Рой заряжал свои капканы на куницу и рыболова красной белкой, но вместо того чтобы закреплять капкан на поваленном стволе или на земле, он подвешивал их так, что, прыгая за белкой, куница или рыболов должны были непременно попасть в капкан. Он поставил пять полуторных капканов, все вокруг Зеленых Озерков. Для рыболова он выбирал нависшие над водой ели, для куницы заходил поглубже в чащу. Этим Рой закончил расстановку цепи капканов массового облова.

Но расстановка была только началом. С этого дня ему надо было упорно и методично осматривать капканы, обходя их в строгой последовательности и освежая наживку. Он обошел сначала Четыре Озера, обобрал капканы

и, возвращаясь с добычей в хижину, одновременно проверил кое-какие западни. Потом совершил двухдневный обход Зеленых Озерков, по пути туда проверяя западни, обобрал капканы у воды, а по дороге обратно проверил остальные западни. Ему приходилось тащить на себе провизию, приманку, топор и наловленную дичь. Обход приходилось делать быстро, потому что на Зеленых Озерах у него не было другого убежища, кроме шалаша из пихтовых веток, который он соорудил под большой сосной. Значит, ему приходилось тащить также и спальный мешок, а для человека, привыкшего к удобствам своих хижин, это было большим лишением. Но он не сдавался, надеясь, что результат оправдает все труды. За две недели Рой изловил четырех бобров, четырех ондатр, одну норку и двух ласок. Более редкая дичь: лисица, рысь, куница, рыболов, выдра — вовсе ему не попала, хотя он обнаружил много следов лисицы и рыси и знал, что рано или поздно и они ему попадутся. Но это требовало тяжелого труда, бесконечного труда.

— Вот тебе и одиннадцатый номер! Чем не автолиния, — говаривал он себе, возвращаясь измотанный в свою хижину у Четырех Озер. — Вот тебе и конвейер! — Но он протянул так еще и третью неделю, а потом понял, что пора это прекратить: стал выпадать снег.

Началось все с небольшого бурана при порывистом северном ветре. Чистый ранний снежок пеленой лег на леса, озера и хребты гор, и с одного снегопада в долинах уже образовались сугробы. Всю эту бурю Рой пересидел в своей хижине на Четырех Озерах. Когда буря пронеслась, он сделал последний обход, — снег вынуждал его торопиться и скорее идти проверять капканы на Литтл-Ривер, а потом свернуть на юг и посмотреть, что делается у него на озере Пит-Пит. Оба эти участка были заброшены им почти на месяц, и Рою предстояло решить, стоит ли ради новой цепи капканов пренебречь всеми старыми. От этого решения многое для него зависело.

В последнем обходе его задерживал рыхлый снег, который приходилось приминать на ходу. Обход был неудачен. На Четырех Озерах попало несколько бобров и несколько ондатр. И только. По дороге на Зеленые Озерки он нашел в одной западне лисицу. Лисица сидела на тропе, проволочная петля захлестнула ей шею, но она была еще жива и напоминала собаку на сворке. Она злобно смотрела на Роя, подходящего по тропе, и Рой остановился.

— Эх ты, пугливая лиса, — задумчиво вымолвил Рой, — на этот раз перемудрила.

Другие звери, попав в западню, яростно вырывались; но чем сильнее они вырывались, тем туже затягивалась петля на шее, и чем туже она затягивалась, тем сильнее они вырывались, пока петля не душила их насмерть. А эта лисица? Рой понял, что она тоже пробовала вырваться, но скоро сообразила, что борьба для нее опасна. Тогда она притихла и стала ждать, не удастся ли ей перехитрить западню, как сейчас она наблюдала за Роем, не удастся ли ей перехитрить его.

Это был один из тех случаев, когда Рою бывало трудно убить зверя. Его всегда восхищала сметливость, восхищала упорная борьба зверя за жизнь, восхищало все, что могло перехитрить механическое коварство ловушки. Но шла война, и он был ее участник. Оставалось только вызвать лисицу на сопротивление. Рой так и сделал, тревожа ее длинным сосновым суком, а когда она стала пятиться от палки и туже затянула петлю, Рой дважды сильно ударил ее по голове, так сильно, что палка переломилась. Лисица была мертва, а Рой — победитель по неволе — стоял и восхищался чистым шелковистым мехом.

Больше ничего он в своих западнях не обнаружил, а на Зеленых Озерках в капкан попала только одна норка. Ни бобра, ни ондатры, ни выдры, ни куницы, ни рыболова. Рой кое-как пересидел морозную ночь в занесенном снегом двалаше на Зеленых Озерках, а потом быстрым ходом двинулся по снегу обратно к хижине на Четырех Озерах, раздумывая, удался ли опыт массового облова, стоит ли вылавливать здесь все, что только можно, за счет всех прочих участков.

В хижине он подсчитал свою добычу.

Всего наловлено было шесть ондатр, пять бобров, две норки, четыре ласки и лисица. Вывод был ясен. Для такой напряженной охоты результат был ничтожен, хотя, вообще говоря, это был неплохой трехнедельный улов. Но он не оправдывал исключительную ставку на интенсивный облов в этом месте в ущерб всем прочим. Кроме того, Рою казалось, что в дальнейшем здесь не набрать и этого. Он поймал четырех бобров на Зеленых Озерках, и больше там бобров не было, их следовало скинуть со счетов. На Четырех Озерах оставался его обычный резерв — полтора десятка хаток и несколько новых строек молодых бобров. Но при такой интенсивной ловле этого

было мало. На Четырех Озерах следовало свернуть охоту, если он намерен сохранить там хоть сколько-нибудь бобров и ондатр. Может быть, и стоило при каждом заходе сюда производить напряженный недельный облов, но только не больше недели. Поэтому он оставил все свои капканы и западни на прежних местах, но уже твердо знал, что должен уходить на Литтл-Ривер, вниз к озеру Пит-Пит и обратно в свою хижину. Надо двигаться, пока снег не выпал по-настоящему, а реки и озера не сковал лед.

Прежде чем покинуть Четыре Озера, Рой прошелся по еловым болотинам между озерами. Он искал следов лося, зная, что Джек Бэртон, запасаясь мясом на всю семью, предпочтет крупного лося более мелкому оленю. Рой нашел следы, помет и содранную кору на деревьях там, где гигантский самец старался утишить зуд своих раскидистых молодых рогов. Но самого лося он так и не нашел. Он обнаружил также много следов оленей, но за все три недели не встречал ни оленихи, ни теленка. Это было необычно и тревожно, и по дороге к Литтл-Ривер он во все глаза следил, не появится ли олень на хребте или лось в долине. Он заметил одну белохвостую олениху на склоне возле Литтл-Ривер и успел выстрелить, но увидел только, как мелькнуло и исчезло вдали ее белое зеркальце.

— Ну что ж, хоть один олень да есть в этих лесах, — сказал он. — Оставлю его для Джека. Для фермера Джека, спасителя Сент-Элена.

Рой громко захохотал собственной шутке, и его зычный хохот раскатился по всему лесу. Он пошел на юг к озеру Пит-Пит и домой, гадая, застанет ли он Сохатого в своей хижине или тот уже ушел один в заповедник.

Глава седьмая

Мэррей ушел, но в хижине был Джек Бэртон.

— Как Сэм? — спросил Рой, когда увидел, кто у него гостит.

Джек прикрыл дверь, на которую давил наметенный

вьогой сугроб; его жердеподобное тело, казалось, росло из бревенчатого пола.

— Сэм все еще на ферме, если ты об этом спрашиваешь,— сказал он.— Но не знаю, долго ли он там продержится.

— Принял он работника?

— Да, но был очень сердит на тебя за то, что ты ушел не сказавшись. И Руфь тоже злилась.— Слова Джека звучали угрюмо.— Он все еще толкует об уходе.

— А кого ты им нанял в помощь?

— Билли Эдвардса.

— Билли? Это тот, что купил упряжку?

— Он самый. Ему нужны были деньги. Наличными. Я нанял его и упряжку дешево. Билли работяга, когда я сюда уходил, он занят был прокопкой канав на приусадебном поле. Знаешь, он собирался как-нибудь использовать даже то сопревшее сено, но ни в чем не встречает поддержки у Сэма.

Рой был благодарен, но не ждал ничего хорошего.

— Будем надеяться, что Билл расшевелит Сэма,— сказал он и скинул с плеч свой мешок.

— Возможно.

Рой в этом сомневался и внезапно почувствовал, что Сэм намеренно губит его, старается сделать из него лесного бродягу без иного пристанища, кроме этих лесов, без иного жилья, кроме вот этой хижинки.

— Нет, ты подумай, Джек. И как это может человек так вот покинуть свой дом? — закричал Рой.— Как может Сэм даже помышлять об этом?

— И, кроме Сэма, многие в Сент-Элене сделают то же,— сказал Джек.— Вплоть до самой войны все мы были свидетелями, как мелкие фермеры один за другим выбывали из игры. Война это ненадолго приостановила, но теперь все начинается сызнова. Старый Пратт уже распродается, Рой, а если старый Пратт сошел с круга, чего же удивляться на Сэма?

Но Роя не утешало разорение другого.

— Для Сэма это не оправдание,— горько заметил он.

— Он еще, может быть, выстоит,— предположил Джек.

— Сомневаюсь,— сказал Рой.— Сомневаюсь!

Рой чувствовал, что Джек сказал ему не все, но больше тот ничего не успел сказать, потому что пришел Зел Сен-Клэр; в руках у него было ружье, в черных зубах — короткая трубка.

— А ты когда сюда пожаловал? — в изумлении спросил Рой.

— Еще вчера вечером, — сказал Сен-Клэр. — Я встретил Джека на Мускусной заводи, по дороге сюда. А сейчас я ходил поискать олененка или еще какого-нибудь мяса на обед.

— А где Сохатый?

— Наверно, охотится с Самсоном и Скотти. В конце того месяца он сказал, что я найду его здесь. Он должен быть где-нибудь неподалеку.

— Так он еще не ушел в заповедник?

— Как же без меня? — сказал кроха Зел, и его испитое, заросшее седой щетиной лицо стало злым и обиженным. — Мы условились встретиться здесь, так что, если не возражаешь, я подожду их здесь денек-другой.

— Ну, конечно, — сказал Рой. — С месяц назад он был у меня, но я думал, что он уже ушел в заповедник. Он хотел перебросить туда челнок. Но мне кажется, что для этого время слишком позднее: через неделю всюду станет лед.

— Ну что ж, пойдем пешком, — отрезал Зел. — А ты пойдешь?

— При Джеке не могу тебе ответить, — сказал Рой, вымучивая из себя невеселую шутку.

Джек Бэртон старательно делал вид, что и внимания не обращает на их разговор и всецело поглощен заправкой и разжиганием лампы. Потом он взялся за стряпню, но эту затею Рой решительно пресек, потому что Джек был плохим поваром. Рой оголодал и быстро состряпал обед из бекона, бобов, яиц, картофеля и банки персикового компота. Джек не умел даже сварить кофе по вкусу Роя, так что тот налил воды из ведра в эмалированный кодедок, вскипятил ее, сам всыпал туда молотого кофе. В пути он пил чай, но у себя в хижине лакомился крепким сладким кофе со сгущенным молоком. За едой стали расспрашивать Роя, как его дела. Он рассказал им о массовом облове на Четырех Озерах и признал опыт неудавшимся. Они возражали, что в общем улов у него неплохой, но Рой сказал, что и такого улова он больше не добьется.

— На Зеленых Озерках не осталось больше бобров, а лисиц и рысей не хватит и по одной на западную. Для развлечения там можно поставить ловушку-другую, но настоящего лова там не жди. Работы зряшней — уйма, а добычи на грош,

— Мы с Зелом проверили несколько твоих капканов по дороге сюда,— сказал Джек.— На болоте мы сняли крысу.— Джек сказал, что они освеживали ее и шкурку поставили на распялку. Она и висела на проволоке вместе со шкурками двух ондатр, взятых Роем на том же болоте.

Рой уже взялся свежевать норку, которую поймал на Литтл-Ривер. Сидя на койке, он придерживал коричневого зверька между колен и, осторожно подрезая кожу вдоль лапок, сдирал шкуру, счищая при этом жир. Когда шкурка была снята, Рой натянул ее мехом внутрь на длинную деревянную рамку. Потом, загоняя в центр рамки клин, он стал ее растягивать, смягчая кожу мылом «Люкс», которое сунула ему в карман Джинни Эндрюс. Рой славился тем, что умел растягивать шкурки лучше всех трапперов Муск-о-ги. Он мог растянуть шкурку среднего бобра до размеров крупного, крупного — в большого, а большого — в целое одеяло.

— Со временем,— сказал ему Джек,— ты так наостришься, что из ласки растянешь льва.

Рой захохотал, но ему почудилось, что Джек шутит неспроста. Он опять подумал, что Джек чего-то недоговорил, но, по-видимому, не хочет говорить об этом при Зеле.

Возможность поговорить с Роем наедине представилась Джеку на другой день, когда они вдвоем на челноке совершили небольшой объезд капканов на озере Т. Но Джек опять ничего не сказал, и Рой перестал даже осторожно намекать на его озабоченность. Выяснилось только одно обстоятельство, но Рой знал, что не оно по-настоящему заботило Джека.

— Несколько дней назад инспектор отправился в обход,— сказал Джек.

— Куда?

— Не знаю. Знаю только, что он ушел из Сент-Элена.

— Тоже ищет себе напасти,— сказал Рой.

— Да, и, может быть, как раз тут,— сказал Джек.— Ты знаешь, что будет, если он накроет Зела и Сохатого у тебя в хижине?

— Я всегда могу сказать, что не звал их.

— Это не поможет,— предостерег Джек.— Тогда тебе крышка.

— Мне и так крышка,— сказал Рой.— Ни одной шкурки с целого озера.

С озера Т они возвратились с пустыми руками, и Джек убедил Роя поохотиться с ним на хребтах возле Четырех Озер, попутно осматривая капканы и западни, но главным образом выслеживая оленя или лося: одного для Джека, другого Рою на зиму про запас. Они ушли на другое же утро и пешком проделали маршрут Роя в обратном направлении, вверх к озеру Пит-Пит и Литтл-Ривер, потом по хребтам к Четырем Озерам. Зела Сен-Клэра они оставили в хижине дожидаться возвращения Мэррея, и, только очутившись вдали от Зела и от хижины, Джек открыл наконец Рою то, что все время было у него на уме. Он сказал об этом Рою, когда они взобрались на Снежный Утес — высочайшую точку владений Роя. Они стояли там, оглядывая разбегавшиеся во все стороны хребты, лосиные пастбища и недоступные торфяные болотца. Отсюда удобно было высматривать дичь, и они остановились здесь позавтракать.

— Кажется, я должен сказать тебе, что Энди Эндрюс вернулся, — сказал Джек.

— Энди? — переспросил Рой. — О черт!

— Он появился с неделю назад, — добавил Джек.

— А где он объявился?

— У Джинни. К ней и пришел.

— И он был там, когда ты уходил?

Джек кивнул.

— Похоже на то, — сказал он.

Рой долго не мог выговорить ни слова, молчал и Джек. Джек не раз прикидывал, стоит ли вообще говорить об этом Рою, но знал, что рано или поздно Рой все равно узнает, и сидел как на иголках, боясь, что Зел Сен-Клэр скажет про это первым. Джек не хотел, чтобы Рой узнал это от Сен-Клэра, потому что понимал, какой выбор предстоит Рою. Ему и без этого угрожала потеря родного дома, необходимость покинуть лес и фермерствовать, уверенность в том, что охота для него кончилась. А теперь он мог потерять и свою Персефону¹. Джек знал также, что для Роя возможны два решения. Во-первых, пересидев зиму здесь, он мог на будущий год уйти на север, получить там новый участок. Именно этого хотел Джек для своего старого друга, но он знал, как мало на это шансов. Теперь, когда Энди вернулся, когда Сэм не

¹ Персефона — в античной мифологии жена властелина подземного мира, которую муж отпускал на землю к ее матери Деметре всего на несколько месяцев в году.

оставляя своего намерения бросить ферму, когда Рой особенно остро ощущал гнет леса,— вероятнее было, что он не углубится в глушь, оставляя позади такую неразбериху. Не в пример Джинни Джек знал, что Рой не уйдет в глушь, если некуда ему будет вернуться. Теперь Рой лишился обеих своих опор, и другое возможное для него решение было уйти с Зелом и Мэрреем в заповедник с риском, что, вероятнее всего, его поймают, отнимут разрешение и угодыя и этим погубят его самого. Это была одна из причин, почему Джек старался увести Роя от Сен-Клэра и Мэррея. Джек надеялся, что к тому времени, как Рой вернется в хижину, Зел и Мэррей будут уже далеко. И он твердо решил как можно дольше удерживать Роя от возвращения в хижину.

— Значит, Энди все-таки вернулся,— спокойно сказал Рой.— Ну что ж! — Он вытряхнул чайные опивки в огонь костра.

Джек затоптал огонь и собрался идти дальше.

— Ну как Энди? — медленно спросил Рой.

— Потолстел,— сказал Джек.— Он был в армии.

— Должно быть, без гроша?

— Да нет. Я видел, в баре он заказывал выпивку для Сэма. Он и сам теперь, по-моему, пристрастился к бутылке.

— Что-нибудь говорил...

Джек понимал, о чем спрашивает Рой.— Нет, ничего.

— И собирается остаться?

— Не могу сказать. Ты же знаешь Энди.

— Он останется,— сказал Рой.— Во всяком случае, до моего возвращения.

Зная Энди, Рой был изумлен тем, что тот не явился прямо к нему в лес, чтобы объяснить. Энди всегда действовал напролом, по-бычьему, атакуя любое затруднение вслепую и об стену лбом.

— Как ты думаешь, придет он в лес? — спросил Рой Джека.

— Не знаю,— сказал Джек.— Я говорил ему, что тебя со дня на день ждут обратно в Сент-Элен.

Джек сделал все, чтобы предотвратить появление Эндрюса здесь, в лесу, но Джек не сомневался, что, когда Эндрюс поймет истинный смысл «деловых отношений» Роя с Джинни, первая же волна необузданного гнева непременно приведет его сюда.

Рой больше ничего не спрашивал, и они продолжали выслеживать оленя:

Им попалось на снегу много оленьих следов, но ни одного оленя они так и не увидели. Ночь они провели в хибарке у Четырех Озер, а потом возобновили охоту, попутно осматривая капканы и западни Роя. Рой обнаружил еще одного бобра и рысь в западне, так что теперь ему приходилось тащить на спине большой груз. Они пошли по снеговому хребтам к озеру Т и по направлению к дому, расходясь, чтобы захватить обычные олени тропы, и вновь встречаясь в условленных местах.

— Хочешь медведя? — спросил Рой, когда они встретились у большого завала горных валунов, окруженных хвойной порослью.

— А где он?

Рой показал вниз.

— Присмотрись вон к тем скалам.

Медведь, большущий бурый увалень, показался почти в то же мгновение и то вприпрыжку, то шагом, шлепая большими вихляющимися лапами по твердому снегу, двинулся прямо к молодой пихте. Дойдя до ствола, он, стоя на задних лапах, вытянулся во весь рост и царапнул дерево когтями так высоко, как только мог дотянуться. Потом он хрюкнул и свирепо куснул ствол.

— Должно быть, он этим показывает другим медведям, какой он большой, — сказал Джек. — Не иначе как решил помериться ростом с подругой или соперником.

— Не знаю, — сказал Рой, — но только самки поступают точно так же.

— Никогда не видел, чтобы они так грызли ствол, — сказал Джек.

— Это что, а я видел, как один такой мишка уселся верхом на молодой дубок и запрыгал на нем, как на лошади. — Они могли тихо переговариваться, потому что были много выше и за ветром. — Ты обрати внимание, какой он жирный. Он совсем приготовился залечь на зиму. Это плохой знак, Джек. Они так рано ложатся в берлогу, только если дичи становится мало.

Они смотрели, как медведь принюхивался к ветру.

— Так что ж, хочешь его? — снова спросил Рой.

— Слишком много хлопот, — ответил Джек.

Рой приложился. Ему доводилось стрелять медведей, когда он нуждался в их шкуре или мясе, но теперь, когда в этих местах их становилось все меньше, ему вовсе не хотелось убивать зря. Однако был момент, когда подавленный, но яростный протест против судьбы заглушил в нем лучшие побуждения: он ненавидел сейчас Эндрюса

и прицелился в медведя; но самая тяга к жестокости вызвала отвращение к ней, и он перевел мушку на ствол пихты.

— Смотри, как он сейчас прыгнет,— сказал Рой.

Он попал в ствол возле самого медведя, и отколотая пулей щепка случайно ударила медведя по носу. Медведь замахал перед собой большими плоскостопными лапами, словно отмахивался от мух или пчел, потом снова свирепо куснул дерево и пустился наутек, а Рой вслед ему крикнул:

— Заметай следы, увалень, а не то я с тебя шкуру сдеру!

Джек и Рой громко хохотали, глядя, как он улепечивается.

— Ты когда-нибудь видел, как они нападают на улей,— сказал Рой.— Точь-в-точь как сунсы. Лезет прямо на рой и расшвыривает пчел так, что те в него впираются. Они увязают в шкуре, а мишка сидит, знает обирает их и ест.

Снова посмеялись, и Джек понимал, что для Роя это сейчас хорошо. Дай только время, и лес все вылечит. Они продолжали путь вместе до самого озера Т.

У озера они снова разошлись, и Рой скоро присел отдохнуть на скалистом склоне, откуда снег был начисто слут. Здесь было ветрено, но ему нравилось сидеть именно на этом хребте, потому что отсюда на север ему видно было далеко за пределы его угодий, а на юг за озером Т море лесных верхушек тянулось до самого Сент-Элена. Он смотрел вниз, на черную воду озера в снеговой оторочке, и вдруг услышал самолет.

Он наблюдал, как самолет медленно летит над низкими серыми облаками, крошечное существо с лапами утки и крыльями малиновки. Машина сделала круг над озером, потом взяла курс на запад и стала планировать.

Рой поднялся на ноги.— Не иначе как один из этих маленьких гидропланов,— сказал он встревоженно. Тревога его возросла, когда он понял, что самолет большими бесшумными кругами идет на снижение к озеру Пит-Пит.

— Джек,— позвал Рой.— Где ты, Джек?

Ответа не было.

— Джек! — снова позвал он.

Наконец появился запыхавшийся Джек.

— Черт возьми, а я только было выследил лося,— сказал он.— Мне кажется, я загнал его в тот конец роции. И чего нужно лосю на такой высоте? — Джек говорил

шепотом, возбужденный своим открытием гораздо больше, чем Рой.— А у тебя что?

— Ты погляди на этот аэроплан,— сказал Рой.

Самолет только что показался снова.

— Он сядет на озеро Пит-Пит,— сказал Рой.— Если Зел и Сохатый сейчас в хижине, они не увидят и не услышат его. Похоже на то, что инспектор подкрадывается ко мне из-за угла. Раздобыл одну из машин лесной охраны. Смотри туда, на озеро Пит-Пит, видишь, он уже планирует.

— Все равно ты слишком далеко, чтобы добраться до хижины раньше них,— сказал Джек.— Ты не успеешь предупредить.

Рой стоял, глядя вниз на озеро Т. Ветер прибывал к берегу островки рыхлого снега, и хотя под ними кое-где поблескивал ледок, озеро еще не совсем замерзло.

— На восточном конце у меня остался большой челнок,— сказал Рой.— Я спрятал его там, когда переправился к Индейцу Бобу. Если я сейчас быстро спущусь вниз, я могу кое-что выжать из этого челнока и приплыть к хижине раньше, чем они туда доберутся.

— Ну, тебе придется поднажать на озере Т, чтобы обогнать их. Да, поднажать придется! — сказал Джек.— Но ты иди. И скорей! Сохатый и Зел, должно быть, еще там и ничего не подозревают. Если инспектор накроет их, всем вам крышка. Скорее, Рой!

Но Рой уже мчался вниз по склону к видневшейся далеко внизу воде. Свою пошу он сбросил рядом с Джеком и теперь взрывал рыхлый снег, бороздя его на крутом длинном склоне. Джек не мог понять, как это ему удастся удерживаться на ногах, ведь он спускался так быстро. Но Рой умудрялся сохранять над самой землей центр тяжести своего коренастого увесистого тела и благополучно скатился вниз к воде.

Возле того места, где он спрятал челнок, вода уже крепко замерзла, и Рою пришлось волочить челнок по предательскому льду к кромке чистой воды. Когда лед начал трескаться под ногой, он вскочил в челнок, вывел его из мелких льдин и начал грести. К этому времени он уже взмок и выбился из сил, но руки его сами собой погружали желтое весло в холодную воду. Там, где она была свободна ото льда, он быстро скользил вперед, но где шелковистый ледок уже подернул поверхность, ему приходилось нажимать, и тогда слышались хрупкие звуки ледяных кристалликов, ломавшихся под носом чел-

нока при каждом ударе весла. Он понял, что подвигается слишком медленно. Выбрав ближайшую отмель, он свернул к берегу, быстро выпрыгнул из челнока и сломил сухую елку, мертвую и бурую, но еще сохранившую хвою. У него не было с собой топора, чтобы срубить свежее дерево, и поэтому он закрепил сухую ель между распорками, привязал ее ремнями уключинами, а потом снова стал на колени и пустился в путь. Ветер ударил в густую поверхность ели, достигавшей двенадцати футов, и челнок сразу прибавил ходу. При попутном порывистом ветре он несся теперь с такой быстротой, что под тяжестью ели едва не зачерпывал вскипавшую под его носом воду. Даже на подмерзших участках он расталкивал тонкие льдины и не сбавлял скорости.

Рой удалось обойти крепче всего замерзшие участки, но по временам, когда лед со скрежетом скользил по красному брезенту бортов, ему казалось, что челнок вспорот. Чем ближе подплывал он к дому, тем больше помогал ему ветер, и, подгребая, чтобы поймать его порывы, или проталкивая челнок через ледяную пленку, Рой уже начинал надеяться, что поспеет вовремя.

Он с такой быстротой несся к скалистому причалу, что ему пришлось бросить весло и попытаться удержать челнок, отвязав ель, потом сверхчеловеческим усилием он поднял ее стоймя и, сохраняя равновесие при резких порывах ветра, вывел ствол за борт и метнул в сторону, как дротик. Это ему удалось, но челнок едва не опрокинулся и зачерпнул столько воды, что одно весло уплыло. Рой едва успел подхватить другое и, кое-как затормозив разогнавшийся челнок, ослабил удар о скалу.

Но он опоздал. Рядом с Зелом Сен-Кларом там уже стояло двое мужчин.

Глава восьмая



— Это Рой Мак-Нэйр, — сказал Зел незнакомым мужчинам.

Рой уже разглядел, что ни один из них не был инспектором.

— Здравствуйте,— сказали они Рою.

Рой ничего не ответил. Он еще не мог отдышаться после отчаянного напряжения. Он знал, что это представители каких-то властей, он безошибочно определил это по их говору и манерам, как бы дружелюбно и непринужденно они себя не вели. Один был грузный толстяк с пронизательными глазами и уверенной линией рта. Другой был молодой блондин среднего роста. Они были одеты по-охотничьему, в красные куртки и кепки, оба в высоких охотничьих сапогах и кожаных перчатках. Типичные должностные лица, только неизвестной должности. Рой подумал, уж не лесники ли это? Во всяком случае, не пушные инспектора.

— Меня зовут Бэрк,— сказал приземистый.

Он говорил решительно, почти резко, не спуская живых глаз с озабоченного лица Роя.— А это Лосон,— сказал он про молодого блондина.— Мы работники по охране пушных и рыбных ресурсов.

Рой никогда не слышал про таких.— Вы инспектора? — смело спросил он.

— Биологи,— сказал Бэрк. Он заметил испуг Роя. Он едва улыбнулся, но глаза его хохотали удачной шутке.

— Инспектора? — повторил он.— Нет. Ничего общего с инспекторами.

Лосон тоже понял ситуацию и рассмеялся, откинув назад голову.

— Мы вас встревожили,— сказал Лосон, проводя рукой по длинным светлым волосам. Он все еще смеялся прямо в лицо Рою.— Мы отдел Управления по заповедникам. Ничего общего с инспекцией или контролем — только охрана.

Рой держался настороженно.

— Можно нам у вас переночевать? — спросил Бэрк.— У нас есть спальные мешки, и спать мы будем на полу.

— Располагайтесь,— сказал Рой, ничего больше им не предлагая и все еще сомневаясь.— А зачем это вы попали на озеро Пит-Пит?

— Озеро Пит-Пит? — повторил Бэрк, как бы вслушиваясь в это название.

— Это единственная в этих местах годная посадка на воду,— сказал Лосон.— В озеро впадает несколько речек, и они отжали плавучий лед. Но у берега его все-таки слишком много, так что я сел несколько дальше. Вы удовлетворены?

Он спрашивал Роя, как гость хозяина, за этим не крылось никакого подвоха. Рой сказал, что все в порядке, он только удивлен был, почему они не сели поближе к хижине. Но потом Рой опять засомневался.

— А откуда вы обо мне узнали? — спросил он как можно небрежнее.

— Мы знали только, что где-то поблизости должна быть охотничья хижина, — сказал Бэрк и едва уместил свое грузное тело у печки. — Мы облетели весь Муск-о-ги, и нам надо было где-нибудь спуститься на ночлег.

— А ваша хижина нанесена на карту, — добавил Лосон.

Они явно старались рассеять подозрения Роя, и Рой видел, что они делают это старательно и терпеливо, но ему и этого было мало.

— А есть еще кто-нибудь с вами? — спросил он, подкладывая дров в печку.

— Нет. Нас только двое, — сказал ему блондин Лосон. — Наша машина поднимает только двоих. И то она тяжело садится на воду.

Рой верил им, но знал, что их появление грозит всякими непредвиденными последствиями. Чего это их сюда занесло? Что понадобилось этим биологам в такой глуши? Рою не совсем ясно было, чем вообще занимаются биологи, но он знал, что это работа весьма специальная, очень сложная. Они, конечно, образованные люди, но не новички в лесу. Надо с ними поосторожней. Это связано с Сохатым и заповедником, не иначе.

— Ну что ж, поспели прямо к ужину, — сказал он. Это были его первые дружелюбные слова. Он заметил, что они переглянулись словно с облегчением. Несмотря на его подозрения, они нравились Рою, как часто нравились люди с первого взгляда. Они были очень разные, но ясно видно было, что они хорошо друг друга понимают и что их соединяет настоящая дружба. А Рою нравилось, когда один человек понимает другого, когда друг друга понимают все люди, связанные общим делом.

— Вы, как видно, неслись по озеру на всех парусах, — сказал Бэрк Рою.

Рой все еще тяжело дышал, отирая пот с лица кепкой, куртку он с себя сбросил, чтобы немного остынуть в теплой хижине.

— Тяжело, должно быть, грести в челноке, — добавил Бэрк.

— Я старался идти вровень с ветром, — сказал Рой.

Бэрк внимательно посмотрел на Роя, и тот понял, что эти слова понравились приземистому биологу. Рою казалось, что этот человек быстро схватывает и понимает мысли и чувства других, и скованность Роя постепенно проходила.

— Вы, специалисты, должно быть, проголодались? — сказал он им.

— Да, мы не прочь соорудить для всех жаркое, — ответил Бэрк. — Если у вас найдется кастрюля достаточной величины, я сейчас же примусь за дело. Не возражаете?

Опять Рой оценил это искреннее предложение, он не возражает, если они займутся ужином. С их стороны это было вежливо, они, должно быть, знали, как следует себя вести в чужой хижине и как вел бы себя в таких обстоятельствах заходивший охотник. Настороженность Роя еще ослабела, и он вышел поискать Зела Сен-Клэра, который исчез, как только появился Рой. Зела он нашел у скалистого причала, он вылавливал уплывшее весло Роя.

— Идем к ним, Зел, — сказал Рой. — Они ничего себе парни.

— Рой, — сказал Зел. — Погляди-ка.

Рой посмотрел, куда указывал палец Зела. А указывал он на два кола, которые торчали из воды маленькой бухточки, начинавшейся у скалистого причала. Это были коварные кольца рыболовной сети, той сети, которая снабжала Роя щурятами и щуками для наживки и для еды. Во время долгой отлучки на Четырех Озерах и на Зеленых Озерках он забыл затопить ее на зиму. И вот она стояла на виду, и присутствие ее было очевидно для всякого человека, что-либо смыслившего в рыбной ловле.

— «Ловля сетью или любыми другими способами, кроме удочки или спиннинга, строго воспрещается», — сказал Рой. Вот что говорил закон, и хотя это было не бог весть какое нарушение, которое в обычное время сошло бы с рук, теперь обнаруженная сеть могла иметь серьезные последствия.

— Пойдем-ка затопим ее, Зел, — сказал Рой.

Они уже спускали челнок на воду, когда из хижины вышел Лосон с целой охапкой каких-то приборов.

— Вы мне позволите ненадолго воспользоваться вашим челноком? — спросил он Роя.

Рой не ответил.

— Всего несколько глубинных проб, — объяснил Лосон и поднял на вытянутой руке какой-то полотняный

конус с медным цилиндрическим наконечником.— Только тут вот, рядом,— добавил он в ответ на недоверчивый взгляд Роя.

Рой уступил ему челнок и стал следить, как он искусно гребет вдоль берега. Лосон сначала осмотрел озерные отмели, потом выбрал место и пригреб к берегу. Различными совками, черпаками и приборами он взял в бутылочки пробы воды, ила, наносов, а потом переправился на другой берег озера. Уже стемнело, и наблюдать за ним — значило только привлекать внимание. Рой махнул на него рукой и повел Зела обратно в хижину помочь другому биологу готовить жаркое. А Бэрк, сняв куртку и сапоги и обувшись в удобные мокасины, уже стоял над самой большой кастрюлей Роя, стирая в ней жир и масло. Он принес сюда свой провиант, и на полу возле двери сложены были бобр, ондатра, заяц и куропатка.

— Это из образцов, что мы сегодня набрали,— сказал он.— То, что нам пригодится, я оставил, а эти пойдут в котел. Для настоящего охотничьего жаркого не хватает еще белки.

— Вы что, и этого бобра пустите в котел? — спросил Рой.

— Разумеется. А вы возражаете?

— Валяйте! — сказал Рой, еще не совсем доверяя тому, что этот специалист может изготовить жаркое из бобра, ондатры и белки.

— Так вам действительно нужна белка? — недоверчиво спросил Рой, желая посмотреть, как этот профессор будет готовить жаркое из белки.

— А вы можете раздобыть белку?

— Есть у вас двадцатидвухкалиберная? — спросил Рой.

— Есть у Лосопа. Она сейчас у вас под койкой.

Рой достал винтовку и вышел из хижины, чувствуя, что Бэрка все это радует. Рой еще раз сказал себе, что эти люди определенно завоевывают его доверие, завоевывают, обращаясь с ним, как с равным, держа себя как братья лесовики, почти как братья охотники. Он знал, что на это есть свои причины, и хотя помимо воли поддавался их дружескому обращению, все же недоверчиво спрашивал себя — зачем им понадобилось его доверие? Все-таки, какова бы ни была их профессия, они представители власти.

Через несколько минут Рой уже подстрелил красную белку, сняв ее с соснового сука, откуда она верещала на него, своего друга и недруга. Когда он возвращался к хижине, он встретил Лосона, поднимавшегося от озера. Челнок был вытасчен из воды и стоял перевернутый на причальной скале. Все правильно, все сделано, как надо.

В хижине Лосон предъявил порядочную рыбину.

— Видите, что я тут нашел, Кевин? — сказал он Бэрку.

— Бог мой, да ведь это черный окунь, Уилл! — воскликнул Бэрк. — Где вы его раздобыли?

— Да здесь, в сетях Роя, — сказал тот. — Вот не думал, что мы обнаружим черного окуня в озерах Муск-о-ги.

Рой ждал слов осуждения за сеть, но Бэрк только посмотрел на него так, как будто это его еще пуще позабавило.

— Ну как, раздобыли белку? — спросил он Роя.

Рой поднял белку, держа ее за хвост.

— Когда я обмерю этого типа, — сказал Лосон про окуня, — вы можете приобщить его ко всему прочему. — Став на колени, он растянул окуня на разостланной на полу газете, смерил и внимательно осмотрел его. — Кстати, — как бы невзначай сказал он Рою, не поднимая глаз от окуня, — я затопил вашу сеть на тот случай, если кто-нибудь сюда завернет и ею поинтересуется. Так ведь?

Рой помедлил с ответом, потом усмехнулся. Казалось, что вот-вот он захохочет. Зел Сен-Клэр смотрел на Роя пылкими глазами кельта, осуждая эту немую сцену, в которой выдержка подавляла у этих англосаксов и юмор, и задор. Как охотник, хотя сейчас и лишенный права охоты, Зел достаточно ясно понимал ситуацию, чтобы не вмешаться в игру Роя, но это стоило ему немалых усилий. О сети Рой больше ничего не сказал: ни извинений, ни шутки. Видимо, он понял, наконец, что это за люди, и скоро уже раздался его громкий хохот, а потом захохотал и блондин Лосон. Даже Бэрк усмехнулся, свежую бобра, и глаза его поблескивали от острого чувства удовольствия.

— А чем, собственно, вы занимаетесь, друзья? — спросил Рой.

Он наблюдал, как Бэрк, сидя на пороге, обдирал и обскребывал бобра приемами настоящего охотника. Лосон все еще не поднимался с пола: сидя у печки, он решительными движениями рассекал окуня, продолжая из-

мерять отдельные его части, потом выпотрошил его и желудок положил в банку. Эти люди знали свое дело, и это плеяло Роя.

— А мы просто бродим по всяким местам и смотрим, как живет дичи и рыбе,— сказал Бэрк.— Лосон, он ихтиолог.— Бэрк указал через плечо сточенным охотничьим ножом. При этом он посмотрел на Роя, чтобы убедиться, понравилось ли ему это слово, и Рой понял, что оно для него и предназначено.

— Он специалист по рыбам,— пояснил Бэрк.

— А вы? — спросил Рой.

— А я зоолог,— сказал Бэрк.

— Значит, специалист по дичи?

— Совершенно верно.

— Что же вы делаете здесь, в Муск-о-ги? — спросил Зел Сен-Клэр.

— Смотрим, как здесь живет дичи и рыбе,— повторил Бэрк.

Лосон посмотрел на Сен-Клэра и понял, что надо успокоить и француза.

— Вам, друзья, нечего опасаться,— сказал он.— Мы в самом деле ничего общего с инспектором не имеем.

— Вы англичанин? — спросил Рой у Лосона.

— Да вроде как полуангличанин,— ответил блондин. Говор его только отчасти напоминал английский, в остальном он, насколько мог судить Рой, говорил как канадец. Он сильно отличался от своего старшего спутника. Во всем, что Бэрк наблюдал со стороны, Лосон принимал живейшее участие. Бэрк все знал, но Рой догадывался, что Лосон способен все почувствовать. И наружностью и поступками Лосон показывал, что ему нравится жить, и за это Рой принимал его, как принимал его откровенный мальчишеский смех. Чем-то этот смех был даже чрезмерен. Бэрк менее склонен был смеяться, он скорее смешил других, чему-то про себя улыбаясь. Это был человек, вызывавший восхищение, и Рой видел, что младший спутник отдавал ему должное.

— Ну вот, с этим готово,— сказал Бэрк и бросил ломти бобрового филе в кастрюлю.— Теперь возьмемся за крысу.

Все пошло в дело: ондатра, заяц, куропатка, окунь и последней маленькая красная белка. Он отбирал только лучшие куски, но и так кастрюля была полна доверху мясом и приправой из цельных картофелин, лука, моркови и пучка душистых трав.

— А жаркое будет жирное,— сказал Рой.

— Надо же нагуливать жирок на зиму,— сказал Бэрк, похлопывая себя по животу.

Так мог бы сказать сам Рой, и это еще усилило его доверие. Но он все же недоумевал: что, собственно, им от меня нужно? Где-то в глубине все еще гвездилось сомнение, как бы они ему ни нравились, и он искал ключа к загадке: что им от меня надо? Он так и не нашел ответа до самого того времени, когда дверь хижины распахнулась и из темноты в нее вошел Джек Бэртон. Он был запорошен свежим снежком, его худые щеки разгорелись и вспухли, он сгибался под двойной тяжестью своих вещей и тюка Роя.

— Фермер Джек, пробил-таки тропу.

— Это твой тюк пробил мне спину,— сказал Джек.

— Взял того лося? — спросил Рой.

— Нет.— Джек посмотрел на незнакомцев, но прямой вопрос Роя сразу внес атмосферу доверия. Собственно говоря, Бэртону нечего было скрывать, у него ведь было разрешение на отстрел лося и оленей.— Лося я завтра непременно возьму,— сказал Джек Роя.— Он отбился от стада на верхнем выпасе. Там я заметил и оленя.

Гости слушали, но молчали.

Рой сказал:

— Это пара специалистов по дичи и рыбе, Джек.— Он сказал так, чтобы позабавить Бэрка. Это объясняло их появление для Джека, но, вместо того чтобы ввязываться в дальнейшую словесную игру с Бэрком, Рой вдруг приуныл. Джек почувствовал эту быструю перемену настроения Роя и удивился ей. Он не догадывался, что в глубине души Роя по-прежнему терзали затаенные мысли об Энди и Сэме, о Сент-Элене и о Джинни. Теперь все они выплыли наружу. словно это Джек принес их с собой и словно сам Энди появился вместе с Джеком. Приход незнакомых людей на некоторое время отвлек Роя и дал ему забыться, но Джек спугнул его дыханием Сент-Элена.

Джек скоро понял, что на Роя снова напала тоска. В таком настроении Рой бывал слаб и безрассуден. Зел уже здесь, Маррей вот-вот явится, значит, все еще есть опасность, что они уговорят Роя идти с ними в заповедник. Единственной доступной Джеку контрмерой было затянуть Роя опять в лес. Начал он с разговора о лосях.

— Знаешь, Рой,— сказал Джек,— я слышал, как этот

лось наверху на хребте два раза позвал, как теленок, будто ждал, что ему ответят.

— Слишком поздно для лося,— безучастно отозвался Рой.

— Да говорю же тебе, что я слышал,— настаивал Джек.

— Ну коли слышал, значит, звал,— заключил Рой.

Но тут разговор о лосе подхватил Лосон.— И в самом деле, в этом году как будто мало лосей,— сказал он Рою.— Как на вашем участке?

— Маловато,— сказал Рой.— Всего становится мало.

Джеку, собственно, не это было нужно, но посетителям явно чего-то нужно было от Роя. Они подхватили эту тему и стали расспрашивать Роя о дичи, об охоте, но без особенного успеха. Рой ел жаркое и отвечал неохотно. Наконец Бэрк перевел разговор с состояния дичи на ее привычки. Медленно и постепенно он втягивал в этот разговор и Роя. Мало-помалу расшевеливал его Бэрк, то шуткой, то поддразниванием, и все дальше вовлекал его в русло разговора. В нем принял участие и маленький Зел Сен-Клэр, и как раз Зел перевесил чашку весов. Он лежал на койке Роя и от сытости даже не казался таким хилым.

— Странное дело,— говорил он, глядя черными глазами на брововые шкурки у себя над головой,— странное дело, как одни животные держатся одной самки, а другим будто все равно, лишь бы урвать свое где придется.

— В лесу нет такого зверя, который бы держался одной самки,— заявил Рой.

— А бобер? — возразил Зел.

— Хитрый бобрешка вовсе не такой примерный семьянин, как это обычно полагают,— сказал Рой.

— Он держится одной самки,— настаивал Зел.

— Он выбирает себе подругу, строит хатку и заботится о подруге и детенышах,— сказал Рой,— но, кроме того, по ночам он уходит искать других самок. Мне случалось ловить старых отцов семейства на месте встреч, куда они приходили искать чужих самок. То же и скунс. Свою самку он оставляет в норе и идет охотиться за другой. Так ведь, мистер Бэрк? — спросил Рой.

— Совершенно верно,— сказал Бэрк.

— Я вам больше могу рассказать, такого вы, наверно, не видели,— продолжал Рой. Он помешивал в печке дрова. Джек, наблюдая за ним, несколько успокоился.— В Калифорнии я видел холостого бобра, да, старого холо-

стяка, который построил себе хату и жил в ней один. Хотите верьте, хотите нет, мистер Бэрк.

— Чего не бывает в Калифорнии, — согласился Бэрк.

— Да ты никогда не был в Калифорнии, — сказал Зел Рой.

Тот пренебрег замечанием Зела.

— Или возьмите норку там, на западе. Из всей наживки признает только крутое яйцо. А если не сервируешь ей крутых яиц, она отправляется на берег океана и преспокойно дожидается, пока он выкинет ей рыбу на обед. Вот это места! — сказал Рой. — Даже бобер способен облениться. Без крайней нужды и запруды не построит, разучился прокладывать протоки. Живет себе рядом с фермерами и обгладывает фруктовые деревья. Есть у него там летняя нора, зимняя нора — и все. Да, бобер в Калифорнии живет припеваючи.

Все посмеялись, и Рой громче других.

— Разве не так, мистер Бэрк? — сказал Рой.

— Да когда же ты был в Калифорнии? — допытывался Зел.

— Расставлял я там однажды капканы, — сказал Рой. — Золотая это была ловля!

Джек часто слышал рассказ о калифорнийской ловле Роя, но так и не мог решить, верить этому или нет. Единственный раз, когда Рой надолго отлучался из Сент-Элена, было тяжелое время кризиса начала тридцатых годов. Тогда Рой исчез на целых полтора года. Конечно, он мог быть и в Калифорнии, хотя Джек подозревал, что Рой попросту работал на ферме где-нибудь в Мичигане, но был слишком горд, чтобы признаться в этом.

— Вот я расскажу вам, что видел в одной бобровой хатке, — сказал Рой.

— Где? В Калифорнии? — недоверчиво спросил Зел.

— Нет. Здесь, на Четырех Озерах, несколько лет назад, — ответил Рой. — Я набрел как-то на заре на бобровую хатку и нашел в ней старого бобра, который храпел во все завертки. — Рой сказал это так серьезно, что все поверили ему, хотя рассмеялись. Так разговор попал в намеченное Бэрком русло. Он вылился в диалог между Бэрком и Роем, из которого Бэрк и так и этак выуживал все, что ему требовалось.

Рой упивался своими лесными былями, а этого только и хотелось Джеку. Рой сидел на ларе у окна, жевал свою жвачку «Принц Альберт», хлопал себя по коленям, дойдя до чего-нибудь особенно его забавлявшего, напус-

кал на себя серьезный вид, когда надо было быть серьезным, но в сущности его слова были обращены к Бэрку; Рой как бы призывал его своим авторитетом оспорить их достоверность, нарочно мешая выдумку с правдой, серьезное с шуткой, чтобы вызвать Бэрка на спор и тогда как следует с ним поспорить. Но Бэрк только спрашивал и слушал.

Иногда дело доходило до явных нелепостей.

— Видели вы когда-нибудь лису,— с серьезным видом спрашивал Рой у Бэрка,— как она влезает в озеро, зажав в зубах ветку, и ждет, пока все паразиты не соберутся на ветку, а потом выпускает ее из зубов, а сама плывет к берегу?

Заговорив о лисе, Рой рассказал, как лиса, преследуя зайца, идет за ним след в след, как лиса балансирует хвостом на бегу. Исчерпав рассказы о лисе, он перешел на рысь. Как неуклюже она преследует зайца, прыгая и увязая в снегу, вместо того чтобы скользить по нему, как на лыжах.

— Знаете, рысь охотится за добычей по большому кругу, как трапшер по цепи капканов,— говорил он Бэрку.— И знаете, она при этом пользуется человечесьей тропой.

Бэрк и на это промолчал.

За рысью пришел черед медведя.

— Медведь убивает,— говорил Рой,— только когда не может иным путем добыть себе пищу. Подобно всем большим животным, он охотно жил бы в мире. Вы знаете, он готов отступить при встрече со скунсом, вы знаете, он делится со скунсом своей добычей. Или норка... Однажды,— сказал Рой,— я раскопал ее нору, которая была сплошь набита лягушками, аккуратно сложенными одна к одной, как сардины. Или лось... Лось нельзя утопить, даже если застрелишь его на глубоком месте. Или рысь... Знаете, попав в воду, она плывет непременно по прямой. Или олень... Замечали вы когда-нибудь, как олень совершенно без всякой причины вдруг снимается с пастбища и вихрем несетя напролом сквозь заросли, а потом опять, как ни в чем не бывало, начинает щипать траву?

Рассказам Роя не было конца, но Бэрка они увлекали не меньше, чем самого Роя, и он охотно делился с Роем своим знанием лесных зверей, знанием несколько другого рода. Бэрк рассказывал, что бобр, поев водорослей, расстраиивает себе желудок. Он рассказал Рою, что медведь залегает в берлогу из-за недостатка пищи, а не по како-

му-то инстинкту. Что на несколько месяцев задерживается развитие зародыша медведицы: он начинает быстро развиваться только тогда, когда она залегает на зиму в теплую берлогу. Что полосатый суслик, этот классический зимовщик, во время зимней спячки сбавляет пульс от нормальных трехсот ударов в минуту до четырех:

Знания Бэрка были также безграничны, но он отбирал из того, что ему было известно, только лучшее, чтобы произвести этим впечатление на Роя. Он объяснил, как от изобилия или отсутствия зайца и лемминга зависит вся жизнь леса, потому что они являются основной пищей плотоядных. Как заяц размножается до какого-то предела, а потом по каким-то странным причинам подвергается желудочному заболеванию, истребляющему его почти начисто, и тем самым временно задерживает весь цикл лесной жизни впредь до начала нового усиленного размножения. Это был наиболее обнаженный пример жизненного процесса в лесу, и Роя удивило, когда ему объясняли его в таких специальных терминах. Бэрк привел еще пример: лемминг — маленькая северная мышь — кочует тысячами полчищами, когда размножение становится несоразмерным с доступными пищевыми ресурсами; лемминг перекочевывает на юг через озера и реки и наконец тонет миллионами в реке Святого Лаврентия, переплыть которую не в силах. Бэрк показал Роя, как наличие или отсутствие этих двух животных определяет судьбу остальной дичи, потому что голодовка распространяется на все виды животных. Лиса и рысь за неимением зайцев вынуждены охотиться на норку, скунса и оленя. Волк тоже начинает гонять оленя, даже лося, подбирается к дикобразу, а иногда приканчивает и более слабых своих сородичей. Страдают все виды мышей, потому что всевозможные хищники усиленно преследуют их и на низшей точке определенного цикла уничтожают почти без остатка. Их судьбу разделяют куропатки, становящиеся основной пищей рыси, лисицы и норки, когда зайцев или мышей остается слишком мало. Нарушенные соотношения заставляют ушастую сову искать замену тому же зайцу и мышам и нападать на более крупных животных. Бэрк раскрыл перед Роем все течение этого процесса, и никогда еще ничто так не захватывало, так не будоражило Роя. Он позволял себе время от времени только рывок к печке, чтобы помешать дрова, или рывок к двери, чтобы сплунуть через порог накопившуюся во рту жвачку.

Слушали и другие, и Джек понимал, что поступил правильно, затеяв все это. Джек сидел на скамье поодаль от огня, положив длинные руки на стол, и время от времени свертывал папироску. Изредка он вставал и подкручивал керосиновую лампу или тряс за плечо то и дело засыпавшего Зела Сен-Клэра, чтобы прекратить его залихватский храп.

Потом, когда Бэрк снова перевел разговор на подробные расспросы о дичи в Муск-о-ги, Джек понял, что надо этим людям от Роя, в частности, что надо от Роя Бэрку. Бэрку надо было получить подробные сведения о дичи на участке Роя, сведения, которых он не добился бы, не завоевав предварительно его доверия. Бэрк терпеливо обрабатывал Роя, пока не уверился, что тот готов рассказать все, что ему нужно узнать. Он задавал Рюю точно сформулированные вопросы о следах лося и оленя, о направлении и протяженности их троп, о среднем числе бобров на одну хатку, о точном количестве ондатр на болотах. Бэрк требовал полной картины: чем питается дичь, где она по преимуществу водится (особенно норка и лисица), есть ли в округе волки и в каком количестве. Это были властные, почти резкие вопросы, но задавал он их так, что Рой невольно отвечал на них честно и точно.

Временами Джека пугало, что Рой подведет себя некоторыми из своих ответов, но Рой, хоть и увлеченный вопросами Бэрка, не обмолвился ничем, что могло бы выдать его незаконные действия. Да и Бэрк не настаивал ни на одном рискованном вопросе. Когда Рой готов был слишком явно обнаружить, что знает так много о весенних повадках бобра в его логове и о летних похождениях норки именно потому, что занимался внесезонным ловом, Джек попытался было перевести разговор на другую тему. Но Роя нельзя было сбить. В Бэрке он нашел человека, который знал о дичи не меньше самого Роя, который любил лес не меньше его, человека, который понимал не только борьбу и равновесие в природе, но и весь процесс лесной жизни.

Как и Рой, Бэрк не привносил в животный мир лесов какие-то «должен» или «не должен» и не рассматривал зверей только с точки зрения их пользы для человека. Он принимал животный мир таким, каков он есть, и это больше всего остального убедило Роя, что Бэрк заслуживает доверия. А затем Рой понял, почему Бэрк захотел снискать его доверие. Бэрк нуждался в этих сведениях, в этой подробной и точной картине положения с дичью

в Муск-о-ги как человек, жизнь которого прошла в изучении и постижении леса; это была его работа, его специальность; и как знаток своего дела Рой охотно предоставлял сведения, в которых тот нуждался, даже понимая, что это может послужить материалом для какого-нибудь решения властей о Муск-о-ги. В увлечении Рой не раз был близок к тому, чтобы выдать секрет своего внесезонного лова, но Бэрк сам тактично оберегал его от такого безрассудства.

Затем пришел черед Роя задавать вопросы, не просто вопросы о дичи, но коренные вопросы о собственном существовании. И Бэрк был как раз тот человек, который мог разрешить сомнения и опасения Роя. Бэрк мог дать исчерпывающий и окончательный ответ на вопросы, действительно ли дичь Муск-о-ги уходит на север, вернется ли она, кончена ли здесь ловля, так ли уж безнадежна охота в Муск-о-ги, как он твердил себе из года в год.

Но не просто было задать такие вопросы.

— Скажите,— для начала спросил Рой,— всегда ли лось и олень жили в Муск-о-ги или они пришли сюда из Штатов?

— По моим сведениям,— сказал Бэрк,— первая белохвостая лань была замечена вблизи Сент-Элена в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году, а первый лось — приблизительно в тысяча восемьсот восемьдесят девятом. И примерно в то же время последний лось был зарегистрирован в штате Нью-Йорк, так что весьма вероятно, что, во всяком случае, лось пришел сюда из Штатов, да и олень, вероятно, тоже.

— Но как могло случиться,— спросил Рой,— что олень тут стало как будто больше. Сейчас в Муск-о-ги оленей больше, чем двадцать лет назад. Что же, они все еще приходят с юга?

— Сомневаюсь,— сказал Бэрк.— Поголовье оленей сейчас растет на юге точно так же, как и здесь. Этому способствовало то, что сводят девственные леса. Олень нуждается в пастбище и охотно живет в молодом лесу, по вырубкам, так что по мере сведения леса олень становится больше.

* Так почему же становится меньше лося?

— Ну, лось — он житель болот. Он более разборчив в выборе места, Рой. Человеку легче добраться до него, потому он и уходит на север, все глубже и глубже, куда не ступала нога человека. Он, как и медведь, выжит из таких мест, как Муск-о-ги.

— А остальная дичь? — спросил Рой. — Она тоже уходит на север?

— Нет, — сказал Бэрк, сознавая, что его ответа напряженно ждут все эти три охотника, а особенно Рой. — В Муск-о-ги дичь истребляется или попросту вымирает. На севере дичи больше, но не потому, что она приходит из Муск-о-ги. Нет, Муск-о-ги теряет дичь волею природы и охотника. Она не может восполнять потери. И сейчас у нее нет на это шансов.

— А будут?

Бэрк понимал, почему Рой ждет ответа на эти вопросы, но, посмотрев на него своим острым взглядом, решил, что ничего не надо утаивать.

— Нет, — медленно сказал Бэрк. — Потери невосполнимы. Некоторое время дичь еще протянет, но большинство пушного зверя, такого, как бобр, и норка, и ондатра, будет с каждым годом уменьшаться в числе, пока некоторые из них не вымрут окончательно, а другие станут редкостью. Это неизбежно, если, конечно, правительство не закроет половину Муск-о-ги для охоты и лова, а затем устроит где-нибудь заповедник для бобра и ондатры.

— А это хотят сделать? — спросил Рой.

Бэрк встал и нервно прошелся по хижине, позвякивая в кармане ножом и связкой ключей.

— Не знаю, что предпримет правительство, Рой, — сказал он. — Но что-то оно должно предпринять. Оно может закрыть все угодья или только половину — этого я не знаю.

— А когда?

Бэрк пожал плечами. — Может быть, на будущий год, а может быть, еще через год. Но, во всяком случае, скоро.

— Так, значит, охоте в Муск-о-ги действительно конец? — спросил Рой.

Решительно сжатые губы на мгновение разжались, выдавая колебание Бэрка.

— Мне хотелось бы отрицать это, Рой, но ведь вы сами, должно быть, знаете.

— Вы специалист, — сказал Рой. — Вам и карты в руки.

Бэрк кивнул.

— Вы правы. И, к сожалению, это так.

До сих пор Рою угрожала случайная прихоть природы, но слова специалиста о том, что охота здесь кон-

чена, придавали этому безапелляционность человеческого приговора. С минуту Рой помолчал. Они все молчали. Рой беглым взглядом окинул свою хижину. Потом он захохотал так, как еще никогда не смеялся.

— Ну что ж, значит, всем нам крышка, — сказал он.

— Не думаю, — мягко заметил Бэрк. — Не забудьте, что существуют звериные заповедники. Придет время, и они спасут охотников.

— А какой толк от дичи в заповедниках?

— Рано или поздно охраняемая дичь заповедников размножится и распространится на соседние угодья. Может быть, для ваших мест в этом и нет толку, но, в конечном счете, это единственная надежда для охотников, Рой.

Рой это знал; но сейчас в этом не было для него утешения. Он был слишком угнетен крахом Муск-о-ги.

— Идет процесс, а нам крышка! — вот и все, что он сказал напоследок.

Другие не поняли, но Джек его понял, и ему это не понравилось. Рой снова захохотал коротким злым смешком, и Джек знал — это Рой признает, что лес и Сент-Элен наконец победили его: лес, Сент-Элен и Энди.

Глава девятая

Утром Джек, Зел и Рой отправились на озеро Пит-Пит провожать специалистов, улетающих на своем маленьком гидроплане. Пока Зел и Джек помогали Бэрку грузиться, Рой вместе с Лосоном снимал с мотора стеганный чехол.

— Теперь куда вы направляетесь? — спросил Рой. — На север?

Лосон поглядел на побелевшее озеро, которое замерзло почти до середины. Даже узенькая черная полоска воды была уже подернута ледяной пленкой.

— Нет, — ответил Лосон. — Надо еще наведаться к индейцу на порогах Уош-Уош. Надеюсь, мне удастся посадить самолет на реку, если, конечно, она не замерзла.

— А потом куда? — осторожно спросил Рой.

— Сент-Элен, а потом в Торонто. Если мы не пото-

ропимся туда вернуться, нас где-нибудь приморозит.— И он носком ткнул в поплавок, на котором стоял.

— А что вам нужно от Индейца Боба?

— Рыба из его реки,— пояснил Лосон.— Черный окунь, если удастся его раздобыть.

— А вы думаете, рыбную ловлю запретят, как и охоту? — спросил Рой.

Лосон, прокручивая винт, кивнул белокурой головой.

— Боюсь, что так,— сказал он.

— Ну, я понимаю, дичь — она уходит,— сказал Рой.— Но почему бы исчезать рыбе в наших озерах? Тем более черному окуню. Его ведь тут никто не вылавливает на чисто, и непонятно, почему его становится с каждым годом все меньше.

— Слишком много ила в этих озерах, слишком густа вода для черного окуня,— объяснил Лосон.— Пока вокруг были сосновые леса, вода задерживалась в почве, ее сохраняли мох и хвоя, впитывая ее, охлаждая и постепенно фильтруя в ручьи через болота. А теперь в этих оголенных порослях без подлеска вода прямо стекает в озера, унося с собой много примесей и сохраняя высокую температуру. Ил осаждается на дно, затягивает гвезда окуния и его икру. Вот и выводится все меньше и меньше окуня. Такая же картина со щукой. Весь круговорот жизни у рыб нарушен. Для сохранения промысловой рыбы в этих озерах надо на несколько лет запретить лов, чтобы дать ей выправиться.

— А Индеец Боб и живет почитай что одной рыбой,— сказал Рой.— Ему это придется не по нутру.

— Разумеется,— сказал Лосон, на мгновение почувствовав, как все это печально.— Ну, Рой, надеюсь, мы с вами еще встретимся,— сказал он, протягивая ему руку на прощание.— На будущий год мы вернемся поглядеть, как тут у вас идут дела.

Подошел и Бэрк.

— Да, мы вернемся.— Бэрк взглянул на Роя.— И в следующий раз вы уж не трудитесь обгонять на озере ветер.

Рой засмеялся, но это была лишь тень его обычного хохота.

Лосон взялся за трос и вывел машину на чистую воду. Они залезли в крошечную кабину и уселись рядом. Лосон что-то накачивал, дергал за один рычаг, за другой. Мотор взвыл и смолк, потом взвыл снова и наконец засосал легучую смесь и заработал как следует. Весь лес откликнулся

на металлический голос маленькой машины. Лосон провёл её по водяной дорожке, круто завернул, оторвал от воды и почти мгновенно скрылся за хребтом, оставив за собой странную пустоту и молчание.

— Пойду искать этого мошенника Мэррея, — сказал Зел и повернул к хижине. — Похоже, что он ушел без меня, но я хочу удостовериться, Рой. Пойду я, пожалуй, к Скотти и Самсову, погляжу, нет ли его там. Ну а если и там его нет, я отправлюсь за ним в заповедник.

Рой наконец решился на прыжок.

— Я пойду с тобой, — сказал он Зелу.

— В заповедник? — Зел не верил своим ушам.

— Вот именно! — кинул ему через плечо Рой. — Пройдешь со мной через Четыре Озера, и я соберу там свои бобринные капканы.

— Ты, надеюсь, понимаешь, что делаешь? — быстро вмешался Джек Бэртон.

— Конечно, понимаю, — сказал Рой. — На этот раз прекрасно понимаю.

— Нет, не понимаешь! — широкими шагами догоняя Роя, крикнул Джек. Некоторое время они молча шли рядом, потом Джек сказал: — Бесполезно убегать от этого, Рой. Рано или поздно, но тебе надо будет вернуться в Сент-Элен. — Глубоко обеспокоенный, Джек переступил обычные границы и добавил: — Все равно, будет там Энди или нет.

Рой на это не отозвался и вообще почти не возражал на все призывы Джека к его здравому смыслу. Чем больше горячился Джек, тем спокойнее становился Рой, и, придя в хижину, он стал собирать на дорогу провиант, тем самым показывая, что решение его твердо. Зел из кожи лез, помогая ему, и Рой нагрузил в мешок Зела все то, что не вошло в его собственный. Напоследок Рой открыл до конца заслонку, чтобы скорей прогорели дрова, а затем все трое вышли по направлению к Четырем Озерам, причем Джек пошел не только чтобы закончить там охоту, но и в надежде все же отговорить Роя от его безумной затеи.

Весь конец дня Рой снимал свои капканы на Четырех Озерах и хотя временами посмеивался, что Джек ходит за ним как привязанный и старается его уговорить, но шутки у него как-то не получалось.

— Напрасно стараешься, Джек, — спокойно сказал он, когда они устроились на ночлег в хижине на Четырех Озерах. — Мне надо идти.

— Ты не в своем уме,— сказал Джек.

Рой слушал, как храпит Зел Сен-Клэр.

— По мне уж лучше бы тебе осесть в Сент-Элене, — сказал наконец Джек.

— Что ж, может, и я бы не прочь,— горько отозвался Рой,— если б было за что зацепиться.

Джек еще никогда в жизни не слышал такой горечи в словах Роя, и хотя он и раньше смутно догадывался, как подкосил Роя Сэм, а теперь вдобавок и Энди, но только сейчас он вдруг понял, насколько недооценивал глубину чувств Роя. Теперь он знал, что гонят Роя в эту авантюру именно события в Сент-Элене, но знал он также, что последней каплей был разговор с Бэрком и Лосоном. Все это приводило Джека в смятение, и он не знал, как ему подойти к своему старому другу. Первый раз в жизни он не мог до конца понять, что происходит с Роем.

— Ты ведь знаешь,— напомнил ему Джек,— Сэм еще не уехал.

— Уедет,— безучастно отозвался Рой.— Он уедет!

Джек сдался. Больше он не сказал ни слова до следующего утра, когда они подошли к хребту, по которому Зел и Рой должны были свернуть к хижине Скотти и Самсона.

— Я постараюсь, чтобы Сэм остался,— сказал Джек. Это была последняя безнадежная попытка удержать Роя.— А Энди, может быть, и уедет.

— Фермер Джек! — крикнул ему Рой и помахал свободной рукой, быстро удаляясь от него по хребту.— До весны! — кричал он, не оборачиваясь и пригибаясь под тяжестью заплечного мешка.— Весной увидимся! — А про себя добавил очень спокойно: «Если приведется!»

Рой повел Зела по хребтам, свободным от снега, выбрав более длинную, но более легкую дорогу к Литтл-Ривер; переправившись через реку, они вышли на тропу к хижине Скотти и Самсона. Стало быстро смеркаться, и Рой увидел, что сэкономить время ему не удалось. Он прибавил шагу, и все же было уже совсем темно, когда они подошли к настежь раскрытой двери хижины, из которой клубами валил дым.

— Это кто там? — встретил их голос Самсона.

Скотти был изумлен, но Мэррей приветствовал их:

— Хэлло, Рой, хэлло, Зел,— без всякого изумления, в его словах было только обычное приветствие — и ничего больше.

— Так ты здесь? — накинулся на него Зел. — Почему ты не зашел за мной? Я дождался тебя у Роя целую неделю.

— А я как раз собирался за тобой идти, — сказал Мэррей, помогая им скинуть мешки.

— Поздно же ты собрался, — бушевал Зел.

Мэррей не снизошел до того, чтобы с ним спорить, и в глазах его можно было прочесть полное безразличие — взять ли Зела или оставить Зела, ждать ли Зела или не ждать его.

— Так, значит, и ты собрался? — сказал Скотти Рою.

— Да, похоже, что так, Скотти, — неохотно ответил Рой.

— Неправильно это, Рой, — покачал головой Скотти.

Рой не стал спорить, называть Скотти преподобным.

— Правильно или неправильно, — сказал он, — какая разница?

— Что и говорить, натянешь ты нос инспектору, — сказал Самсон.

Мэррей смотрел на Роя и видел только лучшего зверолова Муск-о-ги. Но ситуация ему нравилась.

— Да, Рой, — сказал он, — здорово удивится инспектор, когда узнает, что ты залез в заповедник! Он, конечно, уверен, что ты ловишь сверх нормы, но все-таки считает тебя законопослушным траппером. Вот удивится он, увидев тебя с нами! Воображаю! — Они не вслушивались в медленную речь Мэррея, и он не был на это в претензии.

— В один прекрасный день не один Рой удивит этого негодяя инспектора, — горячился Зел.

— А почему ты не идешь с нами, Самсон? — быстро спросил Рой. Он не шутил, он был серьезен, даже слишком серьезен. Его мускулистое лицо все напряглось, и маленькие глаза спрятались в морщинках, когда он насмешливо поглядел на Самсона.

— Спроси Скотти, — сказал Самсон. — Если он пойдет, пойду и я.

— Идем с нами, Скотти, — сказал Рой; это была не издевка, а просто безнадежный призыв. — Почему ты не идешь?

— Чтобы тебе не стыдно было туда идти? — сказал Скотти.

Роя это задело, и Скотти пожалел о своих словах.

— Я женат, Рой, — сказал Скотти, чтобы выставить неопровержимый довод и существенную причину. — Же-

нат и Самсон. Мы не можем рисковать так, как вы рискуете.

— В чем дело? — вмешался Зел.— Сохатый женат, и я женат.

— Да, — медленно возразил Скотти, — и если бы вы могли получить обратно ваши угодья, вы бы уцепились за них зубами и когтями. Так для чего втягивать Роя в ваши безумные затеи?..

— Ладно, Скотти,— спокойно сказал Рой, и к этому они больше не возвращались.

— А как же с твоей собственной ловлей, Рой? — спросил Самсон.— Если инспектору вздумается проверять тебя, он сразу же поймет, что тебя нет.

Рой кивнул.

— Я и хотел просить тебя и Скотти время от времени осматривать мои ловушки. Все, что попадетсЯ,— ваше, только ставьте их снова. Можете пользоваться моими хижинами. Как? Идет?

Скотти и Самсон переглянулись.

— Ладно,— грустно ответил Скотти.

— А когда ты вернешься? — спросил Самсон.

— Это ты спроси Сохатого,— ответил Рой.

— Ну, не знаю,— сказал Мэррей.— Это смотря по тому, как пойдет дело. Ловить бобров нелегко, когда болота промерзнут. Пробудем там недель восемь или девять.

Рой ел бобы, разогретые для него Скотти.

— Если кто-нибудь придет справляться обо мне, — сказал он Скотти,— говори, что я тут поблизости на разведке, скажем, в лесу, возле угодий Боба.

— А все-таки неправильно ты делаешь, Рой,— твердил Скотти.— К чему тогда законы об охоте, если каждый будет нарушать их?

Это было продолжением их нерешенного спора, потому что если Скотти искренне уважал закон и восхищался им, то Рой относился к закону свысока. Скотти боялся закона как морального кодекса, Рой боялся только наказания в силу закона. Они не могли сговориться по этому вопросу, и Рой не в настроении был продолжать сейчас спор обычным их способом примеров и возражений. Рой не отличал в этом водросе правого от виноватого, это не приходило к нему само, и он не позволял себе задумываться над этим. Когда нарушал закон Скотти, его мучила совесть, но когда нарушал его Рой, совесть ставила под сомнение самый закон, и в этом случае он не боялся закона. Плохо было только то, что он нарушал собственные интересы звероло-

ва. Как бы ни туго шла охота в Муск-о-ги, он знал, как знал и Бэрк, и Скотти, и любой зверолов, что пушные заповедники — это единственная надежда трапперов. Облавливать их было грехом для зверолова, но положение было таково, что Рою приходилось подавлять в себе эту профессиональную совесть. Он поступал так, как должен был поступить, и раздумывать тут было не о чем.

— Остается только надеяться, что тебя не изловят, — таково было последнее слово Скотти.

Рой пожал плечами и стал доедать бобы.

Глава десятая

Показывал дорогу Мэррей, но прокладывая тропу и уминал снег Рой. Следуя указаниям Мэррея, он держал то на одиночную сосну, то на гряде холмов, то на корабельную рощу, то по долине. На большей части пути нельзя было обойтись без плетеных канадских лыж, и на долю Роя приходилась самая тяжелая, изнурительная работа, но и при этом двое других едва поспевали за ним. Рой стремился вперед так, словно отчаянье подгоняло его, и ноги его шли и шли сами собой, как бы ни был глубок снег. Мэррей тащил самый тяжелый груз, включая большую часть капканов; даже этому гиганту приходилось ускорять свой широкий шаг, поспевая за Роем. Мэррей старался по возможности спрямить дорогу, но Рой каждый раз выбирал к тому же и более легкий вариант и ни на минуту не сбавлял хода.

— Ты, видно, спешишь? — сказал Мэррей после двух дней такого пути.

— К чему терять время? — сказал Рой.

— Ну, времени у нас достаточно, — заметил Мэррей.

— Это как сказать, — возразил Зел Мэррею, но тот и бровью не повел. А именно Зелу приходилось труднее всего. Мэррей уже не раз вытаскивал его из снега и нес его мешок, пока он не набирался сил, чтобы тащить груз дальше. Но Зел все-таки был на стороне Роя. — Чем скорее мы туда попадем и чем скорее выберемся, тем для нас же лучше, — говорил он.

Первые три дня они шли приблизительно по прямой. Местность эта была им хорошо знакома, и никаких открытий не предвиделось. Но на четвертый день они переправились через Серебряную реку и подвинулись на хребет Белых гор. Хребта такой высоты не было во всем Муск-о-ги; острый, как бритва, он тянулся с востока на запад, сколько хватал глаз. Это был водораздельный хребет, отрезавший Муск-о-ги от пустынных земель на севере. Взираясь на этот хребет, Мэррей дважды терял ориентиры, и, только добравшись до самого верха, он снова определил направление.

Там, наверху, перед ними открылась совершенно новая для них страна, не похожая на их уголья. Глядя на нее с радостью и возбуждением, Рой понял, почему ее называют страной Серебряных Долларов.

— Смотрите, какие озера! — изумленно воскликнул он. До самого горизонта видны были сотни озер, белевших среди лесов и долин. Это были большей частью маленькие круглые озера, и они сверкали на солнце действительно, как рассыпанные по земле доллары.

— Погляди, Сохатый, — сказал Рой. — Вот это страна! Я поднимался на этот хребет восточнее, но такого еще не видал. Тут все не такое. Совсем не такое.

Действительно, это не похоже было на скопление невысоких однообразных хребтов Муск-о-ги, это была страна контрастов. Были тут и отроги, и высокие пики, и глубокие долины. Были и плато, узкими полосами тянулись они, плоские и гладкие, между гор и тоже испещрены были кое-где озерами и сосновыми лесами. По сравнению с более мирным пейзажем Муск-о-ги все тут было вздыблено и скручено. Повсюду леса, еще не тронутые топором, темные чащобы и рядом сверкающие на солнце предательские снежные склоны.

— Оно, может быть, и красиво, — сказал Мэррей, — но на таком склоне сам черт ногу сломит. А теперь, когда они обледенели, на них можно и шее свернуть. Видишь лес по ту сторону плато? — спросил Мэррей Роя.

Рой посмотрел через два хребта и плато на густую сосновую чащу.

— Постарайся вывести нас туда поточней, — сказал Мэррей. — Как раз там моя хижина. В конце вон того озера.

Этот последний кусок пути Рой провел так, что у всех дух захватило. Его подстегивал еще и обычный азарт гонки с дневным светом. Каждый шаг в этой новой стране до-

ставлял ему наслаждение, каждая трудность была приятна. На этом последнем переходе пришлось обходить много лесных трупов и зарослей, и, хотя чаще всего цель пути была скрыта, Рой привел их прямо к месту. Путь этот им следовало твердо запомнить, потому что они не рисковали отмечать тропу, как бы трудно ни оказалось найти ее потом. Они были в заповеднике, и чем меньше оставалось следов их пребывания здесь — тем лучше. У заповедника не было границ или опознавательных знаков, но они знали, что он начинался от хребта Белых гор, и чем дальше они отходили от хребта, тем больше углублялись в заповедник. К тому времени как Рой вывел их глубокой долиной к указанной Мэрреем сосновой роще, хребет Белых гор едва дымился вечерней дымкой далеко позади, а сами они были в глубине заповедника.

— Вот тут-то и начинается самое трудное, — сказал Мэррей, когда они вошли в лес. — Теперь мне нужно найти свои приметы, — и он пошел впереди.

Даже кроха Зел приободрился, и когда вспугнутая лань вынеслась на них из сосновой заросли и отпрыгнула прочь, он закричал:

— Смотрите, как улепетывает!

Рою приятно было видеть, как оживает Зел.

— А ты не думаешь, что такой крик услышит обходчик и за сотни миль отсюда? — сказал он Зелу.

Зел при упоминании о пушных обходчиках напустил на себя презрительный вид. — Сколько миль отсюда до ближайшего кордона? — спросил он Мэррея.

— Да около полутора ста миль будет, — сказал Мэррей. — Не то чтобы постоянный пост, а просто укрытие для лесников.

— И вообще больше вероятия встретить здесь лесников, а не пушных обходчиков, — сказал Рой. — Тут есть что беречь. Какой лес!

Вокруг них высились колоннады вековых сосен. Деревья так велики, что стоят довольно редко, хотя лес издали выглядит очень густым. Под ногами снегу мало, он, видимо, еще не успел пробиться сквозь плотную хвойную кровлю. Темно, спокойно, безветренно.

В дальнем конце этого леса, на краю плато, прятась среди больших деревьев, стояла маленькая хижина Мэррея. Они обнаружили ее, только подойдя к ней вплотную, так умело укрыл ее Мэррей среди сосен. Она была замаскирована большими нижними ветками, которые скрывали и крышу и стены. Площадью хижина была пятна-

дцать на пятнадцать футов, и, входя в дверь, Мэррею пришлось сильно пригнуться.

— И сколько же времени ты ее строил? — в изумлении спросил Рой, глядя на прямые, крепко пригнанные стены, снаружи обмазанные глиной и непроницаемые для ветра.

— Почти все лето,— сказал Мэррей,— и половину осени.

— Так вот чем ты занимался! Ловил здесь дичь и строил потайные хижины! — сказал Рой. Войдя внутрь, он осмотрелся и отдал должное мастерству Мэррея. Тот был прирожденный лесовик, и всякое лесное дело у него в руках само собой спорилось. В хижине устроено было даже окно и сложена примитивная печка: любивший удобства Рой не ожидал такого комфорта. Желтое оконное стекло было из триплекса, и Мэррей объяснил, что добыл его у Скотти, который, в свою очередь, подцепил его на какой-то свалке военного имущества, да так и не нашел ему применения. Печь, сложенная из камней и глины, была шедевром. В углублении стены был устроен квадратный очаг с небольшой топкой, и конусом был сложен дымоход, обшитый жестью бидонов. Рой отметил, что труба, слепленная из камня и глины, была выведена вплотную к большому дереву, так что дым стлался по стволу и рассеивался, прежде чем подняться над лесом.

— Похоже, что ты собрался тут прочно обосноваться,— сказал Рой.

— Да, это не на один год,— ответил Мэррей.— Я думаю облавливать этот заповедник каждую зиму, да и каждую весну тоже, если только не помешают обходчики.

Сомнения в Мэррее, угнетавшие Зела все четыре дня их пути, на время рассеялись при виде хижины, которая и его привела в восторг.

— Тут можно дожидаться второго пришествия,— сказал он Мэррею,— и никто на свете тебя не сыщет, не то что эти болваны обходчики.

Мэррей скинул свой огромный тюк капканов и провизии, и он с грохотом стукнулся об пол.

— Ты не очень-то плюй на этих обходчиков, Зел,— сказал Мэррей.— Они порядочные проныры. Пусти их по следу, и они тебе что угодно разыщут.

Рой подумал, что Мэррей нарочно дразнит Зела, но у Мэррея не было ни малейшего желания отплачивать своему докучливому напарнику или разыгрывать его. Он говорил то, что думал, и это безошибочно действовало на Зела Сен-Клэра.

— Ну, им нелегко будет отыскать это место,— успокаивал Зела Рой.

— Только следите за их самолетами,— предупредил Мэррей, а потом добавил:— Пойдемте, я покажу вам озеро.

До опушки было шагов семьдесят, а дальше крутой обрыв. Под ним в круглой котловине было замерзшее озеро, вернее, два озера в форме банта, с островком посредине. Вдоль всего плоского берега выделялась полоса, повторявшая его очертания. Это была полоса болота, которое устроили бобыры, перегородив возле устья нескольких горных ручьев.

— Да, это место стоящее,— сказал Рой.— Прямо-таки озеро Фей.— Он назвал его как можно нежнее не только потому, что был им очарован, но и из-за его крылатых очертаний.— Жаль, что не пришли мы сюда раньше с челноком. А то обойти его не ближний край.

— А что я тебе говорил,— небрежно заметил Мэррей.— Вон за той полосой выгоревших сосен видна Серебряная река. Если бы мы плыли сюда челноком до морозов, это сэкономило бы нам день. Тогда достаточно было бы протащить челнок через это вот плато.

Рой поглядел на тонкую нитку далекой реки, на тысячи сверкающих озер, на необозримый кругозор, открывающийся с этой высоты. Это были великие канадские леса, простиравшиеся далеко за пределы Муск-о-ги. Это были просторы, где каждый шаг открывал новые горизонты, все более дикие, все более манящие. Быть хозяином этой страны, бродить без помехи по ее лесам и горам, чувствовать дикую мощь этих дебрей,— вот что предвкушал сейчас Рой.

— Не могу понять,— сказал он задумчиво своим товарищам,— как это я много лет назад не стал лесным бродягой? — И усмешка медленно искривила его губы.

Мэррей захохотал, что редко с ним бывало.

Зел пропустил слова Роя мимо ушей.— Так как же мы поведем охоту? — спросил он, форсируя решение, которое пора было принять.

— А как вздумается,— сказал Мэррей.

— Послушай,— не унимался Зел.— Лучше всего было бы выловить здесь все, что можно, и как можно скорее. Надо ставить капканы густо, чтобы ловить побольше зверя, а потом сматываться. Ты как думаешь?

— А к чему такая спешка? — сказал Мэррей.

— В тот раз ты не спешил, вот и попался,— кольнул его Зел.

Мэррей задумчиво посмотрел вверх черной шевелюры Зела.

— А ты как думаешь, Рой? — торопливо осведомился тот.

Рой понимал, почему Мэррею не хотелось спешить. Он и сам не спешил бы. Открыв эту страну, он не хотел признавать необходимость спешки и осторожности, самую возможность отступления. Рой уже чувствовал, что здесь его родная сторона, и думал, что Мэррей чувствует то же. Ему хотелось насладиться ею по своему усмотрению и не спеша и не хотелось портить все, поминутно прикладывая ухо к земле и закрывая глаза на окружающее его великолепие. Но остаток трезвости и сознания, что лучше ему не становиться на чью-либо сторону, предрешили его ответ.

— Мне кажется, что ловить надо быстро,— сказал он,— но устраивать бешеную гонку не стоит.

Мэррей пожал плечами, Зел выжидал, что будет дальше.

— По-моему, так,— сказал Рой.— Мы с Зелом можем облавливать озера. Я возьмусь за бобра, а Зел может выгребать ондатру, она подоверчивее. А пока мы займемся этим,— обратился он к Мэррею,— ты можешь охотиться по всей округе, ставить западни на звериных тропах и вообще всюду, где увидишь следы лис, норок и рысей. Как вы скажете?

Они согласились и внесли кое-какие уточнения. Всю пушнину решили сносить в хижину, меха решено было делить поровну, каждый должен был сам свежевать свою долю и дележку производить сразу же, так чтобы каждый мог держать свою добычу наготове на случай поспешного бегства. Выработаны были обязательные для всех правила поведения. Не разводите огня для полдника, никаких костров вне хижины. Но прежде всего и важнее всего — не стрелять. У них у всех были с собой ружья, но здесь звук выстрела разносился на десяток миль, и стрельба могла привлечь к ним внимание. Мэррей считал, что это излишняя осторожность, но уступил настояниям Зела и уговорам Роя. Никакой охоты, никакой стрельбы, как бы соблазнительно близко ни появился олень. Почти совсем стемнело, а они все стояли на склоне над озером Фей. Летучей мышью оно чернело в напоздавшей темноте ночи, и Рой последним покинул его, когда они наконец собрались возвращаться к хижине.

Глава одиннадцатая

Предоставив Мэррею свободу передвижения и удовлетворив нетерпение Зела, Рой начал действовать на озере Фей так, словно он собирался раскинуть здесь постоянную сеть капканов. По натуре он был охранитель и никогда не брал из бобриного сообщества больше того, что могли восстановить уцелевшие семьи. Он всегда применял эту форму сохранения дичи на своих собственных угодьях, что обеспечивало ему твердый, хотя и все убывавший улов бобра еще долго после того, как другие звероловы подчистую выбирали свои бровые хатки. Теперь это уже был инстинкт, и так же инстинктивно он применял свой метод расстановки капканов в кольце болот, окружавших озеро Фей. Он не ставил капканов там, где заведомо были детеныши или тяжелые самки. Зато он усиленно ловил там, где вероятнее было поймать наибольшее количество самых старых и крупных самцов.

После первой же разведки вокруг озера Фей он понял, что в замерзших болотах больше взрослых бобров, чем у него капканов. По травянистым кочкам, вокруг тощих порослей ели и на тысяче натащенных бобрами островков было так много бровых хаток, что Рой сразу же ощутил себя победителем над тем постоянным чувством поражения, которое выработали в нем последние десять лет охоты в истощенном Муск-о-ги. Годами природа обкрадывала его, сокращая количество дичи, так что он постоянно чувствовал себя побежденным и обманутым. А тут он наконец бросил перчатку в лицо природе, нанес ей звонкую пощечину, от которой вся кровь в нем заиграла, ударила в ноги, защекотала приплюснутые кончики пальцев. На этих пяти квадратных милях болотистых берегов было больше бобра, чем ему когда-нибудь доводилось видеть в одном месте; больше, чем он мог выловить своими двадцатью капканами за шесть часов короткого зимнего дня. А там, где есть бобер, должно быть много другого зверя, охотящегося на бобра: лисица, рысь, норка. И скоро Рой стал расставлять западни на хищников вокруг всего болота, стараясь создать единую систему ловушек на участке длиной около семи миль и шириной в полмили, что ему сначала удалось сделать, а потом не удалось использовать, так как

у него не хватало времени на то, чтобы обирать и вновь заряжать свой ограниченный запас капканов.

Каждый вечер все трое возвращались в хижину на обрыве, и по мере того как накапливалась пушнина, удача становилась все более очевидной. Чтобы справиться со своим уловом, им приходилось допоздна свежевать и выскабливать шкурки. Как и Рой, Зел объявил, что на болотах за озером Фей оядатры больше, чем он может выловить с наличным числом капканов. Зел, случалось, ловил в свои капканы и бобров и ласок. Каждый вечер смешанный улов Зела и Роя был настолько же пестрым, как и добыча Мэррея с его охотничьих троп. Мэррей приносил меньше пушнины, что было естественно, так как западни на охотничьих тропах не могли, конечно, дать столько же, сколько сосредоточенный облов богатого бобриного болота.

— Это не дело,— вздыхал Зел после двух недель охоты.— Я мог бы взять вдвое больше оядатры, если бы хватало капканов. Кабы взяться как следует, мы бы уже через две недели могли выбраться отсюда с такой добычей, что больше и не унести. Эх, мало у нас капканов!

— Всегда-то ты торопишься,— сказал Мэррей.— Твоя пушнина от тебя никуда не убежит.

— Оно так,— возражал Зел,— но скоро кончится масло и сало.— Зел был главным поваром — он стряпал лучше всех.— Да и мука и мясо на исходе.

В первые же дни Мэррею посчастливилось поймать в западню молодую лань; он пытался поймать и вторую, но пока без успеха. Появление людей, видимо, спугнуло большую часть оленей, которые чуяли каждый их след на своих тропах и становились все более сторожкими. Почти каждый день Рою встречалась лань, а то и две, а Мэррей утверждал, что на дню ему обычно попадается и пять и шесть, но всегда они показывались только на мгновение, держались вдалеке и тотчас же исчезали.

— Не хнычь,— сказал Мэррей Зелу таким тоном, что Рой по-новому пригляделся к своим товарищам.— Не хнычь, будет тебе лань, если это все, что твоему брюху надобно.

— Это твоему брюху всего надобно! — взвизгнул Зел.— Это ты располагаешься на единственной койке, а нам с Роем приходится спать на полу. Ты пожираешь вдвое больше, чем оба мы с ним вместе. И как это могло случиться, что ты совсем собрался в дорогу от Скотти, если ты думал раньше зайти за мной? Ведь у тебя даже капканы были уже все упакованы!

Мэррей не возразил ни слова, он молча распахнул дверь и высморкался прямо на чистый белый снег за порогом. Зел не унимался, пока Рою не надоело и он не прекратил эту воркотню. Жизнь в тесной хижине была достаточно тягостна и без этих докучливых свар.

В хижине было тепло, но отсутствие самых примитивных удобств начинало утомлять Роя. Печь дымила, а при сильном ветре большая сосна начинала раскачиваться и вся хижина, поскрипывая, качалась на ее корнях. Мэррей заготовил слишком мало дров, и пополнение запаса легло на Роя, а зимой это было крайне тяжелое дело. У них было только одно ведро и для умыванья и для питьевой воды, а глубокое озерко, на которое рассчитывал Мэррей, выбирая это место, оказалось гниловатым, чай и кофе отдавали землей и грибами, а Рой этого не любил. Им приходилось экономить керосин, и поэтому в хижине всегда был полумрак: днем от лесной тени, ночью от прикрученного фитиля. На долю Роя выпало и поддержание чистоты: приходилось убирать остатки после свеживания, втоптанные в грязный снег пола, выветривать удушливую вонь от пупнины и готовки. Чтобы переносить такую жизнь, Рою требовалась удобная хижина, а Мэррею только и надо было от хижины, чтобы она защищала его от ветра. Зела она тоже интересовала только как место для еды и сна. Мэррей был небрежен и безразличен, а Зел был перьях, и в их обществе Рой ловил себя на том, что он поперемно то груб, то язвительн. В хижине он держался угрюмо и молча и каждый день с облегчением уходил вниз по снежному склону в морозную свежесть озера Фей.

Страна эта не теряла для Роя своего очарования и — Рой это знал — никогда не потеряет. На снежных плато, вглядываясь в далекие леса и озера, он забывал о нудной жизни в хижине. Все чаще и чаще Рой выбирался из озерной котловины прочь от бобриного лова на хребты и через них на озера от одного к другому, планируя целую сеть облова для всего этого уголья, мысленно прокладывая тропы вокруг отдельных пиков, срезая углы по хребтам, выбирая места одно лучше другого для хижины, для волока и для ближайшего маршрута обратно в Сент-Элен.

В эти мгновения Сент-Элен представлялся ему только в образе Джека Бэртона: Джек, его ферма, его многочисленная детвора. В картине, которую рисовало ему воображение, не было ни Сэма, ни Энди, ни даже, может быть, Джин. Она, видимо, была потеряна для него даже в мыслях, как все изглаживалось из его сознания, если он ли-

шался чего-нибудь по справедливости и навсегда. Но чем дальше уходил ее образ, тем больше хотелось Рою представить себе Джинни Эндриус и тем большее смятение это в нем вызывало.

Вот о чем он думал, когда холодным сумрачным днем сидел на вершине небольшой горы, глядя на юг через хребет Белых гор. Он забрался так высоко, что мог заглянуть поверх хребта. И, насколько хватал глаз, он мысленно прокладывал по лесам и плато кратчайшую дорогу в Сент-Элен. Он был всецело поглощен этим, когда рядом с ним появился Мэррей, и, застигнутый врасплох, Рой вскочил, готовый, подобно оленю, метнуться в лес.

— Я заметил тебя еще с той стороны долины,— спокойно сказал Мэррей и сел рядом с Роем на сук пихты.— Что это ты тут делаешь? Высматриваешь дичь?

Рой покачал головой и при этом почувствовал, как напряжены мускулы его шеи и как сжалось все его тело.

— Нет,— сказал он,— просто я прикидывал, как проложить путь отсюда прямо в Сент-Элен.

— Вообще говоря, лучше идти кружным путем, через уголья Скотти и Индейца Боба,— сказал Мэррей.— Прямиком тут слишком много идти по открытой местности. А что? Ты собираешься туда раз в неделю наведываться?

— Да нет, просто так. Развлекался,— сказал Рой, зная, что Мэррей не оценит его планов превратить страну Серебряных Долларов в организованную систему угодий для узаконенной охоты. Наоборот, Мэррей мог даже быть против таких планов, потому что сейчас весь этот край в некотором роде принадлежал ему, и не только по его собственному представлению, но и в глазах Роя и даже Зела Сен-Клора Мэррей находился в этой стране как неотъемлемая ее часть, и для Мэррея не существовало ни Сент-Элена, ни инспекторов, ни вообще человеческих законов.

— При случае, Рой,— сказал Мэррей,— надо бы нам податься западнее, на тот берег реки, посмотреть, что там за места. Я на днях был в той стороне, и мне показалось, что там еще выше. А заметил ты, что чем выше, тем становится теплее?

Рой кивнул головой.

— Внизу возле озера сейчас, должно быть, градусов на пять холоднее, чем здесь. И суше. Руки там так и дымятся, как только снимешь рукавицы.— Рой посмотрел на свою руку и тут только заметил в руке у Мэррея ружье.— Ты что, охотишься? — спросил он.

— Просто высматривал оленя,— и большая рука Мэррея нетерпеливо перехватила ложе армейской винтовки.— В западне их не дождешься. Вот пригляжу крупного самца, его нам хватит на несколько недель.

* Ох, и попадет тебе от Зела, если ты вздумаешь стрелять! — предупредил Рой.

— Да ну его! Слеза укусная! — досадливо сказал Мэррей.— Зайди-ка ты с той стороны рощи, наперерез, а я попробую выгнать,— попросил он Роя.

Всякое представление о пути в Сент-Элен уже рассеялось, Рой сказал:

— Ну что ж,— и пошел за Мэрреем по снегу и по скалам на самую оленью крутизну. По пути им встречалось много следов, отпечатки копыт, помет, скусанные верхушки молодых кленов, но, хотя они, разделившись, прочесали большую полосу леса, им ничего не попало. Даже и эта охота без ружья доставляла Роя наслаждение, и он впервые осознал, как скучно заниматься одним только обловом бобров. Он видел это и по Мэррею. Мэррей был прирожденный охотник, в нем было очень мало от зверолова, и когда он шел по этой стране с ружьем в руках, это оправдано было всем: и его неугомонной головой, и его твердым шагом, и его крепким решением убить все, что бы ему ни попало на мушку.

— Смотри,— вдруг громко прошептал Мэррей. Оба припали к земле за снежным сугробом, как зайцы, укрывшиеся в канаве. Впереди них и ниже, на краю замерзшего болота, показались два больших темных зверя. Они были полускрыты порослью, но их выдавала большая рогатая голова.

— Ах, черт! — возбужденно прошептал Рой.— Да это лось со своей короной.

Мэррей уже пополз в сторону, чтобы выбраться из валунов и кустарника, которые мешали ему прицелиться. Рой остался на месте, предоставляя действовать Мэррею.

Но не успел еще Мэррей выстрелить, как лось, учуявший человека, рванулся галопом через кромку льда и в болото, лосиха за ним. По тому, как высоко вздымались огромные рога, видно было, как прыжки становились все шире и быстрее. Но лоси были слишком тяжелы, и лед под ними трещал и ломался, почти заглушив первый безрезультатный выстрел Мэррея. Они уже проскочили замерзшее болото, и, откалывая большие куски льда, лось уже выбирался из воды, когда хлестнул второй выстрел. Но Мэррей целился не в лося: ближе к нему была лосиха,

еще барахтавшаяся в воде. Она запрокинула свою уродливую голову и тяжело завалилась на раскрошенные ледяные лепешки, наполовину погрузившись в воду. В то же мгновение лось круто повернул, увидел, что случилось с самкой, и ринулся по направлению к Мэррею и Роя. Он врезался всем своим грузным телом в замерзшее болото, словно и не заметив его, массивные копыта взметали фонтаны белого раскрошенного льда. Он крушил все на своем пути. Выбравшись на землю, он не задумываясь бросился на охотников, валя деревца, отшвыривая большие комья снега с быстротой и яростью взбесившегося слона. Рой укрылся за огромный валун, припав плашмя к земле, и, когда лось пронесся мимо него, он сквозь тяжелый топот ужасных копыт опять услышал звук выстрела. Мэррей промахнулся, топот замер вдали, и тогда они поднялись, опасливо озираясь.

— Я бы его сразу снял, — говорил Мэррей, — но я не был уверен, куда ты отскочишь, и придержал выстрел, но, думаю, я его все-таки задел. Ну и махина! — Мэррей ревел от восторга и, опережая Роя, кинулся в холодную воду к большой туше, истекавшей густой темной кровью на искрошенный лед.

— Ну вот вам и мясо! — не помня себя кричал Мэррей.

Конечно, не мясо нарушило его обычное бесстрашие, и Рой знал это. Но как бы то ни было, Мэррей стрелял в лосиху потому, что мясо у нее было нежнее, чем у самца. На своем участке каждый охотник бил бы, конечно, по самцу, потому что лосих обычно бывало меньше, но Мэррей, даже когда у него было свое угодье, не придерживался этого правила. Для него одно животное другого стояло, доказательство этого было налицо.

— «Запрещается законом, — протяжно заговорил Рой, убедившись, что лосиха мертва, — охотиться, ловить или иным способом уничтожать самок оленя любого возраста».

Но Мэррей его не слушал. Он все еще наслаждался убийством и готовился освежевать и разделывать тушу. Для этого надо было ее сначала вытащить на твердую землю. Равняясь силой с животным, которое он убил, Мэррей ухватился за массивную голову, примерился и с помощью Роя сдвинул ее с места, кое-как выволок эти триста мертвых килограммов на берег и удовлетворенно обтер потное лицо мокрым рукавом.

— «Также запрещается законом, — нараспев и полным голосом продолжал Рой, — стрелять или иным способом

уничтожать любого лося, плывущего в водах любого озера или реки».

— Плывущего! — повторил за ним Мэррей. — Этот безмозглый лось сам завязил тут свою корову. Иначе я бы наверняка промахнулся.

Рой захохотал.

— А ведь ты убийца, Сохатый! — сказал он.

Мэррей осклабился.

— А ты иногда бываешь похож на инспектора в охотничьих штанах.

Этот обмен любезностями привел их в хорошее настроение, и они принялись свежевать лосиху, пока она еще не остыла, не заботясь о том, чтобы разделать ее по всем правилам, а только подняв тушу на дерево от волков и отрубив от задней части большой кусок на первое время. Покончив с этим, вымыли окровавленные руки в полынье и пустились в обратный путь. Они победоносно протапывали себе тропу по снегу: ляжка лосихи торчала из заплечного мешка ее убийцы.

Их возбуждение все еще не улеглось, и всю дорогу они шуточно переговаривались, как вдруг их беззаботную болтовню прервал выстрел.

Они замерли.

— Это не Зел,— сказал Рой.— Слишком далеко!

— И много севернее,— задумчиво добавил Мэррей.

Севернее — это значило, что стреляли в глубине заповедника, гораздо глубже, чем они сами зашли.

— Ну вот,— сказал Рой, все еще не в силах подавить свою радостную беззаботность.— Это, наверно, какой-нибудь обходчик отзывается на наши выстрелы, думая, что стреляли свои. И нам теперь остается спокойно сидеть и ждать, когда нас накроют.

После этого философского вывода они продолжали болтать, и их счастливое возбуждение не могла нарушить даже мысль о непонятном выстреле. Они шумно ввалились в хижину, но здесь их встретил пляшущий от ярости Зел Сен-Клар.

Он сыпал на их головы поток французских и английских ругательств, обвинял обоих в идиотизме и злом умысле, говорил, что оба они сговорились против него, что они втянули его в это грязное дело и нагроулили всей тяжелой работой, что они обманывают его, лгут ему и невесть что еще. Это смутило Роя: он видел, что Зел всерьез это думает, а таких серьезных и горьких обвинений Рою еще не приходилось ни от кого слышать. Мэррей тот просто

положил свой лосиный окорок на стол и стал свежевать его ножом и разрубать кости топориком, на упреки Зела он отвечал только особо яростными ударами этого маленького, но смертоносного орудия. Когда Мэррей отрезал наконец кусок, достаточный на ужин, он протянул его Зелу, тем самым молча приглашая его заняться своим делом. И тут тщедушный Зел весь сник и заплакал от унижения. Он схватил мясо, швырнул его об стену и опрометью выбежал в морозную тьму. Мэррей подобрал мясо, очень медленно и старательно обтер его и положил на сковородку. Рой взял ведро и пошел за водой и посмотреть, что с Зелом. Зел сидел около озера и плакал, как малое дитя. Рой спокойно посидел возле него и потом сказал:

— Будет, Зел. Здесь становится холодно.— Зел пошел за ним и принялся стряпать и собирать на стол старательно и молча. Уже когда все насытились сочным нежным мясом, Зел наконец прервал молчание.

— А вы слышали тот выстрел? — спросил он жалобно.

— Должно быть, еще один голодный браконьер подстрелил себе оленя на ужин,— успокаивающе сказал Рой.

— А мне показалось, что это дробовик,— заметил Мэррей.

— Может быть, это Самсонова пушка? — предположил Рой.

— Нет,— серьезно возразил Зел.— Никогда он не бросит Скотти.

Рой улыбнулся собственной шутке, но почувствовал, что ему не хватает Скотти и Самсона. Ему не хватало возможности раз или два в сезон пойти к ним за реку, продолжить спор со Скотти или в который раз испытать прочность их товарищества, науськивая одного на другого.

— Люблю старину Скотти,— сказал он вслед.— Туго бы пришлось без него Самсону.

Никто не поддержал этого изливания чувств, и Рой выкинул это из головы. Ему не хватало и Джека: Джека в лесу, Джека в Сент-Элене или просто Джека где бы то ни было. Об этом тоже следовало сейчас забыть, и Рой с изумлением убедился, что ему это легко удается. Здесь все на свете отступало куда-то. Рой словно переступил наконец границу, и в великом одиночестве этой жизни прошлое в нем начинало отслаиваться от настоящего. О прошлом можно было вспоминать и даже тосковать, но настоящее было вокруг него. Даже примитивная хижина казалась не так уж плоха, когда в ней не ссорились. Когда Зел вел себя поспокойнее, а Мэррей почеловечнее, и в таком не-

большом убежище было достаточно просторно и уютно. Все это было частью настоящего, и Рой чувствовал, что нужно достойно прожить и эту жизнь. Каждое утро, и с каждым днем все сильнее, он предвкушал, как будет шагать вокруг озера, вверх по хребтам и куда-нибудь вбок наудачу. Пока двигались его ноги, он был счастлив, и Джек, и Скотти, и Самсон, и Энди были с ним как воспоминания детства; он помнил их ясно, но из его жизни они ушли.

— Как дела с бобрами? — спросил его однажды утром Мэррей, собираясь в обычный обход.— Все еще хватает?

— Едва справляюсь с ними,— ответил Рой.

Мэррей улыбнулся.

— Ну что ж, значит, скоро набьем мешки и в путь?

Рой знал, что Мэррей хитрит, но не поддался на его уловку. Рой не торопился в обратный путь. В его отчаянии было и свое усталое удовлетворение; принятие несчастья, даже некоторое облегчение от того, что всевластная судьба разом решила все сомнения. Раньше Рой никогда не мирился с вторжением судьбы в его жизнь, но сейчас неизбежность позволяла ему смотреть на себя со стороны, снимала труд что-либо решать и делать. Он даже мог представить себе Энди и Джинни и рисовать картину своего возвращения в Сент-Элен.

Эндрюс, конечно, разъярится. Временами ему не было удержу, и сколько раз мальчишкой Рой испытывал на себе тяжесть его кулака и удары головой, которыми Энди угощал его в приступе бешенства. Да! Энди разъярится. Ну, а дальше что? Что он скажет? Рой готов был засмеяться. Энди не привык сдерживать свой язык, вот он и обрушит все на Роя: ругань, проклятия, упреки, оскорбления, насмешки. Он мог сделать Рою больно, больней, чем кто-либо. Основной упрек его Рою будет в вероломстве, скрытом обмане, холодном, расчетливом пороке. Рою, который сам никогда не искал выгоды в чужой беде, трудно будет все это выслушать. Но Энди насладится своей местью до конца, и Джинни тоже получит при этом свою долю. Тут картина затемнялась. Что предпримет Энди по отношению к Джин? Бросит ли он ей в лицо те же оскорбления, выставит ли ее распутницей, а самого себя безгрешным? Рой негодовал, его так и подмывало вскочить и предъявить Энди контрбвинения. Какое право имеет Энди возвращаться и требовать восстановления того, от чего он сам бежал? Виноват во всем сам Эндрюс. Это он вторгся в их жизнь, он предал их. Но так ли рассудит Джин-

ни? Она должна ощущать то же, что и Рой! Она знает, что между ними существует то, до чего нет дела Эндрюсу, что бы ни говорили на этот счет законы страны.

Если бы Роем руководили возмущение и сознание собственной правоты, он сейчас же покинул бы хижину и направился бы прямо в Сент-Элен. Но как только спадало облегчение, приносимое фатализмом, Рой опять становился грешником. Он знал, что с возвращением Энди Эндрюса виноватым оказался он сам, и Джинни, и весь мир. Джинни была для него потеряна, как потеряна была дичь в Муск-о-ги и Сэм и потерян Сент-Элен. Ничего на свете, к чему Рой мог бы вернуться.

— Что-то ты стал задумываться, дружище,— спросил его как-то Мэррей, выходя из дому.— Тебя что-нибудь заботит?

Рой ничего не ответил, пожал плечами и пошел на свое озеро Фей.

Ловля бобров теперь его раздражала; добывание шкурок стало для него тягостной повинностью, поэтому он стал ускорять ловлю такими способами, которых никогда себе не позволял раньше, как слишком пагубных и опустошительных для бобра. С собой у него было с десятков силков, и он стал ставить их проволочные петли вплотную к выходу из хаток и на плюзах каналов, что означало поголовное уничтожение. Подобные методы охоты в Муск-о-ги всегда вызывали у Роя отвращение, но теперь он с удивлением ловил себя на том, что здесь у него такого чувства не возникает. Он вспомнил параграф, гласящий, что запрещается законом любому лицу применять силки для ловли бобра в любое время года. Но не было обычного терпкого юмора в том, что он возглашал, был один только откровенный цинизм, под стать быстроте и сноровке, с которой он управлялся с силками, чтобы поскорее покинуть болото ради новых блужданий по хребтам, ради новых разведок и планов, которые теперь отнимали у него большую часть дня. Когда его обуревала эта жажда новых открытий, ловля бобров казалась ему пустой тратой времени, и чем ближе он знакомился с этой страной, тем больше ему не терпелось быстрее закончить облов, провести его интенсивно, даже беспощадно, только бы освободиться поскорее и всецело отдаться освоению чудесных просторов страны Серебряных Долларов.

— Где это ты пропадаешь? — спросил его как-то Зелтихим, ясным вечером, когда они оказались вдвоем в хи-

жине.— Раза два-три я искал тебя на озере Фей, но тебя там словно и не бывало!

Рою не хотелось вступать в разговор с Зелом.

— Наверное, бродил где-нибудь поблизости,— с досадой отозвался он и сейчас же пожалел об этом.— Я часто поднимаюсь на хребет, Зел, поглядеть, нет ли кого вокруг. Да и холодно на этом болоте, сил нет.

— Вы с Сохатым только и делаете, что шляется невесть где,— заворчал Зел.— Где Сохатый? Ему уж давно пора было вернуться.

Но в эту ночь Мэррей так и не вернулся. Зел встревожился, а Роя это хотя и заботило, но больше забавляло, когда он представлял себе, как Мэррей забрел наконец так далеко, что и не оборотиться в один день. Он не думал, что с Мэрреем что-нибудь случилось, для этого тот был слишком опытный лесовик. В иные, более героические времена из Мэррея мог выйти исследователь новых земель, человек, который мог бы проложить путь, найти несметные сокровища, открыть континент и не придать особого значения своему открытию. Для Мэррея это означало бы всего-навсего следующий холм или следующую долину, он и сейчас, вероятно, застрял на каком-нибудь из этих холмов или в какой-нибудь долине, замерзая на тридцатипятиградусном морозе, вместо того чтобы полежать на теплой койке, которую Зел не преминул тотчас же занять. И все же Рой завидовал Сохатому.

— Ты сходишь поискать его? — спросил Зел, проснувшись на морозной заре.

— Нет,— ответил Рой. С каждым днем он, сам не зная почему, отвечал Зелу все лаконичнее.

Как раз в полдень в первый день отсутствия Мэррея Рой, направляясь к Серебряной реке, заметил маленького человечка высоко на склоне возле болота ондатр. Роя едва видно было его вдалеке на крутом снежном склоне сквозь серебряный частокол берез. Это был Зел, он что-то мастерил между стволов, и по некоторым признакам Рой понял даже и на таком расстоянии, что строил он помост. И Рой знал для чего. Зел делал тайник для мехов, недоступный хищникам и укрытый от глаз его компаньонов.

— Так, значит, Зел помаленьку мошенничает,— усмехнулся Рой. Теперь он был уверен, что часть пойманных ондатр Зел свежует на месте, чтобы не пускать их мех в общую дележку, а сохранить для себя. Рой постоял на месте, чтобы окончательно убедиться в проделках Зела, потом

пожал плечами и пошел прочь. Его это не позабавило, как было бы раньше, и не рассердило. Ему было все равно, и мелкий мошенник Зел, и его пушной клад — все это представлялось сейчас неважным, до жути неважным.

Несколько раз в течение дня Рой слышал выстрелы. По звуку это напоминало винтовку Мэррея, но полной уверенности у него не было. Вечером Зел опять неистовствовал на безумную, гибельную для них стрельбу Мэррея, но сам Мэррей этого не слышал. Его все не было, и вернулся он только спустя еще сутки. Он пришел с первыми порывами разыгравшегося бурана. Его лицо пунцово краснело из облепившего его кругом снега, когда он пивком ноги распахнул дверь и бросил на пол глянцевитую черную шкуру большого медведя. Рой прихлопнул за ним дверь, в которую рвалась поземка, а Мэррей нагнулся и отряхнул с головы и шеи толстый слой снега.

— Вышло так: либо мне погибать, либо ему, — сказал Мэррей о медведе. — Ну, я его и убил. Ты бы животики надорвал, Рой. Сижу я вчера в укрытии под скалой, стараюсь как-нибудь отогреться, а он лезет туда же. С первого раза я промахнулся, а он стал поворачиваться, чтобы вылезть, и я вторым угодил ему в глотку. А жирный! Стоит растопырившись, все равно как сунс, а жирен так, что двинуться с места не может.

— А что еще принес? — спросил Зел.

— Да так, всякую мелочь, — сказал Мэррей, вытаскивая из мешка несколько шкурок. — Лисенок да котенок, вот и вся добыча.

— И это за три дня охоты! — взвыл Зел.

Ровный голос Мэррея обычно заполнял всю хижину, но теперь Мэррей молчал, и это было предупреждением Зелу и зловещим признаком для Роя. Сохатый уже не напоминал больше быка, лениво обмахивающего хвостом мух со спины; сейчас он больше походил на своего тезку лося, готового ринуться на докучливое ничтожество и смести, затоптать его могучими копытами. Рой видел это, и ему было все равно. Он безучастно наблюдал — чья возьмет, как наблюдал бы встречу хорька и белки, если бы они вздумали помериться силами. Для Роя это было новое отношение к людям, но он еще не сознавал этого. Он знал только, что каждый из них теперь самодовлеющая единица и верх их отчужденности именно в том, что, живя так, как они тут жили, они остались замкнутыми одиночками: нет у них ни товарищества, ни взаимной помощи. Сейчас

потеря этого чувства общности его не трогала, и ему наплевать было, что станет с каждым из них.

Снегопад продолжался двое суток, и временами напряженность становилась угрожающей. Чем спокойнее и небрежнее отмахивался от назойливой мухи Мэррей, тем ядовитее и истеричнее становился Зел. Между ними не разыгрывалось настоящего спора, только мелкие стычки: кому бриться первым, или кто принесет воды, или кто храпел всю ночь напролет. Дело дошло до взрыва, когда Зел заявил, что, как только кончится буран, им надо выбираться из заповедника. Меха у них достаточно, а стрельба Мэррея, наверно, уже привлекла внимание и их ищут.

— Еще не выплакал своего уксуса! — сказал Мэррей.

— А тебе ни до чего нет дела, — едко отозвался Зел, и лицо его перекошилось от злости. — Ты потерял последние остатки облика человеческого. Бродишь по лесам, как зверь. Сам становишься лесным зверюгой и Роя тянешь туда же...

Мэррей засмеялся, а Рой сунул в рот порцию жвачки.

— Да и ты потерял свой прежний облик, Зел, — сказал Мэррей. — Тебе пора садиться на землю в Сэнт-Элене и заняться фермерством. Инспектор тебе, должно быть, отшиб потроха. Лес теперь неподходящее для тебя место, Зел. Совсем неподходящее!

— Это тебе в подходящий момент кто-нибудь всадит пулю в затылок, а я после этого еще долго буду охотиться, — ответил Зел. — И если ты думаешь, что я испугался инспектора, можешь побережь слюну, этому инспектору недолго гулять. А если хочешь кому-нибудь советовать заняться землей, советуй Рою. Эти он из таких, что подымают в свиарнике.

Мэррей предоставил отвечать Рою, но Рой поднялся перемешать угли.

Их молчание еще на одну ступень распалило бешенство Зела.

— Ты спроси Роя, что он будет делать, когда Энди поймет, кто занимал его место последние двенадцать лет.

У Роя в руках было березовое полено, и оно тотчас просвистело в воздухе и шлепнулось в стену хижины, но Мэррей вовремя спустил с койки толстую ногу и столкнул Зела на пол. В напряженной позе сидя на корточках, Рой похож был на «водяного быка», шейные мускулы у него вздулись и, казалось, сейчас лопнут, тяжелые руки повисли по сторонам, словно гнев его обессилил. Вот-вот что-то случится, но Мэррей подвинулся и вздохнул.

— Ну, — сказал он и выгреб из-под койки узел с одеждой.— Я приберегал это на черный день, но сегодня у нас тут черным-черно.— Он вытащил бутылку спирта, перешагнув через скорченного на полу Зела и потянулся за ножом, чтобы откупорить бутылку.— Не продохнешь от уксуса! — добавил он, наливая две кружки.— Вот вам. За то, чтоб сгинули наконец закон и порядок.

Не закон и порядок, а мысли о Сент-Элене, вот что Рою надо было залить вином. Удар Зела поразил его сильнее, чем он мог ожидать, и казалось, перерезал последнюю ниточку, привязывавшую его к Сент-Элену. Он знал, что для него это теперь пустое место, и взялся за бутылку, сбросив всякую узду, и горечь поглотила в нем последние остатки трезвого юмора.

Глава двенадцатая



Когда, завалив все снегом, буран наконец стих, Рой взял ружье и на лыжах отправился охотиться на хребтах. Скоро он выследил и застрелил оленя. Хотя Рой освежал, разделал и повесил тушу на дерево, он знал, что настоящей нужды убивать этого оленя (к тому же самку) не было, потому что у них еще оставался большой запас лосиного мяса. Но если он и осознал на мгновение всю беспечность этого убийства, мысль эта потонула в радостном чувстве, что он снова охотится, и он не уходил с хребтов, продолжая высматривать дичь, готовый убивать что попадется ему на мушку, убивать, не чувствуя при этом ровно ничего, кроме охотничьего азарта.

Под снежным покровом все вокруг было еще более удивительным. Большая снежная страна, страна длинных округлых линий, которые где-то вдали переходили в снеговой горизонт. Под ногой попеременно то твердый гранит, то мягкие сугробы. А леса и озера словно огромные вместилища тишины. Чаще всего только и слышно было что поскрипывание его лыж по снегу, и каждый раз, как оно раздавалось, звук этот, вибрируя, проходил сквозь ноги Роя, сквозь все его тело. Это был звук пути, часть того, что и держало его в пути, пока он не заходил так далеко,

что приходилось поворачивать, чтобы вернуться до темноты.

Рой забросил свои капканы на озере, и это мучило его. Что за лов, когда капканы целыми сутками оставались с добычей, но еще хуже было забросить их после бурана. Буран замел ловушки, и, кроме сбора добычи, надо было переставить всю цепь капканов, потому что теперь они оказались глубоко в снегу.

И в этот день ему не удалось вернуться вовремя и осмотреть капканы, потому что, заметя дым на востоке, он поднялся на одну из ближних вершин. Но и оттуда он не мог определить, далеко ли дым, потому что снег и серое небо смазывали расстояния. Он заключил, что это не очень далеко, просто потому, что дым был виден в такой сумрачный день. Конечно, это мог быть и Мэррей, и за ужином в хижине он спросил:

— Ты был сегодня на восточных участках?

Мэррей покачал головой.

— Я был севернее, на озерах, искал норочки следы. Их там много. А что?

Рой рассказал ему про дым.

— Что ж, ты, должно быть, прав, Рой, — промычал Мэррей, набив полон рот сочного мяса. — Кто-нибудь охотится в заповеднике и ведет себя довольно беспечно.

— Как и мы! — вмешался Зел и посмотрел на Роя, на его закапанную оленьей кровью куртку.

Но Рой не ответил на вызов, его перестали интересовать споры с Зелом, Мэрреем и с самим собой. Он только фыркнул, сплюнул и продолжал есть, спрашивая себя, прицепится к нему Зел за невыбранные капканы или нет, и угрюмо соображая, как он его обрежет. Но Зел не упомянул об этом, он заговорил о нехватке провианта.

— Картошка кончилась, — объявил им Зел, — и масло тоже. Осталось только несколько жестянок консервов на обратную дорогу, и потом банки с ягодами, банка марипада и немного хлеба и сухарей.

Банки с ягодами — подарок миссис Бэртон, а марипад был от Джинни. Рою хотелось попробовать, хорош он или плох, удалось ли Джинни приготовить что-то непохожее на ее обычную пресную стряпню? С бесстрастным снисхождением он мог теперь восторгаться той вынужденной домовитостью, которую она на себя напускала ради него. Не первый раз за эти двенадцать лет он так остро почувствовал, как близка ему Джинни, как тесно связаны были их жизни, как это было правильно и как правильно это

было бы и в будущем. Внезапно это завладело всем его существом, и впервые со времени возвращения Энди он представил себе целостный облик Джинни; все их знакомство; и затем прыжок от частного, от их близости, — к значению этого для него; к нему самому, что неотделим от Джин, как бы ни противилось этому его смятенное сознание; он не может допустить, чтоб над Джин так походи издевался какой-то полоумный, чтобы она подчинилась прихоти Энди. Нет, он этого не потерпит!

Но не поздно ли? Дело не в Энди, а в нем самом. Он погиб; и не только потому, что природа одолела его и загнала в лес. Природа выхватила его из той среды, вне которой существование для него было невозможно. Это свело его на положение одиночки — и только. И вот теперь он пожинал плоды своего поражения, разделяя его со своими спутниками: двумя погибшими людьми.

— А ну, попробуем маринад, — сказал Рой Зелу, когда они сели за стол.

— Это что, приготовления Руфи Мак-Нэйр? — спросил Мэррей.

Рой отрицательно мотнул головой и сорвал крышку.

— А как поживает старина Сэм? — продолжал Мэррей.

— Выдохся! — сказал Рой, тыкая вилкой в зеленые помидоры.

— Они там в городе все выдохлись, только этого не знают, — сказал Мэррей.

Рой поднял глаза от банки.

— Только не Джек. Джек Бэртон, тот не сдастся!

— Ну, как маринад? — спросил Зел, глядя на Роя понимающим, внимательным взглядом.

— Хорош, — сказал Рой. В помидорах было переложено сахара, но для первой попытки они были недурны; впрочем, следующие попытки Джин, должно быть, оказались еще менее удачными.

— Два-три плохих года — и Джек сдастся, как и прочие, — заключил Мэррей.

Рой не стал спорить.

Утром он проверил капканы и выбрал из-под снега столько добычи, что ему стало стыдно за пропущенный день. Вытаскивая капканы из-под снега и заряжая их на новом месте, он попутно не мог не отметить особые повадки бобров на новых тропах в глубоком снегу. На время это его заняло, особенно когда он наткнулся на двух старых бобров, валивших небольшую иву. Он наблюдал, как

они хлопотали: принялись было скусывать ствол не с той стороны, и все же потом свалили иву на чистый лед, где им удобно было ободрать с нее кору. Рой уже давно пришел к заключению, что дело вовсе не в догадливости бобра, который валит дерево на воду или на лед, то есть именно туда, куда нужно. Объяснялось это просто тем, как росли деревья. Большая часть ветвей в силу тропизма обычно растет на освещенной и открытой стороне и перевешивает дерево в эту сторону, так что оно падает на открытое место, как бы ни подгрызали его бобры. И все же Рой восхищенно улыбался, глядя на этих бобров, и затеял с ними игру в снежки; он потихоньку приближался к ним, чтобы проверить, насколько близко можно подойти, прежде чем они услышат его или почуют его запах. Он подошел шагов на двенадцать и залег в сугроб, лепя снежок. Потом, осторожно высунув голову из-за сугроба, прицелился и снежком спшиб одного бобра с ног. Рой захохотал, но в то же мгновение ива с грохотом рухнула, и он вздрогнул от неожиданности. Вспугнутые бобры исчезли, а Рой, посмеиваясь, пошел дальше, от души у него отлегло. И все же он не снял ненасытные силки, которые и на этот раз удвоили его добычу.

— Дело есть дело, — утешал себя Рой. — Пока можешь, бери что можешь.

Во время обхода он слышал еще два выстрела, на этот раз очень близко.

— Наверняка этот убийца Сохатый, — подумал Рой.

Выстрелы его не тревожили; но немного погода он действительно потерял самообладание. На одной из звериных троп он наткнулся на труп серого лесного волка. Это был крупный, плоскоголовый самец с бело-серо-коричневым мехом. Он лежал на тропе мертвый, пасть его была судорожно разинута, толстые окоченевшие ноги вытянуты как палки. На вид казалось, что он уже с неделю как издох, но снегом его не занесло, и мех был еще как у живого. Рой перевернул его окоченевшее туловище, думая обнаружить раны или укусы, но ничто не указывало на виновника смерти. Признаки, однако, были очевидны, и Рой вышел из себя.

— Не хватало только, чтобы Зел пустил в ход белый силок! — сказал он вслух.

Белым силком индейцы называли яд, и труп волка указывал либо на прямое отравление, либо на то, что он съел другое отравленное животное. Последнее было вероятнее, потому что Зел никогда не упоминал о западных

на волка. Зел, должно быть, клал отравленную приманку в западни на ондатр, норок и прочего пушного зверя. Стыд, который испытывал Рой из-за своих бобриных силков, померк перед этим разрушительным зверством. Отравление не ограничивалось первой жертвой. Отравленное животное, включенное в цепную реакцию уничтожения одних хищников другими, могло отравить еще пять. Этот отравленный волк, который, вероятно, отведал отравленной ондатры, в свою очередь, нес смерть для каждого зверя, который вздумал бы коснуться его мяса, будь то медведь, крыса, лиса, другой волк, куница, рыболов, рысь или даже ушастая сова.

Рой оттащил волка к россыпи валунов и прикрыл ими труп как можно тщательнее. Гнев его не прошел, но он рассудил, что едва ли имеет право негодовать. Чем преступление Зела хуже его собственного преступления? И где те обвинения Зелу, которых он не мог бы предъявить самому себе? Отравлять пушного зверя — это лишь немногим хуже охоты силками на бобра, и, как знать, не дошел ли бы сам Рой до отравления бобров? Ему в голову не приходило оправдывать себя относительностью морали, его пугала сила самообвинения, которое вызвал в нем этот случай. Он ощущал не только вину, это было саморазоблачение. Это открывало Рою глаза на собственное поведение больше, чем какие-либо предшествующие слова или поступки. Ему хотелось скорее вырваться отсюда назад, к Скотти и Самсону, назад к людям, где невозможно будет это гибельное одиночество, разложение и распад. Ему хотелось вырваться отсюда, пока его еще не поймали, не подвергли наказанию, не выкинули из среды людей. Ему хотелось вырваться из этого заповедника назад к своей привычной ловле, к обычной жизни, к чувству безопасности, порожденному общением с людьми, назад в Сент-Элен.

Наконец-то, вот оно. Это не было личным решением Роя, это было освобождение от нелепой воли судьбы. Что бы ни было уже потеряно, Сент-Элен все же оставался ключом ко всему его существованию, и бежать еще раз он уже не сможет. Рой понял, что в его жизни есть нечто большее, чем одиночество, страх и поражение. Надо было бороться. Он достаточно жил твердой самодисциплиной, страх перед грядущими бедами не мог надолго овладеть им. Он знал, что прежде всего ему надо вернуться в Мускоги и в Сент-Элен, назад к реальности, к неизбежному решению всей дальнейшей жизни, назад к Энди Эндрюсу.

Глава тринадцатая

Рой выжидал удобного случая, чтобы предложить товарищам отправиться в обратный путь. Наступил февраль, и скоро пора было прекращать всякую охоту. Он разобрал все свои меха и упаковал их, сознавая, что больше ему не поднять ни одной шкурки. С едой было туго, припасы были на исходе, и они питались почти исключительно мясом. К тому же вокруг них в заповеднике стало явственно ощущаться опасное присутствие других людей. Уже несколько раз прямо над головой у них появлялся маленький гидроплан. Все, казалось, было подготовлено для решающего сигнала Роя к выступлению, но удобного случая не представлялось.

Мэррей опять куда-то скрылся, а к Зелу невозможно было подступиться. Этот человечико узнал, что для Роя не секрет его подвиги отравителя. К тому же Рой подозревал, что Зел предполагает довести свой пушной тайник до таких размеров, чтобы ему можно было частями выдаивать его в течение будущего лета и осени. Зел был так поглощен созданием этого потайного склада, что теперь и не заикался о том, чтобы спешить с уходом из заповедника. Он поборол даже свой страх перед присутствием посторонних в заповеднике и угрюмо пользовался неповторимой возможностью разом отыграться за многие годы неудач. Рой не находил в себе силы ни порицать, ни торопить Зела. Он не мог мешать человеку, который яростно боролся с силой обстоятельств.

И все же тревога Роя все усиливалась.

Он знал, что рано или поздно, как только поблизости окажутся пушные обходчики или лесники, их присутствие будет обнаружено. И Мэррей только способствовал этому. В его отсутствие крупнокалиберная винтовка давала о себе знать громко и часто, и Рой начинал уже думать, что лес навсегда поглотил Сохатого. Рой решил, если Сохатый вскоре не вернется, уходить без него, даже без них обоих, если понадобится.

Но вышло так, что именно Зел и заставил их сняться с места.

В отсутствие Мэррея Рой, вдобавок к облову бобров, обычно обходил теперь и его западни на звериных тропах,

и на одной из таких троп настиг его Зел. Стоял сильный, режущий мороз, и продрогший Рой присел, чтобы кое-как закусить куском холодной лосятины, сдобренной остатками маринованных помидоров из банки Джин.

— Рой! — задыхаясь, прошептал Зел. — Рой, иди скорей, взгляни сам. Лопни мои глаза, если сейчас двое каких-то чертей не прокладывают тропу по склону. Идем на вершину. Иди скорей!

Дожевывая лосятину, Рой шел за Зелом к ближайшей вершине, обрывистому пику с площадкой наверху. Зел осторожно вполз на площадку и показал Рою на освещенный солнцем пологий склон, на котором, по его словам, он видел не то две, не то три человеческие фигуры.

— Послушай, Зел, — сказал Рой. — Ну как ты мог что-нибудь разглядеть на таком расстоянии? А может быть, это была просто олениха с детенышем?

— Двуногая олениха! — съязвил Зел.

— На таком расстоянии что угодно могло показаться!

— Потерпи, сам увидишь, — сказал Зел. — Если они действительно прокладывают тропу, они появятся на том же склоне, но повыше. Подожди, погляди...

Рой покочился с лосятиной и стал следить за далеким склоном. На нем была сотня открытых полос между кустами соседа, и на каждой из них могли появиться люди, пробивавшие тропу. Если они появятся на этом склоне, в пяти милях отсюда, значит, они уходят на юг, но Рой пока еще не очень доверял сообщению Зела.

— Смотри, — прошептал Зел и чуть было не подпрыгнул от возбуждения. — Смотри вон на ту открытую полоску между сухими кленами. Смотри!

— А ведь ты прав, — сказал Рой, потому что он ясно различил две крошечные черные фигурки, — определенно это были люди. Они шли гуськом, высоко поднимая ноги, и по этому даже на таком расстоянии можно было безошибочно сказать, что они человеческой породы.

— И ни тот ни другой не Мэррей, — сказал Зел. — Слишком малы оба.

— Может быть, это как раз те браконьеры, — вслух предположил Рой, но он знал, что это не так.

— Обходчики! — взвизгнул Зел и пригнулся к земле. Одна из фигур подняла руки, словно поднося бинокль к глазам. — Обходчики или лесники! — повторил Зел. — Нам надо сматываться.

— Надо посмотреть, что они будут делать,— быстро возразил Рой и удержал Зела.— Посмотрим, куда они пойдут. Может быть, уйдут на юг.

Пока они говорили, человечки поднялись на вершину и стали осматриваться, потом повернули на сорок пять градусов и пошли назад, на северо-запад. Рой мгновенно обернулся, стал вглядываться в северные хребты и скоро увидел то, что и ожидал увидеть.

— Вон там еще двое,— сказал он Зелу и показал на севере еще две фигурки, которые на мгновение появились на хребте.— Видишь, что они делают? — спросил он Зела.— Четверо их проходят всю местность зигзагами. Они прочесывают участок за участком не хуже лесников. Да, Зел, пора сматывать удочки. Идем в хижину — и ходу.

— Как же Сохатый? — спросил Зел.

— А ты знаешь, где он сейчас?

— Нет, но надо попытаться найти его. И как быть с капканами?

— Бросить. Нам некогда мешкать, если они пойдут в нашу сторону. Идем отсюда, и скорей.— Рой уже притаптывал снег своими короткими резиновыми сапогами, выбрасывая вперед руки, чтобы их вес увлекал его вперед.

— Если мы уйдем без Сохатого,— вприпрыжку поспевая за Роем, говорил Зел,— он, того и гляди, влопается. Надо поискать его или как-нибудь предупредить.

— Если ты вздумаешь предупреждать его выстрелами,— сказал Рой,— вся эта свора мигом навалится на нас. Сохатый, должно быть, уже сам заметил этих законников. Идем... Скорее!

— А по-моему, все-таки надо дать несколько выстрелов.

При Рое был его винчестер, но он решительно повторил свое нет.

— Подожди, вот выберемся из хижины в лес,— тогда другое дело,— сказал он.— Будем на тропе, тогда стреляй сколько вздумаешь.

Рой прибавил шагу, стараясь идти по низинам и не дожидаясь Зела. За собой он оставлял протоптанную тропу, по которой Зелу легко было идти следом.

— И куда девался этот Сохатый? — спрашивал себя Рой, подходя наконец к хижине и зная, что не покинет ее, не сделав какой-нибудь попытки найти Мэррея или предупредить его.— И куда пропал этот бродяга?

А бродяга тем временем был в хижине, смахивал с полок пустые банки, срывал со стен шкуры, одежду и раз-

ное снаряжение. Он уже почти закончил этот разгром и занят был дележкой остатков хлеба, чая и сахара.

— Я так и думал, что вы скоро явитесь,— спокойно сказал он Рою.— А где Зел?

— Идет. Ты видел этих молодчиков?

— Само собой. Я их два дня выслеживал. Сегодня утром я проскочил прямо у них под носом. Ну, вы собрались? — Мэррей набивал свой мешок кое-какой одеждой.— Помоги мне спустить весь этот хлам в озерко,— сказал он.

Рой помог ему отнести к проруби замерзшего озерка целый ворох пустых жестянок, ведро, бутылки, котелок, горшки, испорченные кашканы, пустые патронные коробки. Они связали веревкой все эти предательские улики их присутствия и, затопив в проруби, вернулись в хижину, где уже собирався в путь подоспевший наконец Зел.

— Когда же ты соизволил вернуться? — спросил он у Мэррея.

— Не так давно,— сказал Мэррей.

— Почему же ты раньше не пришел за нами? — допытывался Зел.

— О черт! — сказал Мэррей.— Это что, очередная порция уксуса? Придержи ее про себя, не то стукну по голове прикладом. Я очищал хижину. Я знал, вы и сами заметите, что эти следопыты слоняются по лесу.

Мэррей был раздосадован, но он вовсе не так досадовал и спешил, как стремился это показать. Он преспокойно уселся и принялся менять носки, пока его спутники быстро кончали укладку одежды, бритвенных принадлежностей, одеял, провизии и мехов.

— Знаете, что можно было бы сделать? — сказал Мэррей, неторопливо и со знанием дела свертывая папироску.— Можно было бы найти здесь в лесах надежное местечко и валечь так, пока не уберутся отсюда эти законопослушные холоуи.

— Залегай на здоровье! — сказал Рой.

— А какой смысл покидать заповедник, пока мы не исчерпали всех его возможностей,— сказал Мэррей.— В лесу этим молодчикам нас не найти. Они и мимо этой хижины, вероятно, пройдут и не заметят.

— Может быть,— сказал Зел.— Но с меня хватит, Мэррей. С меня хватит!

У Роя все было собрано и готово. Мэррей помог ему взвалить на спину тяжелый груз. Помогая Зелу, он захотел, когда тот заштался под непомерной ношей.

— Малость пожадничал,— сказал он Зелу.

— Что ты говоришь? — подозрительно вскинулся Зел, но ответа не последовало.

Потом Рой помог взвалить мешок Мэррею.

— Можешь оставаться, если тебе угодно, — сказал Рой, — но я сейчас чувствую себя как загнанная лисица. Мне надо оставить между собой и обходчиками как можно больше пространства. Так что в путь. Идем!

Мэррей тщательно притворил за собой дверь, а Рой проверил наружную кладовку, нет ли там провизии. Ее осталось у них очень мало, по расчетам Роя — на три дня, не больше.

— В какую сторону мы пойдём? — в последний момент спросил Зел.

— Можно пройти этот лес, а потом податься на север, — сказал Мэррей.

— На север? — спросил Рой. — С какой стати на север?

— Туда путь свободен, Рой.

— Свободный путь в никуда, — отозвался Рой. — Я иду на юг.

— Нет смысла выходить из леса на юг, — возражал Мэррей. — Там нас поджидает половина всех обходчиков заповедника, и они сядут нам на шею, как только мы появимся.

— Он прав, Рой, — сказал Зел, — не упрямясь. Мы можем оторваться от этих обходчиков, если сразу же пойдём на север. Там найдется сотня пунктов, в которых мы можем выйти из леса и оставить их в дураках.

— Ну, выйдешь ты из леса, — сказал Рой, — а дальше что? Как ты считаешь тогда попасть в Сент-Элен? Они же загородят все дороги.

— Сент-Элен? — сказал Мэррей. — А какого черта нам возвращаться в Сент-Элен?

— Ты с ума сошел возвращаться туда сейчас, — поддержал его Зел.

— Может быть, — сказал Рой и не стал объяснять им, что север означает для него новую угрозу одиночества. Его спутники были уже отлучены от Муск-о-ги, им терять было нечего. Но Рой знал, что для него единственная надежда — это вернуться на свой участок и затем в Сент-Элен, так, чтобы никто и не заподозрил, что он был в заповеднике. Уйди он на север, и ему понадобятся месяцы отсиживания и всяких уверток, чтобы пробраться обратно в Сент-Элен, а за это время наверняка обнаружится его преступление. К Мэррею и Зелу это не относится, они и без того уже только тени людей. Но если он, Рой, сейчас же не

вернется в Сент-Элен, инспектор, конечно, догадается, что дело неладно. Значит, это был вопрос безопасности — но не только. Решение его было твердо. Надо идти на юг, опасно это или нет, все равно. Он должен вернуться к своему собственному существованию. Должен. Он должен жить в собственной хижине, с ее привычным укладом, с твердой уверенностью, которую она ему давала, с общественным долгом, который она возлагала на него. За рекой рядом должны быть Скотти и Самсон, а там за лесом должен быть Сент-Элен. Он должен вернуться и встретиться с Энди. Он знал и это, даже когда стиснув зубы шел на риск быть пойманным, прорываясь на юг. Но он должен был выбрать этот путь и прорваться мимо подстерегающих его обходчиков.

— Идите на север, если вам угодно,— повторил он.— А я иду домой.

Они снова принялись его убеждать, но становилось слишком опасно застревать в лесу, который уже начали прочесывать два патруля. Мэррей не понимал решения Роя, но это его не касалось. Зел пригляделся к Рою и, казалось, на мгновение что-то понял. Была у него самого даже минута колебания, а потом возникло смутное, но явное сожаление, что он не может идти с Роем.

— Если доберешься,— сказал он Рою,— как-нибудь дай знать моей старухе, что я тоже подамся домой, как только разделаюсь с этим мехом. Скажи ей, что на это понадобится мне несколько месяцев.

— Хорошо, Зел,— сказал Рой.

— А на будущий год вернешься сюда? — спросил Мэррей.

— Трудно сказать, Сохатый,— неуверенно ответил Рой,— но с тобой я, безусловно, повидаюсь.

— Может быть,— засмеялся Мэррей.— Может быть.

Рой махнул им рукой, и его ружье при этом звякнуло затвором. Потом он пустился вниз по склону пробивать свою последнюю тропу по белой каемке озера Фей. Он предполагал, что пока еще никого из них не заметили. Это означало преимущество во времени перед возможными преследователями. Он глянул в ясное небо в тщетной надежде на снежок, который припорошил бы его следы, но при такой погоде — а она могла простоять еще много дней — он знал, что оставит за собой отчетливый след, след двух человеческих ног, который трудно скрыть в этой

свежезанесенной снегом стране. Он уже принял решение идти на запад к Серебряной реке, вместо того чтобы взять сразу прямо на юг к угодьям Скотти. Он рассчитывал, что, если до Серебряной реки его не настигнут, он может спокойно идти вдоль ее русла до самого Муск-о-ги. Поэтому он повернул на запад.

— Хотят поймать, так половить придется, — проворчал он, прилаживая на лбу головной ремень, и с этими словами начал поход, который должен был стать последним испытанием для его крепких ног, последним вызовом запутанным обстоятельствам и человеческому закону, словом, — его итоговым вызовом судьбе.

Он чувствовал себя в относительной безопасности, пока держался лесных долин, но вскоре ему пришлось выйти на открытое место, чтобы пересечь один хребет, а потом и следующий. Он все время старался идти, заслоняясь от преследователей очередным гребнем, и был уверен в том, что не упустит ни одной возможности, которую давали ему его сметка и своровка, как вдруг его потрясло появление еще двух людей. Они появились с совершенно неожиданного направления и шли по противоположному склону долины. Он припал к снегу в тени скалы, но мещок его высоко выдвинулся над снегом, и Рой, наблюдая за ними, чувствовал себя словно парализованный страхом тетерев. Они были так близко, что он различал их лица, и, без всякого сомнения, это были пушные обходчики. У них были форменные брюки, кожаные куртки и все снаряжение обходчиков. Они его еще не заметили, но ему нельзя было двинуться с места раньше, чем они отойдут хотя бы на полмили. Осторожно поворачивая голову, он осматривался во все стороны, пока не увидел другую пару того же патруля. Идя зигзагами, они вместе с товарищами густо прочесывали всю местность, как это делал и первый патруль.

Вторая пара была так далеко, что Рой едва мог их различить, но все же в одном из них он угадал облик, весьма похожий на пушного инспектора из Сент-Элена. Тот же объемистый живот, та же тяжелая, но уверенная и быстрая походка — все это очень напоминало инспектора из Сент-Элена. Рой не был вполне уверен, но и от того, что он увидел, кровь молотком застучала ему в виски. Он все еще не мог двинуться с места, потому что первая, ближняя пара не сходила с гребня, но когда она наконец стала спускаться, заходя ему за спину, он потихоньку перебрался

через гребень и начал быстрый спуск, используя и свой вес и вес своего груза, с отчаянной яростью приминая снег и зная, что вот-вот патруль пересечет его следы — и тогда-то начнется настоящая погоня.

Глава четырнадцатая

Низко нагнув голову и выпрямив спину, он набрал скорость, как медленно нарастающий шторм, добываясь максимума, неизменного и на склонах, и по долине, и через лес, и вдоль хребта. Он знал, что никто не сможет померяться с ним в одиночку, но ему приходилось соревноваться с техническим превосходством преследователей: они были лучше снаряжены для преследования, чем он для бегства. Прежде всего, четверо на одного, а это было почти решающим обстоятельством, когда надо было пробивать тропу. Рою приходилось, не сбавляя хода, самому протаптывать себе тропу, по большей части лыжами. А четверо преследователей могли делать это по очереди, давая отдых трем остальным. Уже это преимущество лишило Роя надежды продержаться больше двух-трех дней; после этого, если только не начнется снегопад, они наверняка настигнут его.

— Да что же ты, снег! — сказал он, на мгновение поднимая к небу натруженную лямкой голову.

Но в небе не было ни облачка, и Рой включил и погоду в число своих врагов, презирая и ясное небо, и застывшую морозную безмятежность.

Рой ни разу не остановился, не оглянулся. Он взял на строгий учет медленно текущий поток своего времени. Чтобы не уступить ни шага преследователям, ему надо было выжать из каждой минуты все укладываемое в нее пространство, каждый шаг, слежавшийся снег, строго рассчитанный головокружительный спуск по крутому обрыву. Никто бы не мог настичь его в одиночку, и он хотел использовать это единственное свое преимущество как единственный шанс на спасение.

До высокого водораздельного хребта между озером Фей и Серябряной рекой он еще тешил себя надеждой, что оба патруля не заметили его следов и, может быть, даже вовсе

и не гонятся за ним. Но те несколько минут, которые он позволил себе пробыть на гребне, чтобы отдышаться и осмотреться, показали ему с полной очевидностью, что след его обнаружен и погоня началась.

Он знал и другое их преимущество. У них были полевые бинокли, а ему приходилось напрягать зрение на непосильные для глаз дистанции, и не только чтобы найти их, но и чтобы еще раз проверить, гонится ли за ним его друг и недруг инспектор или это только случайное сходство, не более. И опять он не мог решить наверняка и снова шел вперед, угнетенный самой неясностью положения. Если среди них не было инспектора — это была просто отчаянная гонка с представителями закона. Но если это был действительно инспектор из Сент-Элена — тогда Рой соперничал не только с законом. Это была прямая схватка с единственной силой, которая могла отнять у него все — не только по закону, но и как ставку двадцатилетней борьбы, из которой Рой до сих пор выходил победителем. «Когда это кончится? — спрашивал себя Рой. Он только что преодолел опасность оторваться от людей в этом заповетнике, а теперь оказалось, что он избежал ее лишь для того, чтобы вести новую битву все в той же войне. Когда это кончится? Тогда, когда он вернется? Когда укроется в своей охотничьей хижине или дома в Сент-Элене? Или там все начнется снова? Неужели Энди в конце концов одержит над ним победу? Его ум работал так же быстро, как его короткие крепкие ноги, делая один тяжелый шаг за другим и передвигаясь вперед, но без какой-то определенной конечной цели.

— Где же ты, снег, где ты, полярная вьюга? — взывал он.

Но погода стояла по-прежнему ясная, и к ночи он узнал наверняка, что они идут по его следу. К этому времени он был слишком измотан, чтобы укрываться, и лег в своем спальном мешке на первом же свободном от снега местечке среди скал. Он жадно поел холодного горошка прямо из банки, запив его зеленой гороховой жижицей. Всю провизию он уложил в мешке сверху, но часть провалилась на дно, и сейчас он попытался прикинуть, на сколько ему хватит еды.

При величайшей экономии — дня на три, решил он. Три дня величайшей экономии и постоянный голод.

Еще не совсем рассвело, а он уже был в пути и к полудню переправился через Серебряную реку. Дважды он видел позади себя людей, но они были далеко и отставали

все больше. За ночь их преимущество свелось на нет, потому что с наступлением темноты им, так же, как и ему, пришлось остановиться. Кроме того, они не могли срезать расстояния, потому что, не зная в точности, куда направляется Рой, не могли ни угадать, ни рассчитать его маршрута. Им просто приходилось идти по его следу и, может быть, ждать прибытия самолета.

Небо могло принести Рою и величайшую опасность и величайшее облегчение, и он неустанно следил за ним. Во-первых, в предвидении самолета, который мог обнаружить его и сразу погубить. Во-вторых, в надежде на снегопад, который прикрыв бы его следы и дал бы ему возможность повернуть на юг и добраться домой. Пока не начался снегопад, он не смел поворачивать на юг и тем самым открыть им свою конечную цель. Ему приходилось держать на запад, на запад от Серебряной реки, даже на северо-запад от нее; делая огромный круг, он надеялся убедить преследователей, что хочет достичь стоянки лесорубов, которые были разбросаны в районе лесоработок на северо-западе отсюда, в соседнем округе.

Переправившись через Серебряную реку, он покинул границы заповедника, но это не спасло его от опасности. Более того, это создавало добавочную опасность: теперь он был в совершенно незнакомой ему стране, среди хребтов и гор, долин и лесных массивов, где никогда не бывал. Держать правильное направление ему теперь помогал только маленький компас в петличке, а ориентироваться — только собственное чувство местности. Вся надежда была на то, что если они знали этой край и обычные маршруты, то он, Рой, понимал местность. Он понимал ее, как человек, который всю жизнь накапливал случайные наблюдения над неровностями земной коры. Мимоходом поглядывая по сторонам, он мог представить себе, какие подъемы и спуски ожидают его впереди, на еще неизвестном ему участке. Он мог догадываться о направлении складок и хребтов и неожиданных глубоких долин, и на это накладывалась странная картина земли под землей; представление о дикой силе, скрытой под этими гранитными склонами, о корчах и судорогах, в которых рождалась эта страна и которые, насколько это представлял себе Рой, еще могут повториться и переродить ее. Диковинная это была временами страна, снеговая постель спящих гигантов, страна, которой Рой готов был восхищаться, пока она не обратится против него.

Он ушел далеко, слишком далеко на запад, и решил рискнуть и поохотиться. Ему нужна была еда, потому что запасов осталось всего на два дня. Преследователи все равно знали, где его искать. Звук выстрела им не поможет и не подстегнет их. Рой застрелил двух зайцев и куропатку и вечером, под укрытием большой сосны, развел костер. Он поджарил всю добычу, съел сколько мог, а остальное спрятал на завтра. Потом растопил немного снега в котелке и вскипятил чай. Подкрепившись, он был готов к испытаниям следующего дня.

А снег все не шел.

Рою теперь казалось, что вся природа против него. Он знал, что дальше на запад идти нельзя, оттуда ему уже не пробиться к своей хижине, потому что преследователи будут и впереди и сзади. Он выискивал на хребте обнаженные склоны, где бы пропал его след, где он мог бы повернуть к югу; но ветра было недостаточно, чтобы сдуть снег с хребтов, и самое большее, что он мог сделать — это воложить за собой пихтовую ветку, чтобы хоть немного сгладить следы. Он пробовал и другие уловки, хотя они отнимали у него время: например, петлять, а потом тщательно заметать следы метров на пятьдесят. Он жертвовал на эти уловки драгоценное время, но в своем отчаянном стремлении уйти от погони хватался за любое средство.

В том, насколько бесполезны его уловки, он убедился, когда, выйдя на открытое место, сейчас же услышал выстрел и увидел, как пуля ударилась о скалу немного ниже его. Он видел и человека, который дал этот предупредительный выстрел. Это был тот дородный: сам инспектор или его двойник, человек, которого Рой теперь боялся более всего остального.

— Ну где же снег?! — кричал Рой небу.

Небо было серое, но морозное, и мороз весь день крепчал. Рой чувствовал это потому, что был изнурен и постоянная испарина охлаждала его тело, замерзая в белье. Только двигаясь, он развивал в теле достаточно тепла, но как только останавливался, его трясло, знобило, он терял последние силы, и, видимо, приближалось время, когда преследователи его настигнут.

Его охватило острое чувство ненависти к морозу, и к окружающей тишине, и к глубокому снегу, который хватал его за ноги и предавал врагу. Он ненавидел каждый подъем, который требовал добавочных усилий, и каждый лес, который преграждал ему относительно легкий путь по равнине. Он все чаще подумывал, не бросить ли ему все

добытые им меха, не облегчить ли свой груз до предела. Но то же, что заставляло его двигаться вперед, приковывало этот груз к его спине. В этом грузе мехов было оправдание всего, и бросить хоть часть его именно теперь — значило слишком во многом признаться хотя бы себе самому. Разум подсказывал ему спрятать меха, а потом вернуться за ними летом. Но что бы ни говорил ему разум, он знал, что, оставив здесь эти меха, он никогда за ними не вернется, что он потеряет один из стимулов к бегству. Меха в мешке за спиной были не просто деньгами — это было напряжение всех сил и победа над насмешкой природы, которая, обратившись против него, равнодушной рукой придерживала снегопад и потворствовала его врагам. Он ненавидел небо, скалы, деревья, озера, оленей, каждый день перебегавших ему дорогу, дикобраза под деревьями, скунса на его звериной тропе, лису и ее следы на снегу, рысь, волка и рыжую болтушку белку. Вся страна стала его врагом, и в смертельном изнеможении он готов был ненавидеть ее до конца.

А потом он едва не заплакал от гнева, когда услышал и увидел голубой гидроплан. Гидроплан не был похож на малиновку, как самолет Лосона, нет, это была тяжеловесная утка, с противным гудящим звуком, мощная машина, которая то спускалась совсем низко, то взмывала ввысь, выискивая его, так что он старался идти только лесом, в тщетной надежде спрятаться, тщетной потому, что все равно для ориентировки ему приходилось выбирать на открытые места. Она легко обнаруживала его и со свистом кружила над ним, но уже начинало смеркаться, и Рой снова нырял в лес и отрывался надолго, так что ей пришлось улететь на ночевку до темноты, и Рой выиграл еще один день для победы или поражения.

— Ну вот, наконец и одолел меня друг-инспектор! — горько усмехнулся Рой.

Он посмеялся над другом-инспектором и сделал то, на что инспектор никогда бы не решился. Когда стемнело, Рой продолжал свой путь. Это был риск, на который не пошел бы в здравом уме ни один лесовик. Ходьба по такой местности в темноте была опасна не только сама по себе (оступившись, тут на каждом шагу можно было сорваться и свернуть себе шею), она была опасна и тем, что, раз за разом забирая все влево, можно было легко прийти именно туда, где угрожала наибольшая опасность. Это была ходьба вслепую, без всяких ориентиров, напролом, через все хребты и долины. Это была ходьба на ощупь, когда пола-

гаешься только на инстинкт и на компас — на это безнадежное сочетание противоречивых импульсов. Рой так устал за этот ночной переход, что сон казался ему единственным, чего мог пожелать человек. Ноги у него подкашивались, и он дорогой ценой платил за сомнительное преимущество оторваться от погони максимум на пять-шесть миль. Но сейчас это был для него единственный шанс, и он скользил и падал в темноте, упорно идя на запад, все еще не решаясь свернуть на юг, все еще ожидая снегопада, который должен ведь когда-нибудь начаться.

Четыре мили оказались ему не по силам, и, не пройдя и трех миль, он уже свалил свой тюк на снег и потянул из него спальный мешок, решив, что утром не сделает ни шагу. Пусть его приходит инспектор. Будь что будет. Побарахтался и хватит. Легко желать убежища Сент-Элена, когда оно достижимо, но теперь он на это уже не способен. Слишком дорогая плата за позор, который его ожидает. Нет, хватит! И он разрешил себе великую роскошь: больше не надо будет думать о Сент-Элене, встречаться с Энди, не придется претерпеть все то горькое и мучительное, что уготовано ему в конце этого пути. Завтра инспектор может пожаловать и взять его; завтра он готов принять все: бремя жизни, поражение, которое ее облегчает, и ее конец.

Последним усилием он развернул спальный мешок и, едва забравшись в него, уже спал в предельном изнеможении.

Глава пятнадцатая



Снег пошел рано утром, когда Рой еще спал, и снег не разбудил его. Снегом занесло его спальный мешок, его выпроставные руки, даже лицо и всю голову, а он все спал, пока не забрезжил серый рассвет. Тогда он приподнялся в снегу и сел.

— Иди, снег, иди! — закричал он. И еще раз, и еще.

Он стряхнул снег с кепки и сапог, которые служили ему изголовьем, и, надев их, уже готов был в путь. Короткие ноги его готовы были притаптывать снег, все его тело готово к переходу, который должен был раз и навсегда

отрезать его от погони. Он не стал терять времени на еду. Пожевал кусок жареного зайца, взвалил свой занесенный снегом тюк на спину, высморкался прямо в снег и сразу стал на лыжи.

Рой знал, что еще далеко не избежал опасности. Спал он долго, и патрули могли быть у него за плечами, достаточно близко, чтобы обнаружить его следы до того, как их запорошит легким снежком.

На первый хребет он поднимался очень осторожно, озабоченный тем, чтобы определить на местности после ночного марша вслепую. Свои наблюдения он делал под прикрытием березовой поросли, и сердце его радовала снеговая дымка, свежелебелая пелена на холмах и скатах, низкое тяжелое небо, неясный и мгlistый горизонт.

— Ну, где же вы, охотнички? — в восторге воскликнул он.

Ему хотелось кричать им: ау, где вы? Куда девался весь ваш закон и порядок? Четыре человека и все их полевые binокли и богатое снаряжение и провиант — все это теперь ровно ничего не стоило. Единственное, что могло теперь найти и затравить его, был самолет, но в такую погоду и это было маловероятно, в такую погоду он мог не бояться, что его заметят, будь то с неба или с земли. Самая подходящая погода для лисы, говорил он, и лиса заметет следы.

Теперь он точно знал, что ему делать. Он повернул прямо на восток, идя параллельно курсу, который держал до сих пор. Он знал, что патрули обыщут весь тот район, где потеряют его след, но разве придет в голову этим людям возвращаться обратно, чтобы ловить его у себя за спиной? Он это знал и на это рассчитывал и продолжал запутывать след, идя прямо на восток, без всякого намека на южное направление. Он шел так все утро, его возрожденная энергия пренебрегала усталостью ног, лыжи были словно крылья на окоченевших холодных ступнях. Он шел с предельной быстротой до тех пор, пока не почувствовал, что его надежно защищает снег, — все усиливающийся снегопад, который заносил его след, как только сходила с него лыжа. Теперь можно было поворачивать на юг, и вскоре после полудня он слегка изменил направление. Он все больше отклонялся на юг, изыскивая самые выгодные скосы по приглянувшимся ему холмам.

Теперь он действительно торопился, потому что знал, куда идет, и хотел использовать все шансы. Он по возможности спрямлял дорогу, двигаясь и по открытой мест-

ности, что позволяла плохая видимость. Он знал, что оторвался от преследователей, и спокойно пошел напрямик по замерзшему ручью, рассчитывая попасть на озеро и дальше на кратчайшую дорогу к далеким хребтам Муск-о-ги. Путь по ручью был крутой, но это было лишь добавочной проверкой его умения ходить на лыжах, одним из тех мелких испытаний, которые только подбадривали его. Тяжесть тюка пригибала его к земле, но он не упал и не сбавил хода.

Ручей уже расширился перед впадением в озеро, и он видел по характеру его устья, что весной это полноводный, бурный поток. Хотя это и должно было предостеречь его, он все-таки продолжал идти прямо по ручью в озеро. Слишком поздно заметил он полынью на отмели, куда впадала под углом другая замерзшая речка. В то же мгновение он почувствовал, что лед под ним поддается. Когда лед треснул, он еще пытался свернуть, но понял, что все напрасно, лед раскололся и поглотил его. С перехваченным вскриком он с размаха ударился о закраину и почувствовал, как холодом сжало ему голову.

Опускаясь на дно, он понял, что не выплывет, если не сможет освободиться от тюка. Изю всех сил стараясь достать нож, он барахтался, чувствуя, как ледяная вода охватывает все его тело, плотно окутывая его цепенящим холодом. Достать нож не удавалось, не было времени. Он выпустил из рук ружье, и это было сейчас его единственным сознательным поступком, хотя он и знал, какой это смертельный грех. Хохот товарищей-звероловов звучал в его ушах, когда он наконец пробил головой ледяную пленку и шумно выдохнул воздух из легких.

Он держался за лед и соображал, как бы ему выбраться из воды с тюком за плечами и с лыжами на ногах. Пожертвовав ружьем, он не расположен был жертвовать еще и мехами. Медлить было опасно, но он тщательно исследовал крепость ледяной кромки. Потом повернулся к ней спиной, чтобы тук пришелся на лед, и высвободил руки. Отпихнув тук подальше от полыньи, он сам выкатился на лед, словно мокрый тюлень на лыжах. Лежа плашмя и осторожно подталкивая перед собой свой тук, он ползком добрался до крепкого льда. Тогда он достал топор и, оставив тук на берегу, бросился к ближайшим деревьям. Ему было так холодно, что казалось, ноги вот-вот хрустнут и отломятся. Все тело его сотрясала сокрушительная дрожь.

Восьми таких минут было достаточно, чтобы убить че-

ловека, и Рой знал, что бежать далеко некогда. Он сразу приглядел среди деревьев наилучшее топливо — старый дуплистый пень, сухой и трухлявый. Он прихватил на растопку сухой пихтовый сук, опемевшими руками подтащил его к пню, расколол и расщепил пень и зажег пихтовый сук восковой спичкой из своей водонепроницаемой спичечницы. Пихта мигом занялась, смола вспыхнула, брызнула во все стороны, и пень сразу охватило пламенем. Рой стоял вплотную к огню, срывая с себя платье, и чувствовал, как пламя лижет его лицо. Когда обгорел сук, пламя опало, но теперь стал жарко разгораться пень, и Рой стоял, протянув к нему руки. Одна рука оттаяла, он еще подколол горящий пень, и когда огонь вспыхнул сильнее, он увидел, что на руках у него горят волосы. Тепла он почти не ощущал, но услышал запах горелого мяса и тогда взглянул на ноги, которые были почти в самом огне. Жир выступил на коже и стекал по икрам, пузырясь и шипя, как сало на вертеле. Он поспешно отступил и повернулся к огню спиной.

Он знал, что искалечил себе ноги. Было непростительной глупостью стоять так близко к огню, но возвращенное тепло стоило этого. Он нагнулся и покатал платье по снегу, чтобы выжать из него хоть немного влаги, а потом, выпрямившись и стоя нагой на снегу, захохотал:

— Вот поглядел бы на меня сейчас инспектор!

И добавил, следя за тем, как подымается от огня струйка дыма:

— Ох, этот инспектор!

Инспектор и его патрульные, по всей вероятности, заметят этот дым, и Рой знал, что опять потеряно его главное преимущество. Он не мог торопиться, потому что ему надо было время, чтобы оттаяло тело и платье. Он рассчитал, что на это уйдет оставшийся час дневного света и вся ночь, но что выходить надо очень рано.

Пока еще было светло, он нагишом сделал несколько коротких вылазок, чтобы набрать топлива и подтащить тюк. Вода не прошла внутрь мешка, и там нашлись сухие носки, сух был и спальный мешок. Он залез в него, устроился возле самого огня и спал урывками, то и дело подбрасывая дров в огонь.

Еще до света он собрался и вышел. Теперь по мягкому снегу он шел упорно, но медленно. Трудный путь, хмурый, медленный и тяжкий. Снегопад прекратился, и патрулям теперь легко было выследить его от места его ночевки, но он упрямо и угрюмо брел к ближайшей хижине Муск-о-ги.

Если, несмотря на ободранные, покрытые волдырями ноги, залубеневшее тело, все возраставший голод и изнурение, он все-таки сможет идти, — тогда он, по крайней мере, выживет. Теперь его мало трогало, изловят его патрули или нет. Ему нужны были тепло и кров. Ему нужно было человеческое убежище от свирепого неистовства природы.

Глава шестнадцатая

Почти теряя сознание от слабости, он уже начинал думать, что пришел конец, как вдруг увидел на тропе Индейца Боба. Появление индейца его изумило, как изумило бы все знакомое, потому что весь мир как бы отошел от него после трех дней полумеханического скольжения по снегу и утаптывания снега. Сознание почти вытеснено было мучительным однообразием этого вынужденного продвижения вперед шаг за шагом, день за днем. Но появление Индейца Боба на тропе было настолько реально, что влекло для него возврат и других реальностей, в том числе и собственного изнурения и отчаяния. Попробовав остановить свои вслухшие глаза на высокой фигуре индейца, он чуть не упал.

— Я и думал, что это ты, — сказал ему Боб.

Рой едва слышал его слова.

— Хэлло, Боб! — сказал он и запнулся на своих лыжах. Тюк пригнул его к земле, разламывая ему спину.

Боб не уверен был, не пьян ли Рой. Рой выглядел как пьяный. — Что с тобою, Рой? — спросил Боб. — Тебе не хорошо?

— Да, да, Боб. Да, да. Знаешь, провалился под лед. Несколько дней назад. А тут далеко до хижин на Четырех Озерах?

— Всего несколько миль, — сказал Боб и приподнял тюк Роя. — Высвобождай руки, — сказал он, — и иди за мной.

Рой послушался, и, когда груз был снят с его плеч, ему стало еще труднее держаться на ногах. Теперь в этом почти не было смысла.

— Пойдем, Рой, — говорил Боб. — Не отставай!

— Так иди,— сказал он Бобу.— Иди, а то я упаду и умру.

Индеец взвалил за спину его огромный тюк и стал прокладывать тропу, сначала медленно, но потом все убыстряя шаг. Когда Рой падал, Боб не поднимал его, а только дожидался, чтобы он сам поднялся на ноги, зная, что малейшая помощь может доконать Роя. Рой сам прекрасно это знал, но все же бранился, что Боб не помогает ему, и доходил до бешенства, что тот не обращает внимания на его ругань.

Боб вел его самым легким путем, который был и самым длинным, но Рой брел почти машинально, словно притягиваемый магнитом. Он снова потерял всякое ощущение реальности, его пробуждали только мучительные спуски на лыжах. Он видел перед собой две длинные шагающие ноги, и они вели его уже за пределом всякой выносливости. Когда ноги наконец остановились, перед ним возник облик его хижины на Четырех Озерах. У него еще хватило сил сбросить с ног лыжи и перевалиться через порог, но, когда он грохнулся на березовую койку, последний атом его энергии был израсходован, и он сразу забылся в тяжелом сне.

Рой всегда жил в мире реального, и печать подсознательного не оставила на нем своего клейма. Но в эту ночь подсознание, словно наверстывая потерянное время, разом расквиталось с ясностью его мыслей. Реальные события последних дней и нереальный мир кошмаров перемешались в один жгучий клубок. Чудесная реальность света, звука и осязания покинула его и уступила место черным, мучительным образам земли, раскалывающейся, корчащейся, взрывающейся у него под ногами. Еще более чудовищны были образы людей, вырастающих в деревья, в зверей, в горы. Роя они мучили и подавляли, а потом одна гигантская гора, выросшая под самое небо и протянув вперед скалистую руку, сокрушила его ледяной дубиной. Нанося удар, гора вдруг обратилась в Энди, и, чувствуя на себе тяжелую руку Энди, он проснулся.

— Так, значит, охотник вернулся домой,— услышал он.

— Скотти! — Рой никогда еще так не радовался человеческому голосу.

— Он самый!

Рой чувствовал, как рот его расплывается в улыбку, но и только.

— Когда ты встанешь,— сказал Скотти,— у меня есть чем тебя угостить. Похоже, что ты голоден.

Рой сел и увидел, что на него смотрят Скотти, Самсон и Индеец Боб. Захотать ему не позволили распухшие язык и губы, так что он снова улыбнулся, наслаждаясь теплом хижины у Четырех Озер. Теперь он все понимал. Непроизвольно он оглянулся: где же Энди? Но Энди здесь не было.

— Привет теплой компании, — сказал он.

— Мы с Самсоном пришли вчера вечером, — объяснил ему Скотти. — Надо было сделать последний обход твоих бобриных капканов, прежде чем снимать их.

— Снимать? А не рано?

— Да знаешь, запахло паленым, Рой, — сказал Самсон. — С тех пор как ты ушел, заглядывали сюда разные люди.

— Инспектор? — спросил Рой.

— Нет. Его и слыхом не слыхать.

Рой наконец тяжело перевел горячее дыхание.

— Он гнался за мной. Ты не заметил вчера, что за мной гнались? — спросил он Индейца Боба.

— Я никого не видел, Рой, — отвечал Боб. — И никого не искал. Я не знал, что ты был в заповеднике, мне Скотти только вчера вечером сказал.

— А где мои меха?

— Мы спрятали их на дереве, Рой.

Рой встал, и все трое подумали, что он тут же упадет, но он удержался и подошел к печке. Теперь он наконец почувствовал боль всех своих ран и всего натруженного тела, кровоточащие пузыри на голених, стертые ступни, ломоту в груди и в ногах. И тем не менее весь мир как бы налагал на него целительную повязку, все кругом было живое, горячее, и рядом как доказательство этого был Скотти.

— Так как насчет еды? — спросил он у Скотти.

Он знал, что после ему будет плохо, но ел предложенные ему Скотти яичницу с салом и картофель, ел с неумеренностью переглодавшего человека. За едой он рассказывал им о заповеднике, о своем уходе и о погоне, вплоть до того момента, как повстречал Индейца Боба.

— Так ты уверен, что никто меня не выслеживал? — опять спросил он Боба.

— Я никого не видел, — повторил Боб, и его черные печальные глаза на мгновение оживились. — Они, должно быть, потеряли тебя у того озера, в которое ты провалился.

— Может быть, — сказал Рой, — но мне казалось, что они идут за мной, — он пощупал сухую кожу своего оброс-

шего лица — она была грязная и воспаленная. — Ну, а у вас как охота, друзья? — спросил он.

— Охота? — переспросил Скотти. — Можно считать, что никак. На этот раз ты был прав, Рой. Зверь ушел, пропал, словно и не было. За шесть недель я не видел ни одной норки, а Боб в погоне за дичью зашел вон куда. Даже олени исчезли. Исчезло все, кроме зайца и лисицы. Нам с Самсоном не собрать бы и аванса на будущий сезон, если б не добавочный улов с твоего участка.

— А как ты, Боб? — спросил Рой.

— Меха нет, Рой. Ничего, только немного молодых бобров и случайной норки. Это не охота. — Никогда еще лицо индейца не было таким прозрачным и с таким зловещим румянцем. Казалось, даже в глазах у него была смерть, и Рою не по себе стало, глядя на него. — Нет меха, нет мяса, — сказал индеец.

Рой снова присел на койку, зная, что он сейчас скажет, и все-таки не решаясь начать.

— Видели вы, сколько я принес мехов? — сказал он.

— Конечно, — ответили они.

— Так вам надо поделить их со мной, — сказал он.

— С какой стати? — спросил Скотти.

— Там больше, чем мне нужно, — сказал Рой.

Они ничего не сказали. Рой переводил взгляд с одного на другого.

Скотти медленно покачал головой.

— С чего бы это тебе дарить нам мех? — сказал он. —

Судя по твоему виду, он достался тебе нелегко. Меха твои, Рой. Они еще тебе пригодятся.

— Не все, — возразил Рой.

— Все до единого! — отрезал Скотти.

— Слушай, Скотти, — сказал Рой. — Не давай ты над собой воли твоему закону и порядку. Да, они из заповедника, но об этом ведь никто не узнает.

Скотти обиделся.

— Не это меня заботит, Рой.

Рой понял, что сказал не так, но все-таки ему надо было это им сказать. Он хотел отдать им меха, но не мог объяснить, что он отдает им их законную долю за то, что они живые люди, за то, что они его друзья, за то, что они сейчас рядом с ним. Право на долю добытого в заповеднике давало им само их существование, но он не надеялся объяснить им это, потому что и сам этого хорошенько не понимал. Он знал только, что должен заставить их принять

мех, и он уговаривал их и порознь и всех вместе, но ни один из них не согласился.

— Почему это нам брать чужой мех,— сказал Самсон.

— А он вовсе не чужой,— сказал Рой.

— А чей же?

— В известном смысле он ваш, как и мой.

Скотти засмеялся.

— Нечего швыряться своим добром, Рой! — сказал он.

— Боб! — обратился Рой к индейцу.

— Меха твои,— сказал Боб и почти улыбнулся, редкий случай: оживший призрак.

Рой знал, что они отказываются с тем же глубоким чувством уважения, с которым он предлагает. И все же был момент, когда ему почудилось, что Скотти отвергает меха потому, что принять их было бы грешно, а Индеец Боб потому, что это было бы опасно. Но мысль эта сейчас же исчезла — он слишком хорошо знал этих людей. Потом он заподозрил было самого себя в том, что стремится этим подарком как бы переложить на них часть ответственности за браконьерство в заповеднике, но и эту мысль он отгнал, потому что и сейчас не чувствовал угрызений совести. Охота в заповеднике научила его одному: бояться одиночества и саморазрушения, и закон не имел к этому никакого касательства. Потом он понял, что предложил своим товарищам часть самого себя. То взаимное уважение, которое делало необходимым этот поступок, делало неизбежным их отказ, и, радуясь этому, он не стал настаивать.

— А как ты думаешь, что случилось с Сохатым и Зелом? — спросил его Самсон.

— Они взяли курс на Северный полюс,— сказал Рой.

— Ну и погуляли вы там вволю,— продолжал Самсон.— Жаль, что я не пошел с вами.

Рой хотел было ответить прямо, хоть на минуту быть с ними правдивым. На его лице можно было прочесть эту правду, и Скотти с Бобом прочли ее, но Рой только усмехнулся Самсону.

— Да? — сказал он.— Ну что ж, раз в год я думаю наведываться туда для отдыха. В следующий раз пойдем со мной, Самсон. Там как раз нужен такой человек, как ты. Все звери там только и ждут, чтобы отдать тебе свои шкуры.

— Да? Это мне подходит,— важно сказал Самсон.

— Мы с тобой против всего света,— подхватил Рой.

— И против инспектора,— напомнил Скотти.

Рой захохотал, как бывало, и со счастливым стоном повалился навзничь на койку.

— Ваше преподобие, Скотти Малькольм! — сказал он. Так он лежал, наслаждаясь, пока его не вспугнуло прошлое.— Если инспектор все еще на моем следу,— сказал он,— мне лучше идти на озеро Т и прикинуться примерным траппером.

— Сегодня ты никуда не пойдешь,—сказал ему Скотти.

— Тебе будет плохо, Рой,— сказал Боб.

— Знаю,— ответил Рой.— Только я пойду.

Так и не переубедив его, они показали ему, где спрятали меха, и прибрали хижину, пока он отдыхал. Когда они кончили, он надел свою брезентовую куртку и вышел.

Самсон спросил:

— А где твоё ружье, Рой?

— Потерял! — сказал Рой.

— Ей-богу, он утопил ружье в том озере! — завопил Самсон.— Он потерял ружье!

— Приходилось выбирать: ружье или жизнь,— слабо защищался не на шутку смущенный Рой.

Они засмеялись, Скотти и Самсон хохотали оглушительно, а Индеец Боб довольно безучастно наблюдал, как белые люди разыгрывают свою обычную игру в относительные ценности.

— Ну как? Довольны? — сказал Рой.— Пошли!

Они распрощались возле хижины; Скотти повел Роя прямой дорогой на озеро Т, Индеец Боб опять пошел охотиться, а Самсон направился на запад, к Литтл-Ривер. Он ушел из хижины последним и, провожая долгим взглядом коренастый силуэт Роя, не мог подавить в себе восхищения, граничившего с завистью.

Чтобы добраться до хижины на озере Т, Рою и Скотти понадобился весь остаток дня, и по пути Рою, как он и ожидал, стало плохо. Но, очутившись в хижине, глядя на ревущую печку, на которой Скотти готовил еду, Рой почувствовал, что к нему возвращаются прежние силы. Каждый звук и запах были для него целительным бальзамом, и не было вещи в хижине, которая не казалась бы ему новой и свежей.

— А к тебе в твоё отсутствие приходил гость,— сказал ему Скотти.

— Медведь из лесу?

— Не совсем,— возразил Скотти.— Приходил повидать тебя Энди Эндрюс.

— Повидать меня?

— Вот именно.

— А он не сказал, что ему от меня нужно?

Скотти покачал головой.

— Сказал, что зашел по пути.

— А зачем?

— Не знаю, Рой. Говорил он немного.

У Роя отлегло от сердца. Он долго молча слушал, как шлепаются в котелок куски картофеля, который резал Скотти. Он знал, что Скотти ни за что не скажет ему, говорил ли Энди о Джинни или нет.

— Ну, как он, Скотти? Джек говорит, что он стал толстый.

— На казенных хлебах. Был в армии, — сказал Скотти.

— Сказал он, что делает в Сент-Элене?

— Нет. Вообще говорил он немного. Они с Самсоном в тот же вечер напились.

Прежде Скотти любил Энди, как и все они его любили, но ясно было, что теперь он Энди не любит. Рой задумался — почему бы. И снова спросил себя: как же он сам относится к Энди? Он знал Энди таким, каким он был двенадцать лет назад, и такого человека он не мог не любить. Но сейчас к его чувствам примешивалась неприязнь. Он все острее чувствовал, что Энди не должен был возвращаться в Сент-Элен. Рой был еще слишком слаб и не мог определить свое истинное отношение к Эндрюсу, но одно было для него ясно: он не потерпит, чтобы его в чем-то обвинили. Пусть Энди сердится, пусть применит силу — это его дело, но любая его попытка очернить Джинни и самого Роя вызовет только отпор, это он знал твердо.

— Знаешь, — задумчиво говорил Скотти, — Энди чем-то похож на Мэррея. Хоть он и служил в армии, но, глядя на него, сразу признаешь в нем бродягу. Ему на всех и на все наплевать. Этаким жирный, равнодушный ко всему сержант, и к тому же бродяга.

— Ну и оставался бы в армии! — сказал Рой, находя минутное облегчение в своей вспышке, но еще более убежденный в том, что Энди врет с ним ссоры.

Этого Рой уже не боялся, но, мысленно разделившись с Энди, он обнаружил, что есть у него и другие, более страшные сомнения. В заповеднике Рой ни разу не сомневался в Джин потому, что никак не мог вообразить себе какие-либо отношения между ней и Эндрюсом. Когда он представлял ее себе, образ ее связывался для него только с ним самим. Эту иллюзию он принес с собой из заповедника. Теперь, однако, все изменилось. Так близко от дома

и вплотную к реальности он начал задумываться о самой Джин, и это принесло ему новые муки, новые вопросы: как она приняла возвращение Энди, так ли она довольна этим, как была бы довольна двенадцать лет назад? За все эти двенадцать лет она ни разу не сказала худого слова об Энди, ни разу не осудила его за исчезновение и, что важнее, никогда не была поставлена перед необходимостью выбирать между ними. Так что же она чувствует сейчас? Мог ли Энди так просто войти в дверь ее кухни и заменить собой сезонного, полупризрачного гостя — его, Роя? Рою не хотелось в это верить, но он знал, что не исключена и эта возможность. Энди вернулся, вот, возможно, и все, что теперь значит для него Джинни.

— А о Сэме он что-нибудь говорил? — спросил Рой, возлагая последнюю надежду на брата. Если Сэм держится крепко, может быть, все остальное не имеет значения, потому что Рой решил, что он не пропадет, если уцелеет брат и его дом. Только бы Сэм был еще тут.

— Из слов Энди я понял, что Сэм еще на ферме, — сказал Скотти.

— А как давно это было?

— Уже с месяц.

— За месяц многое может случиться, — уныло сказал Рой.

— Когда ты думаешь сходить в город? — спросил Скотти.

Рою и самому хотелось задать себе этот вопрос.

— Мне кажется, я лучше подожду и разберусь во всем, — сказал он. — Надо нарастить немножко мяса и рассортировать мои шкурки, чтобы легче было с ними разделаться. — Теперь, когда Джинни была недостижима, он уже думал о том, как ему самому сбывать свои незаконные меха. — Должно быть, соберусь через неделю-другую, если только не появится тем временем друг-инспектор.

— А он знал, за кем гонится?

Рой пожал плечами.

— Скоро все выяснится. — Он сел за стол, не переставая ощущать неутолимый голод. — Если инспектор подзревает, что гнался за мной, ему надо еще это доказать. Я больше никуда не побегу.

Инспектор не показывался, но Рой сидел в своей хижине на озере Т еще долго после того, как силы его восстановились и все меха были рассортированы. Хижина стала единственной твердой опорой его жизни. Казалось невозможным покинуть ее ради коварных шурпризов Сент-Эле-

на, ради клубка затруднений, в который впутаны были и инспектор, и Сэм, и Джин Эндрюс. Целую неделю он со дня на день собирался сходить в Сент-Элен, но каждый раз вид хижины и озера останавливал его. Он был уверен, что так или иначе, но это его последние дни в последней хижине Муск-о-ги, и это казалось ему разумным доводом, чтобы не спешить. Он больше не гадал, что ожидает его в Сент-Элене. На уме у него были только хижина и участок, словно в них был ключ ко всем решениям. Если у инспектора есть хоть тень каких-нибудь улики против него, тогда участок будет у него отобран. Но если инспектор и не отнимет его, все равно этим угождам пришел конец, а с ними конец и ему, как пришел конец и Скотти, и Самсону, и Индейцу Бобу. Он знал это, и знал уже давно, но одно дело знать, другое — смотреть в лицо надвинувшейся беде. Если в Сент-Элене ожидало его решение этого вопроса, то там же ожидало его много других решений, поэтому, устав от ожидания, он наконец взвалил на плечи свой тюк и в последний раз пустился в путь по озеру Т, пока еще оттепель не сделала лед ненадежным.

Глава двенадцатая

Когда он, по обыкновению, осторожно обогнул дальние фермы, Сент-Элен встретил его полной темпотой: ни огонька ему навстречу, и с большой гранитной скалы он мог только представлять себе уснувший городок. Нигде ни души и ниоткуда ни звука. Хотя Рой и очень тщательно продумал свое ночное возвращение, оно его не радовало. Даже инспектор — и тот одолел его, принудив красться, как вора, и груз за его плечами едва ли стоил того унижения, каким за него было заплачено.

Подходя к ферме, он был уверен, что найдет там Сэма. Все было знакомо даже во мраке. Амбар, коптильня, странные силуэты заброшенных конных граблей и плугов, самая слякоть уже подтаявшего снега — все было по-прежнему, и прежним должен был остаться хозяин. Сэм должен быть здесь, и Рой без колебания переступил кухонный порог и тихо поднялся в свою комнату.

Он нащупал на комодке лампу, там, где ей и следовало быть, и вздохнул с облегчением. Потом чиркнул спичкой, подвес ее к фитилю и, подняв лампу, осмотрелся. На мгновение свет ослепил его, но затем то, что он увидел, ошеломило его. На его постели спали дети, а кроме того, в комнате было еще две кровати и в них другие дети, почти подростки. Какой-то мальчик в испуге выскочил из-под одеяла, и Рой, еще надевавшийся увидеть знакомое лицо, был и в этом разочарован.

— Не кричи,— сказал Рой мальчугану.— Я не знал, что вы здесь. Я не знал, что Сэм уехал. Только не кричи!

Мальчик не закричал, но один из малышей громко вскрикнул, и Рой не знал, что ему делать. Когда малыш вскрикнул еще раз, Рой поставил лампу на место, задул свет и вышел. В темноте он кубарем скатился вниз по лестнице и едва не потерял своего мешка, застряв в кухонной двери, а за его спиной уже поднялись в доме крик и суматоха. Он шел, пока не очутился на сорок четвертой расчистке, рукой подать от старого дома Мак-Нэйров, где жила Джин Эндрус. Тут он остановился. Его тянуло только в два места, и он не решался на выбор, не зная, куда ему пойти, и еще в полной мере не понимая постигшей его беды.

Потом в сознании его остался только Джек Бэртон.

Идя сквозь ночь по полям, по колени проваливаясь в снежное месиво и слякоть, он пытался определить силу нанесенного ему Сэмом удара. Он пытался разжечь в себе ярость и как можно резче заклеить дезертирство брата, ему нужны были гнев и боль, чтобы осознать это как реальность. Но как он ни старался, не было гнева, не было боли. Была только слабость в коленях и тошнота. Сэм не оставил ему ничего, даже чувства жалости к самому себе.

У дома Джека он не сразу решился крикнуть, но потом одиночество ночи пересилило его колебания.

— Джек! — закричал он.— Ты тут, Джек?

Ему пришлось окликнуть Джека несколько раз, прежде чем кто-нибудь ответил. Наконец в окне появилась миссис Бэртон и спросила, кто кричит.

— Это Рой Мак-Нэйр, миссис Бэртон. Джек дома?

Миссис Бэртон сделала ему знак через двойное стекло, чтобы он входил в дом. Он ощупью пробрался в темную кухню и стал ждать, что кто-нибудь сойдет к нему вниз; и снова появилась миссис Бэртон. Накинув старое пальто, она держала в руках керосиновую лампу. Она остановилась на верхней ступеньке лестницы, и Рой понял, что она боится сойти вниз, должно быть думая, что он пьян.

— Где Джек, миссис Бэртон? — спросил Рой.

— Он ушел с ремонтной командой, — сказала она.

— Его нет!

— Они возле Марлоу, прочищают канавы и трубы, чтобы не затопило дорогу, — объяснила она.

— Я только что вернулся в город, — сказал Рой. — В нашем доме кто-то чужой. Можно мне переночевать у вас на кухне?

— Там не на что лечь, Рой, — сказала она. — Вы можете устроиться во второй комнате. Там есть диван.

— Благодарю вас, миссис Бэртон, — сказал Рой и, глядя вверх на эту робкую беременную женщину, остро ощутил, что даже и в этом доме нет для него ничего: нет опоры в здоровом упорстве фермера Джека. Джек ему так был нужен сейчас, и Рой рассердился, что его нет. — Вы идите спать, — сказал он миссис Бэртон. — Мне ничего не нужно.

Она сказала, что на диване есть ватное одеяло и подушки, и спросила, не достать ли ему еще одеяло.

— Нет. Идите спать, — устало повторил он. — Мне ничего не нужно.

Он сейчас же заснул, и сморила его не просто усталость, а горе. Утром он сложил лоскутное одеяло и ушел, когда в доме все еще спали. Ему не хотелось встречаться с миссис Бэртон или с кем-нибудь из ее пяти ребят, не знавших удержу в выражении своих чувств. Кроме того, ему надо было спрятать в надежное место свои меха; он пошел в сарай и в темном углу подтянул их под самую крышу, воспользовавшись веревкой и блоком, которым Джек поднимал туда летом свиные кожи.

Было еще рано, и Рой побрел по полям к дороге, так и не зная, куда ему теперь идти. Сент-Элен был для него теперь чужим городом, пустым городом, даже враждебным городом. Он боялся его, он теперь всего боялся: бездельничество Сэма лишило его всякого мужества. Он смотрел на блестящие мокрые валуны, выплывавшие из-под талого снега, наблюдал за первыми стайками скворцов, за воробьями, снежавшими по полям и пустошам. Он прошел мимо протестантской церкви, голой, обшитой досками коробки, которую Джек однажды определил как самое жалкое сооружение во всем Сент-Элене. Сейчас весь город был жалок. Он стоял мокрый и унылый в эту первую оттепель, и талая вода, набегавшая из лесов и с холмов, была так обильна, что грозила смыть его начисто.

— Хэлло, Рой! — окликнул его кто-то из проезжавшего по дороге грузовика.

Рой помахал рукой.

— Вас подвезти?

Рой не помнил этого юношу. Может быть, молодой Джонсон, или старший сын Лэкстона, или кто-нибудь еще из городской молодежи. Рой не узнавал его.

— Нет,— сказал он.— Мне тут недалеко.

Грузовик скрылся, а Рой все шагал по дороге, не зная, куда ему идти. Выйдя за пределы города, он попал на черневшую перед ним бесконечную ленту шоссе. Эта бесконечность дороги тянула его за собой. Он почувствовал искушение — идти, идти все вперед, оставляя позади все затруднения. Он знал, что это примерно то же, что двенадцать лет назад сделал Энди Эндрюс: стал на дорогу и пошел куда глаза глядят. А почему бы нет? Рой все шел, но знал, что идет в никуда. Он шел по дороге, потому что больше ему нечего было делать, а когда солнце поднялось и дорога начала дымиться, он повернул и зашагал назад в Сент-Элен.

Было только одно место, куда он мог показаться, и он пошел туда. К полудню Рой был уже так пьян, что не мог вылезти из угла бара, в который забился. Он растянулся во весь рост на полке с надписью: «Мука и Бобы», иногда постанывая, как от зубной боли, но чаще хохоча над картиной на стене у него в ногах, изображавшей Сент-Элен. Картина была одной из реклам Дюкэна, вернее, плакатом, призывавшим к вольной жизни на лоне природы, восхвалившим лесную романтику их канадского города. От Роя ускользнул истинный смысл картины, но общее представление у него составилось и голова услужливо восполняла недостающие детали.

— Крепко держится за свое,— приговаривал он.— Крепко держится старый городишко.

— Почему ты не идешь домой? — спрашивал его американец Клем уже во второй половине этого дня.— Иди, Рой. Иди к себе домой.

— Нет у меня дома,— отвечал Рой.— Нет у меня теперь дома,— твердил он.

— Ну, так иди к Джеку Бэртону.

— Джек ушел! — закричал Рой.— Джек пошел спасать город от наводнения.

Американец отстал, и Рой проспал всю ночь на полке. Он проснулся только раз, разбуженный неодолимой потребностью сейчас же встать и идти к старому дому Мак-Нэйров, однако какая-то инстинктивная осмотрительность удержала его.

Утром Скотти и Самсон нашли его там, лицо у него было серое, глаза воспалены. Он сидел перед дверью на корточках, подставив непокрытую голову лучам яркого мартовского солнца.

— Вот он где обретается, наш знаменитый зверолов!— сказал Самсон.

— Мы тебя искали,— сказал Скотти.— Когда ты пришел в город?

Рой потянулся за своей кепкой, чтобы заслонить глаза, смотревшие теперь вверх на Скотти. Кепки не было.

— Я пришел на этих днях,— сказал он.

— Ну, что ж, как раз вовремя,— сказал ему Скотти, подтянутый и чистенький, в городском пиджаке и свежевыгуженных габардиновых брюках.— Нас всех созывает инспектор.

— Кого созывает? — спросил Рой, поднявшись наконец на ноги.

— Всю братию,— объяснил Самсон. Самсон тоже принарядился, борода и волосы у него были подстрижены, и он стоял, выпрямившись во весь свой гигантский рост, и сиял румяным, здоровым лицом.— Этот инспектор готовит нам какую-то пакость, Рой.

— Друг-инспектор? — сказал Рой и нахмурился.— Не хочу я видеть инспектора! Друг-инспектор! — кричал он.— Друг-инспектор!

— Пойдем, Рой. Если ты не придешь, как бы он чего не заподозрил.

— А что ему надо? — спросил Рой.

— Не знаю,— сказал Скотти,— он вызвал на сегодня всех трапперов Муск-о-ги. Что-то готовится, так что тебе лучше прийти самому и поглядеть. Какой смысл прятаться?

Рой рад был какой-то определенности, какому-то завершению.

— Где моя кепка? — сказал он.— Где она, Самсон?

Самсон нашел ее в баре и нахлобучил Рою на голову.

Идя по дороге, они не разговаривали. Рою было нечего сказать. Скотти был слишком огорчен видом Роя и его бедами. Самсон время от времени поглядывал на Скотти, покачивал головой и несколько раз поддерживал Роя, когда тот спотыкался. Не доходя до конторы инспектора, Рой остановился у подтаявшего снежного сугроба и протер мокрым снегом лицо и редкие волосы, глаза и шею. Он вытер лицо кепкой, высморкался прямо в снег, счистил грязь с колен, но когда они по посыпанной гравием до-

рожке подходили к конторе, вид у него был немногим лучше прежнего.

В маленькой конторе инспектора уже собрались остальные десять трапперов Муск-о-ги. С приходом Роя, Скотти и Самсона налицо были все тринадцать. Тут были люди, которых Рой не видел по пять-шесть лет, хотя они облавливали Муск-о-ги почти рядом с ним. Все старые друзья, которые приветствовали друг друга грубоватыми шуточками настоящих лесовиков.

— Хэлло, Рой,— говорили они.— Вот он, гроза калифорнийских бобров, наш Рой Мак-Нэйр!

Никто не высмеивал его растерзанного вида, и некоторые не глядели на него: они уже знали о Сэме. Они знали о нем больше, чем сам Рой. Рой ни с кем еще не говорил о дезертирстве брата, и никто из них не поднимал об этом разговора: никто не хотел быть назойливым. «Ну как, еще не застучал он тебя, Рой?» — по обыкновению, говорили они, зная, что Рой любит, когда намекают на его поединок с инспектором.

Рой отвечал всем, но в его шутках не было задора, и он рад был, когда они оставили его в покое в углу рядом с Индейцем Бобом.

— У тебя все в порядке, Рой? — спросил индеец.

Рой кивнул.

— В порядке, Боб,— сказал он.— Как у бобра на плотине!

Больше они не говорили, ожидая появления инспектора.

Вслед за грузной фигурой инспектора в комнату вошел еще один коренастый мужчина. Это был Бэрк — тот зоолог, что побывал у Роя в начале зимы. Рой встревожился, это была не просто власть. Присутствие Бэрка означало вторжение высокой науки, предвещало решительные меры.

— До того как начать о деле,— сказал инспектор, внимательно, почти осуждающе взглядываясь в их лица,— я хочу сказать вам вот о чем. Перед самым рождеством кто-то из вас затеял охоту в заповеднике Серебряных Долларов. Я это знаю, потому что я там был, и я знаю, что это кто-нибудь из вас, потому что едва не поймал виновного.— Он помолчал, давая им вдуматься в его слова, готовый с невообразимым при его тучности проворством схватить виновного.— Одного из браконьеров мы изловили, того, кого выслеживали. Это Джек Сэнби с Шести Рек. Он охотился в заповеднике, как у себя дома. Но, преследуя его, мы натолкнулись еще на целую компанию. Их было двое или

трое, и мне сдается, что среди них Мэррей и Сен-Клэр. Кто был третий — я еще не знаю. Знаю только, что он сбегал в Муск-о-ги с целым тюком незаконной пушнины за плечами. Так вот, если я обнаружу эту пушнину у кого-нибудь из присутствующих, даю слово, что добьюсь для него сурового тюремного заключения. Мне очень не хочется, чтобы кто-нибудь из вас, друзья, попал в беду, особенно сейчас. Но, если я его поймаю, не будет никаких поблажек и никакого снисхождения. Взять шкурку-другую сверх нормы — одно дело, но грабить заповедник — это уже непростительно. Так что, кто бы он ни был, пусть бережется. Закон не дремлет!

Рой не спускал глаз с инспектора. В мертвой тишине, последовавшей за этим заявлением, он ждал уличающего взгляда инспектора. Ждал и готов был встретить немигающим взглядом воспаленных глаз. Но для инспектора Роя словно и не существовало, он ни разу даже не посмотрел в его сторону. Однако Рой знал, что вся тирада была ему прямым предупреждением. Инспектор знал, кого он преследовал. Без слов он говорил Рою: «Я знаю, что это ты, и я чуть не изловил тебя, дружок. Преследовать тебя я не хочу, но не делай ничего, что заставило бы меня пойти на это. Если меха у тебя где-нибудь припасены, пусть там и остаются. На этот раз, Рой, я мог бы наложить на тебя руку, но я не хочу. Так берегись. Я тебя отпускаю!» Из жалости или из расположения, но инспектор наконец одолел его, положил на обе лопатки, а потом сам поднял. Ничего хуже и придумать было нельзя; это была не мощь, это было полное поражение.

— И еще, — продолжал инспектор, — я настолько уверен, что Мэррей и Сен-Клэр в этом участвовали, что взял в полицейском управлении округа ордер на их арест. Каждый, кто даст им приют, будет виновен в укрывательстве, и рассматривайте это также как официальное предупреждение. Для этих бродяг дороги сюда закрыты, и в этих лесах им больше никогда не охотиться. Об этом я позабочусь.

Снова угрюмое молчание. Инспектор усмехнулся; он, видимо, пожалел, что создал такую напряженную атмосферу, но изменить ничего уже не мог.

— Я не хочу вас обижать, звероловы, — сказал он, — потому что худшее еще впереди, но я хотел бы, чтобы вы поняли, что все меняется. Если вы хотите когда-нибудь охотиться в Муск-о-ги, многое нужно изменить, поэтому не

думайте, что я крут только потому, что я инспектор. Я вынужден принимать крутые меры потому, что вся эта территория, можно сказать, исчерпана для зверолова, и я просто пытаюсь спасти последние остатки.— Он кивнул на Бэрка, стоявшего рядом.— Вот мистер Бэрк из Охраны пушных и рыбных ресурсов. Он расскажет вам, что осталось от нашего Муск-о-ги, а осталось немного. Он сообщит вам и постановление, и думаю, что многим из вас оно будет не по душе.

Бэрк не смотрел на них, казалось, он обращался к кучке мелочи, которую подкидывал на ладони.

— Все вы за последний год в разное время видели Лосона и меня в Муск-о-ги, и вы знаете, что произведено очень тщательное обследование дичи этих угодий.— Он поднял глаза.— Вы, звероловы, знаете о дичи больше меня, и вы знаете, как ее становится мало. Вы знаете, что пушнины в Муск-о-ги не может больше хватить на пропитание тринадцати трапперам на тринадцать участках.— Бэрк на мгновение остановил глаза на Рое, но вообще был подчеркнута безличен, держался холодно и отчужденно.— Многие из вас, должно быть, помнят, чем было звероловство до тысяча девятьсот тридцать пятого года, когда созданы были заказники. До тысяча девятьсот тридцать пятого года это была бешеная гонка по озерам, рекам и тропам, и каждый траппер расставлял свои капканы, где хотел, пока не нарывался на капканы другого. Тогда он поворачивал, если был робок, или снимал чужие капканы, если был достаточно нагл. Раздел всей территории Муск-о-ги на участки покончил с таким положением вещей. Он дал вам тринадцать определенных участков, по одному на каждого. Это положило конец ссорам и хищничеству в ущерб друг другу, но не сняло угрозу чрезмерного облова всего Муск-о-ги. Может быть, если бы вы осмотрительнее обращались с вашими угодьями, на них и сейчас было бы достаточно для вас дичи, но не все были рачительными хозяевами. Некоторые из вас гнались за каждым центом, который можно было выжать из капканов, и вы опустошали угодья до дна. Я никого не обвиняю, потому что я знаю, что ведь траппер сам себе не враг, я знаю, что опустошали вы ваши угодья не без причины. Но факт налицо! Пушнины осталось разве что на половину из вас, и если сейчас же не принять мер, то скоро ее не останется ни для кого. Мы полагали, что заповедник на Серебряной реке когда-нибудь спасет Муск-о-ги, так мы надеялись,

Рою хотелось протестовать, оправдываться, но он продолжал слушать Бэрка, предоставив казнить себя своей трапперской совестью.

— К несчастью,— продолжал Бэрк,— заповедник еще не дал ожидаемых результатов, отчасти из-за браконьерства, но главным образом потому, что он еще слишком молод.— Рой отметил это как частичное оправдание его вины, а Бэрк все говорил.— И вот, поскольку нет надежды сохранить весь Муск-о-ги, я приехал сюда, чтобы сообщить вам постановление департамента. Есть у вас вопросы, прежде чем я оглашу его?

Никто не пошевелился, никто не сказал ни слова.

— Оно очень несложно,— резко сказал Бэрк и, опустив свои монетки в карман, оглядел собравшихся,— и оно очень сурово: из тринадцати участков Муск-о-ги семь будут закрыты и шесть сохранены.— Тут он остановился, предоставляя возможность возражать и спрашивать, но некоторое время все молчали.

Потом заговорил Самсон:

— А какие участки будут закрыты?

Инспектор протянул Бэрку карту.

— Нам придется закрыть те участки, где осталось меньше всего дичи,— сказал Бэрк.— Сейчас я перечислю те, которые будут закрыты.— Водя толстым пальцем по зеленой карте Муск-о-ги, он оповещал о конце одного участка за другим, и трапперы следили за этим перстом, указуя на судьбу каждого из них. Он кончил, судьбы определелись. Участок Роя уцелел, один из двух участков Скотти и Самсона был закрыт, закрыт был и участок Индейца Боба.

Но это не могло быть окончательным решением.

— А как же теперь будем мы, остальные? — сказал кто-то. Многие недовольно заворчали, но тут вмешался инспектор.

— Мистер Бэрк только перечислил вам закрытые уголья. Он не говорил, кто будет пользоваться остающимися. Нам кажется, что это вы должны решить сами, между собой. Вас тут тринадцать, открытых участков шесть, и мне кажется, что единственная возможность поступить по-честному — это бросить жребий. Как по-вашему?

Снова послышался ропот.

— А вы проголосуйте,— предложил Бэрк.

Проголосовали, и большинство было за жеребьевку.

— Проще всего сделать так,— предложил Бэрк.— Тот, чей участок объявлен открытым, если вытащит жребий,

сохраняет свой участок. Тот, чей участок закрыт, вытаскивает жребий, получает ближайший из открытых участков. Так хорошо?

— Хорошо! — Им не терпелось поскорее покончить.

— Прежде чем вы будете тянуть жребий, — продолжал Бэрк, — я должен сообщить вам новые правила, устанавливаемые при новом положении. Нам известно, что при существующей норме вылова невозможно прожить, поэтому мы хотим дать вам льготу. Впредь не будет жесткой нормы или сезонных ограничений для бобра и ондатры.

Это им понравилось, и они одобрительно загудели.

— Но, — продолжал Бэрк, — за каждый сезон разрешено будет брать не больше двух бобров и двух ондатр с каждой норы вашего угодья. Вы должны будете каждый год сами определять, сколько у вас хаток и нор, и число добытых шкурок не должно превышать это количество больше чем вдвое. При чрезмерном облове число хаток уменьшится, а с ним и ваша норма. При разумном хозяйстве вы станете звероведами, количество хаток будет с каждым годом увеличиваться, а с ними и ваша добыча. Ну как, справедливо?

— Справедливо, — отозвались они и потребовали тянуть жребий.

— Должен сейчас же добавить, — дипломатично закончил Бэрк, — что рыбная ловля в любое время закрыта сроком на два года.

Это была крутая мера, но их больше интересовало звероловство, и они опять стали торопиться с жеребьевкой.

Инспектор и Бэрк нарезали тринадцать листов бумаги, написали на шести из них слово «Участок» и аккуратно сложили вчетверо.

— Одолжите нам вашу кепку, Рой, — попросил Бэрк, и тень улыбки мелькнула у него в глазах.

На минуту в них проснулось чувство юмора. Самсон сорвал у Роя с головы его потрепанную кепку и бросил Бэрку. Все расхохотались, а Рой с унылым смущением пригладил мокрые волосы.

— Ну что ж, начнем! — сказал Бэрк и стал медленно обносить кепку по кругу.

Первые двое вытащили пустышки и промолчали. Третьим тянул Льюис Бэрк, старейший зверолов Муск-о-ги, чудаковатый маленький ирландец с седой головой и сизовато-коричневым от загара лицом. Он ловил зверя в Муск-о-ги всю свою жизнь и жил лесным сычом, не покидая своего участка. О нем уже успели забыть и вспомнили только

теперь, когда он тянул жребий. Вытащив бумажку, он беспомощно оглянулся — читать он не умел.

— Твоя взяла, Лью! — закричал ему Скотти. — Участок за тобой.

Старик ничего не сказал, только тщательно сложил листок, как будто это был и в самом деле законный документ на владение.

Потом подошел Самсон, оглянулся на Скотти и потянул.

— Пусто, — сказал он. — Ничего нет.

Скотти моргнул и осторожно протянул руку. Он было улыбнулся, показывая надписанный клочок, но потом приуныл.

— Я не виноват, — сказал он Самсону, — право, не виноват!

— Рой, — быстро вызвал Бэрк и протянул кепку.

Рой посмотрел на Бэрка и вспомнил бешеную гонку по озеру Т в день прибытия самолета биологов. В его пальцах сейчас было озеро Т и его хижина и весь Муск-о-ги, и на мгновение он увидел, как возвращается туда и вновь пытается счастья даже на урезанной территории, в Муск-о-ги, потерявшем половину своего населения и большую часть дичи.

— Это ваша кепка, Рой, — сказал Бэрк. — Смелей. Тяните!

Рой потянул — и Рой выиграл, и раздалось приветствия в честь Роя, так что он понял — перед ним только одно решение: лес, как и прежде. Не было ни Сент-Элена, ни Сэма, ни Энди, ни даже Джин. Потом он понял, что выбрал себе в удел лесное одиночество, и стал наблюдать за Индейцем Бобом.

Индеец не привык играть серьезными жизненными вопросами, азарт не был в духе его народа. Делать ставки его заставляло только вынужденное общение с белыми людьми, но и тут для него законом были отняты равные шансы, точно так же как законом было отнято, например, право пить спиртное. Но сейчас ему была навязана самая крупная игра его жизни, и он посмотрел на Бэрка с презрением индейца не к одному Бэрку, но ко всем Бэркам на свете.

Боб проиграл, но умирающие его глаза и мертвенно-бледные губы ровно ничего не выразили.

Три остальных надписанных жребия были уже скорее трагедией, чем даром судьбы, и последний достался пьянице шотландцу, которого лес постепенно губил и теперь мог погубить окончательно.

— Ну вот, с этим решено, — сказал инспектор, и у него был вид человека, тоже что-то потерявшего. — Остается добавить немного. Новые угодья на севере по-прежнему открыты, и будут открыты до мая. Если кто-нибудь из вас хочет охотиться там, я приму заявление, и, ручаюсь, вы участки получите. Я знаю, что это далеко и что почти невозможно жить тут, в Сент-Элене, а охотиться там. Это, конечно, уже не мой район. Но, во всяком случае, я попытаюсь добиться, чтобы был намечен удобный путь по реке Уип-о-Уилл, чтобы за счет правительства были прочищены волоки и какое-то подобие тропы, так чтобы каждый хоть раз в сезон мог добраться сюда пешком и лодкой. Я не уверен, что мне это удастся, но вот мистер Бэрк согласен похлопотать об этом в департаменте. Так что, если кто хочет получить участок на севере, запишитесь у меня. Вот, кажется, все.

Они расходились медленно, потому что такое собрание едва ли повторится и у каждого было что сказать другому. Исключением был Рой, и Рой ушел первым из всех. Проходя мимо инспектора и Бэрка, он остановился взять свою кепку.

Бэрк протянул ее Рою.

— За охотничье счастье! — с улыбкой сказал он, видимо ожидая, что Рой на это отзовется.

Рой взял кепку и в ободряющем взгляде Бэрка увидел возможность собственного возрождения. Он мог вернуться к своим озерам, и лесам, и звериным тропам. Мог вернуться к смене охотничьих сезонов и возобновить свой поединок со стихиями и с пушным инспектором. В ответ на подстрекающую улыбку Бэрка подымалась в нем тяга ко всему этому, и все же он знал, что не вернется. Раз нет для него Сент-Элена, нет и Муск-о-ги, и образ Муск-о-ги потускнел. Рой надвинул на голову кепку.

— Ну, как охотились, Рой? — спросил его инспектор.

— Хорошо.

— Меха, конечно, первоклассные?

— Всякие есть.

— А кому продали? — спросил инспектор.

— Пока еще никому, — сказал Рой и внезапно принял решение. — Знаете что, инспектор, — медленно сказал он. — Если не будет возражений, отдайте мой участок Индейцу Бобу. Вы ничего не имеете против?

Инспектор не сразу понял Роя.

— Зачем? — сказал он. — Вы вытянули свой жребий, а Боб возьмет себе участок на севере.

Рой потерял терпение.

— Я отказываюсь от своего участка. Передайте его Бобу, если, конечно, он захочет.

Рой знал теперь, что желание отказаться возникло у него еще в тот момент, когда он увидел в руках индейца чистый белый листок. В этот момент собственная победа Роя обернулась для него крахом, и теперь он без сожаления отдавал участок Бобу. Его не мучило, что он нарушил закон или охотился в заповеднике. Он отдавал участок Бобу потому, что не мог вернуться в Муск-о-ги, отдавал как осознанный им долг перед индейцем и перед всяким человеком, перед всеми людьми, которые, в свою очередь, были в долгу перед ним и выручили бы его в случае нужды.

— Пусть его берет, — сказал Рой, — только бы другие не подняли шума.

Инспектор пожал плечами.

— Как хотите, Рой. — Он ничего не понимал.

— Тогда до свидания, — сказал Рой.

— А почему вы не хотите, чтобы я записал на вас один из северных участков? — спросил инспектор, которого начинали выводить из себя причуды Роя.

— Не стоит об этом, инспектор, — сказал Рой.

— Так вы не хотите нового участка?

— Нет, — сказал Рой. — Не хочу!

— Но почему? — вмешался Бэрк.

Рой посмотрел на этого ученого-лесовика и усомнился: да знает ли он на самом деле, что такое лес? Как ему объяснить, этому Бэрку, что он потерял Сент-Элен, а следовательно, потерял и Муск-о-ги, потерял и север. Как ему объяснить, что, куда бы он ни подался, всюду его ждет доля лесного сына, как рассказать обо всем этом Бэрку?

— Почему бы не отправиться на север? — не унимался Бэрк.

— Слишком далеко.

— Вы не в своем уме, — проворчал инспектор.

— Может быть, — сказал Рой и ушел.

Рой не ел уже целые сутки и знал, что, выпей он еще хоть каплю, и ему будет плохо. Надвинув кепку, чтобы защитить глаза от солнца, он лежал на скамье возле бара Клема, не желая больше ничего решать, ни о чем думать. Ему нравилось здесь на солнце и хотелось тут заснуть, но заснуть он не успел. Какой-то бродячий пес обнюхал его и лизнул в лицо, когда он опустил руку, чтобы почесать его за ухом. Потом пришел Самсон.

Самсон сдвинул поги Роя со скамьи.

— Куда это ты заторопился? — спросил он, усаживаясь. — Мы хватились, а тебя нет.

— Мне спать захотелось, — сказал Рой.

— Инспектор говорит, что ты отказался от своего участка и не захотел брать на севере. Правда это, Рой? Ты действительно это сделал?

Рой посмотрел через блестящие поля на бледную пелену озера Гурон.

— Правда, Самсон, — сказал он безучастно.

— Я еще понимаю, почему ты отдал свой участок, — сказал Самсон. — Но почему не идти на север? Эти места ждут таких, как ты. Ты годами говорил о том, чтобы уйти на север. Так в чем же дело, когда есть эта возможность?

Роя помимо воли пришлось разыграть Самсона.

— Старее я, Самсон, для таких приключений, — сказал он. — Это хорошо для таких крепких парней, как ты. — Рою пришло на ум, сколько раз он пытался разлучить Скотти с Самсоном и терпел неудачу. А как легко их разлучили обстоятельства.

— Что ты будешь делать без Скотти? — спросил он насмешливо.

Большие ладони Самсона были так тяжелы, что пес глухо заворчал.

— Скотти отказался от своего участка и решил идти на север вместе со мной. Что бы и тебе с нами? А? Ну, почему ты не хочешь? Что с тобой?

Рой не ответил, но засмеялся над Скотти, как смеялся над Самсоном. Смеялся он и над собой, над своими попытками разлучить их.

— Ну так как же, Рой? — спросил Самсон.

— Я решил отдохнуть, — сказал Рой.

Самсон не отставал от него, не переставала его рука докучать и собаке. Но от обоих он ничего толком не добился, а тут подоспел Скотти с Джеком Бэртоном.

— Так! — сказал Рой. — Значит, прибыли его преподобие отец Малькольм и дорожный уполномоченный.

— Я сходил и привел Джека, — дерзко заговорил Скотти, — чтобы хоть он вразумил тебя. Послушай, Рой. Ты отдал свой участок Индейцу Бобу, это твое дело, меня это не касается, — и восхищение этого идеалиста было слишком восторженно и слишком явно. — Но что за блажь отказываться от новых угодий на севере? И что ты думаешь делать дальше? Сидеть здесь и тухнуть в этой дыре?

— А поди ты, Скотти,— уыло сказал Рой.

Скотти отказался от притворно гневного тона.

— Ну, почему тебе не пойти на север со мной и с Самсоном? — спрашивал он.— Почему ты не попросишь инспектора записать тебя на одно из тех угодий?

Рой посмотрел на свеженачищенные сапоги Скотти.

— А тебе-то зачем уходить на север? — спросил он Скотти.— Ты вытянул свой старый участок, зачем тебе тащиться на север?

— Не упрямясь, Рой,— взмолился Самсон.— Ну что тебе стоит пойти с нами?

— Ну что вам стоит пойти вот сейчас в бар и напиться,— сказал им Рой и тут же закричал на них, чтобы не думать, какое это было бы счастье — уйти на север с Самсоном и Скотти, счастье, которое он отвергал ради неизбежного одиночества, ожидавшего его повсюду в лесу. Раз уж ничего не было для него в Сент-Элене, ничего не было для него и в лесу. Как они не могут этого понять? — Подите,— кричал он им,— подите и хорошенько напейтесь, пока не сожрала вас ледяная пустыня!

— Может быть, ты его уговоришь,— сказал Скотти Джеку.— Ты не прав, Рой, и ты сам это прекрасно знаешь,— и он увел Самсона в бар.

Рой сейчас же накинулся на Джека.

— Ну,— сказал он.— Спаситель дорог! Спаситель города! Что еще спасать думаешь? — Но атака была слабая.

— Мне передали, что вчера вечером ты меня не застал,— сказал ему Джек, не обращая внимания на его колкости и горечь.

— Я никого не застал вчера вечером,— отвечал Рой.

Джек сел.

— Ты, конечно, заходил домой?

Рой медленно кивнул.

— Пришел к себе в комнату, а там полно чужих ребятшек.— Он прикрыл кепкой глаза и говорил очень спокойно.— Кто купил ферму, Джек? Кто-нибудь из Расселей?

— Нет. Ее купили земельные агенты, а заплатил, должно быть, банк.

— Банк? А на что ему дом фермера?

— Ну, это еще довольно приличная ферма...

— Но зачем было банку покупать ее? Банк — ведь это

просто здание. Зачем они скупают фермы? Какая банку надобность в фермах? — Рой наконец нашел чем возмущаться, но и это не приносило облегчения. — Что же сделал Сэм? — спрашивал он Джека. — Вот так, пошел и продал им ферму?

— Нет, был аукцион, и банк дал больше всех.

— А кого они поселили на ферме?

— Билли Эдвардса, — сказал Джек.

— Сначала он получил мою упряжку, а теперь и ферму в придачу!

— Он хороший фермер, Рой. Он будет на ней как следует работать.

— Ну, конечно! Поэтому-то, наверно, банк и посадил его туда.

— Да, должно быть.

— А как же Сэм?

— Ты ничего не слышал о Сэме?

— Нет, — сказал Рой.

— Ну, Сэм, он просто ушел. — Джек пожал плечами. — Сбежал.

— Вместе с Руфью?

— Нет. Бросил и Руфь. Бросил все. Забрал половину денег и в одно прекрасное утро пошел на станцию, да и был таков. Исчез!

— Совсем как Энди, — печально, но без горечи заметил Рой.

— Да, похоже, — сказал Джек и замолк в ожидании.

Рой должен был задать этот вопрос. Теперь он не мог не задать его.

— А что Энди? Где он?

— Здесь где-то, — сказал Джек.

— А Джинни?

— По-прежнему в старом доме Мак-Нэйров.

Рой поднял кепку, и солнце ослепило его.

— Ты с ней еще не виделся? — спросил Джек.

Рой покачал головой.

— Нет еще, — сказал он. — А Энди с ней?

Джек пожал плечами.

— Может быть, — сказал он.

На мгновение Рою показалось, что Джек мог бы сказать больше, но тот замолчал и как-то неохотно улыбнулся. Пес опять стал ластиться к Рою. Тот машинально трепал его по голове, по морде, по загривку. Пес был прилипчивый и заскулил, когда рука Роя перестала гладить его.

— Джек,— виноватым тоном сказал Рой, вспомнив, наконец, что-то важное.— Я спрятал в твоём сарае меха.

Джек кивнул.

— Я видел.

— Я их оттуда возьму. Может быть, сегодня же вечером.

— В любое время,— сказал Джек.

— Нет, сегодня вечером,— сказал Рой.

— Ладно,— сказал Джек.— Может, переночуешь у нас?

Рой кивнул.

— А как твоё ферма? — спросил он из вежливости.

— Да становится похожей на ферму,— сказал Джек.

— А семья?

— Все в порядке, Рой. На будущий год открываем среднюю школу в Марлоу. Вчера говорил с администрацией.

— Марлоу? Да это в десяти милях,— сказал Рой.— Для нас-то какой в ней толк?

— Десять миль? — Джек пожал плечами.— Наладим автобусное сообщение.

— Фермер Джек! — сказал Рой, и слова эти пробились в его отяжелевшую голову. Ему захотелось поддеть Джека, пошутить с ним насчет спрятанных мехов, насчет городов, насчет дороги, насчет школы. Джек был тут и ждал этого, почти молил Роя не замыкаться. Странное это было молчание, но скоро оно превратилось в победоносную передышку, потому что именно это молчание вернуло Роя ясность, от которой ему некуда было укрыться. Это была ясность Джека, который никогда не сдаётся. Джека и его фермы, Джека и его школы — средней школы! Именно то, как Джек утверждал свои права, спасло Роя в этот решающий, последний момент. Теперь он не мог убежать от самого себя.

— Ладно,— поднимаясь, медленно произнес Рой.— Пожалуй, мне надо идти, Джек.

Джек знал, куда идет Рой, и знал, что ему предстоит, но он мог только сказать: — Пожалуй, надо, Рой.

— Ну, пока до свидания,— сказал Рой и двинулся прочь не своей обычной катящейся походкой, а слегка пошатываясь, словно Блэк-энд-Блю еще затуманивало ему голову. Джек наблюдал, как он пересек дорогу и пошел напрямик к старому дому Мак-Нэйров.

Глава восемнадцатая

Подмытые снеговые заборы обвалились, воробьи яростно копошились в грязи и среди скал и в раскисшем торфянике. В лесу было полно синих соек, а в кустарнике прыгали синицы. На поля вышли люди с канавокопателями и плугами, и уже в виду старого дома Мак-Нэйров Рой остановился, чтобы понаблюдать за одним из работников. Это был Билли Эдвардс, он правил своей упряжкой. По направлению Рой догадался, что он держит путь на дальнее поле, то ли очищать, то ли пройти корчевателем, то ли вывезти пни. У него не было недоброго чувства к Билли Эдвардсу, он не мог плохо относиться ни к кому, кто взялся бы возродить эту ферму, но в нем росло слепое раздражение против единственного кирпичного здания в Сент-Элене, которое теперь владело ею. Что нужно банку от фермы? Что вообще нужно банку от человека?

Все более распаляясь, он шел по пашне, чтобы видно было, что плевать ему на банк; вызов был и в том, как он шумно почистил ноги о железный скребок и резко пихнул ногой кухонную дверь. Потом это с него соскочило, и он вошел в дом очень осторожно.

Он ожидал увидеть Джинни на кухне. Но ее там не было.

— Миссис Эндриус! — сказал Рой, чтобы дать о себе знать.

Ответа не было. Рой осмотрелся. В кухне был беспорядок, который так обычен для женщин, не привыкших убирать за собой. На столе стояло ведро с золой, очевидно, — посыпать топкую дорожку. Рой снял его и аккуратно сложил небрежно накиданные у плиты дрова. Потом сел на ларь у окна и стал ждать. Сначала он было подумал, не уйти ли, но слишком большое напряжение воли потребовалось от него, чтобы прийти сюда, и он замер в усталом ожидании. Он поудобнее с ногами расположился на ларе. Всем существом Рой чувствовал, что действительно охотник вернулся домой, и это навяло на него столь необходимый ему сон. Уже смеркалось, а он все спал. Его разбудил громкий крик.

— Рой! — услышал он. — Рой! — это было похоже на рев.

В первый раз за всю жизнь у Роя засосало под ложечкой от непобедимого страха; Рой ощутил его железное пожатие: во рту появился противный вкус, губы пересохли и голову сдавило словно тисками. На мгновение он весь заоченел, но тут же вскочил и выпрямился, готовый стряхнуть сонный кошмар.

— Рой!

У двери Эндриус — не человек, а гора.

— Рой!

Разглядеть друга друга в полутьме они не могли.

Рой все еще не пришел в себя, но это была просто тошнота.

— Да! — холодно ответил он. — Это я.

— Ну, конечно, ты! — проревел Энди и ринулся к столу, но тут же замер, словно по сигналу. Даже слабый, потухающий свет из окна мешал ему, и он выжидательно вглядывался из темноты.

Довольно долго они молчали и не двигались. Рой пробовал сообразить, как ему быстрее обезоружить Эндриуса, но невольно оказался в защите, решив не лезть первому, говорить поменьше и просто ждать.

Потом комнату снова наполнил зычный голос Эндриуса.

— Мне сказали в баре, что ты вернулся. Я давно хотел повидать тебя...

— Я знаю, — сказал Рой и почувствовал на своих ляжках судорожную хватку собственных пальцев. Теперь он был готов ко всему, да, он виноват, да, ему страшно, но прежде всего он настороже. Предоставив инициативу Эндриусу, он ждал, как определится степень их вражды, но любопытство взяло верх, и он поглядел на Энди. Он не мог разглядеть его ясно, но то, что он видел, вызывало в нем странное и неуместное чувство симпатии к этому мощному телу, его величине и объему, его шумному дыханию. Рой снова почувствовал всю необузданность Эндриуса. Тот сейчас был способен на все.

— Я ходил в лес... — начал Энди.

— И это знаю, — отрезал Рой.

Скрытая враждебность в голосе Роя, казалось, сбила Эндриуса с тона и несколько насторожила его доверчивую беспечность. Он весь сжался от негодования и обиды.

— Черт побери! — сказал он, тяжело переводя дыхание. — Надо зажечь свет. — Он чиркнул спичкой и пошел прямо к масляной коптилке, которую Джинни держала на каминной доске на случай, если испортится керосиновая

лампа. Он принес коптилку на стол, зажег ее, сел напротив Роя и холодно спросил: — Как поживаешь, Рой?

Рой только теперь по-настоящему разглядел Эндрюса и понял, что образ, который он хранил в памяти, был Энди дней их юности: бесшабашный молодой верзила, бешеный силач, восторженный горлан, неумный анархист. К тому времени, когда Энди покинул Сент-Элен, он обрюзг и загрубел, но Рой как-то забыл об этом, и теперь вид этого мясника с оплывшим лицом и холодными глазами ошеломил его. Он, несмотря ни на что, надеялся увидеть прежний образ друга.

— Ты, наверно, не ждал меня назад, — небрежно заявил Энди. Это звучало угрожающе.

— Может быть, — сказал Рой, весь подбираясь, потому что он чувствовал на себе оценивающий взгляд Энди.

— Похоже, что ты вовсе не рад видеть меня, — заорал Энди.

— Нет. — Рой все еще выжидал, отчужденно и безлично, ему не хотелось добираться до главного. — Когда-нибудь ты же должен был вернуться.

— Правильно, Рой.

Эндрюс собирался еще что-то добавить, но тут они оба услышали, как Джинни Эндрюс за дверью говорит что-то собаке, и оба сидели молча, пока она не поднялась на крылечко и не вошла в комнату. Она поглядела сначала на Энди, потом на Роя. Потом прикрыла за собой дверь, словно принимая вызов.

— Это что, с вами пришла эта лайка? — спросила она Роя.

— Со мной, — виновато отозвался он.

— Она уже давно бродит здесь в городе, — сказала миссис Эндрюс. — Должно быть, отбилась от кого-нибудь из индейцев.

Она ни слова не сказала Эндрюсу: она словно не замечала его, но, и не замечая, принимала его присутствие как неизбежность, и беглый взгляд Энди подтвердил это. Тем самым Рой был как бы отстранен, и он в отчаянии поглядел на Джинни, чтобы в этом удостовериться. Он не решался взглянуть ей в лицо, но наблюдал за каждым движением миссис Эндрюс, за тем, как она сбрасывала ботинки и снимала короткую серую армейскую куртку. Скинув эту неуклюжую оболочку, она стала той стройной и милой женщиной, какой он привык ее себе представлять, и тогда он смущенно посмотрел ей в лицо. Короткие вьющиеся волосы были подстрижены слишком коротко, и лицо у нее

сильно осунулось: только это он и заметил в ее тонком лице, которое и всегда-то было угловатым и острым, но ничего другого он на ее лице не прочел.

— Так ты все торгуешь незаконным мехом? — услышал он голос Энди.

— Да, — твердо сказал Рой. — А Джинни сбывает то, что я наловлю. — Ему необходимо было как-то вовлечь в разговор Джинни.

— Она мне рассказывала. — Эндрюс смотрел на него с недоуменной досадой жирного медведя.

— Зачем ты вернулся, Энди? — раздраженно спросил Рой.

— Да не знаю, Рой. Надо же было когда-нибудь вернуться, вот и вернулся.

— Тебе не надо было возвращаться!

Эндрюс пожал плечами.

— Может быть. — Он начинал сердиться.

Рою хотелось, чтобы Джинни поддержала его, но она уже занялась приготовлением ужина. Она намеренно выключила себя из их разговора. Рой остался один.

— И что же, ты думаешь остаться в Сент-Элене? — спросил он Энди, стремясь теперь как можно скорее все выяснить и покончить, сердясь на Джинни, идя напролом.

Это было уже слишком для Энди.

— Черт побери, Рой, — закричал оп. — Что это с тобой сегодня? Что с тобой? — бушевал он. — Нет, вы подумайте! Я невесту сколько лет как ушел из города, сто раз мог умереть. Да, да! Джинни говорит, что ты и считал меня мертвым. И вот я возвращаюсь. Вот я тут. Прихожу повидать тебя. А ты сидишь, слово сыч над ежом. Что с тобою случилось, Рой? На что ты злишься? Ты что, не хотел меня видеть?

Рой едва перевел дыхание.

— Что со мной? — невпопад повторил он.

— Да! Что с тобой?

В этом негодующем вопле перед Роем воскрес его друг прежних дней. Груз лет был скинут, возраст забыт, оплывшая рожа была приукрашена воспоминанием; и Рой увидел, что это ведь все-таки Энди, Энди с холодным, безжизненным взглядом, но где-то в глубине — все тот же неутомный озорник Энди.

— Ты просто застал меня врасплох, — сказал Рой, и губы его растянулись в улыбке.

— Ну да, врасплох, но я-то думал, что ты кивнешься мне на шею. Старина Рой! Единственный человек,

который должен был обрадоваться мне. Ты хуже, чем Джинни.

— А Джинни тебе обрадовалась? — забыв о всякой сдержанности, выпалил Рой.

Круглые глаза Эндрюса оглядели Роя с ног до головы.

— Так вот что тебя заботит? — Потом Энди откинул голову и захохотал так, что затрясся весь стол, звякнула кастрюля на полке и лампа мигнула. — Ах я дурак! И как это я не подумал! Джинни? — Эндрюс слегка повернулся, чтобы видеть жену, как будто он только что вспомнил о ней, и покачал головой. — Ах, Джинни! — сказал он. — Так в чем же дело? Разве Рой о тебе не заботится? Разве оба вы не совладельцы знаменитой меховой фирмы Рой и компания? — Он в полном восторге шлепнул по столу тяжелой ладонью. Рой ушам не верил. Так вот она минута, которой он страшился целые десять лет! Так вот она обида, укор, обвинение: несколько язвительных слов, свисоходительная усмешка.

— Околпачили Роя, — сказал Энди, и по его хохоту дальше можно было ожидать большего.

— Брось смеяться, — только и сказала ему Джин Эндрюс.

— Знаешь, Рой, — сказал Энди, снова обращаясь к другу. — Если бы у нее хватило силенок, она бы сгребла меня за шиворот и вытолкала бы за дверь в первый же раз, как я сюда пожаловал месяц назад. Она тогда совсем сбесилась.

— Не тебе осуждать ее, — сказал Рой, все еще не веря себе и ничему не веря.

— Да я ее не осуждаю, — сказал Энди и потянулся, расправляя свои ручищи и растягивая грудь, как мехи. — Но чего ей беситься? Радоваться должна, что я от нее ушел вовремя. Верно, Джинни?

— Перестань махать руками, — сказала ему Джинни, — а то опрокинешь на себя муку, и прекрати эти разговоры.

— А ты все сердисься на меня, Рой? — спросил Энди, беспокойно топчась у плиты.

Рой больше не сердился, он, наконец, понял и принял как должное, что Энди ни капельки не волнуется создавшееся положение. Ну ни капельки! Энди, несомненно, все знал, но его это словно и не касалось. Его беглая шутка была вызвана тем, что их отношения его позабавили, но за этим не было ни одобрения, ни осуждения, а тем более приговора. Энди рассматривал это точно так же, как Рой рассматривал естественный процесс лесной жизни. Это поразило Роя, — сначала появилось чувство облегчения,

а потом и тревога. Ему понятна была аморальность в природе, но в применении к самому себе она была ему неприятна. В этом было что-то равнодушное, и, глядя на цветущие глаза друга, он видел в них нечто холодное и бесчеловечное. И верно: «Этот парень — прирощенный бродяга!» Немудрено, что нет в нем ни гнева, ни осуждения, Энди Эндрюсу решительно на все наплевать.

— Нет, я на тебя не сержусь, — сказал Рой, смущенный, но несколько успокоенный. — А что ты подделывал все эти годы?

— Из одной заварухи в другую, — сказал Энди, — все больше в армии.

— Не пойму, чего тебе далась армия, — сказал Рой.

— Да, сначала трудно было, но потом началась война. Вот это была война, Рой! — Видимо, даже мысль об этом была ему приятна, даже глаза на минуту загорелись, и он предался воспоминаниям.

— Ты все еще в армии?

— Нет. Вот уже несколько месяцев как ушел.

— Совсем? — Рою не терпелось кончить.

— Да, как будто, если только опять не проголодаюсь. — Энди намекал на свою тучность, он похлопал себя по животу и захохотал. — Слышал я, ты был в заповеднике с Сохатым? — сказал он.

Джинни взглянула на него. — Осторожней, — сказала она, — могут услышать.

— А как поживают эти бродяги, Сохатый с Зелом? — спросил Энди, пропустив мимо ушей предостережение Джинни, но приглядываясь к ней, когда она, подойдя к плите, поставила на огонь кофейник.

Рой тоже следил за Джинни. Ему хотелось встать и самому заварить кофе, но он принудил себя сидеть на месте.

— Ничего, живут. Они ушли на север, спасаясь от патрулей.

— А ты почему вернулся? — спросил Энди.

Рой пожал плечами.

— Да вот рискнул, — неопределенно сказал он.

— Тебя здесь ничего не привязывает, Рой? — снова заревел Энди.

Рой не ответил.

— Ты уверен, что тебя здесь ничего не привязывает?

— Да что меня может привязывать? — нетерпеливо огрызнулся Рой.

Энди был в восторге.

— Не знаю, Рой. Только ты выглядишь семьянином; знаешь, озабоченный такой, весь сторбленный, совсем как этот кроха Зел. Так не годится...

Рою это не нравилось, и он все меньше был расположен отвечать на это грубое подшучивание. Энди был тот же, но Рой знал, что сам он уже больше не прежний Рой; и это его еще сильнее приводило в смятение. Он уже утерял первоначальный план и цель этой встречи — стихийный напор гиганта Энди смел все в одну невообразимую кучу. Может, поэтому-то Джинни и решила не вмешиваться. А в Энди не за что было зацепиться, Рой просто не знал, как к нему подойти.

— Рой, — разглагольствовал между тем Энди, — тебе бы надо встряхнуться, смотать удочки и податься в Штаты. Ты тут совсем мохом оброс. Сидишь так, словно и подниматься с места не собираешься. Полно, Рой, пойдем и отряхнем с наших ног прах места сего. А ну, Рой!

Услышав этот горячий призыв, Джинни перестала собирать на стол и взглянула на обоих мужчин; но они в эту минуту не помнили о Джинни. Сохранилось еще бывшее очарование в этих дружеских словах, и все же Рой не вполне понимал намерение Энди.

— Не садись у домашнего очага, Рой, обожжешься, — настойчиво твердил Энди.

Только теперь Рой понял: ведь Энди пытается спасти его, спасти его от Джинни. Семейная жизнь, дом, заботы, словом, все то, что воплощено было в Джинни, от всего этого Энди указывал Рою путь спасения. Это было проявление такого дружелюбия Энди по отношению к Рою и такого равнодушия по отношению к Джинни, что Рой расхохотался, глядя на Энди, как он хохотал бы, слушая бред полоумного Джекки Пратта.

— Ты и на самом деле бродяга! — не выдержал Рой. — Тебе только бы слоняться по свету, только бы лезть на рожон.

— Ну и что ж? Так и есть, Рой! Значит, пойдем?

Рой покачал головой и снова захохотал.

— Нет, спасибо!

— А ну тебя, Рой. Присохнут у тебя штаны к этому креслу. Пойдем отсюда. Пойдем в бар и выпьем. — Энди был

уже в дверях. Рой встал. Джинни поставила коптилку на камин и, не опуская руки, смотрела вполоборота: не на Энди, на Роя. — Идем, Рой! — звал Энди.

Рой колебался. — Нет, я уж останусь, — сказал он.

— Полно. Идем! Я здесь недолго пробуду. Идем, Рой. Хоть разок как следует напьемся!

— У меня и так голова трещит, — сказал Рой, — может быть, завтра.

— Завтра меня уже тут, может, не будет.

— Так ты действительно в Штаты?

— Ну да, и теперь уж совсем. Чего мне возвращаться в эти дохлые городишки, здесь для меня не место, Рой!

Он явно предвкушал наслаждение бегства и не оставлял за собой ровно ничего. Энди ничего не давал, ничего и не требовал. Он просто уходил — и уходил так, словно и не возвращался, словно и раньше никогда не уходил и никогда здесь не жил. Он еще раз спросил Роя:

— Так как, идем?

— Сейчас нет, — сказал Рой.

Все было понятно, и Эндрюс сказал: — Дело твое, Рой. Ты человек конченный! — Он помялся, потом захохотал своим безучастным смехом. И вот он уже пошел прочь, бросив напоследок: — Ну что ж! Значит, я опоздал. Пока, друг. Пока, Рой! — и, не оглянувшись, не подумав и минуты о жизнях, которые оставлял у себя за плечами, как буйвол ринулся прямо через грязь и в ту же минуту пропал в сгустившемся мраке. Рой прислушался к его тяжелым шагам, но и звук их растворился так же, как растворилась во мраке тучная фигура Энди. Он ушел — и все было кончено.

А Рой, все еще в недоумении, долго стоял, прислонившись к косяку.

— Идите, Рой, — позвала его Джинни. — Ужин на столе.

Когда Рой вошел в кухню, вся неловкость его прихода снова охватила его. Он было сел за обеденный стол, но вспомнил, какой он грязный и растрепанный. Он пошел умылся под раковиной, вытер лицо кухонным полотенцем и поскорее опять сел за стол, где ждала его Джинни. Тут только Рой заметил отсутствие ее сына.

— А где Джек? — спросил он.

— Я отослала его в Торонто к своему отцу, — сказала Джинни. — Я не хотела держать его здесь при Энди.

— А он виделся с Энди?

Она отрицательно мотнула головой. Ей, казалось, было неприятно даже говорить об Энди, но она уселась в кресло, положила локти на стол и стала пристально глядеть на Роя, заставляя его понять, что теперь они одни.

Ужин был забыт.

— Энди ровно ничего не интересует, Рой, — сказала она. — Я ему сначала пыталась объяснить, но он не слушает. Я и перестала.

Рой кивнул. Он в конце концов понял Джинни, еще когда Энди был тут. Ее заставляло молчать не то, что она принимала Энди, а то, что для нее он был пустым местом.

— Энди все время приходил сюда? — спросил он, чтобы навсегда покончить с этим.

— Я видела его всего два-три раза, и он приходил сюда только спрашивать о тебе. В первый раз я пыталась ему объяснить, но он не слушал, тогда я сказала ему, что не хочу его больше видеть. Я его прогнала. Я знала, что он еще в городе, но не видела его до прошлой недели. — Он слышал гнев в ее бесстрастном голосе, и это придавало ему силы.

— О чем же он говорил? — спросил Рой.

— Ни о чем. Ровно ни о чем, — сказала она. Теперь она была спокойна, заботлива, мягко оберегая Роя от угрызений совести, потому что теперь начиналась у них борьба с собой. — Я сказала ему, что не хочу его видеть. Вот и все. Вот и все, что было, Рой, но ему хоть бы что. Его ничего не интересовало, он даже меня не слушал.

Рой все еще не был уверен. Он не решался радоваться тому, что Джин Эндрюс объявила ему свой выбор. Она достаточно ясно сказала ему, что защищала интересы обоих, и утверждала их право жить так, как они жили, но было во всем этом и другое.

— Не думаю, чтобы он еще раз вернулся, — сказала она.

Тут Рой понял, что положение их хуже, чем было раньше.

Пока они считали, что Энди пропал, возможно, погиб и никогда не вернется, была в их отношениях определенность и ясность. Теперь, когда он все же вернулся и снова уйдет, положение становилось запутанней прежнего. Они всегда будут знать, что Энди есть, все равно — далеко ли, близко ли. Теперь он был реальностью, а не образом прошлого. Равнодушный разрыв Энди с этим прошлым

ровно ничего для них не менял; Энди изловил их словно в капкан, и Рой не видел никакого выхода, особенно теперь, когда участка у него не было, Сэм ушел и на север идти было не для чего: ничего надежного не оставалось для него в Сент-Элене. Даже Джинни.

— Еда стынет,— сказала она, догадываясь, о чем он думает, и стараясь отвлечь его и внушить ему терпение. Позднее пусть сам во всем этом разберется.

— А где меха? — спросила она.

— Я оставил их у Джека.— Рой попытался есть, но кусок становился ему поперек горла, и он стал приглядываться к Джин так, как никогда не глядел на нее раньше. Он глядел без обычного смущения, словно имел наконец на это право.

— А все-таки лучше бы он не возвращался,— сказал Рой.

Это было самое большее, что он мог сказать, чем мог измерить их беду.

— Я знаю,— сказала она.— Но на этот раз он не вернется.

Он знал, что она предлагает ему надежную дружбу, огражденную от чьих-либо посягательств. Это он получил, и он знал это лучше, чем когда-нибудь. И все же это ничего не решало. Истинное сокровище, скрытое в том, что ему предлагалось, ускользало у него из рук. Потом снова поднялся его гнев на Сэма, снова вспыхнул его бунт против судьбы; потеря Сент-Элена и леса воплотилась в одной этой женщине, в одном этом доме, который теперь принадлежал банку.

— Как же это они вас здесь оставили? — спросил он.

Джинни как будто удивилась вопросу, но потом медленная улыбка показала, что она поняла. Она встала, обошла вокруг стола и села возле Роя с подчеркнутой решимостью. Потом взглянула на него, словно недоумевая.

— Я думала, что Джек рассказал...

— Что рассказал?

Она опять помолчала.

— Надеюсь, на этот раз была хорошая охота, Рой?

Рой знал цену этим ее спокойным словам: он видел город Торонто, слышал звонок трамвайного вагона, который водил ее отец, видел всех этих городских женщин, которые спешили к своим пишущим машинкам или к прилавкам, чтобы обслуживать народ.

— А что? Почему это важно?

— Вот почему. Я израсходовала те шестьсот долларов. Я купила этот дом и приусадебный участок в четырех акра. На аукционе. Он шел отдельно, вот я и купила его, Рой.

Рой шлепнул себя по толстым коленям.— Вы купили старый дом?! — сказал он.

— Купила.

Он готов был насмеяться над судьбой, хохотать. Он вдруг все понял. Ему возвращали всю его жизнь, а Энди словно и не было. Вот она цельность, которую все время отнимали у него. Джин втянула его обратно в жизнь, она дала ему единственно возможный ответ — и именно здесь, в Сент-Элене. Но мир снова угрожающе надвигался на него.

— Четыре акра грязи! — сказал он.— Вы что же, хотите сделать из меня фермера? — Он готов был снова растоптать все это.

— Нет, Рой, нет,— сказала она.— Не говорите, что я хочу сделать из вас фермера. Просто я купила дом, вот и все.

— Правильно, Джинни,— быстро сказал он.

— Я вовсе не хочу сделать из вас фермера,— повторила она.

— А знаете, у меня нет больше охотничьего участка,— сказал он.

— Я знаю. Я видела в городе Скотти и других.

— Может быть, мне и следует стать фермером,— беззаботно сказал он.

— Вы кончили бы, как и ваш брат Сэм.

Теперь он прекрасно знал все, все, что ниспослали ему боги, но ему хотелось подразнить ее.

— А что, если я уйду на север? — сказал он.— Вы тогда, конечно, ускачете в свой Торонто?

— Вы можете уходить куда угодно,— спокойно ответила она.— Я выкупила эту ферму. Я и буду держать ее. А вы идите куда угодно!

— И вы думаете справиться с фермой? — старался он ее запугать.— Вы думаете, что в одиночку справитесь с четырьмя акрами?

— И с этим справлюсь,— сказала она.

— Да,— сказал он успокоенно.— Пожалуй, справитесь!

— А вы как? — спросила она со своим городским лаконизмом.

— Что ж, я... — медленно начал он.

Она ждала.

Потом он внезапно пошел к двери.

— Я скоро вернусь, Джинни, — сказал он.

— Куда ты? — крикнула она ему вслед.

— Пойду потолкую с инспектором, — отозвался он и в то же мгновение исчез за дверью.

Она следила, как он спускался с крылечка, а индейский песик за ним. Она слышала, как он кликал собаку, видела, как он, высоко поднимая короткие ноги, с плеском зашагал по грязи, словно это была охотничья тропа, и слышала, как он захохотал своим прежним смехом.

ПОСЛЕДНИЙ
ВЗГЛЯД



роман

ONE
LAST
GLIMPSE



1977

Перевод
Н. Треновой и Е. Суриц

Это рассказ об одной знаменитой дружбе и о том, что с ней в конце концов случилось.

Я считаю, что моя версия того, что происходило между двумя людьми, о которых я пишу, так же правомерна, как десятки других, хотя она чистейший вымысел, а не подтасовка фактов.

И так как это мой вымысел, я старался не быть жестоким ни к мертвым, ни к живым и не копаться в душах моих героев больше, чем это было необходимо для меня.

Однако должен просить снисхождения у множества людей, которые близко знали этих писателей, но, возможно, не видели драматизма их дружбы так, как вижу его я.

Дж. О.

Глава первая

В 1929 году ярким сентябрьским днем я, девятнадцатилетний юноша, попал в Париж прямо с пыльных мостовых и грунтовых дорог моей родины, пасторального захолустного городка Сент-Элен в австралийском штате Виктория. Говорю об этом с самого начала, потому что мое происхождение сыграло известную роль во всем, что произошло со мной в ту осень во Франции, когда я неожиданно стал участником некой одиссеи, серьезно повлиявшей на жизнь Скотта Фицджеральда и Эрнеста Хемингуэя.

Она повлияла и на мою жизнь тоже, хотя если я фигурирую в этой истории, то лишь потому, что мне, недоучившемуся простачку из захолустья, язычнику и романтику в душе, приверженному к античной классике, просто повезло оказаться человеком к месту и ко времени и стать свидетелем многих событий. Под конец я только чудом избежал смерти, но даже это было не столь важным, как драма, происходившая на моих глазах, и начинаю я с рассказа о себе только по той причине, что не вижу иной возможности объяснить, как я стал участником этой истории.

Должно быть, уже названный мною безвестный город Сент-Элен, затерявшийся где-то в австралийской глуши, вызывает представление о грубоватом невежде. На самом деле я получил довольно странное образование, которое, впрочем, теперь не променял бы ни на какое другое, потому что мой отец-англичанин с детства привил мне любовь к классической литературе, хотя до пятнадцати лет я жил полной приключений том-сойеровской жизнью на медлительной реке Муррей с ее пароходами, разливами, отличной рыбной ловлей, охотой и разнообразными речными приключениями, на всю жизнь оставившими во мне смутную и непонятную тоску.

В шестнадцать лет я окончил местную школу и отчасти благодаря знанию классики, которому я обязан своему отцу, я легко получил стипендию в Мельбурнском университете. Но тут стало действовать первое из противоречий, с которыми мне потом пришлось сталкиваться всю свою жизнь. Я понял, что ученого из меня не выйдет, и вместо того чтобы поступить в университет, я однажды утром зашел в редакцию мельбурнской газеты «Сан» и тут же получил место корректора.

Когда об этом узнали мои пришедшие в отчаяние родители, прием в университет был уже закончен, а меня тем временем перевели в вечерний отдел иллюстраций — иначе говоря, мне поручили делать подписи под фото-снимками, поступившими в редакцию так поздно, что тем, кто сочинял подписи, было уже не до них. Они уходили домой в половине одиннадцатого ночи, а я корпел до половины первого.

Вот так я перешел Рубикон и, учитывая мой возраст, еще долго дожидался бы какой-нибудь другой вакансии в редакции, если бы не приехал брат моей матери, мой дядюшка-англичанин, разбогатевший в Соединенных Штатах. Он простер ко мне веснушчатые руки и предложил пожить за его счет годик в Европе, о чем я давно мечтал и даже составлял маршруты путешествий.

— При одном только условии, — сказал дядя Джонни, и его маленькие бледно-голубые глаза смотрели на меня из-под рыжих кустистых бровей сторожким кошачьим взглядом. Он был неисправимым романтиком, но по какой-то странной причине всегда казался мне мормоном из Солт-Лейк-сити. — Пока ты живешь на мои деньги, — сказал он, — ты не будешь ни пить, ни курить и к борделям даже близко не подойдешь. Как ты будешь жить

потом — твое дело. Но я не желаю оплачивать распущенность, да еще в твоём возрасте. Понял?

— Ладно, — сказал я дядюшке Джону, — я согласен.

— А, нет, — сказал он. — Ты не соглашаешься. Ты обещаешь. Верней, даже клянешься.

Я неохотно пообещал и поклялся. Эти запрещения того, о чем я даже не помышлял, мне не нравились, тем более что, судя по всему, дядя Джонни в свое время вдоволь насладился запретными плодами.

И вот в одно воскресное утро я отплыл из Мельбурна в шестиместной каюте старого пассажирского парохода и прибыл в Лондон ровно месяц спустя после того, как мне исполнилось девятнадцать лет. Я уже знал, что я буду делать в Лондоне. У меня было несколько писем от друзей-журналистов из мельбурнской «Сан» к их друзьям-австралийцам, работавшим на Флит-стрит. Я ходил из одной редакции в другую и вручал письма довольно пожилым людям — всем им было уже под тридцать.

И все они, глядя на мое загорелое лицо и спартанскую атлетическую фигуру, начинали смеяться.

— Ты был таким зелененьким, таким восторженным, таким застенчивым, страшно неуверенным и вместе с тем ершистым и с такой дьявольской решимостью любым путем добиться своего, что во мне шевельнулось гнусенькое желаньице раздражить тебя до чертиков, а потом дать под зад коленкой.

Так Джек Хээлдин, знаменитый Джон Дервент Хээлдин, рассказал мне о своем первом впечатлении много лет спустя. И тем не менее Джек внушил заведующему отделом иллюстраций лондонской газеты «Дейли скетч», что я буду отличной заменой другому австралийцу, Чарльзу Митчинсону, который уезжал на родину. Но Чарли Митчинсон уезжает только через два месяца, так что мне придется подождать.

— Ты сможешь столько ждать? — спросил Джек.

— Думаю, что да.

— Денег у тебя хватит?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? — Я насто-
рожился — кажется, он хочет что-то выведать.

— Значит, ты не беден?

— Денег у меня столько, сколько мне нужно, — отрезал я.

— Ну и ладно. Не лезь в бутылку, — сказал Джек и, потирая свой длинный нос, глядел на меня так, будто что-то прикидывал в уме. — Вот что я тебе скажу, — про-

должал он.— Если у тебя и впрямь есть деньжата, давай-ка махни в Париж недельки на две, пока ты не впрягся в газетную лямку. Может, другого случая у тебя долго не будет.

Мы сидели в клетушке у Джека, в редакции газеты «Дейли экспресс». Джек, огромный мужчина со склонностью к ожирению, на работе ходил без пиджака и прикидывался эдаким неотшлифованным алмазом. На самом же деле он был стипендиатом Родса в Оксфорде, свободно владел французским и немецким языками, итальянским и греческим, без его присутствия не обходились ни бесконечные международные конференции, ни пограничные стычки, революции и события на Балканах, летать туда и обратно было для него столь же привычно, как для загородного жителя ездить в город на работу. В сущности, он был лучшим международным корреспондентом того времени и с годами становился все лучше, пока в начале войны его не схватили в Берлине. В 1944 году он умер от диабета в дрезденском лагере для интернированных.

— Ты хоть немножко понимаешь французский или немецкий? — спросил он.

Я ответил, что говорю и на том и на другом языке.

Джек, явно сдержавшись, сказал:

— Ну, ладно, пятидесяти слов вполне хватит, чтобы освоиться в Париже, если только ты не приглянешься какой-нибудь прельстительной французенке.

Меня возмутил его намек, и я не пытался это скрыть.

— Ладно, ладно, — сказал Джек; он уже понял, до какой степени я нуждаюсь в помощи. Но какого рода должна быть эта помощь? И вдруг он хлопнул себя по мощным коленям.

— Придумал, черт возьми! — воскликнул он. — Я знаю человека, которому ты как раз придешься по душе. А ты попробуешь раскусить этот орешек. Ты когда-нибудь слышал про Эрнеста Хемингуэя?

— Конечно, — ответил я.

— И что ж ты слышал? — спросил Джек.

— Он живет во Франции. — Я сроду не слышал про Эрнеста Хемингуэя. — Он знаменитый журналист, да?

Джек пощадил меня и на этот раз.

— Эрнест был когда-то журналистом, — сказал он. — Он и сейчас, кажется, пишет иногда для газет, хотя убей меня бог, если я знаю, откуда тебе это известно. В по-

следнее время он стал великой надеждой американской литературы.

Джек рассказал мне, что познакомился с Хемингуэем в 1923 году, во время греко-турецкой войны. Потом они вместе работали на конференциях по разоружению в Лозанне и Женеве, а после в Париже. В то время Хемингуэй был парижским корреспондентом выходившей в Торонто газеты «Стар».

— Пошли в «Петуха и корону», я тебя угощу пивом,— сказал Джек, поднимая свое грузное тело со стула из металлических трубок, и мне показалось, что, как только Джек встал, стульчик сразу распрямился.

— Я не пью,— сказал я.

— Хорошо, я не стану толкать тебя на гибельный путь. Я угощу тебя лимонадом.

Он нахлобучил на затылок широкополую мягкую шляпу «борсолино», по-европейски накинул на плечи непромокаемый плащ и, величавый как монумент, зашагал впереди меня через отдел новостей и комнату младших редакторов, сейчас полупустую, потому что с утра работали только сотрудники манчестерского издания.

— Я дам тебе письмо,— сказал он.— А на словах можешь передать от меня Эрнесту, что он слишком хороший газетчик, чтобы стать хорошим писателем. И я знаю, что говорю.

Для меня так и осталось неизвестным, что написал обо мне Джек в письме Хемингуэю. Понятия о чести, привитые мне воспитанием, связывали меня по рукам и ногам и не разрешали вскрыть и прочесть письмо. Но когда я разыскал в Париже на улице Монж отель, где жил Хемингуэй, мне пришлось какое-то время побродить по соседним улочкам, а потом посидеть на пыльных руинах древнеримского цирка, чтобы обрести хоть какую-то уверенность в себе и преодолеть робость и сомнения. Но я знал, что надо выдержать все, что мне предстоит, и, стараясь держаться независимо, стараясь как-то охладить лицо, чтобы не заливаться краской, я поднялся по крутой лестнице на третий этаж и позвонил в номер тринадцать.

За дверью кто-то насвистывал «Чай для двоих», и немного погодя, когда я позвонил еще раз, явно американский голос произнес:

— Я открою, Эрнест, только ты ради бога поторопливайся.

Дверь распахнулась настезь в полном смысле этого слова, и на меня уставился очень прямой и стройный человек в отлично сшитых, но подтянутых выше талии твидовых брюках и в шелковой рубашке.

— Мосье? — вопросительно сказал он и по-английски добавил: — Очень юный мосье.

— Я хотел бы видеть мистера Хемингуэя, — сказал я.

— Вот как? — В голосе стройного вылощенного американца сквозило почти ребячье любопытство. — А зачем? — спросил он.

— У меня письмо к нему. — Я протянул конверт.

Американец оглядел меня, как почему-то здесь оглядывали все, и я понял, что сейчас начнутся насмешки.

— Эрнест! — крикнул он. — Тут пришел... Тут какой-то древнегреческий атлет принес тебе письмо. Хочешь, я распечатаю и прочту тебе?

— Если оно пахнет дамскими болгарскими сигаретами, рви его немедленно.

Американец обнюхал конверт.

— Оно пахнет нафталином, — крикнул он.

— Да ну тебя, Скотти. Порви его.

— Нет, ей-богу. Пахнет нафталином.

Это была правда. Перед моим отъездом из Австралии мать, укладывая на дно чемодана спортивную куртку, положила в карманы шарики нафталина. Письмо пропиталось его запахом.

Американец распечатал конверт и пробежал глазами письмо. Потом поглядел на меня своим зорким взглядом и крикнул Хемингуэю:

— Он приехал прямо из Австралии, из Вулломулу.

— Ничего подобного, — возразил я. — Вовсе я не из Вулломулу.

— Это я разыгрываю Хемингуэя, — шепотом сказал американец. Но тут же он сжалился надо мной. — Входите, входите. Эрнест принимает душ по-английски, иначе говоря — ледяной, через минуту он будет бегать по комнате, растираясь полотенцем, как профессиональный боксер.

Он захлопнул входную дверь и, входя в гостиную, сказал через плечо, что он — Эф Скотт Фицджеральд; это имя я тоже слышал впервые.

— Стойте на месте, — сказал он и исчез вместе с письмом. Я стоял и ждал в пыльной, выцветшей гостиной, являвшей собою французскую версию гостиничных апартаментов в американском вкусе (стены ее украша-

ли шесть портретов знаменитых женщин), и мне почудилось, что тут обосновался весь американский континент. И все здесь, включая беспорядок, только подчеркивало неловкость моего положения.

— Чушь собачья! — Это, очевидно, Хемингуэй читал письмо Джека.

— А что, он как будто славное дитя, — услышал я голос Фицджеральда.

— Ладно, пусть он славное дитя. Так чего от меня хочет Хээзелдин? Что я с этим дитятей должен делать?

— Покажи ему свои мускулы.

Остального я уже не слушал. Я заподозрил, что они хотят позабавиться за мой счет, и решил уйти, но тут вошел голый Хемингуэй; в одной руке он держал письмо, в другой полотенце, которым растирал себе грудь.

— Здорово, дитя, — сказал он.

Хемингуэй оказался еще крупнее, чем Джек Хээзелдин, который был на голову выше меня. Живот у него был юношеский, вдвое меньше, чем у Джека, но я не знал, куда девать глаза — нагота для меня была чем-то очень интимным, а Хемингуэй держался так, будто на нем был костюм-тройка. Я заметил, что ноги у него в шрамах.

— Что тебе надо от меня, дитя? — спросил он. — Что на сей раз придумал этот чудила Хээзелдин?

— Ничего мне от вас не надо, — сказал я. — Джек просил передать вам письмо, я и передал.

— Ладно, я его получил и больше ничем не могу быть тебе полезен, — сказал Хемингуэй. — Через полчаса я уезжаю из Парижа, если только Эф Скотту Фицджеральду удастся закрыть свой уникальный чемодан.

— Я пришел передать вам письмо, — повторил я. — Вот и все.

— Так ты что, решил отдать его и смыться?

Я не нашелся что ответить; в такое положение Хемингуэй потом ставил меня не раз.

— Пойду надену брюки, — сказал Хемингуэй и ушел, а я стоял посреди комнаты и думал, как бы поскорее удрать отсюда, пока меня не попросили уйти, или не перестали обращать на меня внимание, или не подвергли еще какому-нибудь унижению.

Но Скотт заставил меня остаться. Он притащил отличный кожаный чемодан и бросил его на диван.

— Прижми, пожалуйста, крышку, — сказал он. — Эта дурацкая штукавина называется «самый вместительный

английский чемодан», но он ни черта не вмещает, а когда надо закрыть крышку, то неизвестно, кто из нас кого ододеет.

Пока я помогал ему справиться с чемоданом, он сообщил мне, что они с Хемингуэем едут на машине в Бретань, в городок Фужер.

— У нас спор о Бальзаке и Гюго,— сказал он,— и мы хотим его решить. Мы поедем в Вандею, чтобы сравнить «Девяносто третий год» Гюго с «Шуанами» Бальзака, хотя я и без того знаю, и Хемингуэй тоже знает, и вообще все уже знают, что Бальзак лучше. Но Эрнест говорит — плевать он на это хотел. Он говорит — у Гюго все встает со страниц и вгрызается тебе в потроха. Понятно?

Мне было совершенно непонятно. Я читал «Девяносто третий год», а «Шуанов» не читал. Но Фицджеральд незаметно заставил меня убрать колючки и спрятать клики, и когда он стал спрашивать обо мне, я отвечал более или менее честно, хотя и подозревал, что его интерес ко мне вызван какой-то таинственной, одному ему известной причиной. Наконец он вдруг ни с того ни с сего спросил, умею ли я водить машину.

— Смотри какую,— осторожно сказал я.

— То есть как это? Либо ты умеешь водить машину, либо нет.

— Я могу водить «фиат»,— сказал я. Единственный раз в жизни я попробовал вести «фиат» — попытка была чрезвычайно опасной и едва не привела к роковому исходу.

— Так это же прекрасно! Это перст судьбы,— сказал Фицджеральд.— Кит, старина, ты едешь с нами.

— Куда?

— В Фужер! — Скотт хлопнул меня по спине.— Конечно, ты едешь. Поездка — чудо. В смысле образования — ужас до чего полезно. Ну, что ты об этом думаешь?

Сейчас я не могу припомнить, что я тогда думал. Я был так ошеломлен, что смог только подозрительно спросить:

— А зачем я вам нужен?

— Зачем? Да затем, что нам просто необходима такая крепкая опора, как ты,— сказал Скотт, имитируя чисто английские интонации.

— А разве вы не умеете водить машину? — спросил я.

— Да, конечно, умею. Не в этом дело. Нам необходимо такое ясноглазое, такое кристальное, надежное и

честное существо, как ты в своей замечательной куртке, — на случай, если мы с Эрнестом напьемся одновременно. Потому что я не хочу, чтобы меня угробил Эрнест, а Эрнест не хочет, чтобы его угробил я. А что, по-твоему, будет, если один из нас сядет за руль и спишет какого-нибудь зазевавшегося, безмозглого, упившегося французишку? — Он поедится, — Страшно подумать! Скажут, что мы были пьяны вдрызг, и сдерут с нас последние рубашки.

В то время Хемингуэй и Фицджеральду еще не исполнилось и тридцати, и с рубашками у них дело обстояло весьма благополучно. Фицджеральд уже напечатал «Великого Гэтси» и работал над романом «Ночь нежна», а Хемингуэй принесла известность книга «Прощай, оружие!». Я встретился с ними в самую лучшую, самую благополучную пору их жизни, им было что терять, хотя тогда я этого не знал.

Скотт пошел со мной вниз по лестнице и тихо, но юношески живо и проникновенно заговорил так, как говорят, когда чувствуют потребность поделиться с тобой, и только с одним тобой.

— Я скажу тебе, в чем тут дело, Кит, — сказал он доверительно. — Я тебе честно скажу, почему мы с Эрнестом затеяли эту поездку.

На площадке первого этажа была небольшая ниша, где стоял небольшой диванчик. Скотт сел и потянул меня за рукав; я тоже опустился на мягкое сиденье.

— Дело в том, что в жизни у меня и у Эрнеста сейчас назревает опасный перелом, — очень серьезно произнес Скотт, но тут же засмеялся, а когда Скотт смеялся, он смеялся как бы про себя, словно подметив что-то смешное, чего не усмотрели другие.

— О господи, это совсем в стиле Аниты Луус, — сказал он.

Я не стал спрашивать, кто такая Анита Луус.

— Я, конечно, шучу, — быстро сказал он. — Нет, я вот что хочу тебе сказать. — Он опять стал серьезным, сосредоточенным и нахмурил брови. — Уже всем известно, что мы с Хемингуэем постепенно превращаемся в нечто, ни на меня, ни на него не похожее. И это скверно, Кит, потому что ни он, ни я остановить это не можем. Впрочем, тебе этого не понять — спорю на пять центов, что ты даже не слыхал ни об Эрнесте, ни обо мне, верно?

— Да, — с немалым смущением, но честно признался я.

— Да ты не конфузься, старик,— сказал Скотт.— Это совершенно естественно. В сущности, это очень здорово, что ты о нас ничего не знаешь. Во всяком случае, ты не можешь знать, что с нами происходит, потому что все это, черт возьми, почти незримо. Но мало-помалу, частица за частицей, и клетка за клеткой, и слово за словом Эрнест медленно превращается в толстокожего профессионального убийцу, а меня считают молодым, но трагически безнадежным алкоголиком, хотя, ей-богу, это неправда. Вот что с нами происходит. Теперь ты понял, в чем дело.

— Пожалуй, не совсем,— сказал я.

Скотт мгновенно превратился в школьного учителя, бьющегося над тупицей учеником. Он любил эту роль и играл ее мастерски.

— Постой-ка... Сколько тебе годиков, Кит?

— Девятнадцать и два месяца.

— Да что ты говоришь?! Нет, ты серьезно? Тогда я, очевидно, должен все тебе объяснить, это будет нечто вроде краткого урока монгольского или санскритского языка, иначе ты никогда ничего не поймешь. В девятнадцать лет и два месяца ты еще просто не способен понять, о чем я говорю. Погоди-ка. Значит, вот что я тебе скажу. Если к тебе приходит успех, если ты его действительно заслужил, как Эрнест и я, то с одной собственной индивидуальностью жизнь у тебя будет желтенькая. Ты должен заслониться спасительными копиями самого себя, сделать их наспех из того, что найдется под рукой — алкоголь, биржевые спекуляции, свары, вульгарность, истребление птиц, женщины, ложь. Все что угодно, лишь бы спрятать то единственное, что есть только у тебя и больше ни у кого. Во всяком случае, ты должен считать, что это так. Имей в виду, Кит, если ты позволишь лапаты свое «я», ты его погубишь. Ты должен всегда держать в тайне свои внутренние возможности и прятать их от подлых глаз и наглых пальцев.— Скотт встал с диванчика и повел меня вниз по крутым ступенькам.— Беда только в том,— продолжал он,— что наша защитная маскировка берет над нами верх. Эрнест действительно похож на профессионального боксера, он и разговаривает, как боксер, а я становлюсь похожим на пьянчугу. Ты посмотри на мои глаза! И хотя Эрнест гораздо хуже меня, дело кончится для нас обоих чем-то дьявольски скверным, если мы не прекратим все это.

Мы сошли в небольшой вестибюль, и Скотт вдруг остановился в нерешительности, будто ему не хотелось выходить на эту залитую солнцем парижскую улочку. Он повел носом, принюхиваясь к воздуху. По правде говоря, мне думается, что Скотту всегда нужно было внутренне собраться перед тем, как выйти на любую улицу при дневном свете, особенно на парижскую.

— Знаешь, что сейчас делают в рыбной лавке через два дома отсюда? — спросил он меня, стоя в подъезде.

— Нет, не знаю.

— Там моют парафином кафельный пол, попробуй-ка нюхнуть этой французской смеси бензина, и мидий, и устриц, и селедки; Эрнест говорит, что этот запах напоминает ему поле боя, где разлагаются трупы. Ну, во всяком случае, теперь тебе понятно, почему мы затеяли эту поездку, — сказал он.

Я на секунду задумался, потому что боялся сказать что-нибудь не то. По правде говоря, я был уверен, что скажу какую-нибудь глупость и попаду впросак, но я на совесть постарался уразуметь, в чем тут дело, и мне удалось сообразить, что тут чего-то не хватает.

— Я не совсем понимаю, какая тут связь, — сказал я.

— Так найди же ее, черт побери! — раздраженно воскликнул Скотт. — Ты вроде Эрнеста. У тебя уже журналистский склад ума. Ты хочешь, чтобы все тебе разжевали и в рот положили?

— Ну допустим, а что? — вызывающе спросил я.

— Ну ладно, ладно, — мирно сказал Скотт; он легко раздражался, но быстро прощал. — Но это же так очевидно. Если нам обоим грозит опасность стать обманщиками — значит, ясно, что нам пора поискать чего-нибудь получше. Это ты хоть понимаешь?

— Да, но почему вы мне раньше не объяснили?

Скотт засмеялся.

— Ну ты молодчина, Кит. У тебя буквоедский склад ума, — сказал он. — Только ты не очень-то ему поддавайся. Ясно как божий день, что эта поездка даст тебе превосходнейший жизненный опыт. Пройдут годы, а ты все будешь вспоминать о ней и поражаться, как тебе повезло. Уж поверь мне, ты всю свою жизнь будешь считать, что вот тогда-то в тебе и зародился интеллект. Я мог бы назвать полсотни человек, которые дали бы отсечь себе левую руку, лишь бы оказаться на твоём месте.

В то время у меня еще не было оснований верить ему, хотя к концу нашего путешествия я, конечно, убедился, что он был прав.

А сейчас мы ринулись на улицу, которую Скотт превратил в воображаемый рубеж.

— О черт! — сказал он, когда в глаза нам ударил дневной свет.

По-моему, Скотту было ненавистно все, что находилось на этой улочке. Вероятно, ни он, ни я еще не приспособились к невидимой панораме французской культуры, которая всегда простирается перед вами на любой парижской улице. Скотт указал на противоположную сторону улицы Монж, где на черной мостовой у тротуара стоял маленький тупорылый «фиат».

— Ты умеешь водить вот это?

— А какое там переключение скоростей? — спросил я.

— Почему я знаю? — сказал он, сходя на мостовую. — Я только вчера одолжил его у племянницы Джеральда Мерфи.

— Я давно не садился за руль, — сказал я; больше всего мне сейчас хотелось отделаться от него и от всей этой затеи. — Вряд ли я смогу вести машину.

Но не так-то легко было отделаться от Скотта.

— Водить хуже нас ты просто не сможешь, — сказал он. — Эрнест еле ползет по городу, как шофер-итальянец на машине «скорой помощи», а я езжу, как трамвай, прямо посреди улицы, и все, что возникает на моем пути, бросается в обе стороны.

— Право же, я вряд ли могу вам пригодиться, — настаивал я.

Скотт опустил мне на плечо свою твердую, властную руку, и когда его ладонь пришлепнула ватную подбивку на моем плече, в воздухе снова повеяло нафталином.

— Ты непременно должен почаще произносить такие слова, как «право же», или «ужасно», или «чудовищно». Только англичане употребляют их правильно, а ведь это же отличные слова.

Я передернул плечом.

— И не смей пожимать плечами, — неожиданно строго, тоном школьного учителя сказал Скотт. — Пожимать плечами — это значит признаться в своем провале, а ты еще ни разу не успел провалиться. По правде говоря... — Скотт остановился посреди мостовой. — По правде говоря, я только сейчас сообразил, почему нам нужен именно ты, Кит. Ты сейчас точно такое существо, какими когда-

то были мы. И ты будешь служить нам постоянным напоминанием о том, какими мы были на заре жизни, когда наши ранимые души то и дело истекали кровью. Я взываю к твоей юности и к твоей чистоте, Кит. То есть, конечно, если ты не возражаешь.

При чем тут моя юность и моя чистота? И что я мог возразить на этот дурацкий довод?

Впрочем, Скотт уже не обращал на меня внимания. Он взял с переднего сиденья маленькую шляпку вроде колпачка, должно быть, забытую племянницей Джеральда Мерфи.

— Нет. Дело серьезное, Кит. Это будет большое испытание для Эрнеста и для меня.— Скотт крутил на пальце шляпку.— Если дружба Хемингуэя и Фицджеральда сможет выдержать обиды, которые, по всей вероятности, мы будем наносить друг другу во время поездки, так она, черт ее возьми, будет длиться вечно. Лично я глубоко в это верю. Глубоко! Но тут есть одна заковыка. Понимаешь, это все-таки просто авантюра, и, быть может, мы, как Сизиф, вкатим на гору камень, только и всего. Быть может, Эрнест плюнет на все это еще до того, как мы начнем, или на полпути к Фужеру.

— И что тогда будет? — спросил я.

Скотт небрежно прислонился к «фиату», словно убедившись, что он заинтересовал, даже заворожил меня, к чему он, собственно, и стремился.

— А мы просто стинем к чертям собачьим,— сказал он.— Мы превратимся в полулюдей-полузверей и, стало быть, окончательно утопим наши угасающие таланты в отвратительном месиве из боя быков и алкоголя. Так что видишь, Кит, все, что произойдет в этой поездке, повлияет на нашу остальную жизнь.

Я, в душе язычник, воспитывался на Гомере и Катулле (Вергилия я терпеть не мог), и хотя был зеленым юнцом и ничего, кроме своей глухоты, еще не видел, я искренне верил во все героические дерзания, которые заставляют нас жить или умирать, и потому я понимал, о чем говорит Скотт.

Но впервые в жизни я столкнулся с людьми, которые добровольно подвергали себя такому испытанию.

— Ну так как? — спросил он.— Ты едешь или нет?

Скотт решительно мне нравился. Я уже восхищался им и, несмотря на свою осторожность, доверял ему. И хотя я понимал, что связываюсь с двумя очень свое-

нравными и деспотичными людьми, я знал, что должен принять приглашение Скотта.

— Еду, — сказал я.

— Я так и думал, — сказал Скотт. — Я догадался по тому, как ты то бледнел, то краснел. Только ты берегись, Кит, — у нас с Эрнестом есть склонность всаживать людям нож в спину.

Я, разумеется, не поверил ему, хоть и догадался, что он хочет предупредить меня о том, что мне не избежать унижений и мною, вероятно, будут помыкать, как рабом, и все же я знал, что как-нибудь вынесу все это, если буду помалкивать и не позволю своим спутникам проникнуть сквозь мою слишком тонкую кожу.

Глава вторая

Хотя потом в моей жизни происходило кое-что и похуже, мне кажется, что тот первый день был как бы подготовкой к дальнейшему, потому что с самого начала Скотт и Хемингуэй, образно говоря, пытались вцепиться друг другу в горло. В тот же день они затеяли спор, и я получил некоторое представление о том, что ожидает меня и их во время этой поездки.

Мы выехали из Парижа по старой мощеной дороге, идущей вдоль правого берега Сены, потом возле Сен-Клу переехали на левый берег и направились в сторону Севера, Дрё и Алансона. Я сидел на заднем сиденье «фиата», набитом конским волосом и очень жестком. Хемингуэй, натянув берет на уши, вел машину, а элегантный Скотт на каждом углу подсказывал ему, как ехать, пока Хемингуэй не предложил ему либо заткнуться, либо немедленно выйти из машины. На Скотта его слова не произвели ни малейшего впечатления. Он продолжал давать ему указания. Где-то между одиннадцатью, когда я пошел за своими вещами, и той минутой, когда мы двинулись в путь, Скотт успел выпить джинну, отчего стал задиристым, но в конце концов Хемингуэю удалось унять его.

— Ты пьян, Скотти, так что лучше помолчи и не мешай мне крутить баранку.

Скотт обиделся и некоторое время сидел надувшись. Потом лицо его прояснилось и вкрадчивым голосом он сказал:

— А ведь Клемансо был...

Он не успел закончить. Хемингуэй рванул тормоз. Я стукнулся о спинку переднего сиденья, а Скотт, сидевший впереди, слетел на пол.

— Я выхожу,— сказал Хемингуэй.

— Эрнест! Эрнест! — Скотт, извернувшись, приподнялся с пола и сел на свое место.— Что с тобой?

— Ты пьян,— гневно крикнул Хемингуэй.

— Ничего подобного,— негодуяще возразил Скотт.

— Тогда не заводи про Клемансо.

— Но ты же клемансист, черт возьми, ты же им восхищаешься...

— Ты прекратишь или мне тебя высадить?

— Ну ладно, ладно,— сказал Скотт.— Я не буду говорить о твоём слепом обожании Клемансо, если ты перестанешь твердить, что я пьян, когда я вовсе не пьян и ты это знаешь.

— Ох, ради бога, Скотти!

Скотт поднял руку в знак того, что все кончено. И вдруг, к моему изумлению, он повалился на бок, будто по приказу гипнотизера, и через несколько секунд уже крепко спал.

Хемингуэй вздохнул и включил газ.

— Ну как ты, мальчуган, ничего? — спросил он не оборачиваясь.

— Пока да,— ответил я.

— Похоже, что эта поездка принесет тебе мало радости,— угрюмо сказал Хемингуэй.— Хочешь выйти сейчас?

— Да нет, все в порядке,— сказал я.

— Если хочешь выйти на следующей автобусной остановке, со Скотти я это улажу.

— Нет. Все обойдется.

— Ну как тебе угодно,— сказал он, пожав плечами.— Но когда Скотти просто пьян, а не мертвецки пьян, он говорит и делает такое, что тебе захочется выпшибить из него дух.

Я сказал Хемингуэю, что сумею совладать с собой.

— Ладно. Только не пускай в ход кулаки, что бы они ни сделал. Повятно?

— Да, да. Я понял.

Вот в таком духе началась и, очевидно, будет продолжаться наша экспедиция.

Через полчаса Скотт проснулся, и они снова стали ссориться — на этот раз из-за маршрута, из-за того, где мы будем обедать, сколько следует заказать вина, кто был лучшим защитником в команде «Нотр-Дам» до войны и почему американцы всегда возмущаются, если их надувают в Европе, когда надувательство — это неотъемлемая часть европейской культуры и вполне естественное явление в американской политике, а для европейца надувать американцев это все равно что надувать городские власти.

Потом они разругались из-за маршрута, который составил Скотт. Хемингуэй беспокоило первое свидание с «этими Мерфи».

— Мы условились встретиться и позавтракать вместе в старинном ресторанчике «Chateau Gris» в Версале, — сказал Скотт. — И Джеральд постарается подъехать вовремя, так что не беспокойся.

О Джеральде Мерфи мне тогда было известно только то, что его племянница одолжила Скотту «фиат». Теперь-то я знаю, что в то время они служили для Скотта прообразом Дайверов в романе «Ночь нежна», но это уже другая тема. Подлинные Мерфи выехали из Парижа на два дня раньше нас в своей туристской «изотте», прихватив Зельду Фицджеральд, Хедли (жену Хемингуэй) и молоденькую англичанку по имени Бо.

— И ты думаешь, что хоть кто-нибудь из этой компании будет придерживаться расписания, да? — сказал Хемингуэй, когда Скотт протянул ему свой аккуратно напечатанный на машинке график.

— Но это очень логичный план, и очень легко ему следовать.

— Господи боже мой, Скотти. С четырьмя-то женщинами? И с безумными представлениями Зельды о путешествиях?

— Она не безумнее других, — возмущенно сказал Скотт.

Мы уже сидели на маленькой закрытой веранде ресторанчика «Chateau Gris» в Версале, и Хемингуэй прищелкивал большим и указательным пальцами — кажется, так он делал всегда, когда его раздражал Скотт.

— Ну в своем она уме или нет, — сказал он, — но Зельда уговорит их свернуть в сторону, чтобы полюбоваться

Байё. Или завезет в швейцарско-нормандские деревушки посмотреть на чернооких коров в очках.

— Зельда ненавидит коров,— сказал Скотт.

— Она ненавидит порядок и здравый смысл, Скотти. Она не станет сидеть в этой огромной «изотте», крепко сжимая в прелестных ручках твое аккуратненькое расписание.

— Спорим, хочешь? На деньги? — спросил Скотт. — Ну давай, Хемингуэй! Сколько у тебя там на счету в банке?

Хемингуэй взглянул на меня так, словно ему — впервые! — захотелось, чтобы я хоть что-нибудь сказал и положил конец этому разговору.

— Никогда не наживаюсь на трагедиях,— сказал он,— так что брось это.

— Что бросить? Что я должен бросить?

— Да этот дурацкий спор.

Когда Фицджеральду случалось выйти из себя, он, как и я, заливался краской, и сейчас казалось, будто и лицо его раздулось от негодования. Даже его зеленые колючие глаза стали выпуклее, и в них стояли слезы. Алкогольные слезы или трагические — я не мог понять. Но вспышка внезапно угасла, лицо сразу осунулось, и вид у Скотта стал такой несчастный, что я решил рискнуть и вмешаться, чтобы прекратить ссору.

Но Скотт заговорил сам:

— Ты прав, Эрнест, совершенно, абсолютно прав. Во всяком случае я не намерен ссориться с тобой из-за Зельды. Что угодно, только не это.

— Она больна, Скотти. Вот и все, что я сказал.

— Я не желаю больше слышать об этом,— крикнул Фицджеральд.

Хемингуэй с беспокойством оглядел почти пустой ресторан.

— Ладно, ладно,— добродушно сказал он.— Здесь их нет, а я сказал только, что нечего надеяться, что мы увидим их в Лизьё или в этом, как его,— ну, где мы условились встретиться с этим цирком на колесах.

— В Дрё. Мы встретимся с ними в Дрё.

— Ладно. В Дрё. Дай-то боже.

— Они будут там,— сказал Скотт и, вставая из-за стола, командирским тоном добавил: — Заплатишь по счету, Кит.

Это было для меня неожиданностью.

— А сколько? — спросил я.

— О господи, и что вы с Эрнестом подымаете суматоху, когда речь заходит о деньгах! Вот, — сказал он, вынув из пиджачного кармана пухлую пачку мятых французских франков, и бросил ее на стол передо мной. — Расплатись. Сдачу можешь оставить себе.

Я был уязвлен и уже собирался произнести какие-то дурацкие слова вроде: «Мне ваших денег не надо» или: «Я вам не лакей». Но Хемингуэй вовремя спас меня. Он нагнулся над столом и сгреб мятые бумажки.

— Я сам заплачу, — сказал он, — а сдачу возьму себе.

— Ты видишь, — сказал Скотт, — видишь, как Хемингуэй умеет заграбастывать деньги, любые деньги, какие попадутся под руку. Даже мелочь, даже медяки. Ты видел, да?

Скотт ожидал, что один из нас запротестует или согласится, но мы молчали.

— Эрнест становится скаредом потому, что женился на богатой женщине, которая вот уже сколько лет его содержит.

— Скотти, прекрати.

— А ты не оскорбляй Зельду, — ответил Скотт.

— Господи Иисусе, я думал, мы с этим покончили, — простонал Хемингуэй и швырнул деньги на стол. — Мстительный подонок, вот ты кто, — сказал он Скотту и вышел.

Скотт поглядел ему вслед и засмеялся.

— Ты знаешь, Хемингуэй ненавидит свою мать, — сказал он. — Он просто ее не выносит. Вот почему он всегда такой сварливый за столом и уходит злой. Это от нее он унаследовал такие огромные ножищи. Ты заметил, какая у него походка? — Скотт наслаждался, создавая образ своего приятеля, от него разило джином, он смотрел на меня в упор, а я весь обратился в слух. — На войне он был дьявольски храбрым. У него в ногах застряло две тысячи осколков шрапнели. Он был дьявольски храбр. — И, встав из-за стола, он сузил глаза и прошептал мне: — Эрнест весь прострелян на войне. Вот почему с ним так трудно ладить.

Скотту казалось это очень забавным, и он пошел вслед за Хемингуэем, оставив меня расплачиваться по счету, и это уже не казалось мне оскорбительным, потому что я начал понимать их язык и манеру говорить на нем. Но, пожалуй, мало надежды на то, что их дружба сможет долго выдержать такие перепалки.

У меня отлегло от сердца, когда в Дрё перед небольшим каменным «Hôtel de France» я увидел машину

Мерфи, длинную зеленую «изотту». Я взглянул на эту великолепную машину и почувствовал, что все дальнейшее будет мне в тягость. «Изотта» рассказала мне все о Мерфи. Машина была большая, сверкающая, богатая, красивая, быстрая, надменная и мощная. Один взгляд на нее — и я засомневался, смогу ли я найти общий язык с этими богатыми американцами и с их богатыми женами и с девушкой-англичанкой по имени Бо.

— На этот раз ты проиграл пари, — торжествующе сказал Скотт Хемингуэй, когда наш «Фиат» остановился перед отелем. — Они прибыли точно по расписанию.

— Ладно. Машина-то здесь, — сказал Хемингуэй. — Но я все равно не поверю, пока сам их не увижу.

Выключив тоненько стрекочущий мотор «фиата», Хемингуэй еще с минуту не вставал с сиденья, словно стараясь преодолеть неохоту идти в отель. А Скотт выскочил из «фиата» и вприпрыжку направился к дверям, спуская засученные рукава шелковой рубашки и помахивая изящной черной тросточкой, которую он всю дорогу, сидя на переднем сиденье, держал в руках.

— Будь поосторожнее с Зельдой, мальчуган, — сказал Хемингуэй, когда мы остались вдвоем в машине.

— А что, она действительно ненормальная?

— Когда Зельда была еще маленькая, ее ударила молния в задницу, — сухо сказал Хемингуэй. — И, по-моему, она так и не оправилась.

— Может, мне лучше пойти в другой отель? — сказал я.

— Как хочешь. Но, пожалуй, держись пока поближе к нам и помалкивай, потому что, если ты сейчас исчезнешь, Скотти наверняка проснется среди ночи и решит разыскать тебя, где бы ты ни был, и притащить сюда.

Я принял этот совет всерьез и сказал, что подожду возле «фиата», пока портье не придет за их багажом. Сам я, разумеется, не собирался тащить их вещи.

— Ну и ладно, — сказал Хемингуэй.

Он еще с минуту просидел в машине, словно собираясь с силами, чтобы пойти в отель. Потом сунул свой берет во внутренний карман пиджака, сделал несколько махов руками, как боксер в борьбе с тенью, и вышел вслед за Скоттом в отель.

Уже почти стемнело, я стоял, опершись о теплый тупой нос «фиата», и любовался «изоттой», и вдруг меня охватил восторг перед блестящей красотой вещей, которую можно купить за деньги. Сияющая «изотта» казалась мне огром-

ным бриллиантом чистойшей воды. Первый раз в жизни я видел вблизи и мог осязать эту колдовскую красоту; у меня даже немножко пересохло во рту, так она восхищала меня и пугала. Я подозрительно вглядывался в машину, не зная, верить ли в эту красоту и великолепие.

Моя вера продержалась меньше трех минут — пока на меня не накричал и не обложил как следует какой-то француз с фургона, запряженного четверкой лошадей: он требовал, чтобы я убрал «фиат» с дороги. Пришлось отпустить тормоза и откатить машину на несколько футов в сторону. Теперь я уже убедился, что и Хемингуэй и Фидджеральд забыли обо мне; я взял с заднего сиденья свой маленький чемоданчик, оставил «фиат» там, куда я его откатил, и отправился на поиски комнаты.

Комнату я нашел в харчевне за углом (после того как выставил себя абсолютным идиотом, пытаюсь объяснить на чудовищном французском языке, чего я хочу) и, бросив на кровать свой чемоданчик, вышел на мощенную булыжником улочку поглядеть на странно усеченный фасад темного кафедрального собора. Скотт говорил мне, что все герцоги Орлеанские похоронены в чудесной часовне на вершине холма Дрё, но час был поздний, и я успел только подняться на холм и побродить возле древних стен замка; потом спустился вниз, в тускло-желтый свет уличных фонарей, превративший весь городок в средневековую гробницу. Было уже почти десять часов, когда я вернулся в свою харчевню. Я поуживал полусырой яичницей, единственным блюдом, которое я смог заказать, не делая из себя полного идиота, а потом лег спать.

Примерно в начале первого, в этот предрассветный час — благодать для гуляк — я внезапно проснулся и сел в кровати: кто-то выкрикивал мое имя.

« Кит! Ты где, Кит? Эй! Кис-кис-кис!

Я узнал Скотта, и это был очень буйный Скотт. И тут же вспомнил, как Хемингуэй предупреждал, что Скотт надет меня, где бы я ни был, и вытащит из постели, поэтому я решил лечь и притаиться, пока он не уйдет.

— Будьте любезны, где б вы ни были, встаньте и выйдите сюда.

Это уже не Скотт. Голос был женский. Я догадался, что это Зельда.

Потом еще чей-то голос сказал:

— Раз, два, три... — И теперь уже четыре или пять голосов хором заорали во всю силу своих промытых ночным воздухом легких:

— Где б ты ни был, давай сюда! Где б ты ни был, давай сюда!

А в домах уже открывались окошки, и французы выкрикивали угрозы и проклятия. Пока явно подвыпивший хор звал меня вниз, на улице поднялась страшная суматоха, и я подошел к окну, распахнул его настежь и выдал себя глупейшим образом.

— Я здесь, — сказал я. — Наверху.

— Боже мой! Мы его нашли. Он там, наверху, с женщиной. — Раздался взрыв хохота. Потом снова: — Кит! Сюю минуточку спускайся вниз. Иди сюда нем-медленно и веди себя прилично!

Это был Скотт, невоздержанный школьный учитель Скотт.

Внизу на улице я разглядел небольшую группку — все семеро стояли, словно собираясь петь под окнами рождественские гимны, стояли, переговаривались и хихикали. Но вся ночная улочка была истыкана огнями и злобными жалобами. Я услышал довольно пронзительный голос Хемингуэя, кричавшего что-то по-французски. Потом опять послышался женский голос:

— Я подымусь туда и приведу его.

Я потушил свет и торопливо, как только мог, стал одеваться, но тут что-то ударило об оконную раму. Я подбежал к окну и крикнул:

— Сейчас спускаюсь!

— Кит! — Это был голос Скотта. — Мы хотим проверить твой паспорт. Кинь его сюда. Нем-медленно.

Я увидел разозленного француза в ночной рубашке, выскочившего из двери напротив. Потом услышал всплеск — из окна полилась какая-то жидкость. Что было потом — мне до сих пор неясно, потому что все происходящее было сумбурным и бессвязным и вовсе не таким, чтобы хотелось удержать его в памяти, так что от этой ночи у меня остались лишь смутные впечатления.

Не думаю, что все они перепились. Они просто повеселели после обеда, после выпитого вина и валяли дурака. Веселились и дурачились они по-американски, а такие дурачества бывают забавны, но иногда могут стать и опасными. Однако деваться мне было некуда.

— Ох, поглядите на него! Глядите... — сказала Зельда своим прелестным, по-южному певучим голосом, когда я вынырнул из дверей гостиницы. — Смотрите. Он же совсем еще мальчик. Дитя! Такой чистенький. Миленький, душечка Кит!

— Зельда,— сказал Скотт с изысканной учтивостью, беря меня под руку.— Разреши тебе представить знаменитого австралийского атлета...

Остального я не услышал, потому что на нас, крича и размахивая кулаками, надвигались четверо французов. Скотт крепко держал меня за руку, Зельда ухватилась за другую. Но французам, которые явно нацеливались на Скотта, заступил дорогу Хемингуэй. Миссис Хемингуэй и девушка по имени Бо пытались оттащить Скотта в сторону, а супруги Мерфи старались успокоить французов, которые выкрикивали угрозы по адресу Скотта. Очевидно, он натворил бог знает что (позже мне сказали, что он сорвал французский флаг с памятника погибшим на войне и превратил его в плащ матадора, а Зельда изображала быка). Скотт делал вид, что все это его ничуть не касается, но положение становилось угрожающим и явно назревала драка.

— Je vous en prie!¹ — выкрикнул Скотт, пытаюсь утихомирить французов.

— Скотти! Не лезь,— сердито оборвал его Мерфи.— Проваливай отсюда.

Тут Хемингуэй подтолкнул меня и сказал:

— Беги по этой дороге в другой отель и заberi с собой Скотта. Живо!

Я понимал, что все же эпицентром заварухи был я, и хотел убежать, но Зельда схватила меня за руку.

— Никуда мы не уйдем,— сказала она.

— Зельда, прошу вас,— сказал Мерфи.— Если вы уведете Скотта, я все улажу. Убирайтесь отсюда.

— Ага! — произнес Скотт.— Денежки собираются сменить хозяина, да?

— Помалкивай, Скотти,— сказал Мерфи.— И если ты сию минуту не уберешься, будешь сам объясняться с ними на языке, который тебе почему-то кажется французским.

— Мой французский язык...— начал было Скотт с горделивым достоинством.

Но Хемингуэй потащил, скорее даже понес, его на себе, а мы торопливо зашагали по улице, предоставив Джеральду Мерфи утихомиривать улицу жестами, призывами к спокойствию и бесконечными возгласами «же ву зан при». Зельду разобрал смех.

¹ Прошу вас! (фр.)

— Я иду обратно, выручать Джеральда,— сказала она.

— И не думай даже,— сказал Хемингуэй.— Иди с нами.

— А тебя вообще не спрашивают,— презрительно сказала Зельда Хемингуэю.— Давайте вернемся все. Скотти...

— Пожалуйста!— Скотт, шагавший по улице прищипывая, повернул назад.

— Нет, ты не вернешься.— Хемингуэй закинул руку ему на шею и держал его в клещах.

— Тогда пойдешь ты, Кит, миленький,— сказала Зельда.— А потом прибежишь обратно и сделаешь мне одолжение — убьешь Хемингуэя.

— По-моему, они убьют мистера Фицджеральда, если поймут его,— сказал я. В темноте я еле различал ее и английскую девушку Бо. Миссис Хемингуэй осталась с Мерфи и его женой.

— Бедный, миленький мой Скотт,— сказала Зельда, стараясь оттащить от него Хемингуэя.— Не мучь его, оставь его в покое.

— Нет, это ты оставь, ради бога, беднягу в покое,— закричал на нее Хемингуэй.— Это тебя должен убить мальчуган, когда прибежит обратно.

— В один прекрасный день меня убьет сам Скотти,— спокойно ответила Зельда.— Так что тебе никого не придется утруждать.

Скотта окончательно развезло. Хемингуэй то волочил его по земле, то вскидывал себе на спину, когда Зельда пыталась расцепить его руки. Она все время просила меня помочь ей, но девушка-англичанка каждый раз говорила:

— Не надо, Зельда. Пожалуйста, не надо.

С самого начала я участвовал во всем, что происходило вокруг, и сейчас почувствовал, что слишком перегружен впечатлениями. Когда мы доплелись до отеля, я заколебался, не зная, что делать. Но Хемингуэй, тащивший Скотта, сказал:

— Ты лучше не мозоль людям глаза, пока все не кончится. Исчезни, ради бога.

В таких ситуациях осторожность равна доблести. Я пробрался в свою харчевню; с улицы и из окон слышались неясные выкрики и гул голосов. Я выждал, пока все не разошлось по домам, и тогда рухнул на свою кровать. Какое-то время я лежал с открытыми глазами, раздумывая, не лучше ли мне просто сбежать завтра утром,

прежде чем меня разыщут мои спутники. Но потом сказал себе, что мне следовало бы предвидеть, чем все обернется. У меня нет оснований жаловаться. Я сам во всем виноват. Надо было терпеть, держать язык за зубами, не поддаваться на провокации и так далее, и так далее.

Ночью я спал как убитый, а утром, подойдя к отелю, я заметил, что «изотта» исчезла. Значит, уехали и Мерфи, и Зельда, и миссис Хемингуэй, и англичанка Бо — Бо Мэннеринг. Я даже не успел рассмотреть ее как следует, но именно ей, Бо, предстояло сыграть важную роль в нашем путешествии, а мне пришлось пережить еще одно злоключение, пока Бо снова не появилась в нашей орбите, как долгожданная помощь и вместе с тем новое осложнение.

Глава третья.

На второй день со мной произошла не слишком приятная история; впрочем, до этого случилось еще кое-что, с чего, пожалуй, и следует начать — хотя бы для того, чтобы описать, какие настроения находили на Скотта и Хемингуэя и как они оба загутывали и распутывали свои ссоры, которые казались тогда просто смехотворными, а на самом деле были резкими отголосками бесконечного внутреннего поединка. Впрочем, когда их споры касались меня, я терял способность рассуждать спокойно. По правде говоря, если б не твердая решимость выдерживать все до конца, я бы на этот раз сбежал от них.

Первая ссора вспыхнула без всяких явных причин. Мы выехали из Дрё и уже с полчаса катили по дороге. Скотт, видимо, медленно приходил в себя после вчерашней ночи. Он сидел не шевелясь и молчал. Потом вдруг повернулся, стащил с головы Хемингуэя синий берет и швырнул в окошко, как раз когда мы проезжали по мосту через реку Авр в Вернёе. Берет грациозно проплыл в воздухе над мостом и плавно, как осенний лист, опустился на серые воды реки.

— Вчера у меня весь день руки чесались содрать с тебя этот колпак, — хладнокровно сказал Скотт.

— Сволочь! — рявкнул Хемингуэй.

Я думал, он сейчас ударит Скотта — такой у него был вид. Но Хемингуэй сосредоточенно пригнулся к рулю и больше не удостаивал Скотта вниманием, что удивило меня и, очевидно, встревожило Скотта.

— Что же ты не двинул меня прямым слева, Эрнест? Взял бы да врезал мне как следует! Видит бог, я это заслужил...— Но в голосе Скотта слышалось раздражение, и совсем уже вызывающим тоном он добавил: — Все равно этот чертов берет выглядел на тебе как коровья лепешка.

Хемингуэй молчал, и я думал, что на этом все и кончится. Но в следующем городке под названием Мортань Скотт попросил Хемингуэя остановиться. Не успели мы спросить зачем, как он выпрыгнул из машины и помчался по улице. Через десять минут он явился с новеньким баскским беретом, который тут же нахлобучил на густые черные волосы Хемингуэя.

— Этот все же выглядит приличней, — сказал он.

— Что ты вытворяешь, черт тебя дери? — сказал Хемингуэй, срывая с головы берет. — Это что, самооборона?

— Нет, чистосердечное раскаяние, клянусь богом, — сказал Скотт и перекрестился.

— Он слишком велик, в мой карман не влезет, — сказал Хемингуэй и вышвырнул берет в окно, прямо под копыта огромных першеронов, тащивших груженные углем телеги.

Скотт захохотал, как школьник.

— Я думал, у тебя на это не хватит духу, — проговорил он. — Ну, теперь мы квиты.

— Да нет, не сказал бы, — ответил Хемингуэй.

Я опять подумал, что теперь они будут дуться друг на друга весь день, но через полчаса Хемингуэй, сгорбясь за рулем, уже втолковывал Скотту своим ворчливым тоном, что следует искать во всех этих нормандских и бретонских городках. Скотт слушал как завороженный; он обернулся ко мне и восхищенно произнес:

— Слушай внимательно, Кит, потому что Эрнест ставит все эти городки встать и приветствовать тебя, помахивая флагами. Эрнест свой матерьяльчик знает наизубок.

Меня не нужно было убеждать в этом. Я уже был зачарован всем, что говорил Хемингуэй, а он продолжал рассказывать о том, что все эти городки, через которые мы проезжали — средневековые рыночные городки, —

были в сущности военными крепостями. Им были нужны удобные для обороны места. И потому почти все они стоят над рекой и окружены холмами или крутыми склонами гор.

— Ты слушаешь, Кит? — спросил Скотт.

— Да, конечно.

Хемингуэй полуобернулся ко мне.

— Всегда присматривайся к местности, мальчуган, — сказал он. — Холмы и долины вокруг городка скажут тебе о его прошлом больше, чем любой учебник истории. Ты сможешь описать любое сражение за любой французский городок, если поймешь особенности окружающих его пейзажей.

С тех пор, если мне случалось попасть в какой-нибудь нормандский или бретонский городок, я смотрел на него так, как научил меня смотреть Хемингуэй, а в тот же день, немного позже, когда мы проезжали деревню Мель, он преподал мне еще один урок, хотя на этот раз Скотт из почтателя превратился в сердитого критика и затеял с Хемингуэем спор, который так скверно для меня кончился.

Мы уже проехали полдеревни, как вдруг Хемингуэй резко затормозил и машину занесло на край мостовой.

— В чем дело? — спросил Скотт.

— Ни в чем. Хочу показать кое-что мальчугану.

— О господи, что еще такое?

Мы вышли из машины, и Хемингуэй повел нас назад, к небольшому памятнику, серому и заброшенному, грустно стоявшему на островке земли посреди дороги.

— Никогда не проходи мимо памятника жертвам войны, статуи или бюста, — сказал мне Хемингуэй. — Они дадут тебе немало такого, о чем без них ты бы и не узнал.

— Чего, например? — спросил Скотт.

— Да хотя бы пицци для твоей наблюдательности, — сказал Хемингуэй. — Вот погляди-ка. — Хемингуэй прочел вслух несколько имен на памятнике. — Все это крестьянские ребята из Першерона. Сорок убитых на одну деревню с населением около пятисот человек, и некоторые совсем еще мальчишки. Это очень много. В городках на нормандско-французской границе к восемнадцатому году почти не осталось мужчин.

Когда мы возвращались к машине, примолкший было Скотт вдруг сказал:

— Знаешь, где слабое место в твоей теории, Эрнест?

— В какой еще теории? — проворчал Хемингуэй. — Я в теории не верю.

— Ты думаешь, что учишь Кита наблюдательности, но ты ошибаешься. Важно то, как ты воспринимаешь увиденное, а не то, что ты видишь.

— Ты спятил, — сказал Хемингуэй. — Надо видеть то, что видно, разве нет?

— Нет, — сказал Скотт. — Ты ему велишь начинать с очевидного, а это все равно что заставить его глазеть, как обезьяна, на пустую кирпичную стену.

— Не слушай его, мальчуган, — сказал мне Хемингуэй. — Разглядывай очевидное. Оно — оболочка мира.

Они еще довольно долго спорили, то со злостью, то шутливо, а то и оскорбляя друг друга. Но в конце концов спор иссяк. И так как мы выехали поздно, то пропустили обед, и уже вечерело, когда мы приехали в Алансон, где Скотт заказал номера в «Hôtel du Grand Cerf».

На этот раз они не забыли обо мне. Они были очень заботливы. Они удостоверились, что комната за мной, и велели через полчаса прийти в бар выпить с ними чего-нибудь перед обедом. Я поднялся наверх, умылся, быстро сбежал вниз и ринулся на улицы Алансона искать памятник погибшим на войне. Памятника я так и не нашел, и когда вернулся в гостиницу, Скотт и Хемингуэй уже сидели в обитом тканью баре, выпивали и опять спорили о поверхностности видимого мира. Когда я вошел, у меня появилось ощущение, что они каким-то образом припутали к своему спору и меня.

— Садись, — сказал Хемингуэй.

— Ты только полегче, старик, — сказал ему Скотт.

— Я не собираюсь обижать ребенка, — ответил Хемингуэй. — Мы дадим ему мятного ликера.

— Это же страшная гадость, — сказал Скотт.

— Зато освежает дыхание. Ему понравится. Ликер ведь сладкий.

Я решил напомнить им, что не пью спиртного.

— Я же тебе говорил, — сказал Скотт Хемингуэю. — Кит — человек принципиальный. Оставь его в покое. Дай ему лимонаду.

— Сейчас самое время научить его пить, — заявил Хемингуэй. — Тогда будет меньше шансов, что он потом наделает ошибок, и он еще не раз будет нас благодарить.

Я сказал, что с удовольствием выпью лимонаду.

— Погоди-ка, — сказал Хемингуэй. — Ты почему не пьешь спиртного, мальчуган?

— Я дал слово не брать в рот алкоголя,— сказал я, наивно полагая, что такой ответ их удовлетворит и положит конец этой дискуссии.

— Кому обещал? Маме? — спросил Хемингуэй.

— Нет,— с негодованием сказал я.— Своему дяде.

— Ах, дяде. А кто он такой?

Я почувствовал, что меня загнали в угол, и, сознавая, что делаю большую ошибку, привялся рассказывать про дядю, который оплатил мою поездку в Европу, поставив условие, что я не стану тратить его деньги на выпивку или...

И тут я допустил еще больший промах. Я заколебался.

— Или на что? — не унимался Хемингуэй.

— На бордели,— ответил я с яростью.

Они разразились хохотом.

— Я же говорил,— сквозь смех произнес Скотт.— Он недоделанный.

— Он еще желторотый, вот и все,— сказал Хемингуэй.

Напитки были заказаны еще до моего прихода. Хемингуэй уставился на меня, как будто что-то про себя решая.

— Интересно, где тут бордель в этом целомудренном, как булка с маслом, городишке,— произнес он.

— Не выдумывай! — сказал Скотт.

— Это, должно быть, типично деревенский бордель, услада жирных крестьян, жирных мясников и жирных священников. Где кривляются пятнадцатилетние в одних только красных подвязках.

— Я отказываюсь участвовать в этом,— заявил Скотт.

— Ему это не повредит,— сказал Хемингуэй.— Я же тебе говорю — это единственный способ научиться отличать добро от зла.

— Мне он нравится такой, как есть,— сказал Скотт.— И пусть себе лопается от честности и бережет свою невинность, а ты оставь его в покое.

Я нервничал, слушая их, и хотя понимал, что они, очевидно, лишь продолжают свой бесплодный спор, но все же решил, что лучше всего сделать вид, будто это меня не касается. Даже отдаленно. И я даже не слушаю.

Но это было не так-то легко.

— Да черт возьми, чего тогда стоит добродетель, если ее не испытать на прочность,— сказал Хемингуэй.— Вспомни святого Антония.

— Да, погляди, что стало со святой Терезой.

Принесли выпивку, и Хемингуэй придвинул ко мне маленький треугольный стаканчик с мятным ликером. Но Скотт отодвинул его.

— Не пей, Кит.

— Слушай, мальчуган,— сказал Хемингуэй.— Единственный способ быть верным своему слову — это нарушить его как можно скорее. Есть известный итальянский метод — стукнуть совесть по больному месту.

— Как можно давать такие возмутительные советы,— сказал Скотт.— Вот уж абсолютная беспринципность.

Меня это, впрочем, не возмутило, потому что Хемингуэй просто вульгаризировал один из доводов Главкона или Фрасимаха в диалогах Платона; то был длинный трактат о морали — античную классику я помнил хорошо.

— Твои методы становятся примитивными и отвратительными,— сказал Скотт.— Хочешь уподобиться животным. Я же тебе сказал — он не поступится своими принципами.

— Ладно, все,— сказал Хемингуэй, и, когда мы встали, чтобы идти обедать, он опрокинул в рот стаканчик с ликером.— Забудем об этом.

Я поверил ему, так как они мгновенно потеряли всякий интерес ко мне и стали спорить о присущем Скотту нравственном романтизме, и я был благодарен за каждое произнесенное ими слово, потому что они не ссорились и не надевались друг над другом. Они спорили о любви, о чести, о верности и безнравственности. Но снова и снова, пока мы ели рыбу, потом мясо, потом сыр с хлебом, они возвращались к утверждению Хемингуэя, что все в жизни поверхностно.

— Говорю тебе — никаких глубин нет. Да и не должно быть, потому что важно то, что ты чувствуешь, а не то, что думаешь,— говорил он.— Во всяком случае, когда с человека слетит оболочка, то наверняка под ней ничего не окажется. Моральные принципы, какие б они ни были, не устоят против заступа, и потому, Скотт, остается одно: делать оболочку свою потолще, чтобы ничто не могло проникнуть сквозь нее вглубь.

— Ну и что тогда будет? — спросил Скотт.

Я слушал их разговор затаив дыхание и даже не замечал, что я пью. Они за обедом пили вино, потом кальвадос. Мне подавали высокие бокалы с газированной водой. Хемингуэй сказал, что это один из сортов француз-

ского лимонада, раз уж ничего другого я не хочу. Лимонад был бесцветный, с пузырьками, и как только я выпивал свой бокал до дна, официант сейчас же ставил передо мной другой. Я ощущал какой-то слабый фруктовый привкус этого лимонада, но не задумываясь пил бокал за бокалом, пока не почувствовал, что со мной творится нечто странное. Мне стало очень жарко, и это подстрекнуло меня выпить еще бокал ледяной газировки, после чего я смутно осознал, что Скотт и Хемингуэй смотрят на меня как-то чересчур пристально.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Кит? — спросил Скотт.

— Хорошо... — Но я вцепился в стол, который почему-то стал крениться, причем прямо на меня.

— Ты весь потный, — сказал Хемингуэй.

— Знаю. Я... я, должно быть, простудился...

Но я понимал, что это не простуда. Язык почему-то меня не слушался, слова выплывали неизвестно откуда, и что-то непонятное творилось со зрением.

Хемингуэй потребовал еще бокал. Я стал пить и внезапно понял, что причиной моего странного состояния был этот сладкий газированный напиток.

— Что это такое? — пробормотал я, хотя мне казалось, что я кричал. Я оттолкнул бокал, и он опрокинулся.

— «Вдова Вернэ», — сказал Хемингуэй. — Тысяча девятьсот двадцать пятого года.

Я слышал, как Скотт сказал Хемингуэю: «Напрасно ты это затеял». Но смысл его слов до меня не дошел, я в это время изо всех сил старался что-то удержать и закрепить в голове. Я не догадывался, что я просто пьян, и не догадался даже, когда до меня откуда-то очень издали донесся голос Скотта:

— Если он выпьет еще — он, пожалуй, даст дуба.

— Полный порядок, — лепетал я. — Просто мне жарко... Вот и все.

Остального я почти не помню — кажется, я попытался встать, но выяснилось, что ноги меня не держат, и тогда в моем одурманенном винными парами мозгу мелькнула догадка, что я пьян. И как только я это понял, все остальное куда-то кануло, будто в темной пучине мне было гораздо удобнее, чем в здоровом уме.

На другой день Скотт рассказал мне, что было потом.

— Но я тебе рассказываю об этом только затем, чтобы всю остальную жизнь ты не ломал себе голову, ста-

раясь вспомнить, что ты вытворял, когда на тебя нашло затмение.

Они заставили меня выпить чашку кофе, чтобы я немножко протрезвел, — им было нужно, чтобы я мог стоять на ногах. Я смутно помню этот кофе с привкусом лакрицы.

Они взяли меня под руки и повели к выходу из ресторана, потом вниз по лестнице и через вертящиеся двери вывели на улицу. В вертушке я, правда, немного запаниковал, но вообще-то вел тебя так, будто был решительно, упорно, мрачно и агрессивно трезв, хотя и пытался все время сказать нечто такое, что начиналось со слов: «Я ничуть не... я ничуть не...»

— Что «ничуть не»?

— Вот только ноги что-то... — кое-как удалось выговорить мне.

Скотт и Хемингуэй и сами были не слишком трезвы. Они остановили жандарма, проезжавшего на велосипеде по темной улице, и осведомились, где тут ближайший бордель. Жандарм подвел их к боковой стене собора, потом указал на узкий переулок и сказал, что, пройдя два квартала, мы увидим небольшой дом с жестяными ставнями.

— Только не стучите в дверь, постучите в ставни, — посоветовал он, оседлав свой велосипед и уехал.

Я все еще старался втолковать им, что я «ничуть», но Скотт вдруг заявил, что их затея никак не может решить спор, так как если даже они затащат меня в бордель, я все равно не пойму, что это такое. И разве можно таким способом проверить, устойчивы мои принципы или нет?

— Ты должен объяснить ему, куда он попал, иначе пари будет недействительно, — сказал Скотт.

Они, оказывается, поспорили, удержат ли меня в критический момент мои принципы — бремя морального хлама, как выразился Хемингуэй, и заключили пари на пятьдесят долларов.

— Если у него есть то, что называется нравственностью, — сказал Хемингуэй, — если моральные принципы для него как крепкий хребет, тогда ему не надо объяснять, где он находится. Он поймет инстинктивно.

Я помню, как они барабанили по зеленым ставням, но не помню женщину, которая открыла дверь и велела им угомониться.

— На ней было меховое пальто, большая черная шляпа, а на груди яшмовый крест, — рассказывал потом Скотт. — И когда Эрнест попросил пригласить самую мо-

лоденькую, самую хорошенькую и пухленькую и самую глупую крестьяночку в этом доме, женщина заявила, что у нее приличное заведение и она не желает слушать подобные разговоры.

— Это вам не Сен-Жермен де Пре,— с негодованием заявила она.— Это — Алаксон.

Пока что мой инстинкт мне ровно ничего не подсказал, и хотя я наотрез отказался сесть в кресло рядом с другим клиентом в шляпе, листавшим старые журналы, словно на приеме у зубного врача, который должен вырвать ему зуб, я твердил Скотту и Хемингуэй, что никому я своего паспорта показывать не стану. Я решительно отказывался показать паспорт кому бы то ни было, как они ни настаивали. И не вытащил паспорта.

— А как быть с деньгами?— спросил Скотт.

— Достань у него из кармана,— сказал Хемингуэй, и они принялись ошупывать мои карманы в поисках бумажника, но мне показалось, что они потешаются над моими шариками от моли, а может, даже хотят меня ограбить, словом, я не желал, чтобы меня обшаривали. Я стоял отбиваться кулаками.

— Когда он пойдет туда, надо связать с него пиджак,— сказал Хемингуэй.

Насчет пиджака я что-то ничего не помню, но Скотт потом говорил мне:

— Ты ковырял в ушах так, словно хотел выковырять оттуда все, что с тобой происходило. Но ты был хорош, Кит, как маленький фазаний петушок, залетевший на своих крылышках и утренней заре, зная, что его подстрелят.

Потом у них с Мадам в черной шляпе возникли разногласия насчет моего состояния, но поскольку я был тихий, и совсем юный, и серьезный, и чистенький и держался очень прямо, то меня призвали вполне подходящим клиентом, и когда Мари-Жозеф окликнула нас с верхней площадки, они потащили меня по узкой лесенке вверх. Но я упирался. Я крепко вцепился в перила.

— Ага! — торжественно воскликнул Скотт.— Хребет дает себя знать.

Но Хемингуэй был не склонен верить этому.

— Он боится, что на лестнице у него закружится голова, вот и все.

— А я тебе говорю, что это чистейшая, нравственная натура,— возразил Скотт.

Я цеплялся за перила обеими руками и, как уверял потом Скотт, зубами тоже. Они тащили и подталкивали меня

с такой силой, что в какую-то минуту было похоже, что вся лестница вот-вот рухнет. Но я не мог выстоять против Хемингуэя, который разжал мою хватку, сильно поддав снизу рукой. Потом он почти на себе поволок меня по лестнице к двери комнаты, где на медной кровати сидела Мари-Жозеф в шелковистом халатике и с покорным видом смотрела на дверь. Скотт потом сказал мне, что она, должно быть, привыкла к тому, что ей доставляют мужчины в таком состоянии.

— Она еще совсем девчонка, лет семнадцати, не больше — такой бы на рассвете в поле ходить да доить тех самых коров, что в очках. Ножищи и ручищи у нее огромные, и пахло от нее протухшим сыром. Бедная девчонка!

— Et voilà¹, — сказал Хемингуэй.

Они подтащили меня к самой двери, а я все еще оборонял свои нафталиновые шарики и, должно быть, только мельком увидел Мари-Жозеф. Я вцепился в дверной косяк, прирос ногами к полу, и им не удалось втолкнуть меня в комнату.

— Ну хватит, — крикнул Скотт на Хемингуэя. — Он не хочет идти к ней. Оставь его в покое.

— Он даже не соображает, куда смотреть. Он даже не видит девочку, — запротестовал Хемингуэй. — Подожди, пока он ее увидит.

— Он ее отлично видит. Оставь его, Эрнест.

Хемингуэй старался приподнять меня, чтобы ноги мои оторвались от пола, а я прижимался к двери. Наконец я сел на пол и, цепляясь за косяк, стал что-то выкрикивать — они уверяли, что кричал я на каком-то иностранном языке, вероятней всего на немецком. А я был не я, а кто-то чужой.

— Да оставь ты его в покое, — крикнул Скотт, стараясь оттащить от меня Хемингуэя.

— Подведи его к кровати, ради бога, — сказал Хемингуэй. — Пусть посмотрит на девочку.

Хемингуэй оторвал меня от пола и свалил на медную кровать рядом с Мари-Жозеф. Я смутно помню эту кровать, нечто зыбкое, колыхавшееся, как вода, как море, но не помню, как я вскочил и бросился к другой двери, которая распахнулась настежь под тяжестью моего тела. Я ничего не помню, кроме неприятного ощущения ярости от запаха газа. Скотт и Хемингуэй сначала оторопели от внезапности моего бегства, а потом на них напал такой ис-

¹ Ну вот! (фр.)

терический хохот, что когда они наконец пустились за мной вдогонку, им никак не удавалось меня найти.

— Ты словно в воздухе растворился. Как сизый дым от здешних сигарет «Голуаз». Тут ими весь дом продымлен. Мы обыскали соседнюю комнату, куда выходила та дверь, это была гостиная Мадам, но и там среди всяких безделушек тебя не оказалось. Единственное окно было наглухо закрыто. Ну прямо фантастика, чудо какое-то, дьявольский фокус с исчезновением. Потом Мари-Жозеф указала нам на камин, но это оказался не камин, а старинная нормандская лестница. И ты туда запросто вбежал. Твои останки лежали на нижнем этаже. По крайней мере мы так думали. Но не успели мы слезть вниз, как ты уже склеил свои останки, словно искусственное чудовище Мэри Шелли, и бежал вприпрыжку, черт бы тебя подрал, как шаровая молния, по бульжной мостовой, будто спасаясь от кого-то, и ты еще что-то выкрикивал то ли по-немецки, то ли по-китайски, а может, даже на языке здешних туземцев...

Они боялись, сказал мне Скотт, что я устремлюсь к реке и упаду в воду или же попытаюсь уплыть на родину. Поэтому они торопливо рассчитались с Мари-Жозеф и Мадам в черной шляпе, извинились за беспокойство и побежали по переулку вслед за мной. Они поймали меня, как раз когда я пытался разуться и, по словам Скотта, кричал, что сейчас буду нырять с моста, а мост-то был не через реку, а над дорогой.

— Ты невероятно дисциплинированный отрок,— сказал Скотт.— Никогда не видел, чтобы человек был так безнадежно и сурово трезв, когда на самом деле он безнадежно и сурово пьян. Но самое главное, Кит, то, что ты остался чистым и неиспорченным, клянусь тебе, что это правда, и если ты можешь простить нам эту скверную шутку с шампанским, то всю остальную свою жизнь ты, по крайней мере, будешь знать, что пьяный ты так же добродетелен, как и трезвый, а это значит, что твои принципы далеко не поверхностны. И это очень важно,— серьезно сказал Скотт.— Поверь мне, Кит, это очень важно.

На самом деле Скотт считал этот случай своей собственной моральной победой и с тех пор относился ко мне так, будто я прошел через это испытание только для того, чтобы защитить его принципы и доказать его правоту Хемингуэю. А я и сам в себе сомневался и не мог понять, почему я устоял перед Мари-Жозеф. Конечно, я не могу сослаться ни на какие моральные принципы — что каса-

ется меня, то это лишь жалкая иллюзия. Принципы были тут ни при чем.

Они уложили меня в постель, и, кажется, я начал понимать, что я сделал для Скотта, только тогда, когда у меня прошло похмелье, улеглись ярость, гнев и возмущение и мы снова собрались в путь.

— Если тебе хочется распрощаться с нами — я прекрасно тебя пойму, — сказал Скотт.

Я помотал головой. Мне хотелось со злостью сказать им, что, если я сейчас расстанусь с ними, они будут вспоминать меня, как смешной анекдот, а я относился к их проделке совершенно иначе. Но я промолчал.

— Молодец, — сказал Скотт. Он был в отличном настроении. Он выиграл спор и так этому радовался, что даже стал напевать, потом, помахав рукой маленькой старушке, сидевшей у края дороги на стульчике возле молочных бидонов, он с воодушевлением сказал Хемингуэю:

— По-моему, наша поездка в конце концов окажется очень удачной.

— Почему у тебя такое впечатление? — отозвался Хемингуэй.

— Потому что он раз и навсегда доказал, что истинную сущность человека ничто не может скрыть, — сказал Скотт. — Ни дьявол, ни плоть, ни бой быков.

— Ну, возможно, мальчуган не смог скрыть свое истинное «я», — сказал Хемингуэй. — Но, клянусь богом, я-то могу.

Глава четвертая

Тут-то и появилась Бо Мэннеринг. То есть она возникла на следующем пункте, предусмотренном в маршруте Скотта, а именно в знаменитом ресторане под названием «La Fontaine Danie» возле Майенны. Ресторан этот стоял прямо над старым заросшим прудом, и мельница семнадцатого века все еще сучила белую водяную пряжу, а Бо сидела в углу за столиком, накрытым на четверых, и по-сасывала длинный зеленый мундштук с сигаретой.

Настоящее ее имя было Селест, но кто-то не то в школе, не то у знакомых на даче почему-то прозвал ее Бо Селест, и потом она стала просто Бо. Мне такие девушки в жизни еще не попадались. Моя ровесница, одета во все скромное и дорогое, — и надменная серьезность, в которую почему-то не верилось всерьез. Вряд ли и сама Бо уж очень хотела, чтоб в нее поверили. Через полчаса я влюбился и принялся ревновать Бо к Хемингуэю и Скотту, не сомневаясь, что они тоже в нее влюблены. Я тогда пока не знал, что творилось у них с женами, а то бы ревновал еще убежденней, и я до сих пор никак не пойму, знала сама Бо что-нибудь про эти их дела или нет. Она мне, ясно, ничего не говорила. Правда, теперь-то уж после всего, я думаю, может, она и знала. Хотя нет, в общем-то я толком ничего не берусь утверждать насчет Бо.

Она сидела и ждала за столиком, а Скотт задержал нас на минуточку в дверях. Он сказал:

— Глядите-ка, Бо единственная девушка на всем белом свете из плоти и крови, но точная, как часовой механизм.

Бо постучала по длинному мундштуку пальчиком, потом сунула мундштук в угол рта, надула губки. Потом перекатила его к передним зубам, затянулась. Наконец, показав все свои зубы, она стала кивать головой, будто ребенок забавляя, что ли. Это она сама так забавлялась.

— И она единственный механик, одевающийся у Шанель, — сказал Хемингуэй.

Хемингуэй всегда попадал в точку. Длинные, тонкие пальцы Бо сами просились что-то поправить, наладить, и, наверное, никто не умел так хорошо поправлять и наладивать все, как Бо.

— Миленькая! Детка! А где же все? — с порога закричал Скотт.

— В Байё поехали, — сказала она.

— Зельда! — сказал Хемингуэй.

— Ну да. Ну да. Зельда, — сказал Скотт. — А ты чего не поехала?

— У меня в этой «изотте» ноги просто заоченели, — сказала она.

Бо вытаскала ноги из-под стола и продемонстрировала их вам. Она была немислимо хорошенькая, и она смотрела тебе прямо в глаза и будто молча соображала: «Чего это он на меня так уставился?» Либо: «Ах, вот он что думает!» Она показала, кому куда сесть. Подошел официант, она отдала ему свой длинный мундштук, с безукоризненным

французским произношением попросила выбросить, и больше я потом никогда не видел, чтобы она курила.

— Господи, да что это с вами? — сказала она, когда мы расселись по местам.— Вид просто жуткий.

— Нет, мы ничего,— сказал Скотт.— Кита помнишь? Дитя природы из Вулломулу. Мы его еще на днях пытались спасти в Дрё.

Мы с Бо встретились мельком, на улице и в темноте, так что сейчас будто впервые познакомились, и в ее взгляде я прочел: «А-а, вот он какой, оказывается, при дневном свете».

— Какой бледный,— сказала она.— Нездоровится?

— Ребенок вчера до того надрался,— сказал Хемингуэй,— что нам пришлось волочить его в постель.

— Вообще-то ты не думай,— сказал Скотт,— он в рот не берет спиртного.

— Как же он тогда надрался?— спросила Бо.

— Он пил шампанское, а думал, что это лимонад.

— Ну, а вы где были?

— Там же, естественно.

— Чего же вы ему не объяснили, что к чему?

— А мы ему экзамен устроили на моральную стойкость,— сказал Скотт.

— Ну и как?

— Сдал на отлично,— сказал Скотт.— Что будем пить?

— Ничего, Скотт,— сказала она.— Сегодня я вам не дам напиться.

Бедный трезвый Скотт. Я уже знал, что срывы у Скотта не тяжелей, чем у других. Просто он интересней других умел их подать.

— Я вчера не был пьян,— сказал он.— И в Дрё я не был пьян. Ты уж со мной поласковой, Бо.

— Ну вот и не будем пить до ленча,— сказала она так ласково и прямо, что Скотт, конечно, не обиделся.

— По стаканчику кампари,— предложил он.

— Нет.

— Ребенку надо бы опохмелиться,— сказал Хемингуэй.

— Чем?

— Да тем же, что его с копыт свалило,— шампанским.

— Нет, так его только снова развезет.

— Ну, Христа ради, Бо, не томи бедняжку,— сказал Скотт.

— Не надо мне ничего,— сказал я.— Мне и так хорошо.

— Зато мне от одного взгляда на тебя выпить хочется,— сказал Скотт.

— За лэнчем выпьете вина,— сказала Бо.— Терпение прежде всего.

Я думал, она забавляется, но нет. В аперитиве им было отказано, а вино Бо выбрала сама, и снова меня кольнула ревность, потому что она явно взялась их воспитывать, а они явно взялись ей подыгрывать. Она была достаточно юной для такой роли, а им это льстило. В общем-то они вели себя с нею точно так же, как вели себя со мной, правда, будучи в другом настроении.

После лэнча (мне она строго заказала лимонад) Бо сама потребовала счет, вдумчиво проверила, подсчитала сумму на длинных своих нежных пальцах, взяла у Хемингуэя и Скотта ровно по половине (плюс чаевые) и заплатила официанту, который, паря над нею коршуном, успел, когда она поднялась, вырвать из-под нее стул.

— А в следующий раз мы с Китом заплатим,— сказала она.

— Ты-то плати,— сказал Хемингуэй,— а у ребенка денег нет.

— С виду непохоже,— сказала Бо.— Одет он неплохо.

Хоть от меня и пахло нафталином, все на мне было шито отлично, тут уж мой отец-англичанин не пачкал затрат, потому что сам любил одеваться.

— Он свои денежки оставил в бардаке в Алансоне,— сказал Хемингуэй, но это он Бо дразнил, а не меня.

Бо устремила на меня тихий темный взгляд.

— Ну и все неправда,— сказала она. Бо протянула мне свой чемоданчик, который вынес ей официант.— Верно ведь?

Я не ответил. Ведь что ни ответь, все получилось бы глупо.

— И вообще я вам не верю,— сказала Бо спокойно, когда мы вышли из ресторана.— Вы оба жуткие вруны.

Они расхохотались, мы с Бо уселись, поставили в ногах чемодан, и трезвый, проворный Скотт вывел «фиат» из Майенна и повел в сторону Фужера, куда мы, собственно, и направлялись и надеялись добраться засветло.

Но пропустил дождь, мы недалеко отъехали и застряли. Мы свернули было с главного шоссе, чтоб поднять откидную верх, и тут наш «фиатик» взбунтовался. Пришлось

нам вылезти. Скотт и Хемингуэй заглядывали под изношенный капот, а я толкался вокруг машины бессмысленно и безрезультатно. Потом еще поспорили о том, воняет ли бензином. Но мотор отказал, и хоть Скотт убеждал Хемингуэя, что тот должен разобраться, в чем тут дело, раз водил санитарные машины в войну, Хемингуэй не лучше нас со Скоттом разбирался в механике.

— Черт тебя подери, Эрнест, машины ведь — как священники, — разозлился Скотт, — и тебе бы не мешало в них разбираться.

— А откуда Эрнест разбирается в священниках? — спросила Бо.

— Он их любит. А по мне, пусть бы их и на свете не было.

— Какой цинизм, — сказала Бо. — Если машина испорчена, значит, мы ее испортили, а мы ведь ее не портили, верно?

Мы все ждали от нее каких-то механических чудес, и Скотт с Эрнестом явно подбивали ее выйти из машины и заняться мотором. Но она не поддавалась и сидела чопорно и прямо на заднем сиденье.

— Кто-то должен пойти за помощью, — сказала она. — Скотт, вы идите.

— Почему я, спрашивается? — На голове у Скотта была шляпа «федора», но он был без плаща.

— Вы были за рулем, когда это случилось. Все по справедливости.

— Но я по-французски ужасно говорю, да и дождь.

— Это Кит по-французски не очень-то говорит. А вы вчера в Дрё отлично изъяснялись. Идите и проголосуйте до... — она поискала по карте, — Арне или Шарне. Эрнест и Кит попробуют наладить машину, и если у них получится, там и встретимся.

— Где именно?

— Ах, ну где-то там. Не все ли равно.

— А далеко до этого проклятого места?

— Километра три. Ну поскорее, Скотт.

Хемингуэй вызвался пойти, потому что у него была плащ-палатка, но Скотт изображал бедную жертву и не уступал. Он надел плащ-палатку Хемингуэя и исчез в дымке дождя на дороге к осеннему Майеннскому лесу. Наверное, Скотт был не прочь погулять под лесным дождем в теннисоновых полутювах грустной сельской природы. Скотт в душе был поэт Озерной школы.

Так он и потерялся, и Бо, которая вечно искала виноватого, винила потом себя за то, что случилось в тот день со Скоттом.

Мы с Хемингуэем копались в моторе «фиата», когда вдруг между нами появилась Бо. Она обладала способностью совсем неожиданно возникать рядом, — по-моему, я и влюбился в нее через плечо. Она, как всегда, забросала нас вопросами, выстраивая слова пирамидками. А это куда, а что оно делает, а для чего это, а что будет, если за это потянуть, почему это должно быть здесь, а не там... Она ровно ничего не понимала в моторах, и хотя ответы Хемингуэя становились все короче и раздраженнее, она своими вопросами как слепой слепого заводила его в дебри. Он держал проводок, отсоединившийся от одной из клемм, и Бо спросила его, для чего этот проводок. Из клеммы выпала гайка, и проводок просто отвалился.

— Ну?— сказала Бо.— А теперь что будем делать?

← Привяжем проводок, заведем эту хреновину и помычимся в погоню за Эф Скоттом Фицджеральдом,— сказал Хемингуэй.— Садитесь вперед,— скомандовал он.

← Нет,— сказала она.— Я сяду сзади, на случай, если мы его догоним.

← Сзади ты не увидишь Скотта, раз верх поднят.

← Мы его найдем,— сказала она.— Сейчас он уже должен быть в этом городке.

Мы сели в машину, но Бо тут же стала вылезать обратно.

— На случай, если мы с ним разминемся, надо приколоть к дереву записку,— пояснила она.

← Какую еще записку?

← Что мы вернемся сюда.

← О, господи, Бо, он уж как-нибудь сам это сообразит,— сказал Хемингуэй. Он завел «фиат», и мы выехали на главную дорогу.

Арне оказался просто придорожной деревушкой, где у каменной стенки с железным навесом от дождя сидел на кухонной табуретке старичок. Никто ничего не знал о Скотте, один только старичок сказал, что в соседней деревне Шарне есть новый гараж. Деревня Шарне была чуть побольше Арне, в ней имелась даже бензоколонка «Антар». Старушка в маленьком кафе за бензоколонкой сказала, что ее сын поехал с американцем на велосипеде в Майенский лес.

— В какую сторону они поехали?— спросил Хемингуэй.

— Туда, к реке и через церковные поля.

— А почему на велосипеде?— спросил Хемингуэй.— Разве у вашего сына нет машины?

— Так внук же уехал на ней утром в Фужер,— возмущенно ответила старуха.— Откуда ж ей тут быть, этой машине, мосье.

Хемингуэй попросил ее сказать американцу, когда он вернется, чтобы он ждал их тут, в кафе. Потом развернул машину и помчался, как в санитарной карете, к Майеннскому лесу.

— Мы опять упустили этого подонка,— сказал он, когда мы подъехали к лесу.

— Вы сами виноваты, Эрнест,— сказала Бо.— Надо было оставить ему записку.

— Ну, так мы, черт его дерь, не оставили,— сказал Хемингуэй,— значит, нам придется околачиваться тут, пока он не объявится.

Минут пять мы просидели в машине, пережидая дождь. Хемингуэй был так зол и нетерпелив, что не захотел больше ждать и включил мотор.

— Я еду обратно в деревню,— сказал он.— Может, он уже там.

Бо опять его остановила. На этот раз она настояла на том, чтобы оставить Скотти записку. Она написала ее на листке из записной книжечки в золотом переплете и приколола к дереву булавкой для шарфа, которую выудила из сумочки. «Дорогой Скотт,— было написано в записке.— Мы непременно вернемся. Ждите нас под этим деревом. Привет. Бо».

На этот раз бензоколончик в Шарне оказался на месте, он сказал, что американец и механик из гаража уехали не на велосипеде, а на мотоцикле. Они приезжали и, не застав нас, уехали опять, только на этот раз Скотт решил, что мы отправились в соседний городок без него.

— Il était fugieux.¹

— Ох, пьяный, безмозглый негодяй,— сказал Хемингуэй.— Ручаюсь, что он налил в каком-нибудь баре и ждет, пока мы его разыщем.

Мы поехали в Фужер, надеясь, что Скотт где-то тащится по дороге и что мы его нагоним. Но поначалу дорога была пуста. Немного погодя мы увидели вдаль мотоцикл с коляской, и Хемингуэй прибавил газу.

— Вон мой плащ,— крикнул он.

¹ Он был взбешен (фр.).

— Ничего подобного, — зашептала мне Бо. — Его плащ я бы узнала с первого взгляда. — Она взяла меня под руку, словно нам следовало сейчас крепко объединиться.

На мотоцикле ехал местный паренек в брезентовом дождевике, а плащом оказался связанный теленок в коляске. Хемингуэй, обгоняя их, крикнул пареньку что-то по-итальянски, потом мы без остановки домчались до Фужера. Хемингуэй знал, какая гостиница значилась в составленном Скоттом маршруте, и мы с Бо ждали в «фиате», пока он ходил узнавать, не приехал ли Скотт.

— Почему Эрнест так сердится? — спросила Бо. — Он просто взбешен.

— Скотт тоже будет взбешен, — заметил я.

— Но почему? Что с ними происходит?

— Ну... они хотят что-то выяснить для себя, — сказал я. — Поэтому они так круто обходятся друг с другом.

— А что им нужно выяснить? — спросила Бо.

Мне не очень хотелось объяснять Бо цель этой поездки — я боялся запутаться, но в то же время стремился произвести на нее впечатление, поэтому я как можно небрежнее сказал, что для них это не просто случайная поездка в Фужер.

— Тут нечто гораздо более важное, — сказал я.

— Почему? — спросила Бо.

Я пересказал ей то, что говорил мне Скотт: он и Хемингуэй подвергают их дружбу своего рода испытанию, потому что хотят узнать друг о друге, настоящий ли это Хемингуэй и настоящий ли Фицджеральд, либо оба притворяются и выдают подделки за свою истинную сущность.

— Какой ужас, — сказала Бо. — Неужели это правда?

— Конечно, — авторитетно сказал я. — Вот почему между ними все время идет внутренняя война.

Парусиновый верх «фиата» промок почти насквозь, но я так блаженствовал, что мог бы хоть полночи просидеть в этой отсыревшей итальянской коробочке. Я был страшно доволен собой, потому что, как мне думалось, я наконец-то произвел на нее впечатление. Но потом я сообразил, что, пожалуй, впечатление оказалось слишком сильным, поскольку Бо не намерена была поступать так, как поступал я. Она вовсе не желала держаться в стороне, как я, и изображать нечто вроде греческого хора. Первым ее побуждением было немедленно вмешаться.

— Надо что-то делать, — сказала она.

— Что, например? — нервно спросил я.

— Не знаю. Но надо как-то им помочь, Кит. Это наш долг.

Я сказал, что вмешиваться было бы ошибкой.

— Я бы крепко подумал перед тем, как действовать.

— Почему? Разве вы не хотите им помочь?

Не успел я сказать, что наши старания помочь могут только ухудшить дело, как из «Hôtel de France» вышел Хемингуэй, набывчившийся, как боксер, выходящий на ринг. Он сказал, что Скотта там нет.

— Они даже его не видели.

— Значит, надо ехать обратно, к лесу,— сказала Бо.

— Господи, это еще зачем?

— Потому что он, наверно, ждет нас под тем деревом.

— Ну нет, я не намерен раскатывать туда и обратно,— сказал Хемингуэй.

— Почему?

— Потому прежде всего, что поездка в Фужер — это была его затея, так что пусть добирается сюда как знает.

— Но он будет ждать, Эрнест. Я же оставила записку, чтобы он нас ждал.

— А я тебе говорил, что никаких записок не надо. Если он там ждет, значит, он спятил.

— Но он ждет. Я знаю.

— Ладно. Поезжайте сами, и пусть мальчуган ведет машину. Для того его Скотти и взял.

— Нет. Поведете вы, Эрнест. Вы должны поехать с нами,— прожурчал мимо меня голосок Бо, и, не глядя на Хемингуэя, я понял, что он поедет. Он сел в машину, завел «фиат», сказал «дерьмо собачье» и повез нас к Майеннскому лесу так, будто гнал санитарную машину сквозь пули и взрывы.

Дождь не прекращался, и начинало темнеть.

— Нет его здесь,— сказал Хемингуэй.— Я же вам говорил.— Всю дорогу Хемингуэй был угрюм и молчалив, теперь он стал угрюмым и раздраженным.— Хорошую же кутерьму ты затеяла, Бо,— сказал он.

— Нет. Это вы ее затеяли,— спокойно сказала она.— Вы не должны злиться на Скотта. Постарайтесь его понять.

— Я вовсе не злюсь, просто он мне до черта надоел. И если бы мы не приехали в Фужер, я бы уехал первым же поездом и на первом же пароходе вернулся бы домой, чтобы нас с ним разделил океан. И чтобы между нами возник огромный умственный барьер. Я не желаю даже находиться на одном континенте с Эф Скоттом Фицджеральдом.

— Но почему, Эрнест?

— Этого не объяснить, по крайней мере на вашем языке. Так что не будем об этом.

— Во всяком случае, мы совсем не туда заехали,— сказала Бо. Очевидно, она перебрала в памяти приметы места, где стояло то дерево, и теперь нашла несходство между тем местом и этим.

Хемингуэй, человек очень земной, вдруг громко расхохотался.

— Из вас вышел бы отличный генерал, Бо,— сказал он и, дав задний ход, вывел «фиат» с узкой проселочной дороги и через несколько километров свернул на другую. В свете фар мы увидели Скотта — промокший и одинокий, он сидел под деревом.— Бедняга,— сказал Хемингуэй.

— О боже милостивый, Скотт, на кого вы похожи,— жалостливо сказала Бо, выходя из машины.

Скотт не пошевелился. Он сидел скрючившись, как бродяга, пытающийся прикрыть руками свою промокшую нищету.

— Чего это ради вы все вернулись?— спросил он.

— Мы же оставили вам записку.

— Зачем? Ехали бы вы своей дорогой. Я тут сижу и блаженствую, как Диоген в бочке, так что можете убираться туда, откуда приехали.

— А где механик из гаража, что привез тебя сюда?

— Ему некогда было ждать. Я сижу здесь уже шестнадцать часов, а может, и больше.

Хемингуэй не вышел из «фиата».

— Ну иди же сюда, бога ради,— сказал он.— Чего ты, спрашивается, еще ждешь?

Скотт двумя пальцами приподнял свою промокшую, потерявшую всякую форму «федору».

— Я не сойду с этого места,— сказал он.

Хемингуэй пожал плечами.

— Ну, раз так, отдай мне мой плащ, и мы оставим тебя в покое.

— Забирай свой плащ, а я возьму «фиат»,— сказал Скотт.— И тогда, ей-богу, мы бросим тебя тут на добрых шестнадцать часов,— заявил Скотт Хемингуэю.— Ты же бросил меня, подонок.

— Ладно.— Хемингуэй вышел из «фиата».— Я тебя бросил. Ну, давай мне плащ.

Мне показалось, что Скотт сейчас вскочит на ноги и бросится на Хемингуэя. Но вместо того он нарочно упал плашмя, как будто от боли, и покатился по раскисшему от дождя склону. Затем он встал на ноги и сказал:

— Сам видишь. Отличнейший плащ. Непромокаемый! Грязеотталкивающий!

Он пачкал плащ Хемингуэя, хлопая по нему грязными руками, но Хемингуэй, бесстрастно глядя на него, не произнес ни слова.

— Скотт, ну что вы в самом деле! — сказала Бо. — Это уже непростительно.

Скотт опять сел на землю.

— Ладно. Это, конечно, непростительно. Но я уже чувствую себя гораздо лучше, так что все вы можете смеяться. Я остаюсь здесь.

— Хорошо, хорошо, оставайся. Раз ты так решил, то одолжи мне твою шляпу.

Скотт протянул Хемингуэю свою насквозь промокшую «федору». Бо хотела было что-то сказать, но я стиснул ее руку, не дав раскрыть рта; мы ждали, что Хемингуэй в отместку за свой плащ начнет гонять эту шляпу по грязи, как футбольный мяч. По-моему, Скотт тоже предвидел это — он даже пригнулся, чтобы вовремя перехватить свою шляпу.

Но Хемингуэй поддал кулаком дно, расправил поля шляпы, придав ей должную форму, и водрузил ее на голову Скотту.

— Теперь ты одет как следует, Фицджеральд, так что можно ехать.

Но Скотт опять окрысился.

— Ты думаешь, я пьян, да?

— Нет, не думаю. Ты так вымок и такой ты жалкий, что не можешь быть пьяным.

Я взял Бо за локоть и, хоть она сопротивлялась, отвел ее к машине.

— Но они же опять начнут ссориться, — прошептала она.

— Не начнут. Но пусть они сами разберутся. Вы ничем не можете помочь.

— Вы говорите, как старый дед, — сказала она.

— Иногда я и чувствую себя старым дедом.

Мы сели на заднее сиденье «фиата» и смотрели спектакль, который отлично разыгрывал Хемингуэй. В нем, как никогда еще, сказывался английский офицер, спокойно, но властно управлявший со старым, но уставшим солдатом, который никак не хотел вылезать из хлюпающей грязи окопа. Капитан Хемингуэй был на высоте — не знаю, что он там говорил на этом раскисшем от дождя майненском поле боя, но я видел, как Скотт очень точно вошел в свою

роль, тонко ее чувствуя, как хороший природный актер. Так я видел это и понял, что не ошибся, когда Скотт вытянулся и ловко, по-английски, отдал ему честь, а потом четко зашагал за ним, повторяя «левой, правой, левой...».

Когда они подошли к машине, Хемингуэй был подтянут и бодр и, очевидно, все еще чувствовал себя командиром.

— Хочешь вести машину?— спросил он Скотта.

— Нет. Веди сам.

— Ты ведешь не хуже меня.

— Нет. Эта машина меня не признаёт,— сказал Скотт.— Она меня ненавидит. Прямо напасть какая-то.

— Это я во всем виновата, Скотти,— вмешалась Бо.— Я напрасно вас отослала. Простите меня.

— Можете получить мою шляпу,— сказал Скотт.

Но Бо поклонилась, и поцеловала его, и сказала:

— Вы такой чудесный человек. Вы просто молодчина.

А Эрнест очень беспокоился о вас.

Этим Бо все испортила.

— Вы дьявольски правы, я о нем беспокоился,— быстро вмешался Хемингуэй.— Я думал, что он пьян. И один бог ведает, куда бы нас завели наши поиски, если бы он действительно был пьян.

— А, черт бы тебя взял! Неужели нельзя хоть раз не тыкать мне этим в глаза?— жалким тоном сказал Скотт.— Хоть один раз...

Мы подъехали к Фужеру в полном молчании, и хотя мне было понятно, что их связывает нечто гораздо более важное, чем эти перепалки сгоряча, все же я сомневался, надолго ли хватит у них доверия друг к другу. Их, должно быть, постоянно мучило то, что они за собой знали и что им хотелось преодолеть, истребить или забыть.

Глава пятая



Я до сих пор не знаю, как объяснить поведение Скотта в Фужере — мстил ли он Хемингуэю, съязвившему насчет его пьянства, или просто ухватился за возможность затеять очередную грызню. Как всегда в спорах, они не

выбирали выражений и часто прибегали к самым грубым приемам, чтобы одержать верх, или доходили до жестокости, стараясь уязвить противника. Хемингуэй был жесток к Скотту, чуть ли не обозвав его алкоголиком, а потом и Скотт обошелся с ним, как нам казалось, чересчур жестоко; правда, к концу нашего путешествия я уже не был так уверен в этом. Но что бы мы ни думали, а Скотт ему ничего не простил, и это чуть не привело к трагедии.

Целью нашего путешествия был Фужер, городок, где они должны были выяснить, кто лучше описал его — Бальзак или Гюго, — и разрешить свой литературный спор. Но под вечер за обедом Хемингуэй заявил, что он приглашен на охоту в одно старинное поместье милях в двадцати к югу и собирается завтра уехать туда.

— Ты хочешь нас бросить? — спросил Скотт.

— Да, а что?

— Мы же решили довести дело до конца, — сказал Скотт. — Иначе что за смысл сидеть в этом пейзажном захолустье?

— Я вернусь, — сказал Хемингуэй.

— Ладно. А где это поместье?

Мы сидели в баре-ресторане на вершине фужерского холма. Вдали в легкой осенней дымке цвета апельсиновой кожуры вырисовывалась фужерская крепость. Все было более или менее так, как я представлял себе, читая «Девяносто третий год» Гюго, хотя вскоре мне пришлось разочароваться.

А пока что наша трапеза шла спокойно и трезво. Бо хозяйничала за столом и одним своим присутствием поддерживала порядок и мирный покой. Разговор шел главным образом о детстве и о том, что оно нам дало. Я уже знал, что мое детство было схожим с детством Хемингуэя. Оба мы выросли на природе и гордились этим. Но Скотт лишил нас удовольствия поделиться воспоминаниями. Он сказал, что мы почти ничем не отличаемся от крестьян из прерий и что наша примитивная культура пришла не из лесной глуши, а с городских улиц.

— Нет такой штуки, как культура лесной глуши, — сказал он. — Не было и не будет.

Они стали пререкаться, и на этот раз так озлобленно, что Бо в конце концов вмешалась и спросила, что они собираются делать завтра, и тогда-то Хемингуэй сообщил нам, что решил поехать на охоту.

— Где же этот охотничий замок? — спросил Скотт.

— В Ла-Герш-де-Бретань, — ответил Хемингуэй.

— Так это же поместье Ги де Гесклена.
— Правильно.
— О, господи! Тогда я еду с тобой,— сказал Скотт.
— Нет, ты не поедешь, Скотт. Это только для охотников.
— Ну, вот еще. Гесклены мои друзья, Эрнест, а не твои. Ведь это я тебя с ними познакомил.
— Ну познакомил, что ж из того. Но это охота, и тебя не приглашали.
— Я позвоню Ги по телефону. Я скажу, что мы все приедем. Они будут в восторге.

— Ты никогда в жизни ружья в руках не держал.
— Бог знает что ты говоришь! — негодуяще воскликнул Скотт.— Я стреляю в сто раз лучше, чем ты. Я — снайпер. Это общеизвестный факт. На военных учениях я был лучшим стрелком во всем сорок пятом дивизионе.

И не успел Хемингуэй возразить, как Скотт выскочил из-за стола и пошел за стойку бара, где сидела кассирша и был телефон. Я думал, что Хемингуэй остановит его, но Бо, которая тоже была знакома с Гескленами, быстро сказала Хемингуэю:

— Пока вы будете охотиться, Эрнест, мы можем посидеть в каретном сарае. Мы будем играть в карты с Фиби и скаковыми лошадьми. Не отговаривайте Скотта, Эрнест. И не беспокойтесь за него.

Хемингуэй пожал плечами.

— Это его друзья. Я не могу ему запретить.
— Он не испортит вам охоту,— сказала Бо.
— Пусть только попробует,— спокойно сказал Хемингуэй.— Я его зарежу. В Ла-Герш лучшая в Европе охота на куропаток.

Дом Гескленов в Ла-Герш-де-Бретань был похож скорее на гостиницу, чем на замок. Он полукружьем замыкал мощный булыжником двор с конюшнями и каретным сараем по бокам; внутри, за широким балконом и по обе стороны, тянулось множество белых комнат. Это был огромный, толстостенный, холодный каменный дом, куда сейчас съехалось человек двадцать гостей, большей частью французов, и все они смеялись и подшучивали друг над другом, как будто только для того они здесь и собрались. Сначала я не узнал, который из них Ги де Гесклен. По правде говоря, я встретился с ним в его доме, как солдат встречается с генералом в штабе. Зато я разговаривал с его женой, богатой американкой Фиби, высокой и плоской, медленно растягивающей слова молодой женщиной из

Новой Англии; судя по всему, ей было уже все равно, на что тратит ее деньги родовитый супруг.

Бо сказала мне, что она любит «Фиб», но ее бросает в дрожь при одной мысли о де Гесклене, который каким-то образом приходился ей родней. Она знала его уже много лет, и почти все, что она о нем рассказала, я потом нашел в Томми Барбане из романа Фицджеральда «Ночь нежна». Должно быть, Скотт придал Барбану многие черты де Гесклена, а во всем этом доме было что-то такое французское, такое бессердечное и так пахло большими деньгами, что в конце следующего дня я, сам не понимая почему, с радостью уехал из этого дома. Для меня была непонятна его атмосфера, и мне там не нравилось.

Мы приехали под вечер, охотиться было уже поздно, и Фиби де Гесклен отвела меня в комнатку над одной из конюшен во дворе. Комнатка была чистенькая, белая, заставленная громоздкой мебелью орехового дерева. Ночью я впервые слушал соловьев, но в начале второго раздался рев въезжавшей во двор машины с зажженными фарами. Это была «изотта». Скотт оставил в Фужере записку для Зельды и Мерфи, и они приехали так, как любила приезжать Зельда,— чтобы сразу перебудить всех в доме.

Во дворе громко смеялись и кричали. Я услышал голос Скотта, предлагавшего вытащить всех из постелей и устроить небольшой выпивон. Потом я слышал, как Джеральд Мерфи увещевал его, сказав, что, если он не угомонится, Ги де Гесклен наверняка сойдет вниз и поставит его на место. А Скотти это будет неприятно, правда ведь?

— По-моему, де Гесклен любит Зельду,— прошептала мне Бо еще вечером, когда мы шли по двору.— Но к Скотту относится ужасно.

В половине шестого утра судомойка с голыми по плечи руками и темными усиками, стуча деревянными сабо, принесла мне чашку горячего черного кофе, кусочек сыру и корзиночку со свежими теплыми будочками. Потом без стука вошел маляк в черных эспадрильях и положил на столик под окном кожаные краги, игдташ, дробовик и патронташ.

— *Rassemblement* ¹,— сказал он, хлопая локтями по бокам, как птица крыльями. И показал шесть пальцев.— *Six heures...* ²

¹ Сбор (фр.).

² Шесть часов (фр.).

Позже мне довелось гостить в английском поместье и охотиться с собаками на красных куропаток в английской вересковой пустоши, и все было как-то чинно и хорошо организовано, никакой суеты и никакой путаницы. Но когда я спустился вниз, этот французский двор показался мне веселой деревенской ярмаркой. Солнце только всходило, и еще не рассеялась легкая дымка тумана во дворе, а он уже был полон людей. Почти полчаса де Гесклен разделял нас на группы с *gardes champêtres*¹ во главе каждой (охотничьих собак не было) и наконец призвал нас всех к порядку, как хороших солдат.

— Будете стрелять попарно, — сказал он, — и держаться группами. В каждой группе будет по два *gardes champêtres*, и еще один будет ждать вас с теми, кто не пойдет на охоту. Они приготовят ленч, вы будете закусывать в двенадцать часов. За расстояние между охотниками ответственны *gardes*, но ради бога не разбредайтесь в стороны. К сожалению, сегодня *vent d'Est*², но если у вас есть вопросы, лучше спросите у меня сейчас, потому что я тоже буду охотиться и не увижу никого из вас до конца охоты, то есть до вечера.

Мы, как настоящие солдаты, не задали ему никаких вопросов, хотя в этом «*vent d'Est*», очевидно, было французское остроумие и даже непристойность, потому что все засмеялись, — один только я не понял, в чем тут соль, пока Хемингуэй не объяснил Скотту, что для охоты на куропаток нужен ветер.

— И если ветер восточный, то нужно держать курс на восток, а там где-то будут загонщики с колотушками.

— Хорошо, но почему они смеются? — спросил Скотт.

— Кто их знает. Наверное, из-за кожевенной фабрики.

Фиби объяснила, что в пяти милях к востоку есть кожевенная фабрика, от которой в Ла-Герш идет страшная вонь.

— Ги несколько лет добивался, чтобы ее закрыли, и ничего не мог добиться. Тогда он ее купил, но оказалось, что она приносит уйму денег, и он не стал ее закрывать.

— По правде говоря, деньги де Гесклена очень дурно пахнут, — сказала Зельда.

— Ш-ш! — произнес Скотт. — Это все-таки деньги Фиби, не так ли?

— Тогда сыромятные кожи должны быть от фирмы Шанель, — сказала Зельда.

¹ Здесь: егерями (фр.).

² Восточный ветер (фр.).

— Зельда! — воскликнула миссис Мерфи.

Зельда подтолкнула Фиби локтем.

— Она знает, что я хочу сказать, да, Фиб?

Фиби де Гесклен засмеялась, и в этом смехе чувствовались годы и годы смиренности и бесконечных сожалений, пусть даже о каких-то мелочах.

— Может, вы там прекратите сплетничать и станете по местам,— крикнул нам Ги.

Скотт воспринял это как приказ, адресованный ему лично.

— Сейчас будем готовы, Ги, не беспокойтесь.

Скотт, в чужих бриджах и зеленой шляпе, мгновенно взял на себя роль распорядителя, он советовался с егерями, пересчитывал ягдташи, осматривал ружья и то и дело подбегал к белому столу, где бронзово-загорелый коротышка крестьянин разливал кальвадос из оплетенной бутылки в стаканы толстого стекла.

— Знаешь, довольно, Скотт,— сказал Ги де Гесклен, подойдя к нашей группе.— Не воображай, что ты будешь бродить по моей земле, нахлебавшись яблочной водки, да еще с заряженным ружьем в руках. Напиться успеешь после охоты.

Скотт отнесся к его словам совершенно спокойно, и тут же опять побежал вышить, и тут же опять стал суетиться возле нас. Кажется, ему хотелось, чтобы Зельда тоже участвовала в охоте, хотя она была в туфлях на высоких каблуках, в белых шелковых чулках и в кремовой юбке в складку выше колен. Но Фиби убедила ее остаться.

— Должен же кто-то помочь мне готовить завтрак,— сказала она,— так что ты лучше побудь со мной, Зельда, а то от этих выстрелов я совсем дурею.

— Я никогда тебя не оставлю,— пылко заверила ее Зельда.

До сих пор Зельда не обращала на меня никакого внимания, если не считать шепотом произнесенного «здравствуйте». Супруги Мерфи мне улыбнулись. Бо была одета как мальчик, но выглядела серьезной школьницей, а Хемингуэй упражнялся, то и дело вскидывая свою двустволку. Быть в паре со Скоттом он наотрез отказался.

— Я слишком ценю свой зад,— сказал он.

Партнерами для них могли быть только Бо и я. И они по очереди бросили монетку — на право первого выбора.

Хемингуэй выиграл и выбрал Бо, заявившую, что она охотится с детства, и таким образом я достался Скотту.

— Ты хоть умеешь стрелять, Кит?— шепотом спросил Скотт, когда мы двинулись в путь вслед за нашим егерем в зеленой куртке с черной отделкой.

— Я снайпер,— сказал я.

— Да ну тебя.

— Иначе говоря, я стреляю неплохо,— сказал я, немножко сконфуженный своей шуткой.

— Мы должны их обставить,— серьезно сказал Скотт.— Мне все равно как, но мы должны принести больше птицы, чем Эрнест. Это страшно важно. В сущности, это отличная возможность кое-что доказать, Кит, и, ей-богу, я ее не упущу. Тебе не приходилось читать, что говорит Грант Аллен о джентльменах-убийцах, которые дни напролет занимаются рыбной ловлей, охотой и стрельбой?

— Нет.

— Он называет их титулованными варварами — прямыми потомками полудиких готов, которые уничтожили Римскую империю, и, как истинный джентльмен, утверждает, что только постоянная борьба с ними может сохранить культуру. Так вот, клянусь богом, я намерен бороться, и я намерен заставить Эрнеста приглядеться к себе в роли титулованного варвара.

Я никак не мог понять, что он под этим подразумевает и что собирается сделать, а Скотт начал вертеть ружьем так, как это делал Хемингуэй, и я даже чуть испугался. Когда мы двинулись вслед за нашими егерями, Скотт крикнул Хемингуэю:

— Спорим на сто долларов, что мы принесем больше птицы, чем вы! Спорим, иначе ты просто трус!

— Не валяй дурака,— отрезал Хемингуэй.

— Ты трус!..

— Ладно. Ладно. Раз ты такой дурак.

Мы зашагали по небольшому бугристому полю, справа и слева от нас были видны другие охотники. Наш егерь показал руками, куда нам можно стрелять, чтобы не мешать другим. Но Скотт был несколько растерян.

— Я даже не знаю, как выглядит куроцапка,— сказал он мне.— У нее длинный хвост, да? Или то у фазана? Какого она цвета?

— Они скорее похожи на жирных голубей,— сказал я.— Только рыжеватые или серые, но я не знаю, какого они цвета здесь.

— А какой величины?

Я показал.

— Они обычно летают парами.

— Ну тогда я вряд ли промахнусь.

Я засмеялся. Но все же я немного нервничал из-за Скотта и его ружья и старался держаться позади него, особенно когда с обеих сторон захопала ружейные выстрелы. Но мы еще минут десять спотыкались о кочки и канавы, пока я наконец не увидел двух куропаток — они выпорхнули из своего укрытия в небольшой копне сена и, прежде чем взлететь, пробежали по земле ярдов десять. Я думал, что Скотт выстрелит, но он стоял не двигаясь и изумленно глядел, как они взлетели против ветра, потом необыкновенно красиво и плавно сделали разворот и полетели по ветру, неизбежно обрекавшему их на гибель. Я не стал ждать. Я вскинул ружье и удачным выстрелом подбил одну из птиц.

— Фантастика! — крикнул Скотт.

Я думал, что это относится к моему выстрелу, но он восторженно сказал:

— Они не летают, Кит. Они просто расцветают в воздухе.

— Почему вы не стреляли? — спросил я.

— Они же так прекрасны! Я не видел ничего подобного.

— Почему же вы не стреляли? — повторил я.

— Мне это даже в голову не пришло, — ответил Скотт.

— Тут надо не упустить минуту и стрелять, пока они поворачивают по ветру, — объяснил я. — Это ваш единственный шанс.

— Ты хочешь сказать, они всегда поворачивают так, чтобы лететь по ветру?

— Всегда.

— Почему?

— Чтобы набрать скорость. Они просто великолепны в воздухе. Они летят страшно быстро, потому что скорость — их единственное спасение.

Скотт захотел посмотреть на мертвую куропатку, которую принес наш егерь Том. Он бережно держал ее в ладонях; маленькое упитанное тельце было еще теплым и мягким.

Скотт легонько погладил ее пальцем.

— Бедные птицы, — сказал он. — Они попадают в силки и находят свою смерть там, где искали ночлега. Это же просто убийство.

— Возможно, — вызывающе сказал я. — Но раз уж вы охотитесь, то не стоит об этом думать.

— Тогда это просто нелепо,— возразил Скотт.— Неужели ты не понимаешь, что, убивая какое-то живое существо, ты убиваешь что-то в себе самом. Браминны абсолютно правы, и я все время твержу это Хемингуэю, потому что он себя медленно убивает. Но с ним же спорить бесполезно. Можно только показать ему. Вот это я и собираюсь сделать.

У меня мелькнула мысль, что сейчас он откажется от желания обставить Хемингуэя или убивать живых тварей. Но он поразил меня:

— Кит, я хочу, чтобы ты убивал все, что ползает, бежит или летает. Мне все равно кого. Воробьев, голубей, коноплянок, жаворонков. Все, что движется. Просто стреляй во все, что попадется.

— Но зачем, скажите на милость?

— Я хочу показать Хемингуэю.

— Что показать?

Скотт сейчас был похож на зеленоглазого кота в бриджах.

— Ну, просто сделай это для меня,— сказал он.

— Не могу,— запротестовал я.

— Почему?

— Это будет убийство ради убийства.

— Какая разница, раз ты все равно убиваешь?— со злостью сказал Скотт.— Отбор не оправдывает убийства.

Очевидно, он был прав. Но когда мы снова начали охоту, я не стал убивать все, что попадалось, а Скотт стрелял без разбора. Он был неплохим стрелком. В первый же час он подстрелил коноплянку, жаворонка, двух синиц, бежавшего по земле перепела, потом голубя, ему даже удалось убить куропатку, ворона и воробья — вернее то, что от него осталось. Все это он упрямо закинул в свой ягдташ; в моем уже лежало девять куропаток.

— Надо показать Эрнесту,— сказал Скотт.— Пусть знает.

Я еще мог понять, что хотел Скотт доказать Хемингуэю, но мне даже думать не хотелось о том, что скажет Хемингуэй, увидев добычу Скотта. Когда мы пришли к месту сбора для завтрака, Хемингуэя и Бо еще не было, и я ревниво подумал, почему они так задержались.

— Джеральда тоже еще нет,— сказала миссис Мерфи,— так что начнем без них.

Завтрак был сервирован на двух длинных столах, покрытых белыми скатертями. На столах стояли четыре бутылки реймского шампанского в серебряных ведерках,

медные мисочки с папшетоу, заливное из куропаток, холонднэ говядина, салэми, сыр, масло, молоко и свежий французский хлеб. Зельда дала Скотту хлебнуть из маленькой серебряной фляжки, а со мной заговорила так, будто весь день умирала от желания поболтать со мной.

— Милый Кит,— сказала она своим прелестным дразнящим *beaugard*¹ голоском.— Я так рада, что Скотти вас не застрелил, я была почти уверена, что этого не миновать.

— Вздор,— сказал Скотт, сделав долгий глоток из фляжки.— Я стреляю без промаха.

— Посмотрим, что там у тебя,— сказала Зельда, берясь за его ягдташ.

— Не трогай,— закричал Скотт.— Я жду Эрнеста.

— Да к черту Эрнеста. Давай посмотрим, с чем ты пришел.

— Оставь, детка,— сказал Скотт, отнимая у Зельды ягдташ.— Тут у меня большой сюрприз для Эрнеста.

Фиби очень мягко отвяла у Скотта фляжку.

— Ги разозлится на меня, если узнает, что вы пили кальвадос. Это очень опасно, Скотт.

— Да, знаю,— грустно сказал Скотт.— Но я и без того опасен, Фиби.

Сара Мерфи безмятежно взирала на нас. Это была на редкость спокойная женщина. Она протянула мне стакан молока, я его терпеть не мог, но поблагодарил и отпил немножко. Сара была в белой кружевной шляпе с мягкими ниспадающими полями, и хотя над осенней травой кружили пчелы и разные насекомые, миссис Мерфи благодаря своей шляпе, хорошим манерам и склонности к благопристойным развлечениям придавала пикнику некую изысканность. Меня она подкупила всем этим легко. Но вскоре появились Хемингуэй и Бо, и атмосфера сразу изменилась.

— Эрнесту — ни слова,— прошептал мне Скотт, будто я только и думал, как бы поскорее все выложить Хемингуэю.

— А где Хедли?— спросил Хемингуэй, снимая с плеча ружье.

Я совсем позабыл о миссис Хемингуэй, а Фиби, как всегда почему-то застенчиво, сказала, что Хедли уехала в Фужер с Джеральдом Мерфи (он не участвовал в охоте), чтоб отправить телеграмму своим родителям.

— Она очень беспокоится об отце.

— Угу,— только и произнес Хемингуэй.

¹ Здесь: зазывным, кокетливым (фр.).

— Ну?— нетерпеливо сказал Скотт, не открывая свой наглухо закрытый ягдташ.— Показывай свою добычу, Эрнест.

Бо стояла рядом со мной, а я уписывал бутерброд с папшкетом. Она подтолкнула меня острым локотком. Но я ревновал ее все утро и сейчас решил показать свою независимость. Я старался не обращать на нее внимания, пока она не сказала мне на ухо:

— Сколько же вы там со Скотти настреляли? Мы все время слышали, как вы стреляли, то один, то другой — бах, бах, бах.

— А чего же вы от нас ждали?

— Должно быть, вы очень часто промахивались.

Скотт осматривал ягдташ Хемингуэй; у них с Бо оказалось двадцать четыре куропатки — не то что наши жалкие десять.

— Ладно,— сказал Скотт.— Теперь поглядите наш.

Все столпились вокруг Скотта. Он развязал парусиновый мешок и, театральным жестом опрокинув его, вывалил жаворонка, коноплянку, ворона, черного дрозда, голубя, растерзанного воробья, куропатку и синиц. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Женщины неловко засмеялись, но были потрясены.

— О, Скотти!— воскликнула Зельда.— Это ужасно.

А Фиби сказала:

— Ради бога, что вы наделали, Скотт? Какой ужас!..

Хемингуэй молчал. Он, видимо, не знал, что сказать. Он смотрел на Скотта так, будто тот был вне всяких пределов морали, вне возможностей искупления и о нем не стоило даже думать. Потом он закричал хозяйским, властным голосом:

— Трезвый человек в здравом уме никогда не станет стрелять в коноплянок и жаворонков. Никогда!

— Я совершенно трезв,— негодуяще возразил Скотт и гордо выпрямился.

— Но зачем, Скотт? Чего ради вы это сделали?— в отчаянии спросила Сара Мерфи.

— Хочу доказать Эрнесту, что смерть есть смерть, и что мы все умрем вот так же, и что на его счету множество убитых, птиц или зверей — это неважно. Убийство есть убийство, Эрнест. Отбор не оправдывает гнусности.

— Это что, такой принцип?— буркнул Хемингуэй.

— Конечно. Ты же возводишь в принцип свою идею об убийстве по выбору.

— Да будь я проклят, если дойду до того, чтобы ради какого-то принципа убивать синичек и певчих птиц.

— А разницы тут нет,— уверенно сказал Скотт.— Что львы, что соловьи, быки или антилопы — все равно...

— Это что джиг, что виски — все равно,— сказал Хемингуэй.— Но погляди, что ты с ними делаешь. И, черт бы тебя взял, погляди, что они делают с тобой.

— Предоставляем слово доктору Эф Скотту Фицджеральду,— сказал Скотт.— Доктор Фицджеральд утверждает, что лучше быть чувствительным алкоголиком, чем задубевшим здоровяком с непробойной шкурой. Вот в чем разница, Эрнест.

— Ох, ради бога перестаньте,— сказала Фиби, а Сара Мерфи добавила:

— Да, это уже какое-то ребячество.

И даже Бо сказала:

— Я охочусь с десяти лет, Скотт, но вряд ли меня можно назвать задубевшей.

Только Зельда не сказала ни слова. Она тихонько напевала «тим-та-та, тим-та» и плела веночек букового дерева, потом опустилась в траву на колени перед Хемингуэем, водрузила веночек ему на голову и сказала:

Венок из роз для юных дней,
Мирт — для годов расцвета силы,
Фиалки — для могил друзей
И лавр — для Эрнеста могилы¹.

Мне казалось, что Хемингуэй сейчас ее ударит, но он поднял бутылку шампанского, из которой только что пил, и опрокинул ее над золотистой головой Зельды. Струйки потекли с волос на ее лицо.

Зельда вскочила на ноги.

— Какая гадость, Эрнест, оно же липкое!

— Это помазание, Зельда,— сказал Хемингуэй.— Ты помазана вином твоего безумия.

Зельда знала — Хемингуэй считает, что она не только ненормальна, но еще и дурно влияет на Скотта, позволяя ему пить, и мне стало жаль Зельду — на мгновение она показалась мне совершенно уничтоженной. Скотт упорно старался не замечать их дуэли. Но тут Зельда сказала слова, которые теперь, на расстоянии многих лет,

¹ Перефразированные строки из стихотворения английской поэтессы Кристины Россети (1830—1894). Перевод Виктора Лукина.

кажутся столь грустно пророческими, что, вспоминая их, я восхищаюсь ее пронизательностью и чутьем.

— Мы с тобой очень похожи, Эрнест,— спокойно сказала она, снимая с его головы венок.— Мы оба очень боимся смерти. Да, мы боимся смерти. Но я умру мужественно, я сгорю в огне, а ты пустишь себе пулю в лоб.

Зельда надела венок себе на голову и, сбросив туфли, стала танцевать в белых чулках, и я ручаюсь, что видел слезы в глазах Скотта, смотревшего на нее с восхищением.

Все остальные растерянно примолкли, все ощущали напряженность, мало что понимая в этой путанице, а я знал, что спор еще далеко не кончен. И весь остальной день будет логическим продолжением ссоры, с которой он начался, и отношения Скотта и Хемингуэя не станут лучше, а обострятся еще больше. Должно быть, Скотт много выпил — утром кальвадос и шампанское за ленчем,— но он не казался мне пьяным, хотя позже Хемингуэй объяснит происшедшее, обвиняя Скотта в том же, в чем всегда, и снова затеет прежний спор.

Хемингуэй заглянул в мой ягдташ, сосчитал трофеи и был приятно удивлен.

— Неплохо, мальчуган. Совсем неплохо,— сказал он и предложил мне обменяться партнерами.

— Ты пойдешь с Бо, а я, если хочешь, возьму Скотта, потому что с ним сейчас шутки плохи, он слишком опасен.

Но мне не хотелось, чтобы Скотт и Хемингуэй с ружьями в руках оставались наедине, и я почувствовал, что должен оберегать Скотта. Я боялся, что дело может кончиться плохо.

— Если вы не возражаете, я останусь со Скоттом,— сказал я.

— Как тебе будет угодно.— Хемингуэй набил карманы патронами из стоявшего под деревом ящика.— Но ты с ним поосторожнее, мальчуган. Скотти способен на самые дикие выходы — куда хуже, чем убивать жаворонков и коноплянок.

— Ничего, я справлюсь,— сказал я.

Мы снова отправились на охоту, на этот раз в глубь леса, в густые заросли. Теперь мы шли ближе к длинной цепи невидимых загонщиков, которые где-то далеко впереди вспугивали и гнали куропаток в нашу сторону. Слева и справа уже слышались выстрелы, и первая куропатка вспорхнула почти из-под ног Скотта. Он вскинул

свою двустволку, и я ждал двойного выстрела, потому что Скотти быстро научился стрелять из двух стволов почти одновременно.

— Давай! — крикнул я.

Но Скотт прицелился и тут же опустил ружье.

— Я больше не стреляю, Кит. Если б я ее сейчас подбил, это было бы хладнокровное убийство.

Он зашел по колено в мягкую сухую траву. Приятно пригревало солнце, стоял чудесный день, и в зеленовато-голубом небе Аквитании не было ни единого облачка. Над дикими цветами жужжали пчелы, и шелестели под солнцем высохшие травы.

— Возьми-ка, — Скотт протянул мне свою двустволку.

Я заколебался.

— Я больше не охочусь, — произнес он. — Я же тебе сказал.

Я понимал, что ружье ему не понадобится, но брать двустволку мне не хотелось. И я отказался. Я предпочитал свое ружье.

— Тогда иди впереди меня, — сказал Скотт. — А я буду тащиться сзади.

— Может, вы хотите сбежать отсюда? — спросил я.

— Чего ради? Я буду наслаждаться болотной грязью и власть надышусь на гескленовском воздухе гескленовским танином. Восточный ветер будет овеивать меня вонью его денег.

Скотт не внушал никаких опасений, и я радовался предстоящей охоте.

— Ну ладно, — сказал я и пошел вслед за Тома, который поторапливал нас сердитой жестикуляцией.

Целый час я был поглощен охотой — чем ближе мы подходили к невидимым загонщикам, тем чаще попадались куропатки, несмотря на стоявший в воздухе тошнотворный запах сырмятной кожи. Я почти ни разу не промахнулся, и Тома пришлось дважды опорожнять мою сумку в металлические ящики на колесах, которые потом должны были привезти загонщики.

Со всех сторон я слышал выстрелы. Скотт исчез из виду, но немного погодя я заметил, что он направляется в ту сторону, где охотились Хемингуэй и Бо. Потом я на время забыл о нем, пока не увидел, что он довольно далеко углубился в участок Хемингуэя; я даже остановился на небольшом холмике, стараясь проследить, куда он идет.

— Почему мосье пошел туда? — спросил егерь. Он тоже стоял на холмике и, очевидно, встревожился за Скотта.

— Не знаю, — сказал я. — Но... — Я не сразу находил французские слова. — Ничего с ним не случится.

— Мосье де Гесклен велел нам ни в коем случае не менять места.

— Знаю. Но он больше не будет стрелять. Он не охотится.

— Это опасно, если другой американский мосье не знает, что он там.

— Да. Но он позади американского мосье.

— Даже если так, все равно опасно.

— А что вы можете предложить?

— Я должен пойти и разыскать его.

— Хорошо. Я, пожалуй, тоже пойду с вами.

— Нет. Вы, молодой мосье, идите все прямо и прямо, пока не увидите белый дом на холме. Это кожаная фабрика. Тут конец. Но пока вы дойдете, я уже буду там. Я приведу другого мосье. Он недоволен. Мы все должны прийти вместе, иначе мосье де Гесклен спросит с меня. Так что, пожалуйста, не торопитесь. Пожалуйста, будьте осторожны. Пожалуйста, не теряйте меня из виду, мосье. Вы поняли?

— Отлично понял.

Егерь ушел медленным, тяжелым шагом, а я почему-то встревожился.

Пожалуй, никто, кроме Скотта и Хемингуэя, толком не знал, что произошло в тот день. Бо знала больше всех, а егерь Тома одному только де Гесклену рассказал о том, как, по его мнению, все это было. Скотт и Хемингуэй рассказали мне две совершенно разные истории; впрочем, эти истории чуть-чуть изменялись, когда Скотт и Хемингуэй начинали спорить. Я могу лишь соединить наиболее правдоподобные версии из всего, что я услышал, и добавить то, что я знаю о настроениях Скотта в тот день.

— Я хотел только одного, — сказал мне однажды Скотт, пребывавший в благодушном, доверительном настроении. — Показать Эрнесту, каково это, когда в тебя стреляют так, как он стрелял в куропаток. Мне думалось, парочка неожиданных выстрелов неизвестно откуда и пули, просвистевшие над головой, заставят его что-то понять. Но беда в том, что когда ты кого-то выслеживаешь, Кит, то тебя это так увлекает, так волнует и заражает, что ты начинаешь охотиться всерьез. И ты

не поверишь — под конец мне действительно хотелось всадить в него пулю.

Скотту повезло — на небольших холмиках было много невысоких изгородей и высоких кустов вереска, и ему было где укрыться, пока он искал место, откуда можно сделать первый выстрел так, чтобы пуля пролетела над головой Хемингуэя. Очевидно, он нашел такое место, потому что, как сказала мне Бо, Хемингуэй стоял под низкорослым дубом, поджидая грузную куропатку, которая побежала в кусты и должна была вот-вот появиться опять, — Скотт вдруг выстрелил из обоих стволов сразу и на голову Хемингуэя с дерева посыпались листья и сучки.

— Кто это, дьявол его побери? — быстро обернувшись, крикнул Хемингуэй.

Из-за кустов не последовало ответа, но, по словам Бо, они слышали, как кто-то убежал, хотя им и в голову не пришло, что это может быть Скотт.

— Нет, ты видела? — крикнул Хемингуэй Бо, стряхивая листья с головы.

— Конечно.

— Черт его дери, он мне чуть голову не снес.

— Но кто это был?

— Не знаю, но если когда-нибудь узнаю, я убью этого идиота. Должно быть, кто-то из тех полоумных французов в зеленых охотничьих шляпах и с жемчужными булавками в галстуках.

Никто из них не заподозрил Скотта, и, поверив, что кто-то из французов по ошибке забрел на чужую территорию, Хемингуэй и Бо продолжали охоту. Но Хемингуэй то и дело злобно оглядывался через плечо, как будто полоумный француз был еще где-то здесь, поблизости.

— Во второй раз, — рассказывал мне Скотт, — я действовал очень умно. Я знал, что если я поперчу Эрнеста во второй раз, он все бросит и ринется туда, откуда был выстрел. Знаешь, Кит, я, между прочим, отличный солдат. Я вовсе не желал попадаться ему в руки. Надо было его перехитрить. Я забежал вперед и выбрал место, мимо которого наверняка пройдет Хемингуэй. Я влез на один из высоких буков, я чуть не сломал себе шею, но уселся на ветках и стал поджидать его. Настроение было у меня превосходное.

Скотт рассмеялся и даже притопнул ногой.

— Он прошел прямо подо мной, — продолжал Скотт. — Но я выждал, пока он пройдет ярдов двадцать, и паль-

нул по кустам сбоку от него. Бог ты мой, видел бы ты, как он подпрыгнул, и слышал бы, как он взревел!

— Могу себе представить,— сказал я.

— Нет, не можешь. Он взревел, как бык, и бросился в мою сторону. Он испугался до смерти. Он был в зверином страхе и в зверином поту и звал егеря бежать с ним в чашу.

— И тогда-то он выстрелил в вас?

— Нет. Нет. Он не мог меня найти. Он метался по лесу, кричал, и ругался, и угрожал. Он рыскал по кустам, стараясь меня разыскать, но ему и в голову не пришло взглянуть наверх. А я сидел на дереве и наслаждался — ведь только так и можно было проучить Эрнеста. Спорить с ним бесполезно. Ему надо доказывать на деле.

— Вряд ли он мог понять, что вы делаете, если он не знал, что это были вы,— заметил я.

Хемингуэй потом рассказывал мне, что не выстрелы его встревожили и даже не мысль, что кто-то хочет его напугать,— нет, он пришел в ярость от нелепости этой затеи и уже смутно догадывался, что это Скотти откалывает свои штуки.

Поначалу Бо, присоединившаяся к Хемингуэю, отказывалась верить, что это был Скотт.

— Да кто ж это может быть, кроме нашего великого принстонского поэта? Кто тут еще настолько ненормален или настолько пьян, чтобы вот так баловаться с ружьем?

— Ну, я не думаю, что он так уж пьян,— сказала Бо.

— Значит, он сумасшедший, и надо его пристрелить, пока он кого-нибудь не убил.

— Но это же совершенно дурацкие выходки,— сказала Бо.— По-моему, лучше просто плюнуть на все это, Эрнест. Ради бога, не старайтесь ему отомстить.

Но Хемингуэй твердо решил дать Скотту урок стрельбы.

— Он думает, что стреляет в тире. Этот вундеркинд никогда не видел, что бывает, когда один человек выстрелит в живот другому. Он не знает, как выглядит человеческое тело, когда в него всаживают полфунта свинца.

— Но вы ведь не можете проиллюстрировать ему это,— нервно произнесла Бо.

— Чутьочка мяса с его зада даст ему некоторое представление.

— О, что вы, Эрнест! Вы, конечно, не сделаете ничего подобного.

— Сделаю. Я говорю серьезно, Бо.

Теперь двое мужчин охотились друг за другом, и когда Скотт выстрелил в следующий раз, Хемингуэй был ярдах в пятидесяти позади Бо и пригнулся, чтобы пролезть сквозь дыру в изгороди. Выстрел был громкий, Хемингуэй на мгновение выпрямился, потом рухнул на землю. Бо говорила, что, когда она обернулась, Эрнест лежал на земле ничком.

— О боже,— услышала она откуда-то крик Скотта.— Я попал в него!

Бо не верилось, что это так. Потом она увидела Скотта, выскочившего из сделанного им укрытия в виде маленького шалаша, ярдах в двадцати от них.

— Он жив? — крикнул он Бо.— Матерь божья, неужели я его убил?

— Дурак! — крикнула ему Бо и побежала к Хемингуэю.

— Но я целился далеко в сторону! Я не мог попасть в него,— заговорил Скотт.— Ради господа, Бо...

Скотт первым добежал до Хемингуэя, и когда он, еле переводя дух, нагнулся посмотреть, где рана, Хемингуэй прорывал что-то неразборчивое и вскочил на ноги, и, по словам Бо, Скотт так испугался, что лицо его побелело, зеленые глаза стали желтыми, как у кошки, и он едва удержался на ногах.

— Господи Иисусе, Эрнест,— проговорил он, еле переводя дух.— Ты перепугал меня до смерти, болван ты эдакий!

— Это еще не перепуг,— заорал побагровевший Хемингуэй.— Это еще легкая встряска.— И, подобрав с земли свою двустволку, он взял Бо за локоть и отвел ее в сторону, на маленькую полянку.— Если ты сдвинешься с места хоть на дюйм туда или сюда,— сказал Хемингуэй Скотту,— ты получишь весь заряд. Так что стой смирно, потому что стрелять я буду из обоих стволов.

— Ох, нет, Эрнест! — воскликнула Бо.— Нет!..

Но Хемингуэй ухватил Бо за пояс ее брюк.

— Стой здесь,— приказал он.

Скотт уже овладел собой. Он стоял прямо и спокойно.

— Давай,— сказал он.— Я верю в твою меткость. Ты промахнешься.

- Возможно...
- Ну, давай.
- Нет!..— вскрикнула Бо.
- Помалкивай, Бо,— весело сказал Скотт.— Эрнест знает, что делает, и я тоже.
- Ты сумасшедший,— сказал Хемингуэй.— И к тому же пьян.
- А ты, по крайней мере, теперь знаешь, каково это, когда за тобой охотятся, запугивают и стреляют в тебя,— спокойно сказал Скотт.
- Я и так знаю, болван несчастный, каково это, когда за тобой охотятся, запугивают и стреляют в тебя. Что же ты хочешь доказать?
- Я просто хочу, чтобы ты знал,— чопорно сказал Скотт,— что все, что ты делаешь в последние дни, ведет к страданиям и смерти. Вот до чего ты дошел, Эрнест, только ты слишком испорчен, чтобы понять это.
- А ты дерьмо! — сказал Хемингуэй и выстрелил из одного ствола.
- Скотт потом говорил мне, что ему показалось, будто низко над землей пронесся плотный, колючий ветер.
- Я даже не вздрогнул,— рассказывал он,— а Эрнест был так поражен моим поведением, что из второго дула выстрелил гораздо ближе ко мне. Комки земли, клоузы травы и вереска обсыпали мне лицо и одежду, а в левой ноге я почувствовал жгучую боль. И увидел кровь...
- Бо не выдержала. Наша всегда собранная англичаночка, которой до всего было дело, уже много дней тревожилась о них и оберегала друг от друга, но выстрелов Хемингуэя ее нервы не выдержали. Она потеряла сознание.
- Все мои старания были ни к чему.
- Когда она пришла в себя, Скотт и Хемингуэй склонились над ней, стоя на коленях. Скотт обмахивал Бо зеленой охотничьей шляпой, а Хемингуэй похлопывал ее по щекам.
- Я сделала какую-нибудь глупость? — спросила Бо.
- Да. Ты хлопнулась в обморок.
- Ты сразу сплющилась, как складной цилиндр,— сказал Скотт.
- Ох, правда? — простонала она.— Но это только по

вашей дурацкой випе,— заявила она, садясь на траве.— Вы оба вели себя как дикие звери. Вы чуть не убили друг друга.

— Ну что ты, Бо,— возразил Скотт.— Я пелился так, чтобы промахнуться на целую милю, и Эрнест тоже.

— Ты едва не спес мне голову,— сказал Хемингуэй.

— Чепуха,— заявил Скотт.— Дело в том, что ты निकудышный стрелок. Ты в меня попал. У меня в теле сви-нец. Я тоже могу показать свои раны.

Скотт начал усиленно хромать, придерживая рукой ногу выше колена, и Бо рассмеялась почти истерическим смехом. А Хемингуэй сердито схватил свой ягдташ и зашагал к конечному месту встречи у белого дома на склоне холма.

— погоди минутку,— остановил Скотт Бо, которая хотела было пойти вслед за Хемингуэем.— Клянусь тебе, Бо, он в меня попал. Я покажу тебе ногу.— Он попытался закатать узкую штанину выше колена, чтобы показать ей ранку, но штанина никак не закатывалась.

— Да не надо,— сказала Бо.— Пошли.

— Но клянусь тебе, Бо, это правда. Честное слово.

Скотт уже снял башмаки и тщетно бился над бриджами. Потом он увидел двух егерей, вышедших из маленького белого домика. После первого выстрела Скотта они старались держаться в стороне, но последняя перестрелка погнала их к Ги де Гесклену — два сумасшедших американца пытаются убить друг друга, пусть мосье де Гесклен пойдет туда и вмешается. Мосье де Гесклен шагал позади егерей.

— Сейчас Ги сорвет с меня эполеты,— сказал Скотт.— Он хочет выгнать меня из своей феодальной армии. Нет, пожалуй, вызвать меня на дуэль. Ну да, конечно, это в его стиле.

Но на полпути группа встретила Хемингуэя, они остановились, несколько минут поговорили о чем-то и все вместе повернули обратно к белому дому.

— Мы спасены,— сказала Бо.— Интересно, что сказал им Эрнест.

— Он им сказал, что я пьян как скотина и не стоит со мной возиться,— с горечью ответил Скотт.

— Не будьте злокой, Скотт. По крайней мере он спас вас от ужасного нагоняя, на которые Ги такой мастер.

— Пожалуй, я лягу вот здесь, и пусть меня засыпят листья,— сказал Скотт.

— Нет, пойдете, — сказала Бо. — Прошу вас...

— Ты знаешь, Бо, что я абсолютно трезв. И все же чувствую себя как пьяный. Так что, вероятно, Эрнест правильно сказал насчет охоты и убийств. И то и другое действует, как джин.

— Эрнест не прав. Во всяком случае, вы-то не должны так думать.

— Но я мог бы охотиться не хуже, чем он, — сказал Скотт. — А может, и лучше.

— Да не надо об этом думать, — ответила Бо. — Зачем вы себя терзаете?

— Беда только в том, — продолжал Скотт, — что нельзя выследить дичь на Елисейских полях или на Парк авеню, зато можно напиться до обалдения, пройдя из одного конца города в другой.

— О господи!

Скотт вздохнул и стал обуваться.

— Это, конечно, скверная альтернатива, — сказал он. — Но охотиться, выслеживать и убивать в сто раз хуже, чем пить, кутить и танцевать; и я должен как-то убедить в этом Эрнеста.

— Если вы его еще увидите, — во всяком случае, по эту сторону океана, — считайте, что вам крупно повезло.

— Ты думаешь, он так рассердился?

— По-моему, да.

— Но это же смешно, — сказал Скотт. — Как он не понимает, что я старался только помочь ему?

— Скотт, вы сошли с ума. Вы абсолютно, безнадежно сумасшедший. Иногда вы даже не понимаете, что вы делаете.

— Ты в самом деле так думаешь? — упавшим голосом спросил Скотт.

— Да, я так думаю. По правде говоря, вы оба перестарались. Вот в чем беда, — сказала Бо, пытаюсь успокоиться и успокоить Скотти. — Вам необходимо на какое-то время оставить друг друга в покое.

— О нет! Нет! Это не выход, — сказал Скотт, хромая вслед за нею. — Мы схватили друг друга за глотки. И сейчас не можем отпустить. Вот тебе вся правда. Но не беспокойся, Бо. Эрнест не порвет со мною. Он все вынесет. И ничего с собой поделаться не сможет. Так же, как и я. Мы оба должны выяснить, что стоит между нами. Эта ссора не на жизнь, а на смерть. И ему, так же как и мне, интересно узнать, чем она кончится.

Глава шестая



Скотт был прав. Я тоже считал, что никуда Хемингуэй не денется.

Скотт до того в этом не сомневался, что и бровью не повел даже тогда, когда мы узнали, что Хемингуэй исчез. Первым вернулся в дом, не дожидаясь нашего возвращения, схватил плащ, сапоги и скрылся. Даже Хедли, жена, не знала, куда он отправился.

— Проголосовал и сел в грузовик с кожевенного завода Ги прямо в кузов, а рядом коровьи кожи громоздились, как торт «наполеон». Куда едет, не сказал, но думаю — обратно в Париж.

— Ну, а я обратно в Фужер, — сказал Скотт.

— А я в Дёвиль, — сказала Зельда.

Бо, Скотт и я сели в «фиат» и уехали из Ла-Герш-де-Бретань, но сперва Ги де Гесклен долго песочил Скотта за нарушение дисциплины в строю, за ношение оружия в пьяном виде и несоблюдение *règles du jeu*¹.

— Впредь вам нельзя будет тут стрелять, Скотт, если, конечно, вы не научитесь пить.

— Как я пью — это уж мое личное дело, — сказал Скотт не без достоинства.

— Ну не совсем. Вы чуть не убили Эрнеста.

— Не ваша забота. Как-нибудь уж мы с ним сами разберемся.

— И честную охоту вы превратили в бойню...

— А каждая пташка оплачена трудом и потом американских девушек, — весело заключил Скотт (Фиби делала деньги на туалетном мыле).

— Ну пока, — сказал де Гесклен.

— Пока, — сказал Скотт и погнался «фиатик» со двора прочь, как подбитая птица удирает от насадных, лишних выстрелов.

Но пусть даже Скотт действительно не сомневался, что Хемингуэй вернется, не знаю, как бы он еще себя повел, если бы вдруг не обнаружил в Бо новых чар — верней, если бы он не позволил себя ими опутать. Может, он бы

¹ Правил игры (фр.).

смирился и поехал в Париж, может, подался бы за Зельдой в Дёвиль и ждал бы там у моря погоды. На улице, в машине, в вестибюле гостиницы, в ресторане — Бо чуть что брала его под руку ласковой, невинной ручкой; прижималась к нему, заглядывала в лицо, как любовница, ловила каждое слово, как нежная подруга. Она не опекала, не воспитывала его, она просто доказывала Скотту, до чего она его любит, и уже через час немислимо его взвинтила. Я мучился от ревности и чувствовал себя третьим лишним; но когда я мрачно предложил Бо оставить их наедине, она шепнула:

— Молчи, дурачок. Без тебя ничего бы не вышло.

Чего не вышло бы?

Теперь-то я думаю, она имела в виду свое собственное поведение. Бо чувствовала себя как рыба в воде, когда рядом с ней было по крайней мере двое. Я сам тогда еще почти не оставался с ней наедине, зато потом как-то мы провели вдвоем целый день, и она вдруг стала совсем другой — колючая, скованная, в общем, всеми силами давала мне понять, что я напрасно размышлялся и все ее ласковые взгляды и слова ничегошеньки не значат. Наверное, она позволяла себе нежность, только когда был невозможен следующий шаг, наверное, как огня боялась этого шага.

А тогда все у нее прекрасно вышло, и Скотт здорово загорелся. Он в нее просто вцепился. То была не юная страсть, ему предлагали нежность и поддержку, и он с радостью и довольно даже подлю (я так считал) отдался новому переживанию, как будто из этого могло получиться что-то путное. В первый же вечер в Фужере он спросил меня за ужином, когда Бо пошла наверх проверить его белье (она теперь пеклась о его нуждах):

— Ты сколько раз влюблялся, а, Кит? Ну так, чтоб поддавалось подсчету?

Я покраснел. Тема была не по мне.

— Как это — подсчету?

— Ну, в твоём возрасте, — сказал он, — я в этом деле ввел счет от единицы до тысячи.

— Неужели тысячу раз влюблялись?

— Господи, нет, конечно. Просто я каждой девушке ставил оценку, отметку, в зависимости от того, что мне в ней нравилось, что не нравилось.

— Ну и как? Срабатывало?

— Отлично. И я научился трезво смотреть на девушек. Увы, я отказался от своей системы, встретив Зельду.

— А Зельде что поставили?

— Когда дошло до дела, Кит, мне не захотелось ставить ей отметку по моей тысячебалльной системе.

— А зачем же,— спросил я ворчливо, потому что ревность не отпускала меня,— вообще нужна эта ваша система?

— Затем, что в твоём возрасте я открыл, что есть два вида любви — разумная, трезвая любовь, поддающаяся оценке, и совсем другая. Ты читал «Mémoires de deux jeunes mariées»¹ Бальзака?

— Нет.

— Он почти так же рисует две провинциальные пары — там один брак по любви, другой — по расчёту. Помню, в семнадцать лет я влюбился в одну итальянку. Её звали Филлис Искус. То есть по-настоящему-то её фамилия была что-то вроде Искуссон, но её сократили на английский лад, и она стала Искус. Ты представляешь себе, Кит,— влюбиться в девушку по фамилии Искус? Сколько тут восторга. Я бродил по ночам под старыми вязами Сент-Пола и без конца твердил её фамилию. Филлис Искус. Я влюбился в темную сочность имени, вернее, в тот образ, какой оно во мне вызывало. На свою беду, я старался уговорить девицу соответствовать образу. Ей это почти удавалось. Она была полна пышной, милой и плотской итальянской неги. Но она всегда и упорно толкала меня локотком в бок. Что-что, а эта манера мне претит, но я никак не мог отучить от неё девицу. Пришлось снизить ей отметку с шестисот сорока семи до трехсот сорока шести, и так она её и не исправила.

Я расхохотался.

Но Скотт говорил совершенно серьезно:

— Ты считаешь, видно, что такой подход совершенно лишен романтичности?

— Ну, а на самом деле?

— На самом деле ничего подобного. Система открывает прекрасные возможности, и я был справедлив. Я требовал, чтобы девушки и меня расценивали по этой системе.

— Ну, и какую же отметку вам поставила Филлис Искус? — спросил я, а официант тем временем нависал над нами с меню в руке, а мы ждали, пока наша распорядительница разберется с бельем Скотта и вернется к столу.

— Она мне этого не сообщила. Но несколько лет спустя я встретил её в Дейтоне, в Огайо, она тогда вышла замуж за какого-то гостиничного чиновника и ругательски ругала

¹ «Записки двух новобрачных» (фр.).

меня за мою систему. Она сказала, что всем, с кем бы ни связалась, с тех пор ставила отметки и даже заносила их в записную книжку.

— Надо и мне попробовать, — сказал я.

— Система превосходная, Кит, и уберезет тебя от ужасных промашек. Ведь хоть раз ты уже влюблялся так, чтоб отметку можно поставить. Верно же?

Я немного подумал.

— Наверное, — сказал я.

— Ну и что это была за девушка?

— Прекрасная пловчиха, рыжая, и кудрявые волосы зачесаны за уши.

— Рыжим я всегда ставил низкие отметки. А что бы ты теперь поставил своей пловчихе?

Господи, подумал я, и чего ему от меня нужно? Я тщательно разграфил забытые достоинства Доди Даулин и не натянул ей и пятисот.

— Четыреста пятьдесят примерно, — сказал я.

— Ну, а Бо? — спросил Скотт.

Я снова покраснел, и мои подозрения насчет того, куда он гнет, окончательно подтвердились. Скотт зачем-то доби- вался моей откровенности, но я сказал, что не думал с этой точки зрения насчет Бо.

— Ну а я думал, — сказал он, — и Бо у меня получила очень хорошую отметку. Примерно девятьсот. То есть она обладает прекрасными качествами, с какими только жить и жить.

— Я не так уж близко ее знаю, — буркнул я. Ужасно глупо с его стороны было толковать мне про ее качества.

Но я сразу устыдился своих недобрых мыслей, потому что тут на него накатила минутка неодолимой тоски и он сказал:

— В том-то и беда, Кит, что второй род любви такой, что с ней долго не проживешь, не губя себя вконец. Вот я и надумал вернуться к старой испытанной системе. Почему бы не искать разума и страсти в одной женщине, вместо того чтоб распределять их на двух?

— То есть на Зельду и Бо? — спросил я.

— Ну да.

— Они же ничуть не похожи.

— Именно. В том-то и дело.

— Вы плохо кончите, — сказал я. Мне хотелось его позлить.

— Мне уже плохо, старик. Но что дальше будет — вот в чем весь ужас.

— В старости, что ли?

— Господи, какая старость. Я в тридцать три года уму. Нет. Когда время любви миновало и звезда закатилась моя. Когда не помешала бы разумная связь. Но боюсь — ни я, ни Зельда на это не способны.

Официант сказал:

— Пожалуйста, мосье, уж я вас попрошу. Может, закажете? А то поздно. Вы уж пожалуйста...

Скотт взял у него меню, и на лице его отразилось самодовольство.

— Ты заметил, — сказал он, — я за весь день ни капли джина не выпил. Ни глоточка. Гарсон... Нет... Подожду Бо. Ничего. Attendez...¹ Видишь, как ловко мной управляет эта англичанка? — Скотт вздохнул и сказал: — Нет, ей-богу, Кит. Честное слово. Вообще-то я англичан не люблю. Не то что Эрнест. Но Бо просто какой-то образец, правда? Если я когда-нибудь сподоблюсь ее английских милостей, я многое пойму.

Снова мне захотелось позлить Скотта. Захотелось сказать: «А вам какое дело до ее милостей? Соблазняйте кого-нибудь еще». Но ничего этого я не сказал, да и Бо как раз вернулась. Она села к нам за столик, и ей явно очень хотелось что-то нам поскорей выложить. Она всегда озабоченно морщила лоб, когда ей хотелось что-то выложить, и сейчас у нее был именно такой вид.

— Я ходила в старую почтенную гостиницу на углу, — сказала она, — и справлялась, не видели ли там случайно Эрнеста.

— Зачем? — спросил Скотт. — Что ты все беспокоишься об этом старом убийце?

— Потому что вы, Скотт, очень глупо себя вели.

— Эрнест как Зельда, — сказал Скотт. — Дует, терпит, молчит, а потом срывается, как бульдог. Не бойся, он еще объявится.

— Там мне сказали, что неделю назад проезжал один американец — Хофмейстер и искал другого американца — Смита. — Бо засмеялась и подозвала официанта. — Интересно, кто такие.

— Известные акробаты, — сказал Скотт. — Хофмейстер и Смит. Хемингуэй и Фицджеральд. Элиот и Паунд. Мировые знаменитости. Бо, — сказал он, — можно мне чуточку джина? На донышке?

— А вы еще не пили? — спросила Бо.

¹ Подождите... (фр.)

— Ни капли. Ей-богу. Спроси у Кита.

Бо не стала спрашивать у Кита. Она не взглянула на меня. Она сосредоточилась на Скотте, а когда она на ком-то сосредоточивалась, других она почти не замечала.

Она заказала какое-то местное *pot-au-feu*¹, а Скотт заказал себе выпить, а пока мы ждали, Бо пошла мыть руки (так она сказала). Но мы поняли, что она опять пошла искать Хемингуэя. Она удалилась деловитой, легкой трусой, почти бегом — она всегда так ходила, когда то-ропилась, а мы смотрели ей вслед.

— Знаешь, Кит, а ведь секс — единственное здоровое установление господина, — сказал Скотт. — Ты это знал?

Я ответил, что нет, не знал.

— Меня учили считать его скорей кознями дьявола.

— Порочная, еретическая точка зрения, — сказал Скотт. — Выдумки протестантов!

Бо вернулась. Мы смотрели, как она идет к столику. Она сперва не заметила, что мы на нее смотрим, и на секунду Скотт увидел и я увидел чистую, безукоризненно хорошенькую и безумно озабоченную девушку, целиком занятую своими мыслями. Маленькая грудь, узкое английское личико, легкие волосы, ярко-красные губки, выщипанные бровки. У обоих у нас мелькнула грешная мысль, и Скотт шепнул:

— В Бо нельзя не влюбиться. Одни эти ее английские ноги стоят. Господи, и откуда она все это берет?

Непонятно, то ли он меня дразнил, то ли маскировал собственные тайные намерения.

В общем, мне это не понравилось, весь вечер я дулся, а потом я сбежал и предоставил им отдаваться велению секса, если уж к тому у них шло. Они были явно в восторге друг от друга. Только один раз Бо обратила на меня внимание. Пока Скотт говорил с официантом, она наклонилась ко мне и шепнула мне прямо в ухо, как всегда, когда хотела чего-то добиться:

— Кит, ну пожалуйста, поищи Хемингуэя. Он где-то тут, я чувствую.

— Сама его ищи, — сказал я и после кофе сразу же ушел, чтобы они сами разобрались, чего им друг от друга надо. Мне-то какое дело?

Но наутро за завтраком я все смотрел на них и ломал себе голову над вопросом, поладили они или нет. Скотт

¹ Мясо с овощами (*фр.*).

как-то просвещал меня насчет того, что Бальзак назвал накаленным взглядом,— это, он объяснял, такой взгляд, каким обмениваются двое, вождедеющие друг друга или друг другу принадлежащие.

— Тут все всегда ясно,— сказал Скотт,— надо только присмотреться.

Но как ни присматривался я к Бо и Скотту, ловя этот самый «накаленный взгляд», я так и не смог толком ничего понять. В общем, все ужасно запуталось, Скотт сидел мрачный, а Бо, наоборот, была очень мила и показала мне за завтраком фокус, до которого только она могла додуматься. Длинными, неумемными своими пальцами она раскатала croissant¹ до исходной формы плоского ромбика, намазала маслом, джемом, снова скатала и превратила в прежний croissant.

— А теперь ты,— сказала она.

Я попробовал было, но у меня ничего не вышло.

— Его надо разглядить,— сказала Бо.— Вот так. На, бери мой.

Я откусил кусочек. Он был сладок, как сама Бо, и с тех пор я только так и ел croissant.

— Нечего из еды делать игру,— строго сказал Скотт.— Будет вам. Это несколько не поэтично, Бо. Даже грешно.

— Ш-ш,— сказала Бо.

Нет, по их виду ничего нельзя было заключить, но, правда, вчерашняя безмятежность начисто изменила Скотту.

— Я думал, старому убийце пора бы объявиться,— сказал он, и я понял, что если вчера он кое-что позабыл насчет Хемингуэя, то сегодня припомнил. Что Гектор без Ахиллеса? И где Ахиллес?

— Он где-то тут! Я уверен,— сердито сказал Скотт сразу после завтрака.— Давайте проверим все гостиницы. Потом бардаки. Потом базы для гонщиков. Потом ипподромы.

— Скотт, миленький,— как-то таинственно прошептала Бо (голосом она тоже выделявала черт-те что — тут он ее не подводил, как и пальцы, губы, волосы),— я уж вчера подумала, если Эрнест прячется где-то в гостинице, он в конце концов сам объявится. Чего же его искать, пока он не хочет обнаружиться?

— Я же говорил,— сказал Скотт,— он как Зельда. За ним нужен глаз да глаз, не то он удерет.

¹ Булочка в форме рожка или подковки (фр.).

Мы облазали все холмы Фужера и по всем гостиницам (а их там шесть) расспрашивали, не останавливался ли у них американец по фамилии Хемингуэй — большой, красивый, темноусый, с огромными ножищами и в грязном плаще.

Мы его не нашли, но одна консьержка, особа с ямочками на локтях, сказала, что странный малый в плаще с огромными ножищами ел вчера у них в ресторане и даже раскокал кофейную чашку, потому что у него палец такой громадный, что не пролез в ручку.

— Это Эрнест, больше некому, — сказал Скотт, — и он, конечно, пока где-то тут.

Но мы его не нашли, и как ни присматривала Бо за Скоттом, он все же остановился у какого-то бара и опрокинул стаканчик джину.

— Боксер сам никогда не знает, когда выйдет из угла, — объяснил он. — А пока давайте забудем про него и пойдем поглядим на крепость мосье Гюго под горкой, хотя, конечно, будь с нами Эрнест, уж он бы все нам живописал не хуже самого Гюго, который, по его мнению, сделал это блистательно, а по-моему, ничего блистательного. Ровно ничего.

Он остановился еще у одного бара («Бар Вело») и опять выпил джину. Бо и бровью не повела, и вот мы прошли через большие деревянные ворота во двор фужерского замка, и Скотт вдруг забыл про Хемингуэя и, подбоченясь, с восхищением уставился на могучие каменные стены.

— Невероятно! — сказала он. — Смотрите-ка! Живейшее отражение кровопролитных древних битв. Теперь-то мне ясно, почему Гюго использовал все это для напыщенных писаний, от которых Эрнест в таком восторге.

— Старик Гюго ничего этого не использовал для напыщенных писаний, от которых я в таком восторге, невежда ты несчастный.

Мы до того увлеклись видом старых стен, что не заметили Хемингуэя, а он сидел сзади на остатках стены и ел виноград.

— Старый убийца! — завопил ошарашенный Скотт, и Бо поскорей оттащила меня, а Скотт бросился к Хемингуэю и стал приплясывать вокруг него.

Он приплясывал, выбрасывал на Хемингуэя кулаки и приговаривал:

— Мы все бардаки обыскали, все захудалые паршивые притоны, куда охотники забегают удовлетворить низменные нужды.

Хемингуэй сидел на камне в одних носках и ел виноград. Он сказал:

— Ты мне должен сто американских долларов.

Скотт замер.

— За что? — спросил он.

— За наглую пьяную похвальбу. Выкладывай.

— За какую еще пьяную похвальбу?

— Ты собирался настрелять больше птицы, чем я. Помнишь? Ну, и проиграл...

— Ничего подобного, — вскипел Скотт, — я просто раздумал.

— Но слово есть слово. Выкладывай сто долларов, либо я уйду и в жизни больше не попадусь на твои пьяные глаза.

— Господи! — сказал Скотт и скривился. — Вечно ты со своими деньгами! Ладно уж. Выдай ему деньги, Кит.

— Погоди-ка, — сказал Хемингуэй. — Детка, разве у тебя его деньги?

— Нет, — выпалил я. — И у самого меня тоже нету ста долларов.

— Тогда дай их ему во французских франках, — распорядился Скотт.

— Оставь свои деньги при себе, — сказал Хемингуэй, — нет, Скотт, уж ты у меня раскошелиться. И лучше не тяни. Ну же!

Бо посмотрела на одного, посмотрела на другого и решила вмешаться.

— Эрнест совершенно прав, — сказала она. — Вы сами с ним поспорили, Скотт, и проиграли. Надо платить.

— Тебе лучше не вмешиваться, Бо, — сказал Хемингуэй. — Мне хочется поглядеть, как ведет себя принстонский поэт, когда дело идет о чести, о которой он вечно толкует.

— Никогда, никогда я не говорю о чести, — возмутился Скотт. — Зачем о ней говорить. И не верю в красивые жесты.

— Вы оба хороши, — сказала Бо. — Ссоритесь, как школьники из-за мячика.

Но Хемингуэй не сдавался.

— Сто долларов, — повторил он.

Скотт застонал, полез в карман и вытащил оттуда двадцатисантимовую монетку. Потом усмехнулся, предвкушая забаву.

— Кидаем монетку. Или я тебе плачу вдвое, или мы

квиты,— сказал он Хемингуэю.— А деньги пусть для верности пока поддержит Бо.

— Нет уж,— сказала Бо.— Мое дело сторона. Сами разбирайтесь.

— Но ты же только что велела, чтоб я с ним расплатился,— сказал Скотт.

— Чтоб вы не увиливали от своих принципов,— сказала Бо.— Должны же они у вас быть?

Скотт развлекался.

— Кит,— сказал он.— Вот все мои наличные.— И он протянул мне пухлый бумажник, набитый стофранковыми купюрами.— Бросай монету.

Я нерешительно глянул на Хемингуэя.

— Ладно,— сказал Хемингуэй.— Только, чур, мое слово.

Я бросил монету. Хемингуэй сказал «решка». Мы нагнулись над монетой. Она упала решкой вниз. Скотт сделал несколько танцевальных па.

— Господь любит честных,— сказал он.— В добрых делах и праведности обретается вера.

— Господь любит пьяниц,— сказал Хемингуэй.— Монеткой праведности не докажешь.

— Зато мои сто долларов при мне, верно?..

Хемингуэй чуть было опять не вскинулся, но тут Бо сказала, что у него такой вид, будто он спал в канаве. Я тоже это заметил. Хемингуэй был весь грязный, мятый. К брюкам пристали сучки и травинки.

— А я и правда спал под открытым небом,— сказал он.

— Господи, почему?

— Искал настоящий замок Ла Тург. Единственный. Подлинный. Который Гюго описал в «Девяносто третьем годе». Который он скрывал от всех поклонников и мародеров.

— А я думал, это он и есть,— сказал Скотт.

— Естественно, старина, ты так думал, ведь ты же, вроде Марка Твена, не в силах отличить задницу Брет Гарта от жопы Дина Хоуэлса.

Я мучился, когда Хемингуэй отпускал такие словечки при Бо, но она как будто ничего и не расслышала, и я тоже все пропустил мимо ушей.

— Ну, а это какой же замок? — не отступал Скотт.— Незабвенные башни, вековые стены и подземелья?

— Этот замок ерунда. Забудь про него.

— Хорошо. Забуду. Но где же таинственный замок Ла Тург?

Хемингуэй пыхтя натянул ботинки. Он сказал, что у него затекла спина, и Бо нагнулась и завязала ему шнурки.

— Тебе очень хочется на него поглядеть? — спросил Хемингуэй.

— Надо же нам где-то затеять литературную ссору, — сказал Скотт.

— Ладно. Тогда поедem туда, посмотрим на него и начнем ссориться.

Мы ушли со двора старинного фужерского замка, те двое впереди, мы с Бо — сзади, и Бо взяла меня под руку и сказала:

— Правда, пусть уж они сами разбираются, Кит, у них ведь все хуже и хуже. Только вот никак не пойму, при чем тут Оноре де Бальзак и Виктор Гюго.

Глава седьмая

В общем-то сами они о Гюго и Бальзаке почти не говорили.

Лет через десять, когда я стал их лучше понимать, я было счел, что Скотт и Хемингуэй неверно выбрали себе прообразы. Я решил было, что в Скотте очень мало от Бальзака и он куда ближе к стилю проповедей Гюго, чем Хемингуэй. А вот Хемингуэй, казалось бы, ближе к Бальзаку. Его бурное восприятие жизни всегда укладывалось в формулу: «Что есть — то есть», а таким мироощущением проникнута вся «Человеческая комедия».

Но еще позже, потом уже, когда изжила себя их эпоха, я заново оценил этот выбор истоков. Я прочел к тому времени достаточно книг, и я понял, что именно романтики вроде Гюго делали то же, что Хемингуэй. Это они надрывали душу, навязывая самим себе некую вторую ипостась. Я укрепился в своей мысли, прочтя в дневнике у Сент-Бёва, что в Гюго всегда жили два человека: выпененный поэт, с одной стороны, и с другой — отличный репортер. И Флобер говорил то же — что было два Гюго. Один прятался и рождал шедевры, а другая ипостась

жила в Париже как скучная, высокопарная консьержка. Потому при всей разнице Гюго в самом деле, в сущности, подходил Хемингуэю, и спорил он в те поры со Скоттом, скорее смутно догадываясь об этом родстве, чем будучи убежден в преимуществах Гюго, потому что Бальзака он ценил ничуть не меньше.

Ну а Скотт вечно ставил себя в положение жертвы. Поль Элюар говорил мне в 1952 году, что женщины убивались по Виктору Гюго, а бедняжка Бальзак сам по ним убивался. Скотта загубили, конечно, не женщины, но им с той же неотступностью владела страсть, в конце концов его загубившая. Так что Бальзак очень ему подходил, и когда однажды, сидя в парижском метро, я прочел у Готье, что Бальзак мечтал о беззаветной, преданной дружбе, о слиянии двух душ, о тайном союзе двух смельчаков, готовых умереть друг за друга,— я чуть не подпрыгнул прямо в вагоне, чуть не закричал: «Да это же вылитый Скотт!» Да, я узнал Скотта, и если я нуждался еще в доказательствах, я нашел их у Бодлера, который писал, что гений Бальзака — в умении понять сущий вздор, погрузиться в него и обратить его в высокую материю, ничуть не видоизменяя. И Скотт такой же.

И теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что они удачно выбрали опорные фигуры для своей литературной распри.

Но тогда я ничего этого не понимал, а понимал только, что для обоих настало решительное время и, когда они ссорятся по поводу Гюго и Бальзака, речь идет о серьезных, существенных разногласиях.

Мы сели в «фиат», и Хемингуэй сказал:

— Вот доедем до Ла Турга, и я покончу с тобой в первом же раунде. Удар под вздох — и нокаут.

— И как ты нашел этот замок, если он так таинственно упрятан?

— А я пошел прямо к единственным людям в городе, которые могут про него знать.

— Разве у тебя тут есть знакомые? — усомнился Скотт.

— В редакции «Journal de Bretagne».

— В местной газетенке?

— Ну да.

Скотт расхохотался.

— Ну вот первый раунд ты-то и проиграл,— сказал он.— Я тебя без единого слова одолел.

— Как это?

— Ты не можешь избавиться от репортерских повадок, Эрнест. А всем известно, что Гюго писал, как репортер. И неудивительно, если местные газетчики знают вдоль и поперек все эти сухие буквальные описания в «Девяносто третьем годе». Кому же еще это интересно?

— Ладно,—спокойно сказал Хемингуэй,—сейчас проверим, буквальные они или нет.

Скотт был в длинном мягком верблюжьем пальто Джеральда Мерфи. Оно доходило ему чуть не до щиколоток, и он, на переднем сиденье «фиата», принялся отчаянно рыться сперва в правом кармане, потом в левом. Когда Хемингуэй вез нас Фужерским лесом по первому крутому холму, в руках у Скотта оказались две книжки: «Девяносто третий год» Гюго и «Шуаны» Бальзака.

— Прелестно,—сказал Скотт и открыл «Девяносто третий год». — Послушай-ка этот сухой, буквальный репортаж.

И, перекрикивая ветер, грохот мотора, он заголосил словами Гюго, рисующего Ла Тург — замок и крепость, где разворачивается главное действие «Девяносто третьего года» и происходит заключительное сражение между белыми и синими.

— «Сорок лет назад,—орал Скотт по книжке,—путника, входившего в Фужерский лес со стороны Ленъеле и выходившего к Паринье, встречало на опушке глухого древнего бора мрачное зрелище. На краю чащи высился перед ним замок Ла Тург...» — Скотт помахал книжкой и засмеялся.— Разумеется, высился перед ним. Башни, горы, деревья, колокольни и склоны иначе и не ведут себя в газетах. Они всегда высятся перед тобой, и у тебя при этом захватывает дух.

— Читай дальше,—сказал Хемингуэй.

— Зачем?—сказал Скотт и стал листать и считать страницы.— Семь глав целиком посвящены сухому описанию замка, и ничему больше. Газетный отчет. Никакого действия. Ничего не происходит. Совершенно. И главы-то как называются — прямо по Бедкеру¹: «Провинциальная Бастилия», «Брешь», «Подземелье», «Мост», «Железная дверь», «Библиотека», «Амбар»... Без шуток. Полное описание каждого уголка и закоулка.

— Ну и что же?

¹ Бедкер Карл (1801—1859) — немецкий издатель путеводителей.

— Ну какая же это литература, Эрнест! Старик заблудился в путеводителе. Одного я не пойму,— Скотт снова подначивал Хемингуэя,— что ты в нем нашел? Сплошная правоучительность, пышнословие, сухость, скука et cetera.

— Хватит тебе! — сказал Хемингуэй.— Обождат бы, пока мы доберемся до места.

— А что это даст?

— Больше, чем ты думаешь.

Он взял с сиденья бальзаковских «Шуанов» и через плечо передал назад, мне.

— Детка,— сказал он.— Открой-ка наудачу. На первой попавшейся странице.

«Фиат» прыгал и пыхтел, снова взбираясь на холм, а я наобум открыл «Шуаны» не то на сто пятой, не то на сто шестой странице.

— А что мне тут искать? — спросил я.

— Женщина упомянута?

— Да.

— Открой в другом месте. Где хочешь.

На сей раз выпала страница двести двадцать первая.

— А тут женщина есть?

— Есть.

— Продолжай в том же духе, детка.

Я ткнулся взглядом в книгу еще раз десять в разных местах.

— Ну?

— Да,— сказал я.— Везде женщины.

— И что из этого? — спросил Скотт.

— А то, что наш беззубый донжуан писал для женщин, ради женщин и потрафляя вкусу женщин. Даже войну белых и синих он описывал так, чтобы угодить парижанкам. Полевой походный будуар. Все женские глупости, а война ни при чем.

— Ну и чушь ты порешь! — заорал Скотт.

Бо тихонько взяла меня под руку и прижалась ко мне.

— Уйми их,— шепнула она.— Ну же!

— Зачем? — шепнул я.

— Потому что они завелись не на шутку, а это плохо кончится, уж я знаю.

— Но они сами разберутся,— сказал я.— Лучше не трогай их. Не вмешивайся, Бо.

— Ты еще пожалеешь,— шепнула она прямо мне в ухо, и ее губы ласково коснулись моей мочки. Она ждала

мне руку и так осталась сидеть, пока нас подбрасывало на скверной дороге, и мы слушали дальше разговор тех, впереди.

— Беда в том, — говорил Скотт, — что тебя все больше и больше гипнотизирует величие Гюго. Ты выходишь на тот же круг. Тоже начал работать под полубога. Да что тебе толковать. Ты же ничего не слушаешь.

Мы опять въезжали в лес, и Хемингуэй гудел велосипедисту и на каждом своем слове жал черную кнопку в середине руля.

— Все это в сто раз лучше, чем твоя безнадежная надежда. Деньги и постель. Аристократия на свалке. Богачи! Господи... богачи. Ты кончишь как Бальзак — будешь стоять перед ними по стойке «смирно». Гюго ни перед кем так не стоял.

— А кончил тем, что никого уже не мог убедить в том, что он подлинный Гюго.

— Ну, это уж пошла чистой воды фидджеральдовщина.

— Нет, это истинная правда.

— Ладно. Назови мне хоть одного хорошего писателя, который бы не блефовал.

— Шоу.

— Вот уж Антей.

— По крайней мере, он никогда ничего из себя не корчил.

— Вранье. Вообще, каждый стоящий писатель раздвоен. Есть два Толстых, два Шелли, две Жорж Занд, два пьяницы Бодлера, две крошки Эдит Уортон, два жирных Эзры Паунда...

Скотт натянул шляпу на уши и сказал:

— А я не слушаю. Я лично не намерен раздваиваться, даже если ты к этому гнешь.

— Да ведь уже поздно упираться, — сказал Хемингуэй. — Твой алкоголический двойник хуже всех моих самых жутких вымыслов, потому что ты не властен над этим ублюдком. Ей-богу, он тебя еще удушит, вот увидишь.

В пылу спора Хемингуэй гнал «фиат» все быстрее, теперь мы мчались вниз по крутому спуску второго холма, в лес, в лес. Он выжимал семьдесят миль в час из старого тогдашнего «фиатишки», и мы словно висели на подножке экспресса. Бо вцепилась в меня обеими руками, она молчала, но, взглянув на нее, я увидел совершенно белое лицо.

— Вы бы сбавили скорость! — завопил я Хемингуэю. Нас бросало, болтало, трясло, и ветер уносил все, что слетало с моих пересохших губ.

Хемингуэй не обратил на меня внимания, а Скотт обернулся и заорал:

— Не бойся, Эрнест — лучший гонщик Франции.

Скотт наслаждался быстрой ездой.

— Я потеряю скорость на следующем подъеме, — сказал Хемингуэй, а тем временем мы обошли моторный велосипед на застывших колесах, обогнали грузовик и, наконец, чуть не задев по тележке, промчались мимо фермерских лошадок.

— Bravo, — сказал Скотт на спуске с последнего холма.

Хемингуэй выключил мотор, и мы просто полетели с горки. Мы слепо верялись ему, а он вел машину так уверенно, что я и теперь сразу вспоминаю ту езду, открывшая его книгу. Я читаю ее и знаю, что Хемингуэй — за рулем, он правит, и этим все сказано. И нечего спрашивать, что он делает и куда вас везет.

С вершины третьего холма мы взяли влево от главного шоссе. Я и не заметил грязной дорожки, пока мы на нее не въехали. Она вывела нас на брусчатку между двумя фермами, а потом, северной опушкой Фужерского леса, снова на простор. Мы покатали полем, мимо мрачного пруда.

Потом Хемингуэй опять погнал влево, холмами, по какой-то упрямой дорожке, мы падали, ныряли, скользили по крутому грязному спуску и вот оказались в темной низине возле лесопилки. В 1975 году я полдня разыскивал эту дорогу, а Хемингуэй сразу и безошибочно на нее попал. Ей-богу, вряд ли хоть пятидесяти иностранцам удалось обнаружить, где же расположен знаменитый замок Ла Тург. Мы вышли из машины, и Скотт не мог поверить, что это то самое место, о котором он только что читал.

— Ты нас дурачишь, — сказал он.

Мы увидели домишко (теперь его перестроили) и лесочек и услышали в зарослях рокот ручья.

— Ты только что прочел про замок, ведь верно? — сказал Хемингуэй.

— Ну прочел...

— Ну и можешь проверить сухое, буквальное описание от слова до слова. Башня, крепость, арсенал, мост, ров, библиотека...

Мы пошли за Хемингуэем заросшей тропкой под темными вязами и вышли к быстрой речушке.

— Под ноги смотрите,— сказал Хемингуэй,— тут сыро.

— Да тут ведь чудесно! — сказала Бо и поглядела ввышину, на собор из света над нами, на синее полотно неба над осенней листвой.

— И как сюда могла пройти армия? — усомнился Скотт, пока мы продирались сквозь заросли.

— Так же, как сюда попал замок Ла Тург,— сказал Хемингуэй.

Мы вышли на пологий берег против хоть и крутого, но весьма скромной высоты обрыва на другом берегу — облепленного листвой, мокрого и увенчанного двумя большими валунами.

— Et voilà,— сказал Хемингуэй.

— Что — et voilà? — спросил Скотт.

— Вот вам и Ла Тург...

— Да тут же ничего нет!

— И никогда ничего не было. Ла Тург — голый вымысел, чистейшая литература. Однажды летом семьдесят первого года Гюго, сидя на этих валунах, выстроил крепость, и башню, и арсенал, и библиотеку, создал их по кирпичику в своем убогом воображении. Вот тебе, милый старина Скотт, и сухой репортерский путеводитель.

— Почему ты знаешь, что это именно тут?

— Да по дневникам Гюго. И тысячи есть других указаний. Это здесь, и нигде больше! — Хемингуэй пнул ногой грудку листьев. — А там, на том берегу, он и сидел.

— Вот так черт! — сказал Скотт. Но он несколько не огорчился. Он стоял в этом своем пальто из верблюжьей шерсти и даже восхищенно смотрел на валуны. — Вот так черт!

Хемингуэй повернулся ко мне и сказал:

— Не забывай, детка. Никогда ничего не принимай буквально, пока не проверишь, буквально это или нет. И никогда не слушай поэтов вроде Скотта Фиджеральда, которые думают, будто только у них есть фантазия и воображение.

— Да, в общем-то, разве важно, вымысел это или факт? — спросила миротворица Бо. — Какая, в общем-то, разница?

— Господи! А ведь Бо права! Абсолютно права! — сказал Скотт. — Пусть Гюго выстроил все у себя в мозгу, а описание-то все равно дотошное и сухое. Ну согласитесь!

Хемингуэй рубанул рукой по воздуху.

— Нельзя дотошно описать то, чего нет! — сказал он.

— Еще как можно! И я правильно говорил...

— Нет, неправильно. И все, что ты говоришь, — неправильно. Ты с самого начала запутался.

Скотт вытащил фляжку из заднего кармана.

— Чего же тогда ты сразу не сказал, что он все сочинил, а поволок нас сюда? — сказал он.

— Потому что тебя всегда и во все надо ткнуть носом. Тебя надо бить фактами, иначе тебе ничего не втемяшишь.

Скотт передал фляжку Хемингуэю, и тот отпил глоток. И тут же сплюнул.

— Джин! — сказал Хемингуэй.

— А ты думал что?

— Кто же льет во фляжку джин? Ну, я понимаю, виски, или бренди, или хоть кальвадос. Только уж не джин.

— Твой мичиганский папочка неверно тебя воспитал, — сказал Скотт. — Но не хочешь — не надо.

И сам как следует приложился к фляжке.

Тут Бо схватила меня под руку и прижалась ко мне, как всегда, когда рвалась предотвратить их ссору. Может, это она хотела, чтобы я ввязался в разговор? Но я не стал вмешиваться.

— Знаешь, что тебя ожидает, Скотт?

— Я-то знаю. А вот ты не знаешь...

— Ты кончишь, как все те ребята, которые не дотянули до тридцати, потому что боялись не выдержать испытания жизнью.

— О ком это ты?

Хемингуэй будто не расслышал.

— Ты и пить-то не умеешь, — огрызнулся он.

— Да чем, к черту, мое пьянство отличается от твоего?

— Ты пьешь, как баба.

Скотт как-то истерически хихикнул. Содрал шляпу, скатал мячиком, подбросил и поддал ногой так, что она покатилась в реку.

— В тебе, Эрнест, не меньше бабьего, чем во мне, — сказал он. — Не в каждом ли мужчине сидит женщина? А тебя выводит на чистую воду та одержимость, с какой ты доказываешь свою мужскую одержимость. И зачем же тебе что-то скрывать, раз всякий стоящий писатель все равно выдает свою вторую ипостась? Да иначе ты бы и

писать про это не мог. Это у всех у нас как седьмое покрывало. Или, может, восьмое. Ну ладно, пусть я пью, как баба, зато ты ссоришься, как баба. То-то ты и не можешь полюбить женственную женщину. Ты вообще даже не знаешь, что такое женщина.

— Хватит,— сказал Хемингуэй.— Что-то ты повес чересчур сложную ахинею. Дурак я, что вообще это начал.

— Однако ты начал,— взвился Скотт,— так дай уж я докончу. Ты все ищешь алиби, старина. Старый боксер, старый рубака, стрелок, старый охотник и старый гермафродит...

— Ладно, ладно,— прервал Хемингуэй.— Доказал, дальше только испортишь.

Хемингуэй был, видно, сам не рад. Он повернулся к нам и спросил:

— Вы голодные?

Мы стояли поодаль, объединенные и отстраненные от них тем, что они творили друг с другом.

— Я умираю с голоду,— быстро сказала Бо.— И Кит.

— Тогда поедем отсюда.— И Хемингуэй пошел вперед, сквозь лес.

Тут Бо бросила меня и взяла под руку Скотта. Хемингуэй слегка ошеломил его. Скотт был огорошен, сбит с толку, растерян. Он смотрел, как его шляпа расправилась в воде и теперь отчаянно билась в водовороте между двумя камнями.

— Бедная моя шляпа! — сказал он.— Она заслуживает лучшей участи.

Он вырвался от Бо, подобрал пальто и вошел в воду по колено.

— А тебе, Кит, урок,— сказал он мне, выходя из воды со спасенной шляпой,— ничего не губи за то только, что кто-то хотел убить тебя. Это уж штучки старины Эрни.

— Ну, зачем вы так? — сказала Бо и взяла у него шляпу. Не хуже любой шляпницы она ловко расправила «федору», стряхнула с нее воду и передала шляпу Скотту. Но он ее отверг.

— До чего же вы иногда бываете глупый! — сказала Бо.— И поглядите на ваши брюки.

Скотт засмеялся и вздернул голову.

— Ничего, старушка,— сказал он, передразнивая ее английское произношение.— Я обещаю, что не буду с ним ничего срывать.— И он зашагал к «фиату», громко

хлюпая двцветными ботинками.— Я никогда ни на кого не держу зла,— сказал он.— Почти никогда.

Хемингуэй уже сидел, как аршин проглотил, в «Фиате» с включенным мотором. Мы сели, он проверил мотор, и мы выпрыгнули на верхушку грязной горки, как краб из норы. На сей раз глупая ссора зашла дальше, чем обычно. Все молчали. Мы протрусили по немощеной дороге до северной опушки Фужерского леса.

— Вот бы тут и устроить пикник,— сказала Бо, показывая на круглую полянку среди берез.

Лучи проходили сквозь листву, место было ровное, спокойное, осеннее, сухое, и Скотт закричал, что это отличная мысль.

— Я большой специалист по пикникам. Так мы и сделаем, Бо.

— Только есть у нас нечего,— сказала Бо.

— Предоставьте все мне,— заторопился Скотт. Он попросил Хемингуэя остановить машину.

— Всем нам в городе делать нечего,— сказал он,— так что вы застолбите это место, а мы с Эрнестом поедем купим хлеба и вина и всякого такого, чтоб покормить муравьев.

Хемингуэй не остановил, но потом Скотт Христом богом упросил его повернуть и возвратиться на то место. Дальше командовал Скотт.

— Вылезайте,— сказал он нам с Бо.— Мы вернемся через полчаса. А вы пока расчистите местечко для оборонительной позиции. Только, ради всего святого, не на муравьиной куче и не в сетях у паука.

Хемингуэй ни слова не проронил. Он хмуро, покорно, молча клял нас всех. Бо очень не хотелось выходить. Я тянул ее за рукав. Она упиралась.

— Нельзя их так отпустить,— шептала она. Но я-то знал, что гораздо лучше оставить их одних. Я догадывался, что Скотт будет пытаться заглядеть ссору. Так что я схватил Бо за руку и осторожно потянул ее из машины.

— Нет,— опять зашептала она.

— Да! — настаивал я.

— Мы вернемся,— крикнул Скотт из тронувшегося «Фиата». — Не волнуйтесь.

— Мы с вами! — крикнула Бо им вслед.

«Фиат» свернул с главной дороги и скрылся под горкой, а мы с Бо все стояли, глядя друг на дружку, и у меня на душе стало совсем спокойно, и я сказал, поддразнивая, что, наверное, мы их больше не увидим. Никогда.

— Ты, пожалуйста, не дразнись,— серьезно попросила Бо. Она еще держала в руке спасенную шляпу Скотта и теребила ее своими длинными пальцами.— Они вернутся. Я уверена, они вернутся.

— В таком настроении они что хочешь могут выкинуть,— сказал я.

В общем-то, я даже очень радовался, что все так обернулось. Верней, радовался, пока не взглянул на Бо и не понял, что она ломает голову, как вести себя со мной, и как я буду вести себя с ней, и что нам делать, **раа мы** остались один на один в пустом и тихом старом лесу, пока те двое не вернутся.

Глава восьмая



Нетрудно было угадать, что она втайне трусит, что она явно возводит против меня свои укрепления, а может, наоборот, махнула на все рукой? Но я был чересчур неопытен, и где уж мне было это понять, и чересчур застенчив, чтобы преодолеть ее настроение, а тем более им воспользоваться. Все мои силы уходили на борьбу с собственной робостью, и не будь я так отчаянно влюблен в Бо, я бы, может, в тот день вел себя получше. И может, у меня потом было бы какое-то утешение, хотя кто его знает?

— Давай начинай расчищать место для пикника,— сказала Бо в той своей быстрой, твердой, отстраняющей английской манере, к какой она сразу прибегала, стояло нам остаться наедине.

— Да ну еще,— сказал я.— Место и так хорошее.

— Скотт велел, чтоб не было муравьев,— наседала она.— Давай уж сделаем, чтоб их не было.

— Муравьев и не видно,— сказал я и пнул горстку хрустких листьев.

— Но что-то надо же делать!

— Что?

— Господи, откуда же я знаю.

— Ну хочешь, я встану на четвереньки и немножко подчищу листочки?

Бо отошла в сторону.

— Ты точно как Эрнест, когда так говоришь.

Я надулся.

— Ничего я не Эрнест, я говорю, как я.

— Ну, значит, — сказала она. — ты циник и злюка и ты намерен ссориться.

— Я?

— Ты. Ты вечно только и выжидаешь случая, чтобы сказать что-то неприятное. — И, произнося эти слова, Бо очень решительно от меня удалялась.

— Да я же всегда молчу, Бо, — недоумевал я, плетясь за нею. — Я никогда не вмешиваюсь, если от меня ничего не зависит.

— Нет, ты не молчишь, ты говоришь, ты мне десять раз говорил, чтоб я не лезла, не совалась.

Я был слегка опарашен этим вулканическим взрывом. За что? Я стал защищаться.

— Я говорил тебе, чтоб ты не совалась, — сказал я, — потому что они ведь старались сами что-то уладить.

Бо немелодично засвистела и бросила шляпу Скотта на грудь сухой листвы.

— Пойду прогуляюсь, — сказала она.

— Ладно, — сказал я. — И я с тобой. Посмотрим, что это там такое. — Я показал на какой-то шалаш не шалаш из веток и папоротника.

— Я хотела одна пройтись, — сказала она.

Я подумал, она хочет использовать лес в качестве уборной, и покраснел.

— Извини, — сказал я. — Я не понял.

— Тут и понимать нечего. — Она посмотрела на меня как на идиота. — Я не собираюсь использовать лес так, как ты вообразил. — Бо глубоко вдохнула лесной воздух. Деревья, и кусты, и травы лгнули к стройному мальчишескому, неопытному телу, мечтая прикоснуться к нему, как я. Иногда Бо так и сыпала электрические искры. Но она была и вся в колючках — попробуй дотронься.

— Ну ладно, — сказала она. — Пошли уж.

Бо пошла впереди, я следом. Она ловко и безошибочно попадала на тропки, огибала стволы, перепрыгивала канавки и все опережала меня, будто ужасно куда-то спешила.

— Куда мы идем, по-твоему? — крикнул я задыхаясь, отставая.

Бо просто не ответила.

— Туфли испортишь,— крикнул я.— Погляди-ка на них.

Из туфель словно выросли нежные побеги — такие ноги были у Бо. Она стала, взглянула через плечо себе на пятки, сказала:

— Ах, да ну тебя,— и бросилась дальше в лес.

Я на нее разозлился, а если б я знал тогда все, что знаю теперь, я бы повял, что ей того и надо было.

— Ты чересчур спешишь, за тобой не утонишься,— взвыл я.— Я пошел обратно.

Я затопал в гору, я даже не оглянулся на Бо, и, набредя на шляпу Скотта, я растянулся на солнышке, на груди сухой листвы, предоставив Бо свободу действий. Я думал про Бо, я дулся на Бо, рвался к Бо, и я начал понимать, что она боится самой себя больше, чем меня. Ласковая, колючая, незавершенная, она, замерев на самой кромке весны или лета, ждала, чтобы кто-то ее завершил, закончил. Она была готова на все. Она только опасалась беззаботного, легкого, неверного шага, а я, скорей все это угадывая, чем понимая, ревновал ее к двум настоящим мужчинам, у которых было куда больше шансов на успех. Бо ведь обращалась с ними как с двумя небожителями, сошедшими с небес и признававшими только себе подобных.

А мне оставалась одна моя фантазия, зато работала она усиленно. Я лежал на солнышке и изобретал положения, в которых я брал над ней верх, одолевал ее элегантное благородстве, пересиливал ее снисходительную нежность и ломал все преграды, мешавшие ей навсегда стать той открытой, доверчивой девочкой, которая так ласково брала меня под руку. Мне бы только обойти ее укрепления. Но я совсем замучился, истомился, отупел, а ленивое осеннее солнце так мирно пригревало, что я мирно уснул.

Я проснулся и увидел Бо рядом на пеньке, она легонько водила прутиком по моим ногам.

— Я давным-давно тут сижу и слушаю, а ты храпишь, как Циклоп,— сказала она.

Я сел.

— А? Что? Который час?

— Уже четвертый, а их все нет.

Я даже не поверил.

— Четвертый! Так куда же они, к черту, запропастились?

— Не знаю,— сказала она.— И ты не знаешь.

— Может, они задержались из-за...

— Из-за чего? — перебила она.

— Ну откуда я знаю? — И тут я наконец-то проснулся.— Ну, может, Скотт выискивает какое-то особенное шампанское, а может, он охотится за местным паштетом или нормандским сыром, или он хочет купить чего-нибудь зелененького, или черненького, или красненького, или новую шляпу.

— Нет. Просто они нас тут бросили,— сказала Бо.

— Да зачем это им?

Бо подобрала прутик, которым меня щекотала, и разломивла пополам. Потом смерила половинки. Они были в точности одинаковые, потому что Бо и не могла сломать прутик иначе.

— Им хочется посмотреть, что получится из этой ситуации,— сказала она.

— Из какой еще ситуации?

— Пожалуйста, не раздражайся, Кит,— сказала она, и, кажется, из той Бо, что металась одна по лесу, она снова превратилась в спокойную и доверчивую Бо.

— Они устроили себе за наш счет олимпийское развлечение. Сделали себе из нас, бедных смертных, две игрушки.

— Может, и так,— сказал я.— Но надолго они нас не бросят. Ты только не волнуйся, Бо.

— А утром говорил — они вообще не вернуться.

— Ну говорил,— покаялся я.— Но один из них будет обязательно настаивать на том, чтобы вернуться,— хотя бы просто ради дурацкого спора.

Бо вздохнула и чуть-чуть успокоилась.

— Ох, может, ты и прав,— сказала она и принялась терзать шляпу Скотта.

— Как думаешь, чем все это у них кончится? — спросила Бо, помолчав.— Нет, честно, Кит. Во что это все выльется?

— Даже не знаю,— сказал я.— Хотя Скотт прав, наверное. Уж каким каждый вернется из этой поездки, таким на всю жизнь и останется.

— Ты действительно, ты серьезно так считаешь?

Бо стояла на коленях, раздвинув сзади свои несравненные ноги — поза факира или лягушки. Нелепая поза для женщины, но для Бо, для ее красоты и ее достоинства все было ничем.

— Чудно, что мы-то с тобой в это втянулись,— сказала она.

— А я и не думал втягиваться, — сказал я. — Я просто наблюдаю.

— Ну а я втянулась, — сказала она. — Не могу видеть, как они друг друга оскорбляют. И как бы это пресечь...

— Да как же ты можешь это пресечь?

— Ну, значит, это очень плохо кончится.

— Почему плохо? — сказал я. — Оба играют с мыслью о смерти.

Она приложила палец к губам.

— Ой, что ты такое говоришь?

Мне самому стало неудобно. Обычно такие фразы я держал про себя.

— То есть я хочу сказать, все хорошо кончится, — сказал я.

— Думаешь, Скотт бросит пить, а Эрнест перестанет убивать и драться?

— Нет, я не про то. Я про их дружбу.

Мы еще потолковали насчет них. Оказывается, когда Эрнест стрелял тогда куропаток, он говорил Бо, что главная беда Скотта — Зельда. Если он излечится от Зельды, он и пить бросит.

— А по-моему, неправда это, — сказала Бо. — Зельда в точности такая, как надо Скотту. Верно ведь?

Я сказал, что плохо ее знаю.

— Но разве она тебе не нравится?

— Нравится, — сказал я. — И по-моему, у них все в порядке, я ничего такого у них не замечал.

Я говорил честно, по вдобавок мне хотелось, чтобы Скотт был прочно связан с кем-то, лишь бы не с Бо.

— А ты давно их знаешь?

— Сто лет. С тех пор как они подружились с Мерфи.

Я почти ничего про нее не знал, и хоть мне хотелось спросить, как она познакомилась с Хемингуэями и с Мерфи, я боялся спрашивать. Инстинкт самозащиты подсказывал мне, что чем больше я про нее буду знать, тем она станет недостижимей и недоступней. Я только что выбрался из глуши, был свеженький, с речного берега, а Бо вращалась в роскошной, блистательной среде и сама была немислимо роскошная и блистательная. И вдобавок я чувствовал, что кому-то из нас скоро достанется Бо, и боялся грубой ошибкой уничтожить собственные надежды. Особенно после того как Бо сказала, что мы с ней похожи.

— У тебя такое удивительное тело, Кит, — бегучее, охотничье, плавучее, прыгучее тело. Как у меня. Но вот

странно, тело не всегда соответствует человеку. Я сама совсем не такая, как мое тело. А ты?

— Я, наверное, тоже,— сказал я.— Разве что когда оно меня уж очень тешит.

— Например, когда ты красиво так, с большой высоты ныряешь ласточкой, да?

— Как ты догадалась?

— А по твоему виду. Видно, что ты любишь прыгнуть с жуткой, жуткой высоты, а потом замереть в воздухе, а потом — уф! — ласточкой в холодную синюю воду.

И как только она догадалась? Я был молод, здоров, и жизнь вообще клокотала во мне. Но с тех пор как я уехал от реки, меня наваядением преследовало воспоминание о таком вот прыжке в синюю воду. Так я грустил по детству — больше ничего не осталось в душе от громадных летних дней моей «жизни на Миссисипи».

— Ну, это уж ты под дьявола работаешь,— сказал я.— И как можно догадаться?

— Просто ты на меня похож. Такое тело не скроешь. Оно само за себя говорит. Я, например, летаю, и чего я только не делаю.

— Ну да, например, стреляешь куропаток,— поддел ее я.

— Ага,— сказала она серьезно.— Но я не про то.

— Ты где стрелять научилась?

— А меня один из моих бесчисленных дядьев научил. Верней, учили сразу многие. Они у меня все стреляют. А знаешь, ведь Эрнест не такой уж классный стрелок.

— Да? А я-то думал, он лучше всех.

— Он стреляет очень прилично, но я лучше. Эрнест слишком себя помнит, а для стрелка это не годится. Он всегда думает о том, что он делает и хорошо ли, плохо ли у него выходит. А стрелять хорошо можно, только когда совсем себя забудешь. Наверное, у него и с боксом и с боем быков тоже так. Когда что-то делаешь, нельзя о себе помнить.

Милая, милая Бо. Пусть она стреляет в птиц, пусть их убивает, а я все равно ее любил, и просто не верилось, что вот я лежу, опираясь на локоть, и гляжу в эти ясные, нежные глаза. Опрятность, совершенство, красота, мягкие волосы, ловкие руки и точный, четкий очерк тела. Пусть она сама про себя думает, что хочет, а я наконец решился и попытался завладеть ее уклончивыми пальцами.

Бо выдернула руки.

— Так нельзя, — выпалила она.

Я залился злой краской.

— А как же тогда можно?

Бо поджала губы и не ответила. Она встала.

— Их все нет, — сказала она. — Давай выйдем на шоссе и проголосуем до Фужера.

Но я не собирался так сразу от нее отступить.

— Помнишь, что было со Скоттом, когда мы его оставили одного в лесу? — сказал я.

— Ну, это совсем другое дело.

— Ничего не другое. Что же, по-твоему, на них совсем положиться нельзя? Они вернутся.

Бо задумалась.

— Ладно, — сказала она. — Но я им уже не очень-то доверяю.

Я стоял у нее за спиной и опять набирался храбрости.

— Пошли, — быстро сказала она. — Я возьму тебя под руку, Кит, только ты ничего не делай. Ну пожалуйста.

Два невинных младенца. Бо взяла меня под руку. Мы шли по сухой листве под густыми, налитыми солнцем березами, и я чувствовал ее дрожащую руку через все пласты — сквозь пиджак, рубашку, сквозь кожу. Бо крепко меня держала, а я благоразумно замер. Пусть уж сама всем управляет.

— Бо, — снова почти простонал я.

— Ш-ш-ш! — осадила она меня. — Ш-ш-ш!

— Но нельзя же так все время идти и идти. Это бесчеловечно.

— Не делай ничего, Кит. Пожалуйста...

А что, собственно, я мог сделать? Что мог я сделать, не нарушив ее хрупкой, нежной власти и воли, против которой я был бессилен? Странно, власть Бо была куда сильнее секса, но вся им пронизана.

— Ну и что, по-твоему, нам надо делать? — взбунтовался я. — Долго нам еще ходить по лесу? Ты туфли совсем стопчешь.

— Я же говорю «ш-ш-ш»! — И она еще крепче уцепилась за мою руку. — Лучше уж так, чем все испортить.

— Почему испортить?

— Потому что так бывает в лесу у крестьянских парней и девок.

— Я не крестьянин, — разозлился я. — Да и ты на крестьянскую девку непохожа.

— Ну вот увидишь.

— Глупости. Давай остановимся.

— Нет! Пожалуйста! — Она крепко держалась за мою руку и тянула меня за собой. — Не сердись, — сказала она ласково и чуть прижалась ко мне. — Знаешь, за что я тебя люблю, Кит? Почему ты такой милый?

— Нет, не знаю.

— Ты чистый, ты нетронутый, совсем неиспорченный. И пожалуйста — ну, останься таким.

Я воспринял эти ее слова как поощрение, остановился, схватил Бо за плечи и силой повернул к себе. Сделал я это неуклюже, неловко, глупо, и я стоял в неудачной позе. Бо просто взяла и стряхнула мои руки.

— Пойми меня, — сказала она. — Неужели ты не понимаешь, Кит? Если что-то случится, если я тебе позволю что-то со мной сделать — мне тогда просто конец.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Я не про тебя, Кит, — сказала она горько. — Просто случись такое со мной — и я не знаю, что со мной будет. Ужасно будет... Я тогда пропала... Мне уже не оправиться. Тогда уж все.

— Ну ладно, ну ладно, Бо, — сказал я нежно. Вид у нее был перепуганный, и она чуть не убежала опять. — Ничего не будет. Не бойся.

— Нет, все равно ведь это случится. И если будет что-то не так, я просто умру. А ты не чувствуешь такого?

— Может, и чувствую, — сказал я и вдруг прибавил с такой злостью, что даже сам удивился: — Но раз ты такое чувствуешь, ты бы лучше поостереглась Хемингуэя и Скотта, уж они-то не станут нюни распускать.

— Знаю! Знаю! — сказала она. — Господи, только бы мне-то самой ума набраться! Или хоть бы это был кто-то вроде тебя. Вот ты такой смешной сейчас стоишь, такой злой — и решительный и независимый. А ведь на самом-то деле ты в точности как я, ну вылитый. Тебе нужен кто-то, чтоб все время был с тобой и тебя уговаривал, что напрасно ты залишься и что вся эта твоя стеснительность и подозрительность ни к чему. Скотт говорит, тебя в жизни еще обидят, тебя еще измордуют...

— Чего это он?

— Любит он тебя. Себя в тебе угадывает. Но я думаю, не обидят тебя. И я не хочу, чтоб меня обижали. Знаешь, Кит, когда человек стареет, ему в голову лезут разные грустные мысли. А по-моему, все это глупо.

— Это у них называется опыт, — кисло промямлил я.

Но Бо совсем забыла про оборону, и хоть она успела было очень умно отвлечь меня, я все же решил снова по-

пытать счастья. А вдруг... А если... Но я не успел еще из-готовиться, а Бо уже говорила:

— Не трогай меня, Кит, ну пожалуйста, ну погоди, дай мне время, погоди хоть немножечко...

Я часто думаю, почему я, дурак, тогда не воспользовался своей возможностью. Ее ничего не стоило уговорить, убедить, кому-то падо было тогда победить ее — нежно и твердо. И почему бы не мне? Но Бо меня перехитрила. Она щекотала мне ухо таким нежным шепотком и локоном, а глядела так открыто, так незащитно, так заморочила меня посулами, что я отступил.

И тут она сказала с усмешкой, почти равнодушно:

— И ведь деь еще не кончился, правда, Кит?

Разумеется. Далеко еще не кончился.

Глава девятая



Кто-то звал нас. Вроде: «Шу-у-уа-ны, шу-уа-ны».

Потом — дальний голос Скотта:

— Кит! Бо! Сейчас же выходите из лесу! И не стыдно вам? Где вы?

— Скотт опять напился,— сказала Бо.

Снова таинственный клич: «Шу-у-аны, шу-уа-аны».

— Это Эрнест,— сказала Бо.

— Сейчас! — крикнул я в ответ.— Идем!

Бо потянула меня за руку.

— Зачем?

— А вдруг они уедут?

— Ну и пусть! — сказала Бо.

Но поздно. Скотт уже кричал:

— Если вы немедленно не выйдете, Кит, мы идем на вас войной.

— Тьфу ты,— сказала Бо.— Неужели Скотт хоть разок не мог удержаться?

Когда мы подошли, Скотт уже расстелил на листьях чистую жатую скатерку и выкладывал на нее ветчину, масла, ростбиф, хлеб, паштет, сыр, виноград, яблоки, дыню, какие-то белые тарелки поставил, шесть бутылок вина и четыре стакана.

— И кто все это будет есть? — сказала Бо.

Скотт снял пиджак и остался в жилете. Он разместил закуски с ловкостью вышколенного официанта, распрямился и посмотрел на нас пытливо и насмешливо.

— И что это вы тут делали, а? — спросил он. — Отвечайте немедленно.

— Неважно, — сказала Бо. — А вы где пропадали?

Скотт все усмехался и обшаривал нас взглядом, а Хемингуэй рыл ямки во мху, совал туда вино и тоже на нас смотрел. Пришла их очередь перехватывать наши «накаленные взгляды».

— Мы попали в город ровно через две минуты после того, как пробило двенадцать, — сказал Скотт. — Ровно на две минуты опоздали. А ведь у французов в двенадцать все закрывается, и это непреложно, уж скорей святой Георгий забудет затворить ворота чистилища.

Бо занялась угощением, но еще раз поинтересовалась, что они все это время делали. Уже шестой час, и как только им не стыдно, да они, бессовестные, сразу видно, к тому же и выпили.

— Конечно, мы выпили, — сказал Скотт. — А что еще нам оставалось делать в черном, мертвом, пустом французском городе, закрытом на обед? — Они отсиживались в кафе, пока не откроются магазины.

— А про нас и думать забыли, — сказала Бо. Но уже она глядела на Скотта ласково и, кажется, сама не рада была, что задала этот вопрос.

— Ей-богу. Клянусь, Бо, мы про вас не забыли. Просто мы затеяли одну историю.

— Какую?

В два часа, когда открылись магазины, они купили все для пикника, даже скатерть и стаканы. Но в кафе они затеяли спор и, чтобы его разрешить, отправились из города в противоположную сторону — искать дом, который Бальзак называет Виветьер и который, оказывается, вовсе не там, где он помещает его в «Шуанах», а далеко-далеко, в совершенно другом месте. Зато уж они увидели ту самую лестницу Королевы, по которой поднималась мадемуазель де Верней роковой ночью, когда она встретила маркиза де Монторана и свою погибель.

— Эрнест точно знал, где что находится, — сказал Скотт. — Удивительный человек. Репортерская выучка. Живой путеводитель.

Скотт ужасно оживленно все это выговорил, а Хемингуэй пошел за кустики облегчиться. Оба были красные от

вина, но не пьяные. Мы с Бо переглянулись — кажется, Скотту удалось разрядить атмосферу и, кажется, настало перемирие, по-честному, без настороженности.

— Мы с Эрнестом выработали удивительный, поразительный, рискованный и решительный план действий. Тактический план,— говорил Скотт, пока Бо усаживала нас вокруг скатерти и раскладывала по тарелочкам ветчину, ростбиф, маслины, огурчики и хлеб.

— Что за план? — спросила Бо.

— Да вот... — Скотт держал стакан, Хемингуэй лил туда вино. — А знаешь, Кит, ведь французы разбавляют вино водой во время еды.

— Глупости, Скотт,— сказала Бо.

— Ей-богу. Правда ведь, Эрнест?

Никогда еще я не видел Хемингуэя таким разнеженным. Он разметал могучее тело и ножищи и пустил мятый галстук по листве, как разлапившая ветки и разбросавшая яблоки яблоня. Но вдруг ни с того ни с сего все-таки рубанул рукой воздух.

— Крестьянин — да, и лавочник разбавляет, а вот рабочий никогда,— сказал Хемингуэй.

— А знаете, что мы еще заметили в кафе? Француз никогда не закажет бордо или бургундского, если покупает бутылку. Входят и заказывают литр десятиградусного, или двенадцатиградусного, или там сколько-то градусного. Это все равно как у нас войти в «Риц» и заказать кварту сорокаградусного вместо джина или виски.

Мы проголодались и увлеклись едой, но тут Скотт вдруг вскочил, порывлся в недрах «фиата», вытащил оттуда какую-то еще бутылку и поставил ее мне под нос.

— Без излишеств, Кит,— сказал он.— Без пьяного разгула.

Оказалось, это лимонад, и Хемингуэй усмехнулся своим сухим смешком.

— Малого газы разопрут от этого пойла,— сказал он.

— Ничего ему не сделается.— И Скотт выхватил у Хемингуэя стакан с вином, заготовленным для меня, и опрокинул себе в глотку.— Пикник у нас будет чинный-благородный. Полная свобода. И никаких разногласий.

— Да, так что это у вас там за рискованный план? — спросила Бо.

Но Скотт, кажется, уже совершенно все забыл. Он вытаращил на нее глаза, и я вдруг увидел, как трудно дается Скотту веселость и трезвость.

— Не впутывай ты их в это дело,— сказал Хемингуэй.

— А что? — сказал Скотт.— Пусть они судят. На всех военных играх бывают судьбы.

— Какие военные игры,— вскинулась Бо,— что вы еще выдумали?

— Все рассчитано,— шепнул Скотт.— Не беспокойся.

— Господи, да не томите душу! — сказала Бо. — Пугаете, осложняете. И так все сложно.

Скотт глотком выпил стакан вина — вряд ли даже он его вкус почувствовал.

— Ты лучше от этого подальше, Бо,— сказал Хемингуэй.— Пусть его тешитя своими военными фантазиями.

— От чего подальше?

— Ах, музыка войны и охоты.— И Скотт развалился на траве, подставляясь вечернему солнцу.— Знаешь, Кит, ведь войны пошли с деления имущества. Широко известный факт. И все из-за розни между мужчинами и женщинами. Смотри, что получилось, когда рухнул матриархат...— Он дал нам возможность переварить эту идею и помолчал, пока мы усердно двигали челюстями.— Но вот ты задумывался когда-нибудь над тем, что стало бы с современным обществом, уцелей матриархат и власть женщин? Представляешь себе — государством правит женщина, а мужчина гнет спину у очага, варит, чистит кастрюли, возится с детишками и с домашней птицей. А ведь правда,— сказал он,— женщинам бы и охотиться, и добывать пищу. Чем они хуже кошек, львиц?..

— Нет, это лев охотится и убивает,— сказала Бо, — а не львица вовсе.

— Вот и ошибаешься,— сказал Скотт.— Именно львица приносит в когтях антилопу. Во всяком случае, так говорит Эрнест, а уж он-то такие вещи знает. В общем-то, Бо, мужчины ведь паршивые охотники. Им вечно надо себя подстегивать, ритуальными ли танцами, сексом или спиртным. А женщина — нет, женщина разжигается, разгорается сама по себе, пока совсем не ошалевает, и она всегда твердо знает, чего ей нужно.

— Вот уж глупости-то,— сказала Бо.

— Поэтому солдат из них не выйдет,— нес дальше Скотт.— Солдату нужна животная тупость. И привычка к такой грязи, какой женщина и пяти минут не вытерпит. Кроме того...— Скотту нравился собственный доклад,— да, кроме того, женщина может убить только

определенного человека. А мужчина на войне преспокойно убивает направо и налево, не глядя.

— Ладно тебе,— сказал Хемингуэй.— Хватит.

В общем-то, никому всерьез не хотелось перебивать Скотта, потому что он был блестящ в жанре поучений и наставлений. Но, на нашу беду, он вдруг перескочил на генерала Лафайета¹, задел запретные струны, и опять у них пошло. Уж не помню, как он напал на эту тему, но почему-то он сказал, что Гюго в «Девяносто третьем годе» возводит известный поклеп на Лафайета, наглую ложь выдавая за очевидную истину.

— Где? — спросил Хемингуэй.— Какой поклеп?

— Гюго заявляет, что семнадцатого июля тысяча семьсот девяносто третьего года в Париже Фурнье-Американец покушался на жизнь Лафайета и будто бы Лафайет сам заплатил убийце, чтобы тот выстрелил и промахнулся.

— Э, да охота тебе ворошить старье... — сказал Хемингуэй.

— Пусть даже это правда,— сказал Скотт очень серьезно,— хотя я отказываюсь в такое верить,— но не следовало бы французу нападать на единственного человека, которому Вашингтон доверил стоять против Арнольда² в Виргинии. Только он один мог отбиться от тысячи двухсот блестяще вышколенных английских солдат, не имея ни припасов, ни амуниции, ни возможности платить жалованье своим людям. И что бы стоило Гюго упомянуть об этой простой и ясной американской правде, вместо того чтоб городить тонкую французскую ложь?

— Да какого черта? — сказал Хемингуэй.— Ты хочешь, чтоб Гюго весь роман посвятил Лафайету и расписывал бы, какой это был самовлюбленный эгоист?

— Я требую уважения! — заорал Скотт.

— Чуть собачья, старина,— сказал Хемингуэй угрюмо.— Лафайет — второй Буффало Билл³. Просто пыжающийся французик, который так цеплялся за свою репутацию, что в конце концов превратился в жалкого актеришку в роли самого себя.

¹ Лафайет Жильбер Мотье (1757—1824) — маркиз, французский генерал, участвовал в Войне за независимость на стороне американцев.

² Арнольд Бенедикт (1741—1801) — американский генерал, участник Войны за независимость, перешедший на сторону англичан.

³ Буффало Билл (Уильям Фредерик Кодж; 1846—1917) — американский колонист, прославленный скаут, актер.

— Не желаю слушать это про героя Лафайета! — вопил Скотт, не помня себя и даже не замечая своего дурацкого стишка. — Да сам-то ты, сам-то ты, Хемингуэй, не к тому ли идешь? Ты-то небось не пыжающийся французик, а пыжающийся американец!

Всем стало неловко. Мирный договор был сорван, союз поруган, нарушена граница.

— А ну тебя к дьяволу, — горько, спокойно сказал Хемингуэй.

Скотт уже терзался. Он своими руками сломал то, что так заботливо строил.

— Господи, — сказал он несчастным голосом. — Ну почему, почему, Эрнест, я всегда ни с того ни с сего говорю такое? — Он оглянулся по сторонам, будто в воздухе мог висеть ответ на его вопрос. Взгляд упал на бутылку. — Вино паршивое, — объявил он. — Гадкое вино на гадость и толкает. Вино виновато. — Он взял бутылку и щедро оросил содержимым землю, как на дионисийском пиру. — Господи, избави мя от напасти, — сказал он.

Но он поздно опомнился. Хемингуэй уже схватил его мокрую «федору» и диском метнул в лес.

— В один прекрасный день, дружище Скотт, — сказал он, — ты вот так же по-собачьи запустишь во что-то зубы, а когда станешь вытаскивать, там и оставишь и челюсть, да и мозги, да и кишки.

— Совершенно верно, — затравленно подтвердил Скотт, — сам на это надеюсь.

Мы молча ели, и я думал: теперь-то уж вечер. Солнце увязло в золотой сети за лесом, и ничего не осталось от нашей пирушки, кроме бледной вечерней запинки перед падением темноты. Лес тоже приуныл и вылинял. Скотт подвинулся на ноги. Он слегка пошатывался, но он не был пьян. Я вообще уже разобрался, что Скотт часто и вполонину не был так пьян, как прикидывался. Его иногда что-то будто глодало, грызло изнутри и заставляло изображать нализавшегося до полусмерти. Вряд ли, правда, он сам себе отдавал в этом отчет. Вот и сейчас — деловито подошел к скатерти, сгреб ее за все четыре уголка вместе со стаканами, мясом, хлебом, сыром, фруктами и закинул за спину мешком.

— Ты готов, Эрнест? — спросил он.

Я было подумал, он сейчас всем этим запустит в Хемингуэя. Хемингуэя передернуло.

— Ты опять за свое?

— А что? Надо же решать, как по-твоему?

— **Делай что хочешь.** Только ведь ты леса совсем не знаешь. И ничего ты мне не докажешь.

— Нет, это уж ты мне доказывай, пожалуйста,— сказал Скотт, и я понял, что речь у них опять о таинственной «военной игре», только о какой игре — непонятно.— Сперва,— сказал Скотт натянуто,— я зарою эти отбросы вон у того шалаша, и пусть некий американский паломник грядущих веков откроет их и подивится, что бы могли они значить.

Скотт направился к шалашу, который я давно заприметил под горкой.

— Скотт, милый, неужели вы все это выбросите,— крикнула Бо ему вдогонку.— Жалко ужасно.

— Когда остаются дурные воспоминания — тоже жалко ужасно,— кинул Скотт через плечо.— А у нас останутся одни дурные воспоминания, если мы будем хранить эту дрянь.

— Останови ты его,— сказала Бо.

— Нет, пускай,— сказал Хемингуэй спокойно.— Сейчас с ним лучше не связываться.

Я тоже так подумал, и мы смотрели на Скотта, как он, шатаясь, заковылял под горку со своим узлом. Упал, поднялся, снова упал, встал, добрался до шалаша. Там он опустился на колени, поаккуратней, потуже увязал узел. Потом пихнул его в шалаш и старательно засыпал листьями. Не вставая с колен, подправил холмик из листьев, а потом присел на корточки, созерцая свежую могилу.

— Молится он там, что ли,— сказала Бо.

Но Скотт, наверно, просто сидел там, стараясь похоронить жуткую свою никчемность, которая вдруг ни с того ни с сего одолевала его и отравляла ему радости, дружбу, любовь, пикники, минуты восторга и часы простой благопристойности. Я и раньше уже видал, как он боролся с низостью в себе, и никогда мне не было его так жалко, как тогда, когда он спохватывался, каялся, терзался.

— Бедненький Скотт,— сказала Бо.— Вот уж кому нужен духовный отец.

Она пошла за деревья выручать шляпу Скотта, а Хемингуэй вырыл последние бутылки и теперь смотрел, как Скотт бредет к нему.

— Ну вот,— преспокойно и трезво сказал Скотт и надел пальто.— День кончился, историческое место освящено. Так что давай приступим, Эрнест?

— К чему это вы приступите? — спросила Бо.— Да скажите же, что вы затеяли, я уже прямо с ума схожу!

Но они ничего ей не объяснили, только вылакали в пескoлько глотков бутылку розового и снова начали спорить. Перебрасывались отрывистыми фразами — со стороны не понять. Единственное, что я понял: они разошлись в толковании тактики шуанов — бретонских крестьян, боровшихся на стороне контрреволюции здесь, в Фужерских лесах, в 1793 году, — и вот требовали друг от друга доказательств. Для того они и затеяли «военную игру» — чтоб проверить свои теории на практике, тут же в лесу.

— Вы просто спятили, — сказала Бо, сообразив, что они надумали. — Темно, а лес на много миль тянется. Тут опасно. Да и что вы друг другу докажете?

— Нет, все логично, — упирался Скотт, — а иначе нельзя, Бо.

— Да что вы собираетесь делать?

— Бороться, — сказал Скотт. — В ночной тиши лесов.

— Эрнест, ради Христа...

— Он пьян и сам не знает, что мелет, — сказал Хемингуэй. Скотт был в подпитии, чо не пьян. Просто опять он работал под пьяного. Но Хемингуэй уже распалился от собственных слов, голос, и всегда-то резкий, стал совсем пронзительным, так вечно бывало, когда он перепьет. — Фидджеральд пьян как сапожник, и наплюйте на него.

— Нет, скажите: что вы затеяли? — наседала Бо.

— Я сейчас... — сказал Скотт и нагло задрал голову. — Я сейчас исчезну в лесу. Я запрячусь в чаще, а Эрнест, ха-ха, бравый молодец Эрнест меня найдет. Это он так думает. Думает, он меня поймает.

Уже совсем стемнело, и соваться в лес, не зная его, значило за полчаса заблудиться. Мы стояли возле «фиа-та», и, по-моему, лучше всего было бы дать им выговориться. Но Бо все требовала, чтоб они одумались, а одуматься оба не могли, так что Бо их, в общем-то, только подначивала.

— Ладно, — сказал Скотт. — Я пошел.

— Куда ты, идиот несчастный? — сказал Хемингуэй. — Куда ты попрешься?

— Дай мне десять минут и увидишь, — Скотт вдруг развеселился. — Увидишь, если что разглядишь в этой тьме, Эрнест. Нет уж, тебе меня не поймать!

— Вопрос ставился совершенно не так. Вечно ты все к черту корежишь.

— А, ты на попятный! — Скотт засовывал две бутылки в карманы роскошного верблюжьего пальто Джеральда Мерфи, а остальные Хемингуэй уже сунул в свой огромный пиджак.

— Я пошел,— сказал Скотт.

— Иди себе на здоровье. Только я за тобой не пойду.

— Ты на попятный.

— Ты пьян, как пудель Эдит Уортон. И ничего не соображаешь.

— Ради Христа,— взмолилась Бо.— Вы бы уж договорились заранее, чего вы хотите. Ну пожалуйста...

— Не волнуйся, Бо,— сказал Скотт ласково.— Просто я хочу показать Эрнесту, кто он такой. Он думает, он замечательный солдат. Понимаешь, он путает две вещи — одно дело стоять под пулями, другое дело — быть солдатом. Я под пулями в жизни не ставал, только вот под пулями Эрнеста, но, ей-богу, я солдат не хуже его, а самовлюбленность и самоуверенность его только губят, ну, и я выведу его на чистую воду. Вот и посмотрим, как он со мною сладит. Это понятно?

Нам все было понятно. Мы старались их отговорить, но разве могли мы с Бо предотвратить классическое мужское состязание, особенно (как потом выразилась Бо) учитывая, что состязающиеся были пьяны и притом американцы. А Бо еще вдобавок сдуру снова стала говорить, до чего опасно соваться в огромный лес, где темно, хоть глаз выколи, и тянется, мол, он на много миль, и там, мол, полно рытвин, оврагов, ручьев и болот. И там можно заблудиться, сломать ногу, руку, можно спьяну свалиться, уснуть, и тебя засосет болото.

— Чистое безумие,— заключила Бо.

— Это все он затеял,— сказал Хемингуэй.— А мне-то что прикажете делать? Снабдить его путеводителем?

Но, в общем-то, теперь уже Хемингуэй не желал отступать.

— Только уговор: я буду действовать по-своему,— сказал он Скотту.

— И чудно. Ты же в военных операциях гений. Действуй как тебе угодно, а я тебя все равно обставлю.

— Ну вот, опять пошла пьяная похвальба.— И Хемингуэй подобрал «федору» Скотта. Он нацепил ее на палку, а палку всадил в землю.

— Сюда и нацелиться.

— Зачем — нацелиться? — Бо, кажется, вообразила, что у них с собой ружья.

— Мы поедем сейчас на тот край леса, — объяснил Хемингуэй. — И там я сброшу Скотта Фицджеральда. И ему надо будет пройти весь лес и раньше меня добраться до этой шляпы. И чтоб я его не перехватил. А потом он снова вернется к «Фиату».

— Запросто, — сказал Скотт и сел в машину.

— Нет! — крикнула Бо. — Я не еду.

Но я затолкал Бо в машину, потому что понял, что, если нам не ехать с ними, они нас бросят тут на всю ночь и, хоть лично мне только того и надо, Бо тут же зашагает к Фужеру.

Правда, она заставила меня сесть за руль.

— Хочу добраться туда живьем, — сказала она. — Не хочу раскрыть череп об дерево в этом темном, страшном лесу.

Глава десятая

Уж не помню, как я гнал «Фиат» извилистыми, грязными дорожками, повинуюсь Хемингуэю, который хлопал меня сзади то по левому, то по правому плечу, когда надо было повернуть. Мы довольно долго добирались до какой-то просеки, в свете фар казавшейся мне туннелем. Нас отделяло от шляпы Скотта километров пять, не меньше, густого, непроходимого березняка.

— Вылезай, — скомандовал Хемингуэй. — Вылезай, дружище.

Скотт мирно спал, Хемингуэю пришлось основательно его тряхнуть. Он выключил фары, и сердце у меня замерло, я будто с высокого трамплина прыгнул вдруг в темную, бездонную, глубокую пропасть. Лес затаился, ошеломил нас тишиной. Бесплотные наши голоса доносились ниоткуда.

— Нельзя, нельзя вам этого делать, — сказала Бо.

— Тьфу ты, — сказал Скотт и попробовал застегнуть верблюжье пальто. — Не выдумывай, Бо.

А Бо уже свирепо шипела мне в ухо:

— Останови ты их!

— Не могу, — зашипел я в ответ.

— Тогда иди со Скоттом.

— А ты? Не могу же я тебя тут одну бросить!

— Я пойду с Эрнестом. За меня не беспокойся. Я ходить умею. Только Скотту не говори, а то он шум поднимет. Как-то надо кончать с этой дурацкой историей.

Я не стал спорить, она была права. Скотт окончательно проснулся, и тут я сказал ему как ни в чем не бывало, что иду с ним.

— Зачем еще?

— На случай, если ты заблудишься, — сказал Хемингуэй. — Это весьма вероятно.

— Нет, — вскинулась Бо. — Нет, просто вдруг ногу подвернете или что... И если вы не возьмете Кита с собой, я, честное слово, сейчас же сажусь в машину и уезжаю вместе с ним.

Долго спорили и в конце концов решили, что я иду со Скоттом, но буду во всем его слушаться и не стану обгонять ни при каких обстоятельствах. Скотт вдруг даже обрадовался, он нашел тут свою логику:

— Если мне удастся провести через лес одного человека, значит, я провел бы и целый батальон. Ну ладно, пошли.

Он сделал шагов десять и со всего размаха плюхнулся ничком.

— Господи Иисусе! — простонал он, и хохот Хемингуэя полетел по лесу, как призывный клич ночной птицы.

— Ах, мне жаль тебя, — причитал Хемингуэй, — мне жаль тебя! Ах, капитан, капитан...

Скотт выронил бутылку и шарил по листьям в ее поисках, я подошел, помог ему подняться.

— Ничего, погоди, скоро и тебе придется протопать на своих ножкищах по этой ничейной земле, — кинул он Хемингуэю.

— Да ты даже не в ту сторону пошел! — хмыкнул Хемингуэй.

— Как?

— Ты взял на восток. А тебе надо на запад.

— Я сам знаю, куда мне надо.

Оба говорили весело, и я понял, что, несмотря на всю жестокость затеи, они ею наслаждаются.

— Куда нам, Кит? — шепнул мне Скотт. Он старался застегнуть верблюжье пальто, взбухшее от бутылок. — Ты мне только направление покажи, а дальше уж я сам.

Я почти не видел его, чуть не наугад взял его под руку, мы вломились в густую листву и вдруг очутились

у крутого обрыва. Я поскорей потянул Скотта за собой, туда, где, как мне казалось, лежал прямой путь к его шляпе, до которой я мало надеялся добраться.

— Я минут через пятнадцать несколько раз прокычу совой,— крикнул Хемингуэй,— в знак того, что я иду за вами по пятам, как охотничий пес!

— Вот я вернусь и с тобой разделаюсь, капитан Хемингуэй,— крикнул Скотт.— Путь открыт, идем напрямик!

Но не прошли мы и ста ярдов, как я понял, что ничего у нас не получится. Осенняя ночь упала на нас сразу, черная и сырая, земля была вся в ухабах, лес мрачно зашлепал, мы не различали даже ближних деревьев, натыкались на них. Скотт растерялся.

— Кит... Господи... Ты хоть что-нибудь видишь?

— Ничего. Тут невозможно пройти.

— Ну вот, что за слова. Эрнест только таких от нас и ждет.— Тут Скотт снова упал. Застонал, поднялся.— Пошли,— сказал он.— Вперед. Будем как тот безумный англичанин, который силком волок коней всю дорогу до Южного полюса. Важно стремиться к цели, Кит...

Он пошел напролом; мои глаза привыкли к темноте, и я бросился за ним, как некогда доблестные соратники за великим Робертом Фолконом Скоттом¹. Что еще им оставалось? Что еще оставалось мне?

— Скорей,— бормотал Скотт,— Эрнест догонит.

Не успели мы одолеть еще одну горку, Скотт снова плюхнулся и заорал, потому что я споткнулся об него и на него навалился. Ямы, рытвины крылись под густым папоротником на каждом шагу, и как только мы, слава богу, добрались до какой-то полянки, я схватил Скотта за руку и сказал, что дальше его не пущу.

— Да вы хоть в ту сторону идете-то? — сказал я. — Нельзя ломиться наобум.

Скотт вспотел, задыхался, я тоже.

— Почему я знаю, в какую нам сторону,— прохрипел он.— Просто надо идти и идти, чтоб Эрнест не догнал.

— Ладно,— сказал я.— Ладно. Вы только не волнуйтесь.

Снова мы поскакали по папоротнику, по скользким, облицпым кочкам. Я уже было освоился с этой гонкой, но тут Скотт рухнул в огромную грудку листьев, перекувырнулся и зарылся в нее чуть не с головой.

¹ Капитан Скотт Роберт Фолкон (1863—1912) — английский полярный исследователь, с четырьмя товарищами добрался в 1912 году до Южного полюса и погиб на обратном пути.

— Все пальто проклятое,— проговорил он, задыхаясь и выныривая из-под листьев, как пловец из воды. Он содрал с себя верблюжье пальто, швырнул на низкий сук березы.

— На обратном пути захватим. Нож у тебя есть?

Я всегда таскал с собою нож.

— Открой бутылку.— И он сунул ее мне в руки.— Надо горло промочить. Точно мне.

Я не стал спорить. Зачем? Что толку? Я открыл бутылку и протянул ему. Скотт налег спиной на березовый ствол, а голову свесил и все не мог отдышаться. Потом он задрал голову, несколько раз приложился к бутылке и отдал ее мне.

— Нет, спасибо,— сказал я.

— И правильно,— сказал Скотт.— Совершенно правильно, Кит. Не сдавайся. Только не сдавайся, никогда. Поверь, уж я-то знаю.

Вино как стимулирующий укол мгновенно подействовало на Скотта, верней, оно подстегнуло его актерские способности. Когда Скотт встал, он снова шатался. Но я-то знал, что вовсе он не пьян. Он еще как бык трезв, удивительно трезв, хотя он ужасно странно и путано говорил.

— Давайте сюда бутылку, я понесу,— сказал я, а сам решил зашвырнуть ее подальше.

— Ха-ха. Не лишай меня моего единственного неотъемлемого права, старина Кит. Не тронь! И не учи меня,— прибавил он злобно.

И вдруг побежал вперед, будто услышал за собой лай собак и улюлюканье охотников.

— Бежим, бежим,— чуть не взвизгнул он.

Я подобрал его пальто и тоже побежал. На бегу он швырнул бутылку. Она разбилась о ствол.

— Что это? — Он даже остановился.

— Вы бутылку разбили.

— Я?

Он снова побежал, добежал до крутой горки, не смог ее взять, свалился в грязь и там остался лежать. Он так задыхался, что я подумал, он все пошлет к черту. Тут мы услышали, как на бретонский лад кычет сова.

— Шшшу-аны... шшшуаны...

— Хемингуэй.— И Скотт поднялся на ноги. — Господи, догоняет.

— Погодите-ка, Скотт,— сказал я.— Ему нас тут ни за что не найти. Почему бы сперва не разобраться толком, в какую нам сторону?

— А Эрнест и не станет нас искать, неужели ты не понял? Он хочет нас обогнать, вот и все. Он хочет раньше добраться до моей шляпы. И, ей-богу, он доберется до нее, как пудель Эдит Уортон, только чтоб доказать, какой он замечательный солдат и как он здорово ориентируется в лесу. И нечего тебе со мной спорить. Пошли.

Он снова пошел, он спотыкался, как слепой. Свесил голову и шарил руками по воздуху, чтоб не наткнуться на дерево. Я двигался за ним таким же манером, и хоть смысла во всем этом было не больше, чем прежде, я тоже спотыкался, падал, вставал, — а что мне еще оставалось? — а он то и дело скатывался в ямы, в вороха листьев и вот, кажется, совсем изнемог. Потом он насилу поднялся, подполз к поваленному дереву, оперся об него и сказал:

— Только ты ради Христа меня подымай, Кит. Если ты меня оставишь лежать — я пропал.

— Да какая разница? — простонал я, шлепаясь на мертвый ствол с ним рядом и изо всех сил глотая воздух. — Мы же все равно не знаем, где мы.

— Брось ты свои английские штучки, — осадил меня Скотт. Он попробовал подняться, не держась за дерево. — Я точно знаю, где мы. Я разработал план кампании, и вся позиция у меня в голове как на карте. — Он постучал себя по лбу. — Так что держи свои английские штучки при себе.

Опять он сунул мне бутылку — последнюю. Только тут уж я отказался ее открывать.

— Если вы выпьете еще хоть каплю этой дряни, нам не видать вашей шляпы и нам вообще не выбраться отсюда.

— Открывай!

— Нет.

— Открывай немедленно, щенок!

Я рукой отстранил бутылку.

— Лесной дикарь! — заорал он. — Неужели тебе не ясно, мне вина-то и не надо! Ты только открой...

Я выдернул пробку и отдал бутылку. Скотт ее выхватил, как-то странно замахнулся на меня, потом запустил полной бутылкой в темноту.

— Ну как, доволен? — спросил он.

— Да.

— Вот и хорошо. Теперь давай соображать, где мы, а то я ни черта не понимаю. — И он как-то жалостно при-

бавил: — Неужели и ты не знаешь, Кит, где мы? А еще называется — житель лесов!

— Сами сюда забрались. Не я же вас привел.

— Наверное, нам надо вон туда.— И он снова стал продирааться сквозь чащу.

Потом начался сплошной бред, мы с хрустом ломали сучья, спотыкались, падали, для нас будто нарочно нагородили кочек, понапрятали щелей и дыр, и мы одолевали их как траншеи, как заграждения из колючей проволоки на полях Пикардии. Я весь вымок, я извалял брюки в грязи, изодрал их к черту, куртка промокла, ботинки расквасились, волосы липли к лицу, меня бросало то в жар, то в холод, я злился, и я совсем замучился.

— Чушь собачья,— бормотал я.— Надо же было придумать такую дурацкую, идиотскую, проклятую чушь!

В конце концов Скотт просто рухнул, и я прислонил его к грязному пригорку. Лица я не видел, но я знал, что он смотрит на меня как угодивший в капкан изнемогший зверь. Я так и чувствовал на себе затравленный взгляд светлых глаз.

— Когда-нибудь, Кит, дружище,— сказал он, когда я его поднимал,— ты еще умрешь за родину, как Эрнест. Общеизвестный факт. Хемингуэй погиб под Капоретто. От него уже ничего не осталось.— Он вздохнул, а потом весь ушел в себя и вдруг крепко заснул.

Я накинул на него спасенное верблюжье пальто, не глядя, как попало. Он уже храпел, а я переминался с ноги на ногу, чтобы согреться, и не знал, что с собою делать.

Бросить его! — решил было я мрачно. Бросить и вернуться к машине.

Я его не бросил. Но, в общем-то, я его обманул, я, в общем-то, предал его. До тех пор я был на стороне Скотта. Хотел, чтоб он переспорил Хемингуэя, хотел не из-за Хемингуэя, а ради самого Скотта. Хотел, чтоб он выиграл этот дурацкий спор. Но наверное, я вел себя неправильно, потом-то Скотт говорил, что я тоже виноват во всем, что в конце концов случилось. «Если б ты тогда не дал мне спать, если бы ты их не окликнул, если б ты не был так уверен, что ничего у меня не получится, все, может, еще повернулось бы иначе». Так он говорил.

Но тогда я и думать не думал о том, правильно или нет я поступаю. Скотт мне осточертел, и я не стал будить его, я просто решил ждать, когда рассветет, а тогда уж можно идти к машине.

Пока Скотт спал, я раз десять слышал крик Хемингуэевой совы, я прислонился к стволу и так стоял и надеялся, что они на нас набредут. Но их крики были такие далекие, что в конце концов я задрал голову и откликнулся австралийской совою — «куууеее», а этот вопль дальше раскатывается по лесу, чем всякий шой звук, производимый горлом, языком и гортанью.

Тут-то я и предал Скотта.

Ответ меня удивил:

«Чирип-чип-чип...»

Эта сова явно разговаривала по-английски, не по-французски. Значит, Бо.

Каким-то чудом и Скотт ее услышал, меня не слышал, а ее услышал. Он вскочил, заспанный, с мутным взглядом, и снова бросился в лес, на ходу сбрасывая пальто.

— Пошли, Кит. Они догоняют.

Он очень быстро рванулся, я не успел еще поднять пальто, а он уже исчез.

— Да погодите вы! — рявкнул я. — Пойдите!

— Ради бога, не застревай там! — орал он из темноты.

— Сами не знаете, куда идете! — крикнул я. — Заблудились ведь уже!

Тут он остановился. Я догнал его, и он сказал несчастным голосом:

— Ну вот, я все испортил, да? Эрнест меня обставил.

— Да нет, почему, — сказал я. — Небось тоже заблудился.

— Кто? Эрнест? Господи, ты правда так думаешь?

— Конечно, а чем они лучше нас?

— Тогда поищи дорогу, ну пожалуйста. А я за тобой. Только бы обскакать Эрнеста. Обштопать старого убийцу. Ты уж веди, а я за тобой, как пес.

Снова прочирикала англичанка-сова.

— Что это? — спросил Скотт.

— Это Бо.

— Как? Где она?

— С Хемингуэем, — сказал я.

— Как? Она с ним — в лесу?

— Ну да.

— Я не знал. Я думал, она в машине осталась.

— Бо пошла с Хемингуэем, а я с вами.

— Нет, она, видно, рехнулась. Одна с Эрнестом — в темном лесу! Да лес и тьма богом нарочно созданы для соблазна! Тут Эрнеста не проведешь. Он и писал про это. Что же ты мне сразу не сказал?

— Бо просила не говорить.

— Но неужели ты не соображаешь, что нельзя оставлять девушку с Эрнестом в темном лесу? Как же ты ее отпустил?

— Бо сама за себя отвечает,— сказал я.

— С ума сошел! Эрнест умеет так опутать женщину, что та и ахнуть не успеет.

Я пока рассматривал Бо просто как смотрительницу, защитницу Хемингуэя от вина или, если хотите, наоборот. А сейчас мне передался страх Скотта, я вспомнил, как Бо мне тогда говорила — только бы ей не пропасть, только б не было с ней как с крестьянской девкой в лесу. Только бы!.. Значит, она сама за себя не отвечала.

— Бо! — хрипло взвыл Скотт. — Как ты там?

— Она не услышит,— сказал я.

— Тогда сам крикни, чтоб услышала.

Я послал свой вопль в ночь, в лес, и мы ждали ответа. По ветру донеслось что-то дальше, невнятно английское.

— Где они? — спросил Скотт.

— Где-то за нами.

— En avant, Кит, en avant!¹

— А как же шляпа? — сказал я. Странно, мне и тут еще не хотелось, чтоб Скотт бросил свою идею, хоть я волновался за Бо.

— К черту шляпу. Надо было с самого начала призадуматься, стоит ли так надсаживаться из-за Хемингуэя. У каждого своя судьба, Кит, и ты от нее никого не спасешь. Человека не спасешь даже от его собственных глупостей.

— Теперь-то чего уж,— сказал я.

— Думаешь, он ее уже соблазнил?

— Я почему знаю,— огрызнулся я.

— Тогда повторй свой австралийский клич, не давай Эрнесту покоя. Знаю я его...

Мы наугад пошли в сторону криков Бо. Я все время орал, а она отвечала редко и как будто с разных мест, так что мы совсем запутались. Целый час мы промаялись еще хуже, чем раньше, и продолжали идти, по-моему, только потому, что я злился на Бо, а Скотт серьезно боялся, как бы Хемингуэй ее уже не соблазнил...

¹ Вперед! (фр.)

— Нет, это ему так просто не сойдет,— бормотал Скотт, задыхаясь и ковыляя за мной по пятам, как хромой пес.— Это уж чересчур, даже для Эрнеста...

Я совсем замучился и перестал окликать Бо. Я отчаялся. Дважды Скотт от меня отставал, я чуть не плакал от усталости. Где же конец нашей нелепой, безнадежной, жуткой дороге? И вдруг — снова Бо.

— Чиррип-чип-чип...

Так близко, что мы даже вздрогнули.

— Ну, попался, голубчик,— сказал Скотт. Он стоял рядом со мною и дрожал. Он крикнул:

— Бо, где же ты, ох, господи?

— Тут я... Только осторожней... Вы слышите меня?

— Да, да! Идем!

Только на последних пятистах ярдах я убедился, как здорово мы научились обходить неожиданные канавы, скрытые рытвины, скользкие листья, упрятанные стволы, мы качались, спотыкались, но больше не падали, а на самой опушке Бо уже направляла нас, как с диспетчерской вышки направляют обессилевших летчиков. Мы попали туда же, откуда вышли,— к «фиату».

— Привет,— крикнула Бо.— Шляпа у вас?

— К чергу шляпу,— крикнул Скотт.— Почему ты фары не включила?

— Господи, я и не догадалась.

— Ну, ты как, ничего?

— Конечно ничего.

— А где негодяй Эрнест?

— Спит в машине.

— Добрались вы туда? — спросил я, подойдя к ней вплотную.

— Да ты что? Мы заблудились.

— Ха! — сказал Скотт.— Эрнест — и заблудился? Кто поверит, чтобы великий воин и следопыт заблудился, идучи через эдакий жалкий скверик?

— И тем не менее, Скотт. А потом он стал ужас что вытворять, и упал, и ногу повредил. Здорово ушиб, хоть, надеюсь, не сломал.

— А как же вы сюда-то добрались? — спросил Скотт недоверчиво.

— Сама не знаю, ей-богу. Сперва он шевельнуться не мог, но потом поднялся и заковылял. Но снова упал и другую ногу вывихнул. Я уж думала, вам его нести придется.

— Нализался, наверное? — спросил Скотт.

— В общем-то, да,— призналась Бо.— Но я сама все время падала, и я сказала ему, что, если он не уймется, я одна вернусь, сяду в машину и доеду до этой проклятой шляпы. Он еле шел, стал ругать вас обоих и дурацкую шляпу и сдался — якобы только ради меня. Чудо еще, что я машину нашла.

— Это ты ее нашла? Да?

— Какая разница кто? Мы сюда добрались. Эрнест прикончил последнюю бутылку, а теперь мирно храпит, как...

— Мужик! — сказал Скотт.— Он к тебе лез?

Бо минуту молчала, а в такой темноте мы со Скоттом не могли разглядеть, накаленный у нее взгляд или нет.

— Дурацкий вопрос,— сказала Бо, но моему ревнивому сердцу это показалось неубедительным.

— А с ногой правда плохо дело? — спросил Скотт.

— Он еле ходит.

— А так хвастался своими ножницами.— Скотт явно веселился.— Вот и опростоволосился.

— Я закоченела,— сказала Бо.— И чего тут торчать? Ну, пожалуйста! Пошли в машину и поехали, пока он не проснулся.

— Ага,— сказал Скотт.— Прыгай на заднее сиденье, Кит, я поведу.

— Нет,— сказала Бо.— Пусть Кит ведет. А вы садитесь к Эрнесту. Он ужасающе храпит.

Мы все посмотрели на Хемингуэя. Он лежал вдоль заднего сиденья, ноги нелепо свисали в открытую дверцу.

— Запихните ему ноги,— сказал Скотт.

Мы посадили его. Он был мокрый и грязный, как мы все, он дико глянул на нас, проворчал что-то невнятное, отпихнул нас и тут же опять заснул. Скотт снова сказал: «Мужик!» — втиснулся на заднее сиденье, и я повел наш охрипший, несчастный «фиатик» из этого жуткого леса.

Было почти пять, и рассвет не настал, как тихое пробуждение от сна, а настиг, как дикая, разламывающая головная боль с похмелья. Я только и мечтал добраться до гостиницы, сбросить с себя все мокрое, завалиться в теплую постель и — спать. Мы долго колотили в дверь «Hôtel de France» в Фужере, пока добудились портье, который не сразу поверил, что эти дымящиеся грязные вороха мокрых листьев уже занесены в гостиничную книгу в качестве постояльцев. Бо его убедила. Я вошел сле-

дом за нею, а Скотт будил Хемингуэя и орал ему, что мы приехали.

— Все! — кричал Скотт. — Пошли.

— Я из этой коробки никак не выберусь, — ворчал Хемингуэй.

— Тогда вываливайся. Скорее!

— Отстань ты, — заорал Хемингуэй, когда Скотт потянул его за руку.

— А я и так отстал. Успокойся.

— Я упаду!

Скотт не унимался, и Бо посылала меня их выручать, но мне уже было все равно. Лучше держаться от них подальше. Бо проследила, как Хемингуэй ввалился в вестибюль, и запретила мне уходить, пока они не доберутся до лестницы.

— Вам со Скоттом надо сразу в постель и проспать-ся, — сказала она им. — И больше не пейте.

— После чего нам проспать? — спросил Хемингуэй.

— После всей этой глупости. Вы пьяны, Эрнест.

Интересно, что означало «вся эта глупость»? Но нет, мне не хотелось, не хотелось про нее думать.

Ни с того ни с сего Скотт вдруг развеселился.

— Да ты хоть понимаешь, — сказал он Хемингуэю, таща его по лестнице, — что ты сплеховал, опростоволо-сил-ся, что ты никудышный солдат и никчемушный охотник?

— Я не виноват, — проурчал Хемингуэй.

— Но ты же туда не добрался! — торжествовал Скотт. — А больше нам и знать ничего не надо. Ты опростоволосил-ся!

— А сами-то далеко ли проползли на четвереньках?

— Почти полпути. А потом стали волноваться насчет Бо и вернулись. Спроси у Кита.

Портье в сабо шептал: «Ш-ш-ш» и «Taisez-vous»¹.

— Зачем мне Кита спрашивать? — во весь голос орал Хемингуэй. — Погляди лучше на свой костюм от братьев Брук. На четвереньках ползал!

— Тем не менее мы выиграли, а ты проиграл.

— Господи, ну и что из этого, что это доказывает?

— А то это доказывает, капитан Хемингуэй, что ты утерся, провалился и ты такой же воин и охотник, как я.

— Заткнись ты...

¹ Молчите (*фр.*).

Они искали ключи, высматривали свои номера, орали во все горло.

— Ты физически никудышный, как святой Антоний, — радостно провозгласил Скотт.

— Хватит, может быть? Сам-то ты ничего не выиграл. Ни черта!

— Никто и не думал, что я выиграю, — сказал Скотт. — А вот ты опростоволочился.

Хемингуэй нашел наконец свою дверь. Он близоруко гнулся к дверной ручке, высматривая, куда сунуть ключ. Отверг помощь Скотта, сам всадил ключ, повернул.

— Ты пьян! — сказал он и захлопнул дверь у Скотта перед носом.

Скотт прислонился к стене, растерянный, но веселый. Я подумал, Бо сейчас сунется ему помогать.

— Не надо! — сказал я.

Он стянул ботинки и на цыпочках пошел по коридору, напевая и вглядываясь в цифры на дверях. Потом тихо вошел в свою дверь, снова выглянул и выставил сильно пострадавшие ботинки. Бо прижалась ко мне:

— Неужели это кончилось! Мне просто не верится.

— И мне, — сказал я. Я чуть не спал на погах.

Она взяла меня под руку, мы уже подходили к моей лестничной площадке.

— Я спущусь завтракать в девять, — решительно сказала она. — Если хочешь, тоже спускайся.

— Ой, в девять? Ну что ты, Бо!

— Ровно в девять. Я буду уже внизу, за завтраком.

Я смотрел, как грязные, безупречные ноги Бо ступают по лестнице к следующей площадке. Юбка от Шанель промокла до пояса. Руки заляпаны до локтей. Но спина была чистая и сухая, и мои ревнивые подозрения поутихли.

— Бедный Скотт, — шепнула она, свесившись ко мне через перила. — Неужели уж ты не мог добраться до дурацкой шляпы?

— В такой тьме?

— Ты бы все же постарался.

— А зачем? — громко сказал я. — Хемингуэй проиграл. Остальное неважно.

— Ну как ты можешь так говорить? — шепнула она. — Непременно надо было помочь Скотту выиграть.

— Теперь-то чего уж меня пилить? — сказал я. Я так разошелся, что снова заговорил громко.

— Ш-ш-ш! — зашикала она.— Как думаешь, им это хоть немного пойдет на пользу, а, Кит?

— Не знаю,— ответил я хриплым шепотом.

— Наверно, пойдет.

— Завтра поглядим,— сказал я.

Бо подарила меня алым, крепким поцелуем со своей собственной ладони, и я пошел спать, и в конце концов все не так уж плохо складывалось. За Хемингуэя и Скотта можно было не беспокоиться, да и за Бо, в общем, тоже. Ничего. Мне ужасно хотелось спать, я свалился в постель, и свернулся калачиком, и решил не думать о них совсем. Да ну их всех, господи.

Я не знал, что с девяти часов утра пойдут новые события и они на весь остаток жизни изменят наши пути.

Глава одиннадцатая

Непонятно, зачем Бо решила завтракать в девять, и, когда я сел к ней за белый столик в баре, я высказал ей свое недоумение:

— Спать жутко хочется.

— День надо начинать с начала,— сказала она. Она была совершенно свежая, выспавшаяся, розовая, как пион на солнышке.— А то его вовсе не начнешь, проволынишься, а я этого терпеть не могу.

— Но ты спала-то часа два всего. И я тоже.

— Я хотела тебя увидеть, пока те не встали,— сказала она.— Я кое-что тут решила.

Она заказала два двойных кофе, уже раскатала мой и свой croissant, намазала маслом, джемом, снова скатала. И первый проложила мне на тарелку.

Значит, она кое-что решила...

— Насчет чего? — спросил я.

— Насчет тебя, конечно.— И тут она спросила, сколько мне лет.

— Девятнадцать,— сказал я.— А что?

— Мне два месяца назад восемнадцать исполнилось.— И она облизала с губ джем.— Но я гораздо тебя старше, женщины вообще гораздо раньше развиваются.

Я радостно задрожал, прежде чем успел как следует оценить эту мысль.

— Куда ты гнешь? Какое тебе дело до моего возраста?

— Просто я подумала, что ты еще ужасный ребенок.

Она очень деловито наливала мне кофе. И тут в первый раз при мне она оказалась неловкой. Поставила кофейник не глядя, прямо на кусок сахара, косо, кофе пролился на скатерть.

— Ох ты черт!

Кофе не успел еще как следует впитаться, а она уже прикрыла пятно развернутой салфеткой.

— Дай-ка свою,— велела она. Я протянул салфетку, она обтерла кофейник. Подозвала официанта, попросила еще две салфетки. И только когда пятно было надежно прикрыто и чистота, порядок и гармония вполне восстановлены, она вернулась к начатому разговору:

— Знаешь, что я подумала, когда тебя увидела в первый раз?

Я глупо моргнул, не зная, куда она клонит.

— Я подумала, что ты дико чистый,— сказала она.— Нетронутый такой и дико чистый...

Я даже не донес чашку до рта, так и плюхнул ее на блюдце.

— Ну... сам понимаешь.

— Ничего я не понимаю,— не выдержал я.

— То есть ты вышел из лесов совершенно естественным, в чем мать родила — и это сразу ясно.

— Да ну тебя, Бо!

— Нет, правда,— продолжала она свое.— Ты так прелестно сохранился. Эдакий зверик. И ты весь из одного куска. А меня всю жизнь клеем склеивают.

Бо приложила руки к груди, будто демонстрируя свой тезис.

Я сказал: клей, видно, замечательный, каждому бы такой.

— Ты куда меньше меня похожа на «сложи картинку».

— Просто ты ничего про меня не знаешь, верно ведь?

— Да,— сказал я.— Мало что знаю.

— Нет, ты именно ничего не знаешь,— сказала она.—

Это к лучшему.

И она скорчила на своей восемнадцатилетней мордашке то, что, видимо, казалось ей ужасной гримасой:

— Ой, хорошо б тебе так про меня и не узнать. Ты б ничего не понял.

Кусок не полез мне в горло. О чем это она?

Но Бо засмеялась.

— Да нет же, не пугайся. Я как ты — совсем еще зеленая. Je suis encore toute étourdie¹. Только я этого не стесняюсь, а ты стесняешься. Просто моя жизнь на твою ну ни капельки не похожа. Вообще-то даже смешно. И она б тебе показалась дико странной и необыкновенной, и она б тебе не понравилась. Вот и все.

— Не понимаю, про что ты говоришь,— сказал я. Бо явно хотела, чтоб я приставал к ней, выуживал из нее каждое слово. А я не умел. Я ужасно нелепо себя вел.

— Хорошо бы мы были лет на десять постарше,— сказала она.— Или хоть ты был бы постарше.

— Зачем?

— Тогда было бы куда больше смысла в том, что я задумала.

Я немного обождал.

— Ну,— сказал я наконец.— А что же ты задумала?

Бо нервничала. Она сцепила пальцы и только зачала головой.

— Не дразнись! — выпалил я.

— А я и не дразнюсь. Я все тебе скажу. Честное слово, я сама скажу. Я только не знаю, как начать, ты уж меня не пытай.

Я пожал плечами.

— Как хочешь.

— Не сердись и не пожимай плечами. Мне, ей-богу, не до того.

Заманила меня в такую рань к завтраку, а теперь дает обратный ход. И я снова стал есть, решив молчать как рыба, и пусть говорит, когда ей вздумается, или вообще не говорит. Утомлять ее я не буду.

— Ну вот, ты и расстроился,— сказала она.— Я ведь вижу.

— У тебя все какис-то намеки, недомолвки,— проворчал я.— Что же прикажешь делать — силой из тебя слова выжимать, да?

Бо собрала шарф, перчатки, лакированную сумочку и схватила меня за руку.

— Кит, миленький, ты не сердись, у нас еще столько времени впереди. И я хочу тебе все рассказать по по-

¹ Я пока совершенно ошеломлена (фр.).

рядку, как следует, чтоб ты не пугался, не удивлялся и не думал, что я на тебя давлю. Вот и все,

— Ладно уж,— сказал я ласково. Я видел, какое серьезное у нее лицо, и понял, что она правда хочет мне сказать что-то очень важное.

— Ну, ты все съел?.. Тогда пошли,— сказала она.

— Куда это? — спросил я, вставая.

— Я хочу спасти бедненькую шляпу Скотта.

— Господи, зачем?

— А зачем мы ее там бросили? Это безобразие. Несправедливо.

— Да как ты до лесу-то доберешься? — спросил я, выходя следом за нею на улицу.— Дотуда миль шесть-семь переть.

— На «Фиате», конечно. Ты можешь править?

— Править-то я могу,— сказал я.— Но вдруг Скотт будет недоволен?

— Чем?

— Ну, что мы машину взяли.

— Но машина моя, Кит.

— «Фиат»?

— Ну да. А ты не знал?

— Не знал. Скотт говорил, это машина племянницы Джеральда Мерфи. Да, кажется, так он говорил — племянницы.

— А это я.

— Джеральд Мерфи — твой дядя?

— Нет. Не в полном смысле. То есть у меня сотни таких дядь. В общем, Сара — знакомая моей мамы.

Я стоял на тротуаре, задавал Бо множество вопросов, а она делалась все непонятней, так что впору просто спросить, кто она и откуда.

— У тебя все на лице написано.— Теперь она подтрунивала надо мной.— Ну чего ты удивляешься? Мог бы догадаться. Так что давай, будешь править.

— Ой нет,— сказал я.— Это твоя машина...

— Не дури.

— Вдруг я ее разобью.— Я вспомнил свои неудачные опыты. К тому же я не сомневался, что Бо правит в сто раз лучше меня.

— Ладно,— сказала она.— Жалко. Но раз тебе не хочется...

Я затряс головой, мы сели в машину. Руль радостно подался под руками у Бо. Все ладилось, к чему только ни прикасались эти пальцы, и ладони, и запястья, эти

руки и ноги. «Фиат» взял с места не кашлянув, и мы свернули в улочку и покатали мимо витрин, как на самокате.

— Осторожней! — не выдержал я. Мощный грузовик вынырнул впереди из переулка, а Бо его не заметила.

— Ненавижу эти серые грузовики, — сказала она. Она катила по людным улицам, как по пустыне. Мне вдруг захотелось зажмуриться. Мы выехали на площадь, и тут я окончательно понял, что Бо не умеет править. Все движения у нее были точные, но замечала она только то, что под носом. Водить машину — это не часы чинить. Бо не замечала ни людей, ни велосипедов, ни собак, ни кошек.

— Смотри! — Женщина переходила дорогу в пятидесяти метрах от нас, и мне снова пришлось орать. — Смотри же, Бо!

— Знаю! — крикнула она. — Французы дико неосторожны, правда?

Я ухватился за щиток одной рукой, за дверцу — другой, и я почувствовал облегчение, лишь когда мы выехали на пустую сельскую дорогу, которая шла в гору, в Фужерский лес, и привела нас к поляне, где мы оставили на палке шляпу Скотта.

— Ой, она еще тут, — обрадовалась Бо, выходя из машины.

Мне в дороге свело челюсть, и теперь я не сразу обрел дар речи.

— А ты как думала? — сказал я. — Что один из них прокрадется сюда ночью и ее стащит?

— Не напускай на себя цинизм, — ответила она. — Наивный и обиженный ты куда милей. Правда, ты тогда мне гораздо больше нравишься.

Нет, я окончательно понял, что ничего не могу с нею поделывать. Я беспомощно и жадно глядел, как она осматривает бедную шляпу, расправляет вмятину, вертит «Федору» в руках, дышит на нее, пытаюсь восстановить былое совершенство.

— Она вся промокла. А что ты с брюками-то сделал? Они ведь у тебя тоже все промокли и на задку разодрались...

— Я их выбросил, — сказал я. — А тебе советую выбросить шляпу. Вряд ли Скотт такую наденет.

— А ты скажи Эрнесту и Скотту про свои брюки, пускай они тебе новые покупают.

— Обойдусь, — выдавил я.

Бо засмеялась. Как всегда, моя гордость подвела меня и вогнала в краску. Но я так сторал от любви к Бо, что уж не до того было, краснеешь или не краснеешь. Я все время злился, страдал, томился и радовался. Правда, я старался перебороть себя, и страх, и застенчивость, но у меня все было на лице написано.

— Вот бы мне быть как ты,— сказала она.— У тебя все чувства наружу. Я люблю, когда ты краснеешь.

Она стояла совсем рядом, почти прикасаясь ко мне грудью. И тут я положил ладонь ей на лицо. Она отстранила мою руку и крепко ее сжала.

— А я и не краснею,— сказал я.— Просто у меня температура.

Она не слушала, моя попытка сострить провалилась. Бо спросила, что думаю я про Хемингуэя и Скотта.

— Останутся они друзьями, а? То есть настоящими друзьями?

— А что? — сказал я.— Пока они ведь еще держатся.

— Но ты разве не чувствуешь? Они оба стараются измениться, что-то из себя сделать новое, а у них не выходит.

— Скотт, может, и старается,— сказал я.— И думает, что Хемингуэй старается тоже.

— Нет, правда, я вот еще хотела тебя спросить.— Она все не отпускала, а крепко держала мою руку, будто я собирался ее вырвать.— Думаешь, оба и есть то, за что себя выдают? Они ведь ужасно оба запугались. Правда же?

— Они тут ничего не могут поделать. Они вечно друг друга злят. И кажется, им того и надо.

Мы кружили вокруг «фиата», будто прогуливались по фойе оперы, и Бо все не отпускала мою руку.

— Им помощь очень нужна, вот что я поняла,— сказала Бо.— То есть она им обоим нужна.

Меня кольнула ревность.

— Какая помощь? — насторожился я.

— Ну...— Тут Бо явно собиралась мне что-то объяснить, но вдруг передумала и спросила, какого я мнения, в частности, о Скотте.— Мне надо знать, во что Скотт действительно верит, а, Кит?

В то время часто задавали этот вопрос. Он тогда был в ходу, как и еще другой вопрос — «что у него за душой?». В общем, ответ требовался серьезный.

— По-моему, Скотт во все на свете верит,— рискнул я.

Бо сжала мою руку.

— Ой, верно,— сказала она.— Потому-то он так легко обижается, и потому-то он пьет. Ему необходимо во что-то верить, иначе он погибнет.

— И Хемингуэй такой же,— сказал я.— Просто он это лучше умеет скрывать.

— Господи, я и сама знаю, Кит. И во время этих их жутких перепалок он ведь из кожи лезет вон, чтобы только себя не выдать. И вся его жестокость отсюда, ему либо убивать, либо себя убить, а как жалко, ведь на самом деле он совершенно не такой.

Наверное, теперь мне следовало бы посмеяться над тем, как Бо (восемнадцать лет и двух месяцев от роду) и я (девятнадцать лет и двух месяцев) судили о них как о равных. И все же мы были правы. А Бо, кажется, совсем уже подошла к тому, что собиралась мне выложить.

Она примолкла, и мы побрели дальше.

— Смешно,— вдруг сказала она.— Каждый из них настоящий мужчина, но у них все по-разному. И кто же из них прав, а, Кит?

— Но что у тебя на уме, не пойму,— сказал я.

— Сама пока не знаю. То есть не совсем знаю.— И тут она остановилась.— Понимаешь, мне надо менять мою жизнь. И тебе, по-моему, тоже. И Скотт с Хемингуэем тоже стараются изменить свою жизнь. И у всех у нас разные причины. И удивительно, как это мы вдруг встретились.

И ведь снова Бо была права, все мы на что-то решались, к чему-то готовились, что-то важное творилось у каждого в душе. Каждый собирался бросить вызов богам.

— Пошли,— сказала она.— На меня давит это место. Здесь я ничего тебе больше не расскажу. И вдобавок есть хочется. Надо еще раз позавтракать.

Мне не хотелось отпускать ее руку. Я цеплялся за Бо, пока мог, а в ней, по-моему, боролись противоречивые чувства, когда мы на миг застыли в нежной зеленой дымке, как пар от дыхания, висевшей над остатками нашего брошенного пикника.

— Ну, поехали,— сказала она.

Я выпустил ее руку. Мне и подумать было страшно о том, как Бо снова меня повезет, но я сразу сел не за руль, а рядом. Бо оценила мой жест, прижалась ко мне

щекой, носом, ухом, засмеялась, потом включила мотор и немного обождала. Потом проговорила:

— Наверно, мне надо набраться храбрости, раз уж я решилась, Кит. Да и тебе, наверно, тоже.

Господи, ну что она хотела этим сказать? В какую еще загадку меня втягивала? О ком думала? Обо мне? О Скотте? О Хемингуэе? Или просто-напросто о себе? Одно я знал твердо — в любом случае ответ я получу не раньше, чем она займется раскатыванием croissant'ов, а потому я захлопнул дверцу, схватился за щиток, и Бо повела «фиат» в сторону шоссе.

Даже сегодня, стоит мне только закрыть глаза, меня обдает болью той секунды, когда Бо повернулась ко мне — что-то сказать, выехала на шоссе и врезалась в грузовик, который вез строительные материалы. На нас рухнули полы, крыши, стены, перила, столы, полки, брусья. Нас раскололо надвое, и хоть я не видел, как именно ее убило, я все сразу почуял нутром. Прежде чем ударило меня самого, я успел понять, что серый грузовик уничтожил Бо и просто ее больше нет на свете.

Глава двенадцатая

Бо погибла, а я остался жив — чистейшая случайность. Правда, когда Скотт и Хемингуэй пришли меня навестить, а потом Зельда, и оба Мерфи, и миссис Хемингуэй, я лежал на железной кровати в иностранной больнице, беспомощный, затуманенный и почти никого не узнавал.

Скотт, и Хемингуэй, и Джеральд Мерфи выступали сквозь дымку мудрыми старцами, пастырями, отцами, дядями, утешителями.

«Погоди, детка, все образуется», — слышал я. — «Ты молодцом», «Ничего, ничего...».

Сара Мерфи, помню, всплакнула — из-за Бо, наверно, а может, глядя на то, какой я тихий, черный, оглушенный. Зельда обращалась со мною, как со сломанной куклой, и, хоть я мало что соображал, очень меня этим стесняла. Миссис Хемингуэй я просто не помню. Вообще

мало что помню. Я слушал, старался понять, спал. Вот и все как будто.

Я тогда еще не подозревал, что, как только я оправлюсь, мне придется отчитываться не перед ними всеми и не перед собственной совестью, а перед французскими следователями. Французский закон дотошно требует именно объяснений, придавая им больше значения, чем даже фактам, ну а объяснить тут что-то мог я один.

Как только я смог садиться, у моего одра нарядили следствие при участии шестнадцати персон. Тогда мне все это показалось естественным. Ну, иностранцы. Ну, французы. Ну, суетятся. И только много лет спустя я узнал, что Джеральд Мерфи поторопил события, чтобы решить дело сразу и окончательно и тем избавить меня в дальнейшем от таскания по судам, от жандармских допросов, адвокатов, страховых компаний и прочего. Да, поздно я узнал о том, что сделал для меня Джеральд Мерфи, и так я его и не поблагодарил.

Я старался говорить правду. Вновь и вновь повторял с помощью переводчицы — маленькой смуглой женщины в трауре, — что мы не были пьяны, мы не пили, что у Бо было отличное зрение, что она не теряла контроля над собой, знала *code de la route*¹, умела водить (прости меня, господи) и что я ей не мешал. Мне пришлось воссоздавать для них ее последние минуты, и я с болью воссоздавал их в собственной памяти.

Но я, наверно, очень жалко выглядел, и судья сказал, что задаст мне один, последний вопрос, необходимый вопрос, и закроет дело. Он спросил, не хочу ли я выдвинуть обвинение против водителя того грузовика, мосье Бедуайе. Он сказал, что я имею на это право. Мосье Бедуайе, плотный бретонец, едва помещался на стуле. Железный господин, под стать своему грузовику. Он утирал глаза чудовищным кулачищем всякий раз, когда упоминалось имя Бо.

— Нет-нет, — сказал я. — Я не хочу обвинять мосье Бедуайе. Он не виноват.

— Совершенно точно?

— Да-да, совершенно точно.

Далее судья по всем правилам заключил разбирательство, сообщив мне, что я признан невиновным и могу покинуть Фужер, как только почувствую себя в силах.

¹ Правила движения (фр.).

Об остальном позаботятся родственники трагически погибшей мадемуазель.

И кажется, тут только я понял, что Бо умерла.

Наверно, странно, что я говорю обо всем этом так спокойно. Сжато, сухо. Но, в общем-то, мне надо уже расстаться с Бо и вернуться к тому, с чего я начал,— к путешествию Скотта и Хемингуэя и зачем оно им понадобилось и к чему привело. В общем-то, просто я стараюсь свести память о Бо к той роли, которую она потом сыграла. Наверное, я совсем бы о ней не упоминал, если б мог, потому что не в ней дело. Нет, не в ней дело.

Но смерть ее нас всех подстегнула. Каждый день в больнице я ломал голову в поисках безвозвратно потерянного. Но чувствовал я (если можно чувствовать то, чего уже нет), чувствовал я только рвущую боль последней секунды, и отпускала она меня лишь на короткие промежутки. Я был молодой и умел долго терзаться. Мне было всего девятнадцать, и смерть совсем рядом, конечно, ошеломила меня. Я только беспомощно складывал осколки. Снова и снова перебирал в памяти тот последний разговор, месил, месил ее слова, как тесто, задавал и задавал себе вопросы, а ответа на них не было.

Что собиралась делать Бо? Зачем ей требовалось набраться храбрости? И для чего могло понадобиться мужество мне? Но самый мучительный был вопрос, который помог бы ответить и на все остальные. Если она решила отдаться Скотту либо Хемингуэю (а это возможно), то кому же из них? А может, я зря преуменьшал собственную роль?

Потом я снова начал о них беспокоиться. Будь я подальше, я бы, наверное, махнул на них рукой. Но я имел неосторожность спросить у Зельды, что с ними делается. С тех пор как я стал садиться в постели, Зельда была со мной нежней, внимательней, добрее всех. Я тотчас же сдался. Я полностью и без раздумий доверился ей.

Она выслушала мой вопрос про Хемингуэя и Скотта, а потом, как девочка, скакнула на мою кровать, поджав губы и вонзив красные ногти в белые ладони.

— А зачем тебе о них знать? — спросила она.

— Да так, — сказал я. — Просто интересно, какие у них планы.

— Тебе это всерьез не все равно?

— Конечно, — сказал я.

— Смешной мальчик,— сказала она. Она пристально на меня посмотрела, не то испытывая, не то стараясь смутить — у нее никогда было не понять.— Ты разве не догадался, что оба пытались влюбиться в Бо?

— Я не замечал...— пролепетал я.

— Не ври! Ты ревновал, Кит. Только напрасно ты это. Оба вели себя как два бодрящихся старика, и нужна-то им Бо была только для того, чтоб кинуть последний взгляд.

— На что?

— На самих себя, на что же еще? — сказала она. Зельда выглядела довольно скверно, и губы она накрасила тоненькой, узкой полоской, будто нарочно, чтоб казаться злой или даже противной.

— Неужели ты не понимаешь? — сказала она.— Ну да, как же тебе понять? Ты-то любил Бо. А мы все влюблены в собственную молодость. В том-то и беда наша, Кит. Страшно. Теряем себя капля за каплей. Молодость проходит. «Благоуханье мига и того не боле». И она проходит совсем, вот в чем весь ужас, Кит. У тебя-то остается твоя гладкая, юная кожа, Кит, а наша ежедневно и отвратительно облупляется. Как рыба чешуя, как старые сухие листья мака.

Я полусидел, обложенный подушками, и Зельда наклонилась и на секунду прижалась ко мне, она будто хотела одарить меня своим теплом. И ничего больше. У нее было совершенно спокойное лицо, но мне на шею капнула слезинка.

— Бедные дети,— запричитала она.— Бедная, милая Бо. Мотылек в пламени.

Потом она села повыше, сбросила туфли, уткнулась локтями в колени, острым подбородком в ладони.

— Ты не знаешь, не знаешь,— задумчиво протянула она, раскачиваясь по своему обыкновению,— как вы оба были прелестны, безупречны, совершенны. Даже когда вы стояли ярдов на пятьдесят друг от друга, далеко-далеко друг от друга, мы всегда смотрели на тебя и на Бо так, будто сами мы — только призраки и это вам принадлежат наши истинные тела. А ты ничего не замечал, да?

— Нет, не замечал.

— Ты признавался Бо в любви? — спросила она резковатым своим, вибрирующим голосом, по-южному растягивая слова.

— Нет, никогда.

— Господи, почему же?

Я ей ничего не ответил.

— Тогда берегись,— сказала она.— Если ты правда любил Бо, память о ней будет вечно преследовать тебя, и мучить, и портить твои отношения с женщинами, так что берегись. Вдруг «ласк неизведанных упрямый образ заполнит вполне воображение...». А в твоём возрасте это ясно.— Она снова пристально в меня взгляделась.— Понял, что я пытаюсь втолковать тебе в глупых, бесплотных словах Шелли?

— Да. Но вы зря беспокоитесь.

— Не зарекайся,— отрезала она.— Вот, например, сможешь ты забыть Бо и нас всех к концу той недели?

— Вряд ли...

— А надо бы. Забудь нас всех вместе взятых, Кит. Особенно Скотта и Эрнеста.— Она ударила по кровати кулачком.— Не попадайся к ним на удочку, хватит, если сам себе не пожелаешь зла.

— Почему?

— Потому что они так по-идиотски поглощены собой, что лучше держаться от них подальше. Они одержимы собой и друг другом. Помешаны на драке. Они гладиаторы в кровавой битве, и победит непременно Эрнест. Он всегда побеждает.

Зельда иногда подводила глаза черным, и она щурилась, как кошечка, играя в эти свои поэтические игры. И сейчас она тоже щурилась.

— Мы тебе не компания, Кит, ведь ты пока еще ничего не утратил. Так что пусть уж Скотт и Эрнест без тебя охотятся за собственным бессмертием.

— А они продолжают поездку? — спросил я.

— Не знаю.— И Зельда поднялась с моей кровати.— Да и какое мне дело? Толку все равно не будет.

Зельда поплыла к порогу и, уже почти скрывшись за дверью, томно помахала мне рукой в перчатке.

— Отправляйся домой, Кит! — крикнула она мне из коридора, и хоть я отдавал должное искренности ее предостережений, я так и не понял, что же намерены делать дальше Скотт и Хемингуэй. Ответ в некотором роде я получил от самого Хемингуэя.

Он уже захаживал вместе со Скоттом и Джеральдом Мерфи, когда я был в полузабытьи, но один пока не приходил. Бросит мне на постель спортивный, охотничий или французский журнал, скажет, что я молодцом. А сам ко мне присматривался, один раз подробно расспрашивал

о моих повреждениях. Три дня после катастрофы я почти не приходил в себя, и это его очень беспокоило, он волновался из-за моего сломанного ребра, сивяка под глазом, из-за кровоподтеков, которые мешали мне двигаться и держали меня в постели.

— Ну как ты, детка? — спросил он на сей раз, бросая мне на постель иллюстрированный номер «Лондон пьюс». — Тут тьма картинок. — Он ткнул в журнал пальцем. — Запомни, если хочешь стать газетчиком: куда больше можно почерпнуть из чужих картин, чем из чужих слов. Присмотрись как-нибудь к Брейгелю. Ну, как твоя голова?

— Все в порядке, — сказал я и сел. — Меня в пятницу выписывают.

— Да, так мне и старая мужичка сказала, йодом выпачканная.

— Сестра Тереза? — Я захохотал. Сестра Тереза, у которой пальцы были выпачканы йодом, была не столько старая мужичка, сколько очень старая деревенская святая.

— Да. Сестра Тереза. Она как будто выскочила из «Кентерберийских рассказов» Чосера. Толстая, снисходительная к грешникам. Я сказал ей, что, судя по ее пальцам, она, видно, тайком курит до потери сознания, а она давай хохотать, чуть чепчик с головы не свалился.

— А я хуже сострил, — сказал я. — Как-то ей сказал: о такой монахини, наверно, мечтали все умирающие солдаты, — а она это приняла всерьез. Всплакнула, взяла меня за руку и сказала: господи, может, и правда, может, и правда.

— Наверное, многого понавидалась, — ласково сказал Хемингуэй. — Ну вот, детка, а я попроситься зашел.

До сих пор я точно не знал, нужен я ему или нет. Когда мы разговаривали, я должен был просто все выносить и слушать. Но сейчас, сидя на некрашеной кровати и глядя, как Хемингуэй сидит у меня в ногах, я вдруг понял, что ему хочется поговорить именно со мной, излиться, что, может, я ему и нужен.

Я спросил, куда он собирается.

— Обратно в Париж. А потом, наверно, в Нью-Йорк или в Барселону.

Он запрокинул голову и посмотрел на меня сквозь усы, будто говоря: «Ну, детка, я знаю, что у тебя на уме, уж выкладывай».

И я выложил.

— А как же Скотт? — спросил я.

— Все в порядке, — сказал он. — При чем тут Скотт?

— Что он говорит по этому поводу? Я думал, вы с ним еще не разобрались.

— Вылазка окончена, детка. С моей стороны, во всяком случае, бесповоротно. А Скотт пусть как хочет. Но ему, по-моему, тоже уже все равно.

— Но он мне говорил перед самой катастрофой, когда мы валялись без сил в лесу, что вы собираетесь в Тур, там вроде многое связано с Гюго и Бальзаком?

— Я же сказал тебе, детка, тема исчерпана. И забудь про нее.

— Он знает, что вы уезжаете?

— Нет, и ради бога не говори ему ничего, пока я не уеду. У меня нет никакой охоты заново объясняться со Скоттом Фицджеральдом. Это в моей жизни пройденный этап. Ну, а тебе-то хочется еще болтаться по дурацким французским городишкам?

— Нет. Не хочется.

Хемингуэй откинулся на неструканую спинку моей кровати и сказал, что я многого в их затее не понял.

— Понимаешь, ты на все смотрел затуманенными голубыми глазами Скотта, а боже избави тебя кончить, как Скотт. И я скажу тебе сейчас, почему я еду, детка, и почему наша вылазка была с самого начала обречена. Так вот, если тебе угодно выслушать правду, — я ведь не для того тут сижу, чтоб преподносить тебе отеческие наставления, пусть их тебе другие преподносят, — я скажу тебе правду.

Он на меня нападал. Я вспыхнул.

— Не беспокойтесь, — натянуто сказал я.

Хемингуэй ткнул меня локтем.

— Тебя когда-нибудь еще подведет твоя красная физиономия, — сказал он. — Итак, я хочу вбить в эту англосаксонскую башку, что мы со Скоттом пустились в поход из-за ложных посылок. На самом же деле движущей пружиной была безумная теория Скотта про него и про меня. Он считает, что оба мы прикидываемся и заблуждаемся. И что мы уьем в конце концов истинного Фицджеральда и великого поэта Хемингуэя. Уьем непониманием. Да, наверное, он тебе уже все это излагал и ты схватываешь, о чем речь.

— Да, он мне говорил.

Хемингуэй пожал плечами.

— Ладно,— сказал он.— Но, видишь ли, детка, первые двадцать лет жизни — самые лучшие годы; как бы тебя ни хлопнули, ты поднимаешься на ноги. А потом уж оно потрудней. Надо выискивать большущую стену, чтоб спрятаться и чтоб никто тебя не тронул. Запомни.

— Скотт мне объяснял...

— Знаю я, что он тебе объяснял,— сказал Хемингуэй грубо.— Слушай дальше. Я отправился в эту поездку для того, чтоб спасти Скотта от пьянства. Но я не могу ни в чем убедить идиота, который изо всех сил старается затащить меня в братство, просто не существующее вне войны и мифологии. И положить конец его стараниям, спастись от его миссионерского пыла можно только бегством. Вот я и бегу. И не слушай, если он начнет толковать тебе другое.

— Разве вам необходимо бежать? — спросил я. Я защищал интересы Скотта.

— Другого выхода нет,— сказал Хемингуэй. Он терпеливо мне все объяснял, втолковывал, чтоб я плохо про него не подумал.— Я не желаю больше видеть этого психа,— прибавил он с расстановкой.— Он никогда не уймется. От меня ничего не зависит. Стоит мне оказаться рядом, он, даже еще не раскрывая рта, уже беретя меня спасать от меня самого. Но дудки, я не дамся, чтоб Скотт меня спасал — ни от чего, ни от кого, даже от меня. И не думай, будто я с легким сердцем махнул на него рукой. Просто ты влип со стороны в нашу печальную историю, вот я тебе ее и растолковываю, хоть ты, наверное, все равно думаешь, что я его обидел.

— Нет,— сказал я.— Но мне кажется, вы совершенно отрицаете дружбу.

Хемингуэй вздохнул с покорностью, в нем неожиданной.

— А ведь ты прав,— сказал он.— Я не способен к самопожертвованию, верная дружба до гробовой доски — не в моем духе. Я не могу навьючивать на себя такую большую ответственность до конца дней, а Скотт, конечно, на меня ее навьючил бы, опутал бы меня по рукам и по ногам, и потому я сбегáю.

Хемингуэй встал. Он сказал все, что хотел сказать, и выслушивать мои соображения ему было неинтересно. Обычная его манера. Но вдруг он меня удивил.

— Ладно, детка, — сказал он. — Ты, кажется, хочешь что-то спросить, так лучше выкладывай, чем терзаться, мучиться своей милой английской робостью.

— Я вот думал насчет одной вещи, — решил я.

— Валяй.

— Это связано с Бо, — предупредил я.

— Ну хорошо, что же связано с Бо?

— Вы бы не уехали, если б Бо не погибла?

— Думаю, не уехал бы, — ответил он сразу. Потом засмеялся. — Точно бы не уехал. Тут уж Скотт меня водил на поводу... Но почему ты задаешь мне такие вопросы? Хочешь что-то сказать про Бо?

— Нет. Не хочу.

— Ничего, детка. Ужасная вещь, понимаю. Но истинная трагедия — Скотт. Бо умерла — и кончено. А Скотт по-прежнему проблема для всякого, кому не лень, и, наверное, ему оставался единственный выход — отделаться от этой своей истории с Зельдой и бежать к Бо. В том-то вся и жалость. За беднягой нужен присмотр. Если ты мужчина — лучше будь с ним поостроже, но если ты женщина — тебе надо холить его, нежить, заботиться о нем. А Зельда не умеет заботиться, вот он, наверное, и рассчитывал на Бо.

— И думаете, Бо могла с ним связаться?

— Ох ты черт, конечно же нет. Он, может, на нее и рассчитывал, но она думать про такое не думала.

— Откуда вы знаете?

— Господи, детка. Не задавай глупых вопросов. Уж поверь мне на слово, а лет через двадцать, может, и сам поймешь. Ну, до свиданья, детка, и не вешай нос. Все там будем...

Он ушел, и когда он закрыл дверь — хоть он вырвался сразу, мгновенно одолев палату своими ножищами, — я понял, что Хемингуэй всегда стеснялся меня не меньше, чем я его стеснялся. Со мной всегда разговаривал вымышленный Хемингуэй, и он всюду таскал этого вымышленного Хемингуэя с собою, и потому-то их смутные усилия понять друг друга потерпели крах. Ладу между ними не получилось.

И теперь остался только Скотт.

Я жалел Скотта, и мне не терпелось узнать, как он отвесится к отъезду Хемингуэя. Скотт пришел на другой день, в день моей выписки, напряженный, взвинченный, неся мой чемодан, и сразу сказал:

— Ты огорчишься, старина, но Эрнест сделал нам ручкой.

— Не понимаю!

— Он смылся.

— Опять! — лицемерно сказал я. — Но это же ему не впервой.

— На сей раз он правда уехал. Все кончено, Кит. Кончен бал.

Вид у Скотта был отважный — борец, человек действия. Он часто на себя напускал такой вид. Но он явно злился, и я решил было, что он принял жест Хемингуэя так, как тот его задумал: дружба прервана, с одиссеей покончено. Но, оказывается, Скотт расстраивался совсем по другому поводу.

— Ты знаешь, Кит, — сказал он, бродя взад-вперед по палате, — Эрнест приобретает ужасающее влияние на молодых американцев. Зельда говорит, ему уже подражают. Что же станет с нашими детьми и внуками, если они все примутся обезьянничать с этого варвара? Он всю республику развратит к чертям.

— Он вчера заходил, — кинул я небрежно. Я хотел унять Скотта.

— Он тебе сказал, что намерен смыться?

— Сказал, собирается в Париж или Нью-Йорк, — уклончиво ответил я.

— Бери свои вещи. — Скотт показал на чемодан. Повернулся и вышел.

Я понял, что никогда их больше не увижу. Меня будто вышвырнули. Но, открыв чемодан, я обнаружил там всякую всячину — разные подарки: рубашки, брюки, ботинки, и розовый галстук от Зельды, и очень милую куртку с пришпиленной записочкой от Скотта, чтоб я «не лез в бутылку», потому что, мол, все это «законное возмещение» убытков, понесенных мною в лесу. (У сестры Терезы при виде моей одежды вытянулось лицо, и она сказала, что окровавленное тряпье надо сжечь.)

«Мы все в субботу куда-то едем, — гласила записочка Скотта, — но ждем, когда тебя выпустят из твоего французского чистилища, и надеемся повидаться с тобой на прощание».

Ну ясно, Скотт собирался уехать, ни словом не помянув ни Хемингуэя, ни Бо, и даже вполне понятно, почему ему не хотелось про них говорить. Вполне естественно,

меня уже исключили из игры. Я и не ждал от Скотта прощальных восклицаний и точек над *i*. В конце концов, он ведь с самого начала говорил мне, что от этой поездки зависит все дальнейшее развитие их судьбы. А теперь-то чего уж.

Он вошел ко мне в номер в полтретьего утра в субботу. Он включил свет, и я проснулся. Я нашарил часы и увидел, что еще ночь.

— Что случилось? — спросил я.

— Ш-ш-ш,— громко прошипел он. Он покачивался, но, по-моему, нарочно.— Ничего не случилось. Просто я хочу с тобой поговорить, пока все прочие во Французской Республике крепко спят в своих ореховых кроватках. Лучше времени для разговора не придумаешь, Кит, и я безумно извиняюсь, старина, что тебя разбудил. Ну, как ты?

— Ничего,— произнес я сипло.

Он пришел от Гескленов и выглядел прилично. Он был в твидовом костюме и четко выговаривал слова. Правда, он отчаянно размахивал тросточкой, но, кажется, не был пьян. Во всяком случае, не очень. Как-то странно сосредоточен и рассеян.

— Я пришел...— Он был веселый и важный, и он отчаянно подыскивал слова.— Я пришел,— сказал он,— дать тебе один очень существенный совет. Так что садись-ка и слушай внимательно. Совет очень существенный. И кроме меня никто тебе его не даст.— Секунду это обещание витало в воздухе, и вдруг он о нем совершенно забыл.

— Какой совет? — спросил я, окончательно просыпаясь.

— Необходимый совет,— отрубил он, но в его уставых глазах отразились только отчаянные потуги вернуть Скотта Фицджеральда с дальнего синего горизонта, куда он неуклонно ускользал.— А? Что я говорил, Кит? Что я говорил?

— Вы хотели дать мне какой-то важный совет.

— Правда?

— Вы так сказали.

— Гм. Гм. Хорошо же.— Скотт ткнул в меня тросточкой и крикнул во все горло:

— Бамм! — Потом: — Ну как, Кит? Здорово я стреляю?

— Ш-ш-ш,— зашипел уже я.— Вы всю гостиницу разбудите.

Скотт, все так же колеблющийся на грани здравости и забывтья, вдруг подтянулся и громко зашептал:

— Верно, старина. Я терпеть не могу, когда плюют на других. Еще моя мама говорила: это признак уроженца Чикаго.

— Вы бы сели,— сказал я.

— Нет, нет,— проворчал он.— Я пойду. Я тут больше ни минуты не останусь. Я пришел только тебе сказать, что с Эрнестом я провалился. И ты это знаешь. И Эрнест знает, и ты знаешь, и Зельда, и Джеральд Мерфи знает, и Сара, и Хедли. Вот и все, что я хотел тебе сказать, старина.

Мне оставалось одно — тщательно взвешивать свои вопросы.

— И что вы собираетесь делать дальше? — спросил я.

— Делать? — взорвался он.— Почему я обязан что-то делать?

Тут я смутился и довольно глупо брякнул:

— Значит, вы считаете — это все?

— Откуда я знаю? Хемингуэй продал нас с потрохами, верно? Он предатель, верно? И ты спрашиваешь меня, что я собираюсь делать дальше? Ты бы лучше его спросил! — Скотт закрыл глаза, отгоняя какой-то неприятный образ, а когда он снова их открыл, он уже критически меня разглядывал, будто недоумевая, откуда я взялся. Потом он снова заговорил, с усилием, с удивлением: — Кит, но почему он уехал? Что его отпугнуло?

— Не знаю.

Скотт вдруг схватился за простыню, ужасно закашлялся (я тогда еще не знал, что у него туберкулез), потом он вздохнул, и снова на него напал ужасный, неодолимый кашель. Лицо сразу стало бледное, болезненное. Он мучительно ловил какую-то мысль.

— Что, по-твоему, хуже дезертирства? — сказал он.— Кит! — сказал он. Потом встал и вдруг накиннулся на меня: — И зачем ты мне задаешь idiotские вопросы?

— Никаких я вам не задаю вопросов,— отрезал я.— Просто я хотел узнать, что вы намерены делать.

— А, ну тогда ничего,— выдавил он.— Но когда-нибудь, — пригрозил он устало, — когда-нибудь Эрнест еще напишет мне ужасное, жалостное письмо, знаешь какое?

Я покачал головой.

— Он напишет: «Скотт, миленький, я умираю! Я медленно умираю жертвой самозаклания, и ради бога приди и спаси меня».

Он ужасно тяжело дышал, и я снова стал уговаривать его, чтоб он сел.

— Хоть на минуточку,— просил я. Я боялся, что ему вот-вот станет дурно.

Он присел на кровать и еще раз с усилием выбрался из той тьмы, в которую он теперь то и дело так надолго погружался.

— Да, еще вспомнил! — И вдруг он перешел к своей манере рассерженного учителя.— Я пришел тебя предупредить, чтобы ты бросил свои английские штучки. Они ужасны! Отвратительны! И надо покончить с ними, старина, пока не поздно. От таких вещей лучше вовремя избавляться. Не бери пример с Эрнеста. В один прекрасный день Эрнест надолго замолчит, и вот тогда он и напишет мне то жуткое письмо...

Он встал и пошел к двери, подняв трость, как волшебную палочку. Я увидел, как он сдерживает кашель, давится кашлем. Снова я испугался, что ему вот-вот станет дурно. Но он вдруг вернулся.

— И еще одно! — выдавил он, одолевая кашель.— Напомню тебе слова Лоуэлла, обращенные к Спенсеру. Знаешь, что он ему сказал?

— Не знаю.

— Он сказал: нельзя позволять гению уничтожать собственный гений. Вот вы все думаете, я сдался Эрнесту. Да? Ни черта! Он у меня еще попляшет.

Опять он пошел к двери, и опять он вернулся и спросил, думал ли я о том, что было бы с ним и с Эрнестом, если бы Бо не погибла.

— Задавался ты таким вопросом?

— Я только об этом все время и думаю,— сказал я.

— Так вот я тебе скажу, что было бы,— сказал он.— Эрнест никуда бы не уехал. И я бы выиграл все — но Бо мы оставим в стороне.

— То есть как?

— Я в лесу тебя предупредил насчет Бо, верно? А ты на это наплевал, верно?

— Ничего подобного. Я сразу вернулся вместе с вами.

- Но ты не знаешь, что с ней было, верно?
- О чем вы, не понимаю.— Я не желал ему подыгрывать, раз речь зашла о Бо.
- Ладно,— сказал он таинственно.— Пусть тайна умрет вместе с ней. К тому же, если б так дальше пошло, она бы с Эрнестом намаялась.
- Да что такое? Что у них случилось?
- А ты-то сам как думаешь?
- Не знаю. Думаете, она хотела с ним связаться?
- Господи, конечно нет. С чего ты взял? — сказал Скотт.— Может, старина Эрнэ на нее и рассчитывал, да только мало ли кто чего хочет.— Тут он расхохотался и снова отступил к двери, взялся за ручку, застыл. Но на сей раз переступил порог.— Бедная Бо,— сказал он грустно.— Она переживала пору равноденствия, которую знают только женщины. Еще бы немного — и сменился бы сезон. Но не для Эрнэста. Никогда. — Он еще потоптался, покашлял, он чуть не валился с ног от изнеможения.— И ведь какой ужас, Кит, какой ужас. Правда?
- Да.
- Ну, спокойной ночи, старина.— И он ушел.
- Спокойной ночи, Скотт,— сказал я, и я встал и приоткрыл дверь, потому что он оставил ее открытой.

Глава тринадцатая

На другой день, или, верней, уже наутро, мы расстались. Скотт и Зельда за завтраком ели croissant'ы, а мне казалось, что они жуют эпитафии по нашей исчезнувшей девочке. Меня они, правда, окружили вниманием и заботой. Кит такой, Кит эдакий, Кит миленький, Кит-старина; а я-то знал, что никогда больше их не увижу. Я уже стал для них горьким воспоминанием.

Они отправлялись в Руан на «изотте», а меня оставляли в Фужере, пока я как следует не поправлюсь. Я беспокоился насчет уплаты за больницу, но Джеральд Мерффи

уже оплатил счет, он говорил, что это пойдет из состояния Бо, которым он должен будет распорядиться. Он и за гостиницу заплатил, и вручил мне вдобавок билет до Лондона, хотя билет у меня уже был, мне его еще раньше прислали из Парижа. Так что отношения, в общем, закрепились, и я спросил Джеральда Мерфи, можно ли мне будет доехать с ними до Фужерского леса, если это им по дороге в Руан.

— Разумеется, отчего бы нет? — отвечал он в своей старомодной манере. — Но как вы обратно доберетесь? Это километров пять, а вы еще не окрепли.

— Я проголосяю, — сказал я. — Не беспокойтесь.

Скотт мне объяснял, что у Джеральда Мерфи принцип — не задавать лишних вопросов.

— Хорошо, — сказал он. — Мы едем через полчаса, если Скотт справится с замком на своем сумасшедшем чемодане.

Я чистил зубы у себя в номере, когда Сара Мерфи постучалась и спросила:

— Кит, можно мне на минуточку?

— Пожалуйста, — сказал я, натягивая пиджак.

Сара подошла прямо ко мне и вложила голубой шелковый платок мне в кармашек.

— Все не могла найти такого цвета, — сказала она. — Только сегодня утром попался.

Сара вечно смущала меня, я сказал, что мне страшно неудобно, но мне нечем ее отдарить.

— Вы уже нас осыпали дарами, — сказала она. — Вы с Бо так радовали нас. В общем-то, я пришла кое-что рассказать насчет Бо. Сядем-ка на минутку.

— Они там ждут внизу, — сказал я.

— Подождут, — сказала она, села на незастланную постель и рассказала мне почти все, что я теперь знаю про Бо. Она не ответила на мои немые вопросы, даже на половину их она не ответила, но я хоть немного понял, кто такая Бо.

Она была сирота, правда, богатая. В восемь лет она лишилась обоих родителей и детство провела по разным родственникам, разным загородным домам, разным виллам над морем, по разным школам. С Сариних слов я составил представление об озабоченной, серьезной девочке, которая переезжала от одних родственников к другим, из одного дома в другой, не теряя самообладания и не хныча. Отца ее окружала тайна. Никто даже не знал толком,

откуда он, не то француз, не то венгр, не то американец, не то вовсе из Герцеговины. Мать ее была английская аристократка, богачка и странница, где-то вышла замуж за чужака, а потом его бросила. Он погиб в начале войны, сражаясь на стороне французов. Мать Бо далее бросила ребенка на родных и друзей и продолжала свою красивую и беспутную жизнь — где вздумается и куда занесет богатство. Погибла она в Вене, весьма трагически: наклонилась к своей собачке, та тявкнула, она отпрянула, свалилась с железнодорожной платформы на рельсы и попала под экспресс дальнего следования. Бо досталось богатое наследство, и вся жизнь ее, с помощью родственников и друзей, превратилась с тех пор в сплошное переучивание, перемогание, переезды. Бо собирали по частям, склеивали клеем.

— Поразительно, — говорила Сара. — Но натура Бо все одолела, и она осталась естественной, чистой девочкой со строгой моралью и без претензий. Я любила ее мать, хоть она порой бывала невыносима. Бо пошла в нее внешностью, и только. Мы с Джеральдом всегда старались сделать для Бо что могли, но у нее лет с десяти были свои твердые, незабываемые понятия. Бо — чудо, Кит. Воспоминания, может быть, уже заслоняют Бо, но не совсем.

Сара Мерфи все это рассказала, чтобы приблизить ко мне образ незнакомой девочки. Но я вдруг понял и другое, я понял, почему Бо так старалась устроить чужие жизни, уладить чужие отношения, унять распри, почему она так рвалась к правде и справедливости. И наверное, историей ее детства объяснялась тяга к мужчинам гораздо старше нее, желание кому-то посвятить стремление к порядку и преданность, в ком-то найти черты незнакомого отца.

Но Сара словно угадала мои мысли:

— Вряд ли сама Бо понимала, кого она ищет — отца, брата, опекуна или человека, в которого она сможет верить, на которого она сможет положиться до конца жизни. Но я уверена, что она искала именно такого человека, Кит, и на вашем месте я приписала бы себе эту роль.

Скотт уже кричал снизу:

— Кит, ради бога. Мы ждем! Сара там?

— Да. Сейчас.

Мы еще минутку постояли, и Сара нежно взяла меня за руку.

— Я все это рассказала вам, Кит, потому что не хочу, чтобы ее совсем забыли, и думаю, уж вы-то ее запомните. Я надеюсь, что частица Бо засела в вас до самой смерти. И теперь мне даже не так страшно бросать ее в этом жутком, мрачном городе.

Я кивнул.

Спускаясь по лестнице, Сара не выпускала мою руку.

— Ужасная история. Но, думаю, вся затея была с самого начала обречена. Скотту и Эрнесту вообще нельзя ни минуты находиться под одной крышей.

Тут я не мог с ней согласиться, но я не сумел бы ничего доказать, да и поздно было спорить. На улице она снова попросила меня не забывать Бо.

— Ну пожалуйста, Кит, не забывайте ее.

— Да, это маловероятно, — сказал я.

— Милый мальчик, — сказала она, и тут мы подошли к «изотте», верх ее был откинут, и все уже сидели на местах.

Я сел сзади, Скотт крикнул: «En avant!» — и Джеральд Мерфи покатиł мимо магазинов, той улочкой, которую Бо тогда одолела как птица. На Скотте была помятая «федора», видимо, спасенная в полной невредимости из-под развалин «фиата».

Джеральд Мерфи обернулся ко мне:

— Скажете, где вас сбросить.

— Где-нибудь на горе.

Мы выехали из города и потащились по тряской дороге в гору, к лесу. Все молчали, каждый уже ушел в себя. Перед той развилкой, которой я ждал, я крикнул: «Тут» — и поскорей выскочил из машины.

— Спасибо большое, — крикнул я, перекрывая урчанье «изотты».

— Милый, славный Кит, — весело крикнула Зельда.

— До свиданья! — заорали они хором, когда «изотта» покатила по длинному прямому шоссе. — До свиданья, старина. Adieu, Кит...

Машина шла вверх по холму, я смотрел ей вслед. Вот Зельда сорвала «федору» с головы Скотта, запустила ее в лес, и шляпа описала красивую траекторию — как всегда.

Глаза у меня затуманились, потому что мне примерещилась девушка, она бежала за глупой шляпой, подни-

мала ее из грязи, поправляла чуткими, четкими пальцами и мгновенно держала на вытянутой руке, словно самой себе доказывая, что жизнь должна быть разумной и правильной, а не разрушительной и нелепой. И тогда я подумал, глядя вслед «изотте», что Бо, может, как-то и определила наши судьбы. Ведь это из-за Бо уехал Хемингуэй, из-за нее вот-вот скроется за холмом Скотт, из-за нее я стою на дороге, и вижу призрак, и меня мучит вопрос, которого мне вовек не решить. Вопрос о том, что случилось бы со Скоттом Фицджеральдом, и Эрнестом Хемингуэем, и с литературой целого поколения, не разбейся Бо на этом самом месте — на грязном шоссе у Фужерского леса, обсыпанном листьями.

Но все это не умещалось тогда у меня в голове, а вопросу моему суждено так и остаться без ответа.

ПРАВДИВАЯ
ИСТОРИЯ
ЛИЛИ
СТЮБЕК

■
роман

THE
TRUE
STORY
OF
LILLY
STUBECK



1982

Перевод
Л. Огульчанской

Я постараюсь
как можно правдивее рассказать историю Лилли Стьюбек,
словно моя героиня и в самом деле жила на свете.

Глава первая

Многие жители нашего городка называли маленькую Лилли сущей разбойницей, а когда она выросла, говорили, покачивая головой, что ее жизнь — сплошная трагедия, хотя трагедией у нас считали любую неприятность — от упущенной возможности разбогатеть до простого недоразумения или рождения внебрачного ребенка (это несчастье миновало Лилли). И почти в каждом доме полагали, что девушка сама определила свою необычную судьбу.

Я-то думал иначе — не потому, что был умнее других, а потому, что дружил с Лилли и знал ее лучше, чем кто-либо еще.

Стьюбеки въехали в наш викторианский провинциальный городок Сент-Элен на разбитой телеге, которую тащила лошаденка, на удивление жалкая, косматая и грязнущая — ее можно было привянуть за доисторическое животное; восемь детей лежали на возу вповалку точно куча дров. Моя мама вспоминала, что Стьюбеки прикатили к нам, как цыгане, но они не принадлежали к этому бродячему племени, хотя у всех были вьющиеся волосы, дерзкие глаза и шоколадная кожа. Они походили на чужестранцев, и, казалось, жизнь в неведомых краях наложила на них свой отпечаток. И говорили Стьюбеки порой не как настоящие австралийцы.

Стьюбеки направились в заброшенный дом, стоявший у излучины реки Муррей; участок, на котором они обосновались, у нас называли Мысом, потому что он напоминал небольшой полуостров; по его берегам росли ивы, а само жилище с придавленной крышей окружали высокие эвкалипты и персиковые деревья, совсем мертвые или напо-

ловину засохшие. Дом принадлежал старой миссис Карсон — она проводила свои дни затворницей в соседнем городке, и последние десять лет на Мысе никто не жил, кроме бродяг, сборщиков фруктов и прочих скитальцев, которые постепенно разрушали строение: пустили на дрова почти все оконные рамы, двери, часть пола. Здесь было полным-полно мышей.

В первые пять дней после приезда дети Стьюбеков (четверо мальчиков и столько же девочек) сновали по улицам города, точно высматривая, что бы стащить, и о них сразу заговорили как о воришках, любителей покопаться в отбросах и попрошайках. Сам Мэтти Стьюбек был тертый калач, он сыпал остротами, вел себя нахально, вкрадчиво, просительно, подобострастно или дерзко в зависимости от того, чего хотел добиться. Он был по пояс своей молчаливой черноглазой жене — могучей женщине, которая могла приподнять мужа и хорошенько его встряхнуть, впрочем, родительская власть и авторитет Мэтти от этого ничуть не страдали. Он был похож на злобного юркого хорька, особенно когда раздавал щипки и затрешины; дети (даже старший сын-подросток) могли ожидать их в любое время — все зависело от желания отца почесать руки. Миссис Стьюбек редко трогала детей, словно в семье царил неписанный закон — ругаться и бить имели право только мужчины. И в самом деле, девочки были молчаливые и редко вступали в разговор. Миссис Стьюбек не отличалась особой ловкостью, но могла так схватить кого-нибудь за руку, шею или плечо, что этого дети опасались больше, чем неожиданных хлестких затрещин Мэтти.

Для нас оставалось тайной, на что существовали Стьюбеки. Шли тридцатые годы, наступил самый разгар Великого кризиса, захлестнувшего и Австралию. Найти работу было тяжело, а для бродяг вроде Мэтти — практически невозможно, разве что наймут на сезонный сбор фруктов. Тем не менее вид у Стьюбеков был прямо-таки цветущий. Они никогда не болели, хотя носили круглый год плохонькую одежонку и жили в тесном домишке с двумя каморками, продуваемыми сквозняками. Четверо мальчиков обычно слонялись по задворкам магазинов, гостиниц, баров, маслозаводика и скотобоен или возле железнодорожной станции и складов, где они копались в отбросах. Даже если бы Стьюбеки и получили работу, они трудились бы спустя рукава — в этом были уверены все. Мэтти изредка

привосил горожанам валежник (в те времена еще не топтали углем).

Однажды Мэтти за бесценок предложил валежник моему отцу.

— Возьму, если порубишь длинные валежины,— сказал отец.

— Да ну их,— ответил Мэтти.

Стьюбеки собирали валежник на берегу реки, но никогда не пользовались топором. Они были плохими рыбаками, хотя жили у самой воды, зато обворовывали чужие ловушки для раков. Поэтому возле Мыса, где водилось много раков, ловушки никто не ставил, все знали — Мэтти их обязательно обчистит. Всякий раз, отправляясь за раками, мы старались так запрятать снасть, чтобы Стьюбеки не могли ее заметить.

Однако Мэтти обладал одним даром, который приводил в удивление жителей города и заставлял нас задуматься над тем, где он научился своему мастерству. Он выплетал чудесные железные решетки — в ту пору решетками украшали окна и двери почти всех домов Сент-Элена; собирая валежник, Мэтти снимал проволоку с ограды, окружавшей отдаленную ферму, где росли невысокие эвкалипты, потом он нагревал ее в переносном кузнечном горне; решетки получались красивые, но продавать их в наступившие тяжелые времена было совсем не просто.

— Сколько ты хочешь за нее, Стьюбек? — спросил однажды отец у Мэтти, зашедшего к нам со двора,— он принес затейливую решетку для двери.

— А сколько дадите? — поинтересовался Мэтти.

— Два шиллинга.

— Да вы что? — возмутился Мэтти.— Вы же знаете, моя работа стоит гораздо больше.

— Проволока у тебя ворованная, да и решетка так себе,— бросил отец, хотя видел, что Стьюбек потрудился на славу.

— Вы не найдете такую решетку за два шиллинга.

— Ладно. Три.

— Не на того напали, мистер Квейл,— сказал Мэтти.— Вещица сделана на совесть, а проволоку я купил в лавке у Хардинга всего два дня назад. Два шиллинга! — возмутился Стьюбек.— Вот уж не думал, что вы скупаете краденое.

Мой отец — выходец из Англии, отличался вспыльчивым нравом; он занимался адвокатской практикой,

и его прекрасно знали в городе как человека безупречной честности; запросто попавшись в ловушку на скользком пути торговли, он послал незваного гостя ко всем чертям, заявив, что вовсе не собирався покупать его решетку.

— Все вы такие! — крикнул Мэтти с безопасного расстояния — он уже стоял у ворот.

Лилли была младшей в семье, когда Стьюбеки приехали в город. Ей исполнилось семь лет. А через несколько месяцев у миссис Стьюбек родился еще один ребенок — крохотный мальчик Джекки, у которого на каждой руке было по три пальца, я его и запомнил по этим трем пальцам — он отчаянно цеплялся ими за Лилли. Я редко встречал Джекки с матерью; малыша повсюду таскала с собой Лилли, которая, казалось, не замечала брата, пристроившегося у нее на бедре, хотя сама была еще слабенькая и с трудом его поднимала.

Но в моей памяти Лилли осталась не только заботливой нянькой. Она была самой ловкой и смысленной из четырех дочерей Стьюбеков (ее сестер звали Грейс, Элис и Пэнси); Лилли то вдруг появлялась невесть откуда словно молчаливая дикая кошка, то столь же внезапно исчезала, даже глаза у девочки были кошачьи, с миндалевидным разрезом; такой я представляю ее себе гораздо отчетливее, чем с прижавшимся к ней малышом Джекки; Лилли всегда носила с собой сумочку, в которой хранила что-нибудь украденное, подобранное или подаренное, но что именно, я узнал намного позднее.

Появление Лилли в нашей школе стало довольно примечательным событием, так как в класс ее привел полицейский, когда занятия уже шли полным ходом. В начале учебного года Стьюбеки оставили детей дома, и через месяц на Мыс наведился сержант Коллинс; он забрал с собой двух девочек и одного мальчика; остальные дети сказали, что им уже исполнилось четырнадцать лет — в этом возрасте тогда заканчивали школу.

Лилли стояла возле двери класса словно маленькая русалка, вытащенная на белый свет из темной, зеленой воды. Выцветшее ситцевое платье едва прикрывало ее гибкое загорелое тело. Лилли пришла босиком — обычное дело для мальчишек (я сам ходил без башмаков), но девочки, как правило, носили обувь. Вообще-то в босых ногах Лилли никогда не было ничего вызывающего. Позднее мне стало ясно, что она не придавала значения одежде и вовсе не стеснялась своей наготы.

— Заходи, заходи, чертенок,— сказал сержант Коллинс. Он слегка подтолкнул девочку и ушел.

Лилли шагнула вперед, передернула плечами и смело стала разглядывать мальчиков и девочек, сидевших в классе. Все уставились на нее, а она вдруг состроила рожицу, скрючила пальцы, будто выпуская когти, оскалилась и зашипела, как разъяренная кошка.

Мы засмеялись.

— Прекратите! — приказала наша учительница.

Мисс Мак-Гилл — расплывшаяся старая дева лет сорока, с седыми, коротко остриженными волосами, говорила низким голосом, из-за которого ее прозвали Гудилой. Она была превосходной наставницей, справедливой и строгой.

— Иди-ка сюда,— прогудела она.

Лилли не сдвинулась с места, и один из наших классных заводил крикнул:

— Она цыганка, мисс, и не знает английского.

— Не твое дело, Эндрю Оллен, веди себя тихо,— сказала ему Мак-Гилл.

Крепко взяв Лилли за руку, учительница повела ее к парте, где сидела самая примерная ученица — Дороти Мэлоун.

— Завтра,— сказала мисс Мак-Гилл,— ты должна явиться с тетрадью, карандашом, ластиком, и никаких отговорок. Чего не терплю, так отговорок.

Лилли не проронила ни слова, она весь урок наблюдала за нами, словно решая, как бы расправиться при случае с каждым поодиночке. На первой же перемене она подскочила к Эндрю Оллену и рванула с него рубашку через голову — на пол посыпались пуговицы.

— Я тебе еще покажу,— приговаривала она.— Еще покажу.

На другой день Лилли не пришла в класс, и снова за ней послали сержанта Коллинса. Мэтти пригрозили вызвать в суд, и он, влепив дочери затрепину, заставил ее отправиться в школу. Лилли явилась с пустыми руками, но Дороти Мэлоун молча вынула из портфеля чистую тетрадь, ластик и карандаш, которые она принесла на всякий случай. Лилли взяла все это так же равнодушно, как брала любую подачку — ведь Дороти была дочерью преуспевающего агента фирмы «Шевроле и Мармон». Девочки надолго подружились; спокойная, добродушная Дороти в дальнейшем трогательно заботилась о Лилли, которая принимала подачки подруги как нечто само собой разумеющееся.

— Лилли,— обратилась к девочке мисс Мак-Гилл,— тебе, кажется, доставляет удовольствие притворяться кошкой. Поэтому для начала напиши: «Я не кошка».— Мисс Мак-Гилл вывела это предложение на доске, чтобы Лилли переписала его в тетрадь.

Прошло десять минут, но Лилли даже не взялась за карандаш; мисс Мак-Гилл немного постояла возле нее в задумчивости. Учительница прекрасно знала силу колостей и насмешек, потому что настрадалась от них сама. Знала она и как пользоваться этим оружием.

— Я думала, что ты уже умеешь писать, Лилли,— сказала учительница.— Придется тебе взять тетрадь и пойти в соседний класс к первоклашкам. Мисс Сингелтон научит тебя азбуке.

Все засмеялись. Мисс Мак-Гилл была уверена, что мы рассмеемся.

Лилли помедлила, посмотрела на Гудилу, словно прикидывая, как отомстить учительнице, и принялась выцарапывать: «Я не кошка»; по-моему, это был первый шаг Лилли по дороге знаний, которая отныне станет для нее такой увлекательной и такой сложной.

На перемене Лилли разогнала в разные стороны нескольких мальчишек и девочек, которые мяукали и дразнили ее: «Кис-кис»,— и впредь они не осмеливались повторять свои проказы. Странно, что именно те девочки, которые смеялись над новенькой и порой получали за это трепку, потом чаще всего все же стремились с ней подружиться.

Моя стычка с Лилли положила начало дружбе, длившейся до самого ее отъезда из нашего города. Однажды субботним утром она пришла к нам вместе с матерью. Я выполнял свою обычную работу по дому — выкапывал канавки вокруг розовых кустов, посаженных мамой, которая вдруг меня окликнула:

— Кит, к вам кто-то стучится. Сбегай и скажи ради бога — пусть зайдут со двора. Не хочу возиться с парадной дверью.

Все наши знакомые и друзья прекрасно знали, что в субботу утром стучаться к нам в парадную дверь бесполезно, поэтому я заинтересовался, кто же это пожаловал. Мне было тогда лет девять, и я представил себе, что на улице стоит добрый дядюшка из Англии, карманы его битком набиты золотом, и он внезапно нагрянул в город, решив приятно поразить своих австралийских родственников. Но вместо него я увидел миссис Стьюбек в замызганной необъятной юбке. Она держала подранную кор-

зинку. Рядом стояла Лилли с маленьким Джекки, пристроившимся у нее на боку. На руке девочки висела сумочка. Лилли и брат были грязные с головы до ног.

— Ты кто? — спросила миссис Стьюбек.

— Кит, — ответил я. — Вам придется зайти со двора, миссис Стьюбек. Здесь не откроют.

Я пошел впереди неожиданных гостей к задней двери и крикнул:

— Это миссис Стьюбек.

Я знал, что мама сказала про себя: «И чего ее принесло?»

— Здравствуйте, миссис Квейл, — проговорила миссис Стьюбек, когда мама показалась в дверях. — Вам не нужно чего-нибудь постирать, почистить или убраться?

Мама плотно прикрыла за собой решетчатую дверь и ответила:

— Нет, миссис Стьюбек, спасибо. У меня нет работы.

— У вас большой дом, миссис Квейл. Неужели не найдется какого-нибудь дела? Я выбью ковры за шиллинг.

— Их не надо выбивать, спасибо, — сказала мама, зная, что Стьюбеки никогда просто так не просили работу — наверняка что-то задумали.

— А может, выгрести золу из печи? — не отступала миссис Стьюбек; на моих глазах разгоралась схватка между напористой миссис Стьюбек и мягкосердечной миссис Квейл. Моя добрая мама не могла противостоять бурному натиску гостьи, и та понемногу оттесняла ее в дом.

— Мне не нужны помощники! — с отчаянием в голосе проговорила мама, загораживая вход.

— Позвольте мне самой посмотреть, — настаивала миссис Стьюбек, взявшись за дверную ручку.

— Кит! — крикнула мама, теряя терпение. — Сходи за отцом. Он у соседей.

На самом деле отец работал у себя в конторе, и до центра города надо было бы пробежать целую милю, но я понимал, чего хотела от меня мама, и поэтому притворился, будто кинулся к соседям — промчался через огород к воротам, затем сделал крюк по улице до парадной двери, а когда вернулся, миссис Стьюбек уже не было.

— Они в саду, — сказала мама.

В нашем большом саду росли апельсины, сливы, абрикосы, страстоцвет, персики, виноград, на грядках зрели овощи; отец первый в городе посадил нектариновое дерево — подарок скупщика citrusовых, которому он помог выиграть тяжбу с одним фермером. Первые нектарины

уже почти созрели, и я вдруг увидел, что Лилли сорвала дюжину редких диковинных плодов. Она опустила малышка на землю, а сама принялась закладывать фрукты в сумку.

— Зачем ты это сделала? — с ужасом спросил я.

Лилли сорвала последний нектарин и сунула его Джекки.

— У тебя еще полно, — ответила она и показала на соседнее персиковое дерево,гибающееся под тяжестью плодов.

— Но это же персики, — возразил я. — А ты сорвала все нектарины.

Отец запретил прикасаться к ним. Они были редким лакомством, и их приберегали специально для праздничного стола.

Я попытался отнять сумку у Лилли, но она умела драться, больно царапалась и к тому же была девчонкой, против которой я не мог пустить в ход кулаки, поэтому она запросто свалила меня на землю.

— Ты что, дурак? — вскипела Лилли, потом отошла к персиковому дереву и принялась его обрывать.

— Кит, где ты? — окликнула меня мама.

— Здесь, — ответил я и побежал к ней вокруг дома.

— Смотри, что она делает, — проговорила мама.

В противоположном конце сада миссис Стьюбек рвала сливы и бросала их в корзину, не обращая внимания на хозяйку.

— Мы за все заплатим, мэм, — сказала миссис Стьюбек моей беспомощной и растерянной маме, стоявшей рядом.

Я тоже растерялся, но была задета наша семейная честь, а главное — не мог я видеть свою маму такой беспомощной. Рядом оказался длинный шланг, подключенный к крану как раз возле персикового дерева. Я снова обежал дом, открыл кран, схватил шланг и направил струю прямо на Лилли, которая забралась на дерево.

— О господи! — вырвалось у Лилли, когда я окатил ее водой.

Я поливал Лилли, пока она не спустилась с дерева. Защищаясь от воды, она вытянула вперед руки и пошла прямо на струю, пытаясь выхватить у меня шланг. Я крепко держал его, но Лилли удалось направить струю в мою сторону. Конечно, маленький Джекки, который сидел на земле, тоже вымок и заплакал. Лилли обзывала меня и пинала ногой, а я старался ее оттолкнуть; мне это

почти удалось, когда подошла ее мать. Я ухитрился окатить водой и миссис Стьюбек.

— Вот гаденыш! — крикнула она и больно меня ударила.

Я не стал дожидаться настоящей трепки и пустился наутек к задней двери. Тем временем мама перешла в наступление: она разыскивала миссис Стьюбек, схватив первое попавшееся под руку оружие — большую метлу.

Нашествие закончилось отступлением непрошенных гостей. Лилли вся промокла и перепачкалась в грязи, она не на шутку разозлилась на меня. Взяв на руки малыша и прижимая к себе сумку с нектаринами, она крикнула на прощанье:

— Я тебе еще покажу, Кит Квейл!

Обычно с этой угрозой покидали поле боя мальчишки, а не девочки. Но я ничего не сказал ей вслед, так как знал, что Лилли обязательно выполнит свое обещание.

Вернувшись домой, отец пришел в ярость из-за сорванных нектаринов и сказал, что подаст на Стьюбеков в суд.

— За что? — удивилась мама.

— За ограбление с применением силы, — ответил отец.

— Чего же ты хочешь? — спросила мама. — Возмещение убытков? Или отправить миссис Стьюбек в тюрьму? Кит проучил их достаточно. Больше они не придут, — добавила мама. — На твоем месте я бы простила их.

Но отец был не такой человек, чтобы оставить в покое Стьюбеков, и, хотя я точно не помню, как это ему удалось, он не только запретил миссис Стьюбек приближаться к нашему дому, но и сумел взыскать с нее два шиллинга.

Босоногая Лилли дважды гонялась за мной по школьному двору, выкрикивая угрозы, и оба раза я убежал от нее: мне не хотелось драться с девочкой. В третий раз Лилли сумела настичнуть меня, но я, изловчившись, крепко схватил ее за маленькие руки и не отпускал их, пока длился наш спор.

— В расчете, — сказал я.

— Нет, не в расчете, — возразила девочка. — Ты облил меня водой.

— А ты украли наши нектарины.

Лилли немного подумала и согласилась:

— Ладно. Пусти.

Я разжал руки. Она пнула меня босой ногой и проговорила:

— Теперь в расчете.

Мы замерли на мгновение: каждый из нас смотрел на противника, оценивая его силу и думая о том, чего ожидать от него в будущем. Лилли, по-моему, знала, что я не вредный. И мы одинаково ненавидели насмешки. Мы расстались как равные, только так и можно было ладить с Лилли.

Глава вторая

Со дня своего приезда в Сент-Элен и до того времени, когда мисс Дэлглиш — самая богатая и образованная дама в городе — взяла Лилли к себе в дом, Лилли словно нарочно вела себя так, чтобы прослыть несносной девчонкой, хотя почти все, что она делала, было подсказано немудреным правилом: бери, что плохо лежит, а если бьют, то давай сдачи. Но Лилли всегда строго отделяла себя от других членов своей семьи. Поэтому она, казалось, не замечала, когда дразнили сестер или отпускали шуточки в адрес родителей.

Стьюбеки по-разному распоряжались трофеями — не все они шли в общий котел, кое-какая пожива полностью принадлежала добытчику. Еду обязательно распределяли между членами семьи, как и деньги — мелочь, которая попадала в руки к Стьюбекам. Никто не смел отпить пахты по дороге с маслозаводика домой. «Порченное масло» (так Стьюбеки называли пахту, вероятно, немало способствовавшую поддержанию их крепкого здоровья) считалось в семье лакомством, им оделяли каждого. Но вкусная падалица съедалась на месте. Однажды я увидел, как Лилли вытащила из мусорного ящика коробку воздушных пирожных (меренг), выброшенных из кондитерской, которая находилась в двух-трех домах от отцовской конторы со стороны двора. Лилли съела полдюжины твердых как камень шариков и предложила:

— Хочешь попробовать, Кит?

Я знал, где она раздобыла меренги, и вовсе не желал их попробовать. Но я также знал, что мой отказ оби-

дит Лилли, она редко бывала такой щедрой, поэтому я взял одно пирожное.

— А свежие пирожные вкусные? — спросила Лилли.

— Ничуть не лучше, — соврал я, с трудом проглотив засохший несвежий белок.

— Возьми еще, — предложила опять Лилли.

Но больше я не мог пересилить себя.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Знаешь, не люблю я воздушные пирожные.

Я был уверен: Лилли доест остальное сама, а не отнесет домой, чтобы поделиться с сестрами и братьями; я хотел уже отправиться своей дорогой, как вдруг к Лилли подскочила владелица кондитерской миссис Смолл и вцепилась в наполовину опустошенную коробку.

— Какая гадость! — закричала она. — Ты же взяла ее из мусорного ящика.

Миссис Смолл силилась вырвать у Лилли коробку с пирожными, но девочка замолотила босыми ногами по голеням кондитерши и кинулась наутек.

— Смотри, Кит Квейл, — сказала миссис Смолл. — Я все расскажу твоему отцу. Ты ведешь себя отвратительно.

У меня хватило ума не спорить с миссис Смолл, и я понуро поплелся прочь, обидевшись на Лилли, которая предательски бросила меня одного, совершенно беззащитного перед грозной владелицей кондитерской — сама-то Лилли всегда умела постоять за себя.

Подобные происшествия случались с Лилли почти каждый день, и хотя девочка мстила обычно лишь за самые тяжкие унижения, она воздавала сторицей обидчику даже через полгода, если представлялся случай. Миссис Смолл получила-таки свое. Спустя несколько недель после стычки Лилли закрыла ее в магазине. Вечером, перед уходом домой, миссис Смолл обычно вставляла ключ в дверь кондитерской. Однажды Лилли увидела его и заперла дверь, потом пробежала несколько кварталов и бросила ключ в сад муниципального советника, который сторожила злая овчарка. Все это Лилли проделала незаметно, но миссис Смолл догадывалась, кто посмеялся над ней, и как-то раз, подметая тротуар перед домом, неожиданно сильно хлестнула проходившую мимо Лилли метлой по ногам. На этот раз Лилли решила, что они квиты, и убежала, не пригрозив расплатиться с обидчицей.

Самой жестокой мстью Лилли — в это дело даже вмешалась полиция — стала ее расправа над Поли Хаулэн-

дом (по прозвищу Ролли-Поли¹), отец которого владел аптекой и держал лошадей. Поли — крупный, толстый мальчишка, настоящий маменькин сынок — был старше Лилли на четыре года, а может, и на пять лет, в школе его ненавидели за то, что он обижал малышей и вечно их запугивал. Мы старались не попадаться ему на глаза, хотя иногда даже жалели своего мучителя. Поли налетал неожиданно: то сорвет шапку, то подставит подножку, то толкнет или ударит, то примется смеяться над кем-нибудь из нас, то припомнит что-нибудь гаденькое о семье своей очередной жертвы. Лилли особенно доставалось от Поли Хаулэнда: он все время дергал ее за волосы, задирали подол платья, дразнил цыганкой (чего она терпеть не могла) или, того хуже, обзывал почему-то «харкотиной».

Лилли пыталась ему отомстить — пинала его ногами и царапалась при каждом удобном случае, но Поли не оставлял ее в покое; казалось, наконец-то она встретила достойного противника, хотя все, кто знал Лилли, были уверены — она никогда не уступит. Однажды в пятницу мы собирались идти домой из школы. В это время Поли обычно совершал свои проделки, и Лилли, наверное, ждала его нападения. Она помахивала сумочкой, которую в конце недели приносила с собой в школу и наполняла после занятий добычей, извлеченной из мусорных ящиков. Поли выхватил у нее сумочку и поднял высоко над головой, дразня Лилли, точно собачонку. Неожиданно она вынула из кармана или откуда-то еще перочинный нож и открыла его.

— Отдай сумку! — потребовала Лилли.

Поли посмотрел на нож и засмеялся:

— Только тронь!

— И трону, — не испугалась Лилли.

Посыпались угрозы, за которыми обычно следует драка, и Поли пообещал:

— Попробуй только, я тебе...

Не успел он договорить, как Лилли кошкой прыгнула на него и ударила ножом в спину.

Пожалуй, не растерялась одна Лилли. Ошеломленный Поли выронил сумочку, Лилли подхватила ее и убежала. Рана была неглубокая, и Поли не сразу почувствовал боль. А почувствовав, побледнел и упал в обморок. Кто-то сбегал за учительницей, Поли подняли, рубашка его сзади пропиталась кровью; свидетели этой сцены заметили, что

¹ Коротышка Поли (англ.).

Лилли, ударив Поли, успела выдернуть нож и унести с собой.

Стьюбеки привыкли к визитам полиции. Сержант Коллинс приходил к ним почти после каждой кражи, совершенной в городе. Одного из братьев Лилли уже посадили в тюрьму — он обчистил табачный киоск на вокзале. Но потасовки на стороне Стьюбеками не одобрялись, поэтому Мэтти избил дочь, а миссис Стьюбек заставила старшую дочь Грейс покусать Лилли, я сам видел на руках и ногах у нее следы зубов, продержавшиеся не одну неделю.

Неприятности Стьюбеков на этом не закончились, потому что весь город вскоре узнал о происшествии; обеспокоенные родители пожаловались директору школы, а мистер Хаулэнд обратился в полицию, и Лилли вызвали к мистеру Е. Бейдуэллу, городскому судье и члену парламента, представлявшему в Мельбурне наш штат.

Далеко не все осуждали Лилли, хотя она и была из семейства Стьюбеков. Многие в городе не любили Хаулэндов. Сестры Форчун¹, старые девы по прозвищу мисс Счастье и мисс Несчастье, у которых Лилли часто выпрашивала яйца, позвонив моему отцу, попросили его прийти в суд и проследить, чтобы интересы Лилли были соблюдены, а влиятельные Хаулэнды не повернули все по-своему.

Отец отнюдь не сочувствовал злополучным Стьюбекам, но он был страстным поборником равноправия граждан перед законом, особенно детей, и поэтому согласился помочь Лилли, хотя и знал, что его присутствие на суде будет расценено как неуместное вмешательство в дело простое и предрепешное. Он и не думал доказывать невиновность Лилли, которая призналась во всем, да и слишком много детей, включая его собственного сына, были свидетелями схватки на школьном дворе. Отец только хотел добиться справедливого приговора.

— Ты действительно видел, как они дрались? — допытывался он.

— Все видели, — ответил я.

— Я не спрашиваю о других, я хочу знать — ты видел, что там было?

Когда я проговорил: «Да» и принялся оправдывать Лилли, он оборвал меня:

— Я прошу рассказать, что произошло, а не почему.

¹ Судьба (англ.).

— Мало ли что произошло,— возразил я.— Поли сам виноват.

— Прежде чем судить об этом, мне нужно знать факты. Так что же?

Я подробно описал.

— Хорошо,— проговорил отец.— Как ты думаешь, почему она так поступила?!

Я и сам настрадался от Поли, поэтому мне было что рассказать о нем, и на предварительном судебном заседании отец избрал наступательную тактику защиты. В ответ на каждое обвинение, выдвигавшееся против Лилли, он приводил примеры того, как Поли запугивал детей, и требовал обуздать хулигана во избежание новых инцидентов.

В конце концов Лилли освободили, отдав на поруки с испытательным сроком в один год, а мистеру Хаулэнду посоветовали строго смотреть за сыном. Ни Мэтти, ни миссис Стьюбек не пришли на заседание, за что мой отец порицал их, хотя в глубине души был рад тому, что родители Лилли держались в стороне, так как их присутствие только могло ухудшить ее положение. Вечером отец вызвал к себе Мэтти и сказал, что Стьюбекам повезло, ведь Лилли не отправили в Бендиго, где находился приют. Но казалось, даже возможная потеря дочери не беспокоила родителей Лилли, и мой отец презрительно заявил, что помогать обитателям Мыса — пустая трата времени.

— Этой девочке на роду написано угодить за решетку,— сказал он и велел моей сестре, брату Тому и мне держаться подальше от Стьюбеков.— Они вечно будут падать во всякие истории.

Тогда еще трудно было предположить, что судьба сведет нас с кем-нибудь из Стьюбеков, но неожиданно мне довелось побывать в доме на Мысу. Однажды субботним утром часов в шесть я переправился через реку неподалеку от жилища Стьюбеков и стал ловить рыбу в своей излюбленной заводь. Около восьми напротив меня устроилась Лилли, у нее были две лески с крючками (наверняка краденые), намотанные на дощечку, и жестянка с червями. Лилли приносила больше рыбы, чем отец и братья, потому что лучше знала реку, но к обеду поймала лишь одного окуня, а я — десять.

— Почему у тебя клюет, а у меня нет? — удивленно спросила Лилли; она обогнула заводь и подошла ко мне.

— Просто везет,— ответил я небрежно.

— Покажи, что ты делаешь? — не отставала она.

Я показал, как насаживаю приманку на крючок и куда закидываю удочку, но Лилли заявила, что делает то же самое, а рыба не ловится.

— Я же тебе говорю, мне просто везет,— раздраженно повторил я.— Ну, я пошел домой, а ты можешь ловить здесь, если хочешь.

— Уже поздно,— погрузилась Лилли.— Мать просила принести рыбы к обеду.

Для меня посидеть на берегу с удочкой было развлечением, но я понимал, что Лилли относилась к этому занятию всерьез. Она ловила рыбу, чтобы накормить семью.

— Бери моих окуней,— опрометчиво предложил я.

— А ты много поймал? — поинтересовалась Лилли.

— Десять штук.

— Хватит,— кивнула она, и когда мы проходили мимо ее дома, Лилли спросила, не хочу ли я поесть рыбы.

— Ты что, приглашаешь меня в гости?

— Рыба-то твоя,— рассудительно проговорила Лилли, и я не понял — то ли по законам Стьюбеков я имел право на место за их столом, то ли девочка отнеслась ко мне необычайно дружелюбно, потому что ей помог мой отец, то ли пригласила меня к себе в дом, который никто не посещал, так как просто мне доверяла. Я помнил о том, что отец запретил нам дружить со Стьюбеками, но в то же время знал — Лилли не понравится, если я откажусь от ее приглашения. Поэтому я робко попытался от него уклониться.

— А тебе не попадет от матери? — спросил я Лилли.

— Я скажу, что ты хотел сам приготовить рыбу, а мы избавим тебя от возни,— ответила она.

Я и впрямь часто пропадал на реке по субботам и питался наловленной рыбой. Но, честно говоря, дело было в другом: мне просто не терпелось узнать, что творилось в их таинственном доме.

— Ладно,— неосторожно согласился я.

— Побудь здесь,— попросила Лилли и, выхватив у меня связку рыбы, направилась в дом. Сначала все было тихо, потом я услышал, что между Лилли и матерью вспыхнул ожесточенный спор, потом на пороге показался Джордж, один из старших братьев.

— Ну и дурак же ты, Кит, раз думаешь, будто накормишь нас десятком рыбешек,— проговорил он.

Я ответил, что так решила Лилли.

— Тогда пусть отдаст свою долю тебе, ничего — переживет, — предложил Джорди.

В тот раз я накрепко усвоил, что за любопытство приходится дорого платить. Мне пришлось отведать отвратительной стряпни, до сих пор помню ее вкус; после обеда у Стьюбеков я уже совсем по-другому взглянул на свое безмятежное детство и наше семейное благополучие.

Семья Стьюбеков, все одиннадцать человек, уселась вокруг большого стола, который был сбит из дверей, положенных на козлы в прокопченной кухне (мне удалось увидеть только ее). Стены повсюду были в сальных пятнах, каких-то потеках и чернильных каракулях. Неровную поверхность стола закрывали газеты, заляпанные жиром, все в черных кружках от закопченных кастрюль. Тарелки у Стьюбеков были самые разные — эмалированные, алюминиевые, фарфоровые с обитыми краями. Мне досталась глубокая фарфоровая тарелка, треснувшая и не отмытая от застывшего жира. У каждого была ложка и нож, но о вилках в этом доме не имели понятия; посредине стола торчала засиженная мухами бутылка томатного соуса, детям ее трогать не позволяли. Меня устроили рядом с Лилли на старенькой банкетке — из ее сиденья повыдергивали набивку; Лилли успела снять выдавшее виды ситцевое платье и была в одних хлопчатобумажных трусиках, еще не высохших после купания и грязных. В ее плечо вцепился трехпалый Джекки, который уже начал понемногу ходить.

Скоро я понял: как ни сплотила Стьюбеков совместная жизнь, как ни объединяли их поиски пищи (которые я никогда не осуждал) и дружные родительские наставления Мэтти и миссис Стьюбек, все дети, кроме, пожалуй, Лилли и Джекки, оставались друг для друга чужими. Они вели себя словно тигрята в логове. Дочери и мать больше молчали, но каждый из Стьюбеков отстаивал свои особые права: они спорили не только о том, кому где сидеть, но и о том, кто из какой тарелки будет есть, кому можно говорить, а кто должен помалкивать. Даже старшие дети беспрестанно колотили, щипали, кусали и толкали друг друга. Это было своего рода ритуалом перед едой, и Лилли ожесточенно молотила кулаками и толкалась, наверное, даже больше других. Но все притихли, когда одна из девочек поставила на стол эмалированную миску с ломтями хлеба, а миссис Стьюбек подала рыбу.

Миссис Стьюбек сварила в кастрюле с пахтой десять моих окуней и окуня, пойманного Лилли. Мне достались

две головы и желтая молочная жижа, в которой плавала луковица, от варева шел такой отвратительный запах, что я вынужден был дышать через рот.

— Сунь хлеб в суп,— посоветовала Лилли.

Она схватила кусок хлеба и бросила в мою тарелку.

— Давай ешь,— подгоняла она.

Оказавшись жертвой своего любопытства, я заталкивал ложку в рот с уверенностью, что больше не смогу проглотить ни капли. С грехом пополам я покончил с ухой, но миссис Стьюбек швырнула в мою тарелку еще одну отвратительную разваренную луковицу, которую я все же поспешно запихнул в рот, чтобы скорее разделаться с едой. Обед закончился чаем. Мне досталась фарфоровая чашка без ручки, чай был слишком горячий и отдавал протухшей бараниной и прогорклым маслом.

За чаем начался новый ритуал, на этот раз его вершили не дети, а глава семьи,— он поддерживал порядок за столом, вскакивал и раздавал колотушки, щипал и бил каждого, до кого мог дотянуться. Как и перед обедом, потерпевшие вскрикивали от боли и сыпали солеными словечками, но никто не жаловался и не хныкал.

В конце обеда Мэтти обратился ко мне заискивающим голосом:

— Кит, ты хороший мальчик,— начал он.

Я не поднимал глаз от тарелки.

— Может, у твоей сестрички найдутся туфельки для Элис?

— Не знаю, мистер Стьюбек,— ответил я.

— А ты глянь дома, вдруг отыщется какая-нибудь старая обувка. Сестренке она, поди, ни к чему.

— Поищу,— сказал я.

Мне было понятно, что Мэтти подговаривает меня просто-напросто украсть туфли.

— И старенькое платьице для Лилли.

Я взглянул на Лилли, державшую на коленях малыша Джекки. Она сидела как ни в чем не бывало, но когда миссис Стьюбек впервые за обед открыла рот и неожиданно пророкотала, что не будет больше заваривать чай, Лилли ущипнула меня за ногу и шепнула:

— Удирай побыстрее!

Я встал, чтобы поблагодарить миссис Стьюбек, но Лилли толкнула меня в спину и велела поторапливаться. Она натянула платье уже на улице.

— Отец хотел усадить тебя за карты, и ты бы проторчал у нас целый день,— сообщила она.

— Он играет в карты?

— Да, и братья тоже, но отец всегда выигрывает,— усмехнулась Лилли, и я покинул Мыс, размышляя, каково пришлось бы мне, если б я уселся за карты с человеком вроде Мэтти и с его сыновьями. Но, побывав у Стьюбеков, я излечился от любопытства, поэтому я попрощался с Лилли и поспешил домой в добропорядочный мир своего строгого, вспыльчивого отца и ласковой, заботливой матери. Я не стал лгать маме, будто приготовил и съел рыбу на берегу реки, а простодушно рассказал, что отдал улов Стьюбекам и пообедал вместе с ними.

— У них дома? — недоверчиво спросила мама.

— Конечно.

— О боже! — воскликнула она и задумалась на мгновение. Я ожидал упреков, но мама грустно произнесла:— Значит, Кит, ты должен пригласить Лилли к себе!

Этого еще не хватало.

— Зачем? — удивился я.

— Надо быть учтивым,— ответила мама.— Особенно с такими людьми.

Она имела в виду бедняков вроде Стьюбеков, которые делились с другими последним куском хлеба. Но отец взорвался, когда услышал о решении матери.

— Не думаю,— сказал он,— что от нас требуется подобная щепетильность.

— Обязательно,— настаивала мама.

Отец в негодовании взмахнул руками.

— Стьюбеки придут лишь за тем, чтобы попрошайничать! — предупредил он.

Именно так и поступила миссис Стьюбек, когда я, наконец, вынужден был пригласить Лилли к нам на субботний обед.

Глава третья

Миссис Стьюбек с Лилли стояли у задней двери, ожидая, когда им позволят войти, но на этот раз моя мама была настроже.

— Вот она и пришла, миссис Квейл,— проговорила миссис Стьюбек.— Это — Лилли.

— Здравствуй, Лилли,— сказала мама и подозвала меня.

— Здравствуйте, миссис Квейл,— ответила Лилли.

Она была все в том же старом платье, босая. Но я впервые увидел заколку в ее спутанных черных волосах.

Заметив, что мать держит решетчатую дверь на запоре, миссис Стьюбек попросила:

— Если вас не затруднит, миссис Квейл, дайте мне пакетик муки, немного картошки и соли. Или, может, что-нибудь еще, чего вам не жалко.

— Хорошо... Подождите минутку,— ответила мама и оставила меня одного, мы с Лилли смотрели через железную решетку друг на друга. Мама пошла на кухню, она вернулась с газетным свертком и миской картошки.

— Передай это миссис Стьюбек,— сказала она, открыв дверь ровно настолько, чтобы я смог выйти и положить сверток и картофель в проволочную корзинку миссис Стьюбек. Дверь за мной мама закрыла.

Даже не наказав на прощанье дочери вести себя как следует, зато посетовав: «Неужели, миссис Квейл, это все, что вам не жаль для бедной женщины?» — миссис Стьюбек оставила Лилли со мной, и мы не знали, куда себя деть, пока будет готов обед. Выход нашла Лилли: она принялась гоняться за нашим псом Микки вокруг дома. Микки, как и другие собаки, сразу полюбил Лилли, он по-рабски вилял хвостом и ластился к девочке. Сначала она бегала за Микки, потом он припустил за ней, а когда нас позвали обедать, пес последовал за Лилли в дом и сел под столом, облизывая ее грязные босые ноги.

У меня промелькнула мысль, не спимет ли она платье, но Лилли сидела спокойно, не сводя глаз с отца, будто только от него зависело, как нам себя вести. Когда он закрыл глаза и прочитал молитву, Лилли пришла в восхищение. А когда он разрезал говядину, которую готовили по субботам, и дал ей первый кусок (с овощным гарниром), Лилли набросилась на еду, не ожидая, пока остальные получат свою порцию.

Я толкнул ее локтем.

— Подожди,— шепнул я.

— Чего?

— Пока раздадут всем.

— А...

Положив вилку и нож на стол, она принялась наблюдать за нами, словно тигренок, выжидающий момент, когда можно будет кинуться на добычу. Сестра и брат с не меньшим любопытством смотрели на гостью; перехватив пристальный взгляд Тома, Лилли скорчила рожицу и послала ему одно из своих беззвучных копачьих «мяу». Потом она шепотом спросила меня, нет ли у нас томатного соуса.

— У нас есть томатный соус? Лилли просит, — обратился я к маме.

— Ты прекрасно знаешь, Кит, что мы его не держим, — ответила мама.

Отец разрешил покупать только острый соевый соус, а не томатный, который считал грубой австралийской приправой.

— Мы не держим томатного соуса, Лилли, я думаю, он тебе ни к чему, — проговорил отец.

Мы с интересом смотрели, как Лилли орудовала вилкой, ножом и ложкой, очищая тарелку, она ела шумно, сосредоточенно и первая покончила с говядиной.

— Это все? Можно идти? — шепнула мне Лилли, расправившись с мясом и овощами.

— Еще будет десерт, — ответил я тоже шепотом.

— Что это такое?

— Сладкий пудинг.

— Кит, — обратился ко мне отец, — если вы с Лилли хотите что-то сказать друг другу, говорите погромче, чтобы остальные могли слышать.

— Она только спросила, закончился ли обед.

— Потерпи немного, Лилли, — сказала мама, она подала пудинг сначала гостье, и Лилли подождала, пока остальные получат свою порцию. Затем девочка вновь с шумом ринулась в атаку и уничтожила пудинг задолго до того, как с ним справился Том, наш главный обжора. Увлечшись едой, Лилли перепачкала пальцы и, не обращая внимания на чистую салфетку, положенную мамой рядом с прибором, откинула подол платья и вытерла руки о трусы. Заметив, что Микки по-прежнему лежит у ее ног, она сунула ему руку; тот дочиста облизал ей пальцы, и девочка радостно толкнула меня локтем в бок.

— Пора? — спросила она. Лилли привыкла выскакивать из-за стола прежде, чем Мэтти успевал до нее дотянуться.

— Подожди, — ответил я.

Лилли вертелась на стуле, лохматила шерсть на голове Микки и нетерпеливо толкала меня до тех пор, пока отец не просунул салфетку в кольцо из слоновой кости; мы последовали его примеру.

— Теперь пора, — проговорил я.

Отец не успел отодвинуть свой стул, как Лилли сорвалась с места и выскочила из столовой во двор, крикнув на ходу: «Микки, за мной!»

Лишь собрав со стола и пересчитав салфетки, сестра обнаружила, что одной из них не хватает. Лилли незаметно засунула ее в трусики, и хотя мама потихоньку вздыхала, жалея о потере дорогой камчатной салфетки, она не попросила ни меня, ни отца заставить гостью вернуть украденное. Только за ужином мама не удержалась:

— Мне жаль эту девочку, ведь некому даже объяснить ей, что хорошо и что дурно.

Но Лилли суждено было вскоре встретиться с человеком, который захочет научить ее отличать хорошее от плохого и откроет ей иную жизнь, а Лилли одновременно и примет эту жизнь, и отвергнет, яростно защищая себя, желая остаться самой собой, непокоренной Лилли Стьюбек.

Глава четвертая

Мисс Дэлглиш довольно сильно отличалась от прочих жителей нашего городка, хотя невозможно было представить себе Сент-Элена без этой странной, чопорной дамы и ее большого дома, обнесенного высокой деревянной оградой. Старый мистер Дэлглиш, которого я помню смутно, принадлежал к известному роду пшеничных и шерстяных королей, Дэлглишей знали не только в Австралии, но и в Лондоне как поставщиков зерна, шерсти, шкур, кож, минеральных удобрений, словом, всего того, что приносило неплохие доходы фермерам в те времена, когда Австралия оставалась еще английской колонией.

Хотя мистер Дэлглиш принадлежал к богатому клану только по материнской линии, у него хватало денег, чтобы подолгу жить в свое удовольствие в Европе. Поэтому мно-

гие у нас недоумевали, почему он вместе с дочерью (ей было шестьдесят с небольшим, а ему — под девяносто) возвратился в родные места. Мистер Дэлглиш остался в моей памяти крепким прямым стариком с большим загривком, подпиравшимся высоким крахмальным воротничком. Несмотря на то что его состояние было нажито торговлей шерстью и пшеницей, а наш город находился в самом центре овцеводческого района Виктории, слывшего к тому же и житницей штата, мистер Дэлглиш не имел никакого отношения к некогда традиционному занятию предков. Он только следил за состоянием своих финансовых дел и дважды в неделю с чопорным видом, неторопливой походкой направлялся в один из местных банков, часть акций которого принадлежала ему, и утро проводил в кабинете, просматривая бумаги. Потом исчезал за высокой деревянной оградой своего дома и лишь изредка выходил на улицу посетить церковь или навестить Эаризов — еще одну состоятельную семью в нашем городе, которая владела пристанью на противоположной стороне реки; для этого мистер Дэлглиш заказывал «мармон» или «шевроле» у мистера Мэлоуна.

Мисс Дэлглиш была в Европе, когда умер ее отец; из Мельбурна приехали родственники, они устроили старому джентльмену пышные похороны, на которых присутствовали все видные граждане нашего города (в том числе и мой отец).

— Как ты думаешь, чему посвятит себя теперь мисс Дэлглиш? — спросила отца мама, когда они завели беседу о будущем пожилой леди.

— Старикку было далеко за восемьдесят, а ей за шестьдесят, поэтому вряд ли она займется серьезным делом.

— Но как же она будет жить одна в своем большом доме?

— У нее есть миссис Стоун.

Говоря о Дэлглишах, мы всегда вспоминали и о миссис Стоун, не покидавшей их более тридцати лет. В молодости она была то ли служанкой, то ли компаньонкой при мисс Дэлглиш и несколько раз ездила с хозяевами в Европу. Лишь одной миссис Стоун из всех жителей нашего городка дозволялось так близко общаться с владельцами большого дома. Это была приятная, скромная, умная женщина; когда умер мистер Дэлглиш, ей уже перевалило за семьдесят, однако она выглядела по-прежнему бодрой и не жаловалась на здоровье. Муж миссис

Стоун — Джеф Стоун — служил одновременно садовником и конюхом у Дэлглишей, которые раньше держали собственный выезд, но Джеф погиб в первую мировую войну, мистер Дэлглиш продал экипаж и больше лошадей не заводил, а пользовался наемной коляской, потом машиной и дважды в неделю приглашал глухонемого Боба Эндрюса поработать в саду.

Миссис Стоун у нас называли экономкой, а за глаза — любовницей мистера Дэлглиша. Может, так оно и было, но миссис Стоун с ее поседевшими густыми волосами и кроткими голубыми глазами казалась такой славной и простой старушкой, что большинство горожан либо вовсе пропускало эти слухи мимо ушей, либо не принимало их всерьез. Дэлглиши занимали высокое положение и могли не обращать внимание на пересуды; богатство позволяло им жить на свой вкус. Особенно мисс Дэлглиш.

Все, что мы знали о ней, было отчасти сплетнями, отчасти правдой, но больше чем наполовину домyslom. Она носила длинные легкие платья, вошедшие в моду при Эдуарде VII¹ (летом из туссора²), остроносые туфли на устойчивом каблуке. На ее шее почти всегда красовались длинные агатовые бусы; мисс Дэлглиш обычно не выходила из дома без сумочки из мягкой кожи с черепаховой ручкой, и мы часто пытались угадать, что там лежало; спустя много лет я узнал от Лилли, что пожилая леди брала с собой какой-нибудь итальянский, немецкий или французский роман и карманный словарь.

Приверженность к европейской культуре выделяла мисс Дэлглиш среди нас куда больше, чем ее богатство; поэтому высокий деревянный забор вокруг дома не столько оберегал уединенную жизнь хозяйки, сколько служил границей разных миров — нашего и Дэлглишей. Мы знали, что у пожилой леди есть обширная библиотека с книгами на разных языках, прекрасные картины современных художников, обнаженные скульптуры и другие ценные произведения искусства, редкое собрание пластинок, которые она выписывала, в частности, из-за океана. Но большинство книг и пластинок ей присылали по почте из Мельбурна, словно наши магазины не могли удовлетворить ее запросы, хотя там и был отличный выбор. Во всяком случае, мисс Дэлглиш иногда оказывала их владельцам фи-

¹ Эдуард VII (1841—1910) — английский король с 1901 г.

² Шелк типа чесучи.

наившую помощь, точно видела в этом свой гражданский долг.

Едва ли не каждый в нашем городе считал для себя лестным приветствие мисс Дэлглиш. Ее отец никогда не раскланивался первым, хотя с неизменной чопорной учтивостью отвечал на поклоны всем, даже детям. Пожилая леди, напротив, спешила поздороваться со знакомыми, произнося своим громким, строгим голосом: «Доброе утро», «Добрый день» или «Добрый вечер», но ни разу не сказала «Спокойной ночи». «Так можно только прощаться»,— утверждала мисс Дэлглиш, а она ненавидела прощания. Если же мисс Дэлглиш произносила еще и ваше имя, вы чувствовали себя посвященным в рыцари.

До сих пор помню, как я был горд, когда однажды субботним утром хозяйка большого дома сказала: «Доброе утро, Кит»; она шла мне навстречу по главной улице такой же твердой походкой, какая была у ее отца.

— Доброе утро, мисс Дэлглиш,— ответил я и хотел проследовать дальше.

Неожиданно она положила руку мне на плечо, я удивленно обернулся и оказался прямо перед ней.

— Лучше зачесывать волосы на другую сторону,— посоветовала мисс Дэлглиш.— Тогда они не будут торчать.

Я был так польщен ее вниманием, что, вернувшись домой, сразу намочил голову, перенес пробор на другую сторону (девчоночью) и с тех пор не менял прическу.

Когда мисс Дэлглиш вернулась из Европы, сент-элэнцы строили разные домыслы, пытались найти ответы на два вопроса: какое состояние она унаследовала от отца и долго ли пробудет в городе. Размеры наследства так и остались тайной, во всяком случае, прошло полгода, а хозяйка особняка уезжать не думала, будто после смерти отца решила по какой-то причине окончательно поселиться в Сент-Элене. Но что это за причина, мы не знали, а миссис Стоун по-прежнему помалкивала насчет того, что происходило в доме Дэлглишей, впрочем, она и раньше не отличалась словоохотливостью. Мы лишь удивлялись, от кого пожилая леди узнавала обо всем, что творилось в городке.

— Как вы можете оправдывать человека, который бьет свою жену?— спросила мисс Дэлглиш моего отца в тот день, когда он защищал в суде Джека Маклеиша.

— Но его судят не за это,— ответил отец, удивившись ее осведомленности.

— Ну и что? — недоумевала мисс Дэлглиш. — Он же отвратительный человек.

— Его дурные наклонности, мисс Дэлглиш, не имеют отношения к делу. Он предстал перед законом за неуплату долга и имеет право на защиту.

— Таких людей нельзя защищать, — не отступала мисс Дэлглиш, и хотя мой отец терпеть не мог, когда его почтили, он учтиво выслушал ее, потому что она была настоящая леди.

Порядки в доме Дэлглишей почти не изменились, только из больших ворот уже не выходил старый джентльмен, направляясь в банк или церковь. Пожилая леди носила теперь темные платья, сохранив в остальном прежние привычки и манеру держаться. Миссис Стоун продолжала покупать продукты, готовить, убираться, и казалось, что мисс Дэлглиш решила спокойно доживать свои дни в Сент-Элене вместе с домоправительницей.

Но почти через год после смерти старого джентльмена миссис Стоун заболела. Одни говорили, будто у нее что-то с почками, другие — будто у нее ревматизм; часто по утрам она уже не вставала с постели, поэтому мисс Дэлглиш пришлось искать прислугу. Пожилая леди не хотела брать никого из местных женщин, однако в конце концов пригласила миссис Питерс; ей надлежало приходить к девяти, убираться в комнатах, ухаживать за миссис Стоун, готовить обед и холодный ужин; в четыре часа миссис Питерс уходила. Дольше она задерживаться не могла, так как у нее была своя семья — муж, работавший механиком в гараже Мэлоуна, и двое взрослых сыновей. Главными достоинствами миссис Питерс были аккуратность и умение держать язык за зубами. Об этой худощавой женщине с тонкими губами поговаривали, будто ей глубоко безразлично все на свете, кроме собственных семейных забот. Как бы то ни было, мисс Дэлглиш взяла ее лишь на время.

Лилли свел с мисс Дэлглиш случай. Здоровье миссис Стоун не улучшалось, и пожилая леди не хотела оставлять ее одну. Однажды в четверг миссис Стоун срочно понадобилось болеутоляющее лекарство. К сожалению, посыльного из аптеки не оказалось на месте, а прислуга уже ушла, поэтому мисс Дэлглиш открыла тяжелые деревянные ворота, высматривая мальчика или девочку, чтобы отправить к Хаулэнду за лекарствами. Мимо проходила Лилли, и хотя мисс Дэлглиш прекрасно знала, с кем имеет

дело и что говорят о маленькой Стьюбек в городе, она предложила ей шиллинг, если та выполнит поручение.

— И еще один шиллинг за быстроту,— добавила мисс Дэлглиш.

Лилли исполнилось в ту пору одиннадцать лет. Она уже носила туфли, правда потрепанные, разбитые, но все-таки туфли. Лилли сбросила их, сунула под мышку вместе с аптечным пузырьком и понеслась по улице, прежде чем мисс Дэлглиш успела запереть массивные деревянные ворота.

Эти массивные ворота открывались только ключом; с улицы имелся звонок, но Лилли, возвратившись, не обратила на него внимания. Она проникла в сад своим путем, взобравшись на высокую деревянную ограду с соседского забора и прыгнув вниз на клумбу.

— Как ты сумела войти? — удивилась мисс Дэлглиш, увидев Лилли у парадной двери.

— Через забор,— ответила Лилли.

— Мне это вовсе не правится,— сказала мисс Дэлглиш.— Но ты вернулась очень быстро, поэтому получай свои два шиллинга.

Два шиллинга были для Лилли целым богатством, и она предусмотрительно спросила у мисс Дэлглиш, не надо ли еще чего-нибудь купить в городе.

— Благодарю, сейчас не нужно,— ответила мисс Дэлглиш.— Лучше приходи завтра после школы, вероятно, мне понадобится твоя помощь.

— Ладно,— согласилась Лилли.

— Только позвони у ворот. Через ограду больше не перелезай.

— Можно нарвать гранатов? — спросила девочка перед уходом.

На краю сада мисс Дэлглиш росло четыре гранатовых куста, усыпанных плодами.

— Сорви один, но смотри не обломай ветки и не наступи на цветы.

Лилли была без своей сумки, в которую обычно складывала фрукты, поэтому она собрала гранаты в подол юбки; я встретил Лилли, когда она возвращалась домой, вспарывая на ходу острыми белыми зубами твердую кожуру граната и высасывая сок из спелых зерен. Лилли рассказала мне о поручении мисс Дэлглиш, а я спросил, что ей удалось увидеть за высокой оградой и в самом доме.

— Зачем это тебе? — спросила девочка.

— Всем интересно,— ответил я.

Мне хотелось услышать о статуях обнаженных мужчин и женщин.

— И не думайте вынюхать что-нибудь у меня,— проговорила Лилли, и было неясно, то ли она хотела сохранить секреты мисс Дэлглиш, то ли просто не желала давать новую пиццу для городских сплетен (правда, многие лавочники, снабжавшие Дэлглишей, бывали за высокой деревянной оградой).

На следующий день Лилли опять заглянула к мисс Дэлглиш, и хозяйка поручила девочке повозить миссис Стоун по саду в кресле-каталке, только что доставленном из Мельбурна. Лилли провела час с миссис Стоун и с этого дня после школы обязательно приходила погулять с больной. Через несколько недель мисс Дэлглиш начала давать девочке различные поручения — сбегать на почту, в банк (не с деньгами, а с письмами), в магазин,— если миссис Питерс была слишком занята. За все это время я лишь один раз видел Лилли с добычей, украденной, вероятно, у мисс Дэлглиш. Как-то вечером в пятницу Лилли бежала на Мыс с двумя роскошными павлиньими перьями, такими нежными и хрупкими, что она не решилась спрятать их в свою сумочку, набитую фруктами.

— Где достала? — спросил я.

— Нашла,— ответила Лилли.

— Зачем они тебе?

— Не твое дело,— огрызнулась девочка.

Позже она подарила одно перо Дороты Мэлоун, соседке по парте, и хотя Дороты не знала, где Лилли его взяла, ей было хорошо известно, что все свои богатства подруга добывала по-стьюбековски.

По мере того как состояние миссис Стоун ухудшалось, мисс Дэлглиш все чаще просила Лилли сделать что-либо по дому или в городе. В конце концов мисс Дэлглиш пригласила для миссис Стоун постоянную сиделку из частной клиники, и Лилли помогала трем женщинам следить за тем, чтобы в последние дни своей жизни больная ни в чем не нуждалась.

Миссис Стоун умерла в субботу в четыре часа утра. Похоронили ее в среду; мисс Дэлглиш шла за гробом твердым шагом и покинула кладбище сразу после того, как пресвитерианский священник мистер Армитидж закончил службу. Смерть экономки волновала одну мисс Дэлглиш, вот почему она вернулась к машине, не сказав ни слова даже преподобному отцу.

С того дня, как Лилли стала выполнять поручения пожилой леди, весь город сгорал от любопытства, желая узнать, почему эта девочка служит на посылках у хозяйки большого дома; сент-эленцы недоумевали, как могло случиться, что мисс Дэлглиш взяла в помощницы именно дочь Стьюбеков. Но кого пригласит мисс Дэлглиш теперь на место умершей экономки? У нас в доме тоже задумывались об этом, как едва ли не повсюду.

— Мисс Дэлглиш придется нанять кого-нибудь вместо миссис Стоун,— сказала мама.— Не поручит же она вести дела миссис Питерс или Лилли Стьюбек.

— Там не так много дел,— заметил отец.— Нужно только обслужить мисс Дэлглиш.

— Однако она очень требовательна,— возразила мама.

В городе ожидали, что перемена в жизни мисс Дэлглиш хоть как-то отразится на ее привычках, ведь она осталась совсем одна. Но мисс Дэлглиш продолжала вести себя так, будто ничего не случилось, она явно была довольна миссис Питерс и Лилли и вовсе не собиралась отказываться от их услуг. Вскоре мы привыкли к тому, что после школы или во время летних каникул Лилли частенько забегала в ворота высокой ограды или выбегала из них на улицу. Но никто не знал, каковы взаимоотношения между Лилли и мисс Дэлглиш, о чем они разговаривали, какие поручения хозяйки выполняла девочка (исключая беготню по городу). Сухопарая миссис Питерс продолжала хранить молчание, и все шло по-прежнему до тех пор, пока Стьюбеки не исчезли из города.

Не кто иной, как мой брат Том, возвратившись домой с реки — он купался в заливчике около Мыса,— сообщил, что Стьюбеки покинули свое жилище.

— В доме пусто, лошадь, повозка и сами Стьюбеки куда-то пропали. Вся их семейка,— сказал он.

Эта весть никого не удивила, потому что Стьюбеки слыли бродягами, которые могли уйти из города так же внезапно, как пришли. Их старую, груженную доверху повозку видели на дороге в Бендиго, ближайший от нас большой город. Позже ее заметили еще в одном месте и в конце концов о ней забыли, потому что никто не интересовался Стьюбеками.

Но другая новость оказалась совершенно неожиданной («Поразительно!» — воскликнул отец): Стьюбеки оставили Лилли у мисс Дэлглиш.

Глава пятая

Мисс Дэлглиш, в сущности, просто купила Лилли, уплатив за нее Мэтти Стьюбеку тридцать фунтов; вероятно, сделка не была такой откровенно грубой, как это может показаться на первый взгляд, однако деньги в ней действительно участвовали, хотя сперва мисс Дэлглиш намеревалась устроить все иначе. Это произошло накануне отъезда Стьюбеков, когда Лилли неожиданно сказала мисс Дэлглиш, что больше не придет к ней, так как завтра ее семья навсегда уезжает из Септ-Элена.

Я узнал о том, что случилось тогда, по наивным записям Лилли в ее черной тетради, о которой я еще расскажу позднее. И хотя Лилли не записала тот разговор с мисс Дэлглиш дословно, содержание его, очевидно, передано довольно точно.

Мисс Дэлглиш спросила, куда они уезжают.

— Не знаю, — ответила Лилли.

Пожилую леди, урожденную Дэлглиш, не мог удовлетворить такой ответ.

— Но все-таки? Далеко вы едете? Что говорят родители? — продолжала допытываться мисс Дэлглиш.

— Почему я знаю, — повторила Лилли.

— Разве отец тебе ничего не сказал?

— Он никому не говорит о своих делах, — пожалала плечами Лилли.

— Мне он скажет, — не отступала пожилая леди. — Передай своему отцу, пусть зайдет сюда нынче вечером. Я желаю знать, куда вы едете и как он намеревается поступить с тобой.

— Для чего это вам? — спросила Лилли.

— Неважно. Просто передай отцу — я очень хочу его видеть.

— Здесь?

— Да. Вместе с твоей матерью.

— Они начнут выпрашивать еду или чего-нибудь еще, — предупредила Лилли.

— Ну и пусть.

— Вы скажете, что узнали о нашем отъезде от меня?

— Ну и что?

— Значит, меня поколотят...

— Поколотят? Не будь глупенькой. Если ты не пере-
дашь, чтобы они пришли поговорить со мной, я позвоню
мистеру Мэлоуну и приеду к вам сама.

— Ладно. Скажу,— согласилась девочка, и вечером
Мэтти вместе с миссис Стьюбек и Лилли, замыкавшей
шествие, пропустили на кухню замка Дэлглишей для
беседы с хозяйкой дома.

Это был интересный разговор, потому что Стьюбеки
никак не могли понять, чего добивается мисс Дэлглиш,
да и сама она, казалось, определила это не сразу. У каж-
дой стороны была своя цель. Стьюбеки хотели выпросить
муку, сахар, деньги, поношенную одежду, а мисс Дэлглиш
стремилась узнать, куда они решили уехать и надолго ли.
Никто не уступал: мисс Дэлглиш не шла навстречу Стью-
бекам, а они упрямо отказывались отвечать на ее вопросы.

Наконец мисс Дэлглиш не выдержала:

— Хорошо, мистер Стьюбек, отправляйтесь куда хо-
тите, но будет лучше, если Лилли останется у меня.

— Зачем? — удивился Мэтти.

— Она мне нужна.

— Зачем? — переспросил отец Лилли.

— Я уже вам ответила. Она мне нужна. Я стану сле-
дить, чтобы она исправно посещала школу, хорошо себя
вела и была прилично одета.

— Вы хотите сказать, что она поселится у вас? —
уточнила миссис Стьюбек.

— Конечно, это я и хочу сказать. Я отведу ей ком-
нату наверху. (В Сент-Элене было не много двухэтажных
домов.) Лилли поживет со мной, пока вы не вернетесь.

— Но зачем она вам, мисс? — упорствовал Мэтти.—
Почему вы скрываете от меня, зачем она вам?

— Все очень просто! Она станет выполнять разные
несложные поручения. Будет рядом со мной, когда пона-
добится. Утром приготовит завтрак, а по субботам помо-
жет миссис Питерс. Я хочу, чтобы она жила здесь,
вот и все.

Пока еще Лилли никто ни о чем не спрашивал,
взрослые словно не замечали девочку, даже когда Мэтти
Стьюбек принялся торговаться с пожилой леди.

— Лилли нужна нам самим, мисс Дэлглиш,— прого-
ворил он.— Она у нас самая ловкая.

Мэтти намекал на то, что Лилли лучше всех умела
отыскивать добычу в мусорных ящиках и подбирать то,
что плохо лежит, и мисс Дэлглиш прекрасно его поняла.

— Лилли больше не будет заниматься прежними делами, — твердо сказала она.

— А как же мы? — спросила миссис Стьюбек. — Мы дорожим своей девочкой, мэм.

Пожилая леди уже догадалась, чего хотят от нее Стьюбеки, она попросила Лилли пройти в залу и посидеть там.

— Зачем? — спросила Лилли, не двинувшись с места.

— Тебе что сказали! — прорычал Мэтти, замахиваясь на дочь.

Лилли закрыла за собой дверь, и пожилая леди спросила:

— И насколько же вы дорожите ею, миссис Стьюбек?

— Она хорошая девочка, — заметил Мэтти.

— Я знаю. Но если дело лишь в этом, тогда согласитесь, что ей лучше будет со мной. Она сможет зарабатывать кое-какие деньги и посылать вам.

— А сколько?

— Неважно, сколько. Я отдам ей все, что она заслужит, и прослежу, чтобы вы получили свою долю.

Мэтти принялся объяснять, что они, наверное, станут кочевать с места на место и поэтому ненадежно пересылать деньги по почте — их могут украсть. В любом случае ему надо знать, на какую сумму он может рассчитывать. Вот если бы мисс Дэлглиш дала ему кое-что сейчас...

Мэтти замолчал, недоговорив, и мисс Дэлглиш сама пришла ему на помощь:

— Сколько, мистер Стьюбек?

— Пятьдесят фунтов на руки — это все, что я прошу. Зато ничего посылать не придется. Пятьдесят фунтов по справедливости, мисс Дэлглиш. Лилли — хорошая девочка, чистоплотная, самая чистюля у нас.

— Вы хотите сказать, что оставите ее у меня, если я заплачу пятьдесят фунтов? Я правильно вас поняла?

— Если вы желаете заполучить Лилли, это будет по справедливости, мисс Дэлглиш.

— А вы что думаете, миссис Стьюбек?

— Лилли — моя дочка, мэм, это самое меньшее, на что мы можем согласиться, если вы хотите взять ее к себе.

— Я дам двадцать пять фунтов и ни пени больше, — сказала мисс Дэлглиш. — Но и такая сделка довольно постыдна.

— Остальные деньги вы доплетете по почте? — спросил Мэтти.

— Нет. Я же сказала, что больше ничего не дам.

— Этого мало, мисс Дэлглиш,— пожаловался Мэтти.— Ведь Лилли скоро станет нашей опорой и, потом, она приглядывает за маленьким Джекки.

— Я обещаю вам тридцать фунтов, мистер Стьюбек, но при обязательном условии — вы навсегда оставите Лилли у меня и откажетесь от всяких претензий.

Мэтти полюбопытствовал, что означает слово «претензия».

— Это означает, что, если вы вернетесь сюда и опять потребуете денег,— сказала мисс Дэлглиш,— я просто верну вам девочку.

— А откуда вы знаете, что она захочет тут жить? — поинтересовался Мэтти.

— Спросите ее сами,— ответила мисс Дэлглиш и позвала Лилли, которая подслушивала у двери разговор взрослых.

Лилли потихоньку вошла и встала между Мэтти и мисс Дэлглиш, поглядывая своими кошачьими глазами то на отца, то на пожилую леди.

Мэтти грубовато толкнул дочь, словно предупреждая, чтобы она не городила чепуху.

— Ты хочешь остаться с мисс Дэлглиш, Лилли? Ты хочешь остаться здесь, в этом большом доме, и помогать пожилой леди? — пристал он к дочери.

Девочка продолжала смотреть то на отца, то на мисс Дэлглиш, не произнося ни слова.

— Ну? — спросил Мэтти и снова толкнул дочь.

— А что она говорит? — показала Лилли на мать.

— Лучше будь хорошей девочкой и не лезь куда не просят,— пригрозила миссис Стьюбек.

— На сколько я должна остаться? — спокойно спросила Лилли.

— Неважно, на сколько,— сказал Мэтти.— Твое дело отвечать, дурочка.

Лилли понимала, что и мисс Дэлглиш, и родители ждут от нее решения, и хотела этим воспользоваться.

— Я буду теперь вашей дочкой? — спросила она у мисс Дэлглиш.

— Нет, не будешь,— твердо ответила пожилая леди,— но я стану обращаться с тобой так, словно ты родной мне человек.

— Если вы не желаете, чтобы я была вашей дочкой, тогда зачем берете к себе?

— У тебя есть мама,— сказала мисс Дэлглиш,— и я не стремлюсь занять ее место. Но если ты поселишься здесь, то поможешь мне и миссис Питерс по дому, а я помогу тебе с учебой и послежу, чтобы ты хорошо одевалась, словом, позабочусь обо всем.

— Но вы должны разрешать мне делать все, что я захочу.

Мэтти влепил Лилли затрепину, она потерла ухо, однако упорно продолжала стоять на своем.

— А на реку меня будете пускать? — обратилась девочка к мисс Дэлглиш.

— Это зависит от обстоятельств,— осторожно ответила мисс Дэлглиш.— Но если ты боишься меня или не доверяешь мне, то лучше не оставайся.

— Я вас ничуть не боюсь,— храбро проговорила Лилли.

— Наглая девчонка! — процедил Мэтти и снова ударил дочь.

— Довольно,— остановила его мисс Дэлглиш,— я не стану тебя бить, Лилли, но ты должна меня слушаться. Больше я ничего тебе не обещаю. Понятно?

— Да,— кивнула Лилли.

— Ну так как? — Мисс Дэлглиш посмотрела на Мэтти.

— Идет,— проговорил он.— Пусть живет тут, если хочет.

— А ты что скажешь, Лилли?

— Я не против,— великодушно согласилась девочка, и прежде чем Мэтти успел потребовать деньги при Лилли, мисс Дэлглиш попросила его прийти завтра утром после одиннадцати, чтобы окончательно все уладить.

— Только никому¹ не говорите, что мы уезжаем,— попросил Мэтти.— Не люблю, когда другие суют нос в мои дела. Еще помешают уехать.

— Никто вам не помешает, мистер Стьюбек. Ваш отъезд никого не касается. В том числе и меня.

— Лилли будет ночевать здесь? — поинтересовалась миссис Стьюбек.

— Если она не против.

— Может, вы дадите нам чуточку муки и сахара? — попросила миссис Стьюбек.— А еще немного картошки и мыла?

— Что ж, хорошо,— сказала мисс Дэлглиш,— Лилли, ты знаешь, где хранятся продукты. Дай своей матери все, что она просит, и можешь переночевать здесь, если хочешь.

Она оставила Стьюбеков на кухне одних, на что не решился бы в городе никто другой; на дне старой глубокой корзины миссис Стьюбек было припасено достаточно пустых жестянок и разных коробок для муки, сахара, соли, перца, картошки, чая, печенья, джема и хлеба.

— До свиданья, мам, — сказала Лилли, в то время как миссис Стьюбек продолжала шарить голодным взглядом по полкам с продуктами.

— До свиданья, Лилли, — ответила миссис Стьюбек и, сняв яркую желтую брошь, с которой никогда не расставалась, прицепила ее к платью дочери.

— Это моя самая лучшая брошка, — предупредила она, — смотри не потеряй.

Девочка проводила родителей и уже по-хозяйски закрыла за ними большие ворота, точно вступила во владение домом.

Она больше не видела своих близких вплоть до того дня, когда двое Стьюбеков вновь пришли в город и потребовали, чтобы Лилли вернулась к ним.

Глава шестая



Сначала никто не верил, что Лилли осталась жить в городе, все думали, что на другой же день ее посадят на поезд и отправят вслед за родителями. Но при виде мисс Дэлглиш и Лилли, шедших по улице к магазину Уильямса, где продавали готовое платье, нам стало ясно, что девочка и в самом деле никуда не собирается уезжать. Зайдя в этот старый respectable магазин, самый большой в городе, мисс Дэлглиш сразу спросила мистера Уильямса, и он спустился к ней из своей конторки, прилепившейся под потолком, куда тянулись струны, по которым хозяину отправляли наверх цилиндрические пенальчики со счетами или вырубкой.

— Доброе утро, мистер Уильямс, — приветствовала его мисс Дэлглиш.

— Доброе утро, мисс Дэлглиш, — раскланялся мистер Уильямс, с любопытством разглядывая девочку. — Здравствуй, Лилли, — проговорил он.

Владелец магазина слыл человеком общительным и приветливым, однажды братья Лилли украли у его сына велосипед, но мистер Уильямс был не из тех, кто мог выместить зло на невинном ребенке.

Лилли не ответила на его приветствие. Она, видимо, пришла сюда помимо своей воли и, казалось, думала только о том, как поскорее улизнуть.

— Мне надо кое-что купить для Лилли, — обратилась мисс Дэлглиш к почтенному владельцу магазина, — но я не знаю ее размеров. Пришлите, пожалуйста, девушку, которая занимается детской одеждой, я дам ей список того, что нам требуется.

— Позвольте взглянуть на список, — попросил мистер Уильямс.

— Лучше я поговорю с одной из ваших молоденьких продавщиц, — настаивала пожилая леди.

— Хорошо, мисс Дэлглиш. Но у нас может не оказаться нужного вам товара. Мы ждем очередную партию одежды для девочек на следующей неделе.

— Если чего-нибудь не будет, то мы заглянем в другой раз, мистер Уильямс.

— Джоуни, подойди-ка сюда, пожалуйста, — сказал он, и к ним присоединилась Джоун Коллингвуд, дочь местного почтальона. Мистер Уильямс попросил ее обслужить мисс Дэлглиш и, заговорщицки подмигнув Лилли, словно они с ней знали, что все непременно будет в порядке, вернулся в свою конторку.

Длинный список одежды стал для нас окончательным свидетельством того, что мисс Дэлглиш взяла на себя заботы о Лилли. В нем значились не только платья, кофты, фартуки, нижнее белье, халаты, обувь, чулки, но и два комплекта школьной формы, состоявшей из темно-синей жакетки, платья с квадратным вырезом и белой блузки, — через несколько недель девочке предстояло впервые переступить порог средней школы.

Лилли не проронила ни слова, пока мисс Дэлглиш и продавщица выбирали ей форму. Лилли не казалась угрюмой или подавленной, она была просто безразличной; мисс Дэлглиш сама решала, подходит ли девочке обувь, одежда, какого цвета взять хлопчатобумажные платья.

— Пришлите все завтра до одиннадцати, — сказала мисс Дэлглиш владельцу магазина, который снова спустился к ним и разглядывал отобранную одежду, лежащую на прилавке.

— Вы нашли все, что хотели, мисс Дэлглиш?

— Более или менее,— ответила она и, поблагодарив мистера Уильямса, а также Джоун, добавила: — Пойдем, Лилли.

Мисс Дэлглиш и Лилли покинули магазин, вернулись домой и плотно закрыли за собой большие деревянные ворота, словно давая понять, что они не собираются никому растолковывать, почему пожилая леди вдруг решила оставить Лилли у себя, изменив свою привычную жизнь.

Сейчас это может показаться странным, но тогда все в городе одобрили поступок мисс Дэлглиш, взявшей девочку на воспитание. Видимо, многие в Сент-Элене считали, что девочке будет гораздо лучше у пожилой леди, чем у ее нечистых на руку родителей, и никто не сомневался в благородстве побуждений мисс Дэлглиш, несмотря на необычность ее шага.

Однако на многие вопросы, не дававшие нам покоя, мы не могли найти ответа. О чем договорились мисс Дэлглиш и Стьюбеки? Кем стала Лилли? Служанкой? Компаньонкой? Почему мисс Дэлглиш взяла к себе девочку? Что толкнуло ее на это? Лишь после смерти мисс Дэлглиш я, пожалуй, единственный в городе, узнал ответы на некоторые из этих вопросов, потому что прочитал дневник Лилли. Не стану забегать вперед и объяснять, как он попал ко мне, скажу только, что причина, побудившая девочку завести черную тетрадь, довольно примечательна.

В первый же месяц жизни на новом месте Лилли обнаружила, что мисс Дэлглиш ведет подробнейшие записи о ней. Не пропуская ни дня, пожилая леди скрупулезно заносила в дневник все, что думала о Лилли. Догадавшись, что девочка нашла и прочитала эти записи, мисс Дэлглиш начала запирает ящик письменного стола на ключ; тогда Лилли решила завести собственный дневник. Она использовала для этого школьную тетрадь, которую открывала от случая к случаю; первые суждения Лилли были довольно наивными, потом стали серьезнее. Дневник проливает свет на многие события, о которых иначе я бы не узнал.

Но он попал ко мне гораздо позднее. А в то время нам было лишь известно, что Лилли осталась у мисс Дэлглиш. Это волновало многих жителей Сент-Элена, но отнюдь не пожилую леди и ее воспитанницу. Судьба соединила их друг с другом и тем самым предначертала «трагедию» Лилли.

Глава седьмая

Вероятно, дальнейший ход описываемых событий будет неясен, если заранее не сказать о различных побуждениях, владевших пожилой леди и Лилли, и тут я опять вынужден обратиться к записям младшей Стьюбек, ибо одиннадцатилетняя девочка очень точно подметила, чем был вызван необычный поступок мисс Дэлглиш, и поведала, какие надежды связывала она сама с жизнью на новом месте.

Лилли знать не знала, сколько времени пробудет она у мисс Дэлглиш. Сначала она просто радовалась, что освободилась от прежних забот. Когда-нибудь она снова вернется к родителям. А пока слишком многое привлекало ее в этом богатом, старом доме, и Лилли не могла удержаться от соблазна поселиться в нем. Однако у мисс Дэлглиш были гораздо более серьезные планы. Она давно искала такую спутницу жизни, как Лилли. Пожилая леди видела в ней не только компаньонку и послушную девочку на посылках, но и новую Галатею. Мисс Дэлглиш хотела воспитать здоровую, сильную девочку надежной помощницей, которая не покинет ее до последних дней, — не то что миссис Стоун, умершая слишком рано и не сумевшая полностью выполнить свой долг перед хозяйкой.

Мисс Дэлглиш взяла к себе Лилли еще и по другой причине.

Даже ребенком Лилли ни у кого не выпрашивала ласку и не ждала сочувствия. Мисс Дэлглиш правилась эта черта еще не сформировавшегося характера, ей как нельзя больше подходила такая компаньонка-служанка. Пожилая леди сама не терпела сентиментальности. Конечно, поначалу им вообще было не до сантиментов, они сумели лишь приспособиться друг к другу, оставаясь совершенно чужими, правда, им приходилось кое в чем идти на уступки, когда дело касалось одежды, учебы и поведения Лилли. Однако ни искорки взаимного тепла не рождалось в их душах, и первые шаги к сближению с обеих сторон были довольно осторожными.

Пожилая леди и Лилли не собирались менять свои привычки. Чего бы ни добивалась мисс Дэлглиш от воспитанницы, девочка решительно отстаивала свою само-

стоятельность, и я думаю, что именно ее непокорность определила их дальнейшие отношения и послужила причиной своеобразного противоборства, выстоять в котором стало для Лилли целью на многие годы. В Лилли Стьюбек всегда таилось нечто неподвластное мисс Дэлглиш, нечто такое, чем Лилли никогда не поступалась, и это так или иначе оказало влияние на всю их совместную жизнь.

А в тот вечер, когда Лилли предстояло впервые лечь спать на новом месте, пожилая леди помогла ей постелить постель в комнатке наверху, дала хлопчатобумажную блузу вместо ночной рубашки и отослала вымыть лицо и ноги. Девочка подумала, что мисс Дэлглиш говорит глупости, но воду она любила и купалась с удовольствием, поэтому сооблаговолитела ополоснуть ноги. Зато от блузы наотрез отказалась, так как привыкла спать в одних трусиках. Когда мисс Дэлглиш велела их снять, девочка твердо ответила:

— Ни за что на свете!

Лилли отнюдь не была великой скромницей, днем она могла спокойно разгуливать чуть ли не нагишом, но тут она заявила, что спать без трусов неприлично. Лилли не пожелала надеть и ночную рубашку, которую мисс Дэлглиш позднее купила специально для нее; девочка выслушивала наставления пожилой леди, но упорно стояла на своем и продолжала спать в одних трусиках.

В конце концов Лилли пришлось смириться с тем, что мисс Дэлглиш интересуется ее внешним видом и поведением. Так как у Стьюбеков никто на это не обращал внимания, Лилли двойственно относилась к советам пожилой леди: с одной стороны, девочке было приятно, что о ней заботились, с другой — не нравилось, когда мисс Дэлглиш указывала, что и как носить. Споры из-за ночной рубашки оказались пустяком по сравнению с тем, что произошло на следующее же утро, в первый день нового учебного года, когда мисс Дэлглиш поднялась наверх и стала наблюдать за девочкой, надевавшей школьную форму.

Пожилая леди осмотрела свою воспитанницу с головы до ног, поправила галстук, подтянула пояс (в те времена его носили чуть ниже талии), одернула платье, блузку, но все-таки что-то ее не устраивало. Наконец мисс Дэлглиш поняла, в чем дело. Она попросила миссис Питерс принести из спальни щетку, заколки и, приказав девочке не вертеться, причесала ее вьющиеся черные, как у цыганки, волосы, аккуратно убрав их за уши.

Никто прежде не одевал Лилли, она не помнила, что-

бы мать хоть раз поправила на ней платье. Утренний туалет поразил Лилли, она стояла расслабленная, испытывая неизведанное ранее удовольствие, и, пока мисс Дэлглиш возилась с ее волосами, перебирая густые пряди, девочка не отрываясь смотрела в зеркало и казалась себе куклой, с которой играют, странной куклой в чьих-то чужих руках.

— Ты должна причесываться каждый день, Лилли, утром и вечером, — проговорила пожилая леди.

— Зачем? — спросила девочка.

Мисс Дэлглиш не стала объяснять Лилли, почему волосы необходимо держать в чистоте и красиво укладывать. Она лишь сказала:

— Ты скоро будешь взрослой и должна научиться следить за собой.

Лилли промолчала на этот раз, но, выйдя из дома, вздохнула волосы, так как знала, что в школе обратят внимание на ее новую прическу. Она остановилась на подороге, сняла черные панталоны и спрятала их в кустарнике возле дома миссис Ройс, предпочитая вовсе обойтись без этой части форменной одежды, нежели терпеть тугие резинки.

Мы заметили перемену в Лилли, которая была такой необычно опрятной и нарядной, что лишь боязнь получить немедленный отпор удерживала нас от насмешек; только Дороти Мэлоун ласково сказала:

— Какая ты сегодня красивая, Лилли.

Отсутствие форменных панталон у Лилли заметила половина школы, поэтому ее вызвала к себе наша старшая преподавательница мисс Хейзл, она знала историю Лилли и понимала, что к этой девочке нужен особый подход, хотя бы ради мисс Дэлглиш.

— Почему на тебе нет панталон, Лилли? — спросила она.

— Я их потеряла, — ответила девочка.

— Это не ответ. Где ты их оставила?

— В кустах возле дома миссис Ройс, — сказала Лилли, не умевшая долго отпираться.

— Сходи за ними, пожалуйста, — проговорила мисс Хейзл, — нельзя посещать школу в таком виде.

— Они мне мешают.

— И все-таки пойдти и надень их.

— Сейчас?

— Да, сейчас. Если я увижу тебя снова без панталон, придется позвонить мисс Дэлглиш.

— Ей все равно.

— Нет, не все равно. А теперь ступай и сделай, как я сказала.

Лилли отыскала в кустах панталоны, вышла на дорожку и тут же их надела. В это время девочку увидела старая миссис Ройс, владелица местной газеты; Лилли очень насмешила почтенную даму, рассказавшую об этом случае мисс Дэлглиш. Над историей с панталонами подшучивали в городе, поэтому, когда мисс Дэлглиш в ответ на свои расспросы услышала от Лилли, что та не собирается их носить, пожилая леди решила проявить настойчивость.

— Все девочки ходят в школу в панталонах,— твердо сказала мисс Дэлглиш.

— А я не хочу и все равно буду ходить в своих трусах,— не сдавалась Лилли.

— Ты нарушаешь правила!

— Нет! — упорствовала девочка.

— Я тебя накажу, Лилли.

Лилли по привычке вспомнила о щипках, укусах и тумаках, которыми награждали ее в доме на Мысу, хотя и догадывалась, что вряд ли стоит ожидать трепки от мисс Дэлглиш.

— Как? — спросила она у своей покровительницы.

— Не разрешу купаться в реке.

Лилли понимала, что этого ей запретить никто не может.

— Я буду носить трусики,— повторила Лилли.

Мисс Дэлглиш пошла на компромисс: она отвела Лилли в магазин мистера Уильямса и купила ей черные трусы, после чего среди школьниц даже установилась своеобразная мода — они стали носить трусы вместо форменных панталон, хотя без тугих резинок чулки теперь частенько сползали.

Вот так пожилая леди и ее воспитанница привыкали друг к другу, так складывались их непростые отношения, порой обе делали вид, будто не замечают разногласий. Например, мисс Дэлглиш вручила девочке ключ от ворот и запретила перелезать через ограду со стороны двора или улицы, но Лилли продолжала пробираться в дом своим путем, и пожилая леди пригрозила, что будет за это лишать ее десерта на ужин. Но Лилли и прежде обходилась без десерта, поэтому наказание не возымело на нее никакого действия, и все осталось по-прежнему.

Жизнь в особняке мисс Дэлглиш текла по давно заведенному распорядку, и Лилли пришлось приспособли-

ваться к нему, хотя она продолжала уходить и возвращаться, когда ей вздумается. Она вставала на заре, и ей не составляло никакого труда развести на кухне огонь в плите для миссис Питерс. У себя на Мысу Лилли привыкла разжигать печь. А здесь ее буквально зачаровывали небольшая электроплитка (одна из первых в городе) и электрический чайник, поэтому Лилли сама с удовольствием готовила себе чай и яичницу, прежде чем приходила миссис Питерс и спускалась завтракать мисс Дэлглиш. Лилли торопливо ополаскивала свою посуду под струей холодной воды, пока миссис Питерс не попросила ее оставлять тарелку и чашку грязными, потому что их все равно приходилось перемывать.

— Ни в коем случае,— твердо возразила мисс Дэлглиш.— Научите Лилли как следует мыть посуду, миссис Питерс, и пусть она убирает за собой.

— Она все перебьет,— возразила миссис Питерс.

— Не думаю,— проговорила мисс Дэлглиш.

Разговор происходил при Лилли, которая после этого много раз исправно мыла посуду и не разбила ни одной тарелки или чашки за все время, пока жила у мисс Дэлглиш.

Особенно ужасали пожилую леди манеры Лилли за столом, точнее ее гримасы, когда она ела или очищала языком зубы от остатков пищи.

— Сходи ко мне наверх и принеси большое зеркало с туалетного столика,— сказала пожилая леди девочке через неделю после того, как уехали ее родители.

Лилли вернулась с зеркалом, и мисс Дэлглиш поставила его перед ней.

— Теперь посмотри, как ты ешь и как ужасны твои гримасы.

— Не все ли равно,— буркнула Лилли.

— Для меня не все равно, потому что мне приходится на тебя смотреть,— сказала пожилая леди.— Ты должна научиться хорошим манерам не ради себя, а ради окружающих.

Лилли ела перед зеркалом, пока не научилась следить за собой; и тогда мисс Дэлглиш решила, что можно его убрать.

Но труднее всего Лилли отвыкала от привычки подбирать все, что плохо лежит; она вела себя в городе точно ковбой в привольных прериях. Лилли продолжала копаться в мусорных ящиках, и тут мисс Дэлглиш ничего не могла поделать; только зачем ей это было нужно?

Она знала закоулки каждого двора в Сент-Элене; однажды, когда я уже заснул (а спал я на веранде), Лилли разбудила меня, толкнув локтем в бок.

— Проснись, Кит,— шепнула она.— У меня есть кое-что для тебя.

— Что? — пробурчал я спросонок.

— Смотри,— проговорила Лилли и положила возле меня свою сумку. Внутри что-то зашевелилось. Что-то живое.

— Забери сумку,— ответил я.— Это кошка.

— Нет, не кошка, а два кролика.

— Кролики?!

В нашей стране (занимавшей целый континент), битком набитой кроликами, никому бы и в голову не пришла сумасбродная мысль положить в сумку два мягких длинных комочка и притащить их среди ночи своему другу.

— Ты совсем с ума сошла,— сказал я.— Зачем мне кролики?

— Но это же не простые кролики!

И в самом деле, Лилли украла из ящика на веранде Данунов двух черепаховых кроликов¹; Дануны жили на противоположном конце Сент-Элена, и все в городе потешались над их непонятным пристрастием к редким животным. Лилли некуда было деть свою добычу. Она не могла отнести кроликов к мисс Дэлглиш или к миссис Питерс, и хотя я был польщен тем, что Лилли мне доверяла и без колебаний предложила подарок, я отказался от него.

— Меня же спросят, как они ко мне попали. Ведь всем известно, что черепаховые кролики есть только у Данунов. Лучше отнеси их обратно.

Лилли никогда не возвращала ценную добычу, поэтому она просто выпустила кроликов у реки, где их через два дня нашли борзые мистера Сноудона и разорвали на месте. Никто и представить себе не мог, кому понадобилось красть кроликов с веранды Данунов, тем более что Стьюбеки давно покинули город. Кое-кто подозревал Лилли, но, казалось, зачем ей кролики? Многие, включая мою маму, отказывались верить этим домыслам и даже защищали Лилли.

— Она живет у мисс Дэлглиш. К чему ей воровать? — удивлялась мама, и хотя я знал правду, мне было приятно, что она защищает Лилли, и я соглашался с ней:

¹ Редкая порода кроликов коричневого цвета.

— Если во всех кражах подозревать Лилли, почему бы сразу не засадить ее в тюрьму.

— Да, но... — протянул отец.

Он знал, кто стащил кроликов. И Дануны знали. Они позвонили мисс Дэлглиш, и та, хотя и выгораживала свою воспитанницу, все-таки решила с ней поговорить.

— Это ты украла кроликов? — спросила она у Лилли, пригласив ее в библиотеку, где велись все неприятные разговоры.

— Нет, — коротко ответила девочка.

— Правда?

— Да.

— Ну хорошо, я подтверждаю миссис Данун, что ты не брала кроликов. Я знала, что ты тут ни при чем, и сказала об этом.

Лилли была разочарована. Почему мисс Дэлглиш сразу ей поверила, а не стала приставать с расспросами? Лилли просто привыкла сначала врать и лишь потом, если уж припрут, сознаваться. Но сейчас на нее никто не давил, и поэтому сознаваться вроде было необязательно, хотя вообще Лилли не любила лгать.

— Я взяла их, — сказала девочка, увидев, как мисс Дэлглиш записала что-то в своей тетради с черной обложкой.

— Ах, Лилли, ведь ты только что уверяла меня в обратном.

— Подумаешь, кролики, — возразила Лилли.

— Но зачем они тебе? Почему ты их украла?

— Это не кража, — возмутилась Лилли. — У Данунов сотни кроликов.

— Какое тебе дело до того, сколько у них кроликов? К тому же это вовсе не обычные кролики, а ценные, чепуховые. Ты не имела права к ним прикасаться.

— Я взяла только двух.

— Но почему, зачем?

Девочка попала в ловушку. Спросите у одержимых грибников, почему они ищут грибы, у золотоискателей — почему они охотятся за золотом, у игроков в гольф — почему они гоняют свой маленький мячик по огромной площадке; Лилли никогда не задумывалась над тем, почему она берет чужое, но защищалась с редким упорством, свойственным фанатикам.

— Вам меня не переделать, — сказала она с вызовом.

— Но я должна повлиять на тебя, Лилли, ты просто не можешь вести себя по-прежнему.

— Вам меня не переделать, — повторила Лилли.

— Я сумею добиться своего.

— Как?

Мисс Дэлглиш, слегка подтолкнув Лилли к стулу, усадила ее и нависла над девочкой.

— Я буду доказывать тебе, что воровать бессмысленно. Ведь по натуре ты вовсе не воришка. Это надо хорошенько понять. И больше ничего.

— Все берут то, что им надо, — возразила девочка.

— Даже если все и берут то, что им надо, в чем я сомневаюсь, тебе-то это зачем? Ты же сама не любишь поступать так, как все, и характер у тебя независимый. Значит, ты не права.

Эти слова поставили девочку в тупик. Она ожидала нагоняя, а выслушала нотацию, выслушала от пожилой леди, которая, видимо, сумела хорошо изучить свою воспитанницу, хотя и отвергала ее житейскую философию.

— Что же вы теперь собираетесь делать? — спросила Лилли, пытаясь увести разговор в сторону и опасаясь новых проницательных высказываний пожилой леди.

— Я отдам Данунам деньги за кроликов и извинюсь за тебя. — Мисс Дэлглиш не отводила взгляда от лица Лилли, будто надеялась увидеть понимание в ее глазах. — Мне бы хотелось, чтобы ты сама извинилась перед Данунами, но ты ведь к ним не пойдешь. Или все-таки пойдешь?

— И что мне им сказать?

— Что ты взяла кроликов, не подумав, — наверное, так оно и было — и что больше это не повторится.

— Не буду я им ничего такого говорить, — дерзко ответила Лилли. — Я не люблю Данунов.

— Тогда я навещу их вместо тебя, Лилли. От правды тебе никуда не деться. Да и я не позволю.

— Мне можно идти? — спросила Лилли.

— Да, но что с твоей формой?

Сзади на складке нового платья уже появилась небольшая прореха, а на поясе — чернильное пятно; Лилли не обращала внимание на такие мелочи.

— Сними платье, я его заштопаю. Сама ведь ты не умеешь. Правда? — спросила мисс Дэлглиш.

— Нет.

— Тогда придется тебя научить. Завтра отдашь пояс миссис Питерс, а сейчас надень голубое платье и принеси мне тетради с домашним заданием.

— Нам ничего не задавали.

— Нет, задавали. И захвати учебники.

Образование Лилли считала сугубо личным делом. Она была очень способной девочкой, многое схватывала на лету, но не желала прислушиваться к преподавателям, полагая, что нечего им совать нос в ее дела. В начальной школе учителя почти сразу перестали обращать на Лилли внимание. Они называли ее цыганкой и, зная условия жизни на Мысу, а также сплетни, ходившие по городу о Стьюбеках, не ждали, что непокорная ученица станет выполнять домашние задания, никого даже не интересовало, запоминает ли она что-нибудь на уроках. Прошел год учебы (когда девочку опекала Гудила), и Лилли просто оставили в покое, махнув на нее рукой, поэтому учителя понятия не имели об истинных знаниях маленькой Стьюбек, хотя и находили их вполне достаточными, чтобы перевести ее из класса в класс.

Но в средней школе все пошло по-иному. Разные предметы вели разные учителя, и каждый из них по-своему относился к Лилли; одни преподаватели (по английскому, французскому, истории, рисованию) ожидали от школьницы средних успехов, другие (по физике, химии, математике, географии) думали, что в лучшем случае она будет еле тянуть. Но все требовали, чтобы Лилли хотя бы частично выполняла домашние задания, и мисс Дэлглиш об этом знала. Твердым шагом, сумка в одной руке, зонтик от солнца — в другой, она направлялась вверх по улице к зданию средней школы, чтобы побеседовать с директором и старшей преподавательницей мисс Хейзл, — вот почему пожилая леди была вполне осведомлена о делах Лилли. Той не оставалось ничего иного, как уж лучше самой признаться в том, что она знает и чего не знает, ибо мисс Дэлглиш не соглашалась ни на какие компромиссы, когда речь шла об учебе Лилли.

— Я не смогу серьезно помочь тебе с математикой и прочими естественными науками, — сказала мисс Дэлглиш, — но с другими предметами справлюсь. Еще я буду заниматься с тобой французским и английским и надеюсь, что ты отнесешься к урокам с необходимым прилежанием.

Мисс Дэлглиш установила несколько правил, которым должна была следовать Лилли.

— После школы, — объясняла она, — ты обязана сразу возвращаться домой и приходить прямо ко мне в библиотеку. Там мы решим, какими предметами займемся. Прежде всего тебе надлежит выполнять домашние задания.

Держать тебя в четырех стенах я не собираюсь, и все же сначала надо приготовить уроки, а уж потом развлекаться. В свободное время ты можешь читать или слушать граммофон, словом, делать все, что захочешь.

И Лилли принесла учебники и призналась, что по английскому ей задали сочинение, а по французскому — проспрягать глаголы. Сочинение нужно было написать на тему «Мои летние каникулы», что, по мнению мисс Дэлглиш, было совсем не трудно.

— Расскажи о реке, о том, как приятно в ней плавать, и о том, как ты ела помидоры с поля мистера Хислона. Обо всем, что делала летом, и напиши целую страницу, Лилли, а не половину, как в прошлый раз. Теперь назови мне глаголы, которые вы проходите.

Лилли, не желавшая говорить по-французски, указала на глагол «parler» — его требовалось проспрягать в настоящем времени.

— Parler, — нежно програссировала мисс Дэлглиш, будто осторожно срывала маленький чудесный цветок, казалось, она продолжала рвать прелестные цветы, произнося на безупречном французском:

— Je parle, tu parles, il parle, nous parlons, vous parlez, ils parlent. Так просто. Проспрягай глагол письменно и заучи, а я проверю.

Лилли отвели небольшой письменный стол в библиотеке, она села за сочинение и спросила себя на языке Стьюбеков, на черта ей это нужно. Что мешает выскочить из дома, перелезть через ограду и спуститься на Мыс? Из всего, что осталось в прошлом, Лилли больше всего скучала по реке, особенно после уроков, в те часы, когда прежде у нее были свои основания не торопиться домой к родителям. На реке было чудесно, даже если паводок и бурное течение не позволяли купаться.

— Пиши, Лилли, — послышался голос мисс Дэлглиш. — Не теряй времени, бери ручку и принимайся за дело.

— Я думаю, — ответила девочка.

— Нет. Ты витаешь в облаках.

Девочка взяла ручку и через пять минут исписала полстраницы: «Летом мы всегда ходим купаться на Мыс. Я так каждый день. А когда и два раза. Мы дурачимся с мальчишками и топим друг друга. Кидаемся грязью. Домой нам обычно идти не хочется». И так далее, и так далее.

Отложив ручку, Лилли бросила тетрадку через стол мисс Дэлглиш.

— Ты ведешь себя невежливо. Встань и подай мне тетрадь.

Лилли повиновалась. Тихая и молчаливая стояла она перед мисс Дэлглиш, пока та читала.

— Это не сочинение,— заключила мисс Дэлглиш,— а перечень событий. В сочинении не только описывают, что произошло, но и делятся своими впечатлениями, чувствами. Опиши, как ты осторожно спускаешься к реке, чтобы не наткнуться босыми ногами на колючки. Что ты ощущаешь, когда ныряешь, плаваешь, играешь, какой ты видишь воду. Расскажи о реке — какая она неторопливая и спокойная летом, быстрая и полноводная зимой. Как тебе грустно, когда нельзя купаться. Вот что такое сочинение, Лилли. Поэтому, пожалуйста, начни его снова и постарайся написать целую страницу.

Но терпение Лилли уже иссякло.

— Вы не имеете права заставлять меня! — зашипела она по-кошачьи, выскочила из библиотеки и очутилась за оградой прежде, чем мисс Дэлглиш успела подняться со стула.

Было еще светло; пробежав по улице и переулкам к реке, Лилли без сил упала на берегу. Потом она бродила по отмели, расставляя вешки, чтобы увидеть завтра, насколько поднимется вода. Она прыгала с камешка на камешек на мелководе, оплетала ноги ивовой лозой, а под конец направилась на Мыс к своему прежнему жилищу, теперь совсем пустому; если не считать кучи старых газет и прочего хлама, оставленного Стьюбеками.

Ничто в доме не вызвало у Лилли трогательных воспоминаний, даже колченогая бабкетка. Она вспомнила, что как-то спрятала коробку спичек между кирпичами дымохода. Выйдя из дома, Лилли отыскала спички, сунула в старую печь газеты, хворост и подохла.

— Вот заметят в городе дым и начнут гадать, кто это тут поселился,— сказала Лилли вслух.

Озадачив горожан, она увидела, что уже смеркалось, пора было возвращаться «домой». Лилли была храброй девочкой, но оставаться впотьмах одной на реке было жутковато. Лилли верила в водяных, поэтому поспешила кратчайшей дорогой назад к высокой ограде владений Дэлглишей. Лилли вскарабкалась на нее и с удивлением оглядела дом под старыми эвкалиптами, освещенный электрическими огнями и утопавший в пышной зелени парка. Из комнат доносился страстный тенор.

— Завела граммофон,— сказала себе Лилли и, свесив ноги с ограды, заслушалась голосом Энрико Карузо, который пел «*Vieni sul mar*»¹.

Лилли и не думала тайком пробираться в дом. Спустившись с ограды, она прошла через заднюю дверь прямо на кухню. Девочка жарила яичницу из двух яиц, когда появилась мисс Дэлглиш. Лилли ждала от нее оплеухи или подзатыльника, словом, какого-то наказания за свою выходку. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, словно две черепахи из-под панциря.

— Что ты тут делаешь, Лилли?

— Яичницу.

— Твой ужин в холодильнике.

— Мне хочется яичницу.

— Нельзя питаться только яйцами.

— Я не люблю холодное мясо, салат и всякую ерунду.

— Но это полезно.

Мисс Дэлглиш сняла сковородку с плиты и вывалила ее содержимое в мусорное ведро.

— После ужина поднимись в библиотеку, надо закончить уроки.

— Я уже кончила.

— Неправда, Лилли. Но речь идет не о сочинении, я была права, разругав его. В следующий раз, перед тем как ты сядешь за сочинение, мы составим план. А сейчас выучи французский и можешь завести граммофон.

Лилли любила слушать граммофон, какую бы пластинку ни ставила мисс Дэлглиш, но сейчас девочка прекрасно понимала, что за удовольствие придется платить, ибо это предусмотрено воспитательной системой мисс Дэлглиш, поэтому Лилли делала вид, будто музыка ее не интересует, как обычно не признавала свою вину, пока ее не вынуждали обстоятельства.

— Куда ты ходила?

— На Мыс.

— В следующий раз, перед тем как убежать на реку, обязательно переоденься.

Мисс Дэлглиш посадила пенсне на переносицу и ужаснулась:

— О боже, посмотри на себя!

На школьном платье, туфлях и чулках девочки засохла грязь, руки были в золе от старой печки, лицо испачкано сажей.

¹ Приди на море (*ит.*).

— Не смей ни к чему прикасаться, пока не вымоешь лицо и руки! — не выдержала мисс Дэлглиш. — Отправляйся немедленно в ванную. Туфли и чулки оставь там.

Лилли облегченно вздохнула, хотя и не чувствовала себя особенно виноватой. Она прошла в ванную и громко запела «*Vieni sul шаг*», только слова девочка повторяла те, которые слышала от отца:

Ах, эти черные глаза,
Не удивляться им нельзя,
«Ты ошибался», — говорят они мужчине.
Ах, эти черные глаза...

Я хорошо помню, какой была Лилли в ту пору и какими я задавался насчет нее вопросами, долго остававшимися без ответа.

Пожилая леди предложила Лилли на выбор: обедать дома или брать с собой в школу еду. Однажды я наблюдал, как перекусывала Лилли. Она вынула чудовищный сэндвич, приготовленный ею самой: между толстыми ломтями белого хлеба с маслом лежала холодная яичница, густо сдобренная томатным соусом.

— Неужели вкусно? — удивился я.

— Пальчики оближешь, — ответила Лилли. — Больше всего люблю такие сэндвичи.

Она всякий раз приносила хлеб с яичницей, но как-то вынула вместо обычного чудовищного бутерброда два аккуратных сэндвича с мясом, кружочками помидора и огурца, явно приготовленные не самой девочкой. Лилли выбросила овощи, а мясо съела.

— Где же твоя яичница с соусом? — удивился я.

— Мне запретили ее есть. Мисс Дэлглиш отобрала бутылку с соусом, хотя он был мой собственный.

— Где ты его достала?

— Купила, — ответила Лилли.

Я понял, что она имела в виду, а через два дня Лилли опять принесла томатный соус и стала сдабривать им аккуратные сэндвичи с мясом.

— Мисс Дэлглиш отдала бутылку? — поинтересовался я.

— Нет. Я раздобыла новую и припрятала ее, — призналась девочка. — Уж очень я люблю томатный соус, Кит! Только его бы и ела.

Я часто наблюдал, как Лилли уплетала свои сэндвичи, облизывая перепачканные пальцы, и хотя я был ее ровесником, уже тогда, подстегиваемый любопытством или

увлеченный игрой воображения, удивленно спрашивал себя, сумеет ли она когда-нибудь прижиться у мисс Дэлглиш. Девочка приходила на занятия в самых дорогих форме и туфлях, какие только мог предоставить магазин мистера Уильямса, но школьная форма была для нее такой же постылой, как тюремный халат для заключенного. Одним словом, Лилли не хотела полностью приспособиться к внешним переменам в ее жизни; я знал, что между ней и мисс Дэлглиш ни на день не прекращалось противоборство, будто каждая из них задалась одной целью — в конце концов победить.

Глава восьмая



Мы видели, как мисс Дэлглиш влияла на Лилли, ведь девочка целыми днями была с нами — в школе, на улице, на реке. Однако от нашего взора ускользало то, что и Лилли, в свою очередь, влияла на мисс Дэлглиш, мы поняли это слишком поздно. Нам трудно было представить себе, как они жили вместе в большом доме изо дня в день, из месяца в месяц — мисс Дэлглиш, стремившаяся переиначить Лилли на свой лад, и младшая Стьюбек, которая упорно сопротивлялась ей, хотя и становилась совсем другим человеком.

Но кое-какие черточки их бытия все-таки становились известны всем. Так, мы знали, что мисс Дэлглиш была строга с воспитанницей, но знали мы и то, что девочка не особенно тяготилась тиранией пожилой леди. Суровая мисс Дэлглиш, наверное, понимала, что Лилли нуждается в ласке и тепле, которых сама она дать не могла. Поэтому она купила девочке шотландского терьера по кличке Тилли.

Со временем он стал удивительно похож на свою маленькую хозяйку. Это был выносливый песик, по-собачьи преданный Лилли. Нравом он обладал независимым и даже стал своего рода городской знаменитостью, поскольку часто убегал из крепости Дэлглишей и бродил по улицам на своих коротких лапах, перевертывал мусорные бачки, гонялся за кошками; сразу было ясно, кого песик любил, а

к кому питал неприязнь, свое дружелюбие терьер выражал с каким-то особым достоинством, словно давая понять, что не нуждается в чужой снисходительности. Тилли был благородной собачкой и кусал только тех, кто норовил поддеть его ногой,— маляра Джека Саута, полицейского сержанта Джо Коллинса, торговца зерном и другими сельскохозяйственными товарами Дормэна Уокера и аптекаря мистера Хаулэнда (отца Поли). Терьер никогда не трогал детей и, хотя они тянулись поиграть с ним, предпочитал держаться от них подальше. Тилли часто заглядывал в церкви, в суд, мэрию, раз или два появлялся в школе к вящему удовольствию всех учеников, кроме маленькой Стьюбек, которая с позором отправляла его домой. Гуляя с Лилли, терьер был благовоспитан, послушен, скромен, хотя на самом деле притворялся паинькой только ради своей хозяйки. Тилли ходил с ней на реку, плавал и нырял вместе с нами; он не пасовал при встрече с большими собаками, но тотчас давал деру, если его заставляли на чужом дворе,— песик знал почти все закоулки в городе. Мы хорошо изучили характер Тилли, точно такой же, как у его хозяйки.

Мы привыкли к Лилли, для нас она по-прежнему была крепкой, ловкой, озорной девчонкой, и мало кто заметил, каким образом она превратилась в одну из первых учениц. Она держалась независимо с преподавателями, и казалось, приобретала свои знания самостоятельно, без их помощи. Поэтому девочка оставалась загадкой для учителей, но они уже заговорили о ней с уважением и даже стремились найти подход к Лилли, хотя их и раздражала ее независимость. В школе, вероятно, знать не знали о том, что по вечерам Лилли продолжала учебу в библиотеке мисс Дэлглиш; пожилая леди с увлечением занималась со своей одаренной воспитанницей, и Лилли схватывала на лету все, чему ее должны были научить в классе. Наверное, это и входило в планы мисс Дэлглиш, более того, домашние занятия по французскому, английскому и истории уже знаменовались существенными успехами, хотя в школе девочка не стремилась щегольнуть своими знаниями. Если ее вызывали, она отвечала коротко и по существу, но от себя ничего не добавляла, и я не припомню случая, чтобы Лилли сама о чем-нибудь спрашивала учителей.

Обнаружив, что Лилли много читает, мисс Ярдли — она преподавала у нас английский и была особенно внимательна к девочке — захотела выяснить, какие книги маленькая Стьюбек брала из библиотеки мисс Дэлглиш, но не сумела

вызвать ученицу на откровенность и решила посетить дом пожилой леди, чтобы все разузнать самой. Мисс Ярдли осмотрела библиотеку и побеседовала с мисс Дэлглиш, однако учительница совершила ошибку, сообщив на другой день в классе о своем визите.

— Лилли, недавно ты прочитала две книги Генри Хэндела Ричардсона¹, — начала мисс Ярдли. — Пожалуйста, расскажи, о чем они и что ты о них думаешь.

— Откуда вы это знаете? — спросила Лилли.

— От мисс Дэлглиш.

— Вы не имеете права выспрашивать про меня! — возмущилась девочка.

— Но это для твоей же пользы, Лилли. Я хотела узнать у мисс Дэлглиш, что ты читаешь, и только. В конце концов, ведь речь идет об английской литературе, а это мой предмет.

Вообще-то Лилли хорошо относилась к мисс Ярдли и никогда ей не грубила, но девочку привела в негодование сама мысль о том, что учительница навестила большой дом и еще расспрашивала о ней; да как она посмела задать хоть один вопрос?! Сама Лилли не разбалтывала секретов пожилой леди и справедливо считала, что и мисс Дэлглиш должна отвечать ей тем же. Посторонним незачем знать, что происходит за высокой деревянной оградой.

— Мисс Дэлглиш зря рассказала обо мне, — твердо сказала Лилли учительнице. — То, что я делаю дома, вас не касается, мисс Ярдли.

— Извини, Лилли, но я и не думала шпионить за тобой, поверь мне.

И хотя мисс Ярдли не повторяла своего визита, да и в черной тетрадке он даже не упоминался, однако я уверен, что Лилли и мисс Дэлглиш поссорились из-за него, ибо через несколько дней пожилая леди пришла в школу, чтобы при закрытых дверях переговорить с мисс Ярдли и другими преподавателями, после чего никто из них уже не проявлял любопытства к тому, чем Лилли занимается дома.

Мы никогда по-настоящему не знали, как мисс Дэлглиш и Лилли разрешали свои споры, кто из них бывал прав, кто виноват, как они могли уживаться, несмотря на огромное различие в привычках и убеждениях. Никто (даже Дороти Мэлоун) не слышал, чтобы они излагали свои взгляды на жизнь, хотя таковые безусловно имелись, а так как единст-

¹ Генри Хэндел Ричардсон — псевдоним австралийской писательницы Генриетты Ричардсон (1880—1946).

венным судьей, определявшим, что хорошо и что плохо, что есть добро, а что — зло, для горожан был священник, то настало время, когда мисс Дэлглиш пришла к выводу, что Лилли пора присоединиться к прочим детям, которые внимали проповедям в надлежащем месте.

Не думаю, чтобы Лилли знала, какую веру исповедовали ее родители. Но мисс Дэлглиш в силу своего шотландского происхождения была пресвитерианкой, и однажды утром она прошествовала на воскресную службу вместе с Лилли, которая шла в чистом ситцевом платье, черных дорогих туфлях, яркой жакетке, соломенной шляпе с широкой лентой вокруг низкой тульи и коротких белых перчатках.

Я тоже шел в церковь с братом Томом и не мог сдерживать удивления, когда здоровался с пожилой леди и ее воспитанницей.

— Ты идешь в церковь, Кит?— спросила мисс Дэлглиш.

Вопрос был ни к чему, ведь мы были в своих лучших костюмах.

— Да, мисс Дэлглиш,— ответил я.

— Хорошо. Тогда пойдемте вместе,— сказала она.

— Но мы не в пресвитерианскую церковь,— объяснил я.— А в англиканскую (отец позволил нам выбрать церковь по своему усмотрению).

— Вот как,— проговорила мисс Дэлглиш. На ней была широкополая шляпа и черное шелковое платье, длинное, блестящее, окаймленное тонкими кружевами; ее агатовые бусы сверкали на солнце.

— Может быть, сегодня вы все же составите нам компанию?— предложила пожилая леди.— А то Лилли будет скучно одной.

Только мисс Дэлглиш могла остановить нас воскресным утром посреди главной улицы, чтобы пригласить в чужую церковь.

— Я и так не пропаду,— пробурчала Лилли.

— Мы не против, мисс Дэлглиш,— вступил в разговор Том, считавшийся в семье чуть ли не святошей.

— Вы-то не против, но не будут ли против ваши родители?— с запоздалым сомнением в голосе проговорила мисс Дэлглиш.

— Не будут,— ответил я.

Мы вошли в неказистую церквушку под железной крышей и сели на скамью в седьмом ряду, прихожане принялись украдкой поглядывать на нас и перешептываться.

— Что нам тут делать, Кит? — спросила Лилли.

— Не знаю, — ответил я.

Лилли никогда не посещала богослужений, да и мне было не по себе в пресвитерианской церкви. Но я хорошо помню воскресную проповедь, потому что она была обращена прямо к Лилли. Его преподобию мистеру Армитиджу, коротышке шотландцу, пришлось взобраться на ящик из-под фруктов, иначе прихожане не увидели бы его из-за кафедры, зато голос у него был громкий, резкий, и хотя вначале он «вразумлял» паству словами из «Послания к коринфянам», в котором говорилось, что «мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне», очень скоро священник обрушился с беспощадной бранью на современную молодежь. В последнее время горожане страдали от бесчисленных мелких краж — видно, их совершали некоторые доведенные до отчаяния молодые безработные; поэтому, с одной стороны, преподобный отец заклеил тех, кто рылся в помойках, воровал и вообще покушался на чужую собственность, а с другой — осудил греховную наготу и распущенность девиц вроде Лилли, которые, совлекая с себя добрую половину одеяний, купались в реке и скакали там с юными отроками даже в святое воскресенье.

— Не обращай на него внимание, — шепнул я Лилли.

— А я и не обращаю, — ответила она.

Лилли не захотела петь вместе со всеми, правда, я думаю, что она и не знала псалмов, а когда с прихожан стали собирать пожертвования, девочка не отдала шиллинг, полученный от мисс Дэлглиш, хотя та строго приказала:

— Положи деньги на блюдо, Лилли.

— Ни за что, — отрезала девочка.

Я понял, что больше в церкви ее не увижу, и удивился, встретив Лилли в следующее воскресенье у ворот дома мисс Дэлглиш, где она, нарядно одетая, как и в прошлый раз, поджидала меня и Тома.

— Я пойду с вами, — проговорила она.

— Только больше мы не пойдем к пресвитерианам, — предупредил я.

— Я тоже. Хочу посмотреть вашу церковь, Кит. Может, там лучше.

В городе не было принято, чтобы девочка с мальчиком ходили в церковь одни, без взрослых, поэтому я стеснялся, а Лилли — ничуть. Мы направились в англиканскую церковь, находившуюся в противоположном конце города, прихожане снова нас разглядывали, правда, на сей раз все

обошлось довольно благополучно, ибо в проповеди говорилось о надежде и милосердии, но когда наступило время молиться, Лилли не захотела опуститься на колени.

— Стань на колени, — подсказал я.

— Ни за что, — ответила она шепотом.

Это не было демонстрацией вольнодумства, просто Лилли считала, что будет выглядеть смешно, да и не в ее характере было просить о чем-либо на коленях. Тут на нас зашикали, кто-то даже толкнул Лилли в спину, но она осталась сидеть на скамье, гордо выпрямившись.

В следующее воскресенье я уже не встретил Лилли, но мне сказали, что ее видели у методистов. В конце концов, Лилли должна была бы зайти в католическую церковь, тем более что туда ходила ее подруга Дороти Мэлоун — католичка; однако Лилли не мог привлечь католицизм, слишком суровый к мирянам, а главное — конфессиональные барьеры в нашем городе имели такую силу, что преодолеть их не решалась даже она. Католичкой Лилли не была, это она знала точно.

Лилли все-таки ходила в церковь, иначе ей не разрешалось бы встречаться по воскресным дням с Дороти, и хотя Лилли бывала в церкви не каждую неделю, иногда ее видели у англикан, которые привлекали девочку, вероятно, тем, что евангелие у них трактовалось помягче. Однако Лилли никогда не преклоняла колен в молитве, никогда не пела псалмов, ни разу не пожертвовала хотя бы пени. Словом, Лилли оставалась самой собой, то есть язычницей, ее голова была полна странных суеверий; так, западные ветры, считала она, высевают на теле прыщи, рыба, выпрыгнувшая из воды, сулит беду, восемь сорок¹ — к удаче, лай собаки во время еды — к болям в животе, а если прикоснуться к крупу лошади и она пустит ветры, то заболеешь чахоткой. Лилли знала десятки подобных примет.

В конце концов, мисс Дэлглиш удовольствовалась малым — время от времени Лилли ходила в англиканскую церковь. Но пожилая леди непреклонно заставляла девочку читать библию, и Лилли восхищалась этим сводом священных текстов.

— Мне кажется, мисс Дэлглиш просто не знает, что там написано, — сказала мне Лилли в одно из воскресений.

Я мог только догадываться, что интересного нашла Лилли в библии, кроме разных чудес, рассказанных язы-

¹ «Сорокам» в Австралии называют слейтовых птиц с черно-белым оперением.

ком, который был ей близок. Не думаю, что, читая Библию, она пыталась обрести веру, Лилли не искала ее; она так и не полюбила церковь, потому что обрела духовную опору совсем в другом.

Именно близость Лилли к природе позволила мне кое-что понять в жизни ее души. Наш городок раскинулся среди пшеничных полей, апельсиновых рощ и виноградников; он как бы находился на острове, омываемом двумя реками — Малым и Большим Мурреем, по берегам которых росли стройные эвкалипты. Свои, неповторимые звуки витали окрест, такие же неповторимые, как наши эвкалипты, апельсиновые рощи и пшеничные поля; летом, сидя на приступке у двери, можно было услышать дыхание города, крики детей, играющих на песчаных площадках, а когда с теплого неба мягкой, розовато-лиловой дымкой опускался вечер, до нас доносились голоса лета: лай собак, стрекот цикад за медленной рекой, заглушаемый настойчивым, неистовым ревом миллиона лягушек. Я любил вникать звукам уходящего дня и долго думал, что никто, кроме меня, ничего вокруг не замечает, пока однажды вечером по дороге с Мыса Лилли не сказала мне:

— Ты слышал, как закрываются на ночь помидоры?

— Разве это можно услышать?

— А ты попробуй.

Мы как раз остановились на поле мистера Хислопа, где росли помидоры: они занимали участок в пять акров между рекой и железной дорогой вдали от центра города; здесь нам никто не мешал наслаждаться чудесным спокойным вечером.

— Только присядь на корточки, — посоветовала девочка.

Я присел рядом с Лилли и весь превратился в слух.

— Ничего не слышу, — проговорил я.

— Тсс... слушай, — прошептала Лилли.

Я последовал ее совету и на сей раз уловил какое-то странное многозвучие, легкий шорох, будто в тысячах растений что-то дрогнуло и замерло настолько неуловимо, что, если бы вечер не был столь безмятежно тих, я бы так ничего и не расслышал.

— Это закрываются лепестки у цветков, — пояснила девочка. — Рано утром их тоже можно услышать, только тогда они слабо поскрипывают.

— Черт побери, — вырвалось у меня.

— И эвкалипты можно услышать, — продолжала Лилли, — когда у них сворачивается и отслаивается кора, только надо правильно выбрать время.

— Как же это ты заметила?— спросил я.

— Не знаю,— ответила она.— Просто услышала однажды. Можно многое услышать, если вечером приложить ухо к земле. Она полна голосов.

Я понял в тот вечер, что Лилли словно выросла из почвы, пробилась из-под асфальта и уличной грязи, она прямо-таки родилась от земли, как древняя гречанка, еще не знавшая верховного божества.

Именно этого мисс Дэлглиш не могла истребить в Лилли, однако ей удалось улучшить речь девочки и ее выговор. С языка Лилли по-прежнему то и дело срывались грубые выражения, но мисс Дэлглиш неустанно ее поправляла, пока та не стала говорить: «Знаю», а не «Знамо дело», «правда», а не «помереть мне на этом месте»; особенно я запомнил, как у Лилли вдруг вырвалось: «Лови его!» вместо привычного «Саль». Играя в салочки, мы то и дело повторяли: «Саль!», что почему-то раздражало мисс Дэлглиш, которая целых два года журила за это свою воспитанницу, пока та, погнавшись однажды за кем-то на Мысу, не крикнула: «Лови его!» Мы рассмеялись, но словечко показалось забавным и прижилось у нас. Только Лилли говорила его теперь всерьез, а мы — в шутку. Нельзя сказать, чтобы она сознательно избавлялась от уличного жаргона, это происходило постепенно, само собой. Однако в другом языке — во французском — Лилли даже стала для нас примером.

Некоторое время его преподавал нам настоящий француз — мосье Анри Данжу. Школьники звали его просто Анри, поскольку он был иностранцем и, следовательно, забавным чудачком, что вполне оправдывало нашу беспечность. Приземистый, крепко сбитый мосье Данжу ездил на ночном велосипеде с легкими бамбуковыми ободами и узким седлом. Француза поддразнивали не только дети, но и добрая половина взрослых, дни учителя превратились в постоянную борьбу с насмешками над его ломаным английским и со множеством издевок. На них мосье Анри, казалось, неизменно отвечал: «*Viser mon cou!*», что по нашему разумению означало «Берите меня за горло». Мы считали это выражение безобидным французским ругательством, но Лилли обозвала нас дураками.

— Он говорит: «*Baiser mon cul!*» Поцелуйте меня в зад! — пояснила Лилли.

Мы были посрамлены. Возможно, другие девочки, хорошо знавшие французский, тоже понимали, что именно говорил мосье Данжу, но только Лилли отважилась на объяснение; с этих пор мы стали с уважением относиться к учителю, который сумел постоять за себя и отомстить обидчикам крепким словцом, то есть вполне по-австралийски. Нам было ясно, почему Лилли так поступила. Ей хотелось, чтобы мы знали: мосье Данжу не остается у нас в долгу. Лилли терпеть не могла, когда над кем-нибудь издевались. Сама она никого не обижала зря, но и не позволяла насмехаться над собой, а это иногда бывало непрос-то, ибо в те времена грубые острословы ходили в Австралии чуть ли не в больших умниках. Как бы то ни было, мосье Данжу не выдержал здешней жизни. В конце года он исчез из Сент-Элена вместе со своим велосипедом, и мы больше о нем не слышали, однако выражение «*Vaisez mon cul!*» благодаря Лилли обогатило наш лексикон.

Лилли по-разному относилась к жителям города — к кому с симпатией, к кому с неприязнью — и не скрывала этого, но редко кого-нибудь осуждала вслух. Как и мисс Дэлглиш, Лилли, казалось, знала обо всем, что происходило в Сент-Элене, она знала, кто злословит за ее спиной, кто ей сочувствует, а кто попросту безразличен. В городе многие давно поняли, что того, кто рискнет сказать что-либо обидное в лицо Лилли, ожидает неминуемая расплата. Она всегда рано или поздно сводила счеты со своими врагами, и тем не менее сплетни, ходившие о ней, были самые чудовищные.

Однажды я слышал, как Боб Саммерфилд — завзятый мотоциклист и юный сердцеед — по-моему, он видел в Лилли лишь то, что хотел увидеть, — так вот, однажды я слышал, как Боб утверждал, будто застал Лилли — в ее-то четырнадцать лет! — с сигаретой за китайской прачечной. Это было уже чересчур. Ведь курящая девушка сразу попадала у нас в особую категорию; если же ее замечали с сигаретой за прачечной, то ей приписывались все мыслимые пороки, а уж если такое говорилось о четырнадцатилетней пикольнице, то она неминуемо оказывалась прямо-таки воплощением греха.

Я не стал спорить с Бобом, поскольку не любил совать нос в чужие дела, а кроме того, знал, что Лилли сама сумеет защититься. Вскоре она услышала об этой сплетне, но возмутила ее не столько глупая клевета, сколько то, что Боб сплетничал за ее спиной. Если бы Лилли захоте-

ла выкурить сигарету во дворе прачечной, она и не подумала бы прятаться от посторонних глаз, но Боб явно врал, и девочка решила отомстить обидчику. Боб ездил на великолепно ухоженном мотоцикле марки «BSA» с карбидными лампами и однажды утром обнаружил, что карбидный патрон ствинчен, а сам карбид брошен в бензобак.

Боб догадался, кто это сделал, и пожаловался на Лилли мисс Дэлглиш, которая отчитала свою воспитанницу. Лилли, конечно, во всем призналась и объяснила пожилой леди, почему она так поступила. Тогда мисс Дэлглиш сказала Бобу, что он вел себя постыдно.

— Лилли не прячется по закоулкам, — заявила она. — Это плод вашей грязной фантазии.

— Но... я только пошутил, — запинаясь, оправдывался Боб.

— Вам следовало бы знать, что шутить над Лилли неумно. Ничем не могу вам помочь.

— Но она сломала мой мотоцикл, — возмущился Боб. — И испортила бак.

— Вы виноваты сами, — твердо ответила мисс Дэлглиш.

— Ну хорошо, я с ней поквитаюсь.

— Не советую, — предупредила пожилая леди. — Если вы не прекратите распространять о девочке грязные слухи, я привлеку вас к суду за клевету. Только посмейте сказать хоть одно лживое слово.

Боб понимал, что потерпел фиаско. Сражаться против таких двух женщин, как мстительная Лилли и богатая влиятельная мисс Дэлглиш, было ему не по силам, поэтому он с тех пор помалкивал, а бензобак купил себе новый.

Мисс Дэлглиш и Лилли всегда защищали друг друга. Я не слышал, чтобы кто-нибудь в городе посмел непочтительно отозваться о мисс Дэлглиш или посмеяться над ней при Лилли, однако порой к девочке приставали с расспросами о пожилой леди. Сначала Лилли уклонялась от ответов, потом начинала откровенно грубить. Однажды к Лилли привязалась миссис Эллис, известная в городе сплетница; женщина сентиментальная и религиозная, любившая «заботиться» о делах ближних своих, она посоветовала девочке быть внимательнее к своей благодетельнице.

— Лилли, почему ты не зовешь мисс Дэлглиш тетей?

— Какая она мне тетя, — огрызнулась девочка.

— Правильно, но ей бы конечно понравилось, если бы ты ее так называла.

Миссис Эллис повезло, так как Лилли считала ее скорее пустомелей, чем злостной сплетницей.

— Ничего-то вы не знаете, — презрительно усмехнулась девочка.

Смеялась Лилли редко, а если улыбалась, улыбка у нее была легкая, мимолетная, губы у Лилли оставались строгими, хотя сама она была раскованной, быстрой, с дерзким взглядом, проворными руками, непокорными красивыми волосами, а вот по-настоящему улыбалась она, помнится, только Дороти Мэлоун, песику Тилли и порой мне, когда мы гуляли вдвоем.

Так выросла Лилли.

Глава девятая



К пятнадцати годам Лилли уже пользовалась уважением в нашей школе и слыла очень умной девочкой. Она была также одной из самых лучших учениц, тем более что имела в своем распоряжении отличную библиотеку и любила читать; кроме того, ей во многом переданся интерес мисс Дэлглиш к музыке и изобразительному искусству. Кстати, мы об этом знали, однако никто не видел, чтобы Лилли читала какую-нибудь книгу, кроме учебников, или слушала музыку. Просто мы об этом знали, вот и все, и некоторые девочки даже побаивались Лилли, но вовсе не из-за того, что она была известна своим умением расправляться с противниками, а потому, что Лилли была очень образованна, хотя и не щеголяла своими знаниями.

Лилли оставалась все такой же молчаливой и неприступной, но теперь исходившая от нее решимость покарать любого обидчика не так бросалась в глаза. Да и обижали Лилли все реже и реже, потому что большинство горожан уже признавало в ней воспитанницу мисс Дэлглиш. О Лилли почти перестали судачить и обращаться с ней как с побирушкой и нищенкой из семьи Стьюбеков. Девочка уже не воровала и не копалась в отбросах, но мы иногда видели, как она бесцельно бродит по ночному городу, порой вместе с Тилли; казалось, ее неодолимо тянуло на пустыри и окраины подышать, как в старые времена, воздухом свободы. Лилли больше не перелезала через ограду, а выхо-

дила через тяжелые ворота; если пожилая леди и узнавала о ночных прогулках девочки, то, видимо, смотрела сквозь пальцы на то, что прежние привычки Лилли еще напоминали о себе.

Сплетни о Лилли, наверное, затихли бы вовсе, если бы на нее не заглядывались мальчики и мужчины. Даже в детстве замарашка Лилли, копавшаяся в отбросах, отнюдь не казалась гадким утенком и не походила на сорванца мальчишку. А в свои пятнадцать лет она уже привлекала к себе внимание мужской половины города. Лилли превратилась в красивую девушку с быстрыми, как у зверька, глазами, строгими бровями и ловким телом, почти бесплотным от того, что она совсем о нем забывала. Движения у Лилли были свободные, даже небрежные, поэтому тот, кто стремился завоевать ее, полагал, что игра стоит свеч, нужно только выиграть, а сдержанность Лилли лишь повышала ставки. Лилли никогда не выглядела невинным младенцем. И поэтому мужчине могло прийти в голову, будто она и впрямь легко лишится невинности, стоит ей этого захотеть. Лилли была очень женственной, но не казалась пугливой, забитой, излишне застенчивой или, наоборот, коварной. И наши ловеласы находили, что она просто-напросто завлекает их в свои сети.

Разумеется, мужчины у нас были самые разные: ласковые и грубые, добрые и злые. Ласковые и добрые смирились с заведомым поражением, не делая даже попыток приблизиться к Лилли, зато грубые и злые были уверены в успехе. О Лилли уже болтали, что, дескать, пора ей показать, откуда берутся детишки, и того, кто обуздает воспитанницу мисс Дэлглиш, ждала слава героя. Но лишь двое городских сердцеедов пытались подступить к Лилли. Одним был шестнадцатилетний ученик нашей школы Тод (Теодор) Доркинг, вторым — Филип Энсти, местный агент по продаже недвижимости.

Тод был настолько же общителен и легкомыслен, насколько Лилли сдержанна и, пожалуй, даже замкнута. В школе гордились Тодом: учился он хорошо, великолепно играл в футбол и стал чемпионом по плаванию среди юношей штата Виктория. Высокого роста, крупный, Тод был, наверное, тяжеловат для своих лет, однако внешность имел мужественную и с годами обещал превратиться в типичного австралийца. Мы любили Тода, хотя знали о его жестокости. Например, на футбольном поле он отлично умел, не нарушая правил, сбить соперника с ног, к тому же с

таким расчетом, чтобы всерьез вывести его из игры. Поднимая упавшего, он обычно еще и посмеивался:

— Не зевай.

Но уследить за Тодом было трудно, ибо он любил действовать исподтишка.

С Лилли он вел себя обходительно, вежливо, и хотя в детстве был самым обычным, послушным ребенком, Лилли он рассказывал, будто лет в одиннадцать слыл отчаянным сорвиголовой: воровал апельсины и гранаты из сада мистера Смита, выпускал кур из курятника мистера Досона и порубил топором живую изгородь у соседей. Все это было неправдой и говорилось лишь для того, чтобы показать, будто Тоду безразлично, что Лилли раньше воровала и частенько рылась в мусорных ящиках. Дескать, сам был таким. Лилли равнодушно выслушивала юношу, потому что вообще умела слушать людей, однако чем больше она противилась его натиску, тем упорнее Тод искал ее расположения, но выказывал он себя при этом отнюдь не с лучшей стороны, словно полагая, будто именно грубость и низость могут открыть ему путь к сердцу Лилли.

Тод ошибался, думая, что близок к успеху. Ошибался настолько, что на школьном вечере по случаю окончания учебного года попытался поцеловать Лилли; нас было четверо или пятеро, мы вышли из актового зала на галерею, которая огибала школьный двор. Мы уселись как обычно на железные перила и слушали, болтая ногами, как Маджери Рэнкин играла на фортепьяно. Потом на перилах остались только Тод и Лилли. Тод имел на то свои причины, а Лилли просто заслушалась прекрасной игрой Маджери. Неожиданно Тод обнял Лилли за шею.

— Ну как насчет этого?— проговорил он.

— Ты о чем?— спросила девушка.

— Сама знаешь о чем,— улыбаясь, ответил Тод.

— Нет, не знаю.

— Перестань ломаться,— бросил Тод, он грубо стащил девушку с перил, обнял и попытался поцеловать. Мы как раз вернулись из зала и стали свидетелями завязавшейся борьбы. Было уже темно, но я разглядел, как Лилли пригнулась и бросилась на Тода словно тигрица. Она вцепилась в его короткие волосы, потянула голову вниз за перила и сбросила Тода на землю. Все это произошло в один миг. Мы рассмеялись, но я заметил, что зубы Лилли зловеще блеснули.

— За что ты его?— спросили девочки.

— Просто так,— ответила Лилли, направляясь в зал.

Утром о происшествии узнала вся школа, а через день — и весь город. В пересудах больше доставалось Лилли, чем ее обидчику. Тогда, хорошего парня и спортсмена, любили и уважали в Сент-Элене, а если он поссорился с Лилли, то не иначе как по ее вине. Обсуждая эту историю, кое-кто не преминул вспомнить семейство Стьюбеков и беспризорное детство Лилли. Обычно над таким смешным, пустяковым столкновением двух подростков в городе позу-боскалили бы, да и только, но речь шла о Лилли, а ее не щадили.

Случай с Филипом Энсти был совершенно иным, впрочем, для Лилли он закончился печально. Филип Энсти, тридцати с небольшим лет, преуспевающий агент по продаже недвижимости, выглядел точно так, как и должен был выглядеть красавчик отпрыск давным-давно захиревшего английского аристократического рода. Яркие голубые глаза выделялись на его мертвенно-бледном лице с прямым носом и хорошо вылепленными скулами. Это был хладнокровный, сдержанный человек, настоящий джентльмен, хотя и вынужденный поселиться в Австралии. Жена Энсти, австралийка, была старше его лет на восемь; он появился в городе десять лет назад и основал агентство по продаже недвижимости на деньги супруги. Некогда это была розовощекая блондинка с фигурой Венеры, но со временем лицо ее приобрело красный цвет, а тело — расплывчатые формы, приличествующие почтенной матроне. В Сент-Элене прекрасно знали, что Энсти срывал цветы удовольствия где только мог, и, став постарше, когда при мне говорить об этом уже не стеснялись, я слышал, будто он оказывал известное внимание дамам, которые состояли в счастливом браке, словно оправдывая тем самым собственную неверность. Но чаще ему приходилось отправляться в захолустье, где женщины много работали, чувствовали себя одиноко и были забыты мужьями. Поговаривали, что любой жене фермера грозила опасность, если Энсти заглядывал к ней по делам.

С женой Джонни Салливэна, владевшего цитрусовой плантацией под Нуахом, дело у Энсти зашло, пожалуй, слишком далеко. Обманутый муж задал ему трепку посреди главной улицы Сент-Элена и приказал неверной супруге убираться вон из дома. После этого Энсти стал героем сочных мужских шуточек, его благословляли на новые победы, хотя и считали простофилей из-за того, что он так глупо попался. Однако жена отнеслась к измене Энсти иначе: многие годы она сквозь пальцы смотрела на

похождения своего супруга, а теперь решила с ним разойтись.

Кстати, в нашей семье оживленно обсуждали эту размовку, потому что сначала миссис Энсти обратилась к отцу с просьбой заняться ее делом, а когда он отказал (так как не вел бракоразводных дел), уже сам Энсти попытался уговорить отца взять на себя его защиту и тоже получил отказ. Не знаю точно, может быть, на отца повлияли улики, представленные ему миссис Энсти, я склонен думать, что так оно и было, ибо на суде в соседнем Бендиго фигурировал дневник Филипа Энсти, найденный его супругой, в котором тот описывал свои многочисленные победы. Особенно гнусными были в дневнике те места (отец прямо-таки бушевал от ярости, когда газеты опубликовали их), где упоминалась Лилли.

Что касается Лилли, дневник не хвастал победами, а рассказывал лишь о замыслах сластолюбца. Описания возделенных прелестей юной девушки были отвратительны, и местная пресса не рискнула опубликовать большую часть из них, но по судебным отчетам, появившимся в газетах, стало ясно: дневниковые заметки о пятнадцатилетней школьнице оказались столь непристойными, что судья Р.-Б. Мэтьюс даже прервал их оглашение на процессе.

Лилли была совершенно не виновата. Она писала в своей черной тетради, что ни разу не обменялась с Филипом Энсти даже словом, тем более что ей не нравилось, как он смотрел на нее. И все же вновь на нее пала тень. Каким образом эта пятнадцатилетняя девочка могла внушить столь грязные мысли и планы женатому мужчине?

Миссис Энсти получила развод, и в городе почти перестали судачить о женщинах, упомянутых в злополучном дневнике, но только не о Лилли. Более ранимая девочка не решалась бы поднять глаза, проходя по улицам после такого скандала, и многие ожидали увидеть Лилли смущенной и растерянной. Однако она вела себя по-прежнему и не обращала внимания ни на любопытные взгляды, ни на шепот позади себя. Если мужчины проявляли интерес к соблазнительной школьнице, она либо игнорировала их, либо глядела так грозно, что никто не осмеливался ни на пошлость, ни на искренний комплимент. Мисс Дэлглиш ничем не могла помочь своей воспитаннице, ибо враг был невидим, и хотя она, как и все друзья Лилли, возмущалась случившимся до глубины души, говорить об этом с девочкой не могла. Сам я ждал и надеялся, что Лилли сожжет

долга дом Филипа Энсти, но она не отомстила ему. Лилли уже стала взрослой.

Она обещала превратиться в очень интересную молодую женщину и казалась взрослее своих сверстниц. Лилли была самостоятельной девушкой, такой же упорной, волевой, такой же серьезной, не улыбочивой и загадочной, как и в детстве. И хотя Лилли быстро расцвела, она, казалось, не искала радостей, которые сулила девичья красота. Она уходила в школу и возвращалась прямо домой, будто ничто другое ее не интересовало; она прекрасно училась и часами просиживала в библиотеке мисс Дэлглиш за книгами и тетрадями. Почерк у нее остался детским — крупным, округлым и на первый взгляд говорил о простодушии обладательницы, но стоило вникнуть в написанное, как становилось ясно, что человек Лилли отнюдь не простой.

Но к чему она стремилась? Какие строила планы?

Об этом мы часто говорили друг с другом, но никогда не спрашивали саму Лилли. Даже Дороти Мэлоун не пробовала узнать у подружки, что та собирается делать после учебы. Останется ли она в городе с мисс Дэлглиш или та пошлет ее в мельбурнский университет? Мы не сомневались в том, что Лилли блестяще сдаст выпускные экзамены, и почему бы ей тогда не поступить в университет — ведь мисс Дэлглиш считалась одной из самых богатых жительниц Сент-Элена и могла помочь своей воспитаннице. О сокровенных желаниях Лилли мы и не догадывались. Она хорошо училась и много работала просто потому, что была старательной по натуре. За этим не скрывалось ни определенных намерений, ни серьезных целей, поскольку никаких целей Лилли перед собой и не ставила.

Мы могли только предполагать, что происходило в доме пожилой леди, хотя и догадывались, что жизнь Лилли текла там размеренно, без осложнений. Каждое субботнее утро она выходила из больших ворот вместе с мисс Дэлглиш, и они молча направлялись в центр города. Лилли обычно несла покупки и лишь изредка обменивалась с пожилой леди несколькими словами, когда нужно было что-то решить. Мисс Дэлглиш указывала своей воспитаннице, какие платья ей следует носить и где купить новую одежду. До сих пор почти все для Лилли они приобретали в универсальном магазине мистера Уильямса, но теперь нередко заглядывали в магазин готового платья мисс Томпсон, считавшийся моднее и престижнее. Большую часть дня Лилли ходила в школьной форме, хотя ей шли нарядные и в то же время очень скромные платья, в которые

одевала ее мисс Дэлглиш. Кстати, та, если и гордилась результатами своих усилий, то вида не показывала. Все это было само собой разумеющимся и не стоило внимания. Их жизнь в особняке по-прежнему была окутана тайной и оставалась для города загадкой.

Лилли вела себя вежливо и непринужденно с каждым, кто был приветлив с ней, но всегда оставалась сама по себе и ни с кем не заводила дружбы. Она не любила много болтать и обычно лишь отвечала на вопросы собеседника. Лилли была довольно откровенна со мной, Дороти Мэлоун и даже кое с кем из учителей, которые теперь обращались с ней точно со взрослой, почти как с равной. Поэтому она никогда не чувствовала себя одинокой, отрезанной от других людей. Тем не менее между Лилли и нами всегда существовала невидимая граница, и, когда она возвращалась домой и закрывала за собой большие ворота, мы думали, что там, за глухими стенами, и протекала ее настоящая жизнь, жизнь, о которой мы очень мало знали.

Как-то я спросил у Дороти Мэлоун, ссорятся ли по-прежнему Лилли с мисс Дэлглиш.

— Право, не знаю, — ответила девушка.

Я был уверен: даже со мной Дороти не всегда стала бы обсуждать, что происходит в доме пожилой леди, но сейчас ее это тревожило, поэтому ей очень хотелось поболтать с кем-нибудь о подруге, и я, как их старый приятель, вполне мог рассчитывать на ее откровенность.

— Кажется, Лилли с мисс Дэлглиш нашли общий язык, — сообщила Дороти, — и больше не ссорятся. Но они убийственно равнодушны друг к другу, так было всегда, я знаю, только временами я спрашиваю себя, Кит, что ждет Лилли?

— А я, думаешь, не спрашиваю себя? Потому и решил с тобой поговорить.

— У них какие-то странные отношения, правда, посторонним это незаметно.

— Плохие?

— Кто их знает. Но когда я прихожу туда, меня не покидает ощущение, будто Лилли нуждается в защите, хотя вроде бы и незачем ее защищать. Просто я чувствую, что должна быть рядом с ней.

— Думаешь, мисс Дэлглиш донимает ее?

— Что ты! Конечно, все это только догадки; но, по моему, Лилли живет какой-то своей жизнью, и вот эту ее жизнь я и должна оберегать, хотя ничего о ней не знаю. Я чувствую, что Лилли нужна моя поддержка.

— Ты же сказала, что они не ссорятся.
— Нет... я сказала, что не знаю. Кто из нас точно знает что-нибудь, Кит? Они как будто все время спорят, только молча. Ты сам увидишь.

Дороти Мэлоун слышала, что меня собираются пригласить в следующее воскресенье на чай к мисс Дэлглиш. Ей сказала об этом Лилли. Однако приглашение последовало вовсе не от Лилли. Мисс Дэлглиш позвонила моей маме и спросила, не смогу ли я прийти в воскресенье к ним на чай.

— В котором часу? — поинтересовалась мама, удивившись, почему обращаются к ней, а не ко мне.

— В пять.

Мама изумилась. Обычно в Австралии в это время устраивали званый обед, но мисс Дэлглиш скорее всего имела в виду «чай» по-английски.

— Я поговорю с Китом, — ответила мама, — если он соберется к вам, то скажет об этом Лилли.

— Нет, прошу вас, позвоните, пожалуйста, мне сами, — настаивала мисс Дэлглиш.

— Хорошо, — не возражала мама.

Она была поражена звонком мисс Дэлглиш, хотя ей льстило ее внимание. Мама спросила, почему это мисс Дэлглиш приглашает на чай именно меня.

— Потому что я вежливый, воспитанный мальчик и вид у меня такой, будто я только что вымыл лицо и руки, — пошутил я.

— Не смейся, Кит. Что произошло?

Я на мгновение задумался.

— По-моему, мисс Дэлглиш считает, что Лилли пора общаться с мальчиками ее возраста.

— Но почему мисс Дэлглиш позвонила мне?

— Наверное, боится, что Лилли не одобрит ее затею. Почему?

— Потому, что «чай» придумала мисс Дэлглиш, а не Лилли.

— Странно.

Мама позвонила мисс Дэлглиш и поблагодарила за приглашение, а в пятницу настал мой черед удивляться.

— Ты придешь к нам в воскресенье? — спросила меня Лилли.

— Да, — ответил я. — Меня пригласила мисс Дэлглиш.

— По моей просьбе, — сказала Лилли.

В воскресенье я надел свой лучший костюм, начистил ботинки, однако наотрез отказался от предложенного ма-

мой букета роз. Я вошел в высокие ворота (левая створка была приоткрыта) и направился вверх по длинной дорожке между кустарником и цветами к парадному входу. Едва оказавшись по другую сторону ограды, я принялся настороженно оглядываться вокруг. Глухонемой Боб Эндриус поддерживал сад в прекрасном состоянии: благоухали розы, кустились пышные хризантемы, рододендроны, клумбы пестрели разнообразными цветами, сбоку и сзади дома росли апельсиновые деревья, а рядом — персики, абрикосы, мандарины, сливы, грейпфруты. Возле самой ограды спели страстоцветы и гранаты, их саженцы, насколько я помню, купила Лилли; обитель мисс Дэлглиш имела необычный вид, и я смотрел на нее как на архитектурное чудо. Это был крытый черепицей двухэтажный кирпичный особняк с окнами в свинцовом переплете на нижнем этаже (хотя для крыш в то время использовали в основном рифленое железо и почти все здания в городе строили из дерева); обширный сад выходил и на другую улицу, поэтому казалось, что у дома два фасада.

Я постучал в дверь и услышал лай Тилли.

— Замолчи, Тилли,— прикрикнула девушка, открывая старую дубовую дверь.

— Здравствуй, Лилли,— проговорил я.

— Здравствуй,— ответила она.— Входи.

Лилли была в твидовой юбке и исландском джемпере — я знал, что он дорогой, но непонятно почему вдруг почувствовал себя слишком разодетым, хотя не мог же я прийти сюда без пиджака.

— Дороти уже здесь,— предупредила Лилли, однако я тут же забыл о ее подруге, потому что с увлечением принялся рассматривать залу, устланную коврами, где стояла одна из тех статуэток, о которых часто злословили в городе. Это была стройная обнаженная девушка, балансировавшая на валуне, будто вот-вот взлетит в небо, в порыве отчаяния она стиснула голову руками. Я едва не опрокинул ее, отпрянув от Тилли, который решил обнюхать мои блестящие ботинки и не переставал ворчать, пока Лилли опять не прикрикнула на него.

— К нам редко приходят гости,— пояснила девушка.

В зале стоял полумрак, поэтому рассмотреть ее было трудно, но все же я заметил вазу с цветами (потом разглядел, что она стоит на подставке из венецианского стекла) и три большие картины кисти неизвестных мастеров, о которых я знал лишь то, что это «постимпрессионизм», «абстракция» и «французская школа».

— Ничего особенного,— бросила Лилли, когда я задержался на минутку перед полотнами.

— А мне интересно,— тихо ответил я.

— Не теряй попусту время,— поторопила Лилли, и вместе с окончательно признавшим меня Тилли — он подпрыгнул к моей руке, ожидая ласкового шлепка, — мы вошли в комнату, которую я принял за гостиную.

Она была большая, квадратная, в дальнем конце стоял сервированный стол овальной формы, накрытый тонкой дамасской скатертью, на которой красовались китайский фарфоровый сервиз, десертные ножи, вазы с конфетами и пирожными. Меблировку гостиной составляли также сервант, маленькие столики, кресла с подголовниками и высокие светильники — все из красного дерева. Две обнаженные девушки, из черного гранита, застывшие на скромных пьедесталах, дополняли убранство. На полу лежал шелковистый персидский ковер, а над камином висел большой написанный маслом портрет старого мистера Дэлглиша в сорочке со стоячим воротничком. Фотографии, картины и *objets d'art*¹ занимали стены; мне показалось, что вся гостиная напоминала викториано-эдуардинский салон в стиле «ар-нуво»².

— Добрый день, Кит,— поздоровалась пожилая леди.

— Добрый день, мисс Дэлглиш,— ответил я.

Французские каминные часы пробили пять.

— Ты пунктуален,— отметила мисс Дэлглиш,— и это просто замечательно для мальчика твоего возраста. Терпеть не могу, когда опаздывают.

— Я старался изо всех сил,— сказал я, натянуто улыбнувшись. Мне было здесь не по себе.

— Привет, Дороти,— весело поздоровался я, увидев улыбающуюся Дороти.

Она продолжала улыбаться, заговорщицки кивая головой; по-моему, ни у кого в нашем городе не было такой улыбки. Она приветствовала меня, дружески подбадривала, помогала преодолеть стеснительность — ведь Дороти считалась своей в доме мисс Дэлглиш, а я пришел сюда впервые.

— Садись вон там,— указала мисс Дэлглиш на тяжелое викторианское кресло,— это единственное мужское кресло в гостиной, в нем любил отдыхать мой отец.

¹ Произведения искусств (*фр.*).

² Стилевое направление в европейском и американском искусстве конца XIX — начала XX в.

Я утонул в огромном кресле и принялся наблюдать за Лилли и мисс Дэлглиш. Я встречал их вместе только на улице и, естественно, не знал, о чем они беседовали, как жили в доме за высокой оградой; впрочем, их непростые отношения всегда бросались в глаза, и уже через две минуты, проведенные в гостиной, я почувствовал, что Лилли и мисс Дэлглиш не отказались от прежней борьбы: Лилли неизменно отстаивала самостоятельность, и власть мисс Дэлглиш распространялась на нее лишь настолько, насколько позволяла сама девушка. Я думал, что уж сегодня-то Лилли будет очень сдержанна, но по неприужденности, с какой она бросила на кушетку свое гибкое тело, я понял — это ее место, ее дом.

Мисс Дэлглиш поинтересовалась, как поживают мои родители.

— Когда соберешься уходить, Кит, — сказала она, — не забудь, пожалуйста, напомнить, чтобы я передала фрукты для твоей мамы.

— Спасибо, мисс Дэлглиш, — ответил я.

— Лилли позовет меня к чаю, а сейчас я ненадолго покину вас, — проговорила пожилая леди, вставая с кресла.

Я тоже поднялся.

— Скажи Тилли, — пусть идет со мной, — обратилась к Лилли мисс Дэлглиш, — а то он начнет таскать со стола бутерброды.

— Ступай, ступай, Тилли! — приказала Лилли. — Ступай в другую комнату.

Песик продолжал лежать возле Лилли, и она легонько пнула его ногой. Но Тилли не слушался, тогда Лилли взяла его за ошейник и подтолкнула к мисс Дэлглиш, которая, не оглядываясь, направлялась к выходу. Через открытую дверь я мельком увидел библиотеку; когда Тилли выскочил из гостиной, пожилая леди затворила дверь, и мы остались одни.

Я все еще не мог освоиться, и Лилли постаралась подбодрить меня:

— Не дергайся, Кит. Ты пришел на обычный чай.

— Мама думала, что на самом деле у вас будет обед.

— Только не сегодня, — ответила Лилли. — По воскресеньям мы обедаем поздно.

Я бы, пожалуй, слегка растерялся в обществе двух девочек, но они облегчили мне жизнь, непринужденно болтая то со мной, то друг с другом. Нам было о чем поговорить: приближались экзамены, и мы стали оживленно обсуждать, нужны ли они или лучше их отменить. Я тер-

петь не мог экзаменов, а для обеих девушек они были словно свежий ветер в знойный день. После грядущих испытаний нам оставалось проучиться еще год, и я догадался, что Дороти хочет коснуться наших планов на будущее. Именно тогда она впервые сказала о том, что собирается постричься в монахини.

— Ты, в монахини? — удивился я.

Дороти была веселой толстухой, которая выглядела так, словно мечтала лишь о замужестве и детях. Ее плотное сбитое тело, казалось, было предназначено для счастливого материнства, поэтому все мы считали, что Дороти вскоре выйдет замуж за приличного молодого человека и наживет с ним в благополучии с полдюжины ребятишек.

— Да, в монахини, — смеясь, ответила Дороти. — А почему бы и нет, Кит?

— Откуда я знаю. Просто не могу представить тебя монахиней.

И тут я вдруг понял, что ошибался. Хотя Дороти и была сотворена для счастливого материнства, она же больше других девушек в нашем городе подходила для непорочной жизни и служения господа. Я уже не сомневался, что Дороти Мэлоун станет настоящей монахиней.

— Я почему-то так и думала, что ты пострижешься, — проговорила Лилли. — С тех пор, как мы дружим, я...

— По-моему, ты молодец, — согласился я. — Когда же ты хочешь уехать?

— В конце будущего года, — ответила Дороти. — Когда закончу школу.

— А что говорит твоя мама? — спросила Лилли.

— Она рада, папа тоже рад, только сестра считает, что это ужасно, и то лишь потому, что сама она влюблена в Джека Данлопа и ждет не дождется, когда выйдет замуж. Как по-твоему, получится из меня монахиня, Лилли?

— Ты будешь замечательной монахиней, — сказала Лилли то, что я думал. — Но тебя постригут.

— Ну и пусть, — проговорила Дороти. — Никто не увидит.

Я ждал, что теперь Дороти спросит, как Лилли собирается распорядиться своей судьбой, и чувствовал, что этот вопрос прямо-таки вертелся у Дороти на языке, однако она так и не посмела его задать, и, зная, что девушки великолепно понимали друг друга, я решил: раз уж До-

роти сдерживает любопытство, мне тем более следует помалкивать.

Мы продолжали говорить о школе, о спорте и книгах (я недавно открыл для себя Дюма, Лилли читала «Отверженных», а Дороти увлекалась Джеффри Фарнолом¹), но тут каминные часы пробили шесть. Лилли встала и открыла дверь в библиотеку.

— Я поставлю чайник, — сказала она мисс Дэлглиш.

Лилли ушла на кухню готовить чай.

— Иди сюда, Кит, — позвала мисс Дэлглиш. — А ты, Дороти, помоги Лилли.

Дороти согласно улыбнулась.

— Хорошо, мисс Дэлглиш.

Я прошел в библиотеку. Это была небольшая комната. Ее стены закрывали книжные полки, а в центре вплотную друг к другу стояли два стола: большой кабинетный стол красного дерева и стол поменьше с ящиками по обеим сторонам (на нем были сложены учебники Лилли). Возле окна я увидел скромный граммофон со стопкой пластинок, к стене был придвинут широкий кожаный диван.

— Ты, наверное, любишь читать, Кит? — спросила мисс Дэлглиш, впрочем, ее вопрос походил скорее на утверждение.

— Да, — коротко ответил я.

— Лилли говорила, что ты довольно много читаешь.

— Сколько могу.

— Значит, ты бережно относишься к книгам и не бросаешь их куда попало.

— Конечно.

— В таком случае можешь взять у меня две любые книги, кроме тех, что стоят за стеклом на верхней полке. Не думаю, что тебе понадобятся справочники.

Я бросил взгляд на многотомное издание Британской энциклопедии и десяти томный лексикон религии и этики.

— Можешь не торопиться с выбором, — подбодрила меня мисс Дэлглиш.

Она склонилась над черной тетрадью, тогда я еще не знал, что это — дневник, который сыграл важную роль в жизни Лилли. Надев очки, пожилая леди взялась за перо, а я принялся рассматривать полки.

Книги были аккуратно подобраны по разделам: поэзия, драматургия, мемуары, проза и томики в дешевых пере-

¹ Фарнол Джеффри (1878—1952) — английский писатель.

плетах. Эти томичи в мягких белых обложках мисс Дэлглиш привезла из Германии, тут было около дюжины романов, выпущенных на английском языке издательством «Таухниц». Дальше шли французские, итальянские и немецкие романы, а на противоположной стене я увидел толстые словари. Целую секцию занимали произведения австралийских писателей, на просторных стеллажах помещались большие альбомы по живописи или с видами иностранных городов. Возле окна и на каминной полке стояли бюсты, две небольшие витрины были заполнены инкрустированными блюдами, серебряными шкатулками, бронзовыми и фарфоровыми статуэтками. Рассматривая библиотеку, я кое-что узнал о мисс Дэлглиш и, пожалуй, довольно много о Лилли.

Поглощенный мыслями о девушке, я лишь скользил взглядом по полкам, а не выбирал книги, мне было приятно, что мисс Дэлглиш допустила меня в библиотеку, однако я решил не злоупотреблять ее расположением и остановился на самых дешевых, простеньких изданиях «Таухница». Я снял с полки два романа: первый назывался «Город в горах» Эптона Синклера¹, второй — «Эрроусмит» Синклера Льюиса².

— Чай готов, — донесся из гостиной голос Лилли.

— Можно посмотреть, что ты выбрал? — попросила пожилая леди. Я показал книги; мисс Дэлглиш пристально взглянула на меня.

— Кем ты собираешься стать, Кит? — поинтересовалась она. — Юристом, как твой отец?

— Нет, мисс Дэлглиш.

— Так кем же?

— Я хочу работать в газете, если возьмут.

— Ты твердо решил?

— Конечно.

И вдруг мисс Дэлглиш удивила меня.

— Как ты думаешь, что будет делать Лилли после школы? — спросила она тихо и, мне показалось, даже с тревогой в голосе.

Помедлив немного, я ответил:

— Не знаю. Может, поступит в университет.

— Ты так считаешь?

— Кому же там учиться, как не ей, — проговорил я.

¹ Эптон Синклер (1878—1968) — американский писатель.

² Сянклер Льюис (1885—1950) — американский писатель.

- А что потом? Зачем ей университет?
- Я и в самом деле не знаю,— искренне произнес я.
- Ты думаешь, она будет учительницей?
- Ну, это не для Лилли,— ответил я сразу.
- Так кем же?

Я опять сказал, что не знаю; у меня было странное ощущение, будто мисс Дэлглиш пытается в чем-то себя оправдать. У женщин в то время было мало шансов приобрести иную профессию, кроме учительской, реже они становились врачами. Но Лилли не имела склонности ни к педагогике, ни к медицине.

— Вот видишь,— удовлетворенно проговорила мисс Дэлглиш, словно победила в споре со мной, и я подумал, что это был один из наиболее убедительных доводов в ее безмолвной полемике с Лилли.

- Чай стынет! — крикнула Лилли в открытую дверь.
- Идем, идем...

Мисс Дэлглиш поднялась, и я направился вслед за ней в гостиную.

— Можешь разливать,— сказала пожилая леди Лилли, которая сняла подушечку с серебряного заварного чайника и разлила чай в изящные чашки из полупрозрачного китайского фарфора.

Сандвичи были тоненькие, вилочки для пирожных — серебряные. Миссис Питерс приготовила восхитительные пирожные, наконец, хозяйка дома сняла белую салфетку с большого торта и торжественно объявила:

— Сегодня Лилли исполняется семнадцать лет, и миссис Питерс испекла по этому случаю праздничный торт.

Лилли опустила голову.

— Ну и ну! — удивленно воскликнула Дороти.— Как нехорошо.

Лилли казалась смущенной.

— Я не хотела вам говорить.

— Ты должна была сказать,— совсем погрузилась Дороти.

— Какое это имеет значение,— возразила Лилли.

— Никакого,— согласилась мисс Дэлглиш.— Лилли не позволила мне сообщить о причине нашего торжества заранее, но я настояла, чтобы она объявила об этом здесь, за столом.

Мы пожелали имениннице много-много счастья, но Лилли не поблагодарила нас — она сидела молча, не отрывая глаз от тарелки.

— Лилли не хотела справлять день рождения, — добавила мисс Дэлглиш, и снова у меня возникла мысль, будто она защищается, а Лилли, не вымолвившая ни слова, нападает на нее.

Я словно услышал отголоски бесконечных, запутанных, тщательно скрываемых споров, и меня интересовало, касались ли они будущего Лилли. Думая об этом и наблюдая за пожилой леди и ее воспитанницей, я в конце концов решил, что Лилли мечтает поступить в университет, а мисс Дэлглиш ее туда не пускает. У меня уже не оставалось в этом сомнений, и я догадался, что имела в виду Дороти, когда говорила о секретах подруги и о своем желании поддержать ее. Конечно, она поддерживала стремление Лилли поступить в университет, в этом я вместе с Дороти был полностью на стороне младшей Стьюбек. Но, только прочтя записи Лилли в черной тетради, я обнаружил, что наоборот — мисс Дэлглиш собиралась послать воспитанницу в университет, а та не хотела уезжать в Мельбурн, и мне кажется вполне естественным, что Лилли стремилась сама решить свою судьбу — с одними предложениями пожилой леди соглашалась, а другие отвергала напрочь.

— Очень вкусный торт, — нарушил я тягостное молчание.

— Я передам это миссис Питерс. Она будет рада, — откликнулась мисс Дэлглиш. — Лилли, наполни, пожалуйста, чайник и подай гостям чистые чашки.

Девушка повиновалась; напрасно я думал, что она обиделась на свою покровительницу, лицо Лилли оставалось спокойным — очередная загадка для меня. Всегда ожидаешь от нее одного, а она поступает по-иному.

— Я принесу тебе подарок завтра, — пообещала Дороти.

— Нет, ни в коем случае, — отрезала Лилли. — Мне ничего не нужно.

— Но это же невежливо, — возразила Дороти.

— При чем тут вежливость, — ответила именинница. — Давай не будем больше об этом говорить.

Мы посмеялись над кое-кем из знакомых, поговорили о последнем пожаре, пока не пришло время прощаться.

— Лилли, принеси корзину для Кита и цветы для Дороти, — приказала мисс Дэлглиш.

Лилли сходила на кухню и вернулась с корзиной фруктов и пышным букетом хризантем. Она протянула мне фрукты (точно такие же зрели в нашем саду), а цветы отдала подруге.

— Спасибо, что навестили нас,— проговорила мисс Дэлглиш.— Надеюсь, скоро вы придете к нам опять.

Мы поблагодарили хозяйку дома; Тилли принялся лаять, почуяв, что гости собираются уходить. Лилли решила взять его с собой и сказала об этом мисс Дэлглиш.

— Я провожу Дороти,— предупредила она.

— Хорошо, только захвати ключи и запири за собой ворота.

Мы вышли из особняка, Лилли заперла ворота на замок, и мне показалось, будто перед нами упал мост через глубокий ров и мост этот поднимется вновь, лишь только мы ступим с него на землю.

— Тебе понравилось у нас, Кит? — спросила Лилли, когда мы остановились, перед тем как разойтись в разные стороны.

— Все было чудесно. Честное слово,— ответил я.— Наконец-то увидел ваши статуи.

— Не говори никому о том, что я собираюсь принять постриг, ладно? — предупредила Дороти.

— Кит умеет молчать,— сказала Лилли, и я любил ее в это мгновенье.

Любил как друга. Ведь мы и были всего лишь друзьями, и слова Лилли, произнесенные в тот вечер, подтвердили, как мы доверяли друг другу.

— Спокойной ночи, Кит,— попрощались со мной девушки.

— Спокойной ночи,— ответил я и направился домой, раздумывая о Лилли.

Несомненно, ее ожидала нелегкая судьба, но всякий раз при встрече с Лилли мне казалось, что счастье вот-вот ее обласкает. Конечно, усилия пожилой леди и стремление Лилли сохранить независимость принесут благие плоды на радость им обоим.

Однако мои надежды не оправдались, ибо примерно через неделю после дня рождения Лилли в Сент-Элен возвратились Стьюбеки, и жизнь ее пошла по иному руслу, словно она оказалась не в силах поступить вопреки велению собственной совести, совести Лилли Стьюбек, оставшейся верной себе.

Глава десятая

Первым о близком приезде Стьюбеков сообщил Лилли ее давний недруг Поли Хаулэнд.

— Я видел твою старуху в Нуахе! — крикнул он Лилли через улицу. — Она хочет забрать тебя.

Мальчишка Поли Хаулэнд превратился в расплывшегося молодого человека и помогал отцу управляться с аптекой. Поли старательно разыгрывал из себя славного общительного парня, достойного всеобщего уважения, но мы не то чтобы презирали, нет, скорее, жалели его, ибо родители изуродовали любимое изнеженное чадо, которое с удовольствием делало людям мелкие пакости.

— Ты слышала, Лилли? — прокричал он вдогонку девушке, не обратившей на него никакого внимания.

Поли знал, что Лилли больше не мстила своим обидчикам, но, когда она остановилась на миг и обожгла его взглядом, он струсил, глупо рассмеялся и поспешно скрылся в аптеке. Лилли промолчала. Она верила и не верила Поли. В последние годы до нас доходили слухи о том, будто Стьюбеков видели в близлежащих или отдаленных городах, но еще никто не приносил таких вестей из соседнего Нуаха.

Словом, Лилли не удивилась, когда однажды часов в восемь вечера зазвенел колокольчик и, распахнув створки больших ворот, она увидела свою мать вместе с Джекки. Было уже темно, и Лилли не могла как следует рассмотреть поздних гостей, но она сразу поняла, кто к ней пожаловал.

— Нам нужна Лилли, — проговорил маленький Джекки, не отводя взгляда от силуэта девушки, открывшей ворота.

— Это я, — послышалось в ответ.

Лилли писала в черной тетради, что никогда не обижалась на родителей, которые не только оставили ее у мисс Дэлглиш, но еще и потребовали за это деньги. Лилли воспринимала своих родителей такими, какими они были, и не считала, что они обошлись с ней жестоко или дурно. Их поступок вполне соответствовал укладу семьи Стьюбеков, и Лилли просто смирилась с тем, что они

оставили ее у мисс Дэлглиш на несколько лет, ни разу не поинтересовавшись, как она живет, и, возможно, даже ни разу о ней не вспомнив. Теперь же, когда мать с младшим братом вернулись в Сент-Элев, Лилли встретила их довольно равнодушно.

— Впусти нас, — потребовал Джекки.

— Что ж, входите, — пригласила Лилли и широко распахнула ворота.

Стьюбеки прошли в сад, и Лилли со стуком захлопнула тяжелые створки. Она колебалась: провести их в залу через парадный вход или же через заднюю дверь на кухню? Лилли направилась ко входу со двора; открыв решетчатую дверь, она пропустила гостей в ярко освещенную кухню и, окинув их взглядом, ужаснулась.

Лилли помнила мать полной, высокой женщиной в необъятных одеждах; у миссис Стьюбек было крупное, загорелое лицо, сильные руки, железная хватка, властные манеры и громкий голос, вполне подходящий ее осанистой фигуре. А гостя, вошедшая на кухню мисс Дэлглиш, выглядела так, будто тело ее совсем затерялось в изорванной одежде, некогда приходившейся ей впору. Лицо ее, еще несколько лет назад округлое, пышущее здоровьем, теперь поблекло, кожа на щеках обвисла; она по-прежнему хищно обшаривала взглядом стены и углы кухни, но в глазах ее поселилась какая-то пугающая пустота. Миссис Стьюбек с трудом переставляла ноги.

— Я больна, Лилли, — мне надо присесть.

Мать во всем теперь подчинялась маленькому Джекки. Ему уже исполнилось десять лет; это был малорослый, щуплый, но жилистый на вид мальчуган, загорелый до черноты, с уродливыми трехпалыми руками, походившими на рачьи клешни. Джекки казался очень подвижным, хотя его неестественно большие глаза говорили о том, что живет он впроголодь.

— Привет, Лилли, — поздоровался брат.

— Привет, Джекки, — ответила Лилли, заметив, что ее тоже рассматривают; она догадывалась, как удивляется мать, ведь перед миссис Стьюбек стояла взрослая семнадцатилетняя дочь, почти молодая женщина, вежливая, опрятно и хорошо одетая, в ней трудно было узнать дерзкую, озорную девчонку, закрывшую пять лет назад за своими родителями тяжелые дубовые ворота.

— Где хозяйка? — спросила миссис Стьюбек, словно не заметив, как изменилась Лилли.

— Сейчас придет.

— Ты не дашь нам чая и чего-нибудь поесть? — умоляюще проговорила мать. — Мы целый день ничего не ели.

Лилли приготовилась было дать отпор возможным притязаниям матери, но быстро поняла, что перед ней сидит лишь жалкое подобие некогда грозной миссис Стьюбек, поэтому разговаривать нужно с Джекки.

— Зачем вы пришли, Джекки? — обратилась она к брату.

— За тобой.

Лилли все еще рассматривала гостей, но как бы издалека. Она погрузилась в свои мысли.

— Где же хозяйка? — снова встрепенулась мать. — Я хочу поговорить с хозяйкой...

Миссис Стьюбек и босоногий Джекки расположились на кухне так, будто собирались остаться здесь навсегда. Они сидели за столом, не отрывая взгляда от Лилли, которая включила электрический чайник и вышла в залу позвать мисс Дэлглиш.

— Пришла моя мать. Она на кухне.

Мисс Дэлглиш спустилась в кухню и увидела Стьюбеков.

— С чем пожаловали, миссис Стьюбек? — спросила пожилая леди.

Миссис Стьюбек посмотрела на Джекки, словно поручая сыну вести переговоры, особенно с мисс Дэлглиш.

— Нам нужна Лилли, — тихо, но решительно ответил Джекки.

Мисс Дэлглиш даже не взглянула на него.

— Ну, так как? — обратилась она к миссис Стьюбек.

— Мы хотели повидать Лилли. И поесть. Мы ничего не ели целый день.

— Лилли вас накормит, — сказала мисс Дэлглиш, — но если вас послал мистер Стьюбек, то передайте ему, что Лилли не вернется к вам, это мое последнее слово.

И вдруг Лилли, резавшая хлеб и мясо, увидела нечто странное. Ее мать заплакала. Она часто моргала, из глаз лились крупные слезы, руками она беспомощно теребила волосы.

— Мы остались без Мэтти, — всхлипнула миссис Стьюбек. — Потому и пришли за тобой, Лилли.

— А где же ваш муж?

— В Квинсленде, — ответила миссис Стьюбек.

— Лилли незачем отпраиваться с вами в Квинсленд, — отрезала мисс Дэлглиш и покинула кухню.

Миссис Стьюбек повернулась к дочери:

— Ты ведь не знаешь, какая у нас беда...

И Лилли услышала сбивчивый рассказ о том, что позднее стало известно жителям Сент-Элена, я же излагаю злоключения Стьюбеков по дневниковым записям Лилли и по истории, которую поведал мне маленький Джекки.

Для семьи настали черные дни, когда Мэтти посадили в тюрьму за грабеж. Покинув Сент-Элен, Стьюбеки почти пять лет кочевали из города в город и так добрались до Таунсвилла, расположенного на севере штата Квинсленд. Там Мэтти вместе со старшим сыном Бобом попытался очистить гостиницу; без оружия они проникли внутрь здания со двора через окно комнатки, где хранилась дневная выручка — несколько фунтов; коробка с деньгами всегда стояла на конторке.

Кража была мелкой, но Стьюбеков застал на месте преступления сторож, который спал в соседней комнате. Когда он попытался задержать похитителей, кинувшись на них с ручкой от кирки, Боб отнял ее у старика и сбил его с ног. При падении сторож ударился головой о конторку и почти сразу умер. На шум прибежали владельцы гостиницы, они схватили Мэтти, но Бобу удалось бежать.

Боб скрылся, а Мэтти судили за соучастие в тяжком преступлении и приговорили к пожизненному тюремному заключению — наказание по тем временам довольно мягкое, ибо за убийство в Австралии обычно отправляли на виселицу.

Полтора года бродили Стьюбеки по Квинсленду и Новому Южному Уэльсу без Мэтти и Боба, постепенно семья распалась: сначала ушел Джорди, потом одна из дочерей обвенчалась со старателем, который добывал опалы; другой сын (уже взрослый) тоже покинул мать, Элис стала подругой неудачливого боксера. Она исчезла вместе с ним после кулачного поединка на бродячей ярмарке, а забеременевшая Грейс укрылась в маленьком провинциальном городке, чтобы избавиться от плода.

В конце концов с матерью остался только Джекки; попрошайничая, они скитались по Новому Южному Уэльсу, перебиваясь кое-как, пока не заболела миссис Стьюбек. Беспомощные мать и сын брели, толкая перед собой тележку, они пробавлялись нищенством и мелкими кражами; тяжело больная женщина и десятилетний мальчик с уродливыми руками видели спасение только в Лилли — самой умной и жизнеспособной в их многочисленной семье.

Глава одиннадцатая

Стьюбеки снова поселились на Мысе, об этом быстро узнал весь город. Ноги как бы сами привели миссис Стьюбек на прежнее место; к счастью, старый дом оказался пезанятым. Он даже находился в лучшем состоянии, чем раньше, потому что последний его обитатель — Том Джонсон, безработный бродячий плотник, вместе с двумя детьми подправил фасад, используя отслужившие свое рамы, двери и доски от других обветшалых домов. Он замесил речную глину и сделал на кухне гладкий прочный пол. Том был масоном; когда местные «вольные каменщики» подыскиали ему жилье получше и работу, он покинул Мыс.

Итак, миссис Стьюбек и Джекки вернулись назад; по улицам Сент-Элена, по задним дворам магазинов, кондитерских и мясных лавок, маслозаводика и сыроварни принялся швырять десятилетний побирушка — юркий трехпалый Джекки; он толкал перед собой тележку, резво бежавшую на велосипедных колесах. Горожане, которые узнали о судьбе Мэтти и болезни миссис Стьюбек, жалели несчастную женщину. Все понимали, каково жить в старом доме на Мысу, а неаккуратные.bestолковые мать и сын могли опять превратить его в грязную развалину.

Но больше всего сент-эленцы судачили о Лилли, за которой с любопытством следили в городе. Как отнесется она к матери и брату?

Лилли вполне представляла себе, что ее ожидает, когда отправилась в дом на Мысу; она увидела там знакомую с детства грязь и голые стены, ни мебели, ни какого-либо имущества не появилось, если не считать подозрительного вида одеял, а также кастрюль и сковородок, привезенных братом на тележке. В комнате на полу валялся грязный матрас — на нем подолгу отлеживалась мать, а на кухне стояли ящики из-под фруктов, служившие столами и стульями. В хижине имелась лишь одна лампа-молния, дров не хватало, как не хватало и еды, которую мать и сын выпрашивали (или ее приносила Лилли). До-бытчиком в доме был маленький Джекки, а миссис Стьюбек могла только сварить картошку, поджарить лук да

поддержать огонь в печи, неизменно жалуясь, что Джекки приносит слишком мало дров.

Несколько дней Лилли раздумывала над тем, как ей поступить, и однажды вечером перебралась на Мыс, захватив кое-какую одежду в старом кожаном чемодане мисс Дэлглиш. На следующее утро Лилли пошла на главную улицу искать работу. На ее счастье, городской фотограф Джек Бейли рассчитал свою помощницу, и Лилли заняла ее место. Перемены, происшедшие в жизни Лилли, были такими же неожиданными и резкими, как и те, что некогда свели ее с мисс Дэлглиш; мы удивлялись, что мисс Дэлглиш не удержала свою воспитанницу, но еще удивительнее казалось нам решение Лилли. В нашей семье, как и почти во всех других домах, много говорилось об этом.

— Не понимаю, зачем Лилли переехала на Мыс? — недоумевала мама. — Разве мисс Дэлглиш не в силах что-нибудь предпринять?

— А что именно? — спрашивал отец. — Мисс Дэлглиш остается только одно — взять на себя уход за миссис Стьюбек и Джекки, но тогда ей пришлось бы нести этот крест до самой смерти; не думаю, чтобы мисс Дэлглиш сумела справиться с такой обузой, как трое Стьюбеков.

— И все же Лилли поступила слишком опрометчиво. Просто голова кругом идет.

— А что ей было делать? — вопрошал мой отец. — Кто-то же должен присматривать за матерью и братом, кормить их.

— По-моему, мисс Дэлглиш могла бы найти какой-то выход, чтобы Лилли закончила школу.

— Чем тут поможешь? Разве что нанять кого-нибудь для ухода за миссис Стьюбек, но на это в городе никто не согласится.

— Ты говорил с девочкой, Кит? — обратилась ко мне мама.

— С Лилли?

— Ну да, с Лилли.

— Нет, не говорил. Мы не виделись с тех пор, как она ушла из школы.

— Все это неправильно, — стояла на своем мама.

Мы тоже так считали, но ничем не могли облегчить участь девушки. Однажды мисс Хейлз, старшая преподавательница, навестила Лилли на Мысу. Учительницу потрясла развалюха, в которой ютились Стьюбеки, но Лилли заявила, что ее дела никого не касаются. Мисс Хейлз

была не в силах ни помочь Лилли, ни предложить какой-то выход, поэтому, вернувшись с Мыса, она обратилась к мисс Дэлглиш. Но та сказала лишь, что решение Лилли было добровольным, а кроме того, сама она (то есть мисс Дэлглиш) вряд ли сможет что-нибудь изменить. Мисс Хейзел сообщила потом Дороти Мэлоун, что пожилая леди, несомненно, очень переживает уход воспитанницы и даже не хочет об этом говорить.

— Они обе слишком упрямые, — поделилась со мной Дороти, — ничего тут не поделаешь. Они поэтому и расстались друг с другом. Из-за упрямства.

И снова город сгорал от любопытства, наблюдая за Лилли. Теперь ее видели в новой роли — помощницей городского фотографа, впрочем, для недоброжелателей она опять превратилась в прежнюю Стьюбек — «цыганку» и побирешку. Каждое утро Лилли проходила по главной улице к ателье Джека Бейли и продавала пленку, принимала ее для проявления и печати, оформляла заказы на фотографии свадеб, крестин и прочих торжеств, а после обеда шла вместе с хозяином (он один в Сент-Элене носил бороду) в темную комнату, где училась проявлять и печатать снимки. Лилли получала двадцать пять шиллингов в неделю, которых троим Стьюбекам едва хватало, чтобы не умереть с голода.

Девушка оставалась чистой и опрятной, хотя было совершенно непонятно, как ей это удавалось при жизни на Мысу; у нас даже гадали, на сколько хватит у нее сил и средств, чтобы поддерживать порядок. Миссис Стьюбек на улицах города больше не появлялась, будто раньше ее удерживали на ногах заботы, а теперь, когда Лилли взяла их на себя, силы у матери совсем иссякли. Джекки по-прежнему всюду сновал с тележкой; девушка закрывала на это глаза, потому что Стьюбеки не могли прожить без его добычи: старой картошки, яиц, мясных обрезков, дров, прокисшей пахты, за которыми некогда охотилась и сама Лилли.

Однажды вечером на Мыс пришел сержант Коллинс, он спросил у девушки, почему Джекки не учится, ведь ему исполнилось десять лет. На другой день, вручив брату карандаш и тетрадь, Лилли отвела его к Гудиле, которая еще преподавала в начальной школе. Лилли строго наказывала ему оставаться в классе и не убегать с занятий. Но Джекки был вольной птичкой, после первого же урока он выпорхнул на свежий воздух и принялся слоняться по закоулкам. На следующее утро Лилли снова пришла с ним

в школу, однако малыш опять сбежал с уроков, и она махнула рукой на брата, а тот спокойно продолжал бродить по улицам со своей тележкой до тех пор, пока его не вызвали в городской суд.

После возвращения на Мыс Лилли вела безнадежную борьбу с нуждой, потому что на свой заработок могла купить только немного еды и керосина для лампы; близился холода, а в доме не было даже кровати — лишь матрац и два одеяла на полу, мать и брат встречали зиму без теплой одежды. Веника, чтобы подмести пол, и того не было. Брату не хватало силенок натаскать достаточно дров, чтобы поддержать в печке огонь. В довершение ко всему Лилли приходилось ухаживать за матерью, которая редко чувствовала себя сносно, — тогда она готовила обед и приносила воду с реки, но чаще миссис Стьюбек беспомощно сидела у очага или лежала на матраце.

При нынешнем социальном обеспечении, здравоохранении и благотворительности трудно представить себе то время, когда в Австралии всего этого не было и в помине; в нашем городке имелось лишь несколько женских обществ при церквях, которые в основном раздавали беднякам старую одежду и жестянки с постным томатным супом. Хотя миссис Стьюбек болела уже давно, она, как, впрочем, и другие Стьюбеки, никогда не обращалась к врачу. Откуда взять деньги, чтобы заплатить за визит, да и какая от него польза? Но Лилли отвела мать в городскую больницу, где несколько раз в неделю принимали пациентов два местных доктора. Лилли, работавшей с одним выходным, пришлось отпроситься на полдня, потеряв в зарплате; доктор Келли осмотрел миссис Стьюбек и нашел, что у нее плохо с печенью и увеличена селезенка; он выписал лекарство и посоветовал больной не вставать с постели.

Многих из нас восхищало мужество Лилли, заботившейся о Джекки и матери, но когда наши дамы выражали ей свое сочувствие или начинали расспрашивать девушку, она отвечала им резко и односложно. Кстати, мы заметили, что Лилли начала вновь дерзить окружающим, — это была первая перемена в ней, бросающаяся в глаза. Помощь благотворительниц Лилли принимала без особой признательности. Мы наблюдали возрождение прежней Лилли, хотя за годы жизни с мисс Дэлглиш она стала достаточно вежливой и гораздо более терпимой к людям.

Непостижимой оставалась для нас мисс Дэлглиш.

Мы не догадывались, что произошло между ней и Лилли, хотя и были уверены — ни одна из них не поступится своими принципами. Они прожили вместе шесть лет, и в городе считали их чуть ли не родными, однако лишь после ухода Лилли мы по-настоящему поняли, как они были близки и необходимы друг другу. Все в Сент-Элене говорили о том, что Лилли многим обязана мисс Дэлглиш и должна быть ей благодарна. Однако надо было хорошо знать обеих, чтобы уяснить себе, почему Лилли решилась переехать на Мыс и почему мисс Дэлглиш отнеслась к этому с кажущимся спокойствием. На самом деле мы стали свидетелями очередного эпизода их упорной борьбы.

Нам было грустно смотреть, как субботним утром мисс Дэлглиш шествует в одиночестве по улице. Ее размолвка с Лилли казалась нам «трагедией». И тем не менее мы полагали, что все для них закончится благополучно, подобно тому как завершались семейные ссоры в нашем городке — либо Лилли вернется к мисс Дэлглиш, либо та найдет способ помочь Стьюбекам.

Глава двенадцатая

Однажды воскресным утром мы увидели, как мисс Дэлглиш спускается на Мыс с Тилли на поводке. До сих пор она ни разу не бывала в доме Стьюбеков; во дворе пожилая леди застала Лилли — девушка стирала в поставленном на ящик эмалированном тазу.

— Я привела Тилли, — проговорила мисс Дэлглиш; песик взволнованно прыгал у ног прежней хозяйки и радостно лаял. — Тебе надо было сразу взять его с собой.

Лилли наклонилась и ласково погладила Тилли по носу.

— Тилли нельзя здесь оставаться, — ответила она. — Мне некогда за ним смотреть.

— Тебе придется его взять, — настаивала мисс Дэлглиш. — Я собираюсь уехать из города, а миссис Питерс с ним не справится.

— Вы надолго уезжаете? — спросила Лилли.

— Я пробуду в Европе не меньше года, — сообщила пожилая леди, — и было бы жестоко держать Тилли все это время под замком, дома или в саду. Позаботься о нем.

— Ладно, — согласилась Лилли.

— Почему ты в школьной форме? — поинтересовалась мисс Дэлглиш.

— Чтобы не трепать платья, — пояснила Лилли.

— Мне хочется зайти в дом, — сказала мисс Дэлглиш, хотя уже по виду Лилли, лачуги и двора она с беспощадной ясностью поняла, как живут Стьюбеки.

Лилли догадывалась, что увиденное коробит мисс Дэлглиш.

— Я не хочу, чтобы вы входили в дом, — твердо сказала она.

— Почему?

— Потому что бедность омерзительна.

— Я предпочитаю увидеть все своими глазами, — ответила мисс Дэлглиш и переступила порог.

К этому времени Джекки успел раздобыть сломанное кресло, две табуретки и стол, сбитый из сосновых досок, но в спальне на полу валялся только матрац, никакой мебели не было. Лилли попыталась навести в доме порядок (разложила продукты по ящикам, развесила на гвоздях одежду), но все равно грязный пол на кухне и запачканные стены обеих комнат неприятно поразили мисс Дэлглиш. Миссис Стьюбек сидела возле печи в провалившемся старом кресле; увидев гостью, она с трудом поднялась.

— Присаживайтесь, мэм, — указала больная женщина на одну из табуреток.

— Нет, нет, спасибо. Я сейчас уйду.

Мисс Дэлглиш шагнула вперед, обвела взглядом жилище и вернулась к двери.

— Вам немного лучше? — спросила она миссис Стьюбек.

— Я не могу ходить, — пожаловалась больная. — Пришлось все свалить на Лилли.

Внезапно миссис Стьюбек встревожилась:

— Вы не собираетесь забрать Лилли?

— Конечно нет. Я только привела собаку.

— Не надо забирать дочку, мэм, — умоляюще проговорила миссис Стьюбек. — Вы ведь не обидите нас, правда?

— Я пришла сюда не за вашей дочерью.

— Я умру без Лилли, — жалобно сказала миссис Стьюбек и заплакала.

— Никто не собирается отнимать у вас дочь, — с раз-

дражением повторила пожилая леди и вернулась во двор к Лилли, которая так и не согласилась проводить ее в дом.

— Это ужасно,— сказала она Лилли, продолжавшей стирать.

— Я же просила вас не заходить к нам,— ответила девушка.

— Ты губишь себя,— не выдержала пожилая леди.— Растрачиваешь свою жизнь.

— Вы правы,— согласилась Лилли.

— Ни мать, ни Джекки не стоят твоей жертвы.

— Ну и пусть,— спокойно проговорила Лилли, наблюдая за песиком, который вырвался на свободу и носился по берегу реки, обнюхивая мусор. Неожиданно возле дома показался Джекки с тележкой: в ней лежали поленья и сучья, украденные или подобранные где только можно.

— Добрый день, мисс Дэлглиш,— поздоровался Джекки с пожилой леди — запросто, будто со своей старой знакомой. На нем были рваные короткие штаны, которые держались на подтяжках, прикрепленных к поясу загнутыми гвоздями. Он разгуливал босиком, ноги мальчика не знали, что такое носки и ботинки; Джекки напоминал забавного песика, застывшего на задних лапках перед большой собакой.

— Ступай прочь,— сердито бросила мисс Дэлглиш.

Только прочитав в дневнике Лилли об этом визите, я понял, как мисс Дэлглиш относилась к Джекки и его матери. Они просто не существовали для нее или не имели права существовать, мисс Дэлглиш не желала впускать их в свою жизнь и считала, что они с Лилли могут со спокойной совестью предоставить больную женщину и ее калеку сына самим себе. С таким же равнодушием мисс Дэлглиш взирала на всех жителей Сент-Элена.

Я хочу напомнить (об этом писала Лилли в дневнике), что мисс Дэлглиш, владевшая солидным состоянием, вела обычный для людей ее круга образ жизни, следуя простой и жестокой логике богачей, тогда как мотивы поступков Лилли были более сложными и запутанными. На первый взгляд девушка возвратилась на Мыс по вполне понятной причине: она не могла оставить больную мать на попечение десятилетнего Джекки, который сам нуждался в присмотре. Но дело было не только в этом, ибо уход Лилли был своеобразным протестом против всех попыток мисс Дэлглиш полностью подчинить ее себе.

Мисс Дэлглиш попрощалась с Лилли и размеренными шажками направилась по пыльной дороге обратно в город.

Лилли смотрела ей вслед, пока она не скрылась из вида. Потом девушка спустилась к излучине, где мы обычно купались летом, и села на берегу, рассматривая разбухшую зимнюю реку, серую и бурную. Лилли долго оставалась у самой воды, там ее и нашел песик. Девушка гладила Тилли, пока это ему не надоело и он не убежал прочь. Тогда Лилли вернулась домой, где ее ждала стирка — полный таз штанов, чулок, лифчиков, рубашек и сваленного в кучу рваного шерстяного белья; она старательно приобщила мать к гигиене.

Пожалуй, этот день стал для Лилли особенным, он завершал целый период в ее жизни, поскольку после отъезда мисс Дэлглиш началось неуклонное отступление Лилли в борьбе с нищетой. Во время отсутствия мисс Дэлглиш ее воспитанница все заметнее превращалась в прежнюю Лилли, которая жила в городе сама по себе, не с ним, но и не против него, всегда начеку и всегда одна. Перемены в облике Лилли бросались в глаза. Поизносились одежда, да и как было оставаться опрятной в доме без электричества, воды, туалета, без платяного шкафа, где кухонька донельзя замызгана, а во дворе — грязь. Денег на порошки для стирки не хватало, да и чистые вещи гладить было нечем, поэтому Лилли носила мятые платья. Обувь расплывалась с пугающей быстротой, а юбки и свитера поневоле покрывались пятнами от грязи на кухне или во время работы в фотолаборатории.

Нет, Лилли не опустила руки. Она вела себя так, будто дела ее шли нормально, а сама она никогда не жила у мисс Дэлглиш в других условиях, словом — никаких жалоб, никаких признаков раскаяния. В то же время Лилли отнюдь не была смиренной нищенкой. Напротив, она, как и в детстве, не стеснялась брать все, что ей могло пригодиться, не стеснялась и принимать подарки, впрочем, Лилли принимала их без особой благодарности или признательности. Это, пожалуй, более всего огорчало тех, кто ждал от нее благородных страданий или служения высоким идеалам. Лилли брала все, что давали, и даже «спасибо» не говорила. Поэтому в городе многие смотрели на нее как на отщепенку, достойную не сочувствия, а презрения. Недаром она слыла «цыганкой».

А тут еще Джекки. Его вновь дважды водворял в школу сержант Коллинс, на третий раз миссис Стьюбек вызвали в городской суд. Вместо матери на заседание явилась Лилли, которая пообещала заставить брата учиться и не пропускать уроки. Однако несколько недель спустя на Мыс

снова пришла повестка; теперь Лилли предупредили: если Джекки не будет ходить в школу, суд может принять постановление об опеке, а значит, мальчика отправят в Бендиго, где находился приют, уж там за ним присмотрят.

— Вы все поняли, Лилли?— спросил судья Бейдуэлл.

— Да, сэр,— ответила она.— Поняла.

— Его увезут из Сент-Элена.

— Я знаю.

— А тебе понятно, Джекки?— обратился он к мальчику.

Тот молча кивнул.

— Простишься с домом, если не будешь ходить в школу. Надо ее посещать, вот и все. Ясно?

— Да, сэр,— выдохнул Джекки.

Не знаю, как удалось девушке убедить брата. Но я уверен — она не била его, не щипала подобно Мэтти и не вцеплялась в него железной хваткой миссис Стьюбек. Я никогда не слышал, чтобы брат с сестрой спорили — они, казалось, всегда прекрасно ладили друг с другом. На сей раз Лилли сумела уговорить Джекки, и он прекратил прогуливать занятия, хотя вряд ли чему-нибудь научился в школе.

Это тоже разочаровало тех горожан, которые надеялись, что годы, проведенные с мисс Дэлглиш, не прошли для Лилли бесследно. Они ждали, что Лилли превратит брата из побирушки в эдакого пай-мальчика, который, несмотря на бедность, вырастет благонравным и учтивым. Но Лилли ничего подобного делать не собиралась, и теперь ее винили за каждый проступок Джекки. Миссис Стьюбек в расчет не принималась, ибо о ней думали, что она уже не жилец на белом свете.

Помнится, я тоже был недоволен тем, что Лилли не пытается уберечь брата от незавидного удела, который, судя по всему, его ожидал. Я любил Джекки, потому что любил Лилли, точнее, я любил его за ту же, что у нее, неукротимую волю к жизни.

В отличие от остальных Стьюбеков Джекки был заядлым рыболовом; в последние дни лета я показал ему места, где хорошо клевало, научил насаживать наживку и закидывать леску. Через несколько уроков Джекки настолько преуспел, что уже не отставал от меня; иногда он устраивался рядом и начинал рассказывать о своих приключениях, пережитых по пути из Квинсленда в Сент-Элен. Тогда я и услышал историю о том, что натворил Мэтти и как его судили.

Джекки вовсе не страдал из-за своих трехпалых рук. Они были тонкие, слабые, с узкими запястьями, однако его худые пальцы отличались необычайным проворством, и я не мог отвести от них взгляда, когда Джекки насаживал червяка, забрасывал леску или снимал с крючка пойманную рыбешку. Джекки редко сидел на месте, и беспокойный Тилли привязался к нему, охладев к своей прежней хозяйке, потому что окунулся в желанную стихию и стал верным другом уличного побирушки, делавшего все, что ему заблагорассудится. Шерсть у Тилли висела теперь грязными лохмами, нрав у него стал еще независимее. Лаял Тилли, если хотел лаять, и когда Джекки уходил на занятия, а Лилли была на работе, песик носился по всему городу, но к четырем часам усаживался возле школьных ворот, поджидая Джекки. В общем, Тилли превратился в еще одного Стьюбека и так привык жить по-стьюбекски, что мы воспринимали его как полноправного члена этого поредевшего семейства.

Я даже не представлял себе, насколько ухудшилось положение обитателей Мыса, насколько трудно им было прокормиться на двадцать пять шиллингов в неделю, пока не узнал об этом однажды ночью, когда меня разбудила Лилли и попросила ей помочь.

Я всегда спал на веранде, даже зимой; около двенадцати я проснулся от тычка в бок.

— Проснись, Кит,— услышал я голос Лилли,— ну проснись же, умоляю тебя. (Она все еще пользовалась выражениями из словаря мисс Дэлглиш.)

— Ты что?— возмутился я, вскочив от неожиданности и испуга.

— Я бужу тебя, а ты как бревно,— ответила Лилли.

— Тсс...— прошептал я.— Что случилось?

— Джекки попал в капкан, и я не могу его освободить.

— Где попал?

— У Кэрроллов.

Кэрроллы жили за ипподромом, дальше уже тянулась пустошь. До этого места было минут пять ходьбы; когда Лилли упомянула о Кэрроллах, я догадался, что Джекки пытался украсть цыплят.

— Что с Джекки?

— Я же тебе сказала,— нетерпеливо ответила Лилли.— Он попал в капкан для лис, и я не могу его освободить. Ты должен помочь, пошли скорее.

Моя одежда осталась в комнате. Я потихоньку открыл

застекленную дверь, взял брюки, натянул их на пижаму, сунул босые ноги в ботинки и присоединился к Лилли, поджидавшей меня возле кровати.

— Скорее,— торопила она.— Ему больно.

— Ладно,— сказал я,— только ради бога не поднимай шума.

Мы прокрались на цыпочках по веранде, а на дорожке Лилли дернула меня за рукав и побежала; я испытывал безотчетную тревогу и страх, когда несясь, задыхаясь, по вымершим улицам полночного города. Лилли протащила меня через живую ограду ипподрома, и мы, тяжело дыша, поползли вдоль сетки вокруг участка Карроллов.

— Джекки! — позвала Лилли.— Мы здесь.

В сетке была дыра, вернее лазейка, специально проделанная у самой земли, чтобы лиса могла ее отыскать. Эту лазейку и нашел Джекки. Он лежал на боку, я склонился над ним и заметил, что его левая рука повала в стальной капкан, прикрепленный цепью к заборному столбу.

— Как это тебя угораздило? — спросил я Джекки, пробуя разомкнуть створки капкана.

— Хотел пролезть к Карроллам, сунул руку, а там — ловушка.

Мальчик плакал, ему было очень больно.

— Я уже пробовала открыть,— проговорила Лилли, наблюдая, как я вожусь с капканом,— но ничего не вышло.

Лилли держалась спокойно, даже слишком спокойно, и, хотя я не ожидал от нее ничего другого, мне было ясно, что крепилась она ради брата.

Я видел подобные ловушки, но никогда ими не пользовался. Это был хитроумный лисий капкан. В отличие от кроличьего он захватывал только лапку зверька, чтобы не повредить ценной шкурки; правда, захлопывался лисий капкан с большой силой. Два зажима, образующие цилиндр, обхватывали лапку лисы. Рука Джекки очень плотно сидела в цилиндре, потому что была толще лисьей лапы. Я попытался раздвинуть створки капкана, но пружина оказалась слишком тугой.

— Так не получится,— сказала Лилли.

Я попробовал оторвать цепь — так удобнее было бы возиться с капканом, но ее накрепко приколотили к столбу. Одна из собак Карроллов залаяла.

— Тихе,— прошептала Лилли.

Я знал, что нужно найти запор, который держал зажимы, но в темноте ничего не было видно. Я наклонился пониже и принялся опупывать ловушку, пока пальцы не

наткнулись на стальную пластинку. Я поднял запор и попытался раздвинуть створки, но пружина не поддавалась.

— Скорее,— торопила Лилли.— Собаки всполошились, и Джекки совсем плохо.

— Мне не плохо,— возразил Джекки, но я понял, что долго ему не выдержать. Джекки был слабее, чем казался на первый взгляд.

— Я надавлю на пружину, а ты разводи створки,— попросил я Лилли.

Я наступил ногой на цилиндр и нажал на стальной язычок; пружина наконец поддалась.

— Открывай, только не прищепи пальцы,— приказал я Лилли.

— Не отпусти пружину,— предупредила она.

Я снова надавил.

— Тащи руку! — прикрикнула на Джекки сестра.

Джекки выдернул руку. Я убрал ногу, и капкан захлопнулся, зло щелкнув стальными челюстями.

— Покажи руку,— попросил я.

Даже в темноте я увидел, что она сильно порезана, помята и залита кровью. Джекки стонал, поддерживая ее здоровой рукой.

— Ему нужно в больницу,— сказал я Лилли.

— Не надо,— запротестовал Джекки.— Я потерплю.

— Слушай, Кит,— зашептала Лилли, потому что вновь забрехали собаки,— ты можешь поставить капкан, как прежде?

— Наверное, смогу.

— Тогда поставь. Не хочу, чтобы Кэрроллы увидели его открытым.

— Почему?

— Они поймут, что здесь был Джекки.

— Только помоги мне,— сказал я Лилли.

Я с трудом взвел капкан, пружина дважды срывалась, и Лилли чуть не осталась без пальцев. Потом я сунул капкан под ограду и присыпал песком, уничтожив наши следы. Собаки лаяли взахлеб и могли разбудить Кэрроллов, жаждавших поймать злополучную лису; мы припустились вдоль забора и продрались сквозь кустарник к безлюдной дороге.

Джекки совсем ослабел.

— Нужно что-то сделать с его рукой,— сказал я Лилли.

— Хорошо. Только давай доберемся до дома.

Полубегом миновав улицы, мы, наконец, спустились по грунтовой дороге к реке; Джекки повис у нас на руках,

я поддерживал его с одной стороны, Лилли — с другой; когда она открыла дверь на кухню, оттуда выскочил Тилли — он с лаем кинулся к Джекки, но Лилли, шлепнув песьяка, прикрикнула на него. Она зажгла керосиновую лампу и усадила брата на табуретку.

— Положи руку на стол, — сказала она.

При свете керосиновой лампы мы осмотрели руку, и, хотя она была покрыта грязью, я разглядел, что раны не слишком глубокие.

— Можешь пошевелить пальцами или кистью? — спросил я.

Стиснув зубы, Джекки согнул руку и пальцы — значит, кости были целы. Я ждал, что Лилли вскипятит воду, чтобы промыть раны, однако Стьюбеки лечили по-своему. Девушка взяла луковицу, разрешила ее на две части и половинкой, как тампоном, тщательно очистила порезы, не обращая внимания на отнюдь не луковые слезы, бежавшие по чумазым щекам брата.

— Сейчас поищу чем перебинтовать, — проговорила Лилли.

Она вышла в комнату (оттуда доносился храп миссис Стьюбек) и возвратилась с бумажным пакетом, набитым выстиранными доскутами (только повзрослев, я догадался об их истинном назначении). Лилли аккуратно нарезала кружочками другую половину лука и разложила их на доскутке, которым обернула руку Джекки, стянув тугим узлом концы повязки.

Лилли не говорила жалостливых слов, не утешала брата, и он переносил боль терпеливо, без хныканья.

— Иди спать, — сказала ему Лилли.

Джекки ушел, и я вдруг увидел слезы, стоящие в глазах девушки. Я знал, что она плачет от лука, но Лилли смутилась и, отвернувшись от меня, утерлась ладонью.

— Зачем он туда сунулся?

— Это тебя не касается, Кит, — отрезала Лилли, давая понять, что мне лучше не вмешиваться в их дела.

— Ладно. Ладно. Вы, наверное, совсем чокнулись.

— Они не имеют права ставить капканы в городе, — проговорила Лилли.

— Но Карроллы ставили его на лису.

— Ты думаешь? — с горечью спросила Лилли.

Нетрудно было догадаться, что произошло. Джекки, несомненно, не раз наведывался в курятник мистера Каррол-

ла, и, полагая, что цыплят таскала лиса, хозяин поставил капкан, чтобы ее поймать. Меня только удивило сначала, что Лилли помогала брату в этом деле, но я понял, как они нуждались, если уж Лилли отваживалась на ночные набеги во владения Кэрроллов.

— Ты никому не расскажешь, а? — спросила Лилли.

— Сама знаешь, что нет.

— Если кто-нибудь узнает, куда лазил Джекки, его увезут в приют. Все только и ждут этого.

Лилли была права.

— Ну кому я скажу? — успокоил я девушку.

— У тебя кровь на пиджаке, — показала она, — и мать спросит, откуда пятно.

— Черт побери! — воскликнул я, придумывая, что бы сказать маме.

— Соври, что у тебя шла из носа кровь, — посоветовала девушка.

Я искренне рассмеялся.

— Мне бы никогда в голову не пришло, — сознался я и внезапно услышал тихий плач, доносившийся из соседней комнаты. — Отведи Джекки в больницу, — снова посоветовал я.

— Только утром, — ответила она. — Если придти сейчас, ко мне пристанут с расспросами.

— А как ты им объяснишь?

— Скажу, что он устанавливал капкан на кроликов.

— У тебя есть аспирин или какое-нибудь другое лекарство?

— Нет. Сейчас ему очень больно — лук печет, но потом станет легче. Спокойной ночи, Кит, — попрощалась со мной Лилли.

— Спокойной ночи, Лилли.

Она не поблагодарила меня, да я этого и не ждал; по дороге домой я думал о Лилли с каким-то новым восхищением, ведь раньше мне, как и многим другим, ее самопожертвование представлялось чем-то само собой разумеющимся. Удивительно, но тогда мы были чересчур уверены в ней, ничуть не сомневаясь в том, что она выполнит свой долг до конца. Однако эта вроде бы лестная для Лилли уверенность оказывала ей плохую услугу, ибо мешала нам разглядеть, насколько тяжело было девушке управляться с большой матерью и братом.

Если бы Лилли просила о помощи или была бы признательнее за нее людям, то и город, возможно, проявил

бы к ней больше внимания и участия, но она была слишком независима, слишком неприступна и поэтому не могла вызвать к себе сочувствие. Да она и не хотела его. Об этом я размышлял, ложась спать и спрашивая себя, на долго ли еще ей хватит сил.

Глава тринадцатая

Приблизительно в это время в нашем городе поселился человек, которому предстояло сыграть особую роль в жизни Лилли; они познакомились случайно на углу улицы близ фотоателье.

Незнакомца звали Авраамом Дэвлином, уже его имя и фамилия говорили сами за себя. В фамилии «Дэвлин» было что-то ирландское и новозаветное, зато в ветхозаветном патриархальном Аврааме слышались отзвуки гневного библейского грома. Мне всегда чудилось, что Дэвлина мучили какие-то сомнения, а поэтому он был человеком мягким, порой беспомощным и наивным, хотя и обладал твердыми убеждениями.

Дэвлин приехал в Сент-Элен по приглашению местной газеты «Сентинл», которой требовался репортер; он не казался мне настоящим газетчиком, впрочем, теперь-то я знаю, какие они бывают разные, ибо позднее сам занял его место. Выглядел он довольно нелепо. Пиджак был ему не по росту, да и брюки коротковаты. Дэвлин поражал нас своей рассеянностью: иногда он приветливо раскланивался с вами и, видимо, помнил о вас решительно все, а в иные дни вовсе не замечал или даже не узнавал, хотя неизменно оставался вежлив и никому не причинял вреда.

Местные зубоскалы быстро поняли, что могут безнаказанно оттачивать на нем свое остроумие; они донимали Дэвлинка своими шуточками над его длинными волосами, пыльными ботинками (на размер больше, чем надо), над его по-детски чистыми голубыми глазами, устремленными куда-то вдаль. Но это было лишь началом. Дэвлин приобрел подержанный велосипед, весьма нелепый на вид, под стать своему хозяину; я так и запомнил его с насосом в руках — Дэвлинку то и дело приходилось накачивать

шины, которые спускали и озорные мальчишки и взрослые балагуры.

— Кит, почему они не оставят в покое мой велосипед?— спросил меня однажды Дэвлин; он задержался на несколько минут в конторе моего отца и, выйдя на улицу, обнаружил, что шины опять сели.

— Кто их знает,— ответил я.

— Лет до десяти — это еще понятно, но потом уже глупо.

— Вас просто дразнят,— пояснил я.

— Нет, тут, видно, что-то другое,— не согласился Дэвлин и затем поступил так, как мог поступить только он. К углу веранды был прислонен еще один велосипед; на нем прикатил Рон Харди — владелец магазина граммофонных пластинок. Дэвлин подошел к велосипеду и выпустил воздух сначала из задней, потом из передней шины, затем отступил на шаг, будто ожидая, что сейчас ему откроется некая тайна.

— Зачем это вам нужно?— удивился я.

— Хочу испытать, что при этом чувствуешь.

Услышав шипение, Рон Харди выбежал из своего магазина и увидел Дэвлина возле велосипеда с обмякшими шинами.

— Черт побери, Дэв, зачем вы это сделали?

— Все в порядке, Рон,— успокоил репортер хозяина велосипеда.— Я их накачаю снова.

Дэвлин повернулся ко мне и потряс головой.

— Вот видишь,— проговорил он.— Никакого тебе удовольствия.

— Кому как,— возразил я.

Но этого Дэв не в силах был постигнуть. Он никогда не понимал человеческой злобы. Вместе с тем Дэвлин хорошо владел пером и умел в самом мелком, казалось бы, факте разглядеть значительное и важное событие. Помню его статью о большущей отаре овец, которую однажды за много лет пригнали в город. Но написал Дэв не обо всей отаре, а только об отбившемся ягненке, который, жалобно бляя, метался по улицам в поисках матери; люди — чуть ли не половина города — травили его, пока не загнали во двор скотобойни к остальным овцам. Рассказ получился очень живой, грустный и написан был великолепно.

И все же главным, что определило репутацию Дэвлина в городе, оказалась «политика». Точнее, не «политика», а его «философия». Или даже «религия». Словом, то, во что Дэв твердо верил. Во всяком случае, однажды субботним

вечером он просто поразил нас, хотя вообще странностям этого странного человека мы удивлялись постоянно.

По субботам в наш городок наезжали окрестные фермеры и магазины на ярко освещенной главной улице были открыты до девяти часов. Почти все жители Сент-Элена и гости важно прогуливались по ней из конца в конец, останавливались потолковать с друзьями, заходили в рестораны; фермеры, отмахавшие свыше двадцати миль, с удовольствием опрокидывали стаканчик-другой в одном из уютных баров (правда, всегда таи-горожане тоже не упускали случая посидеть за бутылкой виски, точно и они проделали утомительный путь). Сент-Элен охватывало веселье, все стекалось на главную улицу. Единственным развлечением для нас в ту пору было кино, поэтому мы с удовольствием разглядывали гуляющую публику, витрины оживленных магазинов и слушали оркестр Армии спасения.

Я хочу заметить, что благополучие города целиком зависело от крупных и мелких фермеров: они разводили овец и сеяли пшеницу по обеим сторонам Муррея, в пойме реки держали стада коров, выращивали на юге цитрусовые, а на севере — виноград. Жители города в основном обслуживали сельское население и почти не были заняты в сфере производства. Словом, рабочий класс в Сент-Элене почти отсутствовал, если не считать десятка рабочих с маслозаводика, около двадцати железнодорожников и еще человек двадцати, трудившихся на скотобойне, телефонном узле и электростанции, а также в муниципалитете. Поэтому для политической жизни и идеологических дискуссий у нас не хватало так называемой социальной базы.

Поэтому уличная толпа была просто ошеломлена, когда однажды в субботу Дэвлин поставил ящик на тротуар неподалеку от самой большой пивной напротив фотоателье, где работала Лилли, взобрался на него и начал произносить речь; такого еще в Сент-Элене не видели. Если бы Дэвлин просто заговорил посреди улицы, все решили бы, что парень хватил лишнего. Но так как он притащил ящик да еще и поднялся на него, в нем сразу признали уличного оратора.

Трудно сказать, в чьих сердцах Дэв надеялся найти отклик, невозможно было даже вообразить, чтобы кто-нибудь на главной улице заинтересовался его рассуждениями об «утопии». Я, как и все жители Сент-Элена, в конце концов услышал выступление Дэва, но только позднее,

когда отец разобрал мне подлинный смысл его речи, я понял, насколько серьезны были намерения этого человека, который искренне стремился увлечь нас историей утопических учений.

— Он считает себя новым Томасом Мором,— сказал отец.

Поскольку о Томасе Море мне было известно лишь то, что Генрих VIII отрубил ему голову, я начал спрашивать отца, и тот растолковал мне, что Мор ввел слово «утопия», которое в переводе с греческого означает «место, которого нет»¹.

— Томас Мор назвал «Утопией» некий фантастический остров в тропиках с идеальным самоуправляемым обществом, где все распределялось поровну и не было никакой собственности. Жаль только, что, придумав совершенное государство,— вздохнул отец,— Мор не рассказал, как его построить.

С искренней, страстной убежденностью говорил Дэв о том, что стоит лишь захотеть, и наше общество станет обществом равных, что нам необходимо бороться за осуществление светлых идей, которые подарил миру сэр Томас Мор; и труд, и его плоды должны распределяться одинаково между всеми, следует установить шестичасовой рабочий день, гарантировать право на образование, уничтожить эксплуатацию человека человеком, предоставить бесплатную медицинскую помощь, отменить преимущества в социальном обеспечении, унифицировать одежду, покончить с неравноправным положением женщины.

Первое выступление Дэвлина — оно состоялось субботним вечером — было встречено громким хохотом. Через несколько минут толпа уже забавлялась вовсю; уличные остряки выхватывали отдельные слова из речи Дэва и отпускали хлесткие шуточки насчет равноправия мужчин и женщин, поддразнивая репортера; в конце концов, Дэвлина единодушно провозгласили будущим Правителем Сент-Элена.

— Да здравствует Дэв! — буйствовали крикуны.

Их очень забавляло предложение Дэвлина одеваться одинаково, «навроде него самого», — держались за животы насмешники.

Я пришел на главную улицу уже после того, как Дэв закончил свою речь и отправился домой, но мне рассказа-

¹ Или «благословенное место».

ли о выходе репортера, поэтому я заглянул в фотостудию и спросил Лилли, что же произошло на самом деле.

— Ничего особенного,— ответила она.— Просто Дэв стоял на ящике и говорил, а над ним смеялись.

— Чего же он ожидал?— удивился я.

— По-моему, ему паплевать на то, что над ним смеются.

— Ты думаешь? А что он такого сказал?

— Не знаю,— равнодушно ответила Лилли,— что-то о Томасе Море.

Больше я ничего не смог от нее добиться.

С тех пор Дэвлин выступал каждую субботу, и вскоре мы привыкли к его ящику и речам, понапрасну сотрясавшим воздух. Никто уже не удивлялся чудачествам репортера, который стал еще одной достопримечательностью Сент-Элена подобно оркестру Армии спасения; правда, Дэвлину непременно задавали несколько ехидных вопросов да порой к нему приставали парни из соседней пивной — они спихивали оратора с ящика или передразнивали его, но он никому не мстил и не затевал ссор.

Неделю за неделей, вплоть до своего отъезда из Сент-Элена Дэвлин знакомил нас с историей утопической мысли от «Города солища» Кампанеллы¹ до общины моравских братьев², левеллеров³, диггеров⁴, оксфордских проектов Колриджа и Саути⁵, немецких пиетистов⁶, гармонистов⁷,

¹ Кампанелла Томмазо (1568—1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии. Автор романа «Город солища» (1602), в котором выступил с программой всеобщего социального преобразования на основе общности имущества.

² Религиозная секта в Чехии, основанная в середине XV века; моравские братья отрицали государство, сословное и имущественное неравенство, проповедовали отказ от насильственной борьбы.

³ Радикальная мелкобуржуазная демократическая партия времен Английской буржуазной революции XVII века.

⁴ Представители крайне левого крыла революционной демократии в Английской буржуазной революции XVII века, выражавшие интересы деревенской и городской бедноты. Выделились из движения левеллеров.

⁵ Колридж С.-Т. (1772—1834), Саути Р.-С. (1774—1843) — английские поэты, представители «озерной школы», увлекались мистикой. Познакомились и сблизились в Оксфорде.

⁶ Мистическое течение в протестантизме конца XVII—XVIII вв. Пиетизм отвергал внешнюю церковную обрядность, призывал к углублению веры, объявлял греховными развлечения.

⁷ Религиозная секта, основанная в XVIII веке Джорджем Раппом в Вюртемберге.

перфекционистов¹, трясунов², эфратской общины³, менонитов⁴, онайдской общины⁵, Роберта Оуэна⁶, Уильяма Морриса⁷, анабаптистов⁸ из Южной Дакоты, современного брудерховского движения⁹ Эвергарда Арнольда¹⁰ и, наконец, до Нагорной проповеди.

Пожалуй, единственной постоянной слушательницей всех исторических и теоретических экскурсов Дэвлина оказалась Лилли; голос уличного оратора свободно проникал в фотоателье, а позднее, когда они стали друзьями, он и ей одной нередко рассказывал об утопии. Дэвлин был настоящим газетчиком и поэтому довольно быстро узнал о судьбе Лилли; по субботам после очередной вдохновенной речи он шел к фотоателье и разговаривал с девушкой. Точнее, не разговаривал, а пытался поговорить. Лилли вела себя с Дэвом так же сдержанно, как и с остальными, но, по крайней мере, никогда его не прогоняла. Вероятно, потому что над ним постоянно издевались и подсмеивались, хотя его непротивление злу и нежелание постоять за себя, вероятно, раздражали девушку.

Не знаю, о чем они разговаривали, скорее всего говорил один Дэвлин, а Лилли просто слушала его как всегда равнодушно, вежливо и слегка рассеянно. Дэв вряд ли обходил молчанием свою распрекрасную утопию, он был интересным собеседником и, обладая пытливым умом, разби-

¹ Первые члены онайдской общины, основанной в 1847 г.

² Религиозная секта, основанная в Англии в 1477 г. Ее члены давали обет безбрачия. Первоначально отправление обрядов сопровождалось ритуальными танцами.

³ Община немецких баптистов, основанная в Эфрате (Пенсильвания) Джоном Коттрадом Бэсселем в 1728 г.

⁴ Последователи одного из течений в протестантизме, возникшего в XVI веке в Нидерландах на почве «мирного анабаптизма».

⁵ Община перфекционистов, основанная Хамфри Нойесом в 1847 г. близ озера Онайда, Нью-Йорк.

⁶ Роберт Оуэн (1771—1858) — английский социалист-утопист.

⁷ У. Моррис (1834—1896) — английский художник, писатель. Социалистические взгляды выразил в социально-утопическом романе «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья» (1891).

⁸ Участники народно-радикального сектантского движения эпохи Реформации, осуждали богатство, призывали к введению общности имущества, образовали Мюнстерскую коммуну 1534—1535 гг. Отдельные элементы их учения перешли в догматику некоторых протестантских сект.

⁹ Брудерховские братства — раннехристианские общины в Германии. Возродились в XX веке в Южной Америке, США и Англии.

¹⁰ Эвергард Арнольд (1883—1935) — немецкий теолог, основатель одной из брудерховских общин.

рался в самых разнообразных областях знания. Лилли никогда не перебивала его, покоря рассказчика своей загадочной невозмутимостью. Даже Джекки привязался к репортеру, раз или два мы видели, как Дэвлин подвозил мальчика после занятий домой на велосипеде.

Близкой дружбы между Дэвлином и Лилли в ту пору возникнуть еще не могло, потому что ей было не до этого. Она целиком ушла в заботы о матери, состояние которой ухудшилось, к тому же Стьюбекам приходилось совсем туго — они продолжали бедствовать, и в довершение ко всему над ними нависла угроза потерять крышу над головой.

Однажды вечером, когда мы сидели за ужином, раздался стук в заднюю дверь, и мама послала Джин посмотреть, кто пришел.

— Это к тебе, Кит,— сообщила, вернувшись, сестра.— Лилли Стьюбек.

— Лилли?— удивился я.

— Да, Лилли.

Я открыл заднюю дверь.

— Кто вас лечит, Кит?— спросила Лилли, даже не поздоровавшись.

— Ну, обычно мы обращаемся к мистеру Диксону,— ответил я.

— Сходишь со мной к нему?

— Зачем?

— Матери совсем плохо, ей нужен доктор.

— При чем тут я?— удивился я.— Разве ты не можешь сходить к мистеру Диксону сама?

— Он не согласится приехать к нам, если я попрошу его.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я уже обращалась к домашнему врачу Дороти Мэлоун мистеру Форану, но он велел везти мать в больницу. А как я ее привезу?

— Ладно,— согласился я.

Пришлось обо всем рассказать маме, которая вышла к Лилли и предложила ей свою помощь.

— Хочешь, я спущусь к вам на Мыс, Лилли?

— Нет, нет, спасибо, миссис Квейл. Мне нужен только доктор.

— Давай позвоним ему?

— Нет, не стоит.

— Хорошо, тогда с тобой пойдет Кит.

Я сомневался, что смогу быть полезным Лилли, но она надеялась на меня, и мы поспешили к доктору, жившему

в нескольких кварталах от моего дома. Лилли всю дорогу молчала, да и я знал, что мне лучше помалкивать.

У ворот Лилли на мгновение остановилась.

— Как ты думаешь, он попросит деньги вперед? — поинтересовалась девушка.

— Кто его знает, — ответил я. — Обычно так не делается. Счет присылают потом.

— Это вам.

— Во всяком случае, давай попробуем его уговорить, — предложил я.

Доктор Диксон был довольно молод; у него была рыжеволосая жена и открытый «крайслер». Жил доктор в одном из самых новых городских домов. Я нажал у входа на кнопку электрического звонка, дверь открыла миссис Диксон. Она с любопытством посмотрела сначала на Лилли, потом на меня.

— Здравствуй, Кит. Что случилось?

— Можно поговорить с доктором Диксоном? — вежливо попросил я.

— Он допивает чай, но я позову его.

Миссис Диксон не пригласила нас в дом, и мы подождали у порога, пока доктор не вышел к нам с салфеткой в руках.

— Здравствуй, Кит. Зачем пожаловал?

— Это Лилли Стьюбек, — кивнул я в сторону девушки, раздумывая, как бы пояснее изложить суть дела.

— Вижу, — ответил доктор, — ну и что?

— Ее матери совсем плохо, и Лилли хочет, чтобы вы посмотрели миссис Стьюбек.

— Где сейчас больная?

— На Мысу.

— Что с ней, Лилли? — обратился доктор к девушке.

— Она часто теряет сознание, и мне трудно приводить ее в чувство.

— Кто наблюдает за ней?

— Я.

— Я имею в виду врача. Она ведь уже давно болеет, насколько мне известно?

— Да.

— Так кто же ее лечит?

— Я водила ее в больницу.

— А сейчас не можешь?

Лилли отрицательно покачала головой.

— Она не встает с постели. Очень ослабла.

— Ты пробовала вызвать «скорую помощь»?

Городская «Скорая помощь», как и пожарная команда, состояла из добровольцев.

— Без осмотра врача машину не посылают.

Доктор Диксон вздохнул.

— А ты зачем здесь, Кит? — спросил он.

— Лилли решила, что вы не поедете на Мыс, если она попросит об этом сама.

— Думаешь, тебе удастся уговорить меня?

— Не знаю, мистер Диксон, — чистосердечно признался я. — Доктор Форэн уже отказал Лилли.

— Да? А я, по-твоему, соглашусь?

Я ничего не ответил, мы стояли молча у двери, и мне показалось, что Лилли вот-вот повернется и уйдет. Но я не сдвинулся с места.

— Ну хорошо, — проговорил мистер Диксон, — залезайте в машину и ждите меня. Я допью чай.

Мы прождали его в «крайслере» минут десять; наконец доктор вышел из дома со своим черным чемоданчиком. Он сел в машину, включил мотор и, не говоря ни слова, поехал к Мысу; по дороге он лишь негромко по-свистывал да посматривал на меня. Я все больше и больше понимал Лилли, которая сидела сзади рядом со мной.

Когда мы приехали на Мыс, уже стемнело. Доктор Диксон прошел на кухню и бросил взгляд на керосиновую лампу.

— А электричества нет? — спросил он.

— Нет, — ответила Лилли и приказала Тилли замолчать.

— Другая лампа у вас есть?

— Нет.

— Хорошо. Тогда давайте эту.

Я стоял в дверях, но заметил, что миссис Стьюбек лежала на некоем подобии кровати — старом пружинном матраце, водруженном на ящики, — все это, несомненно, раздобыл Джекки.

Брат Лилли, у которого рука была все еще перевязана, насаживал в кухне топор на топорнице; когда лампу с кухни забрали, он вышел ко мне во двор.

— Как ты думаешь, Кит, что с ней? — спросил у меня Джекки, словно я знал все на свете, потому что приехал с доктором.

— Не знаю, — ответил я. — Надеюсь, ничего серьезного.

— Она разговаривает сама с собой, — продолжал он. — Раньше с ней такого не бывало.

— Все будет хорошо,— пробормотал я.

— Но она даже не встает.

Болезнь матери протекала на глазах у Джекки, и так как Лилли едва успевала справляться со своими заботами, он был предоставлен самому себе. Сейчас Джекки, как и всякий ребенок, нуждался в участии; я не очень-то годился в утешители, но никого другого рядом не было.

— Все будет хорошо,— повторил я, не найдя других слов.

— Ты в это веришь, Кит?

— Конечно.

— Она плачет и плачет.

— Потому что ей плохо.

— Может, она съела что-нибудь не то?

— Может, и так.

Джекки продолжал беседовать со мной, пока в дверях не показался доктор Диксон; он бросил свой чемоданчик в машину и спросил Лилли, где бы ему помыть руки.

— Я вам полью,— сказал Джекки.

Мальчик взял эмалированный таз, прислоненный к стене, плеснул в него воды из старой канистры, которая стояла у двери, и поставил таз на ящик, Лилли сходила на кухню за мылом и серым полотенцем; мы застыли, ожидая, что скажет доктор.

— Ее надо отправить в больницу,— сказал мистер Диксон.— Здесь ей ничем нельзя помочь.

— Вы можете вызвать «скорую помощь»? — спросила Лилли.

— Разумеется. Но больную необходимо привести в порядок. Она запущена.

— Вы хотите сказать, нужно ее помыть?

— Вот именно. Неужели ты так живешь, Лилли?

— Конечно.

— Боже мой! — воскликнул доктор.— Просто невероятно, что такое возможно в наш век, в нашем городе. Ты знал об этом, Кит?

— Да, мистер Диксон.

— Мисс Дэйглиш когда-нибудь заглядывала сюда? — поинтересовался доктор.

Лилли промолчала.

— И что же она сказала?

Лилли продолжала молчать; мистер Диксон и дальше расспрашивал бы девушку о пожилой леди, но я быстро прервал его, опасаясь, как бы Лилли ему не нагрубила. Мистеру Диксону не стоило совать нос в ее личную жизнь.

— Вы подвезете меня? — спросил я доктора.

— Разумеется, садись, — ответил он и пообещал Лилли поскорее прислать «скорую помощь». — Хотя одному богу известно, когда она приедет, — добавил он. — Попробую найти братьев Джексон. Может, машина будет сегодня, а может, завтра утром. Но подготовь мать, Лилли. Надень на нее чистое платье. Оно у вас есть?

— Отыщем.

— Вот и прекрасно. Я осмотрю ее в больнице, — пообещал доктор.

Он на мгновение задержал взгляд на Джекки, покачал головой и сел в машину. Я был уже в «крайслере». На главной улице мистер Диксон притормозил, чтобы выпустить меня. Он поинтересовался, бывал ли кто-нибудь у Стьюбеков.

— По-моему, нет, — ответил я. — Разве только сержант Коллинс и мисс Хейзл, наша старшая преподавательница. Больше, пожалуй, никто.

— Невероятно! — удивился мистер Диксон. — И как только Лилли справляется с этим?

Я-то видел «как», но решил промолчать.

— Ей нечем вам заплатить, мистер Диксон, — сказал я, чтобы прекратить расспросы.

— Пустяки, — бросил доктор, постукивая пальцами по баранке. — Что-то надо предпринять, — твердо добавил он.

Я заключил, что доктор считает необходимым благоустроить Мыс и помочь Стьюбекам, поэтому чуть было не предупредил его о том, что от Лилли не стоит ожидать особой признательности — она редко просила о помощи, а если кто и помогал ей по своему желанию, она за это не благодарила. Но я решил промолчать. Не имело смысла объяснять поведение Лилли чужому человеку; мистер Диксон, вероятно, и так успел заметить, что она даже не сказала ему «спасибо» за визит. Но у меня голова пошла кругом, когда я понял, что на самом деле задумал доктор.

— Этот дом надо снести, — проговорил он, как бы рассуждая с самим собой.

Я подпрыгнул от удивления.

— Неужели у вас поднимется рука? — возмутился я. — Им же негде жить.

— Тем не менее нужно принять меры, Кпт. Эта хижина стоит уже лет двадцать, ее надо снести.

— Пока там живет Лилли, это невозможно.

— Стьюбеки подыщут себе другое жилье. На Мысу не место для Лилли, да еще с матерью и братом.

— Куда же им деваться?

— Не знаю, но там они не останутся.— Доктор повернул ключ зажигания.— Жить в этой развалюхе нельзя.

Конечно, доктор Диксон пользовался достаточным влиянием в городе, чтобы напустить на Мыс какую-нибудь санитарную инспекцию, и я понимал, что исходил он из самых добрых побуждений, не зная истинного положения Стьюбеков. Никто в Сент-Элене и не догадывался, как тяжело приходилось Лилли. Я не сказал ей о своем разговоре с доктором, не желая прибавлять девушке новых хлопот и надеясь, что мистер Диксон ничего не станет предпринимать. Ведь и раньше многие жаловались на этот дом и его обитателей, но все оставалось по-прежнему.

Однако на сей раз я ошибся, и моему отцу пришлось сделать то, на что не решился я — сообщить Лилли о том, что насчет Мыса поступило заявление, которое может повлечь за собой снос хижины. Отец предупредил об этом Лилли за обедом у нас дома.

Собственно, это мама, узнав, что миссис Стьюбек в больнице, посоветовала пригласить Лилли к нам в гости. Она даже перенесла ради такого случая субботний обед на воскресенье, когда Лилли не работала.

— Надо позвать и Джекки,— предложил я.

— Что ж, пусть приходит.

— Только он трехпалый,— напомнил я маме, сомневаясь, сможет ли мальчик справиться с ножом и вилкой, и желая избежать неприятных сюрпризов.

— Ничего, справится,— ответила мама.

— Пожалуй,— предположил я.— Вообще-то он очень ловкий.

— Передай, пусть приходят в воскресенье.

Трудно было сказать, как встретит Лилли наше приглашение. Стьюбеков всегда привлекало бесплатное угощение, но все зависело от настроения Лилли, а я не знал, какое оно у нее в эти дни. После школы я зашел в фотостудию. Лилли возилась со счетами. Она уже управлялась в ателье самостоятельно, прекрасно проявляла пленку и печатала снимки, поэтому Джек Бейли все чаще оставлял ее одну, а сам объезжал фермы в поисках заказов. Я спросил, как чувствует себя миссис Стьюбек. Лилли ответила только, что за матерью хорошо ухаживают в больнице, и ни слова больше.

— Знаешь, — сообщил я Лилли, — моя мама приглашает тебя с Джекки в воскресенье на обед.

Она в упор посмотрела на меня, будто хотела что-то прочитать в моих глазах.

— По какому поводу?

— Просто так. Приглашает, вот и все.

Лилли продолжала смотреть мне прямо в глаза, и я постарался выдержать ее взгляд.

— Ладно, — проговорила она. — Приду.

— Только с Джекки, — напомнил я.

— Хорошо.

Я не очень-то радовался предстоящему визиту, как и много лет назад, когда Лилли была у нас одна. В глубине души я даже надеялся, что она не придет. Но наступило воскресенье, и Лилли, показавшись у входа, спросила, не опоздала ли она.

— У нас нет часов, — добавила девушка.

Она пришла точно в назначенное время. На ней была хорошая твидовая юбка и исландский джемпер, но одежда Лилли выглядела так, словно ее долго хранили в сундуке. Особенно удивил нас Джекки, явившийся в черных рваных ботинках на босу ногу, однако рубашка и коротковатые брюки имели вполне приличный вид, хотя были поношены и измяты. Интересно, чью бельевую веревку очистил малыш Джекки?

— Здравствуй, Кит, — сказал Джекки. — Посмотри на мою руку.

Он закатал рукав, но повязки я не увидел. Длинные царапины доходили до самого локтя, ранки затянулись. Было похоже, что рука заживает; я спросил, зачем он снял повязку.

— Лилли сказала — так лучше, — ответил Джекки.

Пожалуй, все мы, сидя за столом, вспоминали о том, как обедала у нас маленькая Лилли. Но теперь мы больше обращали внимание на Джекки, чем на его сестру. Мама всем раздала салфетки; Джекки взял свою, развернул ее и положил на колени; мы поняли, что Лилли предупредила его, как себя вести. Он знал также, что следует подождать, пока отец прочитает молитву, знал и о том, что может приступить к еде лишь после того, как ее подадут всем. Незаметно наблюдая за Джекки, который орудовал ножом и вилкой своими тремя пальцами, мы почти забыли о Лилли — она держалась с достоинством и своими безукоризненными манерами невольно напоминала далекую мисс Дэлглиш.

Джекки, прошедший краткий курс домашнего обучения, все равно походил на маленькую Лилли. Ел он топорливо, жадно, шумно и, хотя неплохо умел обращаться с приборами, был неаккуратен: горошины падали у него на скатерть, а соус капал на брюки. Я оправдывал Джекки, вернее Лилли, тем, что у нее хватало более серьезных забот, да и у Джекки тоже, куда уж ему было изучать на грязной кухне правила хорошего тона.

Труднее всего оказалось поддерживать за столом общую беседу, гости в основном молчали, хотя мы и старались вовлечь их в разговор. Мама пробовала расспросить о здоровье миссис Стьюбек, но Лилли сказала лишь, что больной дают есть печенку и делают уколы.

— Сознание она больше не теряет,— добавила девушка.

Потом отец справился у Лилли, не слышала ли она о племянниках миссис Карсон, которой принадлежал дом на Мысу.

— Нет, я ничего о них не знаю, мистер Квейл,— ответила Лилли.

— И ты не видела никого из Карсонов?

— Нет,— повторила девушка.

— Разве мистер Лэндсдаун, секретарь муниципалитета, не разговаривал с тобой?

— Нет. Не разговаривал.

— Но он обратился ко мне, потому что когда-то я помог миссис Карсон в одном деле. Она умерла несколько лет назад, и мистер Лэндсдаун сообщил, что муниципалитет желает выяснить, кому теперь принадлежит дом на Мысу.

— Никому,— сказала Лилли.— Его давно бросили.

— Ты права, но хозяин у него должен быть,— рассуждал отец.— В общем, местные власти решили снести дом. Вот и ищут его хозяина.

Лилли на мгновение задумалась.

— Снести? — недоверчиво переспросила она.— Зачем?

— Разве вам не сообщили? — удивился отец.

— Нет.

— Кто-то пожаловался, что вы живете в антисанитарных условиях.

— Кто?

— Понятия не имею.

Отец, конечно, знал, кто это был, но не хотел, чтобы доктор и Лилли ссорились.

— Это мистер Диксон, — вступил я в беседу. — Он сказал мне, что собирается подать такое заявление.

— Какое ему дело! — вскипела Лилли. — Мы годами жили на Мысу, и никто нас не трогал.

— В городе давно говорят о том, что пора сравнять ваш дом с землей, — мягко сказал отец. — Видимо, болезнь твоей матери подтолкнула доктора на решительный шаг.

Лилли не запричитала: «Куда же нам деться?», не запротестовала. Но я знал, о чем она думала. Я знал, что означал яростный взгляд ее кошачьих глаз. Если власти прикажут снести их дом, она попытается в отместку спалить полгорода. Я уже давно не видел, чтобы ее лицо так пылало от гнева.

— Нельзя же снести дом и оставить их без крова, — сказала мама.

— Если суд примет такое решение, то оно будет исполнено, — возразил отец.

— А разве нельзя этому помешать? — спросил я.

— Можно не допустить сноса или хотя бы отсрочить его. Но муниципалитет, вероятно, получит предварительное заключение, признающее дом непригодным для жилья.

— Когда же за нас возьмутся? — обратилась Лилли к моему отцу.

— Не знаю, Лилли. Этот вопрос пока обсуждается.

— А ты сумел бы спасти их дом? — спросил отца мой младший брат Том.

Это занимало каждого из нас, и хотя никто, кроме меня, не заглядывал в лачугу, все мы сейчас искренне желали, чтобы Стьюбеков оставили в покое.

— Есть только один способ спасти дом — доказать, что он пригоден для жилья, — заключил отец.

Лилли, как и я, понимала, что об этом не может быть и речи, но она не попросила отца ей помочь. Обед закончился рисовым пудингом, и Микки словно в знак давней дружбы положил голову на колени девушки. Наш песик состарился. Весь обед он проспал у камина, но, наверное, отдаленное воспоминание, связанное с Лилли, взволновало его. Гостья потрогала нос Микки, потрепала собаку за уши, потом ласково сказала: «Здравствуй, Микки. Ты меня не забыл?» Она разговаривала с песиком, и я видел вновь десятилетнюю Лилли, которая что-то пашептывала в собачье ухо; Микки благодарно лизнул ее руку.

Мы подождали, пока отец просунет в кольцо салфетку; Лилли тоже положила свою салфетку на стол, и Джекки последовал ее примеру.

— Я подумаю, как тебе помочь,— сказал отец Лилли на прощанье.— Но многого не обещаю, понятно?

— Да,— согласилась Лилли.

Она не поблагодарила его, зато как обычно без улыбки поблагодарила маму, которая дала гостям пакет с яйцами, маслом, чаем и сахаром, а также кое-какую поношенную одежду Тома для Джекки. Когда мы вышли на улицу, Лилли сердито дернула меня за рукав:

— Почему ты меня не предупредил, что доктор Диксон собирается обратиться в муниципалитет с просьбой снести наш дом?

— Я не думал, что он говорит всерьез,— оправдался я.

— Как ты считаешь, твой отец что-нибудь может сделать?

— Он сам тебе скажет,— ответил я.

— До свидания, Кит,— попрощалась Лилли.

Джекки уже ушел вперед. Он ничего не унес из нашего дома, и это было одним из самых больших достижений его сестры.

Глава четырнадцатая

Приблизительно через неделю отец сообщил нам за обедом о том, что видел решение апелляционного суда о доме на Мысу. Суд признал «недопустимым снос здания без согласия домовладельца, если оно не представляет опасности для жизни и здоровья людей или угрозы для соседних построек». Отец показал этот документ мистеру Лэндсдауну, секретарю муниципалитета, и тот сообщил ему поразительную новость.

— Мыс принадлежит теперь мисс Дэлглиш,— ошеломил нас отец.— Разыскивая Карсонов, судейские обратились в мельбурнскую нотариальную контору по регистрации земельных участков, и оказалось, что месяц назад пожилая леди купила Мыс у племянника бывшей владелицы.

— Но ведь мисс Дэлглиш в Европе,— удивился я.

— Вероятно, она оформила бумаги через мельбурнских юристов без своего здешнего поверенного мистера

Стрэппа. В любом случае о сносе дома теперь не может быть и речи.

— Но к чему ей эта лачуга? — спросила мама.

— Трудно сказать, — ответил отец. — Несомненно, дом приобретен для Лилли.

— Ты сообщил ей об этом? — спросил я отца.

— Конечно.

— А что она?

— Сначала не знала, что и сказать. Она не слишком разговорчива, а тут у нее словно язык отнялся. Потом она спросила, чего, собственно, мисс Дэлглиш от нее хочет. Зачем ей было покупать Мыс?

— Мне это тоже интересно, — вставила мама.

— Я еще не закончил, — продолжал отец. — Мисс Дэлглиш решила возвратиться в Сент-Элен.

— Так скоро?

Мисс Дэлглиш собиралась пробыть в Европе не меньше года, а прошло всего шесть месяцев, что-то заставило ее изменить свои планы.

— Наверное, и здесь не обошлось без Лилли, — сказала мама.

Мы с нетерпением ждали возвращения мисс Дэлглиш, а пока Лилли как бы получила передышку. Миссис Стьюбек лежала в больнице, одним ртом стало меньше, и по городу перестали ходить слухи о сносе дома на Мысу. Несомненно, у мисс Дэлглиш были свои виды на лачугу, раз уж она приобрела ее. Но какие? Может, она пожалела Стьюбеков и захотела привести их жилье в порядок? Или, наоборот, оно показалось ей настолько отвратительным, что она решила выселить оттуда Лилли? Все мы опять вернулись к загадке их сложных и тонких отношений, но я-то знал: ответ опять нужно искать в том, что многие годы удерживало вместе и одновременно разъединяло мисс Дэлглиш и Лилли. Теперь мы с любопытством приглядывались к миссис Питерс.

Пока отсутствовала хозяйка, миссис Питерс следила за особняком. От городского почтальона, мистера Эдвардса, нам было известно, что мисс Дэлглиш присылала своей экономке письма из Франции, Италии, Австрии и Англии. Мы знали также, что миссис Питерс частенько наведывалась к Лилли в фотоателье и рассказывала о пожилой леди. Казалось, будто что-то за высокой оградой большого дома накрепко связало трех женщин, и если Лилли нужно было выгладить блузку или платье, она обращалась к

миссис Питерс, а не к Дороти Мэлоун, предлагавшей по-друге свою помощь.

— Странно,— разоткровенничалась как-то Дороти,— но я думаю иногда, что Лилли все еще живет у мисс Дэлглиш. Там ее настоящий дом.

Тем не менее Лилли была очень внимательна и к своей матери. Медицинская сестра миссис Сингелтон рассказала моей маме о том, что когда Лилли навещает больную, та часто плачет и умоляет не бросать ее и Джекки.

— Она не знает собственной дочери,— заметил я,— Лилли никогда не бросит их.

— Возможно, ты и прав,— ответила мама,— но миссис Стьюбек доводилось видеть, как поступают в подобных случаях другие дети.

— Только не Лилли,— возразил я.

Именно тогда определенное место в жизни Лилли занял Дэвлин. Теперь я догадываюсь, что она подружилась с ним, ожидая возвращения мисс Дэлглиш. Дэвлину загодя отводилась роль союзника, защитника, противовеса. Это подтверждается не только тем, что я знаю об их отношениях, но и всеми последующими событиями.

Во всяком случае, в городе теперь видели, как вечерами Дэвлин ездил на велосипеде к Мысу, и кое-кто замечал, что возвращался он затемно. Вероятно, присутствие Джекки оберегало Лилли и Дэва от грязных сплетен, а может, люди считали Дэвлину слишком безвредным или же думали, что Лилли не позволит ему ничего дурного. Однако поговаривать о них все же начали, и когда я поинтересовался у Дороти, что ей известно про Дэва и Лилли, она сама была озадачена.

— Они какие-то странные,— сказала Дороти.— В прошлое воскресенье Дэв, едва приехав, разделся и полез в реку.

— Но ведь сейчас зима и половодье,— удивился я.— Вода, наверное, ледяная...

— Я сказала то же самое, но Лилли, по-моему, считает это нормальным. А еще оказалось, что Дэв не умеет плавать и надо присматривать, чтобы его не унесло течением.

Даже опытные пловцы не отваживались купаться у нас в зимнее половодье — не хотели рисковать и мерзнуть.

— Я обозвала Дэва сумасшедшим и спросила, зачем он лезет в реку, а он ответил, что после купания чувствует

себя заново рожденным. Это, мол, укрепляет нервную систему.

— А что Лилли?

— Ничего. Все, что делает или говорит Дэв, кажется ей вполне естественным. По-моему, Кит, они очень хорошо понимают друг друга, ведь дело не в том, что они говорят, дело в их отношениях. Дэв сидел с нами в грязной кухоньке, пил чай и слушал нашу болтовню. Лилли не обращала на него никакого внимания. Потом он вынул из кармана маленькую книжку, обернутую в газету, и сказал: «А теперь, девочки, я прочитаю вам «Вести откуда» Уильяма Морриса», и, не дожидаясь согласия, прочитал нам целую главу. Ты слышал об этой книге?

— Конечно.

Откровенно говоря, я впервые узнал о ней из уличного выступления самого Дэвлина.

— Там рассказывается о путешествии по Темзе.

— Не только,— возразил я.— Герой после промышленной революции возвращается к природе и сельскому труду, чтобы самоусовершенствоваться.

— Откуда ты это знаешь?

Пришлось признаться, что от отца.

— Это моррисовский вариант «Утопии» и «Города Солнца».

— Мне было скучно,— продолжала Дороти,— а Лилли хоть бы что. Она выслушала Дэвлина, а потом просто сказала:

— Пожалуй, тебе пора, Дэв.

Дэв ответил:

— Пожалуй.— И сразу уехал.

Я рассмеялся.

— Что тут смешного? — удивилась Дороти.

— Именно так я и представляю их вместе. Разве не смешно?

— Скорее не смешно, а странно.

— А разве они не странные?

— Верно. Между прочим, на Мысу Лилли совсем перестала читать, будто решила, что это ей теперь ни к чему. Но Дэвлину она слушает с удовольствием.

— Может, он каждый раз ей что-нибудь читает?

— Может быть. Интересно, что скажет мисс Дэлглиш, когда узнает об их дружбе? Вряд ли ей это понравится,— подумав, сказала Дороти.

Глава пятнадцатая

Мисс Дэлглиш вернулась в конце весны мельбурнским поездом. Мистер Мэлоун подал «мармон» на станцию к пяти часам вечера. Мало кто видел пожилую леди, потому что она прошла прямо к машине и ждала там, пока мистер Мэлоун принесет багаж. Но все же кое-кому удалось разглядеть, что она слегка прихрамывала, опираясь на трость, а одна рука у нее, казалось, одеревенела. В таком возрасте апоплексические удары нередки, но в письмах к своей экономке мисс Дэлглиш на здоровье не жаловалась.

В городе пожилая леди больше не появлялась, даже по субботам не заглядывала в магазины, нарушив давнюю привычку. Миссис Питерс регулярно бывала у нее, и некоторое время ничего примечательного не происходило. Но однажды вечером в пятницу, когда я вернулся из школы, мама передала мне, что звонила мисс Дэлглиш.

— Она хотела повидать тебя завтра в десять утра.

— Зачем? — удивился я.

— Не знаю.

— Почему мисс Дэлглиш всегда говорит с тобой, ведь ей нужен я?

— Наверное, из уважения ко мне. Во всяком случае, я сказала, что ты с удовольствием придешь.

Я вздохнул. Мне не хотелось терять субботнее утро. Но все-таки я решил навестить мисс Дэлглиш, потому что был любопытен, и на другой день в десять утра уже стоял у больших ворот, дергая за шнурок звонка. Открыла мне миссис Питерс.

— Доброе утро, миссис Питерс, — поздоровался я.

— Здравствуй, Кит, — ответила экономка, и, пока мы поднимались по тропинке к парадному входу, она сообщила мне, что мисс Дэлглиш пригласила к себе и Дороти Мэлоун.

— Только она придет после тебя. Вам назначено разное время.

Миссис Питерс была скупа на откровения, поэтому я воспринял ее слова как вежливый намек на то, что мне не следует долго засиживаться у мисс Дэлглиш.

Хозяйка дома поджидала меня в гостиной. Она поздоровалась и предложила мне кресло, потом справилась о моих родителях и, наконец, заговорила о школе.

— Если я не ошибаюсь, через несколько месяцев вы закончите школу, Кит? — спросила она.

— Да, — подтвердил я. — Мы учимся последний год.

Мисс Дэлглиш тяжело опустила веки, и мне показалось, будто она опечалена тем, что Лилли потеряла столько времени; правда, я мог и ошибиться. Я внимательно смотрел на мисс Дэлглиш, и даже мне, неискушенному юноше, было ясно, что она заметно постарела. Мисс Дэлглиш оставалась чопорной, аккуратной и собранной, но ее уже отметила печать увядания. Я впервые подумал о том, что и она подвластна разрушительной силе времени.

— Я хочу побеседовать о Лилли, — начала мисс Дэлглиш, но умолкла, ибо в дверях показалась миссис Питерс, которая принесла на подносе чайник, чашки и лепешки; мисс Дэлглиш подождала, пока миссис Питерс разольет чай и оставит нас одних.

— Ты часто видишь Лилли? — спросила пожилая леди.

— Довольно часто, — ответил я. — Только мельком.

— И на Мысу бываешь?

— Время от времени. Иногда колю Лилли и Джекки дрова.

— Ты знаешь, что я купила их дом?

— Об этом все знают.

— Бери лепешки, — предложила мисс Дэлглиш.

Я понимал, что ей нелегко говорить о Лилли, поэтому ел лепешку и ждал.

— Ответь мне, пожалуйста, Кит, — продолжала мисс Дэлглиш, — Лилли снова ведет себя, как в детстве?

— Что вы имеете в виду?

Я слегка насторожился.

— Не волнуйся, — успокоила меня мисс Дэлглиш. — Я только хочу выяснить, как жила Лилли, пока меня не было.

Казалось, мисс Дэлглиш опять знала обо всем, что происходило в доме Стьюбеков. Причем не от миссис Питерс — в этом я был уверен.

— Заработка Лилли не хватает на троих, — сказал я, — им приходится добывать пропитание где только можно.

— Речь не об этом, — строго проговорила мисс Дэлглиш. — Скажи, не бродит ли она ночами по чужим дворам, подбирая все, что подвернется?

Прежде чем ответить, мне важно было понять, для чего мисс Дэлглиш расспрашивает меня: печется ли она о себе или о Лилли? Рядом со мной на стуле лежали две книги, которые я много месяцев назад взял почитать у пожилой леди; внезапно у меня возникло страстное желание оставить их на столе и вежливо попрощаться, чтобы избежать неприятной беседы. Я пожалел, что пришел. Заметив мое смущение, мисс Дэлглиш испытующе посмотрела на меня и поджала губы.

— Можешь хранить при себе свои тайны, Кит. Я просто хочу знать правду, больше ничего.

— Почему вас так интересует жизнь Лилли? — спросил я.

— Это касается только нас обеих, — отрезала мисс Дэлглиш.

— Но вы же расспрашиваете меня, мисс Дэлглиш, — возразил я, удивляясь собственной храбрости.

— Мне надо уяснить, насколько она опустилась, — призналась мисс Дэлглиш. — По-моему, тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Лилли — это Лилли, — уклончиво ответил я.

— Это не ответ, Кит. Ты просто уходишь от разговора.

Мисс Дэлглиш слегка стукнула тростью о пол, точно подчеркивая значимость своих слов.

Я понимал, что Лилли предавать нельзя, но одновременно не хотел огорчать и мисс Дэлглиш. Странное дело, я испытывал жалость к мисс Дэлглиш и поразился этому. Казалось, уж кто-кто, а она не нуждалась ни в чьем участии. Поразмыслив, я решил, что лучше всего говорить правду.

— Мне не хочется подводить Лилли, — начал я. — Ей было тяжело.

— Не забывай, что она сама избрала свой путь, — твердо проговорила мисс Дэлглиш.

Я ждал, что она скажет что-нибудь еще, но мисс Дэлглиш замолчала, и я спросил, что будет с домом на Мысу.

— Это зависит от обстоятельств, — ответила мисс Дэлглиш, — она тоже ушла от прямого ответа. — Пока я ездила, там, вероятно, стало еще омерзительнее?

— Напротив, — возразил я. — В доме теперь намного уютнее.

— Как это им удалось?

— Они раздобыли пару старых столов, стулья и кровать для миссис Стьюбек. Лилли поддерживает чистоту.

— Может, ты скажешь, откуда взялись столы и стулья?

— Джекки притащил, — честно ответил я.

— Так я и знала, — покачала головой мисс Дэлглиш. — Со свалки.

— А что им оставалось делать? — оправдывал я Стьюбеков. — У них ничего не было. Только голые стены.

Но мисс Дэлглиш не желала слушать о том, как бедствовали Стьюбеки.

— Лилли по-прежнему дружит с тобой и Дороти?

— Да.

— Если я не ошибаюсь, твоя мама приглашала Стьюбеков на обед?

— Приглашала.

— Лилли вела себя хорошо, Кит?

— Конечно.

— А с мистером Дэвлином ты знаком?

— Да...

— О чем он говорит в своих выступлениях?

— Об утопии.

— Лилли часто с ним видится?

— Не знаю, мисс Дэлглиш. — Мне снова захотелось уйти, и я положил книги на стол. — Я принес книги, которые взял в день рождения Лилли. Извините, что задержал. Большое спасибо.

— Хочешь выбрать что-нибудь еще?

— Нет-нет, благодарю вас, мисс Дэлглиш, — ответил я.

Между нами возникла стена отчуждения, и виновата в этом была Лилли; пожалуй, мисс Дэлглиш поняла, что из меня многого не вытянешь. Или она и так уже узнала все, что нужно. Она меня больше не расспрашивала, но ей, по-моему, было приятно посидеть со мной, и мы немного поговорили о книгах. Мисс Дэлглиш посоветовала мне не терять времени на Арнольда Беннета¹ и Герберта Уэллса, а почитать Уиллу Кэсер², Эдит Уортон³ или немецких прозаиков вроде Томаса Манна и Лиона Фейхтвангера.

— Если тебя тянет к перу, старайся думать не так, как типичный англичанин, — посоветовала она. — Это сужает кругозор.

¹ Арнольд Беннет (1867—1931) — английский писатель, автор романов на бытовые темы.

² Уилла Кэсер (1876—1947) — американская писательница.

³ Эдит Уортон (1862—1937) — американская писательница.

Я встал, чтобы откланяться. Мисс Дэлглиш тоже поднялась и, прихрамывая, проводила меня до парадной двери.

— Заходи ко мне, Кит,— пригласила она,— сейчас ты, наверное, очень занят — школа, уроки, но потом, когда будешь свободнее, можешь брать у меня книги. Тебе надо много читать.

Я поблагодарил ее на прощанье и вышел на улицу, размышляя о том, зачем она пригласила Дороти Мэлоуэ.

Мы с Дороти стали как бы связующим звеном между мисс Дэлглиш и Лилли, которой не терпелось узнать, о чем говорила со мной мисс Дэлглиш. Лилли разбудила меня в субботу ночью, когда я уже заснул на веранде; этот ночной визит сразу напомнил мне о прежней Лилли; проспунся я от тычка в бок.

— Мне надо поговорить с тобой,— сообщила девушка.

— Среди ночи?

— Сейчас только одиннадцать,— уточнила Лилли.

Прибежавший с ней Тилли прыгнул на кровать и ткнулся холодным носом в мое ухо.

— Я видела Дороти,— продолжила Лилли,— она сказала, что ты был у мисс Дэлглиш.

— Да, утром. Сегодня утром.

— Что ей надо было от тебя, Кит?

Я сел на кровати и вдруг представил себе, какой скандал разразился бы в городе, если бы кто-нибудь увидел у меня Лилли. Я даже покраснел от смущения, но Лилли подобные пустяки ничуть не беспокоили.

— Мисс Дэлглиш расспрашивала о тебе,— сказал я.

— И что же ее интересовало?

Теперь мне не хотелось подводить мисс Дэлглиш, точнее, я боялся неосторожного слова, которое повредило бы ее отношениям с Лилли.

— Ничего особенного. Просто ей хотелось узнать, как вы живете на Мысу.

— Она пригласила тебя не из-за этого.

— В общем, из-за этого.

— Пускай, и все же на самом деле она хотела узнать что-то другое,— не отставала Лилли.

«Что ж,— подумал я,— если обе они желают побольше разузнать друг о друге, зачем скрывать правду?»

— Она спрашивала, не бродишь ли ты ночами по чужим дворам, подбирая все, что подвернется.

— А ты? Ты ей сказал?
— Нет. Сказал только, что тебе приходилось тяжело, вот и все.

Даже в темноте я увидел, что глаза у Лилли широко раскрылись.

— Зачем?

— Ну... потому что она беспокоилась о тебе.

Словно не услышав меня, Лилли спросила, не говорила ли мисс Дэлглиш о Мысе.

— Почему она купила его?

— Нет. Она ушла от этого разговора.

— А ты спрашивал?

— Конечно, но она отмолчалась.

— Мисс Дэлглиш справлялась о моей матери?

— Нет, но я уверен, что она и так все знает. Может, рассказала миссис Питерс. Или доктор Диксон. Или кто-нибудь еще. Ей известно обо всем.

— И больше вы ни о чем не говорили? — Лилли встала с кровати и взяла Тилли за ошейник.

Сначала я решил промолчать, но потом передумал — ведь она, как и мисс Дэлглиш, имела право знать все.

— Она расспрашивала о Дэвiline.

— О Дэвiline?

— Да.

— Что именно?

— Интересовалась, о чем говорит Дэвлин в своих выступлениях. По крайней мере, она так сказала.

— И что же ты ответил?

— Что он рассказывает об утопии,

Лилли немного помолчала, словно ожидая услышать что-нибудь еще, но мне нечего было добавить.

— И это все, что хотела узнать мисс Дэлглиш? На самом деле все?

— Не сомневайся.

— Хорошо. Тогда до свидания, Кит.

— А о чем она говорила с Дороти? — остановил я громким шепотом ночную гостью, которая направилась к выходу.

— Ни о чем, — отрезала девушка. — Абсолютно ни о чем.

Дескать, не твоего ума дело. Но, встретив в понедельник Дороти, я решил, что это все-таки мое дело. Мы разыскивали друг друга, чтобы поделиться последними новостями.

Я подробно пересказал ей беседу с мисс Дэлглиш, а Дороти призналась мне, что пожилая леди расспрашивала ее в основном о том, как выглядит Лилли, и о Джекки.

— Она интересовалась, следит ли за собой Лилли, часто ли она моется, опрятные ли у нее платья. Еще она спросила, слушается ли Джекки сестру, не ссорится ли мать с Лилли. Мисс Дэлглиш допытывалась, что едят Стьюбеки, занимала ли деньги Лилли, не попрошайничала ли миссис Стьюбек до больницы. По-моему, мисс Дэлглиш надо было что-то разузнать, только никак не пойму что.

— Вот и я не пойму. Но что-то она задумала, — согласился я.

— Интересно, расскажут ли нам об этом когда-нибудь Лилли или мисс Дэлглиш? — вздохнула Дороти.

Мы с Дороти отметили, что Лилли не спросила, как выглядит мисс Дэлглиш. Ни слова об этом. Мы оба обратили внимание и на то, что мисс Дэлглиш прихрамывает и опирается на трость, но не сказали об этом Лилли.

— Мисс Дэлглиш на себя не похожа, — сокрушалась Дороти. — Что-то с ней происходит. И лучше не говорить об этом Лилли.

Я был уверен, что Лилли и так все узнает от миссис Питерс. Не меня и Дороти, а старую экономку расспросит девушка о здоровье пожилой леди. И снова я подумал о том, что во взаимоотношениях мисс Дэлглиш и Лилли существует некая закономерность и что их упрямый молчаливый спор, о котором мы на время забыли, продолжается.

Глава шестнадцатая



Лилли начала догадываться о намерениях мисс Дэлглиш после того, как в понедельник утром на Мыс прибыли рабочие, которые врыли в землю четыре столба, протянули к Мысу провода от линии электропередачи, а к концу недели подсоединили дом к городской сети и поставили счетчик, чтобы Лилли знала, сколько нужно платить за электричество. Все это было сделано с ведома муниципалитета. О проводке позабылась частная компания братьев

Стак, которые, не спросив разрешения у Лилли (кстати, двери у Стьюбеков никогда не запирались), провели в комнаты свет и поставили на кухне трансформатор.

На следующей неделе плотник Парсон, опять-таки даже не спросив разрешения у Лилли, привез на грузовике брус и доски, настелил пол на кухне и покрыл его линолеумом, доставленным из магазина Купа. Неожиданно на Мысе появились табуретки, стол и буфет, затем две кровати, комод, кресло, кастрюли, сковородки, чайный и столовый сервизы, ножи, вилки, ложки, комплекты одеял, простыней, полотенец и умывальник с зеркалом. Почти каждый день, приходя с работы домой, Лилли обнаруживала все новые и новые подарки, которые с восхищением рассматривал Джекки; сама она принимала эту «манну небесную» с обычной сдержанностью.

Тем временем доктор Диксон перевез на своей машине из больницы миссис Стьюбек, и однажды вечером, спустившись на Мыс наколоть дров и посмотреть, как там идут дела, я увидел ее у печки в новом кресле. Я пришел на кухню за топором, но она не обратила на меня никакого внимания, даже когда я поздоровался. Миссис Стьюбек не повернула головы и в сторону Джекки, принесшего целое ведро пахты с маслозавода; она лишь с отсутствующим видом теребила желтую брошь, приколотую к платью у воротника, — Лилли вернула ее матери. Миссис Стьюбек то и дело жалобно постанывала; некогда загадочная и молчаливая, как и все женщины у Стьюбеков, она превратилась теперь в беспомощную больную с глазами, устремленными в пустоту.

— Вам плохо, миссис Стьюбек? — спросил я.

Она ничего не ответила, продолжая стонать и теребить брошь. Миссис Стьюбек совсем исхудала, но выглядела опрятно; на ней было новое платье, сшитое по фигуре. И туфли были новые, поэтому я подумал, что все это прислала пожилая леди. Обычно мать Лилли получала от сердобольных горожан лишь обноски.

И вот одним воскресным утром «мармон» мистера Мэлоуна доставил мисс Дэлглиш на Мыс, где она, по словам миссис Джонстон, дом которой стоял у железной дороги, а окна смотрели на жилище Стьюбеков, провела около получаса и уехала, забрав с собой Тилли.

Мы не ведали, о чем говорили мисс Дэлглиш и Лилли, лишь гораздо позднее я смог восстановить их беседу по записям в дневнике девушки. Важно, что Лилли в то

время даже не догадывалась о том, чем были продиктованы поступки мисс Дэлглиш.

А объяснялось все довольно просто — мисс Дэлглиш вернулась из Европы, узнав, что дни ее сочтены.

Не только Лилли, но и никто в городе не подозревал о болезни пожилой леди, кроме ее врача, старого доктора Уолдеса, умевшего хранить тайны. Разумеется, близость смерти накладывала отпечаток на все, что делала мисс Дэлглиш, но в отношении Лилли она руководствовалась и другими, более сложными соображениями, Лилли по-прежнему ни о чем не знала. Поэтому ее разговор с мисс Дэлглиш был продолжением их старого запутанного спора.

В то воскресное утро мисс Дэлглиш без обиняков предложила Лилли:

— Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. Дом для твоей матери и брата будет приведен в порядок, расходы на питание и уход за ними я беру на себя. Если понадобится посторонняя помощь, я дам денег, чтобы нанять кого-нибудь, только позаботься об этом сама. Но я не желаю, чтобы ты здесь оставалась. Возвращайся ко мне и попробуй возобновить занятия, постарайся закончить школу вместе с Дороти и Китом, ну а уж если не сумеешь, то в следующем году.

Хотя черная тетрадь многое проясняла, однако Лилли никогда подробно не записывала в ней, что говорила сама. С мисс Дэлглиш она обычно не спорила, пока речь не касалась о жизненно важных для нее вопросах. Да и тогда Лилли не опускалась до мелочей и возражала, если не могла согласиться, лаконично, но упрямо. На этот раз она, видимо, только сказала мисс Дэлглиш, что не вернется к ней.

— Ты же можешь найти сиделку для своей матери, — не отступала мисс Дэлглиш, — а брат твой вполне самостоятелен. Мне известно, что ты ходила по помойкам, Лилли, — продолжала она, — это скверно, ты сама понимаешь. Тебе не хватает денег, чтобы прокормить семью, разве я не права? Будет лучше, если ты переедешь ко мне и живешь по-человечески.

— Мне и здесь хорошо. Ни менять что-либо, ни уходить отсюда я не собираюсь.

Мисс Дэлглиш попробовала поговорить с миссис Стюбек, но та почти не слушала ее и лишь бормотала время от времени: «Да, госпожа», — потом переводила страдальческий взгляд на дочь и жалобно спрашивала:

— Ты нас не бросишь, Лилли?

— Нет, — всякий раз успокаивала ее девушка.

— Вы не понимаете меня, миссис Стьюбек,— убеждала мисс Дэлглиш.— Я и не хочу, чтобы Лилли забыла вас.

— Да, госпожа,— опять пробормотала миссис Стьюбек, и по ее щекам покатались крупные слезы.

Убедившись в тщетности уговоров, мисс Дэлглиш раздраженно повернулась к Лилли:

— Это уж слишком! Просто глупо!

— Ничего не поделаешь,— ответила девушка.

— Надеюсь, ты передумаешь. А пока я возьму Тилли. Где он?

— Зачем вам собака? — удивилась Лилли.

— Наша соседка, миссис Эндрюс, завела кошек, и миссис Питерс никак не может прогнать их из сада; Тилли мигом с этим справится.

— Он убежит от вас,— предупредила Лилли.

— Я его уговорю.

— Им теперь командует Джекки.

— Я куплю ему другую собаку.

Даже ради Джекки Лилли не хотела спорить с мисс Дэлглиш; она взяла старую веревку, которая служила поводом, и привязала ее к ошейнику Тилли. Джекки разговаривал во дворе с мистером Мэлоуном, который показывал ему свой «мармон».

— Куда вы ведете Тилли? — спросил Джекки у мисс Дэлглиш, когда она вышла из дома с песиком.

— Я куплю тебе другую собаку,— пообещала мисс Дэлглиш.— Тилли мне нужен.

— Но ведь он принадлежит Лилли,— возразил мальчик.

— Лилли разрешила мне взять его.

— Надолго? — не отступал Джекки.

Ничего не ответив, мисс Дэлглиш передала веревку мистеру Мэлоуну, и тот посадил собаку на переднее сиденье; удивительно, но Тилли охотно подчинился, словно его ожидала приятная прогулка. Тилли давно превратился в грязную собачонку со спутанной шерстью, он нетерпеливо прыгал в машине, точно возбужденный ребенок, который собрался на праздник со взрослыми.

Прощаясь, мисс Дэлглиш спросила о Дэвлине. Зачем он приходит сюда? Так ли уж это необходимо? Может, он легкомысленный человек?

— С Дэвлином все в порядке,— ответила Лилли.

— Я думала, ты умнее,— бросила гостя уже из автомобиля.

Более словоохотливый, нежели миссис Питерс, мистер Мэлоун рассказывал потом Дороти, что в дороге мисс Дэлглиш держалась с обычным достоинством, зато когда он открывал ворота, ему показалось, что глаза у нее заплаканы.

Если бы это было либретто, то теперь можно было бы почти предугадать, как проявит себя *forza del destino*¹ в следующем акте, по крайней мере, по отношению к Лилли, ибо неделю спустя старая экономка сообщила мисс Дэлглиш, что через месяц навсегда уедет из Сент-Элена. Миссис Питерс собиралась в Нуах, отстоявший на тридцать миль от нашего городка. Наступал конец ее многолетней службе у мисс Дэлглиш.

Причина была известна. Мистеру Питерсу, работавшему механиком у мистера Мэлоуна, предложили купить гараж в Нуахе, и, несмотря на возраст, он решил взять ссуду в местном банке и, добавив свои сбережения, купить гараж, если не для себя, то для сына, который пошел по стопам отца. Питерсы намеревались поселиться в комнатах над гаражом. Разумеется, их связи с Сент-Эленом обрывались, по крайней мере, для миссис Питерс. Она не могла пожертвовать интересами мужа и сына.

Миссис Питерс и мисс Дэлглиш настолько привыкли друг к другу, что казалось, их разлучит лишь смерть. Многие в городе ломали голову над тем, кто заменит экономку.

— У нас подходящей замены не найти, — сказала мама отцу за обедом, услышав, что мисс Дэлглиш остается без прислуги.

— Почему же? — удивился он.

— Не знаю, — ответила мама, — только не найти. Ведь миссис Питерс ни разу словом не обмолвилась о своей хозяйке. Молчала как рыба.

— Неужели у нас нет женщины, умеющей держать язык за зубами? — возразил отец.

— Такой скрытной да еще и работающей, как миссис Питерс, — нет. Она прямо была создана для службы у мисс Дэлглиш.

— Кто-нибудь да найдется, — не сдавался отец, и родители прекратили на этом спор, ведь никто из нас ничего не знал о планах мисс Дэлглиш.

¹ Сила судьбы (*ит.*). — Это выражение вошло в разные языки благодаря популярности оперы Верди (1861) на сюжет одноименной драмы А. Сааведры.

У нее оставался еще месяц, чтобы подыскать себе прислугу, и несколько женщин в нашем городе желали получить освобождающееся место. Самой подходящей кандидатурой была овдовевшая миссис Смит, которая жила с незаужней дочерью. Она славилась своей чистоплотностью, никогда не сплетничала и считалась прекрасной матерью. Но миссис Смит была суетлива, а мисс Дэлглиш не переносила суеты. К пожилой леди охотно пошла бы и Эйми Лонгстрит — старая дева, долгие годы прослужившая компаньонкой у мисс Раунтри, которая владела тремя домами и прожила в одном из них до девяноста трех лет. Но Эйми трудно было представить рядом с мисс Дэлглиш. Длинная как жердь, с редкими, вечно растрепанными волосами, она всегда имела неряшливый вид, будто совсем забывала о себе в заботах о других. Еще две женщины метили в прислуги к пожилой леди, но они по той или иной причине тоже не подходили.

Дни летели за днями, и мисс Дэлглиш, казалось, перестала искать себе помощницу; теперь она жила почти затворницей, уже не выходила по субботам на прогулки, и ее редко видели в городе. Лилли продолжала работать в фотоателе, а миссис Питерс по-прежнему исчезала за воротами особняка в восемь утра и покидала его в половине пятого.

Наконец, наступил день, когда миссис Питерс уехала из города, и было похоже, что мисс Дэлглиш решила отныне жить одна. Но на следующее утро ровно в восемь большие деревянные ворота открыла вместо миссис Питерс Лилли, которая оставалась в особняке до полудня, а потом ушла на Мыс. Через час она вернулась к мисс Дэлглиш и пробыла у нее до пяти вечера. Так продолжалось изо дня в день, и мы поняли, что Лилли стала новой экономкой пожилой леди. Неизвестно, как и где, но соглашение между ними было достигнуто.

Кое-что я узнал от Дороти, а кое-что рассказала сама Лилли, но по-настоящему все прояснили последующие события. Вопрос был решен чисто по-деловому. Мисс Дэлглиш обязалась платить Лилли три фунта в неделю (в два с лишним раза больше, чем девушка получала в фотоателе) и оставила попытки переселить ее к себе. Со своей стороны, Лилли взялась выполнять обязанности миссис Питерс, но выговорила для себя время, которое могло понадобиться для ухода за матерью, а также разрешение ненадолго покидать днем большой дом и ночевать на Мысу.

В конце концов, мисс Дэлглиш и Лилли снова оказались вместе, но отныне на единственно возможном для девушки условии — мисс Дэлглиш платила ей, и плата была справедливой. Лилли согласилась на это, потому что тем самым обретала независимость. А ведь именно этого она и хотела. Однако, сама того не ведая, Лилли ухаживала теперь за двумя медленно умиравшими женщинами, которые нуждались в ней, ибо она всегда готова была противостать любому злу, может быть, даже смерти.

Глава семнадцатая

Их дни протекали теперь в постоянной борьбе; мисс Дэлглиш пыталась возобновить старые отношения, а Лилли стремилась вести себя сообразно своему новому положению. Она и прежде работала по дому, но по-настоящему уборкой, кухней, стиркой и глажением занималась миссис Питерс.

— Постельное белье надо отдавать в китайскую прачечную, — сказала мисс Дэлглиш Лилли, когда они устанавливали новый уклад жизни в особняке.

Пока они договорились лишь о самом главном — о работе и жалованье Лилли, но не успели обсудить ее обязанности. Теперь им нужно было упорядочить свой быт до мелочей, и тут мисс Дэлглиш хотела все решать сама и по-своему.

— Зачем нам прачечная? — возражала Лилли. — Я буду стирать простыни и наволочки, как миссис Питерс.

— Но у тебя освободится время для других дел, — убеждала девушку пожилая леди.

— Для каких?

— Ты могла бы учиться, например, совершенствоваться свой французский.

— С этим покончено, — отрезала Лилли.

Мисс Дэлглиш пропускала мимо ушей все, что не желала слышать, она не считалась ни с какими доводами, если была уверена в своей правоте.

— У тебя останется время для занятий, — твердила

она.— Тебе не нужно выполнять все обязанности миссис Питерс. Я найму кухарку.

— Я буду готовить сама,— настаивала Лилли.— Мы же договорились.

— Но мы не договаривались о том, что ты будешь изнурять себя.

Лилли молча отвернулась. В дальнейшем она стирала и готовила без чьей-либо помощи. Но так как Лилли отказалась учиться, пожилая леди заставила девушку читать ей вслух по два часа в день, и Лилли отнеслась к этому с таким же равнодушием, с каким прежде принимала подарки мисс Дэлглиш — новые платья, чулки, туфли.

Лилли была предельно пунктуальной. Она приходила и уходила минута в минуту. Фактически она работала всю неделю, кроме воскресенья, по двенадцать часов в сутки, а ведь ей надо было еще ухаживать за матерью. Каждое утро Лилли одевала ее, разжигала печь, готовила завтрак, мыла посуду, убирала постели и оставляла обед, которым кормила мать днем. Миссис Стьюбек совсем ослабела, даже летом, беспомощная и полусонная, она целые дни просиживала в кресле перед горячей печкой. Иногда, когда Лилли уходила, миссис Стьюбек принималась плакать, боясь, что дочь бросила ее навсегда, но ни разу больная не пожаловалась на здоровье или одиночество.

Я теперь редко видел Лилли, так как мисс Дэлглиш позаботилась о дровах для Стьюбеков и мне незачем было спускаться на Мыс. Порой я встречал Лилли по субботам, когда она обегала магазины, делая покупки для себя и пожилой леди. На ее щеках полыхал румянец, она выглядела собранной и даже довольной, будто нашла себе наконец дело по душе. Она уже не казалась прежней замарашкой. Лилли опять носила чистые, глаженные платья. Ее волосы отливали мягким блеском; Лилли все больше напоминала мисс Дэлглиш, и не только своим поведением за столом; странно, что она даже ходила как пожилая леди — твердыми, уверенными шажками.

Лилли расцветала на наших глазах, меж тем пожилая леди заметно увядала. Однажды субботним утром мисс Дэлглиш все-таки показалась на улице вместе с Лилли. Держалась пожилая леди прямо, но опиралась на трость и двигалась очень медленно. Однако вид у нее по-прежнему был властный, будто вовсе не Лилли вела ее, а она — Лилли. Разговаривали они теперь редко, и Дороти (кроме нее и доктора Уоллеса почти никто не навещался в

старый особняк) сказала мне, что мисс Дэлглиш и Лилли похожи на двух заключенных.

— Они словно скованы одной цепью, Кит, — рассказывала Дороти, — и делают почти все молча, без единого слова. А если даже и разговаривают, кажется, будто главное как раз и остается невысказанным. Но друг без друга они не могут. Точно срослись.

Пожалуй, Лилли могла бы так жить бесконечно долго, если бы не заболела. Природа одарила ее крепким здоровьем, но Лилли слишком небрежно относилась к себе (до себя у нее просто не доходили руки); ее мог уложить в постель только серьезный недуг, однако все началось с пустяковой царапины.

Возле Мыса вечно валялись заляпанные илом обрывки колючей проволоки; однажды вечером Лилли заполняла кухонный бак водой, которую носила ведрами с реки, и случайно наступила на виток ржавой проволоки, оставленный схлынувшим паводком; Лилли глубоко поранила ногу и обрадовалась, что была без чулок. Она с детства привыкла к ссадинам, порезам и, едва кровь переставала течь, не обращала на них внимания. И на этот раз, обмыв ногу и остановив кровь, Лилли забыла о ране, только надела черные чулки, чтобы скрыть ее. Прошло несколько дней, Лилли продолжала работать, но нога начала опухать. Лилли убеждала мисс Дэлглиш, что скоро все заживет, но к концу недели уже не смогла ходить. В воскресенье она слегла в постель с высокой температурой, а ночью уже металась в бреду. В два часа утра, когда я спал на веранде, меня разбудил Джекки, толкнув локтем.

— Лилли очень плохо. Она бредит и не приходит в себя.

Я хотел сначала поднять маму или сестру, но не решился тревожить их. Я еще не знал, насколько серьезно у Лилли разболелась нога, и подумал, что Джекки зря переполошился. Однако я быстро натянул брюки поверх пижамы, надел ботинки на босу ногу и бегом пошел по темным улицам.

— Ты разбудил свою маму? — спросил я Джекки.

— Зачем? — удивился мальчик. — От нее никакой пользы.

Джекки провел меня в комнату, которую занимал вместе с сестрой. Комната уже не зияла пустотой, теперь там стояли две кровати, комод, гардероб, на полу лежал коврик. Я включил свет.

— Лилли этого не разрешает, — предупредил Джекки.

— Наплевать,— ответил я и с тревогой посмотрел на девушку. Одеяло едва прикрывало Лилли, спавшую в одних трусиках. Я в первый раз увидел обнаженную девушку, поэтому покраснел и не мог отвести взгляда от ее груди; затем поспешно накрыл Лилли одеялом. Ее голова и плечи ходили ходуном, а тело дергалось в судорогах. Я попробовал заговорить с ней, но она ничего не слышала, лишь что-то бормотала сквозь стиснутые зубы и громко стонала. Ее глаза оставались закрытыми.

— У нее болит нога,— сказал Джекки.— Видишь, как разнесло.

Мне не хотелось откидывать одеяло, чтобы рассмотреть ногу, но Джекки сам приподнял его, и я заметил, что левая перевязанная нога Лилли раздулась и стала лиловой от лодыжки до колена.

— Господи! — вырвалось у меня.— И давно это у нее?

— Два дня,— ответил Джекки.— А вчера ей сделалось совсем плохо.

Бесполезно было спрашивать у Джекки, ходила ли она к доктору или в больницу; я твердо знал, что Лилли необходимо срочно показать врачу и нужно, не мешкая, доставить его на Мыс. Я был настолько потрясен видом бредившей Лилли, что изо всех сил пустился вверх по холму к дому мистера Диксона. Было около трех часов ночи. Я долго нажимал на кнопку звонка, пока миссис Диксон не спросила из-за двери:

— Боже мой, да кто же это?

— Это я, Кит Квейл, миссис Диксон.

— Что случилось, Кит? Мама заболела?

— Нет, миссис Диксон. Лилли Стьюбек плохо.

— Опять эта Стьюбек... Нет, Кит. Сейчас три часа ночи.

— Ей совсем плохо,— не отступал я.— Срочно нужен врач.

Миссис Диксон раздраженно распахнула дверь и спросила, что же такое произошло. Я рассказал ей все, что видел.

— Подожди здесь, Кит,— проговорила миссис Диксон.

Через несколько минут, на ходу надевая халат, на пороге показался доктор Диксон; он обругал меня «занудой» и попросил описать симптомы, сомневаясь, что Лилли действительно серьезно больна.

— Расскажи подробнее.

Я повторил про бред, судороги и распухшую ногу.

— Омерзительное место, — пробурчал мистер Диксон. — Я же говорил, что там нельзя жить.

Доктор велел мне подождать и через пять минут вышел из дома с двумя чемоданчиками, один из которых протянул мне. Мы уселись в «крайслер».

— Не хлопай дверцей, — сказал мистер Диксон. — А то собаки поднимут весь город.

Он спросил, как я попал ночью на Мыс; пришлось признаться, что Джекки разбудил меня.

— На прошлой неделе этот чертенок пытался всучить жене мешок конских яблок для нашего сада, он стащил его ночью из конюшни мистера Стюарта. Если они держат навоз у себя на Мысу, то девушка могла подхватить столбняк, и тогда ей конец.

— Вряд ли она прикасалась к мешку, — сказал я доктору.

— Откуда тебе известно?

— Это забота Джекки, а не Лилли, — ответил я.

— Надеюсь, на ее счастье, ты прав. Похоже, что у Лилли заражение крови.

До сих пор не могу забыть эту поездку через спящий город; всполошилась разбуженная нами собака, свет фар вырвал из темноты заметавшуюся кошку, переходившую пустынную дорогу. Мне вдруг стало страшно среди темных и тихих улиц, потому что я поверил, что Лилли может умереть. О столбняке, пока о нем не упомянул доктор, я не думал; в те времена столбняка панически боялись в нашем захолустье. Заразиться им было все равно что плыть по реке во время паводка или получить дозу яда от тигровой змеи. Столбняк означал неминуемую смерть.

Прибыв на Мыс, доктор Диксон не удивился тому, что миссис Стьюбек продолжала спать, а у постели больной сестры дежурил маленький Джекки. Врач отправил нас на кухню. Через несколько минут он вышел из комнаты и спросил у Джекки, где Лилли так глубоко порезала ногу. Узнав о колючей проволоке, врач осмотрел грязные трехпалые руки мальчика, повернув их ладонями вверх, и покачал головой:

— Она трогала навоз, который ты приносил моей жене?

— Лилли даже ничего о нем не знает, — ответил Джекки.

— Не лги, возможно, у твоей сестры столбняк.

— Правда, — уверял Джекки. — Она его в глаза не видела.

— Хорошо. Будешь помогать мне, Кит, — распорядился врач и попросил Джекки растопить печь, чтобы вскипятить воду. — Но только в чистой кастрюле.

Остальную часть ночи доктор Диксон провел в напряженной борьбе с опасным недугом, привычной для провинциального врача в те времена, когда еще не открыли антибиотики, а случаи травматизма в нашем штате Виктория были нередки; я впервые понял, каким безвольным и слабым может стать человеческое тело и насколько тонка и непрочна нить жизни. За одну ночь гордая, неукротимая Лилли, моя сверстница, которую я помнил еще крепкой маленькой девочкой, превратилась в беспомощную пленницу болезни. Какая-то могучая злая сила приковала ее в конце концов к постели.

Мне пришлось держать Лилли за руки и голые плечи, пока доктор Диксон чистил скальпелем рану на распухшей ноге; Лилли, хоть и оставалась без памяти, кричала от боли, поскольку анестезирующих средств не было.

— Слишком далеко все зашло, — проговорил доктор, приказав мне сесть на здоровую ногу Лилли, а сам опять принялся орудовать скальпелем.

Я все-таки не был столь близок с Лилли, чтобы совсем расклеиться, но ее стоны и бред позволили мне увидеть Лилли в истинном свете — такую знакомую и незнакомую. Передо мной лежала обыкновенная семнадцатилетняя девушка — полуобнаженная, очень больная; я слегка придавил коленями ее ноги.

— Навались всем телом, — приказал доктор Диксон, — постарайся, чтобы она не двигалась.

Лицо Лилли казалось совсем беззащитным, исчезло обычное выражение настороженности. Однако я знал, что даже беспомощная Лилли была полна жизни, а не смерти, и решил, что она не умрет.

Второй чемоданчик доктора Диксона был полон бинтов и ваты, он вытирал гной, стерилизовал рану и останавливал кровотечение. Занимался он этим бесконечно долго. Наконец доктор свернул огромный тампон, приложил его к ране и начал накладывать повязку. Я держал ногу Лилли на весу.

— Брось всю эту дрянь в печь и сожги, — велел доктор Джекки. На полу беспорядочно валялась грязная вата. — И вымой руки.

— Лилли поправится? — спросил Джекки, он был испуган и казался совсем маленьким.

Джекки пришел в комнату, услышав стоны сестры, и видел самую тяжелую часть операции.

— Вы ей не отрежете ногу?

— Надеюсь, все обойдется, Джекки, — успокоил его доктор Диксон и повернулся ко мне. — Ее нельзя оставлять здесь. Она нуждается в постоянном, тщательном уходе.

— Вы можете позвонить мисс Дэлглиш? — спросил я.

— Сейчас еще ночь.

— Тогда рано утром.

— Хорошо. Но тебе придется посидеть с Лилли, Кит. Я немного почистил рану, и Лилли сейчас чуть лучше, но кто-то обязательно должен присмотреть за ней; на миссис Стьюбек нельзя положиться.

Казалось, Лилли стало легче, она утихла; на самом деле она просто выбилась из сил; Лилли вся горела и вздрагивала во сне.

— Хорошо, останусь, — согласился я, полыценный дружеским тоном доктора Диксона. — Это столбняк?

— Нет. Правда, сначала меня обеспокоили судороги. У Лилли сепсис в тяжелой форме, она может потерять ногу. Гангрена. Нужно перевезти ее в больницу или тщательно ухаживать за ней дома, а здесь некому заботиться о Лилли. Я поговорю с мисс Дэлглиш. Хочешь, я позвоню твоей матери и предупрежу, что ты на Мысу, или она знает?

— Нет, я ей ничего не сказал, но не беспокойте ее до восьми часов.

— Ладно. Возьми полотенце, намочи его в миске с водой и вытри лицо Лилли. Приведи ее немного в порядок. У тебя сейчас экзамены? Выпускные?

— Послезавтра. То есть завтра.

— Тогда смотри, сможешь ли ты подежурить, пока я кое-что утрясу утром. Ты здорово помог, Кит. Она твоя девушка?

Я замотал головой, и доктор Диксон рассмеялся.

— Честное слово, — убеждал я. — Между нами ничего нет.

— Значит, она девушка Дэвлина, нашего репортера?

Все знали, что Дэвлин каждый день приходил к Лилли. Над ними уже смеялись в городе.

— Пожалуй, она ничья, — сказал я.

— Пожалуй, — загадочно улыбнулся доктор и вышел из дома, оставив меня ухаживать за Лилли, которая вдруг открыла глаза и, казалось, удивилась, увидев мое лицо, но тут же опустила веки и погрузилась в горячий сон.

Глава всеинадцатая

Мисс Дэлглиш приехала на «мармоне» с мистером Мэлоуном в половине девятого утра; еще не войдя в дом, она окликнула меня:

— Ты здесь, Кит?

— Да, мисс Дэлглиш, — ответил я.

— Где Лилли? — проговорила мисс Дэлглиш с порога.

— Тут, — указал я на комнату Лилли.

— Идите сюда, — велела пожилая леди мистеру Мэлоуну, а потом спросила:

— Она очнулась?

— Еще нет. Только один раз открыла глаза.

— Тогда давайте побыстрее, — решила мисс Дэлглиш. — Вы сможете поднять Лилли, мистер Мэлоун, и отнести ее до автомобиля?

— Наверное, мисс Дэлглиш, но, по-моему, она без сознания.

— Лилли спит, — пояснил я.

Лилли дышала глубоко и устало, но уже не бредила, ее совсем недавно красное, горячее лицо побледнело, жар прошел.

— Надо завернуть Лилли в одеяло, — сказал я.

Мисс Дэлглиш лучше меня знала о привычках Лилли и, когда мистер Мэлоун взял больную на руки, аккуратно подоткнула одеяло со всех сторон.

— Куда вы уносите Лилли? Что вы делаете? — закричал Джекки, войдя в комнату.

— Лилли нужен уход, — ответила мисс Дэлглиш. — Ей нельзя оставаться здесь.

Хотя я заранее предупредил Джекки о том, что Лилли увезут, он уцепился за одеяло, когда мистер Мэлоун понес ее к машине.

— Не трогайте ее! — кричал Джекки, не отпуская одеяло.

— Быстрее, — торопила мисс Дэлглиш. — Кит, скажи ему что-нибудь.

— Так нужно, Джекки. Лилли придется увезти.

— Зачем? — удивился мальчик. — Я буду ухаживать за ней.

— Ты не справишься.

— Вы же ее не в больницу везете, а к себе.

Мисс Дэлглиш не обращала на Джекки внимания; когда мистер Мэлоун пронесил Лилли через кухню, появилась миссис Стьюбек. Она проспала всю ночь и не знала, что произошло, и тут вдруг увидела бесчувственную, ослабевшую Лилли у мистера Мэлоуна на руках.

— Это же Лилли, — проговорила миссис Стьюбек.

— Да, миссис Стьюбек, — ответил я. — Она заболела.

Миссис Стьюбек с неожиданной силой схватила меня за руку, и я вспомнил о ее расправах над дочерьми, когда доставалось и Лилли.

— Почему ее увозят? — спросила миссис Стьюбек. — Что случилось?

— Лилли заболела, — повторил я. — У вашей дочери варяжение крови, и ее нельзя оставлять без ухода.

Я довольно долго не был на Мысу и, хотя знал о том, что миссис Стьюбек не в себе и очень ослабела, не мог сдержать изумления, увидев ее теперь. Глаза миссис Стьюбек выкатились, под ними залегли темные круги, отчего дряблое лицо казалось почерневшим. На ней был просторный халат, но я все равно заметил, что она еще больше усохла и согнулась. Руки у нее исхудали и стали похожи, как и у Джекки, на клешни.

— А кто приготовит чай? — жалобно спросила она.

— Не знаю, миссис Стьюбек, Лилли не может.

— Ее везут в больницу?

— Не знаю, — ответил я.

Тем временем Лилли уже устроили на заднем сиденье «мармона». Я ждал, что мисс Дэлглиш попрощается с нами, но в дом она не вернулась. Она села рядом с Лилли, заботливо поддерживая ее. Неожиданно Джекки попытался остановить машину, с отчаяньем вцепившись в дверцу.

— Сейчас же отойди, — приказала мисс Дэлглиш.

Она захлопнула дверцу и приказала мистеру Мэлоуну побыстрее трогать. Мы остались втроем на пороге кухни, провожая взглядом «мармон», который скрылся за холмом.

— Завтра они привезут ее обратно? — спросила миссис Стьюбек.

— Она вернется, когда поправится, — пообещал я,

Миссис Стьюбек заплакала, и я на мгновение растерялся. До сих пор я думал лишь о том, как помочь Лилли, но теперь, когда ее увезли, мне стало нестерпимо жалко ее мать и брата.

Джекки ни на что не жаловался и о себе не беспокоился. Он решил (а я не стал возражать) не ходить в школу.

— Надо сегодня за ней присмотреть, — сказал он, кивнув на мать.

— А справишься? — удивился я. — Что ты будешь с ней делать?

— Дам ей чаю и накормлю завтраком. Потом приготовлю обед. Она ничего не может делать, Кит. Только сидит целыми днями и ждет Лилли.

— Ну, а Лилли теперь не работник, — сказал я. — За ней самой надо ухаживать.

— Ты думаешь, она не вернется? — спокойно спросил Джекки, засовывая в печь остатки грязной ваты. — Ей отрежут ногу, да?

Я сказал мальчику, что все будет хорошо, хотя понимал, что при гангрене надежда на благополучный исход была невелика. Миссис Стьюбек уже устроилась в кресле; не переодев длинную ночную рубашку. Она совсем забыла обо мне; когда я вышел из дома Стьюбеков, меня преследовал едкий запах жженой ваты. Мне предстояло рассказать родителям о событиях этой ночи и убедить маму, что помочь Лилли она ничем не может.

Раз уж за девушкой захлопнулись большие ворота, мисс Дэлглиш никому не отдаст ее, поэтому я не удивился, услышав от доктора Диксона, что мисс Дэлглиш дни и ночи проводит у постели Лилли, которая нуждалась в заботливом уходе. Рана должна была оставаться сухой и стерильной, а для этого приходилось часто менять повязку. Мисс Дэлглиш не могла теперь обойтись без помощницы и послала за миссис Смит.

Мисс Дэлглиш делала все, что было в ее силах. Жизнь в особняке снова вошла в прежнее русло. Лилли была окружена непрестанной заботой. Мисс Дэлглиш никого к ней не допускала.

— Не пужно ее беспокоить, — отвечала она на все прссыбы. — Сейчас к ней никому нельзя.

— Наверное, Лилли очень плохо,— предположила Дороти,— иначе она позвала бы меня, чтобы спросить о матери и брате.

Моя мама пыталась хоть как-то помочь Стьюбекам, но этому воспрепятствовал отец.

— Только не ты,— предупредил он.

Отец с пеной у рта защищал в суде любого, кто пострадал от несправедливости, но оказывался самым заурядным обывателем, когда что-то нарушало покой его семьи.

— Я запрещаю тебе возиться со Стьюбеками,— сурово сказал он маме.

Однако нельзя было бросать их одних; несколько человек в городе беспокоились о Стьюбеках, но выход из положения оказался неожиданным и довольно странным. Заботу о Стьюбеках взял на себя Дэвлин, который переехал на Мыс. Несмотря на то, что у нас посмеивались над ним, он продолжал делать свое дело с двойным упорством, и мы скоро забыли о миссис Стьюбек и Джекки, нетерпеливо ожидая вестей о Лилли, оставшейся за высокой деревянной оградой.

Глава девятнадцатая

Дэвлин приобрел подержанный мотоцикл с коляской, и нам нравилось смотреть ему вслед, когда он летел по улицам в седле старенького «BSA», вскинув голову и держа руки на руле, а коляска неслась рядом как бы сама по себе. Дэв управлял мотоциклом крайне небрежно, и мы каждый раз ждали, что руль вот-вот вырвется у него из рук и мотоцикл выкинёт какой-нибудь фортель. Дэвлин вперивался в дорогу, но это отнюдь не означало, что он действительно видел повороты или препятствия. Тем не менее ездил Дэвлин благополучно, и, убежденный, что доберется до цели, и впрямь добирался.

До сих пор я не особенно много рассказывал о Дэве, который стал частым гостем на Мысу. До болезни Лилли он бывал там, по крайней мере, раз в неделю вечером и почти каждое воскресенье. Мы привыкли видеть Лилли в коляске, а Джекки на заднем сиденье мотоцикла, несущее-

гося в Нуах. Лилли и в побитой коляске оставалась сама собой. Она казалась отрешенной, такой же далекой от Дэва, как дома или на улице. Однако что-то объединяло всех троих, и Лилли, подобно брату, с удовольствием отправлялась на эти прогулки. В отличие от нас она не боялась безнадежной и опасной небрежности Дэвлина за рулем, и это говорило о том, что она ему доверяла.

Дэвлину не было у Лилли в то воскресенье, когда она заболела, потому что он гостил у Джека Хейеса, птицеферма которого находилась в двадцати милях от нашего города; старина Джек был рационалистом, последователем Джозефа Мак-Кейба¹ и сэра Джеймса Фрейзера². Они с Дэвлином любили поспорить о первобытных племенах, которым Фрейзер посвятил свою «Золотую ветвь». Дэв считал, что первобытная община несет в себе черты утопии, которые он искал и нашел у Фрейзера. А Джек доказывал, что любая религия и ее обряды имеют в своей основе примитивный тотемизм, суеверия и социальное принуждение. Словом, Дэвлин пребывал в своей стихии, беседуя с товарищем в старой, крытой железом хижине, пропахшей грязными яйцами и птичьим кормом, и я не знаю, что было бы с Лилли, если бы он не философствовал в тот день, когда она металась в бреду. Как бы он поступил?

Прошла неделя, прежде чем Дэвлин решил переехать к Стьюбекам, и все это время люди, узнав о болезни Лилли, помогали ее матери и брату. У Лилли всегда были тайные доброты; обычно они передавали на Мыс кастрюли с едой или старую одежду, хотя поношенные блузки и платья, конечно, не могли избавить Стьюбеков от нищеты. В Сент-Элене было два благотворительных общества при разных церквях; некоторые женщины посещали Мыс (позднее я узнал от мамы, что их просила помочь Стьюбекам мисс Дэлглиш).

Однако никто в Сент-Элене не хотел жить со Стьюбеками под одной крышей; несмотря на перемены, Мыс по-прежнему считали у нас подозрительным местом. Да и Стьюбеки слыли «цыганами». Дороти Мэлоун переселилась бы на Мыс, если бы ей не запретили родители, — ведь мы сдавали выпускные экзамены. Пока Дэвлин не

¹ Мак-Кейб Джозеф (1867—1955) — английский философ-рационалист.

² Фрейзер Джеймс Джонс (1854—1941) — английский ученый, исследователь истории религии.

перебрался туда, мы с Дороти почти каждый день навещали миссис Стьюбек и делали все, что могли: топили печь, мыли посуду. Дороти ухаживала, как умела, за миссис Стьюбек, даже умывала ее и причесывала.

Дэвлин избавил нас от угрызений совести; через несколько дней после его переезда на Мыс Джекки возобновил занятия — Дэвлин уговорил мальчика посещать школу, пообещав отвезить его туда на мотоцикле. Известно как, но Дэвлин, не повышая голоса, сумел убедить миссис Стьюбек одеваться по утрам; он не только готовил завтрак и обед, но еще стирал и убирался. Дэв оказался примерной домохозяйкой, хотя трудно было этого ожидать от такого вроде бы растяпы. Заботы о Стьюбеках полностью легли на его плечи, и с этих пор благотворительность кончилась, он освободил всех от прежних обязанностей. Никто не сомневался: раз уж Дэв взялся за дело, то доведет его до конца.

И я и Дороти расспрашивали теперь его о Лилли, ибо он знал о ней больше нас. А когда мы с Дороти звонили мисс Дэлглиш, она отвечала односложно:

— Лилли слаба и не может подойти к телефону. Если ей станет лучше, я сообщу. Не волнуйтесь, она ни в чем не нуждается.

— А как ее нога, мисс Дэлглиш? — интересовался я.

— Еще гноится, рана пока мокнет. Трудно сказать что-то определенное.

Вот и все, что нам удавалось выяснить. Но Дэв отличался репортерским упорством. Он расспрашивал о Лилли доктора Диксона и новую прислугу мисс Дэлглиш миссис Смит. Он не отставал от аптекаря, у которого покупались лекарства и вата. От Дэва мы знали, что Лилли до сих пор очень сильно больна, подавлена, целые дни лежит неподвижно на спине и ест только легкую пищу, что мисс Дэлглиш спит с ней в одной комнате и что Лилли совершенно безразлична ко всему.

Конечно, я беспокоился о Лилли, которая была моим другом, но еще больше меня беспокоили теперь экзамены, а когда они кончились, мне захотелось отдохнуть, купаться около Мыса, и я лишь изредка вспоминал о Лилли, ненароком взглянув на дом Стьюбеков или услышав голос Джекки, купавшегося тут же. Мне казалось, что жизнь бесконечна, как австралийское лето, и в ней нет места смерти. Кроме того, это было мое последнее беззаботное лето, а вдобавок ко всему я влюбился в Норму Мильтон, которая занимала все мои мысли. Но когда Дэвлин по-

звал меня с берега, я догадался, что он хочет сказать мне что-то о Лилли; поэтому я бросил Норму и побежал к Стьюбекам.

— Можешь навестить Лилли в воскресенье, — сообщил Дэв. — Мисс Дэлглиш приглашает тебя и Дороти. Приходите вместе.

— А ты был у Лилли?

— Нет, мисс Дэлглиш не разрешила. Она очень упряма.

Это был самый сильный упрек, на который был способен Дэв, ибо по-настоящему он никогда никого не упрекал.

— Наверное, Лилли стало лучше, — предположил я.

— Она еще не встает, — ответил Дэвлин, — но самое страшное уже позади.

— Значит, ногу ей не отрежут?

— С ногой пока по-прежнему, Кит. Больше я ничего не знаю.

Вечером я позвонил Дороти, которая договорилась с мисс Дэлглиш, что мы придем в три часа дня.

— Она дала нам полчаса, Кит, но поговорить с Лилли по телефону не разрешила.

В три часа в воскресенье мы дернули за шнурок звонка, но ворота оказались открытыми. Мисс Дэлглиш, опиравшаяся на трость, уже поджидала нас у парадной двери. Чистый, веселый Тилли с лаем бросился к нам навстречу.

— Добрый день, Дороти. Здравствуй, Кит, — поздоровалась мисс Дэлглиш. — Дай мне, пожалуйста, цветы, Дороти, я поставлю их в вазу.

Дороти принесла пышный букет, а я пришел с пустыми руками, потому что отказался взять корзиночку с персиками, которую приготовила мама.

— У мисс Дэлглиш есть для Лилли все, что нужно, — сказал я. — И потом, не знаю, можно ли ей персики.

Дороти неохотно рассталась с цветами. Мисс Дэлглиш проводила нас в гостиную и попросила немного подождать.

— Будьте поосмотрительнее, — предупредила она, — не говорите лишнего, если Лилли спросит о матери и брате. Я сказала ей, что уход за ними хороший. Мистер Дэвлин заверил меня, что па Мысу все в порядке. Этого вполне достаточно.

— А как ее нога? — спросила Дороти.

— Рана заживет не скоро, но Лилли не потеряет ногу.

— Слава богу, — сказала Дороти.

Я прислушивался к разговору и незаметно наблюдал за мисс Дэлглиш. Она держалась прямо и была оживлена, словно заботы о Лилли всколыхнули в ней скрытый запас сил, которые еще недавно, казалось, были на исходе. Она хорошо владела собой, выглядела помолодевшей и напоминала прежнюю мисс Дэлглиш, которая справлялась и с домом, и со школьными проблемами Лилли. Словом, сама судьба была, видимо, на стороне мисс Дэлглиш. Но если бы я знал правду о ее здоровье, я бы, наверное, понял, что для мисс Дэлглиш настало последнее «бабье лето», которое всегда бывает слишком коротким.

— Ты хорошо сдал экзамены, Кит? — поинтересовалась мисс Дэлглиш.

— Не особенно, — неопределенно ответил я, потому что говорить об этом не хотелось.

Мисс Дэлглиш задала тот же вопрос Дороти, пока мы вслед за ней медленно поднимались наверх. Дороти улыбнулась мне:

— Я, как Кит, мисс Дэлглиш, боюсь сглазить.

— Вы молодцы, — твердо сказала мисс Дэлглиш. — У вас все будет хорошо.

Вид больной Лилли поразил меня; я, наверное, не удивился бы так, если бы пришел в особняк сразу после событий на Мысу. Правда, мисс Дэлглиш слегка подготовила нас к тому, что Лилли очень ослабела, но то, что я увидел, подтвердило мои самые худшие опасения.

Лилли лежала на спине. Даже на Мысу, когда она металась в бреду и горячке, Лилли оставалась жизнестойкой, какой я знал ее всегда. Теперь она казалась совсем сломленной. Она выглядела бледной, притихшей, и по ее позе было видно, насколько она ушла в себя. Когда ей приходилось трудно, Лилли неизменно отгораживалась от всего, будто то, что происходило, касалось только ее. И сейчас Лилли вела себя точно так же. На ней была белая ночная рубашка из тонкого батиста и кружевное фигаро; этот наряд был столь необычен для Лилли, что я не мог оторвать от него глаз, и лишь потом обратил внимание на саму девушку. В спальне стоял тяжелый запах йода и дезинфицирующих средств, здесь было прохладно и довольно темно, так как в те времена для восстановления сил рекомендовался полумрак, впрочем, занавески были слегка раздвинуты, и мягкий летний свет как бы еще больше сгущал больничную атмосферу, в которой безраздельно царил властный ангел — мисс Дэлглиш.

— Здравствуй, Лилли,— сказала Дороти, я пробормотал то же самое.

Прежде чем ответить, Лилли взглянула на мисс Дэлглиш, и сразу стало ясно, насколько она уже привыкла к тому, что мисс Дэлглиш следит за ней и прислушивается к каждому ее слову.

— Поговорите об экзаменах,— предложила мисс Дэлглиш.

К кому она обращалась? К нам или к Лилли? Судя по всему, к нам, и я уже догадался, что пригласила нас сюда мисс Дэлглиш, а не Лилли, которая лежала сейчас замкнутая, без кровинки в лице; она никого не хотела видеть, я это заметил сразу.

Дороти, как и я, чувствовала себя скованно. Она немного помедлила и торопливо заговорила, будто старалась быстрее заполнить пропасть, возникшую между нами.

— Лилли, экзамены были жуткие. Я смогла ответить только на пять вопросов по математике и ни слова не прочитала о проекте объединенной Европы, который выдвинул Питт Уильям Младший¹.

Лилли продолжала молчать, переводя взгляд с меня на Дороти, эти быстрые, выразительные взгляды, казалось, заменяли ей слова.

Дороти слегка дотронулась до моей руки, точно напоминая, что нужно быть поделикатнее, и главное — развлечь Лилли.

— Ну, а ты как себя чувствуешь, Лилли? — спросила она и присела на кровать.

— Встань с кровати, Дороти,— встревожилась мисс Дэлглиш.— А то заденешь больную ногу.

— Ой, извините! — воскликнула Дороти.— Совсем забыла.

— Садитесь сюда.— Указала мисс Дэлглиш на стулья по обе стороны от кровати.

Мы сели. Присутствие мисс Дэлглиш меня угнетало, но Дороти улыбнулась своей обычной улыбкой и опять спросила, как Лилли себя чувствует.

— Хорошо,— ответила Лилли и снова бросила пронзительный взгляд на подругу.— Лежу вот...

— Нам рассказывали про тебя такие ужасы,— сказала Дороти.

¹ Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Великобритании в 1783—1801 гг. и 1804—1806 гг. Один из главных организаторов коалиции европейских государств против революционной Франции.

- Могу себе представить. Я-то ничего не помню.
- Что говорит доктор? — поинтересовалась Дороти.
- И на этот раз, прежде чем ответить, Лилли посмотрела на мисс Дэлглиш.
- Мне придется остаться здесь, пока не заживет нога.
- Надолго?
- Не знаю...— Лилли нахмурилась, и мы поняли, что ей неприятно говорить о своей болезни.— Врач сам не знает.
- Нога болит?
- Нет.
- Тебе повезло, что Кит оказался рядом,— проговорила Дороти.
- Доктор Диксон мне все рассказал.— Лилли взглянула на меня и одним этим взглядом сказала все то, что никогда не произнесла бы вслух.
- Я знал, что сама она не спросит о матери и Джекки, поэтому сообщил, что на Мысу полный порядок, а Дэвлин великолепно управляется с хозяйством.
- Да, знаю.
- Хочешь, мы с Китом поможем ему? — предложила Дороти.
- Не надо,— отказалась Лилли.— Там все хорошо.
- Холодность Лилли задевала нас, особенно Дороти, которая была очень вежливой девушкой, но именно душевность, отзывчивость и бесконечная чуткость придали ей храбрости, которой мне недоставало.
- Мисс Дэлглиш, вы не могли бы оставить нас с Лилли наедине? Втроем нам легче разговаривать,— сказала она мисс Дэлглиш.
- Пожилая леди замерла на мгновение, будто вдруг почувствовала себя лишней в нашей маленькой компании с ее полудетскими секретамми, жестокой отчужденностью. Дороти не хотела обидеть мисс Дэлглиш, но так уж получилось.
- Хорошо, Дороти,— проговорила мисс Дэлглиш.— Надеюсь, вы не станете утомлять Лилли. Я выйду из комнаты, но только минут на десять.
- Лилли проводила ее взглядом, и когда мы освободились от тягостного присутствия мисс Дэлглиш, Дороти ласково сказала:
- Мы ведь и вправду можем чем-то помочь.
- Лилли слабо качнула головой:
- Нет, ничем вы помочь не можете. Мне ничего не надо.

Дороти не сдавалась. Она заявила, что снова придет и почитает что-нибудь Лилли, однако та промолчала, не возражая, но и не соглашаясь. Дороти заговорила о школе, учителях, одноклассниках, о своей матери и, наконец, неохотно призналась, что к осени уедет из Сент-Элена.

— Поеду в Каслмейн, в конгрегацию Сестер милосердия.

В кошачьих глазах Лилли промелькнуло осуждение, но она промолчала.

— Прости, Лилли. Не стоило об этом сейчас.

Я видел, что Лилли не хочет поддерживать беседу, но Дороти сумела ее разговорить.

— Я думала, ты год подождешь,— тихо произнесла Лилли.

— Я так и собиралась. Но в конгрегации я буду готовиться в учительницы, и мне советуют не прерывать занятий.

Лилли попыталась приподняться.

— Значит, монахиней ты не будешь?

— Буду. Мне предоставили выбор между миссионеркой и учительницей, и я выбрала школу. Пока учусь, буду послушницей, а уж потом...

Лилли снова легла, а Дороти так погрустнела, что я понял — пора оставить их вдвоем, пусть пооткровенничают, ведь у каждой были свои секреты, которыми они могли поделиться только друг с другом, верные дружбе, зародившейся еще в первые дни их встречи в классе Гудилы.

— Оставляю вас с вашими радостями и печальми,— неуклюже пошутил я, вставая со стула. Ничего лучшего я придумать не мог. Девушки не стали меня задерживать.

— А ты тоже уедешь, Кит? — спросила Лилли.

— Вряд ли. Да мне и незачем.

— Да... — протянула Лилли, а потом мечтательно и даже загадочно добавила: — Сейчас лето.

Говорить мне было не о чем, я подождал немного и попрощался:

— До свидания, Лилли.

Она молча посмотрела мне вслед и, только когда я уже закрывал дверь, отозвалась:

— До свидания, Кит.

Я постарался избавиться от неприятного ощущения, которое вызвала у меня странная атмосфера, царившая в комнате Лилли. Спальня показалась мне слишком стерильной и тесной, поэтому я облегченно вздохнул, пере-

шагнув через ее порог. Спускаясь по лестнице, я увидел Тилли и очень обрадовался ему. От избытка собачьих чувств он подпрыгнул, норовя лизнуть мне руку. Я крикнул мисс Дэлглиш, что ухожу.

— Подожди минутку, Кит,— откликнулась она, выйдя в очках из библиотеки.— Зайди, пожалуйста, ко мне, нам надо поговорить.

Я пошел за ней в библиотеку. На письменном столе Лилли все еще лежали учебники и раскрытые тетради. После полутемной спальни мне приятно было побеседовать здесь с мисс Дэлглиш, хотя первый же ее вопрос меня озадачил.

— Скажи, Кит, мистер Дэвлин чистоplotен?

Мисс Дэлглиш указала на кожаный диван, приглашая меня сесть.

В последний раз я видел Дэвлина голого по пояс возле кухонной двери Стьюбеков. Он мылился, скреб себя щеткой, черпал пригоршнями воду и тер лицо столь истово, будто от этого зависела чистота всего мира, о которой он мечтал.

— Тут он просто фанатик,— ответил я мисс Дэлглиш.— Другого такого во всем городе не найти.

— Мистер Дэвлин хочет навестить Лилли, а я боюсь, чтобы он не нанес микробов из того ужасного дома. Слишком уж он неряшливый.

— Но это не значит, что Дэв не чистоplotен,— возразил я.

— Доктор Диксон говорит, что они торгуют конским навозом.

— Это не Дэвлин, а Джекки,— уточнил я.

— Этот мальчик...— Мисс Дэлглиш сняла очки.— На прошлой неделе он перелез через ограду, чтобы украсть Тилли. Место! — прикрикнула она на встрепенувшегося песика.

Но Тилли упрямо сидел у моих ног. Мисс Дэлглиш вздохнула и попросила меня оказать ей одну услугу:

— Принеси мне, пожалуйста, вещи Лилли.

— С Мыса?

— Да. Я могла бы обратиться к Дороти. Но мне не хочется, чтобы она ходила туда. И потом, ей будет тяжело нести.

— Что надо взять? — поинтересовался я.

— Все,— ответила мисс Дэлглиш.— Так ты поможешь мне?

— А Лилли об этом знает?

— Почему ты спрашиваешь, Кит?
— Она мне ничего не говорила.
— Она многого не знает. Вещи могут понадобиться. Лучше, чтобы их принес ты, чем кто-нибудь другой.
— Дэвлину проще,— предложил я.— У него мотоцикл.
— Я не хочу обращаться к мистеру Дэвлину. Я прошу тебя.

На самом деле мисс Дэлглиш просила меня стать на ее сторону. Мне было ясно, что Лилли не вернется на Мыс. Пожилая леди завоевала определенные преимущества и не собиралась от них отказываться. Разговаривая наедине с мисс Дэлглиш, я спасовал и не мог сказать ей «нет». Да, честно говоря, и не собирался. Я искренне полагал, что выберу сторону Лилли, если помогу ей остаться у мисс Дэлглиш. Ей было лучше жить в старом особняке, с возвращением на Мыс Лилли ничего не обретала, а теряла все. Я даже забыл о Джекки, миссис Стьюбек и Дэвлине, сидя в уютной богатой библиотеке мисс Дэлглиш.

— Хорошо,— согласился я.— Завтра вечером принесу вещи.

— Лилли будет рада,— сказала пожилая леди.

Я ушел из большого дома подавленный. Побывав у Лилли, я живо представил себе, как она неделями лежала в своей постели беспомощная, в полузабытьи, а мисс Дэлглиш, почти не оставляя ее ни на минуту ни днем, ни ночью, была при ней сиделкой, которая не только меняла грязные бинты, но и мыла Лилли, подкладывала под нее судно (которое я видел под кроватью), кормила ее, переодевала, причесывала, читала ей вслух. Мне казалось, что прикованная к постели Лилли полностью потеряла волю к жизни. Она впервые утратила свою независимость и не знала, как ее вернуть.

Глава двадцатая



Я думал, что мисс Дэлглиш в конце концов победила, а Лилли проиграла в их противоборстве, и с тех пор как они отгородились от внешнего мира в особняке, полным напряженной тишины и невысказанных разногласий, Лилли

просто покорилась воле мисс Дэлглиш. Девушка ничем не возмущалась, не возражала, она была равнодушна ко всему на свете. Даже Дороти Малоун заметила, как изменилась Лилли. В отличие от меня Дороти не видела в этом трагедии, однако после второго визита к Лилли она с уверенностью сказала:

— Лилли никогда не вернется на Мыс, Кит.

— Откуда ты знаешь? — удивился я. — От нее?

— Нет, конечно нет. Но знаю...

— Не считает же она, что Дэв будет жить там вечно?

— Мне кажется, Лилли совсем не беспокоится о родных, это так непохоже на нее.

— Пройдет, — сказал я.

— Не думаю, — возразила Дороти.

В душе я согласился с Дороти и отдал свои переменчивые симпатии миссис Стьюбек, Джекки и Дэвлину, которым восхищался. Он помог мне собрать вещи Лилли, аккуратно сложенные в новом комодe, и, даже увидев, что я забираю все, не задавал вопросов и не пытался меня остановить. Я чувствовал себя виноватым перед ним и облегченно вздохнул, когда передал потертый кожаный чемодан (весь в наклейках из Карлсбада, Вены, Парижа, Зальцбурга, Инсбрука и Гармиш-Партенкирхена) мисс Дэлглиш, которая не предложила мне подняться к Лилли. Да я и сам не хотел больше видеть ее в нынешнем состоянии.

Мне не терпелось узнать, о чем разговаривали Лилли и Дэвлин, которому мисс Дэлглиш все-таки разрешила навестить больную. Кстати, Лилли не упоминает об этом в своей черной тетради. Я пошел на Мыс и, застав Дэвлина на кухне, спросил, как себя чувствует Лилли, но он лишь ответил:

— Она велела мне взять собаку.

— Тилли?

— Тилли.

— И ты его забрал?

— Конечно забрал.

— Удивительно, что не возражала мисс Дэлглиш.

— Может, и возражала. Я не знаю, Кит, о чем они разговаривали до моего прихода, но когда я передал мисс Дэлглиш просьбу Лилли, пожилая леди поднялась наверх и через несколько минут вернулась с собакой. «Берите его», — сказала она. Я так и сделал.

— Ну а Лилли, как она себя чувствует?

Дэвлин был похож на Лилли: невозможно было понять, что он думает или переживает, ведь он никогда ни с кем

не откровенничал. Если Лилли порой выдавала себя вспышками гнева, то простодушный Дэв всегда оставался для нас загадкой. По взгляду его голубых внимательных глаз я понял, что он не может ответить на мой вопрос, потому что сам не знает, как себя чувствует Лилли. Я лишь вытянул из него, что она до сих пор лежит в постели, хотя ей давно пора ходить.

— Что ты знаешь о Джозефе Пристли¹, Кит? — спросил Дэв.

— Только то, что он открыл кислород. Ты об этом Пристли спрашиваешь?

— Да, он открыл кислород. Но Пристли известен и как натурфилософ. Он говорил, что совершенство тела проявляется в его движении. Лилли должна встать, ей больше нельзя лежать в постели.

— Может быть, мистер Диксон ей не разрешает.

— Я сказал ему, что он не прав.

— А он что? — рассмеялся я.

— Не хочу повторять, — серьезно ответил Дэв.

— Ты сказал Лилли, чтобы она вставала?

— Конечно.

— А она?

Дэвлин отрицательно покачал головой.

— Лилли начнет ходить, лишь когда сама захочет.

Он спросил, слышал ли я об эвдемонизме Пристли.

— Нет, — сознался я. — А что это такое?

— Это учение о том, что человек может быть поистине счастливым только тогда, когда все вокруг него тоже счастливы. Так считали древние греки.

— Ну а при чем здесь Лилли?

Дэвлин недоуменно посмотрел на меня:

— Ни при чем.

— Я думал, это как-то связано с тем, что Лилли не встает.

— Нет, о ней я уже все сказал, — заключил Дэв.

У него была особая манера перескакивать в разговоре с одного на другое. Ты считаешь, что он продолжает свою мысль, а он уже перешел к новой.

Со временем я проникся к Дэвлину не меньшим интересом, чем к Лилли; мы привыкли, что он живет на Мысу и заботится о Джекки и миссис Стьюбек, и я даже допускал, что ему суждено еще долго оставаться с ними, если

¹ Пристли Джозеф (1733—1804) — английский философ-материалист, химик, общественный деятель.

Лилли не захочет возвращаться домой, когда выздоровеет; ведь и такое могло случиться. Но жизнь рассудила по-своему.

Я знал, что Лилли не изъявляла большого желания меня видеть, и не ходил к ней. Но Дороти и Дэвлин часто бывали в особняке, и я справлялся у них о Лилли, впрочем, в ту пору у меня хватало своих проблем. Я кончил школу, неплохо сдал экзамены, и после жаркого лета мне предстояло чем-то заняться, при условии, конечно, что я найду себе занятие. Большинство моих сверстников слонялось без работы, и я пока не был исключением. В самый разгар депрессии переживал ее и наш город. Поэтому мысли о Лилли отодвинулись на второй план, хотя я продолжал следить за развитием событий в доме мисс Дэлглиш, от которых было трудно полностью отвлечься, ибо развязка «трагедии» еще не наступила.

Если я восхищался Дэвлином, то почти всех в Сент-Элене восхищала самоотверженная мисс Дэлглиш; таинственный особняк по-прежнему вызывал любопытство, поскольку о нынешнем состоянии Лилли известно было мало. Но тайна оставалась тайной, пока Лилли не встала с постели и не начала выходить на улицу. Нас с Дороти возмущало то, что в городе мало кто сочувствовал Лилли, правда, в этом была повинна она сама, ибо никогда не благодарила за участие. Чего же ей было ждать теперь? Кое-кто даже поговаривал, что Лилли нарочно не встает с постели, дескать, ей бы следовало вернуться на Мыс и ухаживать за матерью и братом. Там ее место. Словом, типичная Стьюбек — бродяжка и «цыганка».

Однажды я повстречал Дороти на пыльной дороге, ведущей к Мысу, и она рассказала мне, что Лилли уже потихоньку передвигается на костылях, во всяком случае, может сделать несколько шагов. Лилли явно выздоравливала.

— Уж не собирается ли она вернуться на Мыс? — спросил я.

Дороти покачала головой.

— Вряд ли, Кит, — печально ответила она. — Лилли просто заточила себя в особняке.

Я и сам так думал, поэтому хорошо понимал, что имела в виду Дороти.

В тот день я шел на реку, стояла жара, почти сорок градусов в тени, но Дороти никогда не купалась, не носила открытых платьев. Она готовила себя к тому, что считала своим призванием, и поэтому одевалась очень строго. Сейчас она шла к миссис Стьюбек.

— Дэвлин говорит, что миссис Стьюбек довольно плохо,— сказала она.

— Лилли спрашивает о матери?

— Нет, но Дэвлин ей обо всем рассказывает.

— По крайней мере, о Джекки нечего беспокоиться,— уверенно сказал я.

— Мне было известно, что Джекки по-прежнему ходит по помойкам и Дэвлин не останавливает его.

— Джекки похож на маленькую Лилли,— сказала Дороти.— Он сумеет позаботиться о себе. Меня тревожит миссис Стьюбек.

Я вышел на берег реки, разделся и плюхнулся в воду; в купальне было человек пятьдесят, не меньше. Вдруг я увидел Дороти. Она бежала вдоль забора из колючей проволоки к воде и махала мне рукой.

— Вылезай быстрее, Кпт! — крикнула девушка.— У Стьюбеков что-то случилось.

Я выскочил на берег и начал вытираться полотенцем, не желая натягивать брюки на мокрое тело, но Дороти не переставала размахивать руками:

— Брось ты свое полотенце!

Я побежал к дому Стьюбеков в одних трусах, и когда догнал запыхавшуюся Дороти, она взяла меня за руку.

— Кажется, миссис Стьюбек умерла,— сказала она.

— А где Джекки? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Разве он не на реке?

В купальне было полно девчонок, мальчишек, взрослых, но Джекки я там не заметил.

— Наверное, купается,— ответил я.— Неужели миссис Стьюбек умерла?

— Не знаю. Поэтому и прибежала за тобой.

Я не хотел смотреть на уродливый восковой лик смерти, но Дороти пристыдила меня, и я вошел с ней в пустую комнатенку. Привыкнув после яркого солнца к полумраку, я увидел, что миссис Стьюбек лежит вытянувшись на кровати, ее дряблые руки застыли поверх одеяла, тусклое желтое лицо окоченело.

— Она совсем холодная,— проговорила Дороти.

Я никогда не видел мертвецов, но слышал, как они выглядят, поэтому сразу выскочил из комнаты.

— Миссис Стьюбек умерла,— сказал я Дороти, которая вышла вслед за мной.

— Что же теперь делать?

— С минуты на минуту придет Дэв.

— Думаешь, надо его дожидаться?
— Нет, пойду за доктором Диксоном,— решил я,— а ты побудь здесь и дождись Дэва.
— А как быть с Джекки?
— Он не поможет. Оставь его пока.
— Он ведь кунается.
— Ну и что? — зло сказал я, ибо смерть всколыхнула во мне злобу на все на свете.— Он и без нас все узнает.
— Ладно,— согласилась Дороти.— Только возвращайся побыстрее.

Я оделся и побежал по холму, а потом по главной улице к доктору Диксону; неподалеку от его дома я увидел Дэвлина на мотоцикле; он направлялся на Мыс. Я окликнул его и замахал руками, но Дэв проскочил мимо: его голова, казалось, сама по себе летела по воздуху, глаза были устремлены вдаль. Наверное, он уже видел цель, к которой мчал его мотоцикл.

На мой звонок дверь открыла миссис Диксон; сбиваясь от волнения и от того, что никак не мог перевести дыхание (я всю дорогу бежал), я рассказал ей о смерти миссис Стьюбек и спросил: «Где мистер Диксон?»

— Миссис Стьюбек умерла? — переспросила миссис Диксон.

— Да. Я сам видел.

— Там кто-нибудь есть?

— Дороти Мэлоун,— ответил я.— И наверное, уже приехал Дэвлин.

— Ну, Кит, это опять ты? — грубовато проговорил доктор Диксон, показавшийся в дверях.

У меня немного отлегло от сердца. Доктор велел мне вернуться на Мыс и передать, что будет через час.

— Пусть спустят шторы и закроют дверь, чтобы в комнате было прохладней. Если ты там не нужен, иди домой. Нечего попусту болтаться.

Этого он мог и не говорить. Я припустил назад и, прибежав к дому Стьюбеков, увидел Дэвлина, который вел Джекки с реки.

— Дэвлин решил ему сразу сказать,— вздохнула Дороти.— Все равно не скроешь.

— Может, Дэв и прав,— согласился я, передал ей слова доктора насчет комнаты, где лежала миссис Стьюбек, и подождал, пока она все сделает так, как надо, мне не хотелось снова видеть покойницу. Джекки пришел в облепивших его длинных трусах, за ним плелся Тилли. Джекки спросил у Дороти, где Лилли.

— Она еще не может ходить, Джекки.

— Она не приедет сюда?

— Нет. Во всяком случае, сейчас.

Дэвлин уже все рассказал ему; Джекки ни о чем не спрашивал, не плакал, не ждал, что его пожалеют. Но подходить ближе к дому он не захотел.

— Я туда больше не пойду,— сказал Джекки, повернулся и побежал обратно к реке, по пятам за ним следовал Тилли.

Мы растерянно смотрели ему вслед, будто он взвалил свое горе на наши плечи.

— Бедный мальчик,— проговорила Дороти.— Он ничего не понял.

Я-то знал, что Джекки все понял, только он решил, что без сестры ему тут нечего делать.

— Как быть с Лилли? — спросил я Дэвлину.

— Я сообщу ей,— сказал он.— Тут я и без тебя справлюсь, Кит. Иди домой.

На реку мне уже возвращаться не хотелось, и я оставил Дороти с Дэвлином ждать доктора Диксона. Они стояли в сгущавшихся летних сумерках у входа в кухню. Им, как и Джекки, не хотелось заходить в дом. Я подумал, что у меня теперь тоже вряд ли когда-нибудь появится такое желание.

Глава двадцать первая

Пожалуй, многие у нас ломали голову над тем, как поступит Лилли, узнав о смерти матери. Дороти забрала Джекки к себе, поскольку он боялся спать дома без Лилли и сказал, что проведет ночь на берегу реки. Похоронами занялся Дэвлин, и вскоре стало ясно, что деньги на них дала мисс Дэйглиш. Однако никто не знал вероисповедания миссис Стьюбек. Кому заказывать панихиду? Миссис Стьюбек никогда не посещала богослужений, впрочем, вскоре после приезда Стьюбеков ее видели воскресным днем вместе с Лилли и малышом Джекки у входа в методистскую церковь; похоже, она молилась.

Мы по-прежнему ничего не знали о Лилли; Дэвлин только сказал, что разговаривал с ней и что они решили заказать панихиду мистеру Армитиджу, пресвитерианскому священнику. Наверное, так посоветовала мисс Дэлглиш.

Вряд ли кто-нибудь из бедняков в нашем городе считывал на похороны, каких удостоилась миссис Стьюбек. Правда, день был жаркий, и за ее катафалком ехали лишь я на велосипеде, Дэвлин и босоногий Джекки с Тилли на мотоцикле, а также Дороти, Лилли и мисс Дэлглиш в «мармоне» мистера Мэлоуна. Лилли не вышла из машины на Мысу. Она, как и Джекки, даже не взглянула на застывшее лицо матери. Процессия, которую я замыкал, поднялась на холм, обогнула город, миновала песчаную арену ипподрома, за которой начиналась площадка для гольфа, и, наконец, добралась до кладбища. У нас шутили, что три смертных греха Сент-Элена можно похоронить в одном месте.

Мы все чего-то ожидали от Лилли. У входа на кладбище гроб сняли с катафалка четверо служащих похоронного бюро мистера Рэнсома, до могилы предстояло идти довольно долго. Мы все смотрели на Лилли, которая вылезала из машины. От помощи она отказалась и на тяжелых деревянных костылях последовала за гробом мимо могильных плит и зарослей колючей феникс-травы, которая круглый год цвела на кладбище. Лилли была в трауре (удивительно, как мисс Дэлглиш сумела за один день все устроить) и выглядела несколько странно: бледная и в черном платье, она еще больше походила на цыганку, чем прежде, когда была смуглой и здоровой. Пожалуй, из-за того, что резче обозначились ее темные кошачьи глаза и черные волосы. А еще в лице Лилли появилось что-то злое, будто она (как и я) злилась на смерть, на себя, на весь мир, даже на траву и на всех нас.

Мы стояли у открытой могилы, куда на веревках спускался черный гроб. Лилли, опирающаяся на костыли, что-то быстро сказала Джекки, который держался рядом с сестрой, поставив одну босую ногу на другую. Мы чувствовали себя неловко — слишком разные собрались тут люди. Преподобный Армитидж, необычайно строгий к мирянам — живым и мертвым, наспех пробормотал заупокойную, точно молитва была здесь совсем ни к чему. Мисс Дэлглиш тяжело опиралась на трость, за ней стоял мистер Мэлоун, готовый в любую минуту ее поддержать. Дороти встала рядом со мной. Мы смотрели на Лилли. Она

не плакала, была спокойна и, казалось, лишь ждала конца похорон, которые, собственно, никого из нас не касались. Лилли даже не обращала на нас внимания. И как только траурная церемония завершилась, она повернулась и заковыляла к машине; Тилли увязался было за ней, но она выбросила его из «мармона», выпрямилась, равнодушная ко всему, на заднем сиденье рядом с мисс Дэлглиш, и мистер Мэлоун повез их в особняк.

Глава двадцать вторая

Через два дня после похорон в пять часов вечера Лилли приехала на Мыс с Дэвлином на мотоцикле. Она сидела в коляске, прижимая к груди костыли, а позади Дэвлина виднелся старый кожаный чемодан мисс Дэлглиш, в который я недавно складывал вещи Лилли перед тем, как отнести их в особняк.

Я ловил рыбу чуть выше Мыса вместе с Джекки, который присоединился ко мне с Тилли. Мы подвинулись, услышав треск мотоцикла, и узнали пассажирку.

— Это Лилли со своими костылями, — сказал Джекки.

Мы наблюдали, как она старалась выбраться из коляски, у которой не было дверцы, неловкий Дэвлин не сумел ей помочь, и Лилли просто-напросто вывалилась наружу и упала на спину. Я вздрогнул, а Джекки весело рассмеялся.

— Пожалуй, Лилли вернулась совсем, — сказал я.

— Наверно, удрама от пожилой леди, — предположил Джекки.

— Думаешь?

— Пожилая леди запирала ее у себя, Кит. И никуда не разрешала ходить.

Джекки казалось, что мисс Дэлглиш нарочно не пускала к нему Лилли. Я думаю, что только так он мог себе объяснить, почему сестра оставалась в особняке. Но меня интересовало, как все-таки Лилли освободилась от настоящих пут, которыми связала ее мисс Дэлглиш.

— Ты знал, что Лилли приедет? — спросил я Джекки.

Он снова взялся за удочку, будто приезд Лилли не был для него неожиданностью.

— Откуда? — удивился Джекки.

Я не поверил ему. Я полагал, что Лилли предупредила его о своем возвращении еще на кладбище. Она, видимо, снова решила поселиться на Мысу, когда стояла у могилы матери; я точно не знал, почему Лилли опять покинула мисс Дэлглиш, но было ясно, что смерть миссис Стьюбек так или иначе освободила ее из-под власти пожилой леди.

Мы с Джекки пришли к старой лачуге, но я не зашел туда. Во дворе суетился Дэвлин, он развел огонь в старом баке из-под машинного масла, в котором сжигали мусор. Лилли была в комнате матери. Я увидел ее через распахнутое окно, она сидела на кровати. Услышав, что брат разговаривает с Дэвлином, она позвала его:

— Иди сюда, Джекки. Ты мне нужен.

— Зачем? — подозрительно спросил Джекки.

— Это мое дело. Иди сюда.

— Зачем? — повторил мальчик.

— Джекки, иди сюда, — приказала строго Лилли, и на сей раз он повинился.

Я хотел расспросить Дэвлину о том, что произошло между Лилли и мисс Дэлглиш, но вместо этого у меня вырвалось:

— Что это она делает?

— Хочет все сжечь, — пояснил Дэв.

Тут Джекки выбросил из окна большой узел. В нем были новое платье миссис Стьюбек, туфли, замызганные домашние тапочки, поношенная одежда, которую дарили ей городские благотворительницы. Я увидел тряпки из разорванного нижнего белья, чулки, темные платья, залоснившуюся черную соломенную шляпу с изжеванными полями. Это старье было донельзя перепачкано, как и две целые простыни, такие грязные, покрытые пятнами, что даже Дэвлин не сумел их отстирать.

Я не стал помогать Дэвлину, а он подцепил палкой вещи и швырнул их в огонь. На пороге кухни показалась прихрамывающая Лилли без костылей, она прислонилась к дверному косяку. Лилли держала в руках небольшую деревянную шкатулку.

— Брось-ка это в огонь, будь другом, — попросила меня Лилли, поскольку я оказался рядом; по тому, как она это сказала, я узнал в ней прежнюю Лилли.

Шкатулка была похожа на школьный пенал. Она закрывалась выдвигной крышкой. Как и тряпье, она была

грязная, в пятнах. Я догадался, что в ней хранилось все самое ценное и дорогое, собранное миссис Стьюбек за ее бродячую жизнь. Мне не терпелось рассмотреть, что там внутри, поэтому я не сразу сжег деревянный ящичек, а, сдвинув крышку, начал выкидывать в огонь вещь за вещью.

Много я не узнал, но кое-что для меня стало ясно. Сначала я увидел судебную повестку. Изучать ее не было времени, но я догадался, что в моих руках оказалось официальное извещение о том, что Мэтти взят под стражу. В шкатулке хранились и письма, я развернул их перед тем, как кинуть в огонь. На пожелтевшей рваной бумаге разбежались слова, написанные детским почерком, которые почти невозможно было разобрать. Здесь лежало с полдюжины фотографий. На первой была изображена одна из дочерей миссис Стьюбек — Грейс, Пэнси или Элис, дурачившаяся с кавалером на берегу реки. Были еще фотографии могилы и снимок молодого Мэтти, одетого жокеем, он восседал на хилой лошаденке. На фотографии с загнутыми уголками красовалась миссис Стьюбек в небрежно наде-той шляпе, молодая, полная и очень похожая на цыганку. Последним попался старый снимок, скорее дагерротип, деревенского каменного дома не то в Ирландии, не то в Шотландии, не то в Уэльсе. Я не мог разобрать надписи на фотографии и сунул ее в пламя. Со дна шкатулки я вынул пачку пожелтевших бумаг, перевязанных тесемкой, на миг поколебался — хотел сказать Лилли, что это, может быть, свидетельства о рождении, но ведь она не желала ничего знать о деревянном ящичке, поэтому я бросил в огонь и его, и бумаги.

— Все? — спросил Дэвлин у Лилли.

— Да, — ответила она.

Пламени уже не было видно; из бака валил едкий дым, хотя Дэвлин, который еще не сжег простыни, ворошил горящие бумаги.

— Ты что-нибудь поймал? — обратилась ко мне Лилли, в то время как я пытался уклониться от дыма.

— Рыбин пять или шесть. Хочешь, отдам тебе?

Она качнула головой, повернулась к порогу и заковыляла обратно в дом.

— До свидания, Кит, — отрезала Лилли, как обычно, когда не желала разговаривать.

— Пока, — бросил я и побрел по холму домой, размышляя о Лилли. Казалось, будто она вновь неожиданно вер-

нулась к прежней жизни, но я-то знал, что это было не так, ибо не забывал о мисс Дэлглиш.

На следующий день Лилли как ни в чем не бывало принялась за домашние дела в особняке. Дэвлин — он опять переехал в свой пансион — по утрам сажал Лилли, которая пока не расставалась с костылями, на мотоцикл и доставлял ее к большим деревянным воротам. Он подкапывал к ним снова в пять вечера и отвозил Лилли обратно на Мыс, все шло своим чередом, будто никогда и не было иначе.

Переезд на Мыс стал для Лилли освобождением, хотя для мисс Дэлглиш он означал нечто иное, ибо с той поры она начала таять прямо на глазах. Мы не сразу это заметили, потому что редко ее видели. А если и видели, то всегда с Лилли во время их утренних субботних прогулок. Лилли быстро избавилась от костылей и ходила теперь с тросточкой, поэтому на первый взгляд казалось, будто это ради нее мисс Дэлглиш нарушала привычное уединение.

Надо было видеть, как они запирали за собой большие ворота и неторопливо шли (обе с тросточками) по магазину, на почту. Казалось, для Лилли и пожилой леди никого не существовало на целом свете, кроме них самих, они были настолько неразлучны, что даже посторонним бросалась в глаза их необъяснимая зависимость друг от друга. Как правило, они молчали, а если и говорили, то почти одинаковыми голосами, потому что Лилли все больше и больше походила на мисс Дэлглиш. Трудно было сказать, кто кого вел. Они напоминали пару, танцующую фокстрот, одна исполняла роль кавалера, другая — роль дамы. Когда Лилли еще всю хромала, темп задавала мисс Дэлглиш. Но по мере того как девушка набирала силы, мы замечали, что мисс Дэлглиш уже не попевала за ней. И уже Лилли подчиняла ее себе. Уже Лилли заглядывала в магазины и решала, что купить; и когда мисс Дэлглиш поняла, что ведущей ей больше не быть, она перестала выходить на субботние прогулки и впредь не покидала дом за высокой деревянной оградой.

Если бы мы догадывались, как плохи ее дела, то проявили бы к ней больше участия. Но, привыкнув к тому, что она ведет замкнутый образ жизни, мы по-прежнему думали, будто здоровье ее несокрушимо: никому и в голову не приходило, что силы ее на исходе; шли недели, и Лилли незаметно стала и экономкой, и кухаркой, и сиделкой мисс

Дэлглиш. А когда девушка начала передвигаться без тросточки, слегка прихрамывая, временная прислуга, миссис Смит, обнаружила, что для нее нет работы в особняке. Лилли не нуждалась в ее помощи. И теперь только старый мистер Уоллес (врач мисс Дэлглиш) да Дороти Мэлоун знали, что происходит за высокой деревянной оградой. Больше туда никому приходиться не разрешалось, и о Лилли мне рассказывала Дороти, всегда бравшая с меня обещание хранить секреты.

— Я буду с тобой откровенна, Кит. Но Лилли никогда мне не простит, если по городу будут ходить сплетни.

— Какие сплетни?

— Разные. О том, как они там живут.

— А как они живут? Что-нибудь изменилось?

— Как тебе сказать, мисс Дэлглиш почти не встает с кресла. Только по утрам сходит вниз, а по вечерам поднимается в спальню, на большее, пожалуй, у нее не хватает сил. И целый день сидит в библиотеке.

— А что делает Лилли?

— Все. Она приезжает в восемь утра, помогает мисс Дэлглиш одеться, готовить завтрак, обед, убирается, в общем, ведет хозяйство. Туда попадаешь, Кит, как в глухой колодец.

— Так было и раньше, — сказал я.

— Пожалуй. Но теперь они совсем отгородились от всех, а мисс Дэлглиш не может и шагу ступить без Лилли.

Лилли еще не знала, что дни мисс Дэлглиш сочтены (я и сам узнал об этом от Дороти гораздо позднее), а пока, хотя мисс Дэлглиш становилось все хуже и хуже, Лилли готова была к болезни долгой и затяжной, но не ожидала скорой смерти. Впрочем, трудно сказать, о чем на самом деле думала или догадывалась Лилли, поскольку она не написала об этом в своем дневнике. В ту пору она вообще его редко открывала.

Мы поняли, что мисс Дэлглиш опасно больна, когда Лилли навсегда покинула Мыс и вновь поселилась в особняке. Такие переезды всегда знаменовали серьезные перемены в ее жизни, а нынешний, как рассказала мне Дороти, был вызван тем, что мисс Дэлглиш нельзя уже было оставлять на ночь одну. Она больше не могла спускаться вниз, и Лилли попросила Дэвлину перенести вторую кровать из своей спальни (ее втащили наверх во время болезни Лилли садовник и доктор Диксон) в комнату мисс Дэлглиш.

Лилли стала полновластной хозяйкой в доме. Родственники мисс Дэлглиш жили далеко от Сент-Элеа и не могли за ней ухаживать. До сих пор помню ее старого кузена с огромной лысиной, который как-то приезжал к ней из Мельбурна на голубом «роллс-ройсе». У нас любили поговорить о племянниках пожилой леди, их хорошо знали в светских кругах Сиднея, Мельбурна, Аделаиды, потому что они принадлежали к другой ветви родового древа Дэлглишей — более именитой и могущественной. Но племянники никогда не навещали мисс Дэлглиш. Главное место в ее жизни занимали теперь Лилли, доктор Уоллес и поверенный Дж.-К. Стрэпп, который вел дела пожилой леди и поэтому часто мелькал у ворот особняка. Конечно, доктор Уоллес и мистер Стрэпп могли найти сиделку и прислугу для мисс Дэлглиш, но она, должно быть, решительно этому воспротивилась: хотела, чтобы за ней ухаживала одна Лилли. Девушка играла теперь роль, отведенную ей судьбой, а точнее пожилой леди, с самого начала. Она останется с мисс Дэлглиш до последнего часа, пока та будет в ней нуждаться.

Но Лилли снова доказала нам, что не совсем покори-лась воле мисс Дэлглиш. Вскоре после ее возвращения в особняк мы увидели, что там поселился и Джекки. В конце концов он присоединился к двум жевщинам за высокой деревянной оградой; ночевал Джекки, по словам Дороти, в спальне Лилли, а сама она перебралась в комнату к мисс Дэлглиш. Дотошные горожане и просто сплетники останавливали Джекки, чтобы разузнать о мисс Дэлглиш, но он приводил их в недоумение, отвечая на все вопросы одно и то же: «Ничего не знаю. Ни разу не видел пожилую леди». Мальчик теперь бегал по разным поручениям — в магазины, в аптеку, на почту, в банк за деньгами. Сама Лилли перестала выходить на улицу даже по субботам. Она снова оказалась запертой в особняке, только на этот раз выполняя миссию, давно ей уготованную.

— Как это ужасно и грустно,— сказала мне однажды Дороти.— Мисс Дэлглиш просто впивается в Лилли глазами. Она с трудом двигается, и Лилли часами ей читает, граммофон перенесли в комнату мисс Дэлглиш, поэтому им есть чем заняться. Они по-прежнему кажутся удивительно чопорными, холодными, хотя, как всегда, прекрасно понимают друг друга и без слов. Правда, кое-что изменилось, Кит,— мисс Дэлглиш умирает, и Лилли об этом знает.

Я очень хорошо помню ту последнюю неделю, потому что она началась для меня с обычного, бесконечно долгого выступления Дэвлина на углу улицы о его любимой утопии. В конце концов, он дошел до Нагорной проповеди, и хотя я довольно хорошо знал Новый завет, мне никогда еще не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь трактовал пятую главу евангелия от Матфея так, как наш Дэв. Для него она стала философской основой будущего утопического общества, которое можно легко построить, если только для этого возникнут условия. В поучениях Христа Дэвлин видел не догматы христианства, а скорее нравственные критерии новой социальной системы, и он подробно останавливался на каждом, словно со временем им непременно должны были следовать где-то на земле. Ведь блаженны же нищие, ибо их есть Царство Небесное. Не это ли главная мысль утопии? Он говорил о том, что блаженны кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые и чистые сердцем. Вот добродетели людей, которых можно назвать «солью земли». И разве не безупречен для идеального общества известный наказ Христа — «...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Это были последние слова, произнесенные Дэвлином на углу улицы, его прервал Джекки, прибежавший с поручением от Лилли.

— Давай быстрее! — подтолкнул он и меня своими сложенными клешней пальцами. — Лилли велела тебя тоже привести, если встречу.

— Зачем?

— Откуда я знаю? Она просила повториться.

Я сел в коляску, Джекки устроился за спиной Дэвлина, и мотоцикл с ревом понесся по главной улице, к особняку. У Джекки были ключи от ворот. Когда мы вошли в дом, повсюду горел свет.

— Мы здесь! — крикнул Джекки, подойдя к лестнице.

Лилли сошла вниз и рассеянно посмотрела на нас, словно мы тут были ни к чему. Необычайно опрятная, с чистыми, тщательно уложенными волосами, она, казалось, заранее выбрала платье, туфли.

— Я хочу, чтобы вы перенесли мисс Дэлглиш вниз, в библиотеку, — проговорила Лилли. — Поднимитесь со мной.

— И ты иди с нами, возьмешь подушку, — сказала она Джекки паверху.

Мы повиновались, не задавая лишних вопросов, и когда

я следом за Лилли вошел в спальню мисс Дэлглиш, у меня возникло странное ощущение, будто этот дом стал теперь для Лилли своим. Оно не исчезло, даже когда я увидел мисс Дэлглиш, которая лежала на кровати, поблескивавшей латуњью, среди множества вещей и вещей, в окружении которых протекали дни богатой старой девы; она жила в своем замкнутом, неведомом нам мире. Здесь были в основном картины французских модернистов, японская живопись по шелку, дорогие безделушки, на каминной полке стояли маленькие скульптурки; на стенах висело множество фотографий улыбающихся девушек и молодых людей; они были сняты группками или поодиночке на городских площадях, на фоне альпийских пейзажей, на гостиничных балконах курортов у минеральных источников, перед фасадами дворцов, среди древних развалин. Это была комната воспоминаний о Европе, но теперь она же служила больничной палатой, и я заметил, что Лилли весьма ревностно исполняла здесь свой долг. Мисс Дэлглиш выглядела чистой, опрятной, постель была аккуратно расправлена, лекарства находились под рукой, да и вся комната была тщательно прибрана. Из-под кровати виднелось судно, на столике лежали стопкой книги, стоял граммофон, рядом — стул, на котором, вероятно, сидела Лилли, когда читала или меняла пластинки. У двери была еще одна кровать, аккуратно заправленная, накрытая белоснежным покрывалом; на ней спала Лилли.

«Как они похожи», — подумал я, глядя на Лилли и мисс Дэлглиш.

Я подошел к кровати ближе, чтобы присмотреться к мисс Дэлглиш, меня поразил ее изнуренный вид; лицо заострилось, глаза стали непривычно большими.

Лилли собрала ей волосы в маленький пучок, отчего она напоминала покойницу, но ее тонкие губы по-прежнему оставались строгими.

— Добрый вечер, Кит. Добрый вечер, мистер Дэвлин, — проговорила она.

— Добрый вечер, — ответили мы.

Даже эти несколько слов истощили ее силы. Она уже смотрела не на нас, а на Лилли, которая прикидывала, как поудобнее перенести больную вниз.

— Кит, ты сможешь поднять ее с постели один? — спросила Лилли.

— Пожалуй, — ответил я и шепнул: — Она совсем ослабела. Зачем ее тревожить?

— Так она захотела, — отрезала девушка.

Я не стал спорить.

— Ладно.

Лилли откинула одеяло, а я осторожно просунул одну руку под плечи, другую под талию мисс Дэлглиш и попробовал ее поднять. Она была почти невесомой, я почувствовал запах старческой кожи и усохшего тела. У меня на руках лежали прямо-таки косточки в ночной рубашке.

— Дэвлин, поддержи с другой стороны,— попросила Лилли.

Я приподнял мисс Дэлглиш, и Дэвлин поспешил мне помочь, но его руки запутались в ночной рубашке, мы наступали друг другу на ноги.

— Не надо,— простонала мисс Дэлглиш, словно он причинил ей боль.

— Отойди,— приказала девушка Дэвлину.— Кит справится сам.

Я вынес мисс Дэлглиш из комнаты и спустился вниз, держа ее на руках, легкую, будто узелок с тряпичками; интересно, что ей вспоминалось, когда наша процессия, состоящая из меня, Дэвлины и маленького трехпалого Джекки, двинулась вниз. Она не отрывала взгляда от Лилли, которая осторожно спускалась впереди лицом к нам и следила за каждым моим движением. Я бережно положил мисс Дэлглиш на большой кожаный диван в библиотеке. Лилли взяла подушку у Джекки, приподняла голову больной, поддерживая ее, пока мы укладывали мисс Дэлглиш поудобнее.

— Осторожно,— беспокоилась Лилли.

Она быстро накрыла мисс Дэлглиш одеялом, хотя вечер был жаркий; какое-то мгновение мы растерянно смотрели друг на друга, не зная куда себя деть.

— Спасибо. Мне хорошо,— поблагодарила мисс Дэлглиш слабым шепотом, в котором невозможно было узнать ее прежний властный голос.

— Теперь идите,— сказала Лилли и велела Джекки закрыть за нами ворота.

Пожалуй, я уже тогда почувствовал, что мисс Дэлглиш не доживет до утра. Не знаю, почему она предпочла библиотеку спальне. Наверное, хотела умереть, не думая о смерти. Она хотела, чтобы везде горел свет, а главное, чтобы с ней была Лилли и больше никто. Я совсем не удивился, когда утром позвонила Дороти Мэлоун и сказала, что в два часа ночи мисс Дэлглиш умерла.

Глава двадцать третья

Это было крупным событием для нашего городка. Присутствие мисс Дэлглиш всегда ощущалось здесь, даже когда мы видели ее лишь изредка. И вот теперь ее не стало. Множество народу перебивало в особняке, пока готовились похороны: городские власти, юристы, врачи, представители похоронного бюро. Было заметно, что слово Лилли в этом доме по-прежнему имеет вес. Именно она принимала всех, кто приходил сюда.

Адвокат Дж.-Н. Стрэпи позвонил в воскресенье мельбурнским Дэлглишам, и на другой день поездом прибыли два солидных джентльмена, чтобы проводить во вторник свою родственницу в последний путь. Они наведались в особняк, но не остановились там. Они отиравились за реку к Эаризам, которые были в отъезде и специально вернулись на похороны. Во вторник утром большой катафалк-«додж» мистера Джеймисона выехал из больших ворот, за ним вереницей потянулись легковые машины, грузовики, кабриолеты, мотоциклы со всеми значительными людьми города: врачами, адвокатами, чиновниками, владельцами магазинов и баров, торговцами и даже крупными фермерами, живущими по обе стороны реки; тут были мой отец, миссис Ройс, которой принадлежала местная газета, а также десятки людей, хотя и незначительных, однако имевших причины присоединиться к траурной процессии.

Была тут, разумеется, Лилли.

Она сидела в коляске на мотоцикле Дэвлина. Дороти сказала мне, что Лилли была приглашена в машину мистера Мэлоуна, но отказалась. Я ехал за мотоциклом на своем велосипеде; на кладбище к нам присоединилась Дороти Мэлоун, и спустя несколько минут мы уже замыкали длинную процессию важных джентльменов и дам, шествовавших за гробом к могиле. Лилли не надела черного платья, в котором хоронила мать, она была в темно-синем костюме с белой окантовкой. Полная сил и здоровья; она выглядела слишком свежо для подобного случая.

Лилли интересовала меня, пожалуй, больше, чем похороны, потому что всегда было трудно предугадать, как она себя поведет. Я помнил то ощущение на похоронах ее ма-

тери, будто мы лишние. Тогда она отлучила нас от себя. На сей раз вид у нее был едва ли не безразличный. Она не подошла к могиле, а стояла в стороне. Лилли держала Дороти за руки, оставаясь с Дэвлином и со мной за последними рядами толпы, откуда мы только слышали траурную церемонию, но ничего не видели. Кто-то, наверное мистер Стрэпц, пригласил волынщика исполнить шотландские похоронные песни, и парикмахер мистер Макинтош в клетчатой юбке и с клетчатым пледом заиграл на своей волынке. Ее заунывные звуки полетели над старым кладбищем, почти зримые, словно вечерняя дымка.

Мы догадались, что церемония закончилась, так как народ начал расходиться. Я было тоже пошел с кладбища, но Лилли удержала меня:

— Подожди минутку, Кит.

Она крепко взяла за руки меня и Дороти, и мы вчетвером остались, а мимо к выходу потянулись люди. Некоторые раскланивались с Лилли — доктор Диксон, миссис Ройс, Эризы и другие. Они смотрели на нас с любопытством, а мы не двигались с места. Наконец кладбище опустело, и мы увидели могильщиков, бросавших землю в глубокую яму. Я только сейчас почувствовал, как сильно Лилли сжала мою руку.

Мы слышали шум машин, мотоциклов, грузовиков, отъезжавших по песчаной дороге. Потом затихло плепанье лопат, выравнивавших могильный холмик, и мы остались одни.

— Подведи меня туда, Кит, — попросила Лилли и, отпустив руку Дороти, пошла нетвердым шагом по тропинке к холмику, усыпанному бессмертниками, которые обычно росли в наших садах летом.

— А теперь ступай, — проговорила девушка. — Я вернусь домой сама.

— Отсюда идти две мили, — возразил я. — Ты не очень хорошо выглядишь.

— Ничего, — ступай, Кит, — повторила Лилли. — Ихвати остальных.

— Хорошо, — сказал я наконец, когда Лилли слегка подтолкнула меня.

Я сказал Дороти и Дэвлину, что Лилли хочет побыть одна. Они, правда, решили дожидаться ее, но я убедил их не беспокоить Лилли, и мы неторопливо побрели к старым воротам кладбища, где напоследок обернулись.

Лилли стояла на коленах, или нет, она просто сидела на корточках, точно ребенок, который приготовился ждать

и слушать. Я вспомнил тот день, когда она вот так же сидела на поле мистера Хислопа и, словно маленькая дикарка, слушала, как засыпают помидоры. Сейчас лица ее не было видно, облик был спокоен, но я знал, что она осталась наедине с мисс Дэлглиш, как всегда, когда никто не мог их услышать, увидеть, узнать, что у них происходит. Конечно, ей нельзя было мешать.

— Бедняжка,— проговорила Дороти, вся в слезах. Она хотела вернуться к Лилли.

— Не надо, Кит прав,— сказал Дэвлин.— Не тревожьте ее. Все будет в порядке.

— Но это же ужасно,— всхлинула Дороти.

— Пошли,— сказал я ей, взял за руку, и на дребезжащем мотоцикле Дэвлина мы уехали с кладбища, словно почувствовав себя незваными гостями, которым лучше незаметно исчезнуть.

Мы проехали совсем немного, всего лишь до ипподрома, когда увидели Джекки и Тилли.

— А где Лилли? — спросил Джекки, заметив в коляске Дороти.

— Она вернется сама,— ответила Дороти.

— Что с ней?

— Ничего особенного. Придет попозже. Садись позади меня,— предложил я.

Джекки обхватил меня руками, Тилли прыгнул в коляску к Дороти, а Дэвлин включил первую скорость. Он отвез сначала Дороти, потом Джекки (к мисс Дэлглиш), затем подъехал к моему дому.

— Как ты думаешь, Дэв, что будет с Лилли? — спросил я, слезая с мотоцикла.— Что она будет делать?

— Честное слово, не знаю, Кит,— ответил Дэв.— Скорее всего, она и сама не знает.

Глава двадцать четвертая

Лилли продолжала жить в старом доме, словно была наследницей мисс Дэлглиш, которая, собственно, этого и хотела.

Мистер Стрэпп огласил ее завещание: Лилли получала во владение с ограниченными правами дом и все, что в до-

ме, а кроме того, весьма щедрую пожизненную ренту. В завещании было оговорено, что Лилли обязана постоянно жить в этом доме и поддерживать в нем порядок. Еще кое-что было завещано садовнику и миссис Питерс. Если Лилли нарушит условия завещания, то наследницей объявлялась лондонская племянница мисс Дэлглиш. В приписке указывалось, что проживание в доме брата Лилли «Джона» не является нарушением условий, Мыс же надлежало продать.

Я рассмеялся, услышав за обедом от отца об условиях завещания.

— Значит, победа будет все-таки за ней!

— За кем? — удивился отец. — О ком ты говоришь?

— О мисс Дэлглиш, — пояснил я. — Лилли Стьюбек прекратит существовать ради второй мисс Дэлглиш. Этого и добивалась пожилая леди.

— Глупости, — ответила мама. — Лилли повезло. Подумать только, просто невероятно для девушки из такой семьи.

— В том-то и дело, — махнул я рукой, ибо никогда не мог объяснить родителям, какая она — Лилли.

Все в городе, кроме меня, считали, что ей невероятно повезло. Дороти Мэлоун тоже полагала, что подруга благодаря мисс Дэлглиш наконец-то получила то, чего заслуживала. Но я-то знал, что все здесь сложнее, чем кажется на первый взгляд, и поэтому не удивлялся, когда в следующее воскресенье к нам пришла ошеломленная Дороти и сказала:

— Лилли уехала, Кит. Они все уехали. Дэвлин тоже.

— Куда?

— Не знаю, — ответила Дороти. — Взяли да уехали.

— Лилли ничего тебе не сказала? — удивился я.

— Ничего. Совсем ничего. Лилли зашла ко мне вечером накануне отъезда и предупредила только, что из вещей мисс Дэлглиш возьмет лишь черную тетрадь, в которой та делала свои записи. И еще она просила передать тебе вот это.

Дороти протянула коричневый конверт, в котором лежала черная тетрадь самой Лилли, а в тетради я нашел листок, исписанный по-детски крупным почерком.

«Дорогой Кит! Я подумала, что это может тебя заинтересовать, ведь ты единственный, кто знает кое-что обо мне, не считая Дороти. Когда прочитаешь, сожги тетрадку. Лилли».

Дороти заплакала.

— Почему она это сделала, Кит? Почему она уехала?

— Из-за мисс Дэлглиш,— ответил я Дороти.— Это старая история.

— Но мисс Дэлглиш умерла.

— Только не для Лилли.

— Чепуха какая-то.

— Может быть...

Когда в городе стало известно об отъезде Лилли, многие говорили, что это обычная ее неблагодарность. Лилли оказалась от своего счастья да и от дома. Мисс Дэлглиш напоследок позаботилась о Лилли, какое же та имела право отвергнуть столь щедрый дар?

Наверное, никто, кроме меня, не сумел бы ответить на этот вопрос, я-то знал, что Лилли не могла поступить иначе. Долгие годы она оказывалась у той самой черты, за которой благодарность переходила в зависимость. Лилли уже не раз приходилось решать свою судьбу, и теперь она сделала очередной выбор, каких немало предлагала ей жизнь или мисс Дэлглиш. Ныне он означал: быть самой собой или второй мисс Дэлглиш. Немало людей попросту считали, что в Лилли проснулась «цыганка». Я же знал, что проснулись в ней те несокрушимые силы, которые и прежде поднимали Лилли на ноги, если судьбе, например, в лице мисс Дэлглиш, удавалось поставить ее на колени.

Как ни странно, никто не удивился тому, что Дэвлин уехал вместе с нею. Он вечно слыл чудачком, и еще одним его чудачеством стало больше, только и всего. Дэвлин уехал также незаметно, как и появился; он увез и свою утопию, и Лилли, и трехпалого Джекки, и Тилли. Но куда? Впрочем, какое это имело значение. Он оставил на станции большой ящик для пересылки в Бендиго, вот и все, что мы узнали.

Для нас они как бы исчезли с лица земли... Через полгода племянница мисс Дэлглиш вывезла всю обстановку из особняка, продав его миссис Ройс, которая в нем и поселилась. А спустя год я встретил счастливую Дороти в монашеской одежде, мы расспрашивали друг друга, не слышно ли что-нибудь о Лилли, Джекки и Дэвлине, но уже догадывались, что следы их, вероятно, потеряны навсегда.

— И все-таки хочется узнать, как они живут,— сказала Дороти.

Мне и самому хотелось бы узнать, как они поживают: Дэвлин, веривший в Утопию, и Лилли не верившая в чудеса. Кем они стали друг для друга? Это зависело от Лилли. Если утопия увлечет ее, то именно Лилли укажет Дэвлину верный путь, но руководствуясь не Нагорной проповедью, а другим апостольским заветом, ибо у Луки где-то сказано, что у кого нет меча, тому нужно продать одежду, но купить меч, а еще лучше два.

По-моему, Лилли и Дэвлин прекрасно подходили друг другу, и я благодарен им обоим, тем более что место Дэвли-на в нашей газете досталось мне, и чтобы завершить эту историю счастливым концом, скажу, что никогда не жалел об этом.

Содержание

ОХОТНИК

Перевод И. Кашкина

| | |
|-------------------------------|-----|
| Глава первая | 7 |
| Глава вторая | 31 |
| Глава третья | 45 |
| Глава четвертая | 53 |
| Глава пятая | 62 |
| Глава шестая | 80 |
| Глава седьмая | 90 |
| Глава восьмая | 99 |
| Глава девятая | 114 |
| Глава десятая | 120 |
| Глава одиннадцатая | 126 |
| Глава двенадцатая | 139 |
| Глава тринадцатая | 144 |
| Глава четырнадцатая | 151 |
| Глава пятнадцатая | 156 |
| Глава шестнадцатая | 160 |
| Глава семнадцатая | 168 |
| Глава восемнадцатая | 185 |

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД
Перевод Н. Трениной и Е. Суриц

| | |
|------------------------------|-----|
| Глава первая | 199 |
| Глава вторая | 212 |
| Глава третья | 222 |
| Глава четвертая | 233 |
| Глава пятая | 244 |
| Глава шестая | 265 |
| Глава седьмая | 275 |
| Глава восьмая | 285 |
| Глава девятая | 293 |
| Глава десятая | 302 |
| Глава одиннадцатая | 314 |
| Глава двенадцатая | 321 |
| Глава тринадцатая | 334 |

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ЛИЛЛИ СТЬЮБЕК
Перевод Л. Огульчанской

| | |
|-------------------------------|-----|
| Глава первая | 341 |
| Глава вторая | 350 |
| Глава третья | 358 |
| Глава четвертая | 361 |
| Глава пятая | 369 |
| Глава шестая | 374 |
| Глава седьмая | 377 |
| Глава восьмая | 390 |
| Глава девятая | 400 |
| Глава десятая | 417 |
| Глава одиннадцатая | 421 |
| Глава двенадцатая | 425 |
| Глава тринадцатая | 435 |
| Глава четырнадцатая | 450 |
| Глава пятнадцатая | 454 |
| Глава шестнадцатая | 460 |

| | |
|------------------------------------|-----|
| Глава семнадцатая | 466 |
| Глава восемнадцатая | 473 |
| Глава девятнадцатая | 476 |
| Глава двадцатая | 485 |
| Глава двадцать первая | 491 |
| Глава двадцать вторая | 493 |
| Глава двадцать третья | 502 |
| Глава двадцать четвертая | 504 |

Олдридж Дж.

О-53 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Охотник; Последний взгляд; Правдивая история Лилли Стьюбек: Романы: Пер. с англ.— М.: Худож. лит., 1986.— 510 с., портр.)

В первый том «Избранных произведений» известного английского писателя-коммуниста Джеймса Олдриджа (р. в 1918 г.) вошли психологические романы, написанные в разное время и показывающие рост писательского мастерства, широту интересующих его тем и проблем,— «Охотник» (1950), «Последний взгляд» (1977), «Правдивая история Лилли Стьюбек» (1982).

О $\frac{470300000-283}{028(01)-86}$ 153-86

ББК 84.4Вл

**ДЖЕЙМС
ОЛДРИДЖ**



**Избранные
произведения
в 2-х томах**

Том I

Редактор *М. Тюнькина*. Художественный редактор *Л. Калитовская*. Технический редактор *В. Нефедова*. Корректоры *О. Старобьвеса* и *М. Чупрова*. ИБ № 4173. Сдано в набор 05.12.85. Подписано в печать 20.06.86. Формат 84×108¹/₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обык. новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88+1 вкл. 26,93. Усл. кр.-отт. 26,93. Уч.-изд. л. 28,15+ +1 вкл.=29,19. Тираж 200 000 экз. Изд. VI-2117. Заказ № 5—763. Цена 3 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Киевская книжная фабрика. 252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.